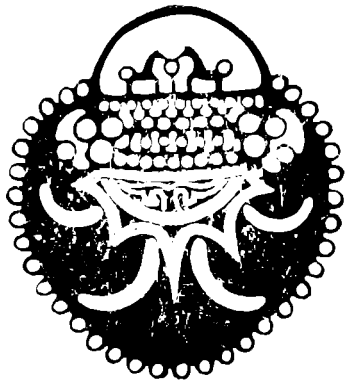
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



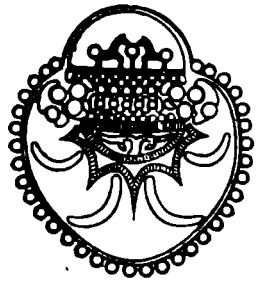
2

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Е. И. Крупнов,
Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

ответственный секретарь *Р. М. Мунчаев*

Адрес редакции:
Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-02492 Подписано к печати 20/III-1964 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л.
Печ. л. 23,8 Уч.-изд. л. 24,3 Тираж 1960 Заказ

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

Н. Н. ГУРИНА, Г. М. КОВНУРКО

ШАХТЫ ПО ДОБЫЧЕ КРЕМНЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Процесс добычи сырья для изготовления орудий труда в эпоху каменного века — один из важнейших элементов производства первобытного общества.

Изучение процесса производства в особенности важно для ранних этапов развития человеческого общества. В период каменного века степень совершенства орудий труда может стать мерилом развития не только производительных сил, но и всего духовного облика человека, показателем степени познания им внешнего мира. В этой связи особенно большое значение приобретают древние горные выработки и мастерские по первичной обработке добытого сырья, без изучения которых наши представления о степени технического прогресса и, в большей мере, общественных отношений являются недостаточными и неполными.

С накоплением производственного опыта изготовления каменных орудий и возрастающими потребностями в крупных топорах и теслах, употреблявшихся для изготовления лодок, домостроительства, а в более южных районах — для вырубки леса под пашню, в неолитическую эпоху начинается интенсивная добыча различных пород камня и, в первую очередь, кремня. Вступают в строй и новые, ранее не использовавшиеся виды сырья, обладающие прекрасными качествами, но трудные для обработки. Очень показательно в этом отношении привлечение сибирскими неолитическими племенами в качестве сырья нефрита, не использовавшегося на протяжении всего палеолита.

Параллельно освоению новых пород камня люди неолитического времени не удовлетворяются видами сырья, залегающими на поверхности, и делают попытки проникнуть в недра земли. Именно к эпохе неолита и относятся основные древние горные выработки, известные в настоящее время. Однако не исключена возможность зарождения их и в мезолите, а возможно, и в верхнем палеолите, как думают некоторые польские ученые в связи с исследованием источников сырья для орудий свидерской культуры.

Даже простейшие горные выработки, имевшие вид неглубоких ям, обеспечивали человеку массу высококачественного материала, что способствовало выработке новых, более совершенных приемов техники изготовления орудий, массовое их производство, что, в свою очередь, влекло за собой развитие обмена, расширение межплеменных связей, а следовательно, и технический прогресс. Развитие горного дела вызвало и предпосылки к разделению труда.

Изучению кремневых выработок в Западной Европе посвятили силы многие исследователи, начиная с 70-х годов прошлого столетия. Наибольшую известность получили открытые выработки и шахты в юго-восточной Англии — Сиссбури, Граймс-Грейвс, на северо-востоке Франции — Мюр-

де-Барре; в Бельгии — Спиенна и в Польше — Кшеменки Опатовские, выработки близ Кракова и Бембло. Известны шахты в Скандинавии и Северной Америке.

Одной из интереснейших горных выработок заслуженно считается Спиенна, известная с 40-х годов прошлого столетия, когда на поверхности около 100 акров земли было найдено огромное количество отщепов и полузаконченных орудий. Земляными работами при постройке железной дороги были вскрыты дочетвертичные слои, в толще которых обнаружились шахты по добыче кремня. Археологические исследования, начатые в 1867 г. учеными Ф. Корне и А. Бриаром, позволили вскрыть целую серию памятников — шахты, мастерские и поселения [1].

Там, где кремень залегал недалеко от поверхности, он добывался с помощью открытых горных выработок; в тех же местах, где мел перекрывался четвертичными отложениями, в Спиенне были пройдены шахты, самая крупная из которых достигала глубины 15 *м*. Ствол шахты имел строго вертикальное направление, округлое поперечное сечение диаметром от 60 —80 *см*. К устью и дну диаметр шахты увеличивался. Достигнув слоя кремня, шахта сильно расширялась и продолжалась горизонтально, следуя за стяжениями кремня. Штреки (горизонтальные коридоры) имели неправильные очертания, они соединялись друг с другом. Высота их колебалась от 0,5 до 2 *м*, ширина — от 1 до 2,5 *м*. Древние шахтеры пересекали десять слоев кремня и приступали к разработке лишь одиннадцатого, обладавшего наиболее высоким качеством.

В непосредственной близости от шахт располагались мастерские по первичному расщеплению кремня и производству заготовок топоров.

Не менее важны для изучения древнего горного дела разработки кремня у Мюр-де-Барре во Франции, открытые в 1883 г. М. Булем и Е. Картальяком [2]. Максимальная глубина вертикальных выработок здесь равнялась 15 *м*. Как и в Спиенне, шахтеры пересекали несколько пластов кремня, прежде чем приступили к разработке высококачественного. Штреки расходились в различных направлениях по плоскости пластов кремня. В местах расширения штреков для предотвращения обвалов были оставлены невыбранными участки, выполнявшие функцию крепежных столбов. Шахты оказались заполненными материалом, попавшим туда, по-видимому, в процессе углубления соседних выработок.

Вблизи шахт и в Мюр-де-Барре были обнаружены мастерские по изготовлению кремневых орудий.

Подземные горные выработки в Сиссбури, на юго-востоке Англии, были исследованы Фоксом в 1868—1869 гг. Вертикальные выработки (их было не менее шести) соединялись под землей штреками. На отдельных участках штреков имелись расширения, потолок которых подпирался крепежными столбами. Некоторые штреки соединялись узкими отверстиями — окнами, служившими для вентиляции. На полу некоторых шахт и в камерах найдены остатки очагов, обугленные деревья, обломки сосудов, кости животных и многочисленные отщепы кремня.

Около шахт, как и в первых двух случаях, были найдены многочисленные углубления — мастерские, исследованные Фоксом и Харрисоном [3].

---

[1] F. L. Cornet, A. Briart. Sur l'âge de la pierre polie et les explotation préhistorique de silex dans la province de Hainan. CIA. Bruxelles, 1873, стр. 279—299; A. de Loe, E. de Munck. Ateliers et puits d'extaction de Silex eu Belgique, en France, er Portugal, en Amerique. CIA, 1889, Paris, 1891.

[2] M. Boule. Nouvelles obsérvations sur les puits préhistoriques d'éxtraction di silex. Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme, 4, Paris, 1887; e r ж е. Découverte de puits préhistoriques d'extraction du silex. Там же, 1, 1884, стр 65—75.

[3] A. H. L. Fox. Further Remarks on the Hill Forts of Sussex, Excavation at Cissbury. Archeologia: or, Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity, 42. London, 1869 I. P. Harrison. Additional Discoveries at Cissbury. J. of the Anthropol. Inst. c Great Britain and Ireland, VII, London, 1878, стр. 413—430.

Шахты Граймс-Грейвс, открытые в Англии в конце 60-х годов прошлого столетия Гринвеллом [4], отличались большой глубиной, превышающей 20 *м*. Диаметр шахт равнялся 1 *м*. Здесь велась разработка высококачественного кремня, залегавшего под двумя пластами кремня более низкого качества. В местах расширения штреков были оставлены столбы, предохраняющие потолок от обвалов. В заполнении шахт и в штреках найдено много кирок из рога оленя. Только в двух шахтах их обнаружено 244 экземпляра.

Значительный интерес представляют польские разработки кремня, наиболее крупными из которых являются Кшеменки Опатовские, открытые в 1922 г. И. Самсоновичем и изучавшиеся С. Круковским, З. Шмитом и Т. Журовским [5]. В Кшеменках добывался полосатый кремень, залегающий среди известняка. Конкреции кремня достигали 10—15 *см*. Глубина шахт изменялась от 2,5 до 10 *м*. Штреки были широкими, с крепежными столбами и вентиляционными окнами. Высота горизонтальных выработок редко превышала 1 *м*.

Помимо Кшеменок Опатовских, в Польше известны кремневые разработки в Бембло и близ Кракова.

Следует отметить, что польские археологи уделяют много внимания исследованию кремня, используя полученные результаты при хронологическом членении археологических памятников. Установлено, что в Польше прослеживается шесть различных областей распространения орудий из кремня. Благодаря ярко выраженным индивидуальным особенностям материала орудия, изготовленные из той или иной разновидности кремня, различаются нередко без петрографического анализа.

В Советском Союзе шахты по добыче кремня не были известны. Отчасти это можно объяснить тем, что вопросы сырья и, в частности, распространения кремня не привлекали внимание исследователей. Эти вопросы ставились лишь попутно, при решении общих проблем древней истории той или иной территории. Однако часть советских археологов занималась изучением кремнеобрабатывающих мастерских. В этой связи следует прежде всего отметить В. А. Городцова [6], исследовавшего неолитическую мастерскую на Донце, в бывшем Изюмском уезде. Со свойственной ему прозорливостью В. А. Городцов сопоставил ее со Спиенной и сделал ряд интересных выводов. Известный вклад в решение этой проблемы внесли работы А. А. Штукенберга и Н. Ф. Высоцкого, открывших еще в конце XIX в. кремнеобрабатывающую мастерскую в районе Казани [7], а в последние годы — работы Т. С. Пассек [8] и Л. Я. Крижевской [9].

В 1957 г. проблема сырья была включена в план работы Верхне-Волжской неолитической экспедиции. Изучению подверглась обширная территория, охватывающая верхнее течение Волги, начиная от г. Калинина и включая систему озер, связанных с ней, а также верхнее течение Западной Двины и оз. Пено. Работы ставили целью определение относительного возраста верхневолжских макролитов и весь круг связанных с этим вопросов, в том числе и добычу сырья. Удалось выяснить местонахождения верхневолжских макролитов и связать их с выходами кремня. В верховьях Волги выходят на поверхность прослои кремня, залегающие среди из-

[4] W. B. Dawkins. Early Man in Britain. London, 1880.

[5] S. Krukowski. Krzemionki opatowskie. Warszawa, 1939; T. Żurowski. Konserwacja neolitycznych kopalni krzemienia w Krzemionkach opatowskich. WA, XX, 3, Warszawa, 1954, стр. 281—293.

[6] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском районе Харьковской губ. Тр. XII АС, М., 1905, стр. 174—225.

[7] А. А. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий. Материалы для изучения каменного века в Казанской губ. Тр. ОЕКУ, XIV, 5, 1885; их же. Фабрики каменных орудий под Казанью. Тр. ОЕКУ, IX, 1, 1880, стр. 43—49.

[8] Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 51—54.

[9] Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, 79, 1960, стр. 239—280.

вестняков серпуховской свиты и московского яруса каменноугольной системы. На исследуемой территории была обнаружена серия памятников различного характера — места добычи сырья (открытые выработки), мастерские и стоянки, органически связанные друг с другом, углубленное изучение которых поможет раскрыть многие стороны трудовой деятельности и общественной организации древнего населения этой и смежных областей.

Схематическая карта распространенности кремня на территории Европейской части СССР показывает, что на северо-западе другим важным источником добычи кремня являлись мелоподобные известняки верхнего отдела меловой системы на западе Белоруссии, переходящие затем на территорию Польши.

В связи с изучением верхневолжских мастерских и мест добычи кремня нами были предприняты исследования выходов кремня в Западной Белоруссии.

В 1961 г. во время командировки в Польшу благодаря любезности польских коллег — проф. С. Круковского и д-ра Ковальчика — удалось познакомиться с интересным материалом из шахт, обнаруженных в современной северо-западной Белоруссии, в Волковыском районе Гродненской области.

Указанный материал, хранящийся в Варшавском историческом музее, был получен в результате раскопок польского археолога Зигмунда Шмита в 1925 г.[10] Огромная коллекция, состоящая из заготовок кремневых орудий, нуклеусов и отщепов, а также мотыг из рогов, не была ранее опубликована, а документация, сопровождавшая раскопки, оказалась утраченной во время Великой Отечественной войны. Таким образом, сведения об этом интересном памятнике сохранились лишь в очень кратких публикациях З. Шмита.

Весной 1961 г. Верхне-Волжская неолитическая экспедиция произвела специальные поиски древних кремневых разработок близ Красного Села Волковыского района.

Рельеф местности здесь холмисто-моренный, высота отдельных холмов не превышает 20 *м*. Склоны их поросли лесом или заняты пашней. Четвертичная толща сложена песками, гравием и суглинками; обнажения дочетвертичных структур отсутствуют.

На левом коренном берегу р. Россь, западнее пос. Красное Село, в 500 *м* от уреза воды экспедицией были обнаружены мастерские по обработке кремня. На относительно ровной площадке, сложенной песками, оказались рассеянными многочисленные крупные кремневые конкреции, нуклеусы, заготовки орудий и отщепы.

Площадь, занятая находками, составляла не менее 500 $м^2$. Часть находок оказалась на поверхности в результате работы ветра и вспашки, часть же слегка прикрыта тонким слоем песка и дерна.

Вторая мастерская, несколько меньших размеров, найдена вблизи мелового карьера у железнодорожной станции Россь.

Сопоставление материала наших мастерских и материала из шахт, полученных польскими археологами, показало, что в мастерских производилось первичное расщепление кремня, добытого в шахтах. Однако самих шахт в 1961 г. нам обнаружить не удалось.

В связи с большим размахом работ по добыче мела территория, примыкающая к поселку на тысячи квадратных метров, изменила первоначальные очертания. На значительном пространстве слои, перекрывающие мел, были сняты и далеко отодвинуты. Таким образом, на пространстве в несколько квадратных километров поиски шахт с поверхности были исключены. Исчезла и возможность хотя бы приблизительно определить место раскопок З. Шмита.

---

[10] Przedhistoryczne kopalnie krzemienia w pow. Wołkowyskim na Litwie. «Z otchłani Wieków». Rok 1—5, 1926—1930, стр. 14.

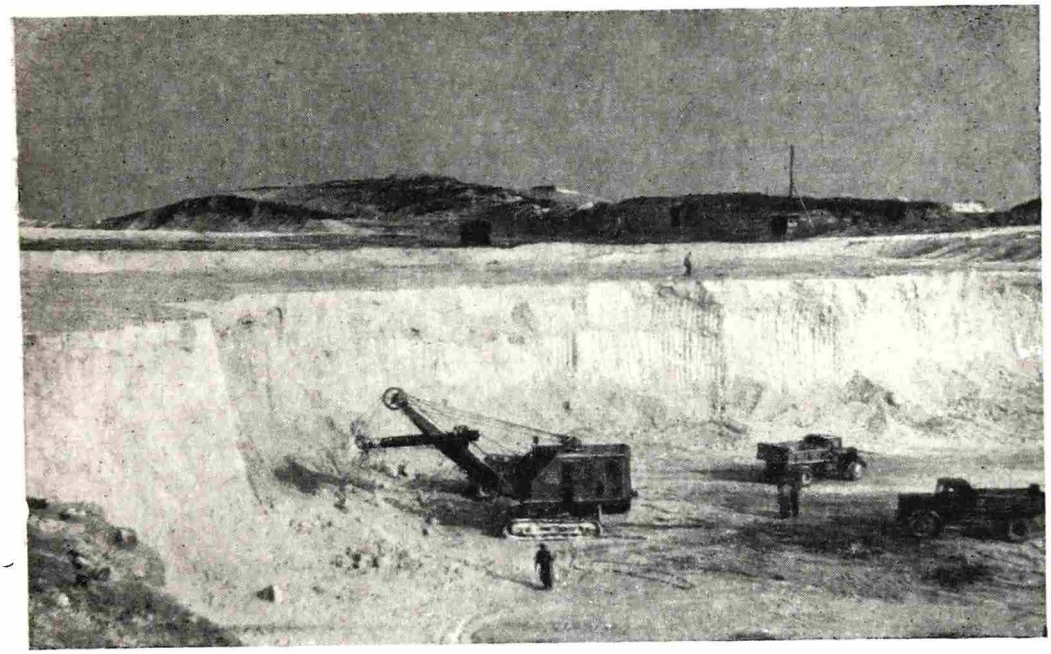


Рис. 1

А — общий вид забоя действующего карьера

В 1962 г. поиски шахт были возобновлены. При осмотре стенки одного из действующих карьеров длиной более 70 *м* в однородной толще мела были зафиксированы пустоты, заполненные меловой крошкой с незначительной примесью песка (рис. 1). Работу экскаваторов, снимавших пласты мела, удалось приостановить лишь на короткое время. Не имея тогда возможности произвести раскопки, мы вынуждены были ограничиться тщательными наблюдениями и фиксацией. Осенью работы были продолжены. В течение двух недель велись наблюдения за изменением форм и размеров древних горных выработок в процессе работы экскаваторов.

Прежде чем перейти к описанию форм шахт, необходимо остановиться на условиях залегания кремня.

Кремневые желваки сконцентрированы в мелу в плоскостях (мы их будем называть прослоями кремня), параллельных плоскости слоистости мела и первоначально ориентированных горизонтально. Расстояние между прослоями кремня в мелу неустойчиво и колеблется от нескольких десятков сантиметров до нескольких метров.

При перемещении ледником огромных линз мела первоначальное залегание породы было нарушено. Пласты мела и, следовательно, прослои кремня изогнуты, а в некоторых случаях разорваны.

Формы шахт различны при горизонтальном и наклонном залегании прослоев кремня. По-видимому, первые шахты были заложены там, где кремень залегал ближе к поверхности, а именно в западной части северной линзы. На этом участке расстояние между прослоями кремня было невелико, а мощность наносов, перекрывающих мел, не превышала нескольких десятков сантиметров. Как потом выяснилось, по-видимому, здесь и были открыты неолитические шахты З. Шмитом. Позднее мел в этой части линзы был полностью разобран и переработан цементным заводом. По словам рабочих, работавших в меловом карьере в 20-х годах, здесь было встречено большинство шахт, разрабатывавших прослои кремня, залегающие наклонно. В пределах южной линзы, где производились наблюдения в 1962 г., преобладают горизонтально лежащие слои.

Горные выработки делятся на две группы: 1) вертикальные и 2) горизонтальные.

Остановимся на вертикальных горных выработках. Нам не удалось наблюдать устья шахт; эта часть была снесена при вскрышных работах, когда карьер подготавливался к эксплуатации. Но на выровненной после

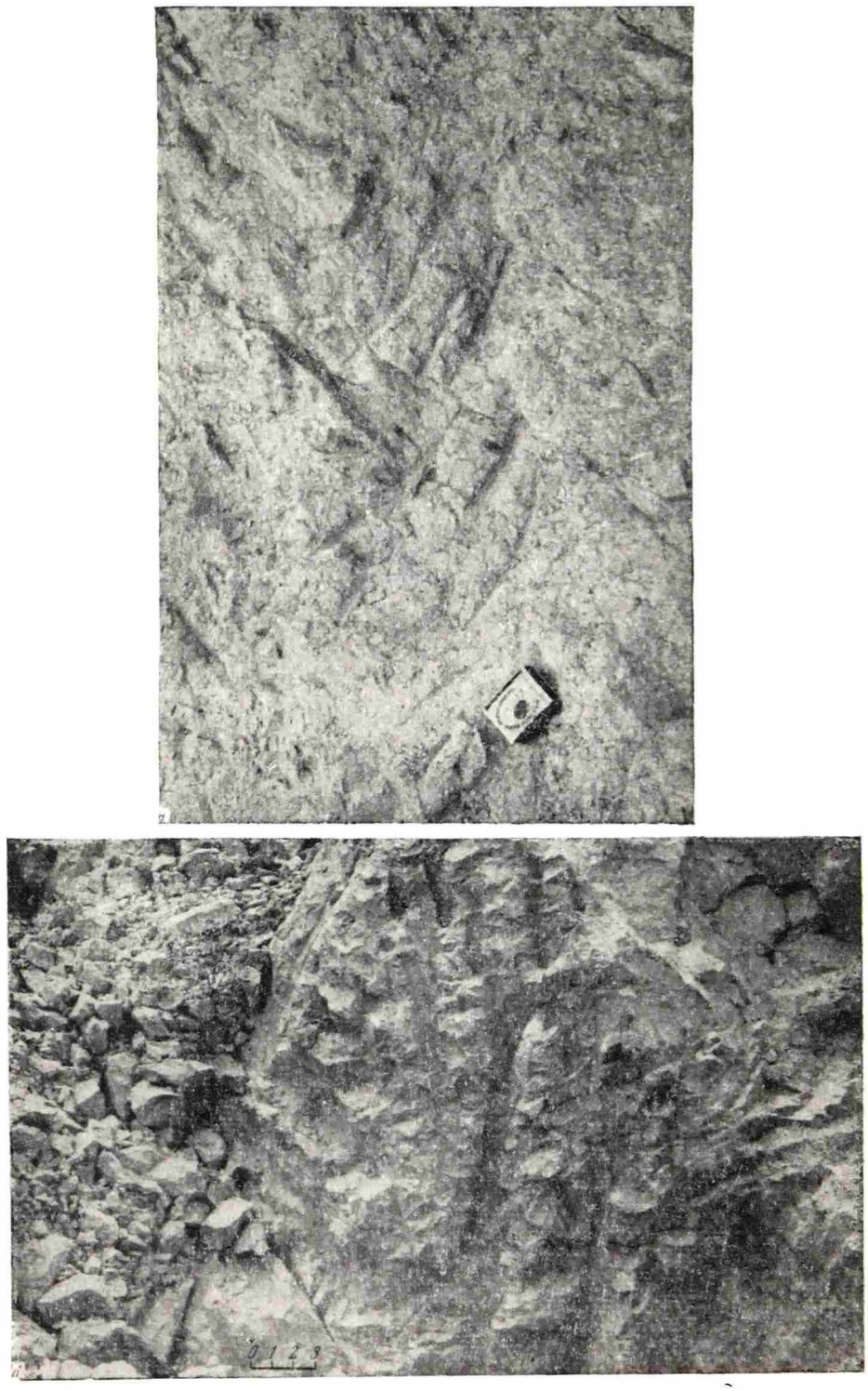


Рис. 2 Следы работы оленьим рогом

А — на стенках вертикальной выработки; Б — на стенках горизонтальной выработки

вскрышных работ поверхности мела были прослежены следы колодца, представлявшие собой в плане округлое пятно диаметром 1,2 *м*, окаймленное по краям тонкой коричневой прослойкой.

Стволы шахт достигают глубины 5—6 *м*. Диаметр их колеблется около 1 *м*, стенки ровные, сохранены следы работы оленьим рогом, перекрещивающиеся «елочкой» (рис. 2). Поперечное сечение шахт круглое или овальное; оно изменяет форму лишь в месте пересечения стволом прослоев кремня. Здесь размеры ствола шахты увеличиваются и переходят в штреки.

Удалось произвести расчистку одной из вертикальных выработок и получить интересные результаты.

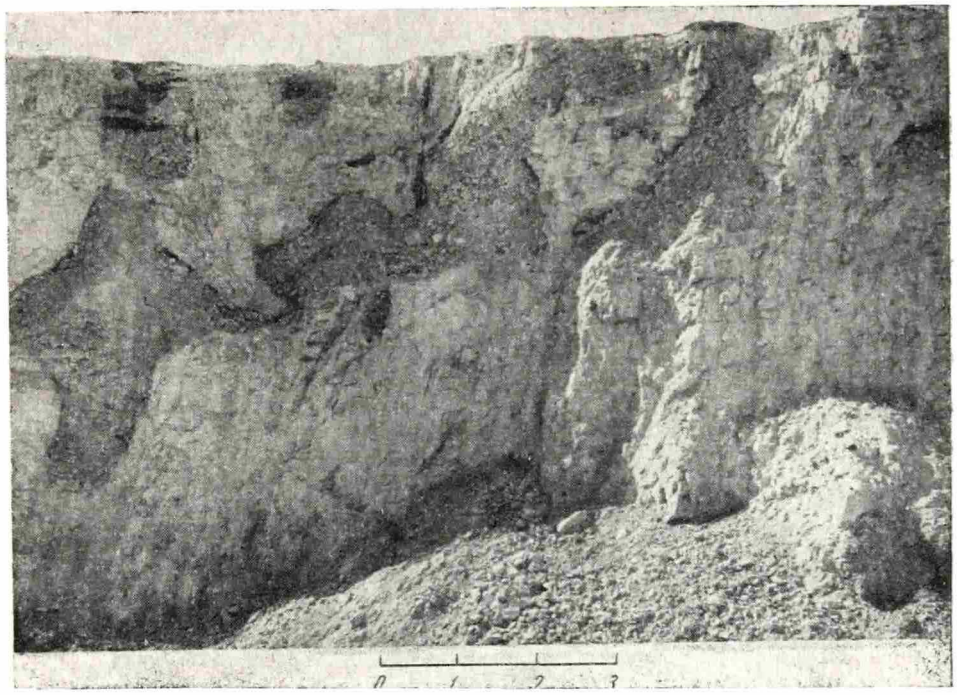


Рис. 3

А — формы нижней части вертикальных выработок в местах слабо наклонного залегания кремня

Некоторые шахты пересекают прослои кремня и продолжаются на значительную глубину — до 8 *м* (рис. 3). Они были пройдены, по-видимому, в целях обнаружения новых прослоев кремня, а потом заполнены мелом, вынутым из штреков. Наличие разведочных работ подтверждается тем, что близ северного края линзы, где кремень отсутствует, шахт нет.

Добыча кремня производилась в горизонтальных выработках — штреках. Они лежат в плоскости прослоев кремня и представляют собой сложную сеть ходов. В поперечном сечении это отверстия диаметром от 50 *см* до 1 *м*, неправильной формы (рис. 4). Бока, подошва и кровля неровные и несут следы работы оленьим рогом, ориентированные параллельно общему направлению выработки. Зафиксирован прямолинейный штрек длиной 20 *м*, от которого ответвлялись небольшие (длиной 3—4 *м*) выработки, лежащие в плоскости прослоя кремня.

Процесс добычи кремня представляется нам следующим. С поверхности выкапывался колодец, широкий в верхней части, поскольку рыхлый песок в противном случае мог легко засыпать отверстие.

Диаметр колодца был, вероятно, здесь не менее 2 *м*. В пластах мела его размеры заметно уменьшались. Достигнув стяжений кремня, человек извлекал их на поверхность, продвигаясь далее по направлению слоистости горной породы.

На определенном расстоянии в штреках делались расширения — камеры, достигавшие в отдельных случаях, как показывают наблюдения, 4 *м* в диаметре. В этих камерах шахтеры отдыхали и отбирали материал. Освещались штреки и камеры с помощью костра, на что указывают закопченные стенки и остатки угля. Расстояние, разделяющее камеры, было незначительным, что имеет свое объяснение. Древние шахтеры не отрывались далеко от шахт, связывающих их с поверхностью. Одной из причин этого являлась, вероятно, опасность пробивать высокие коридоры в относительно мягком мелу, а с другой стороны, нецелесообразность делать штреки большого диаметра из-за малого размера кремневых прослоев.

Косвенным указанием на то, как поднимались и спускались в штреки древние шахтеры, может служить диаметр ствола шахты, близкий к 1 *м*. Такой размер можно объяснить не только трудностью рытья колодцев, но

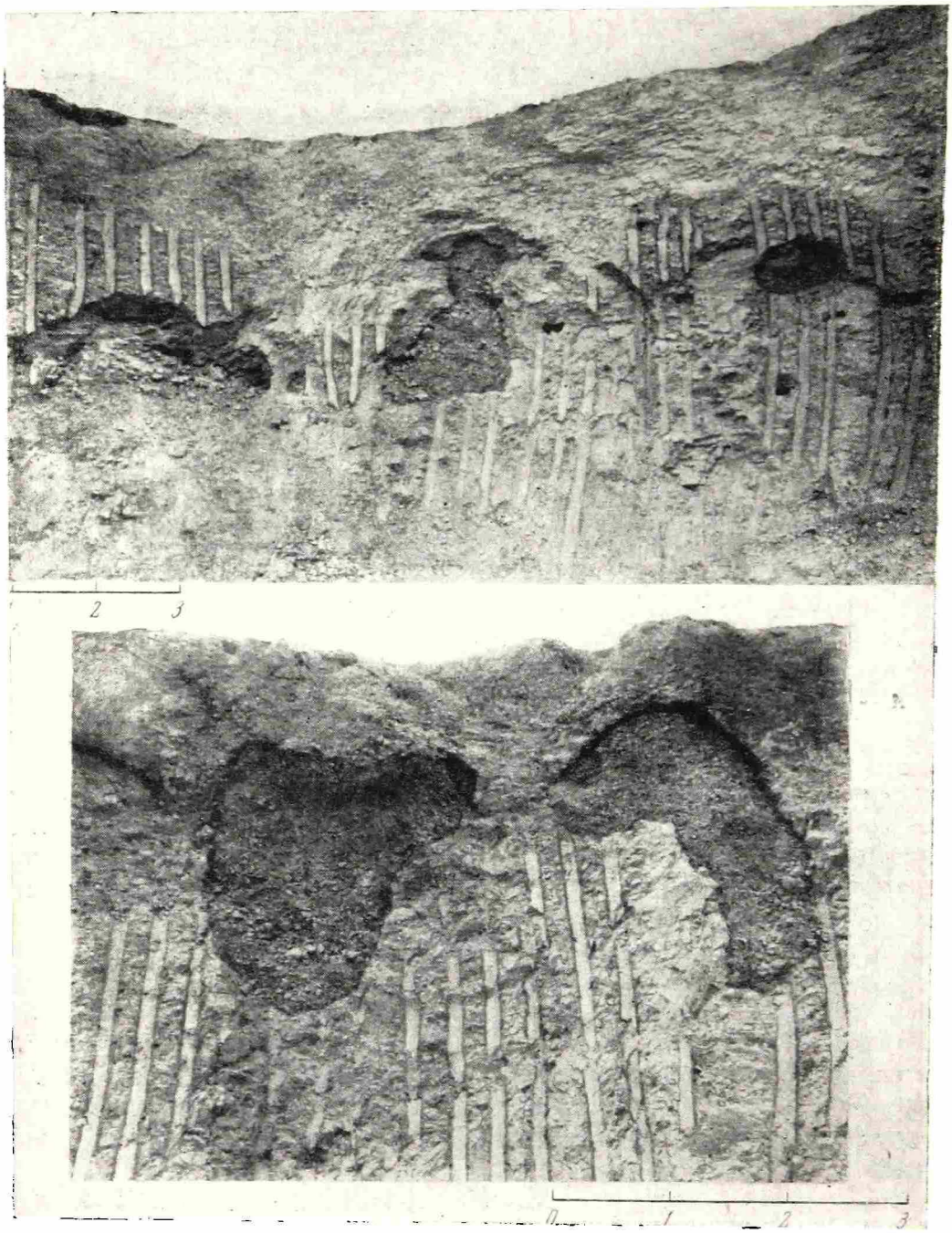


Рис. 4
Формы горизонтальных выработок в поперечном разрезе

и удобством продвижения по ним. Упираясь ногами и локтями в стенки колодца, человек мог спуститься или подняться. Не исключено, что для этой цели использовалась также веревка.

Орудиями труда древним горнякам служили мотыги из рога благородного оленя, один из отростков которого являлся рукоятью, а второй, преднамеренно скошенный — рабочим концом (рис. 5). С помощью этого инструмента выкапывались шахты и вынимались стяжения кремня из мела. Рукоять орудия не могла быть длинной, поскольку при малом диаметре выработки не могло быть сильного размаха рукой. Роговые мотыги ломались очень часто, и поэтому количество их, найденное в шахтах Красного Села и в других европейских выработках, бывает значительно. Рабочие концы инструментов хранят сильные следы сработанности.

В пределах шахт были найдены скопления отщепов кремня, крупный нуклеус, заготовки топоров и роговые мотыги. Наши материалы приобретают большую наглядность в свете огромной польской коллекции, получен-

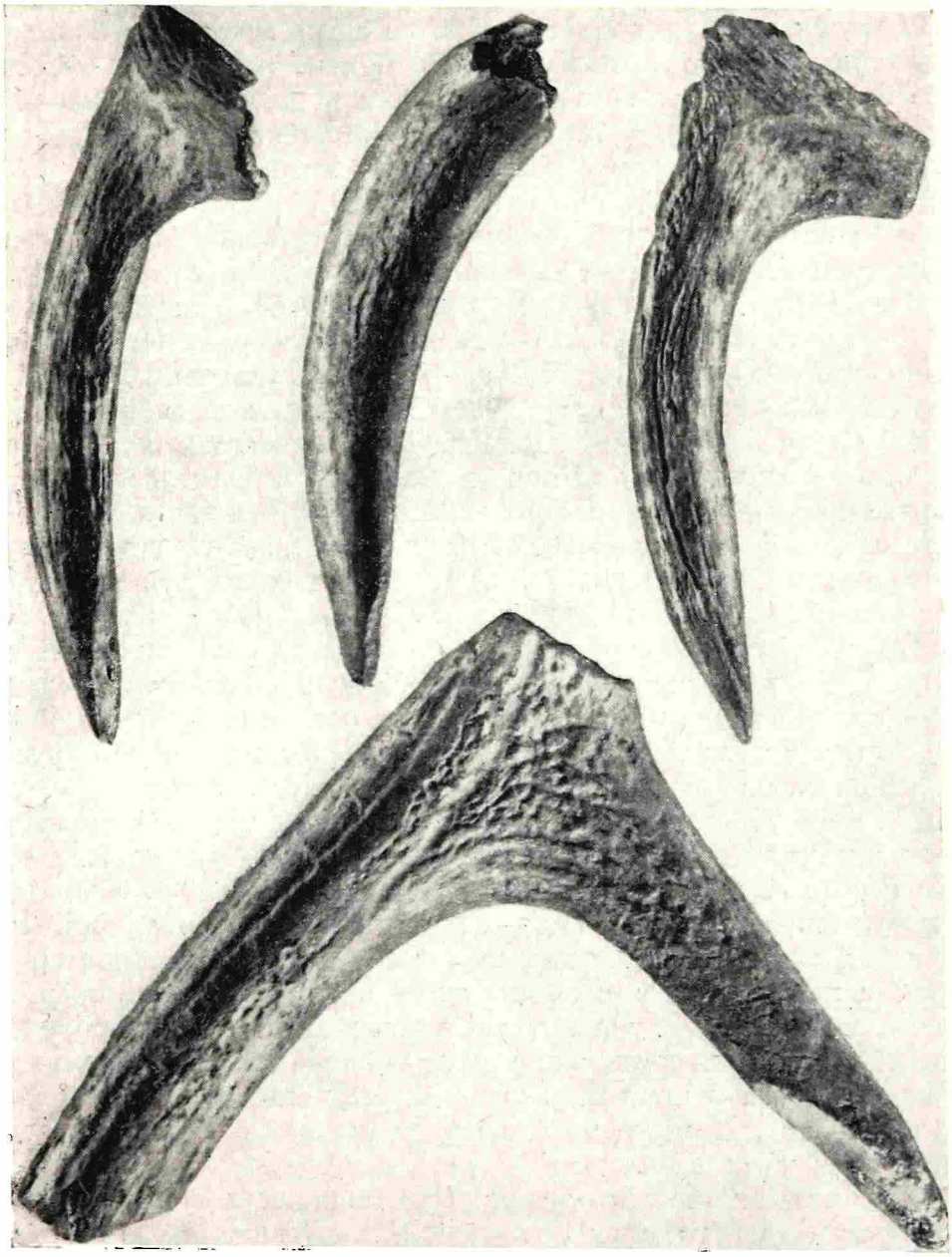


Рис. 5
1—4— мотыги из рога благородного оленя

ной при раскопках З. Шмитом шахт и связанных с ними мастерских. Основной состав коллекции — нуклеусы, преимущественно призматические, многочисленные заготовки топоров, некоторое количество скребков и отдельные, единичные экземпляры наконечников стрел, а также огромное количество отщепов и ножевидных пластин. Велико и количество роговых мотыг и их обломков.

По-видимому, шахты в районе Красного Села разрабатывались в течение длительного времени, о чем свидетельствует их огромное число. По сведениям, опубликованным З. Шмитом, их насчитывалось не менее 1000. На том участке, где мы вели наблюдения, они, видимо, могут датироваться временем не ранее конца неолита, а возможно, и энеолитом.

Разъяснительная работа, проведенная нами с работниками карьера, помогла экскаваторщику В. К. Калиновскому (в период между двумя этапами работы экспедиции) обнаружить погребение, в котором найдены глиняный сосуд (плоскодонный, высокой формы, с орнаментом из нарезок, расположенным по венчику) и костяная игла. О находке было сообщено в Ленинградское отделение Института археологии, экспедиция которого выехала на место работы. Поскольку точные наблюдения над положением

скелета не могли быть сделаны (он поднят ковшом экскаватора), в настоящее время трудно решить вопрос, имело ли здесь место специальное захоронение и одновременно ли оно с данной шахтой или может относиться к несколько более позднему времени. Находки переданы в Минский музей.

В связи с исследованием шахт большое значение приобретает вопрос распространения кремня и изготовленных из него орудий. Изучение мастерских Европы, связанных с шахтами, показало, как велика область распространения готовых орудий от места их производства. Так, изучение кремня, добываемого в шахтах Спиенны, свидетельствует, что орудия, изготовленные из него, встречаются не только по всей Бельгии, но и по всей северной Франции. Наконечники копий и ножи из Гранд-Прессиньи также являлись предметом широкого обмена — они встречаются в 27 департаментах северной, восточной и центральной Франции и в озерных районах Швейцарии. Столь же широкое распространение имели и изделия из кремня, добытого в шахтах Мю-де-Барре и Кшеменках Опатовских.

Изучение распространения верхневолжского и белорусского кремня, только что начатое, уже показало, что волжский кремень встречается в изделиях стоянок побережья Ильменьского озера и вплоть до побережья Финского залива, в Эстонии, Карелии и Ленинградской области. Кремень из шахт Красного Села обнаружен в большинстве неолитических стоянок Понеманья. Произведенный петрографический анализ засвидетельствовал, что состав кремня в шахтах и в найденных нами мастерских одинаков. Вместе с тем, в мезолитическую эпоху в северо-западной Белоруссии использовался иной по составу кремень, в частности западный.

В 1962 г. не удалось приостановить разрушение шахт. Остатки древних выработок занимали всю ширину карьера и в особенности его среднюю часть. На огромной территории, примыкающей к карьеру, были уже проведены подготовительные работы — снят слой, перекрывающий мел. По существующей системе работы завода мел снимается со стенки карьера экскаватором и насыпается в стоящие здесь автомашины, которые отвозят мел на завод, где он и поступает сразу в переработку. Таким образом, приостановка работы в карьере должна была повлечь за собой и приостановку работы завода. Однако край карьера содержит еще некоторое количество древних выработок. Помимо того, следует полагать, что известное число их имеется и в восточной части карьера под мощным слоем грунта, набросанного в процессе вскрышных работ. Наконец, есть основания полагать наличие шахт в ряде районов Западной Белоруссии, где пока почти или вовсе не ведутся разработки мела. На некоторых из них нами были найдены орудия, изготовленные из кремня.

Шахты в районе Красного Села должны стать не только предметом раскопок, но и объектом консервации, подобно тому как это сделано в Польше с Кшеменками Опатовскими, где произведены большие инженерные работы по специальному креплению, а сами шахты, подвергшиеся консервации, превращены в музей, доступный для широких масс. К шахтам проведена специальная дорога, район объявлен заповедником. В охране памятника участвуют профсоюзные и партийные организации.

Оставшиеся красносельские шахты должны быть исследованы и сохранены. Слишком долго разрушались эти ценнейшие исторические памятники. За время, прошедшее с 1925 г., и, в частности, за последнее десятилетие были уничтожены многие сотни шахт [11].

Шахты района Красного Села, как объект исследования, лишь выступают на арену. Вероятно, они хранят в себе много неожиданного. Кремнедобывающие шахты Белоруссии смогут встать в ряд с другими широко известными памятниками Западной Европы.

---

[11] Со своей стороны, считаем долгом выразить благодарность начальнику карьера В. С. Степанову, горному мастеру Черновой и экскаваторщику В. К. Калиновскому, оценившим научную значимость добытого материала и сделавших все возможное для их сохранения.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ВОЗДЕЙСТВИЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТРАНЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ *

(в VII—V вв. до н. э.)

Обширные страны Северного Причерноморья в античную эпоху послужили широкой ареной, на которой происходили сложные исторические процессы. Самой характерной особенностью этих процессов были контакты многолюдного «варварского» мира с античными полисами, растянувшимися прерывистой цепью вдоль северного берега Понта. Эти два мира местных племен: скифов, тавров, меотов, сарматов и иных,— с одной стороны, и греков,— с другой, особенно в первые века их сосуществования, резко отличались один от другого экономической, социальной и политической структурой общества, бытовым укладом, культурой и мировоззрением. История общения этих двух миров между собою представляет очень сложную картину. Тем более, что они оба на протяжении тысячелетия сами испытали значительные изменения. В различные периоды отдельные группы местных племен (например, соседившие с эллинскими городами или отдаленные от них), разные слои населения как античных полисов, так и общества варваров вступали меж собой в общение, разнообразное по формам, которое приводило к далеко неоднородным результатам.

Задача настоящей работы — рассмотреть, какие именно изменения в культуре [1] стран Северного Понта произошли в результате этих контактов.

В период, предшествовавший возникновению эллинских эмпориев и первых полисов на северных берегах Понта, т. е. во II тысячелетии и в первой трети I тысячелетия до н. э., контакты местных племен с заморскими пришельцами, видимо, носили настолько случайный характер, что не смогли наложить сколько-нибудь заметную печать ни на тех, ни на других. Для жителей обширных равнин нашего юга результатом этих сношений было появление у них немногочисленных, по преимуществу металлических изделий [2], среди которых выделяются своим высоким мастерством великолепные предметы вооружения так называемого Бессарабского клада [3]. Что же касается обитателей Эгейского моря, то эти далекие плавания

---

* Продолжение этой статьи в № 4 журнала.

[1] В данной статье мы ограничиваемся исследованием культурных связей, не затрагивая вопрос экономических взаимоотношений. Картину последних отчасти восполнит приложенная к статье схематическая карта, составленная по материалам работ П. Н. Бондаря, В. В. Кропоткина и П. А. Онайко (рис. 1).

[2] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 18 сл.

[3] Э. Р. Штерн. Бессарабская находка древностей 1912 года. МАР, 34, 1914, стр. 1 сл.; О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М., 1949.

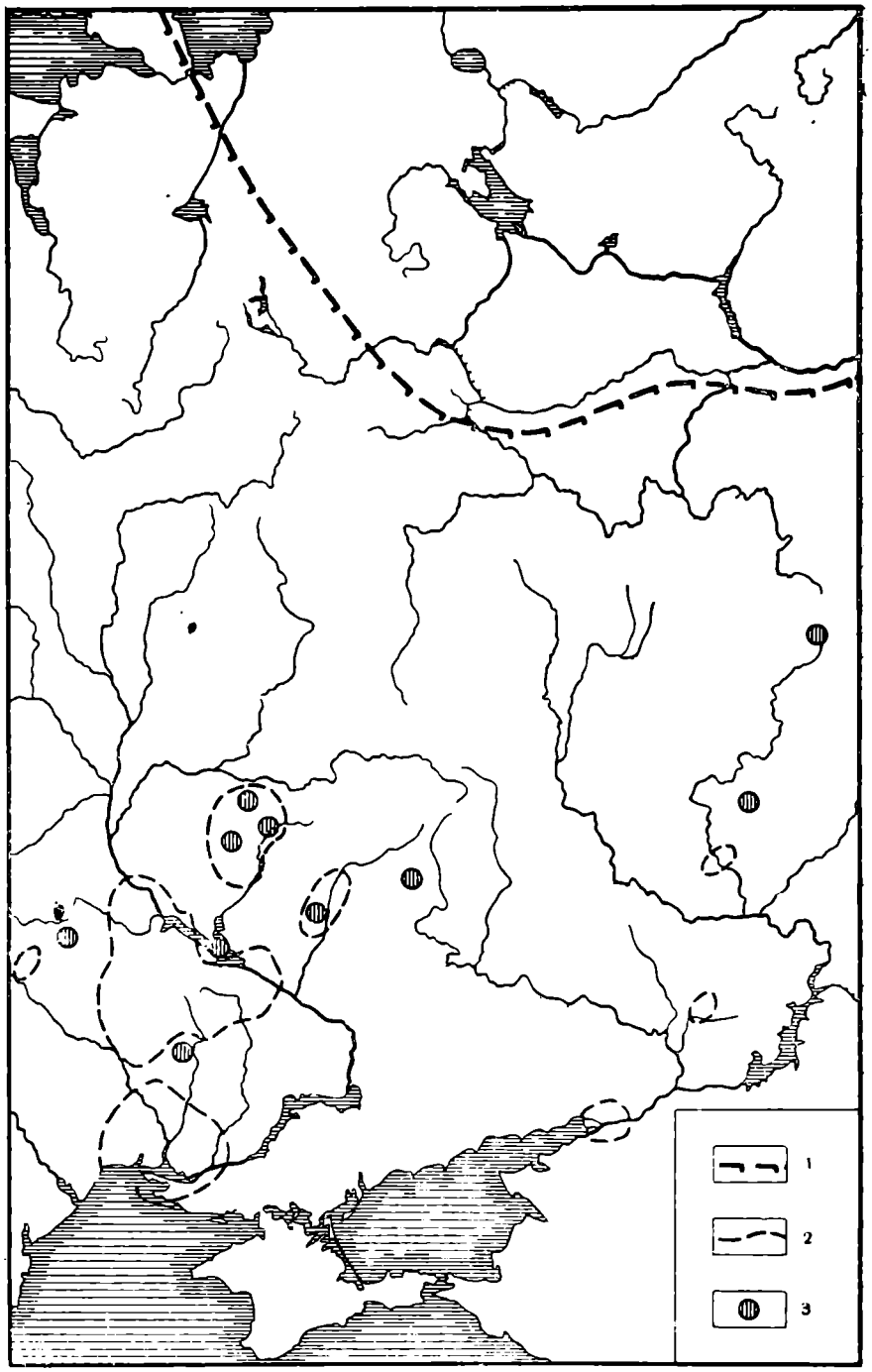


Рис. 1. Проникновение византийской культуры в Северное Причерноморье в VII—V вв. до н. э.

1 — северная граница распространения римских монет и изделий; *2* — границы находок греческих изделий VII—V вв. до н. э.; *3*— находки ольвийских изделий

дали новую пищу творческой фантазии аэдов, в результате [4] чего в Троянский цикл были вплетены сказания об Ифигении в Тавриде, скитаниях Одиссея в стране киммерийцев и, наконец, об Ахилле на о. Левке.

Эти отголоски в эллинском эпосе и другие указания более поздних античных авторов дают весьма скудные сведения о древнейших [5] обитателях

[4] Сказание о походе Аргонавтов, согласно античной традиции относящемся к XIII в. до н. э. (Euseb. Chron. Can., 48), в последующее время получило дальнейшее развитие. Возникла версия, согласно которой Аргонавты плавали по Танаису. Когда она появилась, с уверенностью сказать трудно, но очевидно, что это более поздний пласт мифа. Согласно схолиям к Аполлониевой Аргонавтике (Schol. Apoll. Rhod., IV, 284), Скимн поддерживал версию о плавании Ясона и его спутников по Танаису, а Гекатэй опровергал ее. Поэтому можно заключить о существовании рассматриваемой версии еще до VI в. до н. э.

[5] Herod., IV, 12; Strab., XI, 2, 5.

северопонтийских стран. Археологические материалы значительно полнее рисуют нам культурный облик этих патриархальных обществ земледельцев и скотоводов [6]. Однако представления об идеологии этих обществ у нас довольно отрывочные. Погребальные обряды этих племен указывают на их уверенность в загробном существовании, а равно и в том, что там будут примерно такие же потребности, как и в земном, и вместе с тем, что в потусторонней жизни умерший сохраняет то общественное положение, которым он пользовался при жизни. Эти обычаи, вероятно, находились в связи с культом предков-родоначальников, одним из отголосков которого, возможно, были примитивные каменные скульптуры в виде плит с едва намеченными головой и руками. Яркими образцами их являются изваяния, обнаруженные в 1934 г. при раскопках Дни-Тиритаки [7].

Подобными примитивными изваяниями ограничивается монументальное искусство рассматриваемого периода. Несравненно более многочисленны предметы домашнего обихода с незамысловатыми украшениями. Таковы глиняные сосуды [8] с простым нарезным орнаментом в виде ритмически повторяющихся геометрических мотивов, состоящих из прямых пересекающихся под углами линий. В условиях большой устойчивости бытового уклада во времена родового строя эти мотивы традиционно передавались и тщательно воспроизводились из поколения в поколение.

Несколько сложнее и богаче не лишенная спиралевидных мотивов и иных округлых фигур орнаментика золотых изделий клада [9], найденного в 1878 г. в дер. Михалкове, недалеко от Каменец-Подольска. Особенно выдающимися произведениями древнего мастерства среди найденных в этом кладе являются фибулы в форме сильно стилизованных фигур зверей, вероятно волка и кабана. Однако в представленных на фибулах существах вряд ли можно видеть фигуры обычных реальных зверей. Круглые бляхи с изображениями птичьих головок или иных мотивов, покрывающие тела зверей, показывают, что мастер намеревался изобразить какие-то зооморфные фантастические существа [10], возможно, связанные с пережитками тотемистических представлений. Вероятно, подобно этим зооморфным фигурам, и геометрические узоры, строго следовавшие традиционным образцам, также в какой-то мере были связаны с магическим ритуалом или хотя бы его пережитками.

Возвращаясь к зооморфным изображениям рассматриваемого периода, отметим, что они могли отражать и иные стороны мировоззрения того времени. Отметим найденный в Керчи плоский бронзовый топор [11] с изображением солнечного диска, под которым находится фигура рогатого животного, вероятно, быка. Здесь, как и в эгейском мире, изображение быка, очевидно, было связано с солярным культом.

Мы довольно подробно остановились на идеологии киммерийского общества, ибо, как это будет видно в дальнейшем, основные особенности ее

---

[6] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр. 78 сл.

[7] Т. Н. Книпович, Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, 4, 1941, стр. 38 сл., рис. 50—52.

[8] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 29 сл., рис. 3, 10.

[9] А. П. Лебедянская. Михалковский клад. ИАК, 53, 1914, стр. 29 сл.; K. Hadaczek. Złote skarby Mihalkowskie. Krakow, 1904; его же. Die Fibel des Odysseus, Helikes und Kalikes. IÖAI, VI, 1903, стр. 115 сл.; его же. Zum Goldschatz von Michalkow. IÖAI, IX, 1906, стр. 32 сл.

[10] В пользу того, что эти фантастические существа имели определенное сакральное значение, говорит наблюдение выдающегося болгарского ученого Г. И. Кацарова (Г. И. Кацаров. Ролята на старитѣ Траки в предисторията и протоисторията на Балканския полуостровъ и Мала Азия. Отч. на Бълг. Арх. Инст., IV, 1924, стр. 41). Иконография этого зооморфного существа оказалась весьма устойчивой в искусстве фракийцев, которые, вероятно, были преемниками киммерийцев. Близкие изображения встречаются на фракийских фибулах, а также на погребальной урне первой половины IV в. до н. э., происходящей из Болярово-Елховско.

[11] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. ТСА РАНИОН, II, М., 1928, стр. 54 сл., рис. 1.

достаточно отчетливо выступают и в мировоззрении местных племен последующего скифского времени.

Как известно [12], во второй половине VII в. до н. э. на северных берегах Понта Евксинского возникли первые эллинские эмпории, а примерно со второй четверти следующего столетия появились первые полисы. Твердое обоснование греков в Северном Причерноморье открыло новую эру во взаимоотношениях античного мира с варварским, занимавшим широкие пространства юго-восточной Европы.

К рассматриваемому времени этногеография территории между Доном и Дунаем сильно изменилась. Киммерийцев сменили скифы. В Прикубанье мы находим меотов, в горном Крыму — тавров. Все эти группы племен земледельцев и скотоводов находились на различных уровнях социально-экономического развития. Однако ни одно из них к моменту первого соприкосновения с греками не вышло из рамок патриархального быта и лишь сравнительно незадолго до этого события часть племен стала объединяться в племенные союзы. Занимавший обширные пространства племенной мир Северного Причерноморья обладал своеобразной, веками сложившейся устойчивой культурой.

Доступные нам данные о культуре варварского мира Северного Причерноморья в VII—V вв. до н. э. значительно богаче, чем в предшествующую эпоху, но и они не позволяют восстановить картину прошлого во всей полноте. Известные нам источники представляют собою свидетельства древних авторов и данные археологии. У античных писателей мы находим сведения о религии и ритуальных обрядах главным образом скифов. Однако даже лучше других осведомленный Геродот не видел этих обрядов воочию, а о религиозных представлениях слышал от других лиц [13], да и сопоставление его скифских богов с эллинскими, вероятно, отнюдь не означает, что эти божества были идентичными.

Далее, нельзя проходить мимо свидетельств о другой группе божеств, а именно тех, которые были специфической особенностью пантеона северопонтийских эллинов (Ахилл Понтарх, богиня Дева в Херсонесе [14] и др.). Не подлежит сомнению, что в основе почитания этих божеств лежат сильно эллинизованные варварские культы; однако выявить сквозь яркую эллинскую оболочку варварское ядро и восстановить облик этого местного божества — дело весьма нелегкое.

Наконец, особая группа источников — археологические памятники: многочисленные, довольно разнообразные художественные произведения, а также данные раскопок некрополей дают надежную картину материальной культуры меотских и скифских племен, их экономики, но лишь в ограниченной мере позволяют говорить об идеологии этих обществ.

По сообщению Геродота [15], общескифский пантеон был небольшим: его возглавляла богиня очага (Ἱστίη), иранское имя которой Ταβίτί [16] не дает оснований сомневаться в правильности истолкования его «отцом истории»; затем следовали Зевс и его супруга Гея, далее Аполлон Οἰτόσυρος), Афродита Урания, Геракл и Арей. В этом списке примечательно превалирование уходящего в древнейшие времена культа покрови-

---

[12] W. Blawatsky. Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la Mer Noire, XI. CISH, Stocknolm, 21—28 Août, 1960. Rapports II. Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, стр. 99 сл.

[13] Так, рассказывая историю Анахарсиса, Геродот ссылается на свидетельство Тимна, который был поверенным скифского царя Ариапейфа (Herod., IV, 76).

[14] И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Птг., 1918; М. И. Ростовцев. Новая книга о Белом острове и Таврике. ИАК, 65, 1918, стр. 177 сл.

[15] Herod., IV, 59.

[16] В. И. Абаев. Скифский язык. В сб.: «Осетинский язык и фольклор». М.—Л., 1949, стр. 184. Автор сопоставляет имя Табити с авестийским *tap* — «греть». Тот же корень имеет и русск. *топить*.

тельницы очага. Небесные божества занимают видное место в пантеоне, причем главное из них — Зевс имеет своей супругой землю.

Сопоставление Геродотом скифских божеств с эллинскими позволяет заключить о некотором соответствии пантеона скифов части греческих богов и богинь. Этот параллелизм, очевидно, обусловлен тем, что все эти божества олицетворяют явления природы, а отчасти и общественной жизни. Однако отмеченное соответствие еще не дает основания думать, что скифские боги имели антропоморфный облик. Пантеон персов [17], родственных скифам по языку, а отчасти и культуре, был довольно близок скифскому [18], он только имел более отчетливо выраженный характер [19] обожествления стихий и сил природы. Вместе с тем, по данным Геродота, персы не считали своих богов человекоподобными, в силу чего не ставили им статуй и не воздвигали храмов и алтарей. Аналогичная черта — отсутствие изображений богов и их святилищ — засвидетельствована и у скифов. Исключением являлся только стоявший несколько особняком по характеру ритуала, наличию святилищ и изображений (ἄγαλμα) культ Арея, почитаемого в виде древнего железного акинака (ἀκινάκης) [20]. Подобные фетиши не были чужды и греческому миру, где предметом поклонения были священные копья [21].

Весьма примечательно скифское божество, которое Геродот отождествил с эллинским Гераклом, вряд ли случайно упомянув его раньше. Арея, несомненно пользовавшегося немалым почетом [22]. Какие именно черты прославленного эллинского героя оказались общими с малоизвестным нам скифским божеством, сказать с уверенностью крайне трудно. Вернее всего, его антропоморфный облик и то, что это был герой-родоначальник, каким он выступает в одном из припонтийских сказаний [23]. Вместе с тем, вероятно, это был богатырь, совершавший великие подвиги, подобно другим героям различных народов. Ближайшей аналогией этому Гераклу скифов, как нам представляется, может служить конное [24] божество их сосе-

---

[17] Herod., I, 131.

[18] Сопоставим персидских и скифских богов (по Геродоту):

Персы (Herod., I, 131)	Скифы (Herod., IV, 59)
Зевс (небесный свод)	Зевс
Солнце	Аполлон
Луна	
Земля	Гея
Огонь	Гестия
Вода	
Ветры	
Афродита Урания	Афродита Урания
. . . . .	Арей
. . . . .	Геракл

[19] Впрочем, вполне возможно, что такой же характер имели и скифские божества. Не следует забывать, что доступные Геродоту источники о Скифии были гораздо менее надежны, чем о Персии. Скифию посещали только предприимчивые эмпоры, а в Персии нередко бывали самые образованные и талантливые эллины, привлекавшиеся на службу персидскими царями. Этим представителям образованных кругов эллинского общества было значительно легче разобраться в вопросах чуждой им иранской идеологии, чем рядовым купцам. К тому же просвещенные эллины, поступавшие на службу к ахеменидам на длительный срок, конечно, изучали персидский язык несравненно более основательно, чем обычные греческие эмпоры, которые вели торговлю со скифами.

[20] Herod., IV, 62.

[21] Euseb. praep. evang., I, 9; Just., XLIII, 3, 3. Наличие параллельных явлений в культе многих народов отмечалось еще А. С. Лаппо-Данилевским (А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. ЗОРСАРАО, IV, СПб., 1887, стр. 536 сл.).

[22] Только в честь Арея скифы сооружали особые святилища из хвороста и только ему совершались человеческие жертвоприношения (Herod., IV, 60—62).

[23] Herod., IV, 9—10.

[24] G. Kazarow. Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, 1938.

дей фракийцев, к которому обычно прилагалось наименование Ἥρως [25], т. е. он сопоставлялся не с богом, а с героем. Некоторым, правда не очень веским, подтверждением этого предположения является уже упоминавшееся припонтийское сказание [26]: по Геродоту, Геракл прибыл в Скифию на колеснице, запряженной конями, что, возможно, является результатом своеобразной эллинизации варварского героя-всадника. Геракл в скифской Гилайе (Ὑλαίη) вступает в брачные отношения с полуженщиной-полузмеей и становится родоначальником трех народов: агафирсов, гелонов и скифов. Позднее, в следующий период IV—III вв. до н. э. мы еще встретимся со схожим конным божеством у синдо-меотов (находки в кургане Карагодеуашх и в Мерджанах), получившим свою иконографию благодаря творчеству боспорских торевтов.

Помимо общескифских божеств Геродот [27] называет еще Посейдона, именовавшегося Θαμιμασάδας , которого почитали только «царские скифы» (βασιλήιοι Σκύθαι). Не приходится доказывать, что этот бог кочевых скифов-коневодов мог быть сопоставлен с Посейдоном только в аспекте создателя коня, а отнюдь не морского божества.

В другом пассаже повествования Геродота [28] мы находим сказание, видимо, возникшее в среде скифов-земледельцев и содержащее мифическую генеалогию: они являются потомками «долгомощного» [29] Таргитая, отцом которого был Зевс, а матерью — дочь реки Борисфена (Βορυσθένεος τοῦ ποταμοῦ θυγάτηρ). Упоминание об этой нимфе — дочери Борисфена, возможно, дошло до нас в одном из самых ранних свидетельств о Северном Понте у коринфянина Евмела [30], который называет Βορυσθενίς в числе муз (т. е. божеств, очень близких нимфам). С мифом о сыне Таргитая — Колаксае (возможно, «владыке солнца» [31]), добывшем упавшие с неба плуг, ярмо, секиру и фиалу, в представлениях скифов было связано происхождение других священных фетишей, которым отводилась большая роль во время ежегодно совершаемого земледельческого праздника [32].

Наличие второй группы местных божеств, сведениями о существовании которых мы располагаем только потому, что они оказались включенными в пантеон северопонтийских греков, уже само по себе весьма знаменательно. Это обстоятельство наглядно показывает, как рано хотя бы отдельные религиозные представления автохтонного населения Северного Понта могли проникать в эллинское мировоззрение (разумеется, получив соответствующую переработку). Однако в этом явлении не было отказа от национальных эллинских принципов; не было также и какой-либо черты, специально присущей северопонтийским грекам. Во времена великой колонизации основу мировоззрения эллинов составляло обожествление явлений природы, а многие, особенно второстепенные, божества были теснейшим образом связаны с различными урочищами. При таких обстоятельствах, приходя на новые места, греки, чуждые нетерпимости, легко могли принять в свой пантеон богов покровителей чужих стран, разумеется, придав этим божествам сильно эллинизованный облик, а нередко отождествив их с греческими богами или героями.

Среди таких культов особое место на Северном Понте занял культ Ахилла Понтарха. Свидетельство Арктина Милетского [33] (VIII в. до н. э.)

---

[25] Многочисленные надписи см.: G. Michailov. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, I, 1956; II, 1958; III, 1961.

[26] Herod., IV, 8 сл.

[27] Там же, 59.

[28] Там же, 5—6.

[29] Имя Ταβγίταος отвечает и др.-иранск. *darga-tava* — «долгомощный» (В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 163).

[30] EGF, стр. 195, Eumelus № 17; Tzetz. ad Hes. Opp. 1 p. 23.

[31] В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 189.

[32] М. И. Артамонов. О земледелии и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, 95, 1946, стр. 3 сл.

[33] Procl. Chrest., II.

о перенесении праха этого героя на о. Левку позволяет заключить, что этот культ возник в весьма древнее [34] время. Как бы ни интерпретировать это божество, не подлежит сомнению, что Ахилл Понтарх, владыка о. Левки и «Скифской земли» [35], особо почитаемый в Ольвии, имеет ряд черт, совсем не свойственных герою Троянской войны [36].

Прежде всего это был владыка Понта, в качестве которого он пребывал постоянно на о. Левке [37] (кроме того, с ним были связаны некоторые урочища в устье Днепровско-Бугского лимана и отчасти на Боспоре Киммерийском).

Далее, в культе Ахилла Понтарха заметны черты какого-то могущественного божества, обладавшего различными аспектами. Так, в нем проступают признаки солярного божества и бога-конника. В качестве солнечного бога он выступает в брачном союзе с Ифигенией [38] — Гекатой [39], Медеей [40] и Еленой [41]. В аспекте конного бога он фигурирует в мифе об амазонках, растерзанных их собственными лошадьми согласно повелению Ахилла [42]. Примечательно, что в Ольвии в честь Ахилла устраивались конные ристания (ἀγὼν τῆς ἱπποδρομίας) [43].

Видимо, описываемое божество имело и ряд хтонических черт, следы его засвидетельствованы Гомером в знаменитой сцене Νεκυία [44], где Ахилл выступает в роли властителя над тенями Преисподней, что несколько неожиданно, если сравнить его участь с гораздо более скромным уделом, выпавшим на долю других героев — сыновей анактов. Это свидетельство Гомера примечательно еще и в том отношении, что для посещения Преисподней Одиссей должен был отправиться в страну киммерийцев, т. е. на северные берега Понта. Все это побуждает нас высказать предположение, что образ Ахилла в Νεκυία представляет собою сложное явление. В основе его несомненно лежит образ знаменитого героя Илиады, однако на него наслоились некоторые новые представления, возникшие у эллинов после неоднократных посещений отдаленных побережий Черного моря и знакомства с культами их обитателей. Если эти построения справедливы, то тогда значение представлений, проникавших с Понта в малоазийскую Ионию, для развития хотя бы некоторых образов эллинской мифологии должно для нас предстать в новом свете.

Нам уже приходилось высказывать предположение, что происхождение культа Ахилла Понтарха вряд ли может быть связано с пантеоном кочевых скифов, что он, возможно, восходит к киммерийцам. Так или иначе, трудно допустить, чтобы во времена существования эллинских городов на Северном Понте это местное божество почиталось бы одними греками. Нужно думать, что его культ был распространен и среди прибрежных варваров, во всяком случае калипидов в устьях Днепра и синдо-меотов на Таманском полуострове. Впрочем, не исключена возможность, что в более позднее время (в IV в. до н. э.) этот культ проник и к царским скифам. Об этом можно заключить по изображениям мифов об Ахилле на произведениях торевтики (чертомлыцкий горит и др.), которые исполнялись по заказу скифских царей и поэтому не могли быть украшены сюжетами, непонятными или чуждыми их владельцам.

Главное божество Херсонеса, богиня Παρθενος , судя по ее изображе-

---

[34] Возможно, хотя с уверенностью говорить об этом трудно, уже во время создания Одиссеи (Hom. Od., XI, 485, 491).

[35] Так его называет Алкей (Alc. Fr., 48B.)

[36] В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, 33, 1954, стр. 11 сл.

[37] Arrian. Peripl., 34.

[38] Nicand. Fr., 48.

[39] О близости супруги Ахилла Ифигении к Гекате см.: И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 59 сл.

[40] Schol. Apoll. Rhod. Arg., IV, 809.

[41] Philostr. Heroic., XIX, 16.

[42] Там же, 20.

[43] И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 66 сл.

[44] Hom. Od., XI, 485, 491.

ниям, особенно на монетах[45], была очень близка общеэллинской Артемиде. Эта богиня в какой-то мере была связана с местным, таврским божеством, вероятно, занимавшим первенствующее место в их пантеоне. Видимо, этому божеству было посвящено особое святилище, обнаруженное в окрестностях Ялты[46]. Судя по монетным находкам в этом святилище, оно во всяком случае функционировало с конца I в. до н. э. до второй четверти IV в. н. э. С неменьшей отчетливостью выступает большая роль местного культа Великой богини на Боспоре, особенно в азиатской части последнего, где она почиталась боспорцами под наименованием Афродиты Апатуры и Афродиты Урании. Наличие этого культа у синдо-меотов мы можем проследить в IV в. до н. э. и в последующее время по изображениям на многочисленных золотых бляшках боспорской работы, встречающихся в богатых курганных погребениях Прикубанья.

Вероятно, на местной, неэллинской основе возникли также античные мифы, которые имеют ярко выраженный северопонтийский колорит, а именно саги о меотийских амазонках, о борьбе аримаспов с грифами, о далеких гипербореях. Эти саги, ставшие в довольно раннее время общегреческим достоянием, показывают, что мифологические образы, созданные творческой фантазией северопонтийских варваров, уже в отдаленное время воспринимались эллинскими первопоселенцами в Причерноморье и даже их предшественниками — мореходами, лишь ненадолго приставшими к берегам Понта[47].

Вот в основных чертах те данные письменных источников, которые рисуют нам религиозные представления племенного мира Северного Причерноморья. Эти данные отрывочны и во многом случайны. Они позволяют, однако, предположить, что мифологические представления автохтонов Северного Понта были значительно менее развиты и не составляли сложной системы мифов, как это было у их соседей эллинов. Вместе с тем, все эти божества, являвшиеся обожествленными силами природы, не имели, согласно воззрениям скифов, человекоподобного облика, в силу чего они и не получили, во всяком случае в VII—V вв. до н. э., антропоморфных изображений в самобытном меото-скифском искусстве.

В названный период монументальное искусство скифов и меотов ограничивалось примитивными каменными изваяниями[48], которые воздвигались на курганах племенной знати и, вероятно, были связаны с культом предков. Возможно, однако, что каменные изваяния представляли собою своего рода стражей, которые навеки должны были охранять могилы знатных покойников. Основанием для этого предположения может служить описанный Геродотом[49] обычай через год после погребения скифского царя устанавливать вокруг его кургана почетную стражу из 50 убитых юношей, посаженных на столько же удавленных лошадей.

Так или иначе, обычай ставить каменные изваяния над курганами и большая пышность погребений вождей, резко отличных от скромных могил рядовых членов рода, представляет собою одно из проявлений социальной и экономической дифференциации в варварской среде того времени.

По сравнению с более древними киммерийскими изваяниями, меото-скифские скульптуры немного ближе к реальному изображению человека, но и они еще очень далеки от свободной передачи человеческой фигуры.

---

[45] А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. НС, II, М., 1913, стр. 9 сл.

[46] А. Л. Бертье-Делагард. Случайная находка древностей близ Ялты. ЗООИД, XXVII, 1907. Протоколы заседаний, стр. 19 сл.; Н. В. Пятышева. Античное влияние на скульптуру Причерноморья, ВДИ, 1946, 3, стр. 181, рис. 6.

[47] Возможность проникновения местных северопонтийских мифологических образов в общеэллинскую мифологию в столь раннее время, как нам кажется, может служить косвенным подтверждением допустимости нашего предположения о некотором воздействии культа Ахилла Понтарха на образ Ахилла в XI песне Одиссеи.

[48] А. А. Спицын. Археологические заметки. ТСА РАНИОН, IV, 1928, стр. 487 сл.

[49] Herod., IV, 72.

Несравненно большее развитие получили у меотов и скифов торевтика и отчасти резьба по кости. Такие изделия местных мастеров служили украшениями парадного оружия, конской сбруи и одежды преимущественно знатных воинов. Обычно это были плоские рельефные фигуры, представлявшие грифов, а также орлов, пантер, баранов, оленей и других животных. Характерной особенностью этих изображений так называемого звериного стиля в период расцвета меото-скифского искусства — в VII—V вв. до н. э.— был лаконизм форм, исключительная выразительность силуэта и большая экспрессия; животное обычно изображалось в схеме прыжка с прижатыми к брюху ногами, как бы летящим в воздухе.

Звериный стиль — очень яркое самобытное явление, возникшее в мире меото-скифских племен Юго-Восточной Европы, использовавших художественные традиции киммерийской и так называемой кобанской культур, оплодотворив их знакомством с художественным творчеством Переднего Востока.

Зооморфные образы в меото-скифском искусстве представляли собою не жанровые изображения животных, а несомненно имели глубокое идейное содержание. Нередко встречающийся мотив — изображение грифа — представлял грозное чудовище местных мифов, хранителя золота, подобного колхидскому дракону — сторожу золотого руна. Об этих грифах, с которыми борются одноглазые аримаспы, писал Геродот [50], и они, возможно, были известны уже Аристею [51], жившему около начала VII в. до н. э.

Другой очень распространенный сюжет — изображение несущегося в прыжке оленя. Этот мотив имел не менее важное значение. Иранское наименование оленя — saka — является этнонимом одного из значительнейших иранских племен — саков, вместе с тем он входит как составная часть в название другого племени Θυσσαγέται [52], означавшего «быстрые олени». Особенно же показательно племенное наименование Μασσαγέται «люди-олени» [53]. Возможно, что идеология северопонтийских варваров наделяла эти изображения оленей и иным содержанием — носителей больших явлений природы. Может быть подобно киммерийцам, у которых изображение быка находилось в какой-то связи с солнечным культом [54], изображение оленя у меото-скифов также находилось в связи с почитанием солнца. Во всяком случае, в древнейших пластах фольклора более поздних обитателей Восточной Европы нам известна персонификация летнего солнца в образе златорогого оленя [55].

Зооморфные могучие демоны широко известны в архаических космогониях многих народов, в частности их мы находим и в эллинской мифологии [56]. Поэтому вряд ли следует сомневаться в том, что и другие изображения животных в зверином стиле имели какое-то особое значение. Ведь назначением произведений звериного стиля было не только украшать тщеславного всадника и его коня, но прежде всего обеспечить его могучими талисманами, дарующими ему силу, смелость и удачу, а его коню — быстроту и выносливость. Такие апотропеи должны были охранять его владельца от неудач и злых козней, а также устрашать врагов, т. е. наивному восприятию варваров эти произведения искусства представлялись наделенными магической силой, которая, вероятно, сохраняла свое значение и в потустороннем мире [57].

---

[50] Herod., IV, 27.

[51] Tzetz. Chil., VII, 686; Herod., IV, 13.

[52] Herod., IV, 22.

[53] В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 179.

[54] Мы имеем в виду изображение солнца, а под ним быка, упоминавшихся нами, на медном топоре из Керчи.

[55] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, стр. 639 сл.

[56] Упомянем хотя бы чудовищ Феогонии Гесиода (Hesiod. Theogon., 295 сл.).

[57] Об этом говорят похоронные обряды обитателей Алтая скифского времени, близких по культуре северопонтийским варварам, а именно, обычай надевать на ло-

Таким образом, в искусстве меото-скифов, видимо, силы природы или не изображались, или облекались в зооморфные формы. Антропоморфные изваяния героизированных покойных или их стражей представляли собой беспомощные примитивные фигуры, едва передающие облик скифского воина, сильно уступая по художественному достоинству произведениям меото-скифской торевтики.

Такова была в основных чертах идеология наиболее развитых северопричерноморских племен во времена возникновения и в первые века существования греческих поселений на Северном Понте.

* * *

Эллинские переселенцы на северных берегах Черного моря особенно со времени основания полисов перенесли туда все установления греческого общества того времени: социально-экономический строй, культуру, искусство, мировоззрение. Богатое поэтическими образами мифологическое мировоззрение к тому времени в основном приобрело вполне завершенную форму. Вся природа воспринималась сквозь призму наполнявших ее антропоморфных божеств. Появилась, правда, не получившая еще распространения в широких кругах, эллинская философия, зарождалась и греческая наука.

Когда мы говорим о сложившейся эллинской мифологии, мы должны помнить, что грекам, приходившим в VII—VI вв. до н. э. на северные берега Понта, были хорошо известны мифы о странствованиях Геракла, о скитаниях Ио, о походах Аргонавтов, о пребывании Ифигении в Тавриде, о посещении Одиссеем мрачной страны киммерийцев и, наконец, о перенесении Фетидой тела ее сына Ахилла на о. Левку, где он стал Понтархом.

Эллины, обосновавшиеся на северных берегах Понта, и их потомки оказались в несколько ином положении, чем их единоплеменники, оставшиеся в метрополии; последние сплошным однородным этническим массивом заселяли сравнительно обширную территорию, где и города, и примыкавшая к ним хора были эллинскими. Растянувшиеся довольно редкой цепочкой древнегреческие города на Северном Понте, сильно ограниченные в возможностях поддерживать интенсивные связи с метрополией, были обрамлены преимущественно варварской хорой. Для греков, обитавших на Балканском полуострове и берегах Эгейского моря, богатейший арсенал эллинской мифологии был всецело связан с той страной, в которой они жили; он родился или, по крайней мере, принял окончательную форму именно на этой почве. В ином положении оказались греки на северопонтийских берегах. Они бережно сохраняли заветы, перенесенные из метрополии, но им приходилось жить в чужой стране, находившейся, по их представлениям, в ведении местных божеств, с которыми греки не могли не считаться. Поэтому в мифологические представления северопонтийских греков вплелись некоторые местные сказания и отчасти культы, ставшие затем и общеэллинским достоянием. Так было заложено начало некоторому сближению эллинских и варварских представлений, но, как мы увидим в дальнейшем, это отнюдь еще не означало наличия сколько-нибудь значительного взаимопонимания. Тем более, что в остальном, особенно на первых порах, греческие переселенцы цепко держались старых традиций, вкусов и прочего наследия прошлого.

Контакт эллинов и северопонтийских варваров был весьма длительным, начало его уходит в седую древность, и систематические, постепенно усилившиеся связи, восходят, во всяком случае, еще к последней трети VIII в. до н. э., ко времени коринфского поэта Евмела. Взаимоотношения между греками и местными племенами развивались длительно и постепенно.

шадей специальные маски оленя и грифа (С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 214 сл.).

Однако уже с самого начала наметилось следующее явление. Возле древнейших очагов эллинской колонизации, на западе и востоке Северного Причерноморья, а именно около Березани и Ольвии, с одной стороны, и у берегов Боспора Киммерийского,— с другой, выделились несколько эллинизованные (но отнюдь не эллинизовавшиеся полностью) небольшие местные племена. На западе это были каллипиды, согласно Геродоту [58], являющиеся эллинами-скифами (Καλλιπίδαι νέμονται ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι), которые жили возле эмпория Борисфенитов. На востоке таковыми были синды — обитатели южной части Таманского полуострова и прилежащей территории. Археологические работы [59] в западной части Синдики показали, что ее материальная культура подверглась заметной эллинизации уже в конце VI—V вв. до н. э.

Иное дело отдаленный от греческих городов остальной разноплеменный и разнохарактерный варварский мир, который в полной мере сохранял свою исконную самобытность, несмотря на контакты, в которые ему время от времени приходилось вступать с отдельными эллинами. Эти контакты могли быть военными столкновениями, которые мало способствуют взаимопониманию даже в случаях захвата пленных. Значительно бóльшие результаты могли приносить контакты греческих купцов со скифами, меотами и другими племенами. Греческие купцы в погоне за наживой уже в начале VI в. до н. э. отваживались пускаться в глубины скифской территории, как об этом свидетельствует греческая надпись: Λάχε με «получи меня по жребию» [60], процарапанная каким-то греком, вероятно эмпором, на местном скифском сосуде, найденном при раскопках Немировского городища, расположенного около Буга, примерно в 300 *км* к северу от Ольвии.

Подобные экономические контакты греков со скифами были возможны лишь при условии хотя бы самого поверхностного знакомства греческих купцов со скифским языком, ибо, пользуясь одной жестикуляцией, вряд ли они могли успешно проникать в глубины Скифии. Нужно думать, что в распоряжении этих предприимчивых купцов была какая-то скифская vulgata mercatorum, своего рода argo des marchands. Это позволяло наиболее любознательным из греков ознакомиться с географией и этнографией Скифии, а также прилежащих к ней областей. На основе этих данных Гекатей Милетский уже в конце VI в. до н. э. написал свою замечательную Περιήγησις, к сожалению, дошедшую до нас лишь в незначительных отрывках, но, видимо, во многом определившую [61] содержание более широко известного труда Геродота. На основе трудов своего предшественника и рассказов ольвийских купцов Геродот мог познакомиться с физической и этнической географией страны, обычаями ее обитателей, приобрести хотя

[58] Herod., IV, 17.

[59] В. Д. Блаватский. Пятый год работ в Синдике. КСИИМК, 74, 1959, стр. 41 сл.

[60] Б. Н. Граков. Греческое графитто из Немировского городища. СА, 1959, 1, стр. 259 сл.

[61] Позволим себе высказать следующую гипотезу. Описанный Геродотом (Herod., IV, 71—72) обряд погребения скифских царей, сопровождаемый закланием большого числа людей и лошадей и захоронением с покойным богатого инвентаря, в сущности не находит подтверждения в известных в настоящее время курганных погребениях Приднепровья, относящихся к VI — первой половине V в. до н. э. Знаменитые скифские царские курганы этого района относятся к значительно более позднему времени (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 404 сл., стр. 458). Другое дело — богатейшие погребения Прикубанья с золотым инвентарем, многочисленными жертвоприношениями лошадей и человеческими жертвами (М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 329 сл.). Сказанное наводит на мысль, не заимствовал ли Геродот у Гекатея описание погребения вождей прикубанских племен, приписав их царским скифам. Как известно, Гекатей проявлял особый интерес к территориям, соседним с азиатской частью Боспора (М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 17 сл.). Что же касается Геродота, то он тенденциозно, по-видимому, по соображениям политического характера, обходил молчанием все то, что касается Боспора и его соседей (Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959. стр. 59 сл.).

бы поверхностное знакомство с ее идеологией. Не подлежит сомнению, что первоисточником всех этих разнообразных сведений в основном были эллинские эмпоры, отважно отправлявшиеся в глубины варварской страны. Именно таким путем могли получать греки сведения от варваров о местных божествах, подобно тому как несколько раньше при общении с обитателями северочерноморских берегов они ознакомились с тем богом, который в эллинизированном аспекте стал Ахиллом Понтархом.

Другим результатом посещения греческими купцами варварских стран было некоторое, хотя бы самое поверхностное и, конечно, искаженное, знакомство скифского и меотского общества, преимущественно знати, с эллинским миром. Греческие купцы что-нибудь да сообщали о своей родине, вероятно, многое приукрашивая, рассказывали о своих городах, обычаях, материальной культуре, мифах и т. п. Более глубокое знакомство с греческой культурой через таких посредников, как эмпоры, не было возможно, но ведь и позднее, когда греко-варварские контакты стали более интенсивными, вряд ли к скифам проникали такие культурные ценности эллинов, как их литература, наука, философия.

Так или иначе, но с каким-то поверхностным знакомством скифов с греческим миром связана хотя бы полулегендарная история Анахарсиса [62] и рассказ Геродота [63] о скифском посольстве в Спарту для заключения союза против персов. Еще одним, но вряд ли значительным источником проникновения эллинской культуры к варварам, были браки местной знати с гречанками, например отца Скила, скифского царя Ариапейфа, с истрианкой, которая обучила своего сына эллинской грамоте [64].

Уже один факт появления греческих купцов — этих иноземных элементов — в недрах скифского общества был совершенно новым явлением в его истории. Более того, он повлек за собою некоторое, впрочем небольшое, изменение в структуре верхнего пласта этого общества. А именно, у скифского царя появляется особый поверенный — ἐπίτροπος [65], нужно думать, из числа греческих купцов, который ведет их торговые, а, вероятно, также и дипломатические дела. Таким образом, у скифов появляется новый институт — mutatis mutandis, несколько напоминающий эллинских проксенов.

Это не могло привести к большим последствиям в силу того глубокого различия, которое было между эллинским обществом и варварским, особенно номадами, прежде всего в социально-экономической структуре, быте, потребностях и во всем культурном укладе.

От небольших северопонтийских эллинских государств с их античным рабовладением и полисной структурой гражданской общины резко отличалось меотско-скифское общество номадов и земледельцев. Так, рабство у скифов в V в. до н. э., как его рисует Геродот [66], было значительно примитивнее греческого, даже фессалийского, не говоря уже о более развитых полисах [67]. Ведь у скифов совсем не было покупных (ἀργυρώνητοι) рабов. Скифские басилевсы располагали слугами (θεράποντες), которых, по-видимому, в качестве повинности доставляли царским скифам зависимые от них племена. Принадлежавшие рядовым скифам рабы обычно были военнопленными. Скифы ослепляли этих рабов и использовали их только в домашнем хозяйстве, но и там их роль была невелика [68].

Не меньшее различие наблюдалось и в экономической организации: в греческих полисах, помимо агрикультуры, очень большую роль играли

---

[62] Herod., IV, 76.
[63] Там же, 84.
[64] Там же, 78.
[65] Таковым был уже упоминавшийся нами Тимн у скифского царя Ариапейфа (Herod., IV, 76).
[66] Herod, IV, 71—72.
[67] В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, 1954, стр. 33 сл.
[68] Herod., IV, 2.

ремесло, промыслы и торговля, между тем как у варваров, особенно кочевых скотоводов, экономический уклад был более односторонним.

Ко временам Геродота эллинский полис представлял собою сложившееся государство, значительно более развитое в политическом отношении, чем те племенные союзы, возглавляемые военными вождями, которые в это время существовали у скифов.

Эллинский город с общественным и экономическим центром — агорой, храмами богов-патронов общины, довольно благоустроенными домами, надежной системой фортификации резко отличался от поселков варваров земледельцев и становищ номадов. Не менее разительным было и культурное различие эллинов, обладавших многовековой письменностью, обширной литературой, уже сложившимися к тому времени начатками различных отраслей науки и обладавших лишь примитивными представлениями, не знавших письма варваров, самобытное творчество которых не пошло далее сложения эпических поэм [69].

Наконец, очень большое различие имело место в мировоззрении местных племен и основной массы эллинов. Грекам было свойственно антропоморфное восприятие природы, и изображение человека стало раз навсегда основной темой их изобразительного искусства. Напротив, меотам и скифам в VII—V вв. до н. э. были гораздо ближе зооморфные изображения, что, видимо, отвечало их мировоззрению и художественным вкусам. С этим связан образ змееногой девы-прародительницы скифов. Ярким порождением этого мировоззрения меотов и скифов был звериный стиль. Как известно, в этой области они создавали настоящие шедевры (например, знаменитый олень из станицы Костромской).

В течение VII—V вв. до н. э. мы можем наблюдать нарастание взаимодействий между меотами и скифами, с одной стороны, и эллинами,— с другой, правда, взаимодействий еще весьма ограниченных. Но все же какие-то сдвиги несомненно происходили, и притом в различных областях. Так, ко времени Геродота [70] скифы-пахари (Σκύθαι ἀροτῆρες) уже сеяли хлеб специально на продажу, очевидно, греческим купцам. К скифам уже с последних десятилетий VII в. до н. э. проникает греческое вино [71] и изделия эллинского ремесла [72], среди которых видное место занимают расписные вазы с изображениями, главным образом, животных и различными узорами, а также бронзовые изделия, украшенные близкими мотивами. Ввоз греческих товаров в Скифию возрастает в VI—V вв. до н. э. [73].

Контакты эллинов с северопонтийским племенным миром позволили последнему ознакомиться с произведениями греческого искусства и художественного ремесла, впервые увидеть реальное изображение человеческой фигуры, от чего еще очень далеки были архаические каменные изваяния, ставившиеся на курганах. Антропоморфизм эллинского искусства не мог не оплодотворить художественную культуру меотов и скифов. Однако этот процесс эстетического обогащения идеологии автохтонов Северного Причерноморья был длительным и постепенным. Прежде всего потому, что ему должно было сопутствовать глубокое изменение в идеологии варварского общества. Потребность увидеть образы своей мифологии воплощенными в искусстве, как например, скифскую змееногую деву или меотского Конного бога, названные племена ощутили далеко не сразу.

---

[69] Изложение одной из таких поэм, видимо, легло в основу описания Геродотом похода Дария против скифов (Herod., IV, 118—136).

[70] Herod., IV, 17.

[71] Anacr., LXVII.

[72] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, 34, 1914, стр. 29 сл.; Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? «Археологія», I, Киев, 1947, стр. 23 сл.; Н. Н. Бондарь. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 58 сл.

[73] Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII—V вв. до н. э.). СА, 1960, 2, стр. 28 сл.; стр. 40.

Мы уже говорили о том, что одним из существенных звеньев внедрения античной культуры в северопричерноморские степи был ввоз туда различных произведений греческого художественного ремесла — расписной керамики, бронзовых изделий, ювелирных поделок, проникавших в Приднепровье, Придонье и Прикубанье уже в VII—VI вв. до н. э. С VI в. до н. э. наблюдается изготовление в мастерских Ольвии и боспорских городов металлических изделий, специально предназначенных для вывоза в степь. Таковы многочисленные ольвийские бронзовые зеркала[74], получившие широкое распространение по всему Северному Причерноморью и проникавшие на восток до района Орска[75]. Подобные зеркала, нужно думать, имели немалое значение в магических действиях и, в частности, в погребальном ритуале. Менее полнокровные, чем в натуре, мнимые изображения предметов, отражаемые в несколько уменьшенном размере в греческих зеркалах, должны были оказывать сильнейшее впечатление на наивное восприятие природы неискушенного варвара. В его примитивном сознании они легко могли связываться с таинственным потусторонним миром, о чем нам еще придется говорить в дальнейшем.

Среди металлических изделий, изготовлявшихся в греческих мастерских для северопонтийской племенной знати, выделяется серебряное позолоченное зеркало с фигурными изображениями, найденное в Келермесском кургане[76]. Оно было исполнено примерно в середине VI в. до н. э. в одном из боспорских городов, вероятно в Пантикапее (но возможно, и в Гермонассе). На этом зеркале имеется ряд чисто эллинских мотивов, например изображение Восточной Артемиды в известной схеме πότνια θηρῶν, но некоторые сюжеты вряд ли[77] можно считать греческими: такова сцена борьбы людей с грифами или фигура медведя. Примечательна фигура барана с поджатыми ногами в схеме, столь характерной для «звериного стиля». Таким образом, в келермесском зеркале, очевидно, сделанном для одного из меотских вождей, мы наблюдаем зарождение новой отрасли греческого ювелирного дела: изготовление художественных изделий из драгоценных металлов, специально предназначенных для местной племенной знати.

Все же число античных изделий, проникавших в степи, особенно в раннее время, было сравнительно невелико, и попадали они в руки довольно ограниченного круга потребителей. Воздействие, оказываемое этими предметами на вкусы и идеологию, особенно основной массы меотов и скифов, не следует слишком переоценивать.

Проникновение античной культуры в племенной мир Северного Причерноморья в VII—V вв. до н. э. сильно затруднялось консерватизмом примитивных племен и коренными различиями между эллинским миром и варварами. История скифского царя Скила[78], воспринявшего эллинские обычаи и посвященного в таинства Диониса-Вакха, за что он был свергнут и убит своими соотечественниками, наглядно показывает, к каким острым конфликтам приводили попытки ввести какие-либо новшества у скифов. Вместе с тем примечательно, что к заимствованным от эллинов новшествам были более склонны отдельные скифские вожди, а основная масса населения проявляла к ним враждебное отношение. Такие тенденции набюдались у скифов во времена Скила, т. е. около середины V в. до н. э.[79]; позднее эти противоречия стали постепенно уменьшаться, но все же коренные изменения произошли лишь в первых веках нашей эры.

---

[74] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 27.

[75] Б. Н. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям..., стр. 23 сл.

[76] В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, стр. 29 сл.; его же. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 142 сл.; М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 281 сл.

[77] H. Payne. Necrocorinthia. A Study of Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford, 1931, стр. 231, прим. 2.

[78] Herod., IV, 78—80.

[79] Т. В. Блаватская. Ук. соч., стр. 68, прим. 68. Мраморная статуя грифа или сфинкса V в. до н. э. из Ольвии (в сб. «Древний мир на юге России». М., 1918, стр. 39, рис. 34) напоминает о подобных скульптурах, стоявших вокруг дома Скила.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

О НАЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ, ИЗОБРАЖАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

В последние годы на бывшей огромной территории тюркских каганатов VI—VIII вв., простиравшейся от Каспийского моря до Великой китайской стены и от Алтая до Тянь-Шаня, советскими, монгольскими и китайскими исследователями открыто много каменных изваяний [1]. Эти изваяния, изображающие мужчин, преимущественно воинов, сооружались древнетюркскими племенами в VI—VIII вв. и представляют собой чрезвычайно важные памятники для воссоздания истории древних и современных тюркоязычных племен и народов.

В археологической литературе существует значительный разнобой в толковании семантики каменных фигур VI—VIII вв., что затрудняет использование их в качестве исторических свидетельств. Поэтому важно установить истинное назначение древнетюркских изваяний, опираясь на факты и не вдаваясь в сущность разногласий [2].

Очевидно, прежде всего необходимо проанализировать три основных вида источников по этому вопросу: а) письменные, б) археологические и в) данные этнографии.

Важнейшее значение имеет для нашей темы текст китайской хроники Суйшу (окончена в 636 г.), гласящий (в переводе Н. Я. Бичурина): «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника (разрядка моя.— *Л. К.*) и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» [3]. Имеются еще два опыта перевода этого же места Суйшу, сделанные недавно Р. Ф. Итсом («У могилы из дерева ставят дом. Внутри его рисуют облик покойника (разрядка моя.— *Л. К.*), а также военные подвиги, совершенные им при жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, ставят один камень — и так до сотни и тысячи») [4] и Лю Мау-цаем («Затем они погребают пепел и устанавливают на

---

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952; Р. Ф. Итс. О каменных изваяниях в Синьцзяне. СЭ, 1958, 2; К. В. Вяткина. Археологические памятники в МНР. СЭ, 1959, 1; Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМГУ, серия IX ист., 1960, 1; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Хуан Вэнь-би. Археологические открытия в провинции Синьцзян. «Каогу», 1960, 2 (на кит. яз.); Ли Чжэн. Краткое сообщение о разведках могил с каменными бабами в районе Алтая. «Вэньу», 1962, 7—8 (на кит. яз.).

[2] Критическим дополнением к этой статье является моя рецензия на указанную книгу А. Д. Грача (СА, 1964, 1, стр. 349—355). См. там о балбалах.

[3] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950, 1, стр. 230.

[4] Р. Ф. Итс. Ук. соч., стр. 102.

могилу деревянный столб в качестве памятного знака. На могиле они сооружают помещение, в котором рисуют облик покойника (разрядка моя.— *Л. К.*) и сцены битв, в которых умерший принимал участие до своей смерти. Если он некогда убил одного человека (в битве), тогда один камень ставят (перед могилой). Число камней достигало иногда до ста или тысячи») [5].

Отличия переводов несущественны и «старый» перевод Н. Я. Бичурина остается в силе. То же самое сказано и в другой китайской хронике Бэйши (окончена в 659 г.): «Они устанавливали на могиле (памятный) столб. На могиле сооружалось помещение, в котором рисовался облик покойного (разрядка моя.— *Л. К.*) и сцены битв из его жизни. Если умерший некогда убил одного человека, то ставили один камень. При этом бывало, что сотни и тысячи камней были установлены» [6].

Из этих китайских свидетельств определенно устанавливается, что тюрки-тугю в VI — начале VII в. ставили ряд из необработанных камней, по числу убитых покойным врагов. Это полностью соответствует балбалам древнетюркских надписей и рядам каменных столбиков, зафиксированных археологически. Далее сообщается, что перед рядом камней ставится деревянный дом или какое-то помещение, что также полностью соответствует поминальным храмам со стенами из сырцовых кирпичей и черепичной крышей, сооруженным для тюрок китайскими строителями (на памятниках Кюль-Тегина, Бильгя-Кагана, других каганов и вельмож восточных тюрок, известных как по письменным, так и по археологическим данным) [7], а также открытой мною на поминальном сооружении VII—VIII вв. в юго-восточной Туве деревянной юрте, в которой совершались поминальные жертвы [8]. Для менее знатных лиц такими помещениями служили орнаментированные «саркофаги» из мраморных и сланцевых плит, а для рядовых воинов — общеизвестные поминальные оградки.

Наконец, о «нарисованном» облике покойного, который, согласно цитированным текстам, помещался в поминальном помещении. Здесь следует сказать, что ранние китайские историки, составлявшие соответствующие хроники, сами не видели ни погребальных, ни поминальных сооружений древних тюрок и заимствовали сведения из докладных записок китайских официальных лиц и других данных. Авторы записок чаще всего основывались на сообщениях самих тюрок, приезжавших в Китай с посольскими, торговыми и иными целями [9].

По словам венгерского тюрколога Г. Вамбери, «в тюркском понятии: писать, рисовать, малевать, изображение, наружный вид, лицо — покоятся на основной идее вырезывания, выцарапывания, гравирования...» [10].

Поэтому в древнетюркских текстах нет терминов: статуя, скульптура, изваяние, зато есть термины: «бэдиз» — резьба, орнамент [11], «резные (фигуры)» [12], украшение (скульптурное) [13], портрет (образ, изображение),

[5] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der ost-türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958, I, стр. 42.

[6] Liu Mau-tsai, Ук. соч., II, стр. 500, прим. 56.

[7] В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Коношайдаме. «Сборник трудов Орхонской экспедиции», IV, СПб., 1897; L. Yisl. Výzkum Külteginova pamatniku v Mongolské Lidove Republice. AR, 1960, XII, вып. 1.

[8] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 64—67.

[9] В хронике Суйшу, например, использованы три основных источника о тюрках: 1) «Доклад об обычаях северных дикарей», 2) «Доклад об обычаях варваров», 3) «Доклад о нравах и обычаях, существующих у тугю». В Чжоушу явно по рассказам самих тюрок приведены разные варианты легенд о их происхождении. См. Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 221.

[10] Г. Вамбери. Первобытная культура тюрко-татарских народов. Зап. ЗСОРГО, VI, Омск, 1884, стр. 22.

[11] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 369.

[12] С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 43; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО, XII, вып. II—III, СПб., 1899, стр. 78.

[13] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 92.

картина, живопись [14]; «бэдизчи» — резчик, гравировщик, художник, мастер; «бэдизэд» — вырезать, расписывать, писать картину.

Отсюда «нарисованный облик покойника» китайских хроник, взятый из древнетюркской речи, где термин «статуя» отсутствовал, мог означать вырезанное на камне изображение или даже статую покойного.

Ведь и среди известных древнетюркских фигур очень многие являются буквально нарисованными (выбитыми) на плоскостях валунов или простых плит, не имеющих никакой скульптурной обработки [15].

Такая точка зрения подтверждается более поздними сообщениями китайских исторических хроник, где авторы писали уже не со слов тюрок, а по китайским данным. Известно о посылке китайских послов, строителей, художников и скульпторов на поминки Кюль-Тегина и Бильгя-Кагана с задачей сооружения для них поминальных комплексов. Когда умер Кюль-Тегин, сообщает Синь-Таншу, «отправлены военачальник Чжан Кюй-и и сановник Люй Сян с манифестом за государственною печатью утешить и принести жертву. Император приказал иссечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличною работой, чего в тукюеском государстве еще не бывало» [16]. Как видим, в этом тексте Синь-Таншу говорится о том же, что и в более ранних хрониках Суйшу и Бэйши, только «нарисованный облик покойного» закономерно заменен его статуей. Эта статуя умершего Кюль-Тегина стояла в его поминальном храме и ныне найдена при раскопках [17].

На поминки Бильгя-Кагана было направлено посольство во главе с Ли Цзю-анем, чтобы «для умершего Бильгэ соорудить в (поминальном) храме статую и высечь на камне его заслуги». Об этом сказано в китайском тексте памятника Бильгя-Кагана [18].

Все это свидетельствует, что для высшей знати и каганов, которым сооружались сложные поминальные памятники, в храмах по тюркскому обычаю ставились статуи, изображавшие умершего, а не просто нарисованный портрет, хотя стены храмов расписывались при этом сценами из жизни покойного. А для умерших рядовых воинов, которым вместо храма делали простую поминальную оградку, облик покойного «рисовался» на установленном с восточной стороны камне, который хорошие мастера превращали даже в скульптуру, иногда превосходной работы.

Таким образом, письменные источники и археологические данные позволяют твердо установить, что в древнетюркский поминальный комплекс входили как статуи или «нарисованные» каменные фигуры, изображавшие самого умершего тюркского воина, так и каменные столбики-балбалы, установленные в ряд перед такой фигурой и символизировавшие собой убитых воином врагов.

Иногда утверждают [19], что якобы перевод Н. Я. Бичурина о тюркском погребальном обряде («сделанный более ста лет назад») взят Бичуриным из поздней хроники Таншу. Это совершенно неверно. Ни в Цзю-Таншу, ни в Синь-Таншу этого места нет [20]. Из подзаголовков нового издания замечательного труда Бичурина должно было бы стать ясным, что на

---

[14] A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 302.

[15] Например, из 58 фигур, приведенных в книге Грача, 25 скульптурами не являются, так как просто прорисованы на камнях естественных форм. Ср. Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 2; 8, *3*; 13, *2*; 14, *15*; 17, *1*; 39; 50, *3*; 51, *1*; 71, *1*, *2*, *7*, *8*, *10*.

[16] Н. Я. Бичурин. Ук. соч. I, стр. 277; Liu Mau-tsai. Ук. соч., I, стр. 179 и 228—229.

[17] L. Yisl. Ук. соч., рис. 49 и 51.

[18] Liu Mau-tsai. Ук. соч., II, стр. 620—621, прим. 999; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. SPb., 1894, вып. 2, стр. 173; Ср. «Сборник трудов Орхонской экспедиции», III, СПб., 1897, стр. 14.

[19] А. Д. Грач. Ук. соч., стр. 73—76.

[20] См. Liu Mau-tsai. Ук. соч., I, стр. 132—231.

стр. 220—246 Бичурин дает совмещенные переводы текстов из Чжоушу и Суйшу и только с 246-й страницы — из Синь-Таншу [21]. Как было показано мною выше, обвинение, брошенное виднейшему русскому синологу Н. Я. Бичурину, по меньшей мере «недостаточно аргументировано». Пытаются также выдать за «более древний вариант источников» хронику Чжоушу, в которой отсутствует указание на «нарисованный облик покойного», имеющийся в Суйшу и Бэйши. Но Р. Ф. Итс справедливо указал, что Линху Дэ-пен и Вэй Чжен (авторы Чжоушу и Суйшу) были не только современниками, но и коллегами, что разделы о тюрках в обеих историях «почти текстуально совпадают, исключая стилистические изменения и некоторые второстепенные детали» [22]. Данные Итса совпадают с материалами Лю Мау-цая, который к тому же разъясняет, что часть Чжоушу (окончена в 629 г.) позднее была утеряна и дополнена затем из Бэйши [23]. Следовательно, о большей «древности» текста Чжоушу, сравнительно с Суйшу и Бэйши, говорить не приходится.

По Р. Ф. Итсу, в Чжоушу сказано: «По окончании похорон на могиле ставится каменный знак, другие камни много или мало (ставятся) в зависимости от количества убитых людей (покойником) при жизни» [24]. Несколько отличается перевод этого места у Лю Мау-цая: «После похорон они накладывали камни и устанавливали при этом (памятный) столб; число камней определялось каждый раз по количеству людей, которых умерший убил при жизни» [25].

В приведенных отрывках Суйшу и Бэйши, с одной стороны, и Чжоушу,— с другой, есть расхождения в деталях описания погребального обряда тюрок-тугю, но нет противоречия. Можно ли их противопоставлять или отдавать преимущество тому или иному источнику? Нет, нельзя. Это понимал Н. Я. Бичурин, объединив в своем переводе данные Суйшу и Чжоушу.

Данные Суйшу и Бэйши точно соответствуют, как показано выше, данным орхонских текстов. Археологически подтверждается также наличие в поминальных сооружениях «нарисованного облика покойного» (каменная фигура или статуя), поминального помещения (храм, деревянная юрта, большие или малые ограды из плит) и рядов каменных столбиков-балбалов по числу убитых врагов [26].

Полностью соответствует археологическим данным и выдержка из Чжоушу. Только речь здесь идет не о поминальных сооружениях каганов и высшей знати, как в Суйшу и Бэйши, а о памятниках рядового населения. Статистика показывает, что оградки, не имеющие каменных фигур человека, преобладают в количественном отношении среди всех древнетюркских поминальных сооружений.

К 1959 г. мне в Туве были известны 42 жертвенно-поминальные ограды, у восточных стенок которых стояли вертикально вкопанные простые плиты или валуны [27]. Они-то и есть, очевидно, каменный знак — столб по Чжоушу. При этом у 19 из 42 таких оград, кроме «главного» камня — «знака», заменяющего каменную фигуру, имелись еще отходящие на восток ряды более мелких каменных балбалов, поставленных, как сказано в Чжоушу, по количеству людей, убитых умершим при жизни.

---

[21] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 220 и 246.
[22] Р. Ф. Итс. Ук. соч., стр. 102.
[23] Liu Mau-tsai. Ук. соч., I, стр. 473—475.
[24] Р. Ф. Итс. Ук. соч., стр. 102—103.
[25] Liu Mau-tsai. Ук. соч., I, стр. 10.
[26] Общеизвестно, что вместо оградки у высшей знати был жертвенник и сооружался поминальный храм (в котором и найдена статуя Кюль-Тегина с жертвенными ямами перед ней), а балбалы, по указанию Йисла (Ural-Altaische Yahrbücher, XXXII, тетр. 1—2, Wiesbaden, 1960, стр. 67), составляли ряд длиной свыше 3 *км*, и их было насчитано 169 штук.
[27] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 57—60 с прим.

Как видим, никакого противоречия в китайских источниках нет. Очевидно, при общем совпадении основных текстов, приведенных в Чжоушу и Суйшу, в данном конкретном месте автор Суйшу использовал факты о поминальных сооружениях высшей знати, а автор Чжоушу привел то же самое, но для рядовых тюрок-тугю.

Здесь же следует отметить, что фигурирующее в приведенных выше отрывках китайских хроник слово «могила» не может пониматься буквально. Дело в том, что изваяния людей, животных и стелы с биографическими текстами у самих китайцев действительно сооружались при могилах. Но у тюрок-тугю они ставились при отдельно сооружавшихся во время поминок особых жертвенно-поминальных сооружениях. К этому совершенно правильному выводу пришел уже В. В. Радлов, произведший раскопки на поминальном сооружении Бильгя-Кагана [28]. Впоследствии это было подтверждено раскопками поминальных сооружений знати, произведенными В. Л. Котвичем в 1912 г. [29], Б. Я. Владимирцовым и Г. И. Боровкой в 1925 г. [30], Л. Р. Кызласовым в 1955 г. [31] и Л. Йислом в 1958 г. [32]

Это же косвенно подтверждается и китайскими данными. Например, Таншу сообщает, что когда в 645 г. в Китае умер тюркский каган Сымо, то он был «погребен на царском кладбище Чжао-лин. Могила сделана на горе Бай-дао-шань. Каменный памятник с описанием заслуг его поставлен в Хуа-чжоу» [33]. В данном случае «могила» есть не собственно место погребения, а, очевидно, поминальное сооружение, расположенное в другом месте.

Выше указывалось, что после смерти Кюль-Тегина император Сюанцзун послал на Орхон генерала Чжан Кюй-и и чиновника Люй Сяна «утешить и принести жертву», т. е. на поминки, а не на похороны. Это же подчеркнуто в личном письме Сюан-цзуна к Бильгя-Кагану, оплакивавшему смерть своего брата: «Ныне, в знак соболезнования, приношу подарок и отправляю (посольство) для жертвоприношения» [34].

Из текста памятника Кюль-Тегина видно, что между смертью его (начало 731 г.) и похоронами прошло 8,5 месяцев, а между похоронами и освящением построенного при участии китайцев поминального сооружения (осень 732 г.) прошло еще 10,5 месяцев [35]. Недавние раскопки этого сооружения, произведенные Л. Йислом, вскрыли поминальный храм с сидящими в нем статуями Кюль-Тегина и его супруги. Перед статуями обнаружены три жертвенные ямы со следами обжига и обломками сосудов, в которых приносили сюда жертвенную пищу и питье [36].

Специальные жертвенно-поминальные сооружения на территории Южной Сибири и Центральной Азии существовали еще раньше, например в период шурмакской культуры (II в. до н. э.— V в. н. э.) в Туве [37]. Были они и позднее у уйгуров и даже у древних монголов. Например, ссылаясь на Юаньши, П. Кафаров пишет: «По древнему монгольскому обычаю, для душ покойных ханов устраивались особые шатры (в Китае, по оседлости монголов, устраивались для душ палаты), в которых по временам совершалось служение шаманов и приносимы были жертвы. При

---

[28] В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 7.

[29] В. Л. Котвич. Поездка в долину Орхона летом 1912 года. ЗВОРАО, XXII, 1—2, СПб., 1914.

[30] Сб. «Северная Монголия», II, Л., 1927.

[31] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 64—67.

[32] L. Yisl. Ук. соч.

[33] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 262.

[34] «Сборник трудов Орхонской экспедиции», III, СПб., 1897, стр. 9.

[35] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 43.

[36] L. Yisl. Ук. соч.

[37] Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМГУ, 1958, 4, стр. 89—96.

подобных шатрах и палатах была особая стража, по нескольку сот человек; служили теням, как бы живым» [38].

О тюркских статуях, изображающих собой умерших сородичей, для более позднего времени писал и В. Рубрук (XIII в.): «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу» [39]. Рубрук видел также в Каракоруме уйгурские статуи, о которых ему сами уйгуры говорили: «Когда какой-нибудь богач из наших умирает, то или сын его, или жена, или кто-нибудь дорогой для него приказывает сделать изображение умершего и ставит его здесь, а мы чтим его в память его» [40].

В XIII в. не только тюркоязычные народы, но и монголы, как свидетельствует тот же Рубрук, «делают из войлока изображения своих умерших, одевают их драгоценнейшими тканями и кладут на одну повозку или две. К этим повозкам никто не смеет касаться, и они находятся под охраной их прорицателей... и затем, если наступает праздничный день или первое число месяца, они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их» [41].

О приношении жертвенной пищи этим изображениям умерших сообщает и Плано Карпини (XIII в.): «Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота... и всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке...». Здесь же указывается, что особым почетом окружают изображение умершего хана, перед которым, убивая животных, «не сокрушают у них ни единой кости, а сожигают огнем». Бату-хан в 1246 г. казнил русского князя Михаила Черниговского за то, что тот не поклонился изображению Чингис-хана, заявив, что «не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает» [42].

Даже в период Юань монголы, по сообщению Рашид ад Дина, имели изображения покойных предков и жгли перед ними «постоянно фимиам и благовония» [43]. Однако нет сообщения, что монголы когда-либо изготовляли каменные фигуры или статуи.

Что касается половцев, то в их языке имелся специальный термин для статуи умершего: «сын» — буквально означающий «изображение умершего» [44]. Общеизвестно, что автор X в. Ибн-Фадлан пишет о деревянных столбиках-балбалах, которые ставились на могилы гузов по числу убитых врагов, но ничего не сообщает об изображении умершего. По его рассказу, однако, гузы совершали для умершего поминальные жертвы, зарывая пищу в яму в степи, а не на могиле, обращаясь при этом к умершему по имени [45]. Вероятно, гузы, начинавшие принимать ислам, каменных фигур умерших уже не ставили (как это продолжали делать даже в XIII в. половцы), ограничиваясь изображающей покойного куклой,

---

[38] Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, IV, СПб., 1866, стр. 252; Плано Карпини принял эти шатры или палатки за кладбища. См. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 33.

[39] Путешествия в восточные страны..., стр. 102.

[40] Там же, стр. 129.

[41] Там же, стр. 130.

[42] Там же, стр. 29.

[43] Рашид ад Дин. Сборник летописей, II, М.— Л., 1960, стр. 207.

[44] «Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum», ed. Comes Geza Kuun. Budapestini, 1880, стр. 222.

[45] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 128—129.

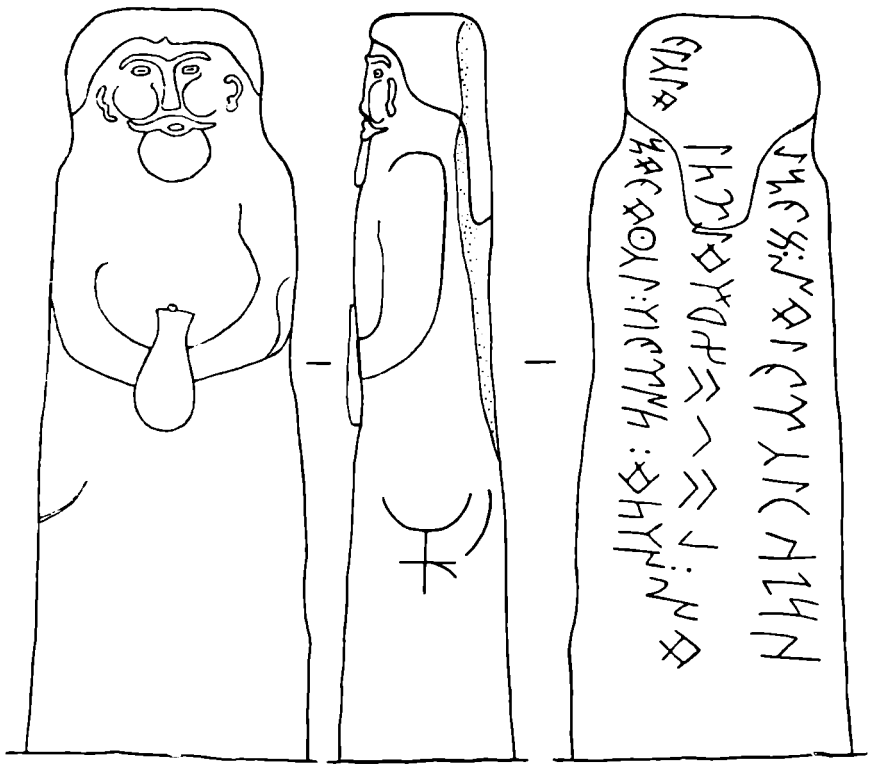


Рис. 1. Статуя с р. Ербы близ с. Знаменки в Хакасии с тамгой и надписью (девонский песчаник, высота 1,74, ширина 0,55—0,64 и толщина до 0,3 *м*; хранится в Минусинском музее, № 12)

одетой в его одежду и находившейся в юрте, как это было у казахов Средней Орды еще в недавнем прошлом [46].

Чрезвычайно важно, что даже мусульманский историк XVII в. Абуль Гази, повествуя о древних тюрках-язычниках, указывал: «Когда у кого умирал любимый кто-либо, то сын, или дочь, или брат делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших ближних; оказывая к нему любовь, первую часть от кушанья клали перед ней, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей» [47].

Таковы письменные источники, свидетельствующие о назначении древнетюркских каменных фигур.

Но могут ли дать сами изваяния древних тюркоязычных народов что-либо для расшифровки их семантики? Да, могут.

В литературе неоднократно сообщалось о надписях, встреченных на древнетюркских каменных фигурах. Часть сведений при проверке оказалась ошибочной или сомнительной [48], но две древнетюркские надписи несомненны. Это, во-первых, надпись на спине «старика» из Знаменки в Хакасии (известного со времен Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга), хранящегося ныне в Минусинском музее и относящегося по иконографическим признакам и тамге к концу IX в. [49] (рис. 1). В надписи сказано

[46] А. Левшин. Описание киргиз-казачьих орд и степей, ч. III. Этнографические известия. СПб., 1832, стр. 110; А. Терещенко. Следы Дешт-Кипчака и внутренняя киргиз-кайсацкая орда. «Москвитянин», 1853, VI, № 22, кн. 2, стр. 72.

[47] Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 10.

[48] С. С. Слуцкий. О тюркской надписи сирским шрифтом на каменной бабе. «Древности Восточные», II, 1, М., 1896, протокол № 18, стр. 68—69; из Восточного Казахстана — ЗВОРАО, 22, III—IV, Птрг., 1915, стр. XXXIX; А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая, ИАК, 62, Птрг., 1916, стр. 85—86; из Монголии — С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. «Язык и мышление», VI—VII, М.— Л., 1936, стр. 251.

[49] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, 3, рис. 9, *14*, и стр. 119, № 37.

Рис. 2. Заупокойный пир на плите из Асхете (Монголия)

следующее: «Я — Эзгене — внутренний (чин) Кара-хана. Я был на двадцать шестом году своей жизни. Я умер внутри тюргешского государства, я начальник, надпись...» [50].

Этот текст свидетельствует, что статуя изображает умершего бэга Эзгене, а отнюдь не какого-то мифического «врага».

Во-вторых, надпись на известной плите из Асхете в Монголии с «нарисованными» изображениями трех умерших, участвующих в поминальном пире, относящаяся по тамге к середине VIII в. [51]

Эта плита не являлась одной из стенок «саркофага», а была вкопана с восточной стороны целого «саркофага» — ограды [52], т. е. стояла на обычном месте каменной фигуры и заменяла ее (рис. 2). Имеющаяся на плите надпись чрезвычайно важна потому, что она свидетельствует о поминальном назначении памятников типа «саркофагов», а следовательно, и обычных оград рядового населения. Там сказано: «(Памятник) Текеша, младшего брата Кюль-тудуна... в день поклонения я вырезал. Муж Азганаз хорошо устроил. Так как мы не могли быть на похоронах Алтун Тамган-тархана, младшего брата Кюль-тудуна (мы сделали этот памятник)... Оставшиеся два сына его, Торгул и Йэльгек, в год свиньи вы умерли. По уходе мы грустим, разлучившись (с вами)» [53].

Из приведенного текста видно, что поминальное сооружение в Асхете было посвящено покойному Текешу, имевшему титул Алтун Тамган-тархана, и умершим сыновьям его Торгулу и Йэльгеку. «Разлучившись с ними», авторы надписи и сородичи «грустили» здесь на поминках, совершая жертвы душам умерших. Поэтому и понадобилась широкая плита, чтобы изобразить на ней всех трех покойных. И действительно, на

[50] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 67; H. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 124.

[51] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, I, СПб., 1892, табл. XV, *2*.

[52] В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 13.

[53] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, 1959, стр. 45.

ней мы видим сидящего посредине мужчину и по бокам его двух юношей — братьев в одинаковых головных уборах и одежде, с одинаковыми сосудами в руках. Справа, над тамгой умершего Текеша, изображена птица, очевидно сокол. Эта птица подтверждает, что на плите «нарисованы» умершие, ибо она олицетворяет собой душу покойного Текеша.

Известно из многочисленных этнографических примеров, что в представлениях ряда народов Сибири и Средней Азии одна из душ умершего превращается в птицу, которая незримо присутствует весь срок совершения поминок (обычно до истечения года), а затем улетает в потусторонний мир [54]. Это представление было присуще и тюркоязычным племенам VI—VIII вв., ибо в древнетюркских надписях часто говорится о том или ином покойнике, что он не умер, а «улетел». Достаточно напомнить текст памятника Кюль-Тегина, где об отце, дяде и самом Кюль-Тегине сказано: «улетел» (т. е. умер) [55]. Примечательно, что на головном уборе статуи Кюль-Тегина изображена именно такая взлетающая душа-птица (орел или сокол) [56].

Такие же души-соколы изображены сидящими на руках древнетюркских каменных фигур из Семиречья [57]. Все это является еще одним свидетельством того, что древнетюркские изваяния изображают самих умерших тюрок.

Наконец, имеется еще одна группа древнетюркских каменных изваяний, подтверждающих это положение. Прежде всего — каменная фигура, найденная мною в 1960 г. в Туве (долина р. Хендерге в верховьях Элегеста) у каменной оградки, не имевшей столбиков-балбалов. Это изображение усатого мужчины с расчесанными на пробор волосами, с серьгами в ушах и в халате или рубашке без ворота [58]. Вместо сосуда и меча эта фигура держит на уровне груди в каждой руке по отрубленной голове человека (рис. 3). Совершенно очевидно, что фигура изображает самого тюркского воина, убившего при жизни двух врагов, головы которых он держит в руках. Именно таким героем он представал на поминках перед приносившими ему жертвы сородичами.

В связи с тюрками VI—VIII вв. китайские хроники постоянно сообщают об отрубленных головах врагов, выставляемых на показ или пересылаемых союзникам, чтобы они убедились в смерти врага и т. п. То же делали и другие тюркоязычные племена, например древние уйгуры [59], а в начале X в., по данным Ибн-Фадлана,— башкиры (убив врага, башкир «отделяет его голову, берет ее с собой, а его самого оставляет») [60].

Имеется и другая древнетюркская фигура из Казахстана, хранившаяся в Тобольском музее и опубликованная Бела Поштой. Здесь воин левой рукой держит рукоять сабли, а правой — рельефно выбитую небольшую фигурку убитого врага, размеры которой подчеркивают его ничтожность в сравнении с самим героем [61].

Таковы археологические и эпиграфические факты, свидетельствующие об истинном назначении древнетюркских фигур.

---

[54] В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров. Тр. ИЭ АН СССР, новая серия, 51, 1959; С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.— Л., 1959, стр. 321; А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 96; Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды. Хабаровск, 1933.

[55] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. 1951, стр. 38, 39 и 43.

[56] L. Yisl. Ук. соч., рис. 51.

[57] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, табл. XCV, *115*; В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, ч. II, вып. 1, Томск, 1896, табл. IX, *11*; Изв. АН КиргССР, сер. общ. наук, т. V, вып. 1. Фрунзе, 1963, стр. 30, рис. 6.

[58] Передана мною на хранение в музей г. Кызыла.

[59] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 221, 265, 273, 278, 280, 288, 307, 319.

[60] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 130.

[61] Bela Posta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy, III, ч. 1, Budapest — Leipzig, 1905, рис. 63.

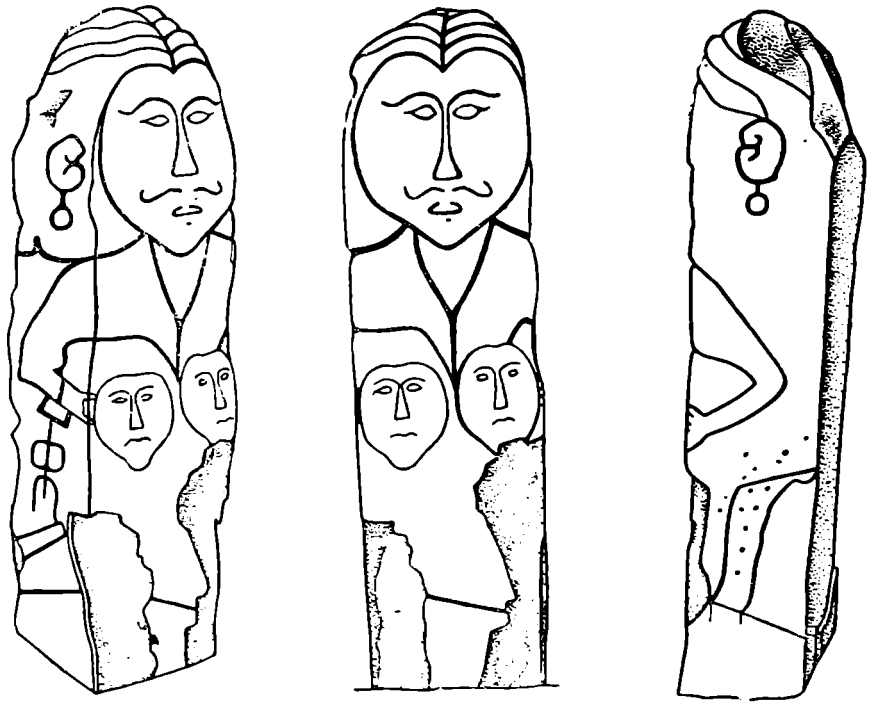


Рис. 3. Фигура воина, держащего отрубленные головы врагов (Тува, р. Хендерге, ур. Ак-Тал-Бажи; песчаник, высота 1,02 *м*, ширина 23—24 *см*, толщина 19 *см*)

Некоторые авторы бессильны объяснить и тот факт, что в подавляющем большинстве своем древнетюркские фигуры держат на уровне груди сосуд для питья, и даже пишут: «Мотивы изображения сосудов на каменных изваяниях остаются пока загадочными» [62].

На самом деле ничего загадочного в этом нет. Стоит лишь понять, что каменное изображение умершего у древних тюрок предназначалось для замены погребенного на его поминках, т. е. быть «вместилищем» одной из душ умершего, которая принимала участие в поминальном пиршестве. Такие поминки, в которых участвовали трое умерших, изображены на плите из Асхете, где мужчина и юноши держат в руках рюмки.

Изображения умерших воинов с сосудом для питья в руке необходимы были для того, чтобы при совершении поминок, когда родственники и соратники покойного устраивали в честь него поминальный пир возле оградки, он сам в виде изваяния как бы «присутствовал и выпивал» вместе со всеми, «принимая» пищу, бросаемую ему в жертвенный костер, через дым. Естественно, что при этом поминающие обращались к нему и «разговаривали» с ним, принося ему жертвы, чтобы умилостивить его «злую» душу, как это делали и тюркоязычные народы Саяно-Алтайского нагорья еще в недавнем прошлом. И алтайцы [63], и тувинцы [64], и хакасы [65] — все считали, что в поминальном пиру участвует душа самого умершего (сӱне, ӱзют), получая пищу и питье через дым жертвенного костра в виде запаха и пара. Хакасы оставляли на могиле кожаную бутыль (торсых) с вином (теперь стеклянную) и специальную «покойникову чашу» для питья (рис. 4) [66].

[62] А. Д. Грач. Ук. соч., стр. 66.

[63] С. П. Швецов. Горный Алтай и его население, I, Барнаул, 1900, стр. 72, 74, 82—83; А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. Записки РГО по общей географии, XI, СП., 1888, стр. 332—333.

[64] Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов. РАЖ, XII, 1902, 4, 1903, стр. 119; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, IV, СПб., 1883, стр. 36, 63, 130, 134.

[65] С. Д. Майнагашев. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края. «Живая старина», год 24, III, 1915, Птрг., 1916.

[66] «Сибирский Вестник». Изд. Г. Спасским, ч. I, СПб., 1818, стр. 105—106; И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. II,

Рис. 4. Чаша для покойного на жертвенном столике-плите у хакасской могилы (Хакасия, р. Аскиз, близ Межекова улуса, 1959 г.)

Все это позволяет понять, почему в руке древнетюркского изваяния изображался сосуд для питья.

На одном изваянии воина из западной Тувы участники поминок даже изобразили самих себя, воссоздав сцену «выпивки» с каменной фигурой умершего. Ниже пояса этой фигуры схематично изображены два человека, как бы сидящие перед изваянием на поджатых под себя ногах (на пятках, коленями вперед) [67]. Один из участников поминок держит в руке сосуд с напитком, а второй опустил руку, видимо, в кожаный бурдюк с питьем, чтобы зачерпнуть очередную чарку. Создав эту сцену, сородичи тем самым остроумно «обеспечили» умершему многовековое продолжение поминального пира.

Изображения этих участников поминального пира следует сопоставлять с изваяниями «виночерпиев» орхонских памятников знати, сидящих с кувшинами в руках в такой же позе [68]. Опубликовавший это изваяние А. Д. Грач неправильно [69] связывал изображение поминального пира на изваянии из западной Тувы со сценами моленья коленопреклонных людей перед божеством за умершего ребенка (умерший мальчик, кстати, также там изображен), выгравированными на валуне из могильника Кудыргэ (V—VI вв.) [70].

Следует сказать, что только на поминальных памятниках высшей древнетюркской знати (типа Кюль-Тегина, Бильгя-Кагана, Кулл-Чура и Тоньюкука), имевших несравненно более сложное устройство (с надпи-

---

СПб., 1776, стр. 157; П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. II, кн. 2, СПб., 1786, стр. 467—468; С. Д. Майнагашев. Ук. соч., рис. 3—8.

[67] А. Д. Грач. Ук. соч., рис. 11.

[68] Такую фигуру виночерпия у памятника Кюль-Тегина открыл в 1912 г. В. Л. Котвич и доставил ее в Петербург. W. Kotwicz, A. Samoïlovitch. Le monument turc d'Ikhekhuchotu en Mongolie centrale. Rocznik Orjentalistyczny. IV, Lwow, 1928, фото на стр. 70. В аналогичной позе сидят изваяния с поминального сооружения в Сарыг-Булуне (Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 27—28), где мною найден и кувшин — свидетельство бывшего поминального пира (Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, рис. 7).

[69] А. Д. Грач. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрханула. КСИЭ, XXX, 1958. Мнение, что пирующие изображены обнаженными, неверно, так как тогда и фигуру следовало бы считать обнаженной (да и десятки других древнетюркских фигур), ибо из деталей одежды на ней показан только пояс с вооружением. Это всего лишь условная схематическая трактовка фигур людей.

[70] Л. Р. Кызласов. К истории шаманских верований на Алтае. КСИИМК, XXIX, 1949.

сями, храмами и т. п.), сооружавшихся совместно с китайскими мастерами и в подражание ритуалу китайской знати, имеется не только изваяние самого умершего (отмеченного, например, изображением души-птицы у Кюль-Тегина), но и скульптуры жертвователей (китайских генералов и чиновников)[71], жен[72] и участников поминального пира, в том числе и «виночерпиев».

Представления о развитом культе умерших предков у тюрок VI—VIII вв. хорошо дополняются сведениями китайских династийных хроник и орхонских памятников древнетюркской письменности. Известно, например, что каганы восточных и западных тюрок вместе со знатью ежегодно совершали длительные поездки на Алтай, чтобы приносить жертвы в особой пещере предков[73]. Источники сообщают о многочисленных жертвах умершему овец и лошадей, головы которых вывешивались на шестах, о плаче и надрезывании себе лиц ножами во время похорон и поминок[74], о специальных посольствах с жертвенными дарами, приезжавших от соседних народов и иногда из далеких стран на поминки умерших каганов и знатных тюрок[75].

В памятнике Бильгя-Кагану говорится, что пришедшие на его поминки посольства «безмерное количество золота и серебра они принесли. Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандалового дерева... Столь много народа порезало себе волосы, уши и щеки. Они доставили без числа своих хороших верховых лошадей, черных соболей, голубых белок и пожертвовали покойнику»[76].

Таково то громадное значение, которое придавали культу предков древние тюрки VI—VIII вв., а также тюркоязычные народы в средневековье и в недавнее время.

Пережитки и остатки представлений подобного рода сохранялись и у современных тюркоязычных народов, даже у тех, которые давно приняли ислам, буддизм или христианство. Так, столбообразные или фертообразные деревянные и каменные памятники у туркмен[77], казахов[78], башкир[79], чувашей[80], крымчаков и др. понимались как изображение умершего, участвовавшего в поминальных пирах и воспринимавшего жертвы своих сородичей.

У казахов[81], киргизов[82] и якутов[83] изготовляли куклу (иногда из дерева), которую одевали в одежду покойного, оплакивали, кормили лучшей пищей, приносили ей жертвы на поминках и т. п.

---

[71] Стоящие фигуры в китайских халатах с разрезами. В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, I, СПб., 1892, табл. X, *1*; Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1892, табл. 17, 42.

[72] В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 3; L. Yisl. Ук. соч.

[73] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 230 и 279.

[74] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 230; Liu Mau-tsai. Ук. соч.

[75] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, 1951, стр. 36, 43.

[76] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 23.

[77] М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных намогильников южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, 1, Ашхабад, 1949.

[78] Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргис-кайсацкой степи 1771 году. СПб., 1772, стр. 81; о культе арвахов — духов умерших у казахов см.: Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах, I, Алма-Ата, 1961, стр. 112—113, 472—477 и 486.

[79] П. Д. Степанов. Этнографическое изучение южной группы башкир. Сб. «Советская этнография», IV, М.— Л., 1940.

[80] С. И. Руденко. Чувашские надгробные памятники. «Материалы по этнографии России», I, СПб., 1910.

[81] А. Левшин. Ук. соч., стр. 110 и 114; А. Терещенко. Ук. соч., стр. 72; Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОИАЭКУ, XII, 2, Казань, 1894, стр. 130—131.

[82] С. М. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов. Сб. «Белек С. Е. Малову». Фрунзе, 1946.

[83] Д. А. Кочнев. О погребальных обрядах якутов Вилюйского округа. ИОИАЭКУ, XII, 5, Казань, 1895, стр. 459

У казахской знати вплоть до конца XVIII в. неподалеку от могил сооружались особые квадратные жертвенные ограды, вполне аналогичные древнетюркским. Н. Рычков, посетивший мавзолей известного казахского хана Абулхаира, писал, что напротив ханской могилы «сделана четвероугольная каменная ограда, длиною и шириною по 12 аршин. Сие есть то самое место, где бывает жертвоприношение в день поминок... обыкновенно вводят жертвенный скот, и тамо его убивают» [84].

Известный тюрколог и этнограф Н. Ф. Катанов, исследователь тюркоязычных народов Синьцзяна, северо-западной Монголии и Саяно-Алтайского нагорья, совершенно правильно указывал, что «каменные бабы у нынешних татар (хакасов — *Л. К.*), урянхайцев (тувинцев — *Л. К.*) и монгол чтутся не как божества, а как изображения предков» [85]. Он же сообщил чрезвычайно важный факт, что у тувинцев северо-западной Монголии в конце XIX в. «если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, вытесанное из камня или вырезанное из дерева» [86]. Память о недавних статьях покойных сохранилась у тувинцев до наших дней [87]. Мне дважды пришлось слышать в Туве от стариков, что это были маленькие фигурки, ставившиеся на вершинах гор. Этнографам хорошо известно, что изображения умерших в разных вариантах (от рисунков, кукол до памятных статуй) широко распространены у разных народов мира. Именно к этому же кругу памятников необходимо относить древнетюркские фигуры VI—VIII и VIII—X вв., а также более поздние каменные изваяния тюркоязычных племен, вплоть до половецких XIII—XIV вв.

Таким образом, вся совокупность известных ныне фактов приводит к единственному возможному выводу, что каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, связаны с поминальным обрядом и изображают их умерших героев.

---

[84] Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова..., стр. 45.

[85] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. 1394.

[86] Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен, стр. 128.

[87] Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. Тр. ТКАЭ ИЭ АН СССР, I, М.— Л., 1960, стр. 233.

В. Л. ВОРОНИНА

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

Оборонительные сооружения Средней Азии освещены далеко не полно. Литература, посвященная среднеазиатской фортификации, насчитывает всего несколько специальных статей, где рассматриваются в большинстве частные вопросы — оборонительная система отдельных памятников, а чаще тот или иной ее элемент [1]. Можно назвать лишь несколько работ более широкого профиля. Из них заслуживает внимания диссертация Х. Мухамедова, посвященная древним оборонительным стенам оазисов Узбекистана [2]. Статья А. А. Рослякова о туркменских крепостях заключает очерк оборонительных сооружений значительного района; но она, к сожалению, лишена иллюстраций [3]. Статья В. Огородникова о фортификации древнего Хорезма представляет переложение публикаций С. П. Толстова [4]. Работа Г. А. Кошеленко посвящена фортификации городов и крепостей парфянского времени [5].

Необходимо учесть также, что история фортификации вообще освещена недостаточно, особенно на ранних ступенях ее развития. Существующие сводные труды излагают материал, в основном начиная с XVI—XVII вв., лишь бегло затрагивая более ранний период и совершенно отбрасывая данные по фортификации Востока. Поэтому выявление и уточнение приемов последней представляет широкий интерес.

Несмотря на разрозненность и ограниченность материала, возникает необходимость связать воедино существующие данные по среднеазиатской фортификации.

Строительство оборонительных сооружений у народов Средней Азии насчитывает около трех тысячелетий. Крепостные стены выявлены уже в поселениях периода бронзы (Дальверзин и Чуст в Фергане, Яз-Тепе

---

[1] В. А. Левина. Стена и башня Старой Нисы. Тр. ЮТАКЭ, 1, Ашхабад, 1949; Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. ИАН ТуркмССР, 1952, № 1; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. КСИИМК, 64, 1956; С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Вахша в 1953—1954 гг. История материальной культуры Узбекистана, 1, Ташкент, 1959; З. И. Усманова. Эрк-Кала (по материалам ЮТАКЭ, 1954—1959 гг. Тр. ЮТАКЭ, 12, Ашхабад, 1963; Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гуяр-Калы. Там же; О. В. Обельченко. Городища Старого Мерва Аббулла-хан-Кала и Байрам-Алихан-Кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г. Там же.

[2] Х. Мухамедов. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1961.

[3] А. А. Росляков. Основные черты туркменской фортификации XVIII—XIX вв. Исследования по истории культуры народов Востока. М.— Л., 1960.

[4] В. Огородников. Фортификация Древнего Хорезма. Военно-инженерный журнал, 1950, № 5.

[5] Г. А. Кошеленко. Парфянская фортификация. СА, 1963, 2, стр. 57—65.

в южной Туркмении [6]). С другой стороны, еще недавно функционировали маленькие крепостцы — «кала», где во времена ханского владычества сельское население укрывалось от разбойничьих банд [7].

Фортификация Средней Азии может быть разделена по своим задачам и масштабам на государственную, районную, городскую и частную.

Складывавшиеся на территории Средней Азии государственные образования — Хорезм, Согд и др.— создавали пограничные укрепления-форпосты — «рабаты». Такими укреплениями являлись древнехорезмийские Гяур-Кала в Султан Уиздаге, Аяз-Кала № 1 и др. В период рабовладения и сложения феодальных отношений земледельческие районы охранялись от набегов орд посредством «длинных стен», содержавшихся общественными силами: вал Кампирак ограждал оазисы Бухары, той же цели служили Девори-Кыямат вокруг Самарканда с пригородом, стены Нисы, Согда, Усрушаны и др.; стена Мерва ар-Рай защищала округу площадью до 250 *км*^{2}. Оплотом городов служили стены дофеодального ядра «шахристана», подкрепленные впоследствии стенами ремесленного пригорода «рабада»; важным элементом обороны была цитадель. Укрепления усадеб с обнесенным стенами двором и донжоном воспроизводили в миниатюре городские.

Названные виды фортификации имели неодинаковый удельный вес в тот или иной момент истории, в том или ином районе Средней Азии. Так, работы С. П. Толстова показывают, что для раннесредневекового Хорезма характерно ослабление роли государственной фортификации, благодаря чему получает развитие частная [8]. По Зеравшану и верхней Сыр-Дарье мы видим в это время, напротив, густую сеть районных стен [9]. Коренной и наиболее постоянной задачей фортификации является оборонительная система города.

Предлагаемая статья ставит целью дать сжатый очерк фортификации древности и раннего средневековья, главным образом — обороны города. Фортификация составляет раздел военно-инженерного дела. Поэтому прежде всего важно установить современные укреплениям виды оружия и технику боя. Ясность в этом отношении вносят письменные источники, археологические находки, а также в значительной мере данные настенной живописи, именно — живописи пянджикентской.

Древние и средневековые авторы оставили нам отрывочные, но ценные свидетельства об оружии и укреплениях народов Средней Азии. В летописях походов Александра Македонского упоминаются естественные возвышенности «скала» в Согде и Бактрии, где укрывалось от вражеских войск местное население. Такая «скала» дополнялась искусственными укреплениями, наверх вел узкий подземный ход, а подножие окружал ров. Имея значительную площадь и (по крайней мере в некоторых случаях) плодородную почву, обеспеченная водой и провиантом, «скала» могла служить убежищем многотысячному населению с войском в течение одного года или двух. В Мараканде отмечены городская стена в 70 стадий и цитадель, «аркс». Что касается осаждающих войск, то Александр употреблял против укреплений таран, против войска — камнеметные машины [10].

Для раннего средневековья интересен военный трактат из Айн-намэ, сасанидской «книги установлений»; среди ряда советов о порядке войск в сражении, наступлении и разведке он содержит строки об осаде города,

---

[6] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 70—73 сл.

[7] Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерова, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.— Л., 1954, стр. 16—18.

[8] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.— Л., 1948, стр. 194.

[9] Х. Мухамедов. Ук. соч.

[10] Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940, стр. 51, 55, 61, 65, 69—72 сл.

где говорится о баллистах и осадных машинах, подкопах, лестницах и зажженных стрелах [11]. Табари называет два типа метательных машин, причем по крайней мере один из них («манджаник») обладал способностью пробивать брешь в стене [12]. О метательных и стенобитных орудиях упоминает Наршахи [13]. Позднее Рашид ад дин сообщает о камнеметах, катапультах и метательных снарядах с нефтью [14].

Археологические находки подтверждают указания письменных источников. В раскопках среднеазиатских городищ и поселений найдены части щита и кольчуги, большое число наконечников стрел и копий; постоянно встречаются ядра — каменные, из сырой и обожженной глины и четырехгранные керамические пирамидки. Последние употреблялись против конницы и разбрасывались вокруг крепостных стен [15].

Росписи древнего Пянджикента не только дают понятие о различных видах оружия и доспехов раннесредневековых пехоты и кавалерии, но раскрывают приемы пользования оружием. В этом плане содержание росписей анализирует А. Джалилов [16].

В некоторых случаях для понимания той или иной детали среднеазиатской фортификации оказываются полезны труды зодчих-теоретиков античности и Возрождения [17].

Забота о безопасности населенного пункта проявлялась еще до возведения крепостных стен в самом выборе его местоположения. Город ставился в излучине или на слиянии рек, на обрывистом плато и т. д. Удачный выбор места обеспечивал защиту с двух, трех сторон (даже со всех сторон), где соответственно отпадала надобность в возведении крепостных стен. Построенные на узком выступе плато хорезмийские крепости древняя Бутентау и средневековая Ербурун-Кала защищены стеной лишь с одной стороны [18].

В оборонительной системе города различаются следующие основные элементы: 1) стены, 2) башни, 3) укрепления ворот, 4) цитадель. Все они возводились обычно из глины, выделанной в виде сырца или «пахсы» (уложенная слоями битая глина). Глина добывалась у подножия стен, с их внешней стороны, и, таким образом, одновременно возникал ров. Лишь в горах и предгорьях ставились каменные укрепления — таковы крепости на р. Пяндж, в горах Султан Уиздага (Кыз-Кала, Игды-Кала) и т. д. Поскольку нас интересует структура и детали каждой из названных частей обороны, удобнее рассматривать их по отдельности. Форма укреплений с течением времени менялась, лучше поэтому анализировать их последовательно.

Стены. Стена, как правило, служила не только преградой, но и боевым рубежом. Поэтому самым ее существенным элементом является ход для стрелков, или валганг, идущий вдоль стены и соединяющий башни. Структура этого хода различна и выражена в поперечном профиле, который показывает конструкцию стены, ее толщину и высоту, угол с вертикалью внешней поверхности, выступ цоколя и т. д. Таким образом, профиль стены определяет ее характеристику, а поперечный разрез представляет первоочередную задачу при изучении памятника.

---

[11] К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 49.

[12] Ат-Табари. II, стр. 1244, 2427.

[13] М. Наршахи. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 92.

[14] Рашид ад дин. Сборник летописей, 1 кн. 2, М., 1952, стр. 206, 215.

[15] З. И. Усманова. Ук. соч., стр. 59—64, рис. 32, 33.

[16] А. Джалилов. Войско и вооружение согдийцев накануне и в период борьбы с арабским нашествием. ИООН АН ТаджССР, 8, 1956.

[17] Марк Витрувий Поллион. Десять книг об архитектуре. Перевод Ф. А. Петровского, М., 1936; Леон Батиста Альберти. Десять книг о зодчестве. М., 1935.

[18] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, II. М., 1958, стр. 78, 81, рис. 34, 36.

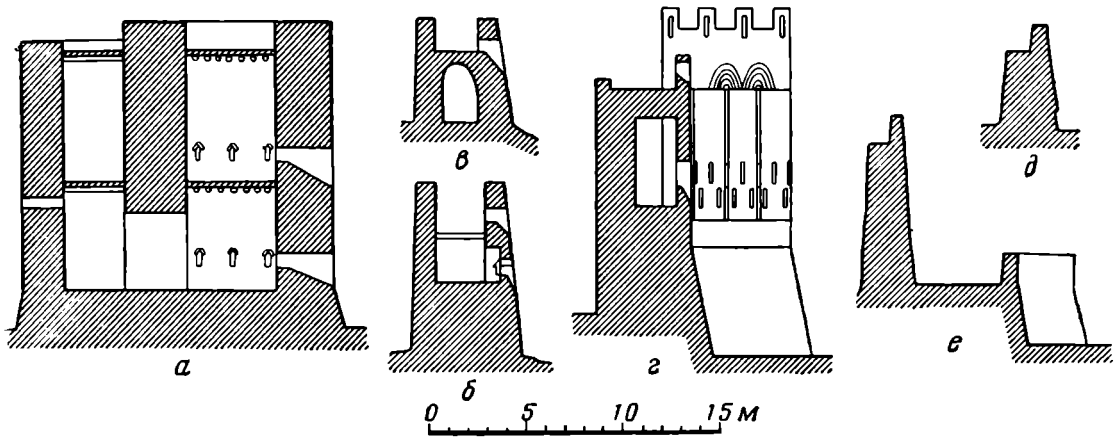


Рис. 1. Профиль крепостных стен

а — Гяур-Кала (Султан Уиздаг, II в.); *б* — Джанбас-Кала (рубеж нашей эры); *в* — Аяз-Кала (II—IV вв); *г* — Чильбурдж; *д* — старый Термез (XI в.); *е* — Кават-Кала (XII в.)

В специальной литературе можно найти не так уж много профилей крепостных стен и еще меньше таких, которые отражают структуру стен. Дело в том, что многие из них сильно обвалованы. Когда профиль стен публикуется в реконструкции, обычно трудно судить о достоверности таковой, так как нередко опускаются исходные данные — обмер стен в их современном виде [19].

Большинство опубликованных обмеров профилей относится к городищам рабовладельческого периода. Для укреплений древнего Хорезма типична поднятая на массивный цоколь двухъярусная галерея с балочным перекрытием (рис. 1, *а*, *б*). Ширина галереи, более чем достаточная для встречного движения, достигает 3 *м* и более. Внешняя стена галереи толще внутренней и прорезана бойницами, причем двум ее этажам соответствуют два яруса бойниц. Кровля, очевидно, служила третьим ярусом обстрела. Трудно вывести какие-либо нормы для других областей Средней Азии, где нет еще материала для обобщающих выводов; но и там строители руководствовались в основном теми же принципами. Реконструкция стен крепости Чильбурдж в южной Туркмении воссоздает, например, одноэтажную галерею на высоком цоколе, с крыши которой открывается второй ряд бойниц [20]. Оборону южнотаджикистанской Кум-Тепе можно сопоставить с укреплениями хорезмийской Ангка-Кала; своеобразна лишенная стрелкового хода Кухна-Кала, башни которой связаны непосредственно с жилыми помещениями [21].

Итак, ярус обстрела определяется линией бойниц, на распределении и форме которых следует несколько задержаться. Бойницы были приподняты над полом галереи (иногда «в шахматном порядке», чтобы лучники могли стрелять стоя и с колена). Толщина стены снижала маневренность прицела, поэтому бойницы помещались иногда в специальных нишах. Такие ниши предусмотрены в Чильбурдже; в безбашенной Джанбас-Кала линия одиночных бойниц местами прерывается гнездом из трех бойниц в нише, причем две крайние выведены наискось, компенсируя отсутствие флангового обстрела башен (рис. 2). Бойницы размещались с интервалами примерно от 1 до 6 *м*, нормально расстояние между ними около 2 *м*. С целью дезориентировать противника они иногда перемежа-

[19] Необоснована, например, реконструкция стен южнотуркменистанской крепости Дурнали, как это отметил уже Г. А. Кошеленко. При малой толщине стен и при наличии открытого валганга показан второй ряд бойниц. Версия о втором ходе на деревянных консолях нереальна. См. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 49, 50.

[20] Г. А. Пугаченкова. Там же, стр. 53, 54, 56.

[21] Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работе Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, 37, 1956, рис. 4, 5.

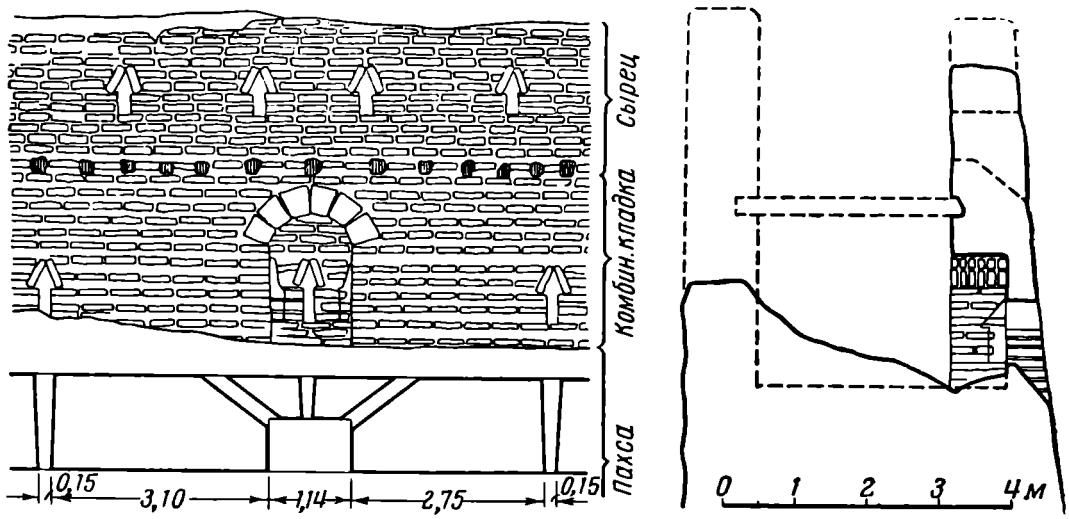


Рис. 2. Ниша с бойницами. Джанбас-Кала. Хорезм

лись ложными бойницами. Большое число ложных бойниц наблюдается в Чильбурдже.

Общее количество бойниц города или крепости доходило до нескольких сотен. Считается обычно, что ему соответствовало число стрелков (по одному у каждой бойницы), т. е. к обороне привлекалось практически все население города [22]. Такое мнение нам кажется необоснованным. Едва ли бойницы были рассчитаны на поголовное участие населения, без различия пола и возраста; логичнее допустить, что частое их размещение предусматривало маневренность обороны, при которой лучники меняли место и могли сосредоточиться на наиболее угрожаемом участке (напомним значительную ширину галерей, не мешавшую передвижению стрелков).

Стреловидная по фасаду форма бойниц вызвана конструкцией их перекрытия из составленных наклонно сырцовых кирпичей (рис. 3). В таком виде они вошли в декоративное воплощение (например, метопы Нисы). Наблюдаются и плоскоперекрытые формы бойниц — прямоугольные (Кюзели-Гыр, VI—V вв. до н. э.), трапециевидные (Кой-Крылган-Кала, IV—II вв. до н. э.) [23].

Для того чтобы обеспечить обстрел пространства у подножия стены, нижняя грань бойниц выведена наружу с большим уклоном; в то же время сводик бойниц остается в большинстве горизонтальным, поэтому высота бойниц, составляя внутри всего 30—50 *см*, возрастает снаружи до 2 *м* [24]. С. П. Толстов называет для Джанбас-Кала цифры 0,75 и 2,00 *м* (нижний ярус), 0,63 и 1,30 *м* (верхний ярус) для Ангка-Кала — 1,20 и 1,90 *м* [25]. При этом уклон нижней грани бойниц бывает разным для первого и второго ярусов; например, для первого яруса Гяур-Кала установлен угол 20°, во втором ярусе он увеличен [26]. Ширина бойниц (внутри 15—20 *см*) также возрастает к наружной поверхности стен (это обстоятельство обычно не отражается в публикуемых чертежах).

Кроме бойниц, в стенах стрелковой галереи были световые проемы. Во внутренней стене галереи Гуяр-Кала напротив башен оставлены окна 40 × 60 *см*. Во внешней стене верхней галереи Гяур-Кала и других древ-

[22] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 91; Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 48.

[23] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции..., стр. 152; М. С. Лапиров-Скобло. К вопросу о реконструкции памятника античного Хорезма Кой-Крылган-Калы. КСИЭ, 1957, XXVI, стр. 122.

[24] В некоторых случаях верх бойницы понижается наклонно или ступеньками (замок № 36 Беркуткалинского оазиса; см. С. П. Толстов. Древний Хорезм, рис. 85).

[25] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 90, 115.

[26] Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала. Тр. ХАЭЭ, II, стр. 350—351.

них крепостей Хорезма наблюдаются небольшие и редко поставленные квадратные отверстия. Доступ в галерею был, по-видимому, намеренно затруднен. Так, в стенах той же Гяур-Кала обнаружен всего один вход во втором этаже, куда попадали по приставной лестнице. Этажи галереи предположительно сообщались между собой через люк, также посредством приставной лестницы. Редкие ходы между отдельными участками стены обеспечивали быструю и надежную изоляцию последних в случае проникновения неприятеля. При этом иногда оставлялись проемы для вылазок (арки близ башен в наружной стене Ангка-Кала) [27].

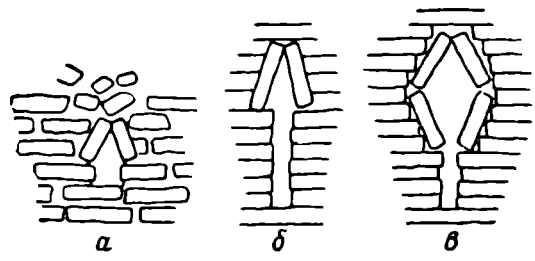


Рис. 3. Формы бойниц

а — Куня Уаз (III—IV вв.); *б* — Шах-Сенем (в слое начала нашей эры); *в* — там же (в слое X—XII в.). Хорезм

Профиль внешней поверхности стен бывает различен — отвесный или почти отвесный в одних случаях (Чильбурдж, Дурнали, Гяур-Кала и др.), наклонный в других (Джанбас-Кала). Поверхность стен Старой Нисы образовала с отвесом угол около 25° [28]. Но при отвесных стенах цоколь выступает откосом. Цель уклона поверхности стен и цоколя, как известно,— уничтожение мертвого пространства и подножия стен. Цоколь стен Старой Нисы образует мощный двугранный вынос, предназначенный, по объяснению Г. А. Пугаченковой, против стенобитных машин.

Внешний фасад стены бывает иногда раскрепован лопатками или профилирован так называемыми «гофрами».

Гребень стен нигде не сохранился в натуре. Реконструкции неизменно изображают стены крепостей с прямоугольными, даже ступенчатыми зубцами (в этом смысле исключением является пока только реконструкция Гяур-Кала). Декоративные мотивы как будто действительно указывают на существование в прошлом таких зубцов (терракотовые зубцы Нисы, фигурный кирпич Ак-Тепе, Афрасиаба и других городищ, наличие их в сюжетной и орнаментальной живописи). Зубцы можно видеть на уцелевших стенах Бухары, Хивы, Ходжента, они фигурируют в качестве украшения над воротами современных хорезмских усадеб. Необходимо учесть, однако, что существование зубцов на крепостных стенах могло быть оправдано только там, где они несли реальные оборонные функции, укрывая расположившихся на крыше галереи или на валганге стрелков (а это в реконструкциях не всегда обусловлено). С. П. Толстов полагает, что крепостные зубцы появились в средние века [29]. Но А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер считают упавшими зубцами блоки сырцовой кладки у подножия стен древних укреплений Кей-Кобад-шаха [30].

Стены древних среднеазиатских крепостей отличались значительной толщиной. Джанбас-Кала и Аяз-Кала — свыше 5 и 5,5 *м*, Чильбурдж — 5,5 *м*, Ангка-Кала — 6 *м*, Гяур-Кала — до 9 *м*. Толщина стен Старой Нисы достигает у основания 8—9 и вверху — 3,5 *м*, а Мерва — даже 15 *м*. Особенно солидна была толщина районных стен — свыше 10 и до 16 *м*. Высоту указать труднее, так как она почти нигде не сохранилась полностью, однако и теперь стены Гяур-Кала высятся на 15 *м*, Дурнали — на 8 *м*, Чильбурджа — на 15 *м*, а древнего Мерва — на 20 *м* от подошвы.

О крепостных стенах раннего средневековья данные в литературе пока довольно скудны. Но, насколько можно судить, профиль стены меняется —

---

[27] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 115.

[28] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 32.

[29] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции..., стр. 25.

[30] А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., МИА, 66, 1958, стр. 293.

вместо крытой галереи появился идущий по гребню открытый валганг с бруствером. Стены такого типа были и в древности, но теперь они стали правилом. В качестве примера можно указать крепостную стену Термеза, относящуюся к XI в. (рис. 1, *д*) , ее валганг ограничен невысоким бруствером, внешний фас покатый, внутренний — отвесный. На некоторых участках городской стены древнего Пянджикента (VII—VIII вв.) — ступенчатый внутренний фас. Подобное устройство, облегчавшее подъем на стену защитникам крепости, рекомендовал в своем труде Альберти [31]. В обработке внешней поверхности стен VII—VIII вв. распространены гофры. В постройках Беркут-Калинского оазиса в Хорезме сохранились следы венчающих зубцов [32].

Таким образом, профиль стен в средние века упрощается. Однако городская оборона в целом заметно усложнена. Одиночная линия обороны казалась недостаточной, и в некоторых городищах видна двойная, даже тройная линия стен. Двойные стены известны в старом Термезе [33], на городище Кахкаха II в Шахристане, а в укреплениях Ура-Тюбе прослеживается тройная цепь укреплений [34]. По сообщению Бируни, цитадель Кята была обнесена тройной стеной [35].

В раннесредневековых крепостных стенах Средней Азии наблюдается характерное устройство — дополнительная стенка-барьер на окружающей основные стены берме. Такая стенка имеется в хорезмских Беркут-Кала и Кум-Баскан-Кала, можно заметить ее и в Пянджикенте в виде бермы с валом на южной границе города.

Этот элемент фортификации намечается кое-где в рабовладельческий период [36], но достигает максимального развития в хорезмийских укреплениях XI—XII вв., где дополнительная стена образует причудливые изгибы и выступы, снабженные выносными башнями. Прекрасным образцом являются вознесенные над волнами песка живописные руины Улу-Гульдурсун и Кават-Кала. Невысокие стенки-барьеры представляли бруствер, окаймлявший подножие крепостных стен на расстоянии до 15 *м* и задерживали наступление отрядов противника в случае, если им удавалось форсировать ров [37].

Помимо крепостных стен система обороны города включала и ров с водой. При наличии нескольких концентрических стен ров также повторялся. Ров не являлся, однако, непременным элементом обороны, так как в горах он не всегда был необходим или не мог быть устроен по рельефу местности.

Практиковался, кроме того, прием искусственного заболачивания местности вокруг города, которое могло быть временным или постоянным. О нем упоминает Ибн-ал-Факих [38]. Еще в прошлом столетии таким способом оборонялся от бухарцев Шахрисябз: окружающие поля затоплялись водой из оросительной сети и становились непроходимыми для вражеского войска.

Б а ш н и. Городские стены снабжались на протяжении и по углам башнями, которые являлись основными узлами обороны в системе укреплений.

---

[31] Л е о н Б а т и с т а А л ь б е р т и. Ук. соч., 1, стр. 119.

[32] С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, стр. 138, рис. 80; Е. Е. Н е р а з и к. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, 1, М., 1959, стр. 110, рис. 8.

[33] В. А. Ш и ш к и н. К исторической топографии старого Термеза. Тр. УзФАН, сер. истор., археол., 2, Ташкент, 1940, стр. 133, рис. 77, 78.

[34] О. И. С м и р н о в а. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., МИА, 37, 1953, стр. 198, 208.

[35] В. В. Б а р т о л ь д. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 142.

[36] Вторая дополнительная стена с башнями отмечена Б. А. Литвинским у Кухна-Кала (II—I вв. до н. э.). См. Б. А. Л и т в и н с к и й. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, 37, Сталинабад, 1956, стр. 81.

[37] С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, стр. 169, рис. 106, 107.

[38] Перевод Волина. Цит. по кн.: А. Н. Б е р н ш т а м. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1946, стр. 60.

На территории Средней Азии башни известны уже в хорезмийских городищах с жилыми стенами, т. е. примерно с середины I тысячелетия до н. э. Между тем, в древности существовал и безбашенный тип укреплений. Долгое время Джанбас-Кала считалась уникальным образцом такого рода; но оказалось, что она не является в этом смысле исключением. Нашелся ее двойник — Акча-Гелин, укрепления которой сходны по размерам и плану; более того, ее высокие пахсовые стены лишены не только башен, но и бойниц. Еще один пример безбашенной крепости представляет Канга-Кала. В описании Большой Айбугир-Кала упоминается лишь одна башня [39].

Рис. 4. Угол обстрела со стены при башнях прямоугольного полукруглого плана

По Витрувию, расстояние между башнями не должно превышать полета стрелы, с тем, чтобы при нападении на одну из них две соседние могли обстреливать неприятеля [40]. Эти же соображения действовали, очевидно, в среднеазиатской фортификации. В древних укреплениях Хорезма куртины не более 30—40 *м*, но в большинстве случаев башни ставились намного чаще. Башни Старой Нисы расположены на расстоянии 25—30 *м* друг от друга. Чильбурджа — 17—20 *м*, а в Дурнали растояние сокращается до 10 *м*. Куртины южнотаджикистанских городищ имеют протяжение от 16 до 22 *м*.

Башни по высоте обычно превышали стены. В руинальном состоянии возвышаются над стенами башни Нисы; башни укреплений древнего Мерва в плане не выдавались из плоскости стен, а выступали только вверх [41]. В Ангка-Кала они поднимаются на 1—3 *м;* но в Гяур-Кала башни и стены почти одной высоты [42].

Башни различаются по формам (конфигурация плана) и устройству (открытый и закрытый тип). План башен был в основном прямоугольный или округленный. Второй имеет известные преимущества: во-первых, прямые углы легко уязвимы для стенобитных машин; во-вторых, округление башен расширяет угол обстрела с прилежащих участков стен (рис. 4).

В укреплениях рабовладельческого периода известны башни того и другого типа. Но характерным для древних укреплений является квадратный и прямоугольный план башен (рис. 5). Таковы башни Кургашин-Кала и Ангка-Кала древнего Хорезма, Нисы, Дурнали, Чильбурджа, Кухна-Кала, Кум-Тепе и т. д. Распространено архаическое соединение угловых башен в форме «ласточкина хвоста», которые со временем сливаются в один объем. Округлым планом отличается ранняя башня Варахши (рубеж н. э.), башни Чирик-рабата и Бабиш-Муллы (IV—II вв. до н. э.), а башни Кюзели-Гыр VI—V вв. до н. э. и древнего Кишмана были овальными. В средние века округлые башни становятся типичными. К VII—VIII вв. в Хорезме утверждается закругленная вытянутая форма башен, причем угловые башни принимают каплевидное очертание (замки оазиса Беркут-Кала) и направлены по диагонали.

По устройству башни могут быть закрытого или открытого типа. Башни первого типа обладают замкнутым планом и связаны проемом с галереей для стрелков. В случае прорыва неприятеля защитники крепости могут укрыться в такой башне. Башни второго типа, свободно открытые внутрь крепости, рассчитаны лишь на внешнюю оборону.

Башни древних укреплений закрытого типа хорошо согласуются с крытым ходом. Внутри камера башни, покрытая сводом или куполом, снабжена

---

[39] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, АН СССР, стр. 26, 30, 31.

[40] Марк Витрувий Поллион, 1, стр. 32—33.

[41] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 43.

[42] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 115; Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Ук. соч., стр. 352.

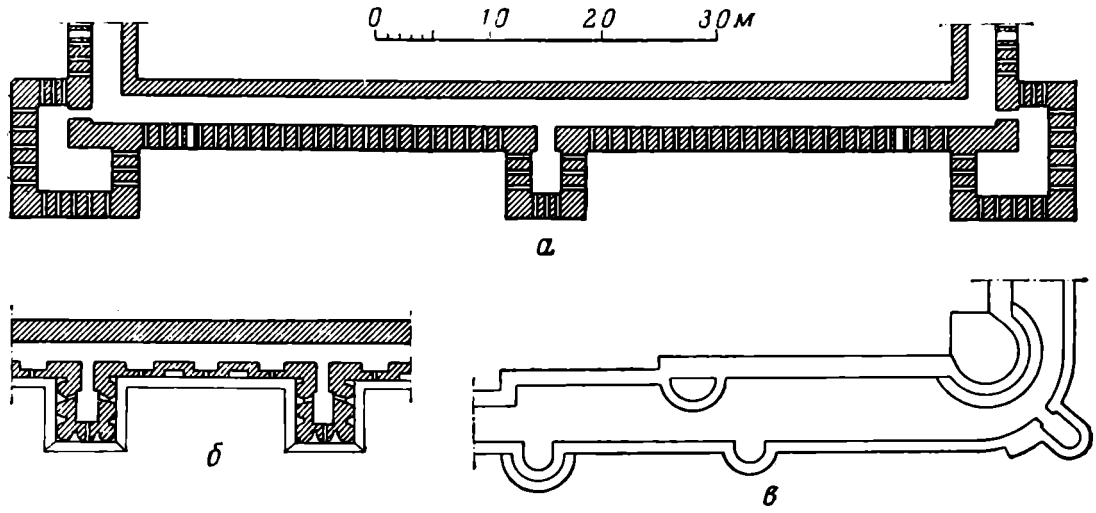


Рис. 5. Формы и расположение крепостных башен
а — Ангка-Кала (начало нашей эры); *б* — Чильбурдж; *в* — Кават-Кала.

бойницами. В боковых стенах бойницы иногда скошены; особенно ярко выражена косина часто прорезанных бойниц угловой варахшинской башни. У этих бойниц наблюдается любопытная особенность: внутри башни они все расположены на уровне груди человека от первоначального пола, снаружи они поочередно приподняты на 30—40 *см*. Таким способом получались два яруса — для дальнего и ближнего боя [43].

Над камерой башни, как и на стене, был расположен второй ярус обороны со своими бойницами. Камера, как правило, связана со стрелковой галереей в первом этаже. В Гяур-Кале второй этаж башни изолирован от галереи, поэтому остается допустить, что туда проникали из нижней камеры через люк покрытия и приставную лестницу [44]. Массивные башни Аяз-Кала и Кей-Кобад-Кала предоставляли для стрелков лишь верхнюю площадку.

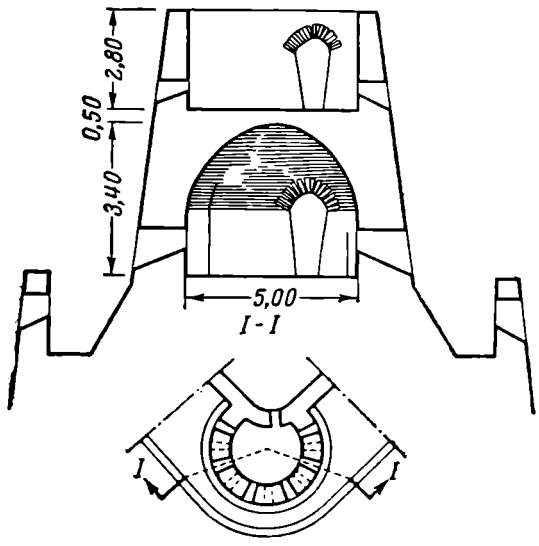


Рис. 6. Угловая башня Беркут-Кала (VIII в.). Хорезм. Зарисовка автора

Башни закрытого типа ставились и в средние века. Примером служит круглая угловая башня Беркут-Кала с двухэтажной камерой и бойницами (рис. 6). Но башни открытого типа характерны именно для средневековых укреплений. Эти башни покрытия не имели. Закругленные башни открытого типа известны в европейской фортификации под именем «ронделей». Типичный образец этого рода представлен в древнем Пянджикенте. Иногда в кругой башне помещается винтовой пандус или лестница (например, башня в укреплениях Афросиаба).

В средние века все бóльшую роль в обороне города начинают играть отделенные от крепостной стены выносные башни (такие башни известны и в древних укреплениях) [45]. Они усиливали фланговый и обеспечивали тыльный обстрел вражеского авангарда. В Пянджикенте выносная башня защищала подступы к главным воротам. В Кафир-Кале система выносных

[43] С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 140, 141.
[44] Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Ук. соч., стр. 352.
[45] Выносная башня у ворот городища Кей-кобад-шах. См. Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Ук. соч., стр. 77.

башен охраняла расположенную среди города цитадель (эти башни на высоком глинобитном цоколе стояли совсем изолированно). Но особенно широкое применение выносные башни получили в фортификации Хорезма времени хорезмшахов. Они занимают передний край обороны в системе дополнительных стен, дублируя или упраздняя стеновые башни. Такие башни ставились на значительно бо́льших интервалах по фронту стен, чем башни древних крепостей, зато образовывали на одной оси группу из двух, а иногда и трех башен, соединяясь между собой и со стеной подъемным мостом. Улу-Гульдурсун окружена парными выносными башнями и только по переднему — южному фронту города сохранились угловые стеновые башни (рис. 7). Все башни Улу-Гульдурсун закрытого типа. В Кават-Кале рондели основных стен дополнялись полуоткрытыми башенками в системе переднего барьера на берме — получалась сложная система взаимно-увязанных стен и двойного ряда башен, обеспечивавшая фланговый обстрел (рис. 5, *в*).

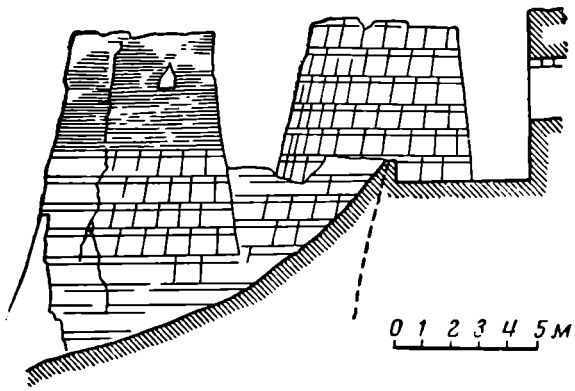


Рис. 7. Выносные башни Улу-Гульдурсун (XII в.) Хорезм. Зарисовка автора

Следует упомянуть также о сторожевых и сигнальных башнях. Сторожевые башни отделялись от крепости, занимая наиболее возвышенную, выгодную для наблюдения точку местности. При Аяз-Кала № 1 была сторожевая башня, далеко отодвинутая к востоку. Такая башня стояла на плече холма над цитаделью древнего Пянджикента. Две башни высились на холмах севернее Джанпык-Кала в Хорезме (XII—XIV вв.) [46]. Сигнальные башни размещались цепочкой вдоль караванных путей и зажженные на них огни быстро передавали весть о приближении неприятеля.

В о р о т а. Города среднеазиатской древности имели, как правило, лишь один вход; это наиболее уязвимое для обороны место тщательно укреплялось. Типичной формой такого укрепления являлись предвратные лабиринты: прямоугольник стен, внутрь которого были направлены бойницы. В продольных стенах на противоположных концах лабиринта находились двое ворот. Образцом может служить наиболее подробно описанный С. П. Толстовым предвратный лабиринт Джанбас-Кала. Близ ворот выступали внутрь лабиринта две башни, которые вынуждали входящего пятикратно менять направление; эти башни и стены прорезаны бойницами; кроме того, были предусмотрены два проема для вылазок. Стены лабиринта, как и городские, имели крытый коридор, сообщавшийся с двором крепости. Предвратные лабиринты были солидными сооружениями. Лабиринт Джанбас-Кала имеет размеры 20 × 52 *м;* что касается предвратных сооружений Калалы-Гыр, они, занимая в соответствии с масштабами городища огромную площадь — до 60 × 120 *м,* представляли сами по себе целые крепости с собственными башнями и заслоном у ворот. Впрочем, не все древние крепости Хорезма имели предвратный лабиринт — ворота Ангка-Кала помещались между двух прямоугольных башен [47].

Ворота северохорасанских укреплений в большинстве устроены иначе. В опубликованных планах сходное устройство ворот можно отметить лишь в Чичанлык-Тепе. В Чильбурдже южные ворота имеют вид прямоугольника с въездом по оси и заслоном, разбивающим график движения надвое; вторые ворота заключены меж двух башен. Ворота Старой Нисы находи-

---

[46] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 104, 169.
[47] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 90, рис. 19, 20.

лись предположительно в юго-западной башне, куда подводили два пандуса, прижатые к смыкающимся здесь стенам и потому хорошо обстреливаемые [48].

Пандус вдоль стен — мера, рекомендуемая для защиты ворот еще в трактате Витрувия. При этом пандусы предлагалось устраивать так, чтобы неприятельские воины были обращены к бойницам правым, незакрытым щитом боком (то же в отношении предвратных лабиринтов). В Средней Азии предвратный пандус широко применялся не только в древних, но и средневековых городах. Фигурирует он и в древнем Пянджикенте; внешнего предвратного сооружения здесь не было, но не исключено первоначальное существование внутреннего лабиринта.

Раннесредневековые усадьбы Хорезма, если они имеют донжон посреди двора, снабжены небольшим предвратным укреплением; но в большинстве случаев донжон расположен на одной из стен и ворота прорезаны рядом, под его защитой, причем необходимость предвратного сооружения отпадает. Ворота хорезмийских городов XI—XII вв. прикрыты закругленным выносом стен и контролируются выносной башней (Улу-Гульдурсун) [49].

Цитадель. Цитадель играла важную роль не только в обороне, но и в социальной жизни. Эта самостоятельная часть средневекового города с собственными укреплениями — стенами и башнями, собственным заполненным жилыми и хозяйственными постройками двором, с донжоном «кешком», составляла нередко сложный и обширный комплекс. Естественно, что изучение цитадели связано с известными трудностями и функции ее еще не раскрыты полностью. Раскопкам подвергалось очень небольшое число цитаделей древности и раннего средневековья.

Насколько можно судить по данным археологии, цитадель городов рабовладельческого времени представляла не что иное, как укрепленный дворец, резиденцию правителя (Ниса, Топрак-Кала) [50]. Тип цитадели раннесредневековых городов обнаруживает значительное многообразие. В хорезмийской Беркут-Кале, где развитие города находилось в начальной фазе, цитадель по существу не отличается от жилой башни-донжона (кешка) отдельных укрепленных усадеб [51]. На южноказахстанском городище Баба-Ата поселению IX в. соответствует возникший над более ранней усадьбой кешк и только к XI—XII вв. появляется собственно цитадель, где различаются жилая и оборонительная части [52]. Цитадель Варахши состояла из компактного «гофрированного» здания и более поздней пристройки, предположительно — резиденции правителя и казармы гарнизона [53]. Пянджикентская цитадель на холме, отделенная от города, представляла обнесенный квадратом стен двор с кешком на углу и была дополнена внешней оградой с широким пандусом [54].

Цитадели Варахши и Пянджикента относятся к VII—VIII вв. По данным письменных источников в IX—X вв., цитадель далеко не везде служила местопребыванием правителя, но почти всегда там помещалась тюрьма [55].

---

[48] Г. А. Пугаченкова. Пути развития, стр. 34, 35, 46, 48, 52.

[49] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 169, рис. 95, 106.

[50] Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости южного Туркменистана. ВДИ, 1952, 2; С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции..., II.

[51] Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, 1.

[52] Е. И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). В кн.: Археологические исследования на северном склоне Кара-Тау. Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1962.

[53] В. А. Нильсон. Варахшская цитадель. Тр. ИИА АН УзССР. Ташкент, 1956.

[54] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, 1950; Б. Я. Ставиский. Раскопки жилой башни в кухендизе пянджикентского владения. Там же.

[55] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия...

Конфигурация цитадели по преимуществу квадратная (или близкая к квадрату), редко многогранная или близкая к окружности. Размеры цитадели сильно колеблются. Иногда она мала сравнительно с шахристаном, иногда же достигает половины или $^2/_3$ площади последнего. Что касается ее положения в плане города, здесь наблюдаются три варианта: 1) цитадель стоит в системе городских стен (на углу или посередине одной из сторон), 2) находится внутри стен посреди города, 3) отделена от города. Первый вариант наиболее распространен. Последний, напротив, малоизвестен в руинах городищ; но в письменных источниках этот случай упоминается нередко.

Можно предположить что взаимоотношение цитадели и шахристана диктовалось каждый раз социальными условиями. Цитадель была командным постом в системе городских укреплений. Она служила не только обороне против иноземных войск, но и оплотом феодальной власти при народных восстаниях, которыми так обильна раннесредневековая история Средней Азии.

Крупные цитадели имели собственные ворота и башни. Донжон и цитадель, как и башни, особенно часто снабжались гофрами. Гофры распространены в Средней Азии повсеместно — в Хорезме, Мерве, Термезе, Бухаре, Семиречье. Они выглядят как сплоченные полуколонны, завершаемые перспективными арками, на которые опирается лежащая выше плоскость стен (рис. 8). Гофры бывают не только полукруглого сечения, но и многогранные и других усложненных профилей, чередуясь иногда с плоскими участками стены. Внешне эффектные гофрированные постройки издавна привлекали внимание искусствоведов и археологов; выдвинуто немало предположений для объяснения этого приема, которые в большинстве сводятся к тому, что гофры являются пережитком каких-либо некогда конструктивных или функциональных элементов. Нам представляется более правильным, в соответствии с трактатом Альберти, что роль гофр оборонная — скользя по их ребрам ядра метательных орудий теряли ударную силу. Впоследствии гофры сохраняются в декоративной трактовке на фасадах построек XI—XII вв.

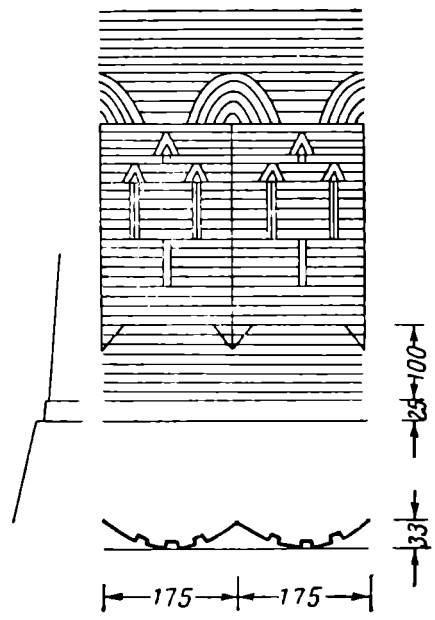


Рис. 8. Гофрированная стена Тешик-Кала (VII в.). Зарисовка автора

* * *

Приведенный очерк дает очень сжатое понятие о приемах среднеазиатской фортификации, позволяя наметить лишь основные этапы ее развития в период рабовладения и раннего феодализма.

Для укреплений рабовладельческого периода характерны стены на массивном высоком цоколе с крытым ходом для стрелков и двумя ярусами бойниц[56], закрытый тип башен прямоугольного плана; предвратный лабиринт (главным образом в Хорезме). Для раннего средневековья типичен открытый неширокий валганг, округлые башни открытого и закрытого типа, получает заметное развитие система дополнительных стен-барьеров с выносными башнями. Вместе с тем структура, основной стены, лишенной внутреннего хода, заметно упрощается. Бойницы долгое время

[56] Для позднекушанского времени считается характерным одноярусное расположение бойниц; Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Ук. соч., стр. 354.

сохраняют щелевидную стрельчатую или плоскокрытую структуру, но находят меньшее применение, во многих случаях даже исчезают. Так, бойницы древних стен Улу-Гульдурсун при перестройке были заложены, а в башнях заменены амбразурами. С. П. Толстов пишет по этому поводу: «Бойницы не характерны для средневековых укреплений — в силу изменившейся техники обороны стали использоваться зубцы, идущие по верхнему краю стены» [57]. С другой стороны наблюдаются иногда и старые приемы: позднесредневековая Шах-Сенем имеет не только галерею для стрелков, но и прямоугольные башни [58].

Впоследствии система обороны была приспособлена к огнестрельному оружию: в стенах Бухары, Хивы, Ходжента открытый валганг защищен бруствером с зубцами и треугольными бойницами, куртины перемежаются массивными полукруглыми бастионами с открытой площадкой, где ставились пушки. Ворота в XVI в. (бухарские Шейх Джалаль) и позднее получают вид крытого прохода меж двух закругленных башен.

Интересно отметить, что в Туркмении удерживается до XVIII—XIX вв. система дополнительных укреплений — стенок-барьеров [59].

Одинаковые типы вооружения и приемы осадной техники (стенобитные и метательные орудия, вооружение луками и т. д.) неизбежно вызывали к жизни сходные черты фортификации. Ближний и Средний Восток объединялись к тому же давними культурными связями. Оборонительные сооружения на территории Афганистана, Ирана, Ирака уже потому близки среднеазиатским, что возводились в основном из глины и сырца.

Фортификация древних городищ имеет много общего с укреплениями Беграма [60] — те же контуры слабо выступающих башен, одинаковое протяжение куртин (Кей-Кобад-шах). Стены сасанидского Ктесифона до 10 *м* толщиной, с бойницами и округлыми башнями заключали сводчатую галерею [61]. Гофры появились в зодчестве Востока в глубокой древности. Но, по-видимому, функционально-необходимая форма всегда рождает параллельную по времени декоративную, так как известные нам древнейшие гофрированные постройки считаются храмами. Гофрированные стены «Красного храма» в Уруке (вторая половина IV тысячелетия до н. э.) были украшены мозаикой из керамических «гвоздей». Гофрированный фасад постройки, датируемой 2500 г. до н. э., Мундигак-Тепе в районе Кандагара (Афганистан) покрыт белой штукатуркой [62]. Для более позднего времени гофры остаются, настолько известно, характерной чертой среднеазиатского зодчества.

Крепостные стены средневекового Ирана, широкие у основания и суживающиеся вверх, снабжены зубцами и машикулями, но обычных бойниц не имеют. Очевидно, ход для стрелков представлял, как и в Средней Азии, открытый валганг (последний в некоторых случаях опирается на систему арок — Исфахан, Герат). Стены дополняются башнями полуциркульного или почти круглого плана; на ответственных участках и у ворот ставились выносные башни-барбиканы. Любопытно отметить, что в Ардебиле стены из обожженного кирпича были снаружи одеты сырцовой кладкой, смягчавшей удары машин [63].

Характерную черту зодчества Ближнего и Среднего Востока составляет применение дополнительных стенок-барьеров «фасил». Они были весьма существенным элементом обороны города. Укрепления круглого города

---

[57] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 25.

[58] Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. Тр. ХАЭЭ, II.

[59] А. А. Росляков. Ук. соч., стр. 222.

[60] R. Ghirshman. Begram. Recherches archeologique et historique sur les Kouchans. MDAFA, XII. Le Gaire, 1946.

[61] SPA, 1, стр. 573.

[62] J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilleo a Mundigak, 1951—1954. RAA, 3, 1959, стр. 166.

[63] SPA, II, стр. 241—45, 1391—92; V, табл. 376.

Багдада (762—766) состояли из двойного пояса стен с четырьмя воротами и 28 башнями между каждой парой ворот. Внешняя стена была высотой 14 *м* при толщине 4 *м*, внутренняя имела соответственно размеры 17 и 5 *м*, а расстояние между ними достигало 35—40 *м*. В летописях Рашид ад дина упоминается разрушение монголами крепостной стены и фасила в Самарканде и Балхе. Любопытно указание, что «самаркандцы укрепили крепостную стену, обнесли ее несколькими гласисами (фасил) и наполнили ров водой» [64]. Средневековые авторы отмечают «фасил» и в укреплениях Герата [65]. Система укреплений Иезда XII—XIV вв. с дополнительными стенками и великолепными орнаментированными выносными башнями в принципе близка фортификации Улу-Гульдурсун и Кават-Кала [66]. Исторические корни данного приема уходят в глубокую древность. Ассирийские рельефы несут изображения сирийских, урартских, иранских укреплений с двойным и тройным поясом поднимающихся ярусами стен [67]. В градостроительстве парфян и сасанидов обычна двойная и тройная линия стен; стены Хатры были тройными, причем неширокий внешний вал был снабжен полукруглыми выступами типа ронделей.

Западная фортификация как древняя, так и средневековая руководится в основном теми же принципами. На Востоке, как и на Западе, фигурируют одни и те же элементы городских укреплений: стены и башни, фланкированные башнями ворота, ров и подъемные мосты. Деталями крепостной стены являются бойницы, зубцы «мерлоны» и навесные бойницы «машикули».

Укрепления древнехорезмийских городов по конструкции стен и башен близко напоминают римские (в частности, стены Рима III в.) — там и здесь крытая галерея для стрелков, прямоугольные небольшого выноса башни, бойницы и т. д. Да и средневековые оборонительные сооружения Средней Азии обнаруживают немало общего с западными — недаром в среднеазиатской археологии привились почти на равных правах термины «кешк» и «донжон».

В фортификации Запада известны примеры двойной и тройной системы городских стен, предвратные лабиринты, сигнальные башни и т. д. [68]. Пограничные стены типа Кампыр-Дувала возводились в древности в странах Европы, в Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке — в частности, любопытную аналогию представляет в Иране «Александров барьер» или Кизил-Йилан протяжением 170 *км*, возведенный, вероятно, в VII—VIII вв. вдоль северной границы страны [69].

Хотя в основном сходство приемов фортификации на огромных пространствах Европы и Азии объясняется одинаковым уровнем военной техники вообще, а в частности — осадной техники, некоторые приемы, видимо, проникали с Востока на Запад. Так, по наблюдениям Кресвелла, машикули неизвестны в Западной Европе до XII (или даже XIV) в., тогда как уже в первых образцах омейадского строительства в Сирии появляются обеспечивающие навесной бой элементы фортификации (Укайдир, 776 г.). Можно предположить, что крестовые походы обогатили опыт

---

[64] Рашид ад дин. Сборник летописей, стр. 206, 207, 218 сл. Поставленный в переводе термин «гласис» выбран произвольно и не выражает характера конструкции. В фортификации гласисом принято называть земляной откос на внешней стороне крепостного рва. «Фасил» — интервал между стенами двойной линии укреплений (арабск.). Практически термин распространялся на дополнительные внешние стены. При такой системе обороны внутренняя стена делалась более солидной.

[65] А. М. Беленицкий. Историческая топография Герата XV в. Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 176—178.

[66] SPA, II, рис. 442 а.

[67] R. Naumann. Architektur Kleinasiens. Tübingen, 1955, рис. 380, 381.

[68] Ц. Кюи. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1889, стр. 6, 24.

[69] E. Schmidt. Flight over Ancient Cities of Iran. Chicago, 1940, стр. 55.

оборонительного зодчества Западной Европы. Восточные корни имеет, по мнению Кресвелла, система предвратного лабиринта [70].

Естественно, что многие элементы фортификации получали своеобразные особенности соответственно условиям той или иной страны. Интересны в этом отношении приспособления для навесного боя. Если навесные бойницы стен Йезда и Бома по типу довольно близки западным образцам, то в раннесредневековых крепостях Средней Азии они, судя по рельефу Аниковского блюда, имели вид деревянных балкончиков. Любопытные подробности обороны Герата заключает рассказ Абд-ар-Разака, где говорится о деревянных выдвижных «сундуках» над воротами города. В этих «сундуках» были прорезаны бойницы и щель в полу, через которую можно было обрушивать на неприятеля камни, лить кипяток и т. д.[71]

Итак, среднеазиатская фортификация в общих чертах обнаруживает сходство с фортификацией стран сопредельного Востока и даже Западной Европы, но в отдельных приемах можно подметить много своеобразия. И те и другие заслуживают внимания как в плане истории культуры Средней Азии, так и для истории фортификации в широком смысле.

---

[70] K. A. C. Creswell. Fortification in Islam before a. d. 1250, PB, 38, London, 1952, стр. 92.

[71] А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 180.

Г. К. ВАГНЕР

НЕКОТОРЫЕ ГРУППЫ РЕЛЬЕФОВ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА В г. ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ

Для полной реконструкции скульптуры Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском необходимо рассмотреть некоторые группы рельефов, которые не входят ни в сюжетные композиции, ни в деисусный, пророческий и целительский «чины». Эти группы могут быть названы сериями, так как они состоят из одинаковых по содержанию и форме рельефов. Внутри группы или серии могут быть некоторые различия между рельефами, объясняемые их местонахождением, но единство серии основано на единстве ее функции в архитектуре здания, поэтому анализ каждой серии является шагом вперед в реконструкции системы Георгиевского собора.

1. Интересную серию составляют 18 белокаменных блоков, находящихся сейчас внутри собора. С одной из торцовых сторон они имеют разные «личины», преимущественно в виде женских голов (рис. 1, левый), бо́льшая часть которых с декоративными «кокошниками». Есть и мужские головы очень своеобразного вида, причем с нимбами (рис. 1, правый). Растительный орнамент на камнях отсутствует. На некоторых блоках над личинами имеются неглубокие круглые гнезда диаметром 13 *см*, явно предназначенные для вставки фуста колонки. На других блоках, наоборот, под личинами сохранились остатки фустов колонок. Однако есть блоки, у которых нет ни того, ни другого. Блоки имеют хвостовую часть, входящую в толщу кладки. Перед нами, несомненно, консоли и какие-то другие части от колонок, декорировавших скорее всего верхние части собора. По-видимому, таких резных камней было гораздо больше.

2. С серией человеческих «личин» связывается серия «личин» львиных. Они изображены в фас на квадратных камнях. Львиные маски иконографически разнятся, но у них единый масштаб и общий рисунок бровей и ощеренной пасти с «петлями» в углах рта [1]. Растительного орнамента на фоне нет (рис. 2).

3. Серию комбинированных (человеческих и львиных) «личин» составляют несколько больших горизонтальных блоков, на которых эти личины высечены по две, по две с половиной и по три в ряд (рис. 3) [2]. Отсюда видно, что все эти блоки составляли единый «бордюр» или фриз. Из пастей львиных личин выходят симметричные орнаментальные ветви-побеги, которые, соединяясь друг с другом, образуют гирлянды — мотив, уходящий в древность Передней Азии [3]. Человеческие личины помещены над

[1] А. А. Бобринский. Резной камень в России, 1, М., 1916, табл. 30, *1—4*; 37, *3*, Сохранилось девять львиных масок, но, конечно, их было больше.

[2] Там же, табл. 22, *2*; 40, *4*; 41, *8*.

[3] Ср. аналогичный мотив на пластинчатом поясе из клада в Зивие в Иранском Курдистане (М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифского искусства. В сб..: «Omagiu lui George Oprescu». Bucuresti, 1961, рис. 1, 11).

провисающими частями гирлянды. Эти личины в своеобразных шапочках с отворотами [4], на некоторых шапочках вырезаны четырехконечные кресты. Высота блоков в среднем 40 *см*. Кроме гирлянды, никакого «коврового» растительного орнамента на блоках нет.

4. Сохранившиеся рельефы трех серафимов [5] и шести херувимов [6] тоже должны быть объединены в самостоятельную серию. По положению рипиды в правой или левой руке херувимы делятся на три симметричные пары. Возможно, что к каждой из пар херувимов присоединялся один рельеф серафима и, таким образом, составлялись три триады. «Коврового» орнамента на камнях нет.

1 *2*

Рис. 1. Капители колонок барабана Георгиевского собора

5. Четыре сохранившихся больших рельефа [7] с изображениями святителей во весь рост в боковом повороте можно только условно назвать серией, хотя, несомненно, они были связаны вместе. Два симметричных рельефа находятся в кладке В. Д. Ермолина [8], два других издавна были ошибочно соединены со «Святославовым крестом» [9] и вместе с последним находятся внутри собора. Святители изображены в фелонях и кресчатых омофорах. В их руках развернутые свитки. Фигуры, соединенные ранее со «Святославовым крестом», были определены И. Шляпкиным как Николай чудотворец и Тихон Амафунтский [10]. Но число «четыре» подсказывает, что перед нами святители — Василий Великий [11], Иоанн Златоуст [12], Григорий

[4] К. К. Романов назвал шапочки «немецкими» (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 29, д. 17, л. 70), хотя и оставил это под вопросом.

[5] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 37, *3*; 40, *5*.

[6] Там же, табл. 35, *1*; 37, *2*; 38, *5*.

[7] Высота камней 120 × 121 *см*.

[8] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 38, *5*.

[9] К. К. Романов. «Святославов крест» в г. Юрьеве-Польском. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 200—207, табл. 6.

[10] И. Шляпкин. Каменный крест 1224 года князя Святослава Всеволодовича в городе Юрьеве-Польском. ЗОРСА, V, 2, СПб., 1904, стр. 51.

[11] Иконографически к Василию Великому более всего подходит фигура правого святителя из «Святославова креста» (А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 38, *1*).

[12] Вероятно, левая фигура святителя из «Святославова креста» (там же), очень похожая на изображение Иоанна Златоуста на миниатюре «Хутынского служебника» XIII в. (Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев. Искусство западнорусских княжеств. В кн.: «История русского искусства», 1, М., 1953, стр. 328).

Богослов [13] и Николай Мирликийский [14]. Все святители изображены на фоне «коврового» орнамента.

6. Вполне определенную серию, и довольно большую (до 28 рельефов), составляют изображения юношей в арочках. Погрудные изображения их помещены в полукруглых арочках размером 38 × 40 *см* [15], а в килевидных арочках (такого же размера) изображены только головы без плеч (рис. 4) [16]. Почти все эти рельефы оказались вне кладки В. Д. Ермолина и находятся внутри собора. Один камень вставлен В. Д. Ермолиным в замок тимпана северного портала [17], еще один — в кладке свода. Особенностью рельефов является их чрезвычайная упрощенность, схематизм, они явно не рассчитаны на обозрение с ближнего расстояния. Далее обращает на себя внимание, что юноши без нимбов, в своеобразных полусферических шапочках-шлемах. Это, следовательно, не мученики, как можно было думать. Чем-то они сближаются с «личинами» в промежутках между львиными масками Вероятно, назначение их не чисто декоративное, но смысл нами еще не раскрыт. Очень вероятно, что это дружинники князя Святослава [18].

Рис. 2. Львиные маски — «горгонейоны»

7. Два рельефа Спаса-Эммануила, высеченные на камнях пятигранной формы, несомненно входили в группу, состоявшую не менее чем из трех рельефов. Третий рельеф не сохранился. Спас-Эммануил изображен в полукруге, символизирующем небо. На камнях есть фрагменты растительного орнамента (рис. 2).

8. В заключение следует отметить рельефы четырех архангелов, изображенных фронтально во весь рост, с рипидой в одной и сферой в другой руке [19]. В зависимости от того, в какой руке они держат тот или иной предмет, архангелы разделяются на две симметричные пары. Высота камней в среднем 55—56 *см*. На одном из камней видны фрагменты растительного орнамента.

* * *

Для того чтобы определить первоначальное расположение рассмотренных серий рельефов, необходимо выяснить архитектурные формы Георгиевского собора в их верхних частях, обрушившихся в XIV или XV в. и в 1471 г. лишь весьма приблизительно восстановленных В. Д. Ермолиным.

---

[13] Вероятно, правая фигура в кладке В. Д. Ермолина (А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 38, *5*).

[14] Левая фигура, там же.

[15] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 28, *1—2*.

[16] Там же, табл. 21, *3—4*.

[17] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 31, *2*.

[18] С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Канд. дисс. М., 1953, стр. 72, прим. 82. С. Г. Щербов считает, что восточные одежды на юношах — своего рода трофеи болгарского похода 1220 г. Однако ничего специфически восточного в этих одеждах нет.

[19] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 38, *2*; 30, *2—3*. Четвертый рельеф не включен в атлас.

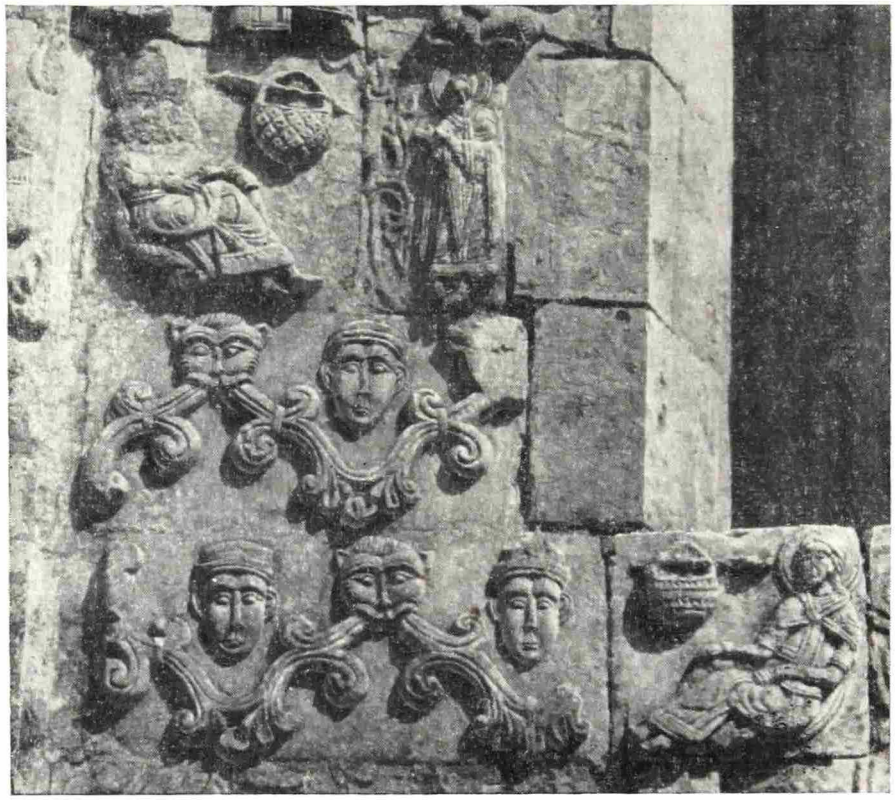


Рис. 3. Львиные и человеческие маски

Рис. 4. Рельефы княжеских дружинников (?)

Исходя из пропорций церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора, следует считать, что второй ярус четверика собора (до вершины центральных закомар) был равен по высоте первому ярусу, т. е. был не менее 7 *м*, а в боковых закомарах — не менее 6 *м* (рис. 5). Плоскости стен прорезались оконными проемами высотой не менее нижних окон, т. е. 2,8 *м*[20]. Лишь на западном фасаде проемы второго яруса, вероятно, были снижены до 1,9 *м*. В середине западной стены западного притвора должен был быть проем для освещения княжеской ложи, не меньший, нежели боковые окна западного фасада. Высота второго яруса притвора остается неизвестной. Как увидим ниже, она определяется расположением рельефов.

[20] Г. К. Вагнер. О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА 1960, 2, стр. 269.

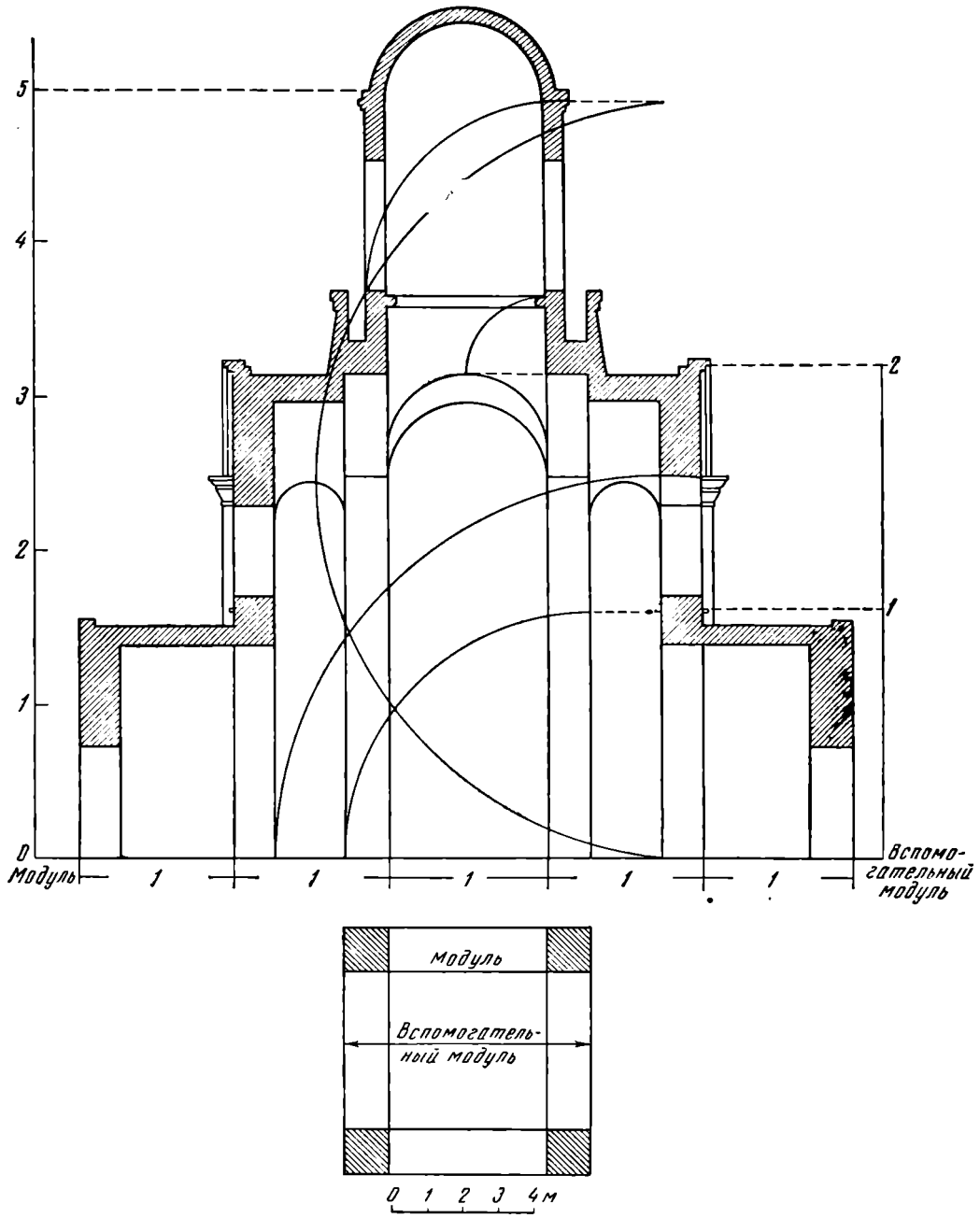


Рис. 5. Разрез Георгиевского собора. Реконструкция

Кроме второго яруса четверика и западного притвора, рельефы могли размещаться в венчающих частях собора. Есть основание считать, что венчающие части Георгиевского собора состояли не из одного барабана с главой, а из барабана, поставленного на постамент [21], что вместе с притвором придавало всей композиции здания ярусно-пирамидальный характер. Помимо широкой расстановки столбов и отсутствия внутренних настенных лопаток, об этом говорят и следующие данные. Высота выдающихся владимирских четырехстолпных храмов конца XII в. равнялась как минимум удвоенной ширине [22] или (как максимум) — удвоенной длине здания [23]. При этом собственно четверик превышал половину высоты, так как

[21] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. В кн.: «Ежегодник Института истории искусств за 1952 г.». М., 1952, стр. 301; его же. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 298—299; его же. Зодчество северо-восточной Руси, II, М., 1962, стр. 102—107, рис. 70.

[22] Дмитриевский собор г. Владимира (К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 160, рис. 100).

[23] Высота церкви Покрова на Нерли равна удвоенной длине без апсид.

расстояние от основания до верхней линии междуярусного пояса (фриза) превышало даже продольную сторону подкупольного четвероугольника, взятого со столбами [24]. По-видимому, это делалось намеренно, чтобы четверик с барабаном без постамента выглядел стройным. В Георгиевском соборе наблюдается значительное отступление от этого правила. Подкупольные столбы образуют квадрат, и стороной квадрата (со столбами) определяется высота междуярусного фриза. Поскольку фриз оказался сниженным, снизился и второй ярус здания, а четверик стал равен половине общей высоты или ширине храма. Это перекликается с пропорциональным построением таких выдающихся памятников «пирамидального типа», как Пятницкая церковь Чернигова (конец XII — начало XIII в.), Свирская церковь Смоленска (1191—1194 гг.) [25], церковь Перыньского скита в Новгороде (конец XII — начало XIII в.) [26]. Во всех этих памятниках при значительной общей высоте четверик по высоте равен ширине здания. Снижение четверика было связано с устройством промежуточного постамента между ним и барабаном главы. Разные по форме и даже по конструкции, эти постаменты придавали зданию стройный пирамидальный силуэт. Так как общая высота Георгиевского собора не могла быть меньше удвоенной ширины, то, строя на этой основе вертикальный разрез храма (рис. 5), мы можем наглядно убедиться в том, что первоначальная композиция включала постамент под барабаном. Он мог быть в виде восьмигранника или четырехугольника с обработкой граней арочками или трифолиями. Н. Н. Воронин считает, что постамент был обработан трехлопастными арочками, так как именно такую форму имеет постамент под барабаном на большом московском споне [27], воспроизводящем Успенский собор Ивана Калиты (1327 г.), который, в свою очередь, копировал формы Георгиевского собора г. Юрьева-Польского [28].

После сказанного можно приступить к решению вопроса о первоначальном расположении перечисленных выше серий рельефов Георгиевского собора.

Вряд ли может вызвать сомнение, что серия рельефов юношей в арочках венчала собою барабан собора. Барабан Дмитриевского собора увенчан рядом таких же полуциркульных «кокошников», но без рельефов [29]. Таким образом, в Георгиевском соборе нововведение состояло только в заполнении тимпанов арочек рельефами. Неясно, как отделялись полуциркульные арочки от «килевидных». Образовывали ли они ряд кокошников «в перебежку», являя самый ранний прецедент будущего популярного декоративного мотива,— сказать трудно.

Не подлежит сомнению, что серия львиных масок также происходит из венчающих частей барабана. Пояс из этих масок проходил под карнизом барабана, ближней аналогией чему является декор того же Дмитриевского собора [30].

---

[24] В церкви Покрова на Нерли превышение равно около 1,5 *м*, в Дмитриевском соборе — около 1 *м*.

[25] Исчисление пропорций черниговского и смоленского памятников произведено по реконструкции П. Д. Барановского (Н. И. Брунов. Архитектура периода феодальной раздробленности Руси. В кн.: «История русской архитектуры». М., 1956, стр. 60).

[26] Исчисление пропорций церкви Перынского скита произведено по реконструкции Р. Кацнельсон (Р. Кацнельсон. Древняя церковь в Перынском скиту близ Новгорода. В сб.: «Архитектурное наследство», 2, М., 1952, стр. 82).

[27] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М., 1945, рис. 9; его же. Зодчество северо-восточной Руси, стр. 104—106, рис. 70.

[28] К. К. Романов. О формах Московского Успенского собора 1326 и 1472 гг. МИА, 44, 1955, стр. 14 сл., рис. 5.

[29] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 18.

[30] Там же. Городчатые края камней, на которых были высечены львиные маски, вероятно, сбиты В. Д. Ермолиным для удобства кладки.

Не совсем ясно, к барабану или к постаменту относятся консоли и кубовидные капители с женскими и мужскими «личинами». Архитектор А. В. Столетов располагает их на барабане на том основании, что среди сохранившихся консолей есть камни пятигранного сечения, якобы связанного с фланкированием ребер восьмигранного барабана [31]. Восьмигранный барабан в русском домонгольском зодчестве представляется явлением исключительным.

Скорее всего к декору постамента должны быть отнесены два рельефа благословляющего обеими руками Спаса-Эммануила [32]. Здесь же должен был быть и третий, исчезнувший рельеф Спаса. Пятиугольная форма двух из этих камней свидетельствует, что они происходят из вершин каких-то «закомар». Так же считал и К. К. Романов [33]. Уместно их поместить в вершинах трифолиев постамента как завершение рельефов храма. По сторонам благословляющего Спаса-Эммануила место и всем трем парам архангелов с рипидами и сферами, выступающим, как обычно, в качестве небесной «стражи» [34]. Труднее определить место трех серафимов и трех пар херувимов. Троичность групп подсказывает, что эти группы тоже могли входить в декор трех сторон постамента, увязываясь с рельефами Спаса и охраняющих его архангелов, т. е. символизируя небесную сферу.

Труднее определить первоначальное место четырех больших рельефов святителей. Обычное место святителей либо по краям деисусного чина, либо в нижнем ярусе конхи апсиды. Они могли быть и в алтарной преграде около царских врат. В деисусном чине, размещавшемся в фасадном аркатурном фризе Георгиевского собора, места для больших рельефов святителей нет [35]; не могли они помещаться и на стенах второго яруса (не говоря уже о постаменте). Вероятно, эти рельефы, масштабно выходящие из системы фасадного декора памятника [36], происходят из интерьера собора, возможно из алтарной преграды [37].

Для «фриза» с чередующимися львиными и человеческими масками во втором ярусе собора нет места. По аналогии с романской архитектурой он мог бы венчать карниз западного притвора, но такого карниза не было. Фриз из львиных масок не мог проходить и в основании закомар, так как он пересекал бы композицию «Семь спящих отроков эфесских». Единственное место для рассматриваемого «фриза» — под большим деисусом западного притвора, т. е. над западным порталом. Правда, здесь над порталом находился второй пятифигурный деисус, позднее вынутый из кладки и в настоящее время находящийся внутри собора [38]. Но, судя по оставшимся от него кирпичным закладкам, этот деисус отстоял от большого деисуса на один ряд кладки [39], который и был, вероятно, занят «фризом» с львиными масками. Таким образом, фриз отделял нижний ярус западного притвора с пятифигурным деисусом от верхнего яруса с одиннадцатифигурным деисусом и княжеской «ложей», проходя по линии основания последней. Протяженность фриза (7,5 *м*) совпадает с шириной

---

[31] Доклад А. В. Столетова на секции славяно-русской археологии. Пленум Института археологии АН СССР 30 марта 1962 г.

[32] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 36, *1*; 37, *4*.

[33] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 49, д. 17, л. 28.

[34] Ср. В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. В кн.: «История русского искусства», I, стр. 162.

[35] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1961, 3, стр. 90.

[36] К. К. Романов даже считал, что эти рельефы происходят не из Георгиевского собора (К. К. Романов. «Святославов крест»..., стр. 207).

[37] Такого же мнения придерживается и П. Д. Барановский.

[38] Ранее считалось, что пятифигурный деисус находился внутри собора над алтарной преградой, но произведенное обследование западной стены притвора показало, что растительный орнамент обходит ниши, оставшиеся от деисуса. Следовательно, деисус был здесь изначально.

[39] Обследование этого участка западного притвора произведено автором летом 1962 г.

западного притвора. Расположение ряда львиных масок в основании княжеской «ложи» хорошо согласуется с владимиро-суздальской княжеской эмблематикой, главным образом которой был лев.

* * *

Рассмотренными в настоящей статье группами рельефов в основном завершается реконструкция антропоморфной части скульптуры Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Вне рассмотрения остались пока рельефы на капителях собора и рельеф так называемого «главного мастера» собора. Капители с рельефами, несомненно, находились под закомарами здания. Что касается изображенных на капителях женских и мужских масок, то этот вопрос настолько интересен, что нуждается в особой статье. То же самое можно сказать и про рельеф так называемого «главного мастера» Георгиевского собора. Заслуживают внимания и «звериные рельефы» Георгиевского собора, игравшие немаловажную роль в качестве своеобразного метафорического фона антропоморфной скульптуры.

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ И ХАРАКТЕР МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ГРУЗИИ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ*

Исследования, посвященные истории монетного дела при монголах, внесли значительный вклад в изучение этой сравнительно обширной области восточной нумизматики, но ряд вопросов все еще продолжает оставаться нерешенным. Вследствие этого даже видные грузинские историки нередко выражают недоумение по поводу того, что после падения хулагуидского государства и восстановления во второй четверти XIV в. политического единства Грузии здесь продолжался выпуск монет по мусульманскому типу, и надписи, помещаемые на них, упоминают имена лишь персидских ильханов [1].

Эти сомнения будут оставаться неразрешенными до тех пор, пока нумизматические памятники XIV в. изучаются изолированно, в отрыве от монет предшествующего периода. Поэтому, прежде чем перейти к выяснению затронутого вопроса, напомним условия, при которых возобновился выпуск монет, появившихся вслед за первым нашествием монголов, и отметим особенности монетного дела в Грузии во второй половине XIII в.

Непосредственно вслед за дирхемами Русудан 1230 г., чеканившимися с этой датой и в последующие годы, в Грузии возобновляется выпуск монет, представляющих собой две существенно отличающиеся друг от друга группы.

Первая, наиболее многочисленная группа представлена монетами, чеканенными от имени монгольских владык или просто помеченными титулом «правосудного каана»; имен грузинских царей на монетах нет.

Во вторую группу входят монеты, чеканенные от имени того или иного грузинского царя, в большинстве случаев сопровождаемые именем (а иногда только титулом «правосудного каана»).

Внешний вид монет первой группы, содержание помещенных на них надписей и полное отсутствие имен грузинских царей дает основание некоторым исследователям исключать их из категории национально-грузинского чекана и приписывать их, таким образом, монгольским выпускам. Я не разделяю этой точки зрения [2] и, пользуясь дополнительными фактами, считаю необходимым еще раз вернуться к этому вопросу.

---

* Настоящая статья была доложена автором на сессии, посвященной итогам полевых исследований ИА АН СССР в Москве 29.III.1962 г.

[1] В. Н. Габашвили. К вопросу о продолжительности монгольского владычества в Грузии. «Восточный сборник», 1, Тбилиси, 1960, стр. 136 (на груз. яз.).

[2] Д. Г. Капанадзе. К вопросу о происхождении некоторых монет, чеканившихся в Грузии по иноземным образцам. Сообщ. АН ГрузССР, XXII, 1, 1959.

На протяжении XIII в. во всех подвластных хулагидам владениях происходят самые грубые нарушения в монетно-денежном деле. Наиболее ярким примером в этом отношении являются монеты, выпускавшиеся от имени сельджукских султанов, не считавших нужным упоминать на монетных надписях своих сюзеренов.

В отличие от них подавляющее большинство монет, чеканившихся в это время в Грузии, носит явные признаки зависимости грузинских царей от монголов, но надписи, которыми они снабжены, выявляют грузинское их происхождение. В ходе дальнейшего изложения я попытаюсь показать, что нарушения в монетном деле имели место и в Грузии, но в соответствии со слагающимися условиями принимали здесь несколько иную форму.

Чтобы уяснить природу монет, чеканившихся в Грузии при монголах, восстановим в памяти общую картину политического положения страны в XIII—XIV вв., характеристику взаимоотношений, установившихся между победителями и побежденными, и условия, при которых возобновился в Грузии чекан.

Еще не оправившись от внезапных нашествий Джелал ед дина в 30-х годах XIII в., Грузия подвергается вторжению еще более сильного и беспощадного врага. Сломив сопротивление грузин в восточной части страны, монголы предложили грузинской царице Русудан явиться к ним или отправить своего сына. Царица ответила, что явится лишь после возвращения посла, направленного ею к верховному владыке монголов. Тем временем, разбив румского султана, зятя Русудан, монголы вызволили Давида, сына Георгия Лаша, который томился в неволе по проискам Русудан, желавшей упрочить грузинский трон за своим сыном. Часть грузинской знати, отколовшись от Русудан, заявила монголам, что Давид является сыном законного царя и «безвинно лишен трона». Воспользовавшись неурядицами среди грузин, монголы объявили его грузинским царем и приказали венчать на царство. Таким образом, пока Русудан и ее сын (тоже Давид) укрывались в Западной Грузии, вся восточная ее часть по существу подпадает под пяту монголов и Тбилиси превращается в военно-административный центр победителей. При этих условиях Русудан признала себя вассалом монгольского верховного владыки и согласилась выплачивать ежегодную дань, а взамен получила разрешение посадить на грузинский престол своего сына.

Примерно в 1242 г. Давид, сын Русудан, в сопровождении свиты отправляется для получения ярлыка к великому каану в далекий Каракорум; туда же направился и другой претендент — Давид, сын Георгия Лаша. В это время в Монголии после смерти великого каана Угедея происходили смуты; в ожидании выборов нового каана, происшедших лишь в августе 1245 г., а также решения своей судьбы оба Давида остаются в Каракоруме довольно долго и, должно быть, вернулись на родину не ранее начала 1246 г.

Новый каан Куюк умело использовал неурядицы в грузинском царском доме и управление страной передал обоим претендентам, рассчитывая на будущие разногласия между ними. По существующим у монголов обычаям, старшим правителем был назначен сын Георгия Лаша, вошедший в историю под именем Улу Давида («улу» по-монгольски — старший); Давид, сын Русудан, за свою внешность получил прозвище Нарин (что по-монгольски значит стройный, изящный). Таким образом, сложились предпосылки для ослабления царской власти в Грузии, западная часть которой продолжала оставаться непокоренной. Но, разгадав коварный замысел монголов, оба царя, проявив политическую прозорливость, по возвращении в Грузию правили ею в согласии и дружбе.

Это пришлось не по вкусу закавказским монгольским властям, принимавшим непосредственное участие в завоевании страны. Между победителями и побежденными с самого начала возникли натянутые отношения, перешедшие вскоре в открытый конфликт. При кажущейся

огромною силе монголов их положение не отличалось устойчивостью и им приходилось считаться с достаточно все же сильной в то время Грузией, обеспеченной к тому же надежным тылом — непокоренной западной частью.

Отношения между грузинами и закавказскими монгольскими властями все ухудшались, и дело еще более осложнилось после того, как управление Грузией было передано Хулагу, основавшему на юге новую ветвь монгольской династии. Разногласия, возникшие с самого же начала между ставкой Батыя и новым монгольским государством, все больше и больше обострялись и вскоре переросли в открытый конфликт — в 1262 г. между Северным и Южным Улусами вспыхнула война.

Пользуясь распрями среди монголов, грузины не раз пытались ослабить иго завоевателя и нередко проявляли строптивость. Так, после неудачного похода Хулагу-хана в Сирию Улу Давид отказывает ему в военной помощи, а в результате восстания Давида Нарина образовывается самостоятельное и независимое от монголов западногрузинское царство.

В такой именно сложной обстановке и возобновился чекан монеты в стране, где до этого на протяжении двух с половиной столетий осуществлялся беспрерывный выпуск монеты национального типа. Здесь мы ограничимся лишь регистрацией основных монетных типов, чеканившихся в это время в Грузии, и изложением причин их чередования, внося частности лишь в тех случаях, когда это будет вызвано необходимостью.

Раньше всего появились серебряные дирхемы с арабской надписью «каан правосудный», изображением натянутого лука и суннитским символом веры. Судя по обрывкам даты, сохранившимся на различных экземплярах, дирхемы этого типа чеканились в 637 г. хиджры (=1239/40 гг.) не только в Тбилиси, но и в других городах (например, в Тебризе, Мерве, Нахичевани) [3].

Затем следует дирхем с изображением всадника, стреляющего из лука, с тюркской надписью «улук мангыл улус бек» (на лицевой) и суннитским символом веры (на оборотной). Остальные надписи сообщают, что эти дирхемы чеканились в 642 г. хиджры (=1244/45 г.) в Тбилиси (или Гандже, Нахичевани, Баку, Урмии и других городах) [4].

Наконец, в 643 г. хиджры (= 1245/46 г.) появляется третий тип дирхема с изображением шестилучевой звезды, в центре которой арабская надпись — «Каан правосудный». На оборотной стороне — суннитский символ веры и пометка о месте и времени чекана [5].

Следует отметить, что имя пророка Мухаммеда является непременной составной частью суннитского символа веры, помещаемого на описанных выше трех дирхемах в следующем виде: «нет бога кроме бога, Мухаммед посланник бога». Это необходимо иметь в виду для сравнения упомянутых дирхемов с монетами, которых мы коснемся ниже.

Хотя на дирхемах 637 и 643 гг. хиджры имя каана не упомянуто, но в первом случае следует подразумевать Гедея, скончавшегося в 638 г. хиджры, а во втором Куюк каана, воцарившегося в 643 г. хиджры. Что же касается дирхема с пометкой «Улус бек», чеканенного в промежутке между выпусками упомянутых выше дирхемов, когда монгольскими владениями правила вдова Угедея Туракин-Хатун, то на нем остановимся подробнее.

«Улус бек» эквивалентно монгольскому же «Улус-нойн» и является названием высших чинов монгольской империи, выполнявших одновременно должность правителя области и главнокомандующего [6]. Если же к этому добавить, что «бек (или бея) мангыл» значит «великая монголь-

---

[3] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, № 80.

[4] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, № 81.

[5] И. Л. Джалагания. Из истории монетного дела в Грузии XIII в. Тбилиси, 1958, № 15.

[6] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, III, Тбилиси, 1949, стр. 90—91 (на груз. яз.).

ская держава» [7], станет ясно, что надпись на монете следует читать как «главнокомандующий и правитель монгольской державы».

Следует, однако, отметить, что одновременно с этими монетами, выпускавшимися в Тбилиси, видимо, по распоряжению монгольских властей, появляется монета с именем и грузинского царя. Это — медный фельс, чеканенный в 642 г. хиджры в г. Дманиси с арабской надписью «раб каана, властителя вселенной, царь Давид» и лигатурой из двух грузинских букв «Д» и «Т» (т. е. Давид) и иногда грузинским коронником 465 [8]. Так как 642 год хиджры начался 9.VI.1244 г. и закончился 28.V.1245 г., а 645 коронникон соответствует 1245 г., то выпуск этой монеты следует приурочить к первым пяти месяцам 1245 г. Ни одного из Давидов в это время в Грузии не было, оба они в ожидании ярлыка на царствование находились в главной ставке каана. Однако монета чеканится от имени одного из них, по-видимому, сторонниками Русудан, сидящими в Дманиси. Это должно было подчеркнуть, что законным царем Грузии является Давид, сын Русудан, а не кто-либо другой.

Монеты этого же типа, но уже несколько худшей выделки, начинают выпускать спустя три года, т. е. в 645 г. хиджры (=1247/48 г.), и на тбилисском монетном дворе, но на них дата только по хиджре. Имени каана нет и здесь, и это объясняется тем, что правление Куюк каана было кратковременным: в 644 т. хиджры его не стало, и до воцарения Менгу каана монгольская держава опять переживала междуцарствие.

Этому предположению не противоречит наличие имени Куюк каана в надписи дирхема того же Давида Нарина, выпущенного в том же году, потому что, как выясняется, надписи на этих дирхемах до сих пор переводились неправильно. В связи с этим даем более или менее подробное описание этой монеты.

Ав. Венценосный всадник с лигатурой из двух грузинских букв, представляющих сокращение имени Давида. Сверху — различно расположенный грузинский коронникон 467 (=1247 г.) и шестилучевая звезда.

Рев. Четырехстрочная персидская надпись: «Божьим всемогуществом, государства Куюк каана раб и царь Давид». Справа — «чеканена в Тифлисе».

Выяснилось, что на всех просмотренных экземплярах (их в Гос. музее Грузии оказалось 14) проставлено не بدولة («бе довлят»), т. е. «милостью, счастьем», как это переводилось до сих пор, а دولة («довлят»), что означает «государство, правительство». Так как Давид Нарин был утвержден на грузинский трон Куюк кааном, то это толкование приобретает определенный смысл и подпись следует понимать так, что этим подчеркивалось положение грузинского царя [9].

Соцарствующий с ним Улу Давид начал выпуск своих дирхемов с 1253 г., т. е. спустя 6 лет после появления монет Давида Нарина. Это можно было бы объяснить тем, что при частых отлучках в ставку Батыя управление царством Улу Давид поручал своей жене, монгольской принцессе Джигда Хатун и стольнику Джикуру, а Давид Нарин выпуском монет стремился подтвердить и свои права.

Дирхем Улу Давида, появившийся после воцарения Менгу каана, без каких-либо заметных изменений чеканился в 650, 651 и 652 гг. хиджры; персидская его надпись следующего содержания:

Ав. «Божьим всемогуществом, соизволением падишаха вселенной Менгу каана в году шестьсот пятидесятом» (или 651 и 652).

Рев. «царь Давид, сын Георгия Багратиона. Чекан Тифлиса» [10].

---

[7] In. Harvord. The sino Mongolian Inscription of 1362. JAS, XIV, 1—2, 1949, стр. 94—95.

[8] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, № 82.

[9] Редакция этого перевода принадлежит научному сотруднику Института истории АН Азербайджанской ССР, знатоку фарсидского языка М. А. Сейфаддини.

[10] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, № 86 и 87.

В отличие от соцарствующего с ним Давида Нарина, рожденного от брака Русудан с сельджукским принцем и предпочитавшего поэтому молчать о своем происхождении, Улу Давид явно подчеркивает, что он является отпрыском грузинских Багратионов.

Вопрос о медной монете с изображением венценосного всадника я оставляю открытым, так как предпочитаю отнести ее к Давиду Строителю [11].

С 653 г. хиджры (=1255/56 г.) имя грузинского царя на монете надолго исчезает и на появившемся новом типе тбилисского дирхема с лицевой стороны проставляется имя «Высочайшего и правосудного Менгу каана», а на оборотной — религиозная формула: «нет бога кроме бога единого, нет ему равного». Такие монеты чеканились 8 лет — до 659 г. хиджры, т. е. еще два года после смерти Менгу каана, последовавшей в 657 г. хиджры [12].

Очередная смена монетного типа совпадает с крупнейшими событиями, происшедшими в это время в Грузии. В 1259 г. Давид Нарин поднимает восстание, к которому Улу Давид примыкает лишь спустя год. Оба они терпят поражение и находят убежище в Западной Грузии, совместное управление которой (видимо, в 1261 г.) ознаменовывается выпуском монеты национального типа — на ней изображены оба Давида в царских одеяниях, соответствующая грузинская надпись (Ав.) и сидящая на троне богоматерь с грузинской же надписью (Рев.) [13].

После того как монголы нашли общий язык с Улу Давидом, он возвращается и правит Восточной Грузией до самой кончины, а Давид Нарин продолжает свою деятельность в Западной Грузии. К этому именно времени и относится появление нового типа дирхемов, вошедших в нумизматическую литературу под названием «каанников» и чеканившихся с 660 по 678 г. хиджры (= 1261—1280 гг.).

В центре шестиосевой плетеной звезды этих монет помещена арабская надпись «каан правосудный», а на обороте — религиозная формула, вписанная в квадрат, и справка о месте и времени выпуска монеты [14].

Таким образом, даже после образования государства хулагуидов (654 г. хиджры = 1256 г.) на тбилисской монете упорно продолжают упоминать все того же великого каана, находящегося далеко от Грузии. Примечательно, что религиозная формула, помещаемая на этих монетах, выполнена так, что, одинаково отвечая идеологии мусульман и христиан, игнорирует имя основоположника ислама, пророка Мухаммеда. Кроме того, надписи тбилисских монет отличаются другими, присущими только им специфическими особенностями.

Все это свидетельствует о том, что утверждение о «прекращении (в XIII в.) национального чекана в Грузии» в связи с образованием хулагуидской державы и отнесение некоторых типов тбилисских монет того времени к Хулагу-хану [15] не соответствует действительности.

Принадлежность монет той или иной стране определяется не столько внешними их признаками, как сущностью и внутренним содержанием помещаемых на них надписей. Поэтому этот вопрос следует решать путем сопоставления признаков монеты с условиями, при которых производился

---

[11] В коллекции Е. А. Пахомова обнаружена интересная медная монета неправильной чеканки с арабской надписью: «Царь царей, Давид, сын Георгия, меч мессии». Монеты неправильной чеканки, как известно, со второй трети XIII в. выходят из обращения,— значит, единственный, кому может быть приурочена упомянутая монета,— это Давид Строитель. А так как спорная монета с изображением венценосного всадника имеет буквально такую же надпись (об этом см. Д. Г. Капанадзе. Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия. ЭВ, XII, 1958), то теперь этот вопрос можно считать уже окончательно решенным.

[12] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, № 92—93.

[13] Там же, № 90—91.

[14] Там же, № 94—95.

[15] И. Л. Джалагания. Ук. соч., стр. 41, 49.

их чекан. В данном случае, например, имеются достаточно веские основания утверждать, что дихремы с именем Менгу каана и анонимные кааники выпускались грузинами, но отнюдь не монголами. Поэтому правильнее было бы говорить не о «прекращении национального чекана», а о начале выпуска монет, утерявших национально-грузинские черты.

В 1279—1280 гг. ильханы находились в состоянии войны с египетским султаном, вследствие чего вынуждены были ослабить надзор над подвластными народами. Воспользовавшись создавшимся положением, Димитрий II выпускает медную монету национального типа с родовым знаком Багратионов и грузинской надписью, сообщающей титул и имя царя, христианскую молитву («веруем в отца и сына, и духа святого»), а иногда и грузинскую дату коронаконом [16]. Грузинское происхождение этой монеты, конечно, бесспорно.

Иначе обстоит вопрос с оригинальным серебряным дирхемом, появившимся одновременно с упомянутой монетой. На лицевой его стороне — уйгурская надпись, сообщающая имя того или иного ильхана (Абага, Ахмед, Аргун, Кайхату или Байду), а на оборотной — христианская молитва «во имя отца и сына, и духа святого, бога единого», переданная по-арабски, и знак христианства — крест. По краям монеты — дата.

Наличие на этих дирхемах имени персидского ильхана и отсутствие грузинских надписей или имен грузинских царей давало основание считать их «чеканенными для Грузии» [17]. Видимо, предполагалось, что эти монеты чеканились монголами для Грузии. Необоснованность такого определения вызвала необходимость. заменить его более приемлемым термином — «христиано-хулагуидский дирхем» [18], а в дальнейшем — «грузино-хулагуидский дирхем» [19]. Этот последний термин сначала был встречен решительными возражениями, но затем постепенно стал получать признание [20].

Христианская молитва, помещенная на грузино-хулагуидском дирхеме, по существу повторяет ту надпись, которой снабдил свою монету Димитрий II. Следовательно, можно сделать заключение, что обе монеты выпускались Димитрием II и христианская молитва противопоставлялась распространенному в то время по всему Востоку мусульманскому символу веры. Так как особенно интенсивный выпуск грузино-хулагуидских дирхемов, производившийся вообще 15 лет (с 680 по 694 г. хиджры = 1281—1295 гг.), падает именно на время правления Димитрия II (1271—1289 гг.), то В. Ланглуа, видимо, был прав, приписывая эту монету именно Димитрию II [21].

Уже сам по себе факт, что монголы чеканят свои монеты с мусульманским символом веры, а находившиеся в их подчинении грузины — с христианской молитвой, красноречиво характеризует взаимоотношения, сложившиеся между победителями и побежденными. Появление на грузинских монетах этого времени христианской молитвы некоторые связывают «с усилением при ильханском дворе христианского влияния» [22], но игно-

---

[16] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, № 100.

[17] А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 571.

[18] Е. А. Пахомов. О нескольких медных монетах, чеканенных в Армении в XIII—XIV вв. ИКИАИ, VI, Тифлис, 1927. Однако в более поздних своих работах Пахомов почему-то решил называть эти монеты «хулагуидскими дирхемами с христианской надписью, чекана Тифлиса» (см. Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, II, Баку, 1938, стр. 35, № 450).

[19] Д. Г. Капанадзе. О нескольких спорных медных монетах, чеканенных в XIII—XIV вв. Сообщ. АН ГрузССР, VI, 1945, № 1.

[20] Т. Н. Ломоури. Монеты Давида VII и Вахтанга III. ВГМГ XV-В, 1948 (на груз. яз.); И. Л. Джалагания. Ук. соч., стр. 57.

[21] V. Langlois. Essai de classification des suites monétaires de la Georgien. Paris, 1860, стр. 85.

[22] М. А. Сейфаддини. Монеты ильханов XIV века. Автореф. канд. дис. Баку, 1963, стр. 9.

рирование имени Мухаммеда на монетах предшествующего периода делает очевидным, что хотя грузины и были побеждены, но не сдавались и при любом случае стремились подчеркнуть свою независимость.

Выпуск монет такого типа продолжался до воцарения Казан хана (1295—1304 гг.), при котором происходят настолько значительные перемены в денежно-монетном деле, что для правильного их понимания еще раз сделаем беглый обзор истории монетного дела в Грузии с 1240 г.

Первые пять лет после монгольского нашествия в Тбилиси и других городах Закавказья монеты чеканятся по распоряжению местной монгольской администрации. Мусульманский символ веры, помещаемый на этих монетах, содержит в себе имя пророка и основателя ислама Мухаммеда.

С 1244 г. появляются монеты с именами грузинских царей — сначала Давида Нарина, а затем и Улу Давида, чеканившиеся до 1255 г.; мусульманского символа веры на них нет.

С 1252 г. идут тбилисские монеты с именем Менгу каана, чеканившиеся на протяжении восьми лет, а с 1261 г., несмотря на то, что уже пять лет до этого непосредственным сюзереном Грузии становится Хулагу хан, на протяжении 19 лет выпускаются анонимные кааники с надписью «каан правосудный» и религиозной формулой, игнорирующей имя Мухаммеда.

Имя прямого сюзерена Грузии (ильхана) появляется на грузинской монете лишь с 1280 г., но на ней даже указанное выше компромиссное религиозное выражение заменено христианской молитвой.

В 694 г. хиджры на ильханский престол вступает Казан хан, реформаторская деятельность которого коснулась и денежно-монетного дела. Участник этих реформ знаменитый историк Рашид ад дин, подробно описывая непорядки, существовавшие в монетном деле, и отмечая нарушения в пробе металла монет, говорит: «Исправить эти изъяны государь ислама... надумал так, что установил по своему нраву (образец) монеты, сделал на ней знак, который никому не удастся подделать, и приказал, чтобы во всех владениях золото и серебро чеканили по этому (образцу), дабы повсюду монеты были во имя бога и посланника его. Его (государево) имя тоже было помещено. Даже в Грузии, где никогда не чеканили монету во имя бога и (его) посланника, стали по необходимости чеканить (ее), ибо другие монеты, помимо нее, не имели (нигде) хождения, так что тем местам тоже пришлось чеканить эту монету, хотя они (грузины) и не признают власти (ильхана), а иначе их деньги нигде не принимали» [23].

Фактический материал свидетельствует о том, что, несмотря на строжайший указ Казан хана, грузины продолжали вести свою линию. Хотя огромное большинство монет, чеканившихся в Грузии после 1295 г., теряет специфически грузинские черты (иноземные их надписи сообщают имена и титулы ильханов, мусульманский символ веры с именем Мухаммеда), но есть и такие монеты, которые свидетельствуют о продолжающейся упорной борьбе грузинского народа за свою самобытность. Приведу примеры.

Унифицированный дирхем по установленному Казаном образцу выпускается Тебризским монетным двором уже в 696 г. хиджры (=1296/97 г.) [24], но, несмотря на строгость указа Казана, в том же году сначала Давид VII, а спустя 2—3 года — Вахтанг III выпускают дирхемы с христианской молитвой (на арабском языке), с сокращенной грузинской надписью, сообщающей имена и титул этих царей, и даже с эмблемой

---

[23] Рашид ад дин. Сборник летописей, II, М.—Л., 1946, стр. 271.

[24] Ch. M. Fraehn. De II — Chanorum seu Chulaidorum numis. St. Petersbourg, 1834, стр. 508, № 90; Мухаммед Муборек. Музей думаюк маскукат-е Гадымэ каталоги, III, Константинополь, 1318 г. хиджры (= 1900—901), стр. 50, № 58 (на турецк. яз.).

христианства — крестом. Имени Мухаммеда здесь опять нет. А в 1310 г. появляется монета с исключительно грузинскими надписями, с именем только грузинского царя и с христианской молитвой [25].

Что же касается монет, чеканившихся в Грузии после 1295 г. по унифицированному типу с пометкой о месте их выпуска (Тбилиси, Ахалцихе, Аниси, Караагач), то, судя по сохранившимся на них датам, с теми или иными перерывами они чеканились до 60-х годов XIV в., т. е. времени, когда хулагуиды окончательно сходят с исторической сцены.

Введение в обиход сравнительно большого количества унифицированных дирхемов и вместе с этим резкое сокращение выпуска монет с грузинскими национальными чертами дает повод некоторым исследователям считать, что «проведенная Газан Махмудом монетная реформа в корне изменила положение в Грузии» [26]. Такая постановка вопроса создает впечатление, что с рубежа XIII—XIV вв. монеты унифицированного типа чеканились в Грузии уже исключительно монголами, но это противоречит действительности.

Рашид ад дин прямо указывает, что в «Грузии никогда не чеканили монету во имя бога и его посланника», и выше мы убедились в том, что это так и было. Можно возразить, что формально еще не доказано, кто именно ведал монетными дворами в Грузии и кто — монголы или грузины — повинны в этих нарушениях. Совершенно очевидно, что Рашид ад дин имел в виду именно грузин, когда выделял Грузию из числа остальных владений ильхана, так как, по его утверждению, эти нарушения достигли крайних пределов именно здесь. Тех же своенравных грузин имел он в виду, когда, заканчивая повествование, сетовал на то, что «они не признавали власти ильхана». Поэтому нельзя сомневаться в том, что начиная с 1245 г. все тбилисские монеты, независимо от того, чеканились ли они с именем (или просто с титулом) великого каана или ильхана, выпускались по распоряжению грузинских, но отнюдь не монгольских властей. Прямым на это указанием в данном случае, при наличии свидетельства Рашид ад дина, является отсутствие имени Мухаммеда в монетных надписях. Когда он говорит, что в Грузии тоже стали чеканить монету по установленному новому образцу, и поясняет, что это было вызвано необходимостью, «ибо другие монеты... не имели хождения», мне кажется, что в этом уже содержится утверждение того, что именно грузинам «тоже пришлось чеканить такую монету... иначе их деньги не принимались».

Для меня совершенно очевидно, что в данном случае историк имел в виду те монеты, которые чеканились по унифицированному реформой Казан хана типу и которые, таким образом, также должны быть отнесены к категории самостоятельной грузинской чеканки, продержавшейся в таком виде несколько десятилетий.

По существу того же мнения держится и немецкий ученый Б. Шпулер, утверждая, что «только чисто внешне, приблизительно еще до 1350 г. Грузия оставалась в зависимости от монголов, что, к примеру, выявляется надписями на монетах» [27].

Прекрасной аналогией являются некоторые памятники русской нумизматики. И. И. Толстой, например, отмечал, что «когда в XIV веке началась чеканка русских денег, им не только была придана форма татарских, но они все снабжены арабскими надписями», и потому монету с надписью «Султан Тохтамыш хан», на которой нет ни одной русской буквы, нет упоминания имени русского князя и даже справки о месте ее выпуска, он «с достаточным вероятием» счел возможным «отнести к русскому, но не татарскому чекану» и приписать Дмитрию Донскому [28].

---

[25] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, № 101—103 и стр. 83, рис. 5.
[26] И. Л. Джалагания. Ук. соч., стр. 82.
[27] B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, стр. 126.
[28] И. И. Толстой. Деньги вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского. ЗНОРАО, 1, 1910, стр. 152.

Появление таких монет Е. А. Пахомов объясняет обстоятельнее. «Ширваншах Ибрахим,— говорит он,— следуя политике — не подчеркивать своей самостоятельности, а прикрываться именем одного из представителей крупных соседних государств, объявил себя вассалом Шадибека. В знак этого номинального подданства монеты стали чеканиться от имени Шадибека без упоминания об Ибрахиме» [29].

Само собой разумеется, что установившаяся политика, которой следовал Ибрахим, не являлась каким-то новшеством; она проводилась и раньше, и этим следует объяснить, например, появление тбилисских дирхемов, битых именами джучидов Джанибека и Бердибека [30], которые в отношении Грузии враждебных действий не проявляли [31].

Приведенные в известность грузинские выпуски джучидских дирхемов все без исключения падают на время управления Грузией предшественника Ибрахима Давида IX (1346—1360 гг.), о котором сохранилось очень мало сведений. Выпускавшиеся при нем монеты чеканятся то именем джелаиридских султанов, то именем ильхана, а то и именем джучидских ханов.

Природу мелких серебряных монет, чеканившихся при нем от имени джелаира Шейх Увейса, И. Л. Джаладания объясняет «теми же причинами, которые вынуждали правителей Грузии чеканить свои монеты по типам, широко распространенным на международном рынке» [32]. Но такая формулировка недостаточно ясна,— непонятно, о каких именно правителях идет речь — грузинских ли природных царях или сидящих здесь в разное время иноземных владыках? Затем,— вряд ли джучидские монеты того времени подойдут под категорию широко распространенных на международном рынке.

Причинам появления тбилисских монет второй половины XIII в., чеканившимся по типам, заимствованным у монголов, посвящена специальная работа И. Л. Джалагания [33]. Не имея возможности в настоящей работе дать подробный разбор многочисленных противоречивых высказываний указанного автора, ограничусь замечанием, что даже основной вопрос о происхождении тбилисских монет второй половины XIII в. так и остался невыясненным. Непонятно, например, чеканились ли эти монеты грузинами [34] или же они являются «хулагуидскими монетами закавказского чекана» [35].

А между тем сопоставление фактического материала со сведениями Рашид ад дина, заслуживающими самого высокого доверия, приводят нас к выводу, что описанные выше тбилисские монеты, выпускавшиеся до 1295 г., и даже монеты общехулагуидского типа, чеканившиеся с рубежа XIII—XIV вв. различными монетными дворами Грузии (Тбилиси, Ахалцихе, Ани-си, Караагач), принадлежат к категории самостоятельной грузинской чеканки.

Чем же, в конце концов, объяснить, что после падения ильханского царства и восстановления политического единства Грузии здесь продолжается выпуск монет мусульманского типа с надписями, сообщающими имена лишь монгольских государей?

Вопрос этот, по существу, был решен в ходе предшествующего изложения, и к сказанному остается лишь добавить, что термин «казанаури»,

---

[29] Е. А. Пахомов. Борьба феодальных династий за восточное Закавказье с половины XIV до начала XV века по монетным данным. КСИИМК, 66, 1956, стр. 50.

[30] Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, I, 1960, стр. 153—155.

[31] И. А. Джавахишвили. Ук. соч., стр. 289.

[32] И. Л. Джалагания. Лениногорский клад монет тбилисской чеканки XIV в. Сообщ. АН ГрузССР, XXII, 1959, № 2, стр. 255.

[33] И. Л. Джалагания. Из истории монетного дела в Грузии XIII в.

[34] Там же, стр. 57.

[35] Там же, стр. 82.

упоминаемый в письменных источниках того времени (наряду с термином «кирманеули») в значении денежной единицы, несомненно следует связывать с именем Казан хана и введенным им унифицированным дирхемом. Наряду с ними известен еще один термин — «гиоргаули», вокруг которого в последнее время возникли самые различные толкования. Он имеет непосредственное отношение к поставленной нами задаче.

Т. Н. Ломоури, например, полагает, что термин «гиоргаули» является неправильной интерпретацией сведений, заключающихся в судебнике XIV в., Агбути атабага, где монеты, введенные Георгием Блистательным, названы «деньгами времен великого царя Георгия» и что этот термин введен Вахтангом VI (1703—1716 гг.) по аналогии со встречающимися в ранних документах терминами «кирманеули» и «казанаури». Под «деньгами же времен великого царя Георгия» следует разуметь имевшие в то время в Грузии широкое распространение дирхемы ильханов и, в частности, Сулейман хана [36].

По существу, тех же взглядов держится, как мы видели, и В. Шпулер [37].

Существует еще одна, совершенно неприемлемая теория — сопоставить друг с другом термины «гиоргаули» и «кирманеули» [38].

Термин «гиоргаули», как выясняется, встречается в значительно более ранних документах, чем начало XVIII в., и потому мне кажется вполне допустимым его сопоставление с «деньгами времен великого царя Георгия». В свете сообщений Рашид ад дина и новейших исследований такое решение вопроса кажется мне наиболее приемлемым, и в связи с этим я еще раз вернусь к одной спорной монете. Весит она всего около одного грамма и имеет на лицевой стороне грузинскую надпись: «царь царей Георгий», а на оборотной — искаженный суннитский символ веры (рис. 1).

Сделанные мною сопоставления этой спорной монеты с тбилисским дирхемом, битым именем Сулеймана (как наиболее вероятном ее прототипе), и с встречающимся в источниках и литературе термином «гиоргаули» встретили решительные возражения нумизматов. Поэтому мое предположение, высказанное первоначально с несколько излишней категоричностью[39], пришлось в дальнейшем смягчить[40], хотя тбилисские дирхемы, чеканившиеся от имени персидских ильханов, я все еще продолжал считать грузинскими [41].

В результате этих колебаний создалось курьезное положение — одни исследователи, принимая спорную монету «царя царей Георгия» за гиоргаули, склоняют меня вернуться к более решительной формулировке [42], другие, наоборот, передвигают датировку этой спорной монеты к концу XIV в. и отказываются признавать ее за гиоргаули [43].

Которая же из сторон права и в какой именно мере?

О причинах появления монет, чеканившихся в Грузии по иноземным образцам, было сказано выше, и потому не должно вызывать сомнений, что термин «казанаури», встречающийся в тех же документах XIV в., следует отождествлять с монетами, чеканившимися в Грузии по образцу, установленному Казан ханом. В основу монетной системы он положил дирхем весом в 2,15 *г* (соответственно уменьшался или увеличивался

---

[36] Т. Н. Ломоури. Деньги последних ильханов в Грузии. Рукопись 1951 г. хранится в фондах ГМГ.

[37] B. Spuler. Ук. соч.

[38] D. Lang. Studies in the numismatic History of Georgia in Transcaucasia. New York, 1955, стр. 86—87.

[39] Д. Г. Капанадзе. К датировке некоторых неопределенных грузинских монет. ВГМГ, XI-B, 1941, стр. 155 (на груз. яз. с русским резюме).

[40] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 100.

[41] Там же, стр. 88.

[42] В. Н. Габашвили. Ук. соч., стр. 135, 136.

[43] Г. Ф. Дундуа. К вопросу о гиоргаули. Тезисы докладов на X научной сессии ГМГ. Тбилиси, 1962, стр. 5 и 13 (на груз. яз.).

вес чеканившихся с ними полудирхемов или двойных и шестерных дирхемов).

Но уже с первой же четверти XIV в. начинается постепенное снижение веса, и к концу правления Ольчаиту и вступлению на престол Абу Саида вес дирхема падает до 1,73 *г* (соответственно — 0,87 и 3,5 *г* для полудирхема и двойного дирхема). На этом уровне вес монеты держался

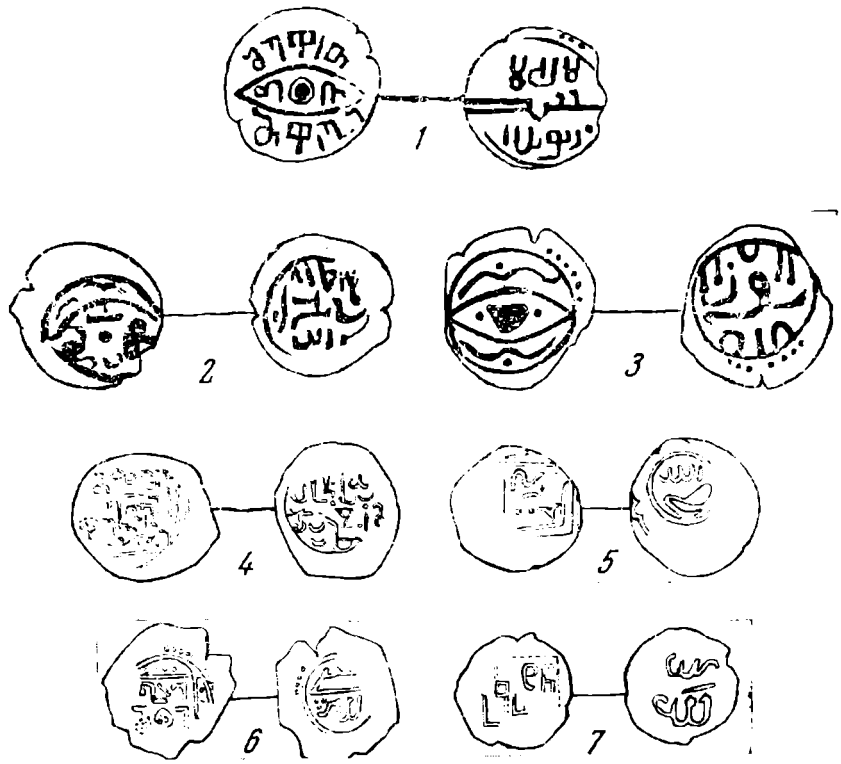


Рис. 1

1— монета «царя царей Георгия» (гиоргаули?); *2—3*— упрощенные варианты этой монеты; *4*— совместный выпуск Георгия VII и Ахмеда Джелаира; *5—6*— последние выпуски монет Георгия VII; *7*— монета преемника Георгия VII Константина I

до 733 г. хиджры (= 1332/33 г.), когда произошло очередное снижение веса до 1,4 *г* (0,7 и 2,8 для полудирхема и двойного дирхема). При ближайших преемниках Абу Саида (Арпа хан, Муса, Мухаммед) дирхемы чеканятся по этой норме, но при Сати-беке и Сулеймане, ввиду очередного падения веса монет, предпочли перейти к выпуску двойных дирхемов. При последнем ильхане Анушпрване вес дирхема снизился еще больше.

Соответственно этому и следует рассматривать интересующие нас монеты как чеканившиеся в Грузии по распоряжению Георгия Блистательного от имени ли ильхана или с сугубо национальными чертами. Таким образом, если установленная Агбугой плата двойной монетой весом в «пять данги чистого серебра» считается идентичной с двойным дирхемом ильханов»[44], вес которого при Сулеймане колебался в пределах 1,5 *г*, то интересующая нас монета «царя царей Георгия», судя по ее весовым данным, подходит к одинарной, но не двойной монете. Но к справке о весе двойной монеты в «пять данги чистого серебра» следует подходить с особой осмотрительностью, так как, если неукоснительно падал вес монгольского дирхема (в значении весовой единицы), того же следует ожидать и от грузинского данги.

---

[44] С. Н. Какабадзе. О кровных грамотах. «Исторический Вестник», II, Тбилиси, 1924, стр. 78—79 (на груз. яз.); Г. Ф. Дундуа. Ук. соч., стр. 13.

Руководствуясь этими соображениями, я бы считал более приемлемой следующую постановку вопроса: монеты, чеканенные при Георгии Блистательном, независимо от их внешнего вида и формальных признаков, с одинаковым основанием могут быть названы как «деньгами времен великого царя Георгия», так и «гиоргаули». Нельзя лишь согласиться с предложением датировать нашу спорную монету пределами 1327—1335 гг. [45], а тем более 1316—1332 гг. [46], иначе сам по себе отпадет вопрос о дирхеме Сулеймана (воцарился в 1339 г.), как о наиболее вероятном прототипе нашей монеты [47]. К концу царствования Георгия Блистательного дела Грузии пошатнулись и для поддержания престижа царской власти могла возникнуть необходимость выпуска монеты сугубо национального типа.

В. Н. Габашвили справедливо возражает против попытки отождествить гиоргаули и кирманеули не только потому, что Вахтанг VI резко разграничивает их друг от друга. Если признать их тождество, мы попадем в противоречие с действительными фактами и нам некуда будет деть огромную группу монет, чеканившихся с конца XIII века и до самого рубежа XVI в. Возникновение этих монет (возможно, даже и не под названием кирманеули) связано с образованием в XIII в. Западногрузинского государства; уже под этим названием они бытовали как при Георгии Блистательном, так и долгое время после него. Кирманеули, так же как и их прототип — трапезундский аспр, подобно другим монетам этого времени, испытывали процесс постепенного снижения веса и в виде пережитка сохранились до середины XVI в. Они упомянуты в документе 1455 г. (Институт рукописей АН ГрузССР, Н-d — 7588), где прямо сказано, что названы так по имени греческого царя «Кирманеула» (искажение кир Мануил). Любопытно, что в качестве платежной единицы этот термин почему-то упоминается обычно в кровных грамотах, определяющих цену за кровь [48].

Предполагая, что один из редких вариантов кирманеули с грузинской надписью «царь Георгий» тоже можно включить в категорию монет, объединенных термином гиоргаули, В. Н. Габашвили говорит, что это не было сделано из-за низкого веса монеты, не соответствующего середине XIV в. [49] Я руководствовался, однако, совсем иными соображениями.

Средний вес монет Сулеймана (предполагаемого прототипа гиоргаули) колеблется в пределах 1,3—1,7 *г*; вес спорной монеты «царя царей Георгия», которую я и сейчас считаю возможным отнести к Георгию Блистательному, судя по дошедшим до нас нескольким экземплярам, не превышает одного грамма (№ 3230—0,85 *г*; № 5350—0,86 *г*; № 2961—1,0 *г* и № 2385—1,02 *г*) [50], а вес единственного имеющегося в нашем распоряжении кирманеули с надписью «царь Георгий», хотя он сильно потерт и пробит (№ 6213), равен 1,14 *г*. Таким образом, по весу он оказывается подходящим для монет «времен великого царя Георгия».

Но для решения таких спорных вопросов одних лишь весовых показателей недостаточно, и потому обратимся к данным иного порядка.

Совершенно очевидно, что возникнув во второй половине XIII в. и просуществовав по меньшей мере до середины XV в., эти монеты никак не подойдут под категорию денег «времен великого царя Георгия». Если некоторые их варианты и снабжались грузинскими надписями, сообщающими имена тех или иных исторических лиц, то это не может служить

---

[45] В. Н. Габашвили. Ук. соч., стр. 136.
[46] С. Н. Какабадзе. Ук. соч., стр. 78—79.
[47] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 100, № 112.
[48] С. Н. Какабадзе. Ук. соч., стр. 89.
[49] В. Н. Габашвили. Ук. соч., стр. 132.
[50] Здесь и дальше указаны инвентарные номера отдела нумизматики Гос. музея Грузии.

основанием для их выделения в самостоятельную группу монет, если даже допустить, что некоторые чеканились при Георгии Блистательном.

Когда в 1386 г. после взятия Тамерланом Тбилиси и пленения им «царя царей Баграта», сын правителя Имеретии Александр провозгласил себя царем, он должен был бы чеканить свою монету. Если этого не делал Александр, то его сын и преемник Георгий I Имеретинский (1389—1392 гг.) уже наверное прибегал к этой мере хотя бы потому, что его сосед и соперник, владетель Одиши Вамик Дадиани, как известно, чеканил свою монету [51].

Руководствуясь этим, я считаю, что монеты общехулагидского типа, имевшие в то время исключительно широкое обращение, со значительно бо́льшим основанием могут считаться деньгами «времен великого царя Георгия», чем какие бы то ни было другие. Однако это не исключает возможности, что параллельно с ними выпускались другие монеты, стилистически к ним близкие и имеющие национальные черты. По ряду признаков к ним в первую очередь следует отнести нашу спорную монету с грузинской надписью «царь царей Георгий».

Уже одно то обстоятельство, что, начиная с фельсов Давида VII, чеканившихся в 1310 г., и кончая монетами Георгия VII, выпуск которых начался лишь с 1393 г., 80-летний период времени оставался незаполненным, вызывало естественное недоумение. Именно этот период и знаменуется благоприятными для Грузии условиями, совпадая с правлением таких выдающихся деятелей, какими были Георгий Блистательный и Баграт Великий. Чтобы утверждать, что спорная монета «царя царей Георгия» принадлежит именно Георгию Блистательному, одних этих соображений, конечно, не достаточно, но для того, чтобы доказать это, достаточно будет установить, что она чеканена в первой половине XIV в., но не в конце. Какие же для этого имеются основания?

1. По типологическим, стилистическим и фактурным признакам эта монета больше тяготеет ко времени Сулеймана (1339—1344 гг.), более близких аналогий пока нет.

2. Весовые показатели этой монеты опять-таки ближе ко второй четверти XIV в.— она в полтора раза тяжелее всех известных нам вариантов монет Георгия VII, сына Баграта (1393—1407 гг.).

3. По художественно-техническим своим признакам она более близка к первой, но отнюдь не ко второй четверти XIV в. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на высокий и четкий рельеф монет «царя царей Георгия», резко отличающийся от всех монет конца XIV в.

4. Об этом же свидетельствуют и результаты анализа клада, в составе которого оказались очень близкие аналогии интересующей нас монеты [52].

Найден был этот клад в 1925 г. в с. Али (Хашурский район ГрузССР) и тогда же передан Государственному музею Грузии. Хотя в свое время он был опубликован [53], но для ясности напомним его состав еще раз (см. таблицу).

Клад в основном состоит из двух больших групп монет: джучидских XIV в. (группа I) и грузинских рубежа XIV—XV вв. (группа IV) с незначительной примесью джелаиридских монет (группа II) и нескольких экземпляров, которые для анализа бесполезны и учитываться не будут. К ним я отношу следующие монеты: 1) единственный экземпляр кирманеули (группа III), абсолютная датировка которого пока не установлена;

[51] Д. Г. Капанадзе. О некоторых неопределенных грузинских монетах и монетных дворах Грузии. ВГМГ, XIV-В, 1947, стр. 164 (на груз. яз.).

[52] В состав этого клада вошли последующие, значительно упрощенные варианты монеты «царя царей Георгия» (см. рис. 1, *1*, *2* и *3*), по своим стилистическим, типологическим и фактурным признакам обнаруживающие настолько близкое сходство друг с другом, что их принадлежность к одному и тому же времени не вызывает сомнений (см. Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 100).

[53] Д. Г. Капанадзе. К датировке некоторых неопределенных монет. ВГМГ, XI-В, 1941, стр. 134 (на груз. яз.).

№ п/п	Группы и типы монет	Время выпуска, годы	Количество	Весовые данные, *г*
	I. Джучидские монеты (204 экз. 43,04%)			
1	Тохта хан (1290—1310)	1310	5	1,0—1,45
2	Узбек (1313—1339)	1322—1334	22	0,77—1,90
3	Джанибек I (1339—1357)	1341—1354	73	1,10—1,70
4	Бердибек (1357—1360)	1357—1358	6	1,18—1,70
5	Кюльна (1359—1360)	1359	1	1,18
6	Хызри (1359—1361)	1359—1360	6	1,26—1,46
7	Кильдибек (1361—1362)	1360—1361	1	1,58
8	Мюрид Ходжа (1361—1363)	1361—1362	3	1,31—1,32
9	Абдуллах (1362—1369)	1363—1369	15	1,17—1,52
10	Джанибек II (1365—1366)	1365—1366	5	1,21—1,50
11	Мухаммед Булак (1368—1380)	1369—1380	46	1,23—1,59
12	Тохтамыш (1377—1396)	1380—1385	15	1,34—1,62
13	Кабу Аллах (с одной) и Мухаммед Булак (с другой стороны)	1369	1	1,29
14	Брактеат (только Рев.)	XIV в.	1	1,46
15	Потертые, неразборчивые	XIV в.	4	—
	II. Джелаиридские монеты (4 экз. 0,84%)			
1	Шейх Увейс (1356—1374)	1360—1380	2	0,69—0,70
2	Хусейн (1374—1382)		2	0,60—0,75
	III. Западногрузинские кирманеули, 0,21%	XIII—XIV вв.	1	2,03
	IV. Восточногрузинские			
1	Георгий VII, Ахмед Джелаир, 52,53%	После 1393 г.	249	При колебании от 0,5 до 0,75 в среднем 0,62—0,63
2	Георгий VII (рис. 1, *5*; 0,42%)	Переходный тип к XV в.	2	0,65 и 0,66
3	Неопределенная (изображение голубя), 0,84%	XIV в.	4	0,97; 1,04; 1,05 и 1,18
4	Неопределенная (изображение тура), 0,42%	XIV в.	2	1,05 и 1,22
5	Вариант монеты «царя царей Георгия» (рис. 1, *3*), 1,05%	XIV в.	5	0,83; 0,91; 0,93; 1,0 и 1,01
	V. Протертые и неразборчивые, 0,42%	XIV в.	2	—
	VI. Полуабаз иранского шаха Сулеймана I, 0,21%	1089 г. хиджры (=1678/79 г.)	1	—
			474 экз.	

2) две стертые, неразборчивые монеты V группы; 3) полуабаз иранского шаха Сулеймана I 1089 г. хиджры (=1678/79 г.), несомненно попавший в состав клада после того, как он был извлечен из земли (группа VI)

Хорошо датируемые джучидские монеты этого клада определяют хронологические его рамки пределами 1310—1385 гг., но наличие не менее хорошо известных монет Георгия VII расширяет эти рамки еще лет на двадцать.

Сравнительно с монетами последних ильханов и ближайших их соседей джучидские монеты как ранние, так и поздние отличаются стабильностью веса. Е. А. Пахомов утверждает, что «серебряные джучидские монеты, битые золотоордынскими ханами вне Закавказья, в последнем совершенно не встречаются» [54]. Поэтому наличие в нашем кладе монет,

[54] Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку, 1926, стр. 30.

представленных экземплярами именно незакавказского чекана и выпускавшихся в совершенно иных условиях, следует объяснить причинами не экономического, а политического характера.

Первое наступление Северного Улуса против Тамерлана связывается с предварительным соглашением золотоордынских ханов с грузинским правительством[55]. Поэтому весьма возможно, что наличие в нашем кладе сравнительно большого количества джучидских монет незакавказской чеканки (204 экземпляра, или 43,03% всего состава) можно рассматривать как одно из следствий этого соглашения.

Основным ядром нашего клада все же являются монеты Георгия VII, представленные 249 экземплярами (52,53% состава). Эпитет «победоносного царя», помещенный на этих монетах и предшествующий имени Георгия VII, дает основание полагать, что они выпускались после победы, одержанной в 1398 г. грузинами над войсками Тамерлана. Но если даже допустить, что они чеканились раньше, то это никак не могло случиться до 1393 г. (время вступления Георгия на престол). Средний вес этих монет при колебании 0,50—0,75 *г* определяется в 0,62—0,63 *г*. Кстати, не только монеты нашего клада, но и все известные мне варианты монет Георгия VII (см., например, рис. 1, *4*) не превышают указанной нормы, что является вполне закономерным. Сейчас же после его воцарения, т. е. в 1393 г., последовало второе, а затем год спустя и третье нашествие Тамерлана, вконец истощившее Грузию и окончательно подорвавшее ее экономику. При этих условиях вес чеканившихся здесь в это время монет, сравнительно с выпускавшимися до этого, должен был снизиться еще более.

Наглядным подтверждением сказанного являются джелаиридские монеты нашего клада (4 экземпляра II группы, или 0,84% состава), вес которых в 1360—1380 гг. все еще держался на уровне 0,68—0,69 *г*[56].

Основная часть клада, так называемое его ядро, обычно состоит из монет, имевших обращение непосредственно в момент его захоронения (в конкретном случае — монеты Георгия VII), но вместе с ними в клад попадают и такие монеты, которые к моменту захоронения стали уже выходить из обращения или только начали входить в оборот. Как самые ранние, так и самые поздние монеты, естественно, представлены единичными экземплярами.

После того как мы вплотную подошли к анализу клада, попытаемся установить датировку всех монет, входящих в его состав.

Выпуск монет, битых именем Георгия (№ 1 IV группы), должно быть, прекратился уже в 1400 г., потому что начиная с этого времени и вплоть до заключения мира с Тамерланом (1403 г.), Георгий укрывался в горах и в Тбилиси не появлялся.

Две монеты № 2 той же IV группы тоже относятся к Георгию VII, но они принадлежат уже позднейшим выпускам, потому что их тип значительно упрощен и является переходным к монетам Константина I, брата и преемника Георгия VII, что наглядно видно из сравнения рис. 1, *5, 6* и *7*. Эти монеты только начинали входить в обращение и потому составляют всего 0,42% к общему составу.

Принадлежность шести неопределенных монет (с изображением голубя — 4 экземпляра и с изображением тура — 2; см. №№ 3 и 4 IV группы) к первой половине XIV в. никто не отрицает; об этом свидетельствуют их тип, фактура, стиль, весовые данные и т. д. К общему составу их процент тоже невелик — 1,26.

Остается выяснить, куда отнести варианты монет «царя царей Георгия» в количестве пяти экземпляров (или 1,05%), внесенных в список

---

[55] И. А. Джавахишвили. Ук. соч., стр. 289.

[56] Кстати, хранящийся в Гос. музее Грузии клад серебряных монет тбилисской чеканки с именем Шейх Увейса в количестве 83 экз. (инв. № 9363—9445), при колебании 0,54—0,75 *г* дает те же средние весовые показатели.

под № 5 IV группы? К категории самых поздних монет клада они не подойдут, так как больше подходят к неопределенным монетам № 3 и 4 этой же группы.

Джучидские монеты в основном сохраняют установленную для них весовую норму (примерно 1,5 *г*) на протяжении восьми с лишним десятков лет, но далеко не так обстоит дело с другими монетами нашего клада. Вес джелаиридских монет 60-х и 80-х годов XIV в., как мы видели, не превышает 0,75 *г*. В последнее десятилетие этого же столетия вес монет Георгия VII снижается еще больше.

Все это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что спорная монета «царя царей Георгия», так же как и некоторые другие монеты IV группы, по своим внешним показателям (типологическим, стилистическим, фактурным, метрологическим, а также по высокому рельефу рисунка и надписей) тяготеют к монетам 30—40-х годов XIV в. и к Георгию VII отношения не имеют. Так как в указанный период грузинской историографии известны лишь два деятеля с этим именем, жизнь которых протекала в XIV в., а наша спорная монета тяготеет к более ранним группам клада, то, естественно, ее следует приурочить к Георгию Блистательному.

Наличие в IV группе клада монет до сих пор не изданных, но несомненно принадлежащих Георгию VII и являющихся последними его выпусками (см. рис. 1, *5*) [57] и потому датируемых уже началом XV в только укрепляет меня в справедливости принятого решения. За четырнадцатилетнее правление Георгия VII, не говоря о многочисленных мелких вариантах, до нас дошло четыре заметно отличающихся друг от друга монетных типа, но ни один из них ни в какой мере не подходит к интересующей нас монете «царя царей Георгия» или ее вариантам.

Поэтому «монетами великого царя Георгия», так же как и «гиоргаули» (независимо от того существовал ли этот термин уже в первой половине XIV в. или же был введен позднее), могут быть названы монеты, чеканенные в Тбилиси, как по общехулагуидскому типу, так и с типично национальными чертами, тем более, что между ними обнаруживается несомненное типологическое и фактурное сходство. Но мы еще раз подчеркнем, что и первые, и вторые имеют полное основание быть причисленными к категории самостоятельной грузинской чеканки.

---

[57] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 103, табл. IX, № 127, 128, 129 и 130.

В. Е. РУДАКОВ

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье В. Е. Вихрова и Б. А. Колчина [1] довольно подробно сообщается об основах и некоторых методах дендрохронологического анализа. Изложение основ не вызывает замечаний, они составлены по литературным данным. Однако собственные суждения авторов о методах дендрохронологического анализа и использование этих методов требует подробного рассмотрения, в особенности вопрос создания дендрохронологической шкалы.

В 1956 г. я получил командировку в Лабораторию археологической технологии Ленинградского отделения ИИМК АН СССР. Эта поездка была связана с желанием С. И. Руденко организовать дендрохронологические исследования с целью установления относительной хронологии Пазырыкских курганов.

Так как ставилась задача только установления относительной хронологии сооружения курганов, то было возможно при дендрохронологическом анализе рассмотреть ход годичного текущего прироста отобранных образцов деревьев методом, принятым у лесоводов [2], и построением диаграмм-основ (скелетных листков) по Дугласу [3]. Во время моей работы с методами дендрохронологического анализа был ознакомлен ст. лаборант И. М. Замоторин, продолживший начатые исследования, результаты которых опубликованы [4]. В его статье были изложены и основы дендрохронологии. В. Е. Вихров и Б. А. Колчин в значительной степени повторили доказательства возможности установления хронологии по годичным кольцам деревьев, изложенные в статье И. М. Замоторина, но применили при анализе хода текущего годичного прироста, сославшись на метод Б. Хубера [5], полулогарифмические дендрограммы. В такой дендрограмме по оси абсцисс откладываются обычным порядком годы, а по оси ординат — логарифмы толщин колец.

Однако целесообразность применения метода Хубера вызывает сомнение. По мнению В. Е. Вихрова и Б. А. Колчина, такие полулогарифмические графики очень удобны, так как изображение толщины кольца в виде его логарифма делает годичные кольца в графическом выражении «независимыми от абсолютной величины кольца». Кроме того, полулога-

---

[1] В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Основы и метод дендрохронологии. СА, 1962, 1.

[2] А. В. Тюрин. Таксация леса. М., 1945.

[3] A. E. Douglass. Climotic Cycles and Tree Growth. Washington, Pub. 289, 1, 1919; 2, 1936.

[4] И. М. Замоторин. Относительная хронология Пазырыкских курганов. СА, 1959, 1.

[5] B. Huber, W. Holdheide. Jahrring chronologische Untersuchungen an Holzern der bronzezeitlichen. Berichte der Deutscher Botanischen Gesellschaft, X, тетр. 5, 1942.

рифмические диаграммы, как пишут упомянутые авторы, им почти выпрямляли биологическую кривую роста.

Но логарифм числа, как и само число, является абсолютной величиной и графическое выражение числа в виде логарифма не делает его независимым от его абсолютной величины. Будет лишь график, где по оси ординат откладываются логарифмы чисел вместо самих чисел, т. е. вместо толщины кольца в миллиметрах будет откладываться соответствующие величины логарифмов.

Поэтому, если на одном графике совместить кривые хода толщин различных деревьев, выраженных в логарифмах, то и в этих условиях будет иметь место такое же отношение к другим кривым, как если бы эти кривые строились по непрологарифмированным величинам текущего годичного прироста.

Некоторую трансформацию кривой хода годичного текущего прироста, в случае ее графического изображения в виде хода величин логарифмов этого прироста, нельзя признать как прием выпрямления биологической кривой роста, так как существенного выпрямления этой кривой на графике не наблюдается. Так и должно быть, ибо у тонких годичных колец будут малые величины логарифмов, а у толстых — большие, что соответствует одному из основных свойств логарифмов — при основании, большем единицы, большему числу соответствует больший логарифм.

Отсюда ход кривой текущего годичного прироста в виде хода логарифмов также следует возрастным особенностям роста деревьев. Приводимый В. Е. Вихровым и Б. А. Колчиным рисунок 7 [6] ясно подтверждает это. На нем хорошо видна возрастная неравномерность в росте дерева как при построении графика хода текущего прироста дерева, по оси ординат которого откладывается прирост в миллиметрах, так и при построении того же графика, но при откладывании по оси ординат логарифмов величин прироста. А если бы масштабы по оси ординат ими были выбраны с учетом совмещения этих кривых по их амплитуде, то несостоятельность утверждения В. Е. Вихрова и Б. А. Колчина о том, что полулогарифмические диаграммы им «почти выпрямляли биологическую кривую роста» стала бы более очевидна.

Но упомянутые авторы предпочли выполнить «сжатие» кривой хода текущего годичного прироста главным образом по свойствами логарифмической функции, а применением того вертикального масштаба при построении полулогарифмической кривой хода текущего прироста по оси ординат, который бы давал желаемое «выпрямление». Это и видно на упомянутом рис. 7.

Следует обратить внимание на то, что нельзя рассматривать все извлеченные при археологических раскопках деревья как однородный материал для дендрохронологических исследований, если они разных пород.

Как известно, древесные породы имеют различия в анатомическом строении и физиологии. Поэтому хотя все древесные породы и реагируют на колебания метеорологических факторов, но степень их реакции будет различна.

И не случайно, что хронология годичных колец составляется для каждой породы отдельно. Так, в более поздней работе Хубер [7] сообщает о составлении различными исследователями хронологии по секвойе, сосне, буку, дубу и ели. Это не учтено в работе В. Е. Вихрова и Б. А. Колчина. Они не составили хронологию годичных колец раздельно для сосны и ели.

Результаты рассмотрения использованного В. Е. Вихровым и Б. А. Колчиным метода дендрохронологического анализа не дают возможности согласиться с их выводом о том, что «наш (Вихрова и Колчина.— *В. Р.*) метод дендрохронологического анализа, значительно упрощенный по

[6] В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 109.

[7] B. Huber. Die Jahresringe der Bäume als Hilfsmittel der Klimatologie und Chronologie. Die Naturwissenschaften, 35, 5, 1948.

сравнению с многими методами дендроклиматологов, может обеспечить нам составление надежной дендрохронологической шкалы» [8], так как собственно единая шкала, с которой бы можно сравнивать ход роста других деревьев, при таком способе обработки величин годичных колец деревьев не может быть построена, а надежность установленной хронологии не зависит от того, логарифмируются или нет величины текущего годичного прироста, а от исходных данных.

Невозможность построения дендрохронологической шкалы путем, избранным В. Е. Вихровым и Б. А. Колчиным, объясняется тем, что у деревьев даже одного возраста при равных климатических, но различных почвенных условиях толщины современных друг другу колец могут быть весьма различны. А если же такие кольца имеют еще различный возраст, то их толщины будут иметь еще большие отличия. Поэтому без приведения таких толщин к сравнимому виду естественно нельзя серьезно говорить о создании дендрохронологической шкалы, как это сделали упомянутые авторы.

Однако создание дендрохронологической шкалы представляет большой практический интерес. В связи с этим целесообразно рассмотреть метод приведения величин годичных колец различных по диаметру и возрасту деревьев к сравнимому виду, дающий в итоге дендрохронологическую шкалу в виде модульных коэффициентов годичного прироста. Такой метод был предложен нами [9].

Его применяли и другие исследователи. Это, например, видно из работы Л. Г. Динесмана [10], вычислявшего модульные коэффициенты годичного прироста.

Так как нами к настоящему времени внесены уточнения и добавления в метод приведения величин годичных колец различных по диаметру и возрасту деревьев к сравнимому виду, полагаю целесообразным более подробно изложить способ вычисления модульных коэффициентов годичного прироста, с тем чтобы он был доступен широкому кругу археологов.

Нами предложено преобразование величин текущего годичного прироста деревьев в безразмерные относительные величины — модульные коэффициенты годичного прироста — производить по формуле:

$$M_{\text{р}} = \frac{a}{в} \cdot 100,$$

где $M_{\text{р}}$ — модульный коэффициент годичного прироста, %;

a — величина текущего годичного прироста, полученная при измерении и выраженная в любых единицах, удобных для обработки.

Абсолютные величины толщин колец a зависят от возраста, почвы и других постоянно или длительно действующих факторов роста и от колебаний метеорологических факторов;

$в$ — величина вычисляемого скользящего среднего периодического текущего прироста за число лет, которое охватывает примененная формула для его вычисления, выраженная в тех же единицах, что и годичный прирост. Скольжение получается путем последовательного сдвига на один год суммируемых показателей.

Величины $в$ зависимы от упомянутых факторов, включая и метеорологические, поскольку они вычислены из тех же абсолютных величин толщины годичных колец.

Вычисление модульных коэффициентов годичного прироста ведет к изменению соотношений между толщинами годичных колец, а следовательно, и к виду кривой хода годичного текущего прироста, так как текущие

[8] В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Ук. соч.

[9] В. Е. Рудаков. О методе изучения влияния колебаний климата на ширину годичных колец деревьев. «Ботанический журнал», 12, 1958.

[10] Л. Г. Динесман. Изменение природы северо-запада Прикаспийской низменности. М., 1960.

приросты за год жизни дерева будут относиться не к постоянной величине — среднему годовому приросту за весь период жизни дерева, как это рекомендуется Шведовым [11] и Дугласом [12], а к переменным — скользящим средним периодическим приростам. Этим путем при каждом вычислении модульных коэффициентов годичного прироста исключается влияние на величину последнего возрастной неравномерности в росте дерева, так как при вычислении модульных коэффициентов используются величины текущего годичного прироста и скользящего среднего периодического прироста примерно одного и того же возрастного этапа, а не среднего годового прироста, вычисляемого за весь период жизни дерева. Деление абсолютных величин колец *а* на величины скользящих средних периодических текущих приростов *в*, естественно, не изменяет положение модульных коэффициентов годичного прироста во времени, т. е. модульные коэффициенты будут относиться к тому времени, к какому относится измеренный текущий прирост. Первый результат вычисления скользящего (подвижного) среднего *в* записывается в таблице измерений и вычислений модульных коэффициентов годичного прироста против центрального года, принятого для сглаживания периода, т. е. против центральной величины текущего годичного прироста *а,* в примененной формуле — для вычисления скользящего среднего периодического текущего прироста *в*.

Последующие результаты вычисления скользящих средних периодических текущих приростов записываются в таблице по тому же принципу, т. е. в каждом случае против величины текущего годичного прироста рассматриваемого года, являющегося центральным при данном вычислении скользящего среднего периодического прироста.

Период для вычисления скользящего среднего периодического прироста следует брать такой, при котором вычисленные скользящие средние дают наиболее плавную кривую роста дерева по диаметру, где колебания текущего прироста отдельных лет сглажены и виден лишь основной ход роста дерева только в зависимости от возраста. Она должна приближаться к виду кривой роста, которая была бы в случае, если бы дерево росло при отсутствии колебаний метеорологических факторов, т. е. в искусственных климатических условиях.

Основные свойства предложенного нами модульного коэффициента годичного прироста таковы.

Модульный коэффициент годичного прироста любого возраста тогда будет равен 100%, когда вычисленный по принятой формуле скользящий средний периодический прирост равен текущему годичному, т. е. если $в = а$, модульный коэффициент M равен:

$$M = \frac{в}{в} \cdot 100 = 100\%.$$

При таких обстоятельствах ход модульных коэффициентов годичного прироста образует прямую линию, ординаты которой равны 100%, хотя общий вид хода кривых *а* и *в* следует обычной закономерности «большого периода роста».

Прямая линия хода модульных коэффициентов годичного прироста является частным случаем при $а = в$, но она указывает на независимость величин модульных коэффициентов годичного прироста от влияния возраста, так как видно выпрямление характерной кривой роста дерева в «большом периоде».

---

[11] Ф. Н. Шведов. Дерево как летопись засух. «Метеорологический вестник», 5, 1892.

[12] A. E. Douglass. Ук. соч.

Средний модульный коэффициент всего ряда, где $в = а$, также будет равен 100%, так как

$$M_{ср.\,р} = \frac{\sum_1^n M}{n} \cdot 100\ \%, \text{ т. е. } M_{ср.\,р} = \frac{\sum_1^n 100\ \%}{n} = 100\ \%,$$

где $\sum_1^n M$ — сумма модульных коэффициентов годичного прироста, равных 100%; n — число модульных коэффициентов в ряду.

Однако если годичный текущий прирост $а$ не равен величине среднего периодического текущего прироста $в$, то вычисляемый модульный коэффициент будет больше или меньше 100%, т. е. когда $а > в$, то $M > 100\%$, а если $а < в$, то $M < 100\%$. Тогда ход модульных коэффициентов годичного прироста будет следовать по ломаной линии, но из их величин будет также исключено влияние возраста на рост годичного кольца в той же пропорциональности, как и при выравнивании кривой хода скользящего среднего периодического текущего прироста в прямую линию хода модульных коэффициентов годичного прироста, равных 100%.

Так как скользящий средний периодический прирост $в$ вычисляется для каждого случая подсчета модульного коэффициента годичного прироста определенного года путем сдвига на один год суммируемых показателей, то его величина изменяется в зависимости от новых величин текущего годичного прироста, включаемых при сдвижке в формулу для вычисления $в$.

Поэтому среднее арифметическое ряда, состоящего из величин модульных коэффициентов годичного прироста M, вычисленных при помощи переменных средних, как правило, не будет равно 100%, но будет близко к 100%.

Как сказано выше, период для вычисления скользящего среднего периодического прироста следует брать такой, при котором вычисленные скользящие средние дают наиболее плавную кривую роста дерева по диаметру, т. е. этот период должен подбираться исследователем для каждого конкретного случая.

Нами проведено вычисление модульных коэффициентов годичного прироста при двух значениях среднего периодического прироста $в$ для анализа влияния различных периодов осреднения на величины этих коэффициентов и определения лучшей формы сглаженной кривой роста исследованных нами двух разновозрастных сосен Бузулукского бора (Скобелевское лесничество Куйбышевской области).

Вначале мы вычисляли скользящие средние десятилетние периодические приросты по формуле:

$$в_{10} = \frac{1}{10}(а_{m-5} + а_{m-4} + \cdots а_m + а_{m+1} + \cdots а_{m+4}),$$

где m — центральный год периода.

Ход скользящих средних десятилетних периодических текущих приростов показан на рис. 1.

Затем мы вычислили скользящие средние 21-летние периодические текущие приросты по формуле:

$$в_{21} = \frac{1}{21}(а_{m-10} + а_{m-9} + \cdots а_m + а_{m+1} + а_{m+10}).$$

Как видно из рис. 1, скользящие 21-летние средние периодические текущие приросты дают кривую, которая более подходит к кривой роста дерева, где менее видно влияние на его рост колебаний метеорологических факторов, что важно для вычисления модульных коэффициентов годичного прироста.

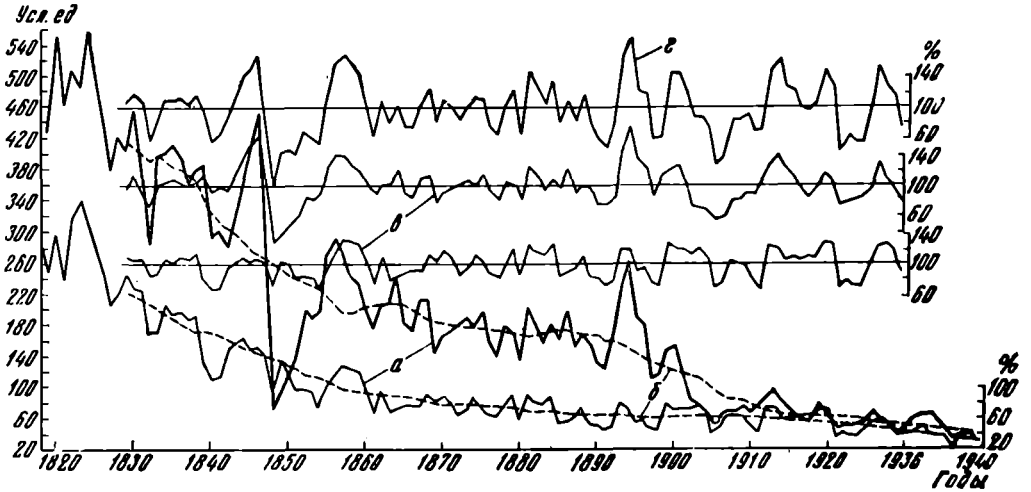


Рис. 2. Кривые роста по диаметру двух сосен Бузулукского бора:

а — кривая хода годичного текущего прироста; *б* — кривая хода среднего периодического прироста, полученная скользящими 21-летиями; *в* — кривая модульных коэффициентов годичного прироста; *г* — кривая хода сумм модульных коэффициентов годичного прироста

Рис. 1. Ход текущего и скользящего среднего периодического прироста

а — кривые хода годичного текущего прироста сосен; $б_1$ — сглаженные кривые роста сосен (кривые хода среднего периодического прироста, полученные скользящими десятилетиями); $б_2$ — сглаженные кривые роста сосен (кривые хода среднего периодического прироста, полученные скользящими 21-летиями)

Дальнейшее осреднение скользящего среднего периодического прироста для наших материалов мы сочли нецелесообразным.

Недостатком формул для вычисления скользящих средних (периодических) текущих приростов является то, что они не дают осредненных значений для первых и последних $\frac{N-1}{2}$ ординат ряда, где N — число ординат, входящих в формулу. В этом случае возможно использование метода вписывания, продолжая сглаженную кривую роста дерева до крайних пределов кривой текущего годичного прироста дерева. Это показано на рис. 1, где кривые хода скользящих средних периодических приростов продолжены методом вписывания (продления) с 1930 по 1939 г. и с 1935 по 1939 г., поскольку, применяя последнюю формулу, видно, что для образования скользящих 21-летий она не дает осредненных значений для последних десяти ординат, а формула для образования скользящих десятилетий — последних пяти ординат.

Следует обратить внимание на искажение нашей работы и метода вычисления модульных коэффициентов годичного прироста, допущенное В. Е. Вихровым и Б. А. Колчиным [13]. Эти авторы утверждают, что нами предложено вычислять модульные коэффициенты годичного прироста только при столетних скользящих средних периодических приростах. Такое искажение идеи метода недопустимо, ибо нами ясно рекомендуется подбирать, а не использовать заранее преподанный период для вычисления скользящего среднего периодического прироста, и не дается постоянная величина этого периода. Об этом ясно сказано в нашей работе [14], которую упомянутые авторы использовали при изложении нашего метода вычисления модульных коэффициентов годичного прироста.

Для наглядного показа результатов вычисления величин модульных коэффициентов годичного прироста приводится рис. 2. На этом рисунке две нижние кривые *а* указывают ход годичного текущего прироста исследованных нами сосен, т. е. результаты измерения годичных колец.

Сглаженные кривые роста сосен, образованные скользящими 21-летиями, указаны буквой *б*. Ход преобразованных величин прироста по нашему методу, в виде модульных коэффициентов, выраженных в процентах, обозначен буквой *в*, а результат суммирования модульных коэффициентов двух сосен — буквой *г*.

Выравненность кривых хода модульных коэффициентов годичного прироста *в*, по сравнению с кривыми хода годичного текущего прироста *а*, видимая на рис. 2, указывает, что величины модульных коэффициентов при таком методе вычисления мало зависят от возраста годичных колец.

Таким образом, вычисление модульных коэффициентов годичного прироста у двух различных по возрасту и диаметру сосен при помощи скользящих средних периодических приростов дает вполне сравнимые между собой кривые хода этих коэффициентов.

Так сильно изменяющаяся амплитуда колебания величин годичных колец в зависимости от возраста стала примерно одинакова на всем протяжении жизни дерева в случае их представления в виде модульных коэффициентов годичного прироста. Это указывает на независимость этих коэффициентов от возраста. Однако при составлении такой шкалы необходимо учитывать, в каких условиях росли деревья, ибо суммирование модульных коэффициентов годичного прироста, например, деревьев, растущих на песчаных приподнятых местах, с модульными коэффициентами годичного прироста деревьев, растущих в болотах, даст весьма неопределенную шкалу.

Для составления обобщенной дендрохронологической шкалы, уходящей в глубь веков, с помощью которой можно было бы установить хронологию

[13] В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Ук. соч.
[14] В. Е. Рудаков. Ук. соч.

годичных колец тех деревьев, чей год рубки неизвестен, возможно суммирование модульных коэффициентов годичного прироста образцов, положенных в основу этой шкалы.

Верхняя кривая рис. 2 по существу является дендрохронологической шкалой, полученной по материалам Бузулукского бора. Дендрохронологическая шкала по такому же принципу составления могла быть получена и по Новгороду.

Поскольку, как пишет Б. А. Колчин [15], результаты измерений толщины годичных колец деревьев, взятых в Новгороде, не утеряны и хранятся в Лаборатории дендрохронологии Института археологии АН СССР, то, естественно, создание дендрохронологической шкалы в виде модульных коэффициентов годичного прироста возможно путем соответствующей обработки по нашему методу упомянутых материалов. Тогда, надо надеяться, осуществится то, о чем писал Б. А. Рыбаков: «Создание дендрохронологической шкалы диапазоном в 600 лет на основе нескольких тысяч бревен Неревского раскопа не только решит все споры между археологами и лингвистами, но и позволит пользоваться этой шкалой во всех других районах Новгорода»[16].

---

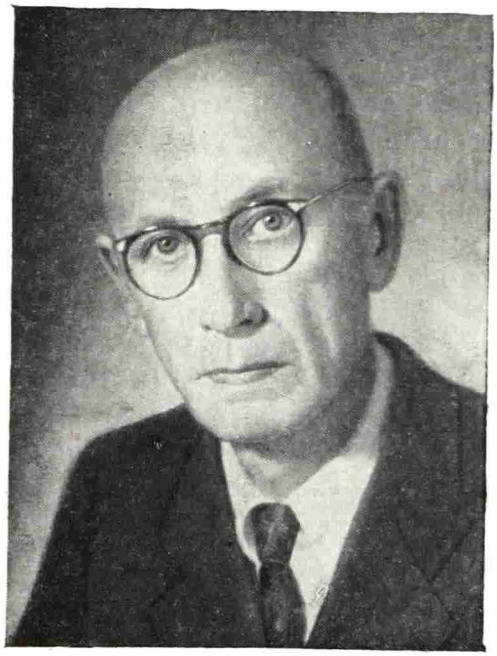
[15] Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, 1.

[16] Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, 4, стр. 83.

К 60-ЛЕТИЮ ВЕНИАМИНА ИОСИФОВИЧА ЦАЛКИНА

21 декабря 1963 г. исполнилось 60 лет со дня рождения доктора биологических наук Вениамина Иосифовича Цалкина.

Вениамин Иосифович родился в 1903 г. в г. Иваново в семье врача. По окончании средней школы он поступает на биологическое отделение физико-математического факультета Московского государственного университета по специальности «зоология позвоночных». Здесь, в стенах Московского университета, под влиянием таких выдающихся ученых-естествоиспытателей, как А. Н. Северцов, М. А. Мензбир, Б. С. Матвеев, С. Н. Боголюбский, С. И. Огнев и др., Вениамин Иосифович формируется как специалист-биолог. В университете вырабатываются его научно-естественные взгляды, закладываются основы научного творчества.



По окончании университета (1928 г.) В. И. Цалкин работает в научно-исследовательских институтах, занимаясь преимущественно вопросами систематики, изменчивости, изучением географического распространения и образа жизни млекопитающих. Внимание молодого ученого привлекают главным образом важнейшие группы промысловых животных — китообразные, хищные, копытные.

В работах зоологического цикла В. И. Цалкин, сохраняя и развивая лучшие традиции русской школы естествоиспытателей, выступает как эрудированный и оригинальный исследователь, открывающий новые страницы в познании закономерностей и развития животного мира.

В 1946 г. Вениамин Иосифович перешел на работу в Институт истории материальной культуры. С этого времени начинается новый период в научной и научно-организационной деятельности В. И. Цалкина.

Предложение возглавить палеозоологический кабинет в центральном археологическом учреждении страны не было случайным. Вениамин Иосифович к тому времени зарекомендовал себя ученым, могущим успешно разрабатывать комплексные проблемы, одинаково важные и для биолога и для историка-археолога. В. И. Цалкин с присущими ему энергией и целеустремленностью принимается за организацию кабинета и создание коллекционного остеологического фонда, ставшего впоследствии уникальным эталоном, особенно при изучении вопросов доместикации животных. Исследуя биологические изменения в ходе одомашнения, влияние среды,

процессы породообразования, Вениамин Иосифович на огромном фактическом материале развертывает увлекательные картины из истории животноводства. Труды В. И. Цалкина — это не дополнения к исследованиям археологов и историков, а крупные разделы истории развития производительных сил общества. Оставаясь биологом, Вениамин Иосифович становится обществоведом, знатоком закономерностей развития хозяйственных форм. Великолепно владея методикой исследования остеологических остатков и развивая ее применительно к изучению домашних форм, Вениамин Иосифович твердо идет по пути исследования массового материала. Именно массовый материал, поступающий с мест археологических раскопок, исключает случайность выводов и узость теоретических построений. Большая работоспособность позволила ученому исследовать тысячи тысяч костей из раскопок сотен археологических памятников. Исследование такого огромного материала дает возможность Вениамину Иосифовичу делать широкие обобщения, обогащающие историческую и биологическую науку. Результаты исследований В. И. Цалкина изложены более чем в 80 трудах, среди которых имеется ряд фундаментальных монографий. Кроме того, заключения В. И. Цалкина по фаунистическим остаткам помещены в различных археологических изданиях у нас и за рубежом.

Очень широк круг проблем, которыми занимается Вениамин Иосифович. Большой известностью пользуется его сводная работа «Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси» (МИА, 51, 1956). В ней автор неопровержимо доказал, вопреки заключениям буржуазной историографии, что земледелие у славян существовало задолго до XV в. и составляло единую экономическую основу с животноводством при подсобном значении охоты. В сводной работе «Фауна из раскопок археологических памятников средневековой Прибалтики» (МИА, 107, 1962) Вениамин Иосифович приводит сравнительный анализ типа скотоводства у населения Прибалтики и лесной полосы Восточной Европы в средневековье.

Много труда, принесшего заслуженные плоды, вкладывет В. И. Цалкин в изучение костных материалов из памятников эпохи раннего железа.

Широкий охват материала позволил исследователю в капитальной работе «Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа» (МИА, 53, 1960) провести интересные сопоставления типов хозяйства скифских и античных поселений. В работе «Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке» (МИА, 107, 1962) столь же интересно сопоставление форм скотоводства у обитателей поселений дьяковской и других близких к ней культур. Работа по культурам железного века в лесостепи подводит итоги по фауне всей этой эпохи на территории Восточной Европы.

Эти работы монографического плана проникнуты единой точно разработанной методикой и даны на широком сравнительно-аналитическом фоне. Такой глубокий и разносторонний подход к исследованию материалов, происходящих из неолитических и энеолитических поселений, памятников эпохи бронзы и раннего железа, скифских и античных поселений и городов и, наконец, из памятников средневековья, раскрывает динамику развития скотоводства, различные формы его в разных условиях, экономическую значимость скотоводства в хозяйственном балансе древних людей.

Однако не только очень большой хронологический диапазон отличает работы Вениамина Иосифовича. Столь же велик и географический охват памятников, привлекаемых В. И. Цалкиным,— от Прибалтики до Черного моря и от Молдавии до Средней Азии включительно.

Обращая главное внимание на изучение проблемы истории скотоводства и охоты, ученый часто обращается к проблеме происхождения и эволюции домашних животных.

Очень привлекательной чертой работ В. И. Цалкина остается и постоянное стремление к возможно большей полноте выводов. Это касается, например, вопросов воссоздания природной среды. В. И. Цалкин широко ис-

пользует данные изучения условий жизни не только диких, но и домашних форм, как устойчивых индикаторов для определения природной обстановки, окружавшей древнего человека.

Нельзя не отметить и исследований Вениамина Иосифовича в области систематики и зоогеографии. Его работы, например, о современных диких копытных нашей фауны и ее субфоссильных видах характеризуют В. И. Цалкина как наблюдательного испытателя и друга природы.

Необходимо отметить активную и плодотворную редакторскую работу Вениамина Иосифовича в Бюллетене Московского общества испытателей природы. И на этом поприще В. И. Цалкин остается верным научным принципам, требовательным и чутким наставником и советчиком для авторов.

Шестидесятилетие застало Вениамина Иосифовича на крутом подъеме творческой деятельности. Весь коллектив научных сотрудников Института археологии желает ему дальнейшего радостного восхождения.

В. И. Бибикова

К 60-ЛЕТИЮ ПЕТРА ДМИТРИЕВИЧА ЛИБЕРОВА

27 января 1964 г. исполнилось 60 лет заместителю директора Института археологии Академии наук СССР, кандидату исторических наук, известному советскому скифологу Петру Дмитриевичу Либерову. Вся жизнь и научная биография П. Д. Либерова служит ярким примером широчайших возможностей для трудового человека в советской стране — «выйти в люди» и «в науку».

Петр Дмитриевич родился в дер. Труфаногоры б. Пинежского района Архангельской губернии в крестьянской семье. Среднее образование он получил на курсах ликбеза в г. Пинеге, которые окончил в 1920 г., и в Архангельской губернской Совпартшколе (1924—1929). В 1920—1922 гг. П. Д. Либеров активно участвует в ликвидации неграмотности среди населения своего сельского Совета. В 1923 г. вступает в комсомол, в 1926 г. становится членом ВКП(б) и ведет большую партийную работу в ряде учреждений Архангельской области.

В 1934 г. П. Д. Либеров командируется Архангельским обкомом ВКП(б) на учебу в Москву, вначале в Коммунистический университет преподавателей общественных наук (КУПОН), а затем в Институт истории, философии и литературы им Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ). По окончании исторического факультета ИФЛИ в 1939 г. П. Д. Либеров поступил в аспирантуру того же института, но закончить ее не успел.

Началась Великая Отечественная война. П. Д. Либеров, направленный с начала войны на работу в Свердловскую область, был затем призван в армию и демобилизовался из нее в чине капитана лишь в 1946 г. Старая «закваска», полученная в ИФЛИ, интерес к археологии и чувство долга призвали его закончить начатую до войны аспирантскую работу. П. Д. Либеров поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Руководителем его вновь (как и в ИФЛИ) становится проф. Б. Н. Граков.

С 1946 г. П. Д. Либеров — постоянный и активный участник всех скифских экспедиций ИИМК, проведенных под руководством проф. Б. Н. Гракова.

В 1948 г. П. Д. Либеров успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Скифские курганы Киевщины». В серьезном исследовании автор убедительно показал специфические особенности скифской культуры и ее локальных вариантов в этом районе.

Этой статьей открывается серия научных работ П. Д. Либерова по широкой скифской проблеме. Большое значение для изучения скифской культуры на территории Украины имеет его статья «Скифы-пахари» (ВДИ, 1954, 4). Как бы итоговым исследованием по скифской тематике тех лет явился его интересный доклад «О хронологии памятников Поднепровья скифского времени», прочитанный на специальной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, организованной в Москве ИИМК АН СССР в 1952 г. Доклад, содержавший и дискуссионные моменты, вызвал большие споры, но, как показало время, он содержал правильно разработанную периодизацию соответствующих памятников Приднепровья с рубежа VIII—VII вв. до III в. до н. э.; в нем справедливо признавалось явное преобладание подлинно скифской культуры над местной только с рубежа V—IV вв. до н. э.

Этот доклад, дополненный автором, был опубликован в виде большой статьи в сборнике «Вопросы скифо-сарматской археологии» (1954). В ней подробно охарактеризованы основные слагаемые, составляющие скифскую культуру, и убедительно показан процесс ассимиляции скифскими элементами местной культуры. (Позднее это же доказал А. И. Тереножкин на материале чернолесской культуры.)

В дальнейшем, в связи с расширяющимся интересом автора к общим вопросам истории скифов и их окружению, внимание П. Д. Либерова стало концентрироваться на более восточных районах скифского культурного мира. Ученый производит дополнительные исследования курганной группы под Воронежем, известной под названием «Частые курганы». Казалось, после давних исследований этих курганов проф. В. А. Городцовым и С. Н. Замятниным археолог рискует впустую потратить время. Но даже некогда ограбленные курганы (наряду с несколькими сохранившимися) дали П. Д. Либерову ценнейшие наборы археологических вещей, позволившие полнее и по-новому охарактеризовать местную культуру скифского времени (VI—III вв. до н. э.) и приписать ее гелонам и будинам.

Еще больше оснований для связи местных памятников Среднего Дона именно с этими древними этнонимами автор получил после раскопок так называемых «Мастюгинских курганов», освещение которых дано в интересной статье, опубликованной в «Советской археологии» (1961, 3). Все этнографическое своеобразие культуры местных племен этого времени было объяснено П. Д. Либеровым не контактами с савроматами, а проявлением племенных особенностей именно будинов и гелонов.

После проведения плодотворных полевых работ в районах Харьковщины П. Д. Либеров выпустил обобщающую работу «Памятники скифского времени бассейна Северного Донца» (МИА, 113, 1962), в которой дал исчерпывающее освещение изучаемой культуры.

П. Д. Либеров как историк-марксист всегда уделял большое внимание изучению хозяйственных основ древних обществ. Это отражают его исследования «К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э.» (в сб.: «Материалы по истории земледелия СССР», 1, М., 1952) и особенно «К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа» (МИА, 53, 1960).

Одной из крупных работ П. Д. Либерова является его монография о «Племенах эпохи бронзы на Среднем Дону», находящаяся в печати. Эти работы, построенные на археологических материалах, сопровождают-

ся квалифицированным использованием данных этнографии и письменных источников, что значительно увеличивает их научную ценность. Все труды П. Д. Либерова стоят на высоком методологическом уровне советской исторической науки. Они рисуют конкретные факты и явления на широком историческом фоне скифской и предскифской эпох.

Многолетние полевые исследования П. Д. Либерова вначале на Украине, а затем на Среднем Дону увенчались открытием ряда первоклассных комплексов — превосходных образцов резной кости и древней торевтики

П. Д. Либеров — один из ведущих научных работников Института археологии АН СССР. В 1959 г. ему было присвоено звание старшего научного сотрудника. Ряд лет он успешно руководил лабораторией камеральной обработки в институте; в 1960 г. назначен заместителем директора ИА АН СССР.

Нельзя не отметить большой общественной работы, которую ведет в институте П. Д. Либеров. Целых 14 лет (с 1947 по 1961 г.) он был бессменным секретарем партийной организации. Именно при нем маленькая партийная ячейка (всего в четыре человека) выросла в большую партийную организацию центрального археологического учреждения страны.

Исключительная скромность, честность, трудолюбие, глубокая принципиальность, большая выдержка и доступность всем и каждому давно снискали П. Д. Либерову уважение в коллективе Института.

Сейчас П. Д. Либеров находится в полном расцвете своих творческих сил и возможностей. Весь коллектив Института археологии АН СССР горячо поздравляет юбиляра с 60-летием и искренне желает ему доброго здоровья и новых успехов в научной работе.

Е. И. Крупнов

Публикации

Э. В. ХАНЗАДЯН

О МЕТАЛЛУРГИИ ДРЕВНЕБРОНЗОВОЙ ЭПОХИ В АРМЕНИИ

Изучение ранних стадий развития металлургии на Армянском нагорье представляет большой интерес с точки зрения развития материального производства и одновременно дает представление о его культурных связях как с древнейшими странами Ближнего Востока, так и с Закавказьем и Северным Кавказом.

Армянское нагорье еще издавна было известно своими природными богатствами, залежами руды. В ряд стран древнего Востока из Армянского нагорья поступали медь и другие металлы.

Шумеры использовали медные рудники Армянского нагорья, Малой Азии и Омана. Во II тысячелетии до н. э. в районах древнего Востока запасами меди были известны главным образом Мусасир (горы Джульамерка), занимавший первое место по обработке и вывозу руды, и Шуприа (горы Сасуна), занимавший первое место по запасам олова [1].

Греческие историки VI в. до н. э. приводят интересные сведения об обработке и добыче металлов на Армянском нагорье как в современную им эпоху, так и в более древние периоды.

Страбон свидетельствует о золотых рудниках в Спере и о богатых железных и серебряных месторождениях в Хахтике, по соседству со Сперой, и отмечает, что живущие здесь горные жители в основном занимаются добычей этих металлов [2].

Интересные сведения сохранились также у армянских и арабских историков. Рштунийские горы, богатые ископаемыми, были названы железными и свинцовыми горами [3].

По свидетельству историка М. Каланкатуйского, армяне были мастерами золотых и серебряных дел и занимались добычей железа и меди.

Все эти факты говорят о том, что названные районы Армянского нагорья издревле специализировались в добыче и разработке меди и других металлов.

Таким образом, для развития металлургии на Армянском нагорье служили основой как благоприятные природные условия и взаимные культурные связи с передовыми странами древневосточной цивилизации, так и крупнейшие достижения в области земледелия и скотоводства в эпоху древней бронзы. Вместе с тем, появление в хозяйстве древнебронзовой

[1] Н. Я. Янковская. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. ВДИ, 1, 1956, стр. 36—37.

[2] Страбон. География в семнадцати книгах. М., 1879, кн. 1, гл. XIV.

[3] История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953, стр. 22.

эпохи орудий из металла — топора и серпа — в свою очередь послужило стимулом для развития культуры этой эпохи.

Одним из фактов, свидетельствующих о существовании в древнебронзовую эпоху металлургии в Армении, является находка во время раскопок в Гарни в 1961 г. литейной формы для топора и тиглей. Форма для отливки топора (рис. 1, *1*) найдена внутри круглого жилища, на скамье у входа, в слое золы. Около нее были найдены костяные шилья и игла, глиняное пряслице, колесо детской повозки и чернолощеные сосуды, украшенные ямками (рис. 2, *1*).

Форма для отливки топора была двусоставной. Найдена только одна часть формы. Она была разбита, обломки находились на расстоянии 30 *см*. Длина формы 17 *см*, ширина 7 *см*. Она изготовлена из огнеупорной обожженной глины желтоватого цвета. Внутренняя поверхность формы хорошо сглажена и отшлифована для плотного соединения со второй створкой; одна из сторон имеет сильный наклон внутрь и приспособлена для вливания расплавленного металла в форму и для выхода газов. Со стороны обуха и лезвия на внутренней поверхности сделано по одному отверстию, которое служило для соединения створок. Форма предназначалась для клиновидного топора.

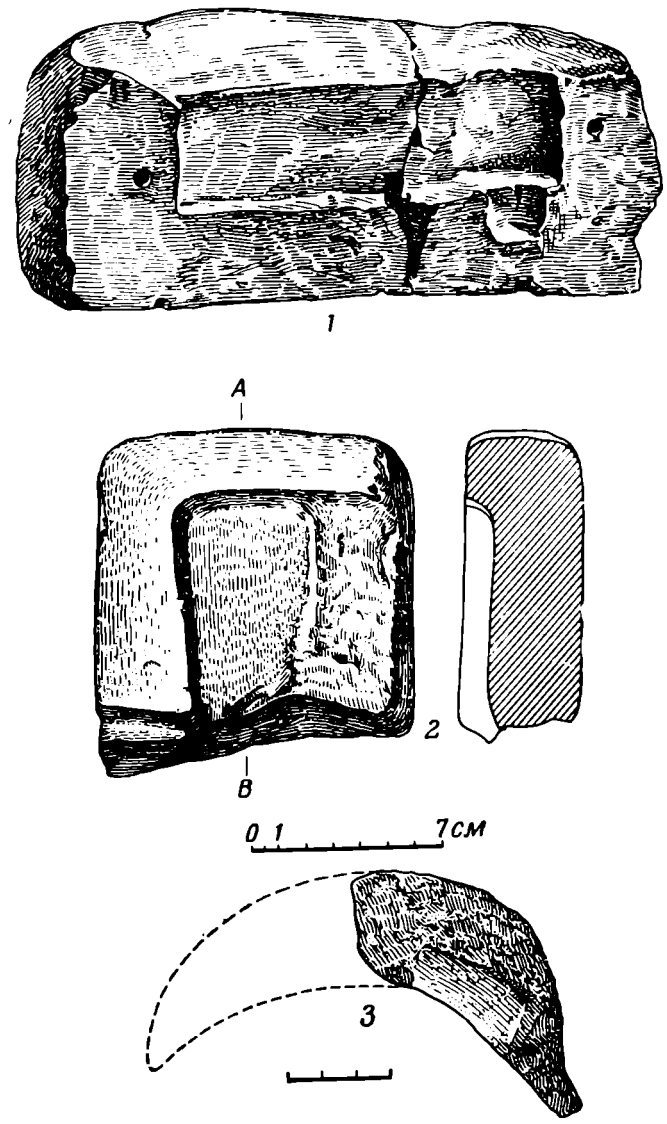


Рис. 1

1 — литейная форма для проушного топора из Гарни; *2* — каменная форма для топора из Шенгавита; *3* — серп из Гарни

Мы сделали в этой форме гипсовую отливку топора, его длина 11 *см*, верхняя грань несколько выгнута наружу, но не очень подчеркнуто. Ширина у обуха 3,5 *см*, у лезвия — около 4 *см*, наружная грань обуха коротка (длиной 3 *см*), слегка вогнута (рис. 3, *4*). Отверстие в обухе круглое, диаметром 2,8 *см*. Для получения отверстия в форму вставлялся стержень, что хорошо видно на полученной нами модели (рис. 3, *4*). Другим доказательством существования в Гарни древней металлургии является находка глиняных сосудов для литья (тиглей), которые были обнаружены у наружной стены круглого жилища, в слое, богатом золой и жженными костями животных. Тигли представляют собой обычные глиняные горшки с широким горлом, выпуклым туловом, суживающимся внизу, и с маленьким вогнутым дном.

Все эти горшки имеют внутри следы металла и шлака. Глина под сильным воздействием огня обгорела и высохла, потеряла блеск и цвет. Обнаружено около десяти различных черепков подобных сосудов. Все они снаружи орнаментированы. Среди них имеются части шеек с харак-

терным для керамики Шенгавита прямолинейным геометрическим орнаментом (рис. 2, *2*). Выпуклая часть тулова некоторых горшков-тиглей украшена сложными рельефно-вогнутыми композициями со спиралевидными окончаниями. Тем не менее эти сосуды-тигли своей орнаментацией и частично формой отличаются от керамических изделий, найденных вместе с формой для отливки топора.

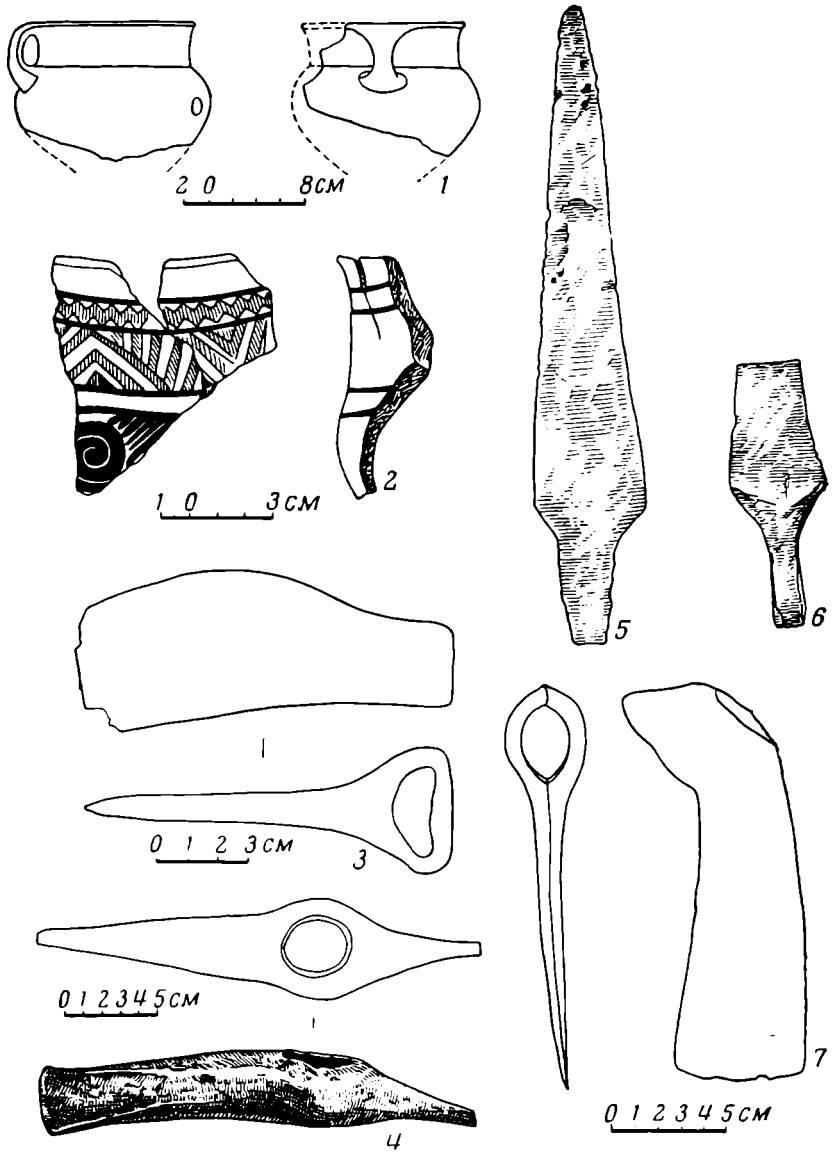


Рис. 2

1 — керамика, найденная в Гарни вместе с формой для отливки топора; *2* — часть тигля; *3*— проушный топор из Ленинакана; *4*— топор-клевец из Алаверди; *5*, *6* — кинжалы из Элара; *7*—вислообушный топор из Араратской долины

Еще одной важнейшей находкой, относящейся к эпохе древней бронзы в Гарни, является фрагмент металлического серпа (рис. 1, *3*) [4]. Серп найден в 1950 г. на глубине 2,10 *см*, в слое с характерным для эпохи ранней бронзы инвентарем: ладьевидной зернотеркой, чернолощеной керамикой, украшенной ямками (типа Элара), подковообразной подставкой и т. д.

Фрагмент серпа небольшой, изогнут и имеет отходящий черенок для насадки деревянной или костяной рукояти. Металл серпа не исследован, поэтому трудно говорить о его составе. Серп, по-видимому, был отлит и затем подвергнут холодной обработке — ковке, следы которой явно видны.

[4] Б. Н. Аракелян. Гарни, I, Ереван, 1951, стр. 25, рис. 12.

В Гарни найдено также несколько кремневых вкладышей для серпов. Немногочисленность находок кремневых вкладышей в Гарни можно объяснить заменой их уже металлическими серпами, свидетельствующей о прогрессе техники древнебронзовой эпохи, что в свою очередь послужило стимулом развития культуры этой эпохи.

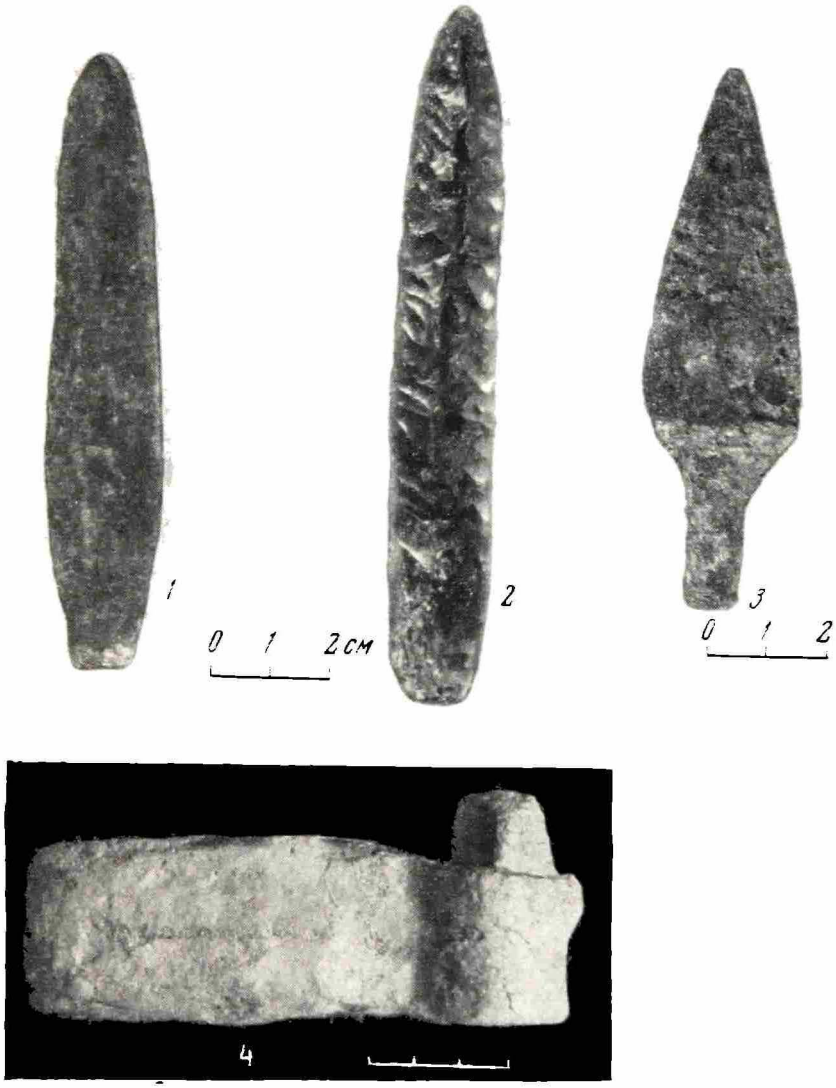


Рис. 3

1 — бронзовый нож из Элара; *2* — нож из яшмы; *3* — бронзовый наконечник копья; *4* — гипсовая модель топора гарнийской формы

В Гарни пока еще не обнаружены металлоплавильные печи, но находка серпа, формы для отливки топора и сосудов, употреблявшихся в качестве литейных тиглей, указывает на начало развития металлургии в Армении в древнебронзовую эпоху и на местное производство проушных клиновидных топоров. По технике изготовления, форме и орнаментации сосуды тесно связываются с другими памятниками эпохи ранней бронзы Армении, в частности Элара, но одновременно частично сближаются и с Шенгавитом (главным образом, развитым линейно-геометрическим и уже слабо выраженным рельефно-вогнутым орнаментом). Это обстоятельство заставляет предполагать, что или в Гарни имеется два различных слоя: один — современный отмеченной выше шенгавитской керамике, а другой — эларской (вследствие плохой сохранности памятников этого слоя и небольшого объема раскопок пока невозможно четко отделить эти два слоя друг от друга); или же нижний слой Гарни в основном относит-

ся к эларскому типу, но имеет ряд переходных признаков от Шенгавита к Элару.

Еще одним важнейшим свидетельством существования металлургии в древней Армении является литейная форма из белого известняка, служившая для отливки топора. Она обнаружена в 1937 г. во время раскопок Шенгавита [5] (рис. 1, *2*) [6] в центральной части раскопанной площади, посредине круглого жилища № 2 на полу у глиняного очага [7]. Сохранилась лишь часть формы — с выемкой для лезвия топора. Длина обломка формы 11 *см*, ширина 10 *см*, толщина 4—4,5 *см*. Поверхность плоская, гладкая. На одном крае сохранилась часть трубчатой выемки. Она, вероятно, служила для закладки отверстия проуха (глубина 1 *см*, ширину определить невозможно, так как именно с этой стороны форма обломана).

Единственный образец металлического проушного клиновидного топора, обнаруженный в Армении, находится в Ленинаканском областном музее [8] (рис. 2, *3*). У него узкая обушная часть и широкое тулово с резко изогнутой наружу верхней гранью. По размерам топор соответствует форме из Гарни (длина топора 12 *см*, ширина лезвия около 4 *см*, диаметр проуха 2,8×1 *см*).

В Армении найдены проушные клиновидные топоры, сделанные из камня [9]. Один из них был найден в районе Ленинакана, в окрестностях дер. Кети [10], второй — в дер. Ганлиджа (Ахурянский район) [11] и третий (из темно-зеленого диорита) — в районе Эчмиадзина [12].

Проушные каменные топоры обнаружены также в Грузии, в Хизанаант-гора [13] и на Северном Кавказе, в кург. № 9 хутора Новый Аршти [14].

Литейная форма для проушного топора найдена также в Нахичеванской Кюль-Тепе [15].

Проушные клиновидные топоры найдены в Грузии, в частности в Восточной Грузии (Загэс) [16], в Юго-Осетии (Ялбузи и Кулбакеби) [17] и в Марнеульском районе (Брдадзор) [18].

Загэсский топор Б. А. Куфтин датирует второй половиной III тысячелетия до н. э. [19], Д. Л. Коридзе — серединой III тысячелетия до н. э. [20], а О. М. Джапаридзе — концом III и началом II тысячелетия до н. э. [21].

---

[5] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 172; А. А. Мартиросян. К предыстории древнейших этапов культуры Армении. «Ист.-филол. ж.», 1, Ереван, 1960, стр. 92, рис. 1.

[6] Гос. ист. музей Армении. Инв. № 1442/4. Далее в тексте: ГИМА.

[7] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 172.

[8] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 92—93, рис. 2.

[9] Е. А. Байбуртян. Новые находки каменного века в Армении. СА, 1937, 3, стр. 206.

[10] Е. А. Байбуртян. Ук. соч., стр. 208, рис. 1; его же. Орудие труда в древней Армении. ВИИЛ, 1, Ереван, 1938, стр. 196, рис. 5 (на армянск. яз.).

[11] Е. А. Байбуртян. Новые находки каменного века в Армении, стр. 208, рис. 2.

[12] Там же, стр. 208, рис. 3.

[13] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 259.

[14] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 55—56, рис. 11, табл. III, 7.

[15] Там же, стр. 57.

[16] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1942, стр. 10, рис. 5.

[17] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 36, табл. XX; В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира. КСИИМК, 60, 1955, стр. 15—16, рис. 1, *4*.

[18] Д. Л. Коридзе. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. СА, 1958, 1, стр. 138, рис. 2, *4*.

[19] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 12.

[20] Д. Л. Коридзе. Ук. соч., стр. 139.

[21] О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 264.

Кулбакебский топор В. П. Любин датирует концом III и началом II тысячелетия до н. э. [22]

Топор из Брдадзора О. М. Джапаридзе относит к более раннему времени, чем топоры из Ялбузи и Кулбакеби [23].

Упомянутые выше проушные топоры из Грузии являются случайными находками без сопровождающих материалов (кроме топора из Загэса, который был найден вместе с наконечником копья архаичной формы). Гарнийская литейная форма для проушного клиновидного топора обнаружена в позднеэнеолитическом или древнебронзовом слое, в круглом жилище с керамикой эларского типа; следовательно, гарнийскую форму можно датировать второй половиной III тысячелетия до н. э. (2400—2200 гг. до н. э.).

Обнаруженные на Армянском нагорье литейные формы для проушных клиновидных топоров и топоры Грузии имеют аналогии как на юге, так и на Северном Кавказе.

Анализ находок из Армении и Грузии подтверждает их местное происхождение, несмотря на то, что их прототипы известны в Шумере. Подобные топоры и глиняные формы для их отливки найдены в Уре и Джемдет-Насре [24] (по времени они предшествуют нашим).

В больших кубанских курганах Северного Кавказа они найдены в двух комплексах раннекубанской культуры — майкопского этапа [25] и новосвободненского этапа (в Махошевском, Андрюковском и Псейбайском курганах [26]), которые А. А. Иессен предположительно датирует концом III и началом I тысячелетия до н. э. (2300—1700 гг. до н. э.) [27].

Кроме описанных выше топоров, к началу развития металлургии в Армении относится еще одно орудие — топор-клевец. Первый образец этого универсального орудия был найден в Алаверди в 1931 г. (ГИМА, инв. № 759/6 [28]) (рис. 2, *4*).

В этом комбинированном орудии клиновидный топор сочетается с оттянутым на обухе длинным клювом, слегка отогнутым книзу. Клинообразная часть топора с двух сторон суживается, на нем видны следы заточки. Лезвие дугообразное (ширина 3,4 *см*). Топор был отлит, а затем подвергся ковке, следы которой хорошо видны.

Подобный же клевец из красной меди хранится в Ленинаканском областном музее [29].

Клевцы были обнаружены также в Грузии — первый недалеко от Алаверди, в Дманисском районе, у притока р. Пинезаури [30]; второй — в районе Тианети, к северо-востоку от Дманиси, в дер. Спмонпан-Хеви [31]; третий хранится в Государственном музее Грузии и не имеет документации [32].

---

[22] В. П. Любин. Ук. соч., стр. 22.

[23] О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 259.

[24] E. Mackay. Report an Excavations at Jemdet Naser. Fild Museum of Nat. Hist., Anthr. Mem., I (3), Chicago, 1931, табл. LXXV, стр. 266; G. Childe. New Light on the Most Ancient East., London, 1935, стр. 141; его же. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 209; V. Christian. Altertumskunde des zwestromlendes von der Vorzeit bis Zum Ende der Achämeuidenherrschaf, Leipzig, 1940, стр. 158; O. Montelius. Die alte kulturperioden in Orient und in Europa II. Stockholm, 1916—1923, стр. 172, рис. 569.

[25] А. А. Иессен. К хронологии «Больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 173, табл. I, *7*.

[26] Там же, табл. II, *6*.

[27] Там же, стр. 193.

[28] Е. Байбуртян. Орудие труда в древней Армении, стр. 230, рис. 87; Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. ВГМГ, XII-В, 1944, стр. 300; А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 99—100, рис. 8.

[29] Там же, стр. 99, рис. 7.

[30] Д. Л. Коридзе. Ук. соч., стр. 134, рис. 1, *2*.

[31] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 300, рис. 6, *2*; Д. Л. Коридзе. Ук. соч., стр. 135, рис. 1, *3*.

[32] Д. Л. Коридзе. Ук. соч., стр. 134, рис. 1, *1*.

Б. А. Куфтин считал, что последние два топора-клевца похожи на алавердский [33].

Ареал распространения клевцов довольно широк. Их ранние образцы найдены в третьем слое Тепе-Гисар [34], в шестом слое Тепе-Гавра [35], во втором слое Гисарлыка [36], в Тепе-Сиалке, в Астерабате, в Индии (из раскопок в Мохенджо-Даро [37]).

В Европе комбинированные орудия подобного типа обнаружены в Венгрии (Эрезде) [38], в Румынии [39], в Чехословакии, в Болгарии [40], и в Галиции [41], к северу от Киева, в дер. Веремье [42] на Северном Кавказе, в богатых курганах Майкопа [43].

Б. А. Куфтин указывает, что эти топоры могли использоваться и как орудия при горнорудных работах [44]. По мнению Д. Л. Коридзе, они могли применяться и при горнорудных, и в хозяйственных работах [45]. Принимая во внимание то обстоятельство, что эти клевцы были обнаружены в районах, богатых рудниками, и учитывая их характерную форму — наличие на обухе клювообразного отростка, приспособленного для рытья и дробления, можно предполагать, что они могли применяться в горнорудном деле. Не исключено также употребление этих орудий в качестве боевого оружия или сельскохозяйственного орудия, поскольку на ранней стадии металлообработки, в условиях примитивной техники, люди использовали одни и те же орудия при различных трудовых процессах.

Рассматривая вопрос происхождения клевцов, Б. А. Куфтин указывает, что топоры подобного типа проникли в Закавказье из Передней Азии. Он сравнивает их, с одной стороны, с ассирийскими топорами и, с другой, с аккадским боевым топором, изображенным на стеле Нарамсина (2300 г. до н. э. [46]).

А. Мартиросян всю группу клевцов, найденных в Закавказье, датирует концом III тысячелетия до н. э. [47]

В одной из хеттских надписей указывается, что Нарамсин во время своих походов подчинил Аккаду царей 17 стран [48], в том числе и царя союза племен страны Уливии [49], расположенной в южной части Армянского нагорья (в районе Диарбекира [50]).

Если считать, что именно в этот период аккадский боевой топор проник на территорию Армянского нагорья, то группу клевцов, найденных в Закавказье, можно датировать временем около 2300 г. до н. э.

---

[33] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 300.

[34] E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations, 1931. «The Museum Journal», 1933, XXIII, 4, стр. 400.

[35] E. A. Speiser. Excavations of Tepe Cawra, I, Philadelphia, 1935, табл. XLIX, *3*.

[36] E. F. Schmidt. Ук. соч., стр. 205, рис. 120.

[37] Е. Маккей. Древняя культура долины Инда. М., 1951, стр. 91, табл. 22; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 56, рис. 11, *3*.

[38] H. Schroller. Die Stein und Kupferzeit Siebenbürgens. ZfE, 1930, стр. 11 *c*; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 209, рис. 100, *8*.

[39] Б. Л. Богаевский. История техники. М.— Л., 1936, 1, стр. 314, рис. 218, *1*.

[40] Там же, стр. 314, рис. 219.

[41] П. С. Уварова. Дополнение к статье о Галиции. В кн.: А. С. Уваров. Сборник мелких трудов. М., 1910, II, табл. XXIII, *62*, стр. 50.

[42] Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 131.

[43] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИИМК, 120, 1935.

[44] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 401.

[45] Д. Л. Коридзе. Ук. соч., стр. 135—136.

[46] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 301.

[47] А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 99.

[48] B. Hrozny. Naram-sin et ses ennemis d'apres' un texte Hittite. Archiv orientalni, 1, 1929, № 1, стр. 65—76.

[49] E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assurischen Reiches. Leipzig, 1921, стр. 85; B. Hrozny. Ук. соч., стр. 68.

[50] Л. А. Барсегян. Древнейший племенной союз в Армении. ИАН АрмССР, 1, 1962, стр. 88—89.

Другими важнейшими находками эпохи древней бронзы в Армении являются бронзовые кинжалы, нож, наконечник копья и два спиралевидных браслета из эларских погребений, раскопанных нами в 1961 г. Оружие и украшения найдены вместе с чернолощеной посудой в каменных ящиках и глинобитных камерах с одиночным, скорченным на правом боку скелетом. Эти сосуды украшены маленькими круглыми или большими овальными ямками. Ручки или идут прямо от венчика, или помещаются в

Рис. 4. Сосуды из эларских погребений

виде налепов на выпуклой части корпуса (рис. 4). От одного кинжала из Элара сохранился фрагмент с обломанным острием, косыми плечиками и узким длинным черешком (рис. 2, *6*). На плечиках остались следы деревянной рукоятки. Длина сохранившейся части кинжала 9,2 *см*, ширина 3,3 *см*. Второй кинжал больше первого, с плоским удлиненным лезвием, с сильно заточенным концом (рис. 2, *5*). Длина кинжала 17,5 *см*, ширина 4 *см*.

Нож перовидной формы без черешка, сплюснуто-ромбического сечения (рис. 3, *1*). Недалеко от него найден такой же нож из ямы (рис. 3, *2*).

Наконечник копья — листовидной формы, с узким плоским черешком (рис. 3, *3*). По химическому составу металл относится к мышьяковистой бронзе, в которой мышьяк составляет от 1,5 до 4% в медной основе.

Металлографический анализ этих предметов показывает, что они были отлиты, а затем подвергнуты холодной ковке, без последующего отжига, причем холодной ковке подвергался весь предмет в целом [51].

Металлические изделия из Элара имеют аналогии как в районе Армянского нагорья, так и вообще в Закавказье и на Северном Кавказе.

[51] Анализы произведены в лаборатории археологической технологии ЛОИА Д. Наумовым и В. Сидоровым. Пользуясь случаем выразить им свою благодарность.

Кинжал, аналогичный эларскому, найден в Араратской долине (ГИМА, инв. № 712/1).

Эларские кинжалы имеют развитые формы и являются прототипами некоторых кинжалов первой половины II тысячелетия до н. э. Среди них — происходящие из Зангезура (ГИМА, инв. № 962/12), Мегри (инв. № 124/2), Элара (инв. № 127/421) и Кармир Ванка (из погребений со скорченным костяком и крашеной керамикой) [52].

Кинжал, изображенный на рис. 2, *5*, является прототипом и для кинжалов более развитых форм эпохи средней бронзы, найденных в Кироваканском кургане (ГИМА, инв. № 1860/56), и кинжалов из триалетских погребений № XV и XVII [53].

Нож, аналогичный эларскому, найден в 1928 г. в Кабардино-Балкарии (курган в «Садках» Нальчикского района). А. А. Иессеном он отнесен к майкопской подгруппе «Больших кубанских курганов», датированных им 2300—1900 гг. до н. э. [54] Наконечник копья, аналогичный эларскому, найден в Параванском кургане № XL, относимом Б. А. Куфтиным к позднему этапу древней бронзы и датируемом им концом III тысячелетия до н. э. [55].

Однако оружие из Параванского кургана и керамика курганных погребений древнебронзовой эпохи Триалети имеют более развитые формы, чем эларские. Погребальные сооружения также иные.

Очевидно, эларские погребения предшествовали триалетским древнебронзовым курганным погребениям, их можно отнести к раннему этапу древней бронзы и датировать 2300—2200 гг. до н. э.

Большое сходство наблюдается при сравнении оружия, обнаруженного на территории исторической Армении, в Каразе около Эрзерума (Восточная Анатолия) [56].

В комплексе предметов из слоя B/1 поселения Караза на глубине 4—4,5 *м* от дневной поверхности обнаружены: бронзовый кинжал, наконечник копья, вислообушный топор и черные лощеные сосуды [57].

Кинжал из Караза аналогичен эларскому, но несколько большего размера (длина 18,2 *см*, ширина 3,6 *см*) [58]. Очень схожи и наконечники копий, но каразский больше эларского (длина 12 *см*, ширина 2,7 *см*) [59].

Развитие описанных выше проушных клиновидных топоров в конце раннего этапа эпохи древней бронзы приводит к созданию вислообушных топоров, одним из ранних образцов которых является каразский топор [60]. По форме каразский топор, с одной стороны, примыкает к проушным клиновидным топорам — имеет удлиненное, равномерно широкое клиновидное тулово; с другой стороны — у него более узкий и опущенный книзу обух. По сравнению с описанным выше проушным топором, он более массивен (длина топора 16 *см*, ширина лезвия 5,4 *см*, длина обуха 5 *см*, диаметр проуха 3,5 *см* [61]).

Еще один вислообушный топор обнаружен в Араратской долине [62] (рис. 2, *7*). По внешнему виду он несколько отличается от топора из

---

[52] А. А. Спицын. Некоторые закавказские могильники. ИАК, 29, СПб., 1909, стр. 4, рис. 38, 39, 41, 42.

[53] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 445, табл. CV.

[54] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 17, рис. 2, *5*; его же. К хронологии «Больших кубанских курганов», стр. 183, 193.

[55] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 101, 467, табл. CXV.

[56] H. Z. Koçay, K. T. Turfan. Erzurum-Karaz kazisi Raporu. Belleten Türk-Tarih Kurumu, XXIII, 1959, 91, стр. 409, рис. *a* 174, *a* 177, 178.

[57] Там же, см. таблицу в конце.

[58] Там же, стр. 377, 409, рис. *a* 177.

[59] Там же, рис. *a* 178.

[60] Там же, стр. 409, рис. *a* 174; T. Özgüc, M. Akok. Objets from Horoz-Tepe. Belleten Türk-Tarih Kurume, 82, 1957, стр. 20.

[61] H. Z. Koçay, K. T. Turfan. Ук. соч., стр. 376—377.

[62] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр. 102, рис. 9.

Караза — его тулово около обуха суживается, а к лезвию расширяется. Эчмиадзинский топор несколько длиннее (17,5 *см*), но обух также выступает вниз и имеет почти ту же длину, что и топор из Караза. Лезвие топора из Караза шире (5,4 *см*), чем у топора из Эчмиадзина (4,5 *см*).

По внешней форме эчмиадзинский топор больше связывается с топорами, найденными в дольменах Абхазии и Юго-Осетии. Он очень похож на топор из коллекции К. И. Ольшевского, найденный в Северной Осетии [63]. Б. А. Куфтин отмечает, что точно такой же топор, обнаруженный в кубанских курганах, хранится в Венском музее [64].

Два подобных топора обнаружены также в Юго-Осетии, в могильниках Корца и Фаскау [65], но они по форме несколько отличаются от эчмиадзинского топора.

Топор из Эчмиадзина имеет свои аналогии и в Абхазии, в материалах, обнаруженных в Кюр-Дере, в эшерских дольменах и в материалах станицы Абадзехской [66].

Б. А. Куфтин считал, что абхазские и вообще кавказские дольмены строились в период перехода от древнебронзовой эпохи к среднебронзовой, и датирует их концом III и началом II тысячелетия до н. э. [67]

Таким образом, топор из Эчмиадзина связывается и с топором из Караза, и с находками нижнего слоя абхазских дольменов.

Факты, приведенные выше, удостоверяя хронологическую преемственность в развитии типов топоров, показывают, что распространение вислообушных топоров шло с юга на север.

Описанные нами материалы показывают, что на территории Армянского нагорья обработка металла в раннебронзовую эпоху достигла определенных успехов.

---

[63] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 39, рис. 7, *8*.

[64] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 305, рис. 8, *4*.

[65] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 38—39.

[66] М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 15, 27—29, рис. IX, *1*; Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949, стр. 288, табл. XXX, *1*, стр. 301, рис. 65, *3*.

[67] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, стр. 305.

О. М. ДЖАПАРИДЗЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ТРИАЛЕТИ В 1959—1962 гг.

Более четверти века прошло с тех пор, как началось археологическое изучение высокогорной области Триалети. В результате раскопок, проведенных Б. А. Куфтиным, были вскрыты многочисленные памятники, которые по-новому осветили важные вопросы древнейшей культуры Грузии [1]. Из выявленных памятников следует выделить особо не известную дотоле в Грузии и вообще в Закавказье курганную культуру эпохи средней бронзы. Было установлено, что в эту эпоху в южной части Грузии существовала своеобразная высокоразвитая культура. Сложный и своеобразный погребальный обряд, высокоразвитое ювелирное и вообще ремесленное мастерство указывали на то, что племена, которым принадлежали богатые триалетские курганы, достигли высокого культурного уровня. Найденный здесь материал указывал на рост имущественного неравенства в родовом обществе, но результаты раскопок триалетских курганов, освещая в основном положение привилегированной части общества, не давали возможности восстановить общую картину хозяйственной жизни племени. Не были здесь известны также и поселения «цветущей поры» триалетских курганов.

В 1957 г. объединенная археологическая экспедиция Тбилисского государственного университета и Музея искусств Грузии возобновила археологические исследования в Триалети. Одной из основных задач экспедиции являлось изучение «цветущей поры» триалетской культуры. В 1957—1958 гг. экспедиция работала около Тетрицкаро, на Цалке и около Табацкурского озера [2].

Археологические разведки на Цалкском плато, основной целью которых было выявление поселений эпохи средней бронзы, к сожалению, не дали ожидаемых результатов. До завершения полного, основательного исследования этого района мы считаем преждевременным делать окончательные выводы, но не исключена возможность отсутствия постоянных поселений в эпоху средней бронзы в высокогорной области Триалети. Здесь в то время, так же как и в предшествующих эпохах, существовали временные, сезонные поселения, связанные с развитием скотоводства [3]. Постоянные, оседлые поселения в эпоху средней бронзы в основном должны были существовать в предгорной части Картли. В этот период наблюдается некоторое уменьшение плотности населения в низменных районах. Жизнь здешнего населения в это время, видимо, была менее интенсивна,

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

[2] О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 гг. Тбилиси, 1960.

[3] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1962, стр. 24.

чем в более раннюю эпоху[4]. Это обстоятельство нельзя объяснить лишь развитием скотоводства и связанного с ним переселения большей части населения в горные и предгорные районы. Правда, развитие скотоводства требовало более интенсивного освоения горной полосы, но низменные районы все же оставались основной земледельческой базой. Процессу уменьшения населения в низменных областях, по-видимому, способствовало и то, что уменьшение площади лесных массивов в Восточной Грузии влияло на климатические условия. Уменьшение осадков вынуждало искать места с более умеренным климатом, пригодные для земледелия. Начинается постепенное освоение предгорных районов. Повторное интенсивное заселение низменных областей происходит к концу эпохи бронзы, вероятно, в связи с развитием ирригации.

Возможно, что одна часть Цалкского плато была освоена теми племенами, которые жили на правом берегу Куры, в предгорной части Шида Картли. Большую часть триалетских высокогорных лугов (Цалкское, Гомаретское, Беденское и другие плато) занимали племена, жившие в предгорной части Квемо Картли. К сожалению, этот район с археологической точки зрения еще мало изучен, но скудный материал, имеющийся в нашем распоряжении, дает основание предполагать, что в эпоху средней бронзы он был связан с культурой «цветущей поры» триалетских курганов (материалы из с. Ардисубани, Тетрицкаро и др.).

В эпоху средней бронзы в связи с развитием скотоводства начинается более интенсивное освоение высокогорной части Триалети. Эти богатые травой луга использовались в летнее время. Наряду с летними пастбищами необходимо было иметь и зимнюю кормовую базу. Зимние пастбища племен Квемо Картли находились, по-видимому, в низменной части Квемо Картли (Гардабанская степь, Марнеульская и Соганлугская долины и др.). Эти места и поныне богаты зимними кормовыми базами. Летние же пастбища находятся в высокогорной части Триалети, и пользоваться ими можно лишь в течение 4—5 месяцев. Зимние и летние пастбища здесь как бы дополняют друг друга. Племена, населявшие предгорную часть Квемо Картли, пользовались в летнее время высокогорными лугами, а в зимнее — пастбищами Гардабани-Марнеульской долины.

Б. А. Куфтин в свое время высказал предположение, что триалетские курганы эпохи средней бронзы принадлежали племенной знати. То обстоятельство, что в горной части Триалети в эпоху средней бронзы в основном встречаются богатые курганы, возможно, связано с тем, что в руках племенной знати сосредоточилась бóльшая часть лучших летних пастбищ. Примечательно, что богатые курганы встречаются главным образом в тех местах, которые и ныне считаются лучшими пастбищами.

В 1958 г. во время разведок на Гомаретском плато, в 20 *км* от Дманиси, экспедиция обнаружила группу курганов. Гомаретское плато, или, как его называет Вахушти Багратиони, Зуртакети, являясь естественным продолжением Цалкского плоскогорья, расположено на высоте 1300—1400 *м* над уровнем моря, в бассейне реки Храми и ее правого притока Карабулага.

Курганы на Гомаретском плато расположены в местечке «Орташуа», которое находится между селами Аха, Карабулаг и Усеанк. Несколько курганов известно также выше с. Карабулага в местности «Курутуз» («сухое место»). Курганы эти внешне не отличаются от курганов Цалкского плоскогорья. Здесь также встречаются курганы разной величины с каменной и каменноземляной насыпью, последние — несколько меньших размеров. Курганы с каменной насыпью обычно большие, из них особенно выделяются три кургана, высота которых колеблется между 6—8 *м*, а диаметр — между 80—100 *м*. Один большой курган был обнаружен близ с. Согутлу, в местности «Ахверд».

[4] Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6.

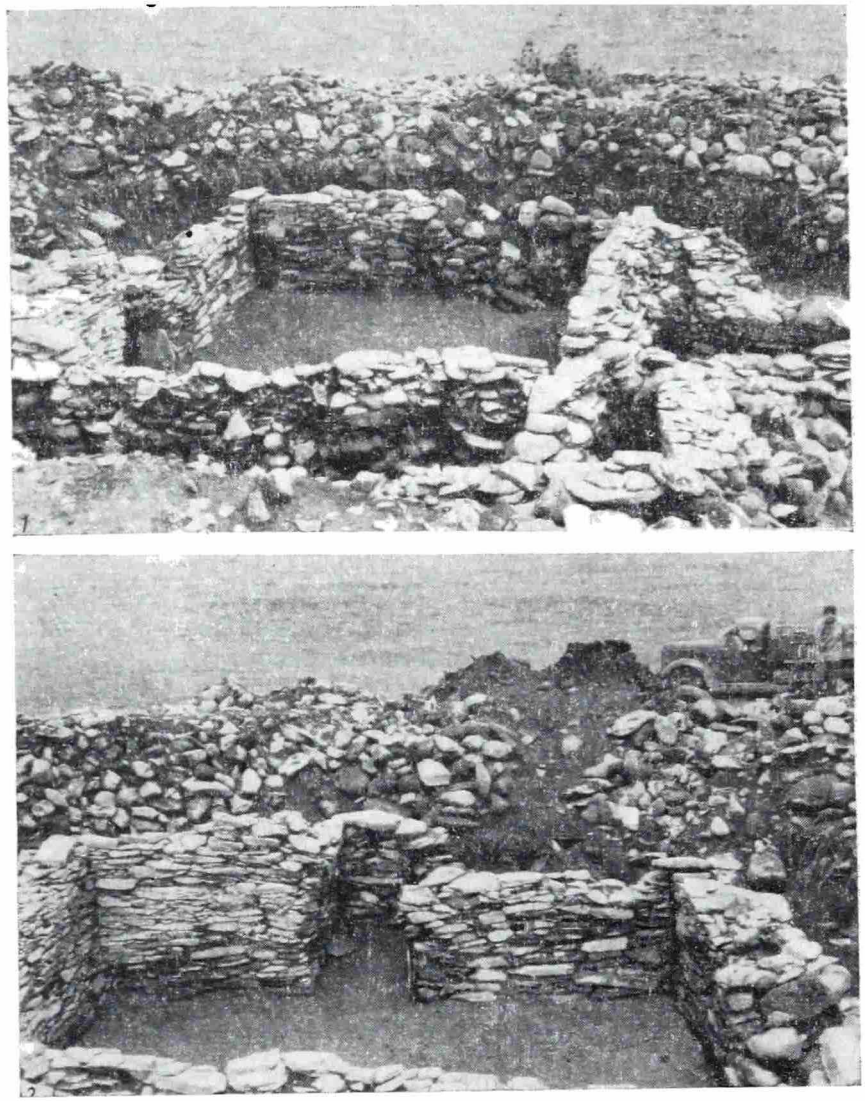


Рис. 1.

1— «погребальный зал» кургана № 1; *2* — пристройка «погребального зала» кургана № 1

В 1959 г. экспедиция изучила три кургана: один с каменноземляной насыпью, два — с каменной. Курган № 1 находится в 3 *км* к западу от с. Карабулага, в местности «Курутуз». Часть каменной насыпи была разобрана: ее высота равнялась 2,5 *м*, диаметр 40 *м*. В центре кургана находился «погребальный зал». Стены зала были сложены из плитняка (рис. 1, *1*). Размеры зала: длина 6,5 *м*, ширина 6 *м*, высота 1,9 *м*. Вход был расположен в восточном углу северо-восточной стены. На месте входа вертикально стоял плоский камень шириной 1,2 *м*.

Первоначальные размеры «погребального зала», по-видимому, были несколько бóльшими. Впоследствии, ввиду каких-то обстоятельств, возможно связанных с перекрытием, размеры его были несколько уменьшены. Параллельно юго-восточной и юго-западной стенам были возведены перегородки, лицевая сторона которых выложена плитняком. Пространство между стенами и перегородками было заполнено землей и булыжником. Таким образом, первоначальные размеры зала были в длину 8,3 *м*, в ширину 6,7 *м*.

Приблизительно в средней части юго-восточной и северо-западной стен зала были возведены пристройки, также выложенные плитняком и перекрытые плоскими плитами (рис. 1, *2*).

Вдоль стен зала находились глиняные сосуды. Особенно большое скопление черепков от раздавленных сосудов наблюдалось у юго-восточной и

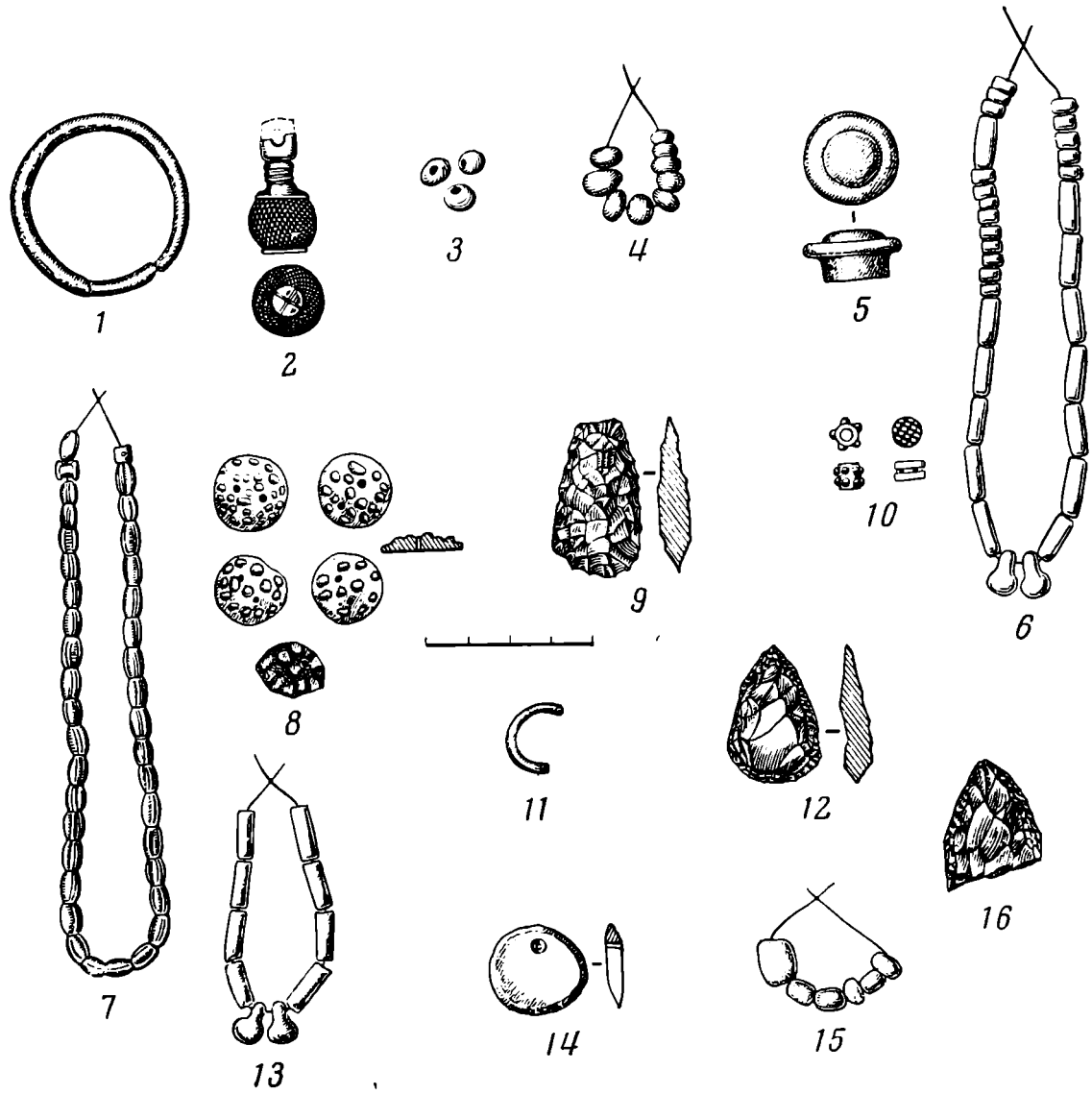


Рис. 2. Предметы из кургана № 1: *1*— бронзовый браслет; *2*— глазурованная подвеска; *3,4*—сердоликовые бусы; *5*— бронзовый набалдашник; *6*— бусы из стекловидной пасты; *7*— треугольные бусы из стекловидной пасты; *8*— пастовые пуговки; *9*, *12*, *16*— обсидиановые наконечники стрел; *10*— пастовые бусы; *11*— обломок бронзового колечка; *13* — бусы из стекловидной пасты; *14* — подвеска из гальки; *15* — сердоликовые бусы

юго-западной стен. Несколько сосудов стояло в восточном углу северо-восточной стены. Предметы встречались в юго-западной части зала. В южном углу были найдены голубая подвеска из стекловидной пасты, пастовые бусы различных размеров и форм, пастовые пуговки, сердоликовые бусы и др. Предметы эти встречались на различных уровнях. В западном углу «погребального зала» были обнаружены бронзовый браслет, такой же набалдашник, сердоликовые бусы и обсидиановая стрелка (рис. 2). Центральная часть кургана была пуста.

Курган № 2 расположен севернее с. Усеанк, на расстоянии 1 *км*. Насыпь кургана каменная, высотой 3 *м*; диаметр достигал 40 *м*. В средней части кургана находился прямоугольный «погребальный зал», стены которого были выложены большими камнями. Размеры зала: длина 7,6 *м*, ширина 4 *м*, высота 3,8 *м*. Восточной стены у зала не было. С южной и северной сторон здесь также имелись пристройки. Южная находилась в 0,7 *м* от юго-восточного угла. Восточная и западная стены пристройки состояли из трех крупных камней, сложенных в два ряда. Пристройка была перекрыта тремя плоскими камнями. Размеры пристройки: длина 2,7 *м*, ширина 2,7 *м*, высота 1,55 *м*.

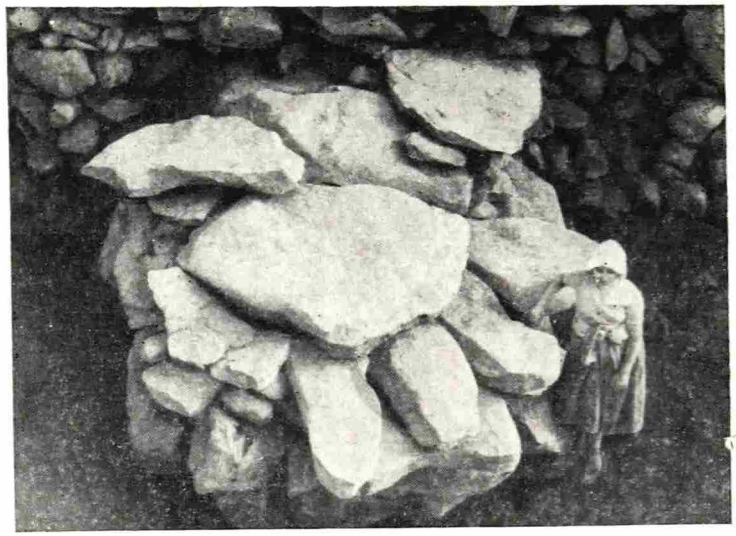


Рис. 3. Перекрытие пристройки кургана № 2

Пристройка северной стены находилась на расстоянии 2,6 *м* от северо-восточного угла. Здесь стены также состояли из трех больших камней. Пристройка была перекрыта тремя камнями, лежавшими на радиально расположенных удлиненных плоских камнях (рис. 3). Размеры северной пристройки: длина 4 *м*, ширина 2,7 *м*, высота 1,6 *м*.

Предметы в этом кургане также были найдены в основном в его западной части. Черепки глиняных сосудов разбросаны по всему залу. В западной части зала были найдены золотые и сердоликовые бусы, обсидиановый наконечник стрелы и бронзовое колечко (рис. 4).

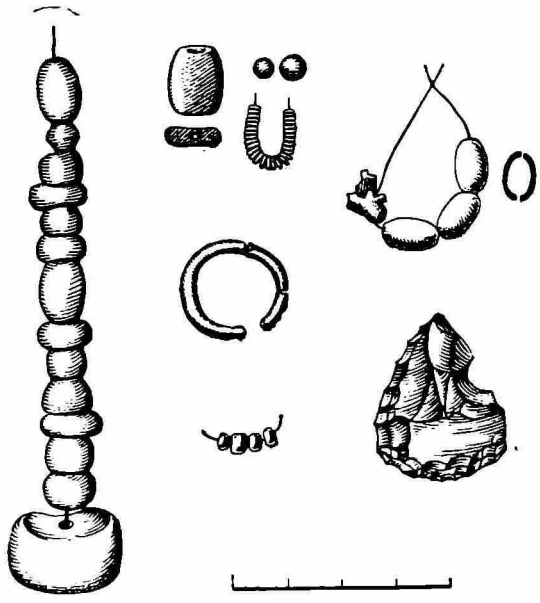


Рис. 4. Вещи из кургана № 2

Хотя обе пристройки имели хорошее перекрытие, они наполовину были заполнены землей и камнями. В северной пристройке ничего не было найдено. В южной найдены большой сосуд, сердоликовые и мелкие бусы из пасты.

В 1960—1961 гг. раскопан один из больших курганов (№ 3). Этот курган имел 100 *м* в диаметре. Высота каменной насыпи приблизительно 8 *м*. В средней части кургана имелось воронкообразное углубление. С восточной стороны кургана, почти с самого края насыпи, начинался дромос, суживающийся постепенно к центру кургана. Размеры дромоса: длина 40 *м*, ширина в начале 10 *м*, в конце 3,8 *м*; высота стен у центра кургана достигала 4 *м* (рис. 5, *1*). Над стенами дромоса, в той его части, где каменная насыпь достигала значительной высоты, несколько наклонно была выложена подпорная стена из валунов (рис. 5, *2*).

В центральной части кургана находился «погребальный зал» (рис. 6). Стены зала достигали 6 *м* в высоту. Они имели террасообразную ступеньку шириной до 2 *м*. Размеры зала: длина 14,5 *м*, ширина 10,5 *м* (рис. 7). Стены дромоса и «погребального зала» были сложены насухо, в основном из плитняка, хотя в кладке был заложен и булыжный камень. Следует отметить, что в кладке северной стены дромоса преобладал булыжник,

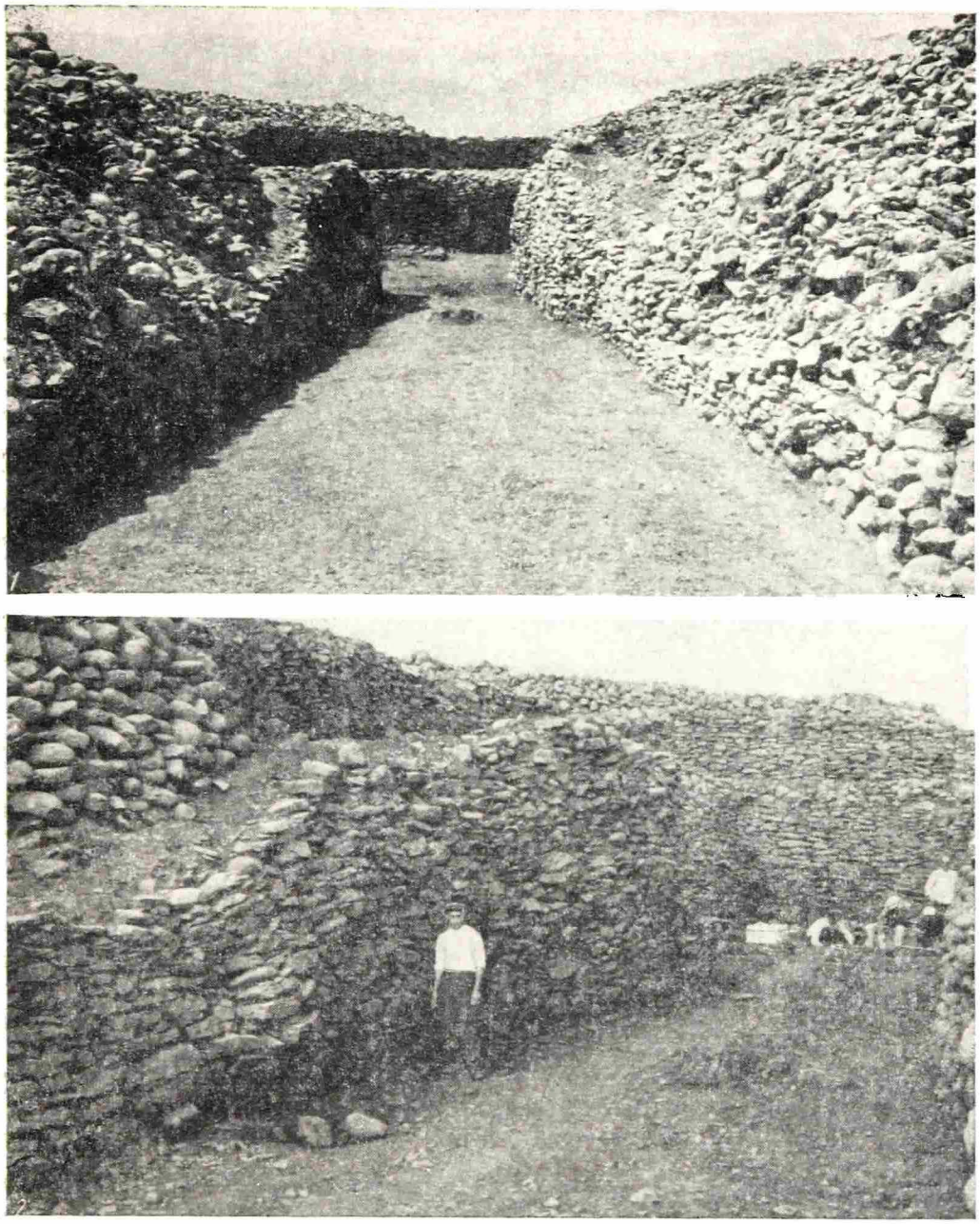


Рис. 5.

1— дромос кургана № 3; *2*— подпорная стена

а в южной — плитняк. Примечательно, что такая картина наблюдается и в кущинских курганах [5].

Вдоль стен «погребального зала» стояли глиняные чернолощеные кувшины в основном больших размеров (рис. 8). В центральной части зала, несколько западнее, были найдены бронзовый кинжальчик (рис. 9, *1*), серебряное и бронзовое четырехгранные шилья, обсидиановые стрелки, венчик от обсидианового сосудика, обломок сосуда из болнисского туфа, части деревянной шкатулочки, крупные золотые бусы (рис. 9, *2*; рис. 10, *1*, *2*), мелкие пастовые бусы (рис. 10, *6*), одна буса типа «домино» (рис. 10, *5*) и др. У северной стены дромоса, недалеко от входа найдены кости крупного рогатого скота. Кости встречались и в разных местах зала.

Курган № 4 был раскопан экспедицией в 1962 г. Он отдален от кург. № 3 на 1800 *м* к югу. Диаметр кургана достигает также 100 *м*, высота каменной насыпи — до 8 *м*. В центральной части кургана имелось воронкообразное углубление (рис. 11, *1*). Дромос, который и здесь находился с во-

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 13.

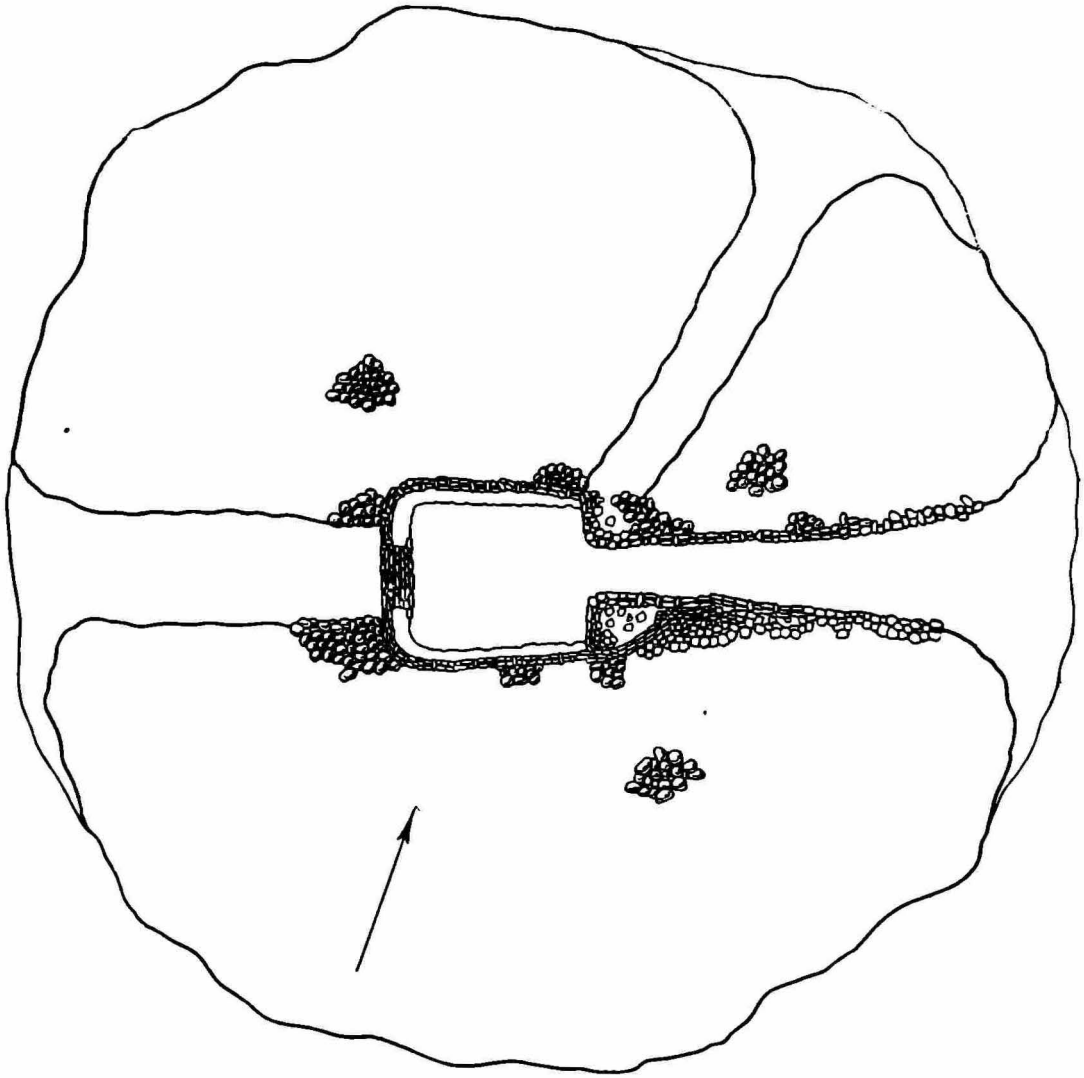


Рис. 6. План кургана № 3

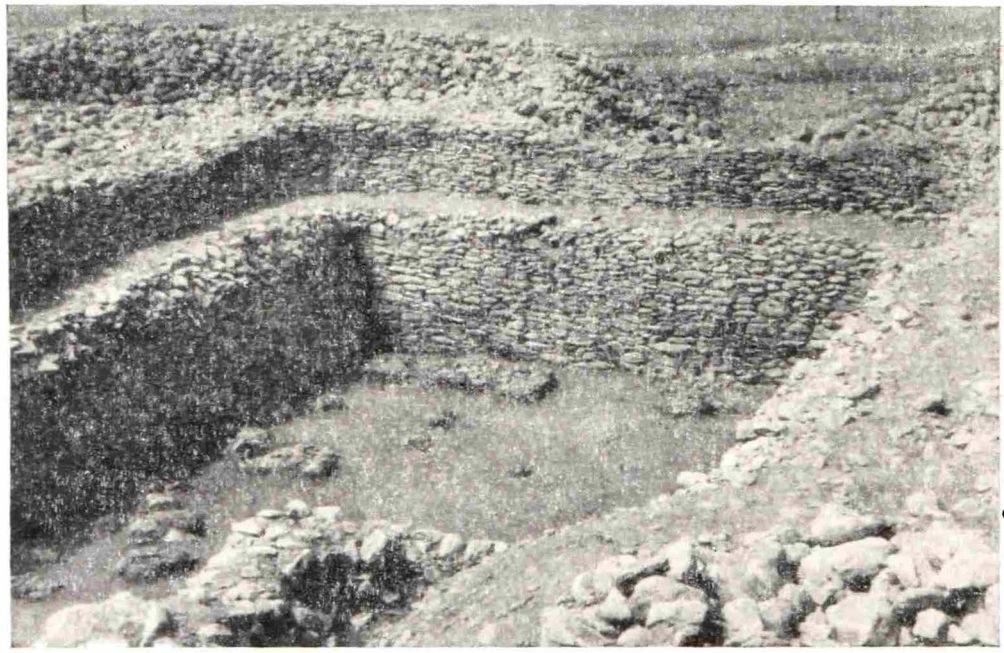


Рис. 7. «Погребальный зал» кургана № 3

сточной стороны, был значительно короче дромоса кург. № 3. Длина его 5 *м*, высота 1,5 *м*, ширина 4 *м*. Над стенами дромоса с обеих сторон были возведены опорные стены из крупных валунов. Вход этого кургана очень напоминал широкий коридорообразный вход Топ-Кара № 1[6].

В центральной части кургана находился «погребальный зал» (рис. 11, *2*). Стены зала и здесь имели террасообразную ступеньку. Размеры стен зала: южная и северная — 11 *м*, восточная и западная — 9 *м*. Высота стен доходила до 6 *м*. По углам, а также вдоль западной и северной стен зала были расставлены глиняные сосуды, преимущественно пифосы больших

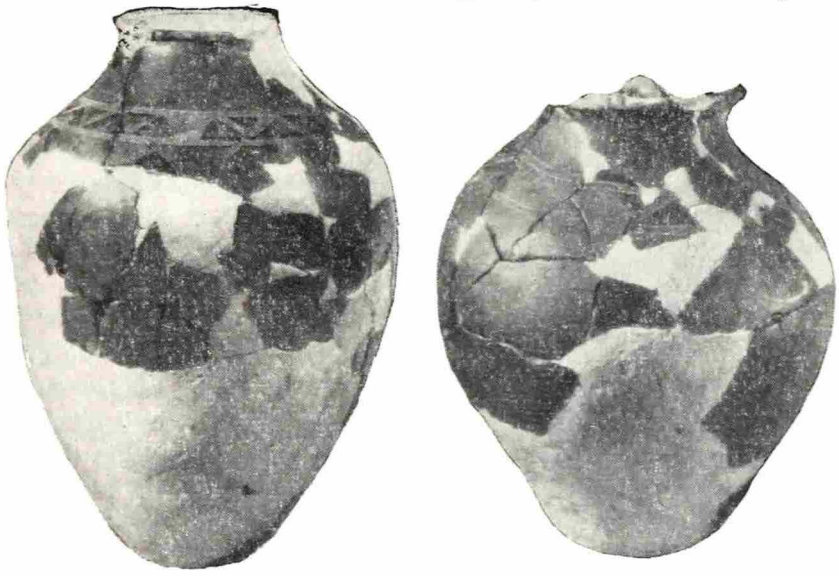


Рис. 8. Предметы из кургана № 3: *1,2*— глиняные сосуды

размеров. По типу эти сосуды почти не отличаются от сосудов Гомаретского плато и вообще триалетских курганов. Большей частью сосуды чернолощеные с розовой подкладкой, богато орнаментированные главным образом геометрическим резным узором. Здесь, так же как и в кург. № 3, было найдено несколько краснолощеных расписных сосудов.

В западной части зала, на довольно большой площади, встречались сильно разрушенные серебряные пластинки (рис. 12, *1*). Наибольший интерес представляет найденный здесь же серебряный «умбон» (диаметр 8 *см*; рис. 12, *2*). На этом участке находились золотые предметы: несколько трубок (рис. 13, *1*), набалдашников, бус (рис. 13, *2*), а также несколько серебряных бус бочкообразной формы, обсидиановые наконечники стрел, обломки бронзовых пластинок и др.

Кости животных, в большинстве крупного рогатого скота, встречались в разных частях зала, особенно большое скопление костей было в его западной части. Кости быков лежали также у северной стены дромоса.

Курган № 5. В 1962 г., кроме большого кургана, был раскопан один маленький курган (диаметр 32 *м*, высота 1,5 *м*) с каменноземляной насыпью в форме усеченного конуса. Он был расположен на расстоянии 400 *м* южнее кург. № 4. Такие курганы здесь встречаются часто. В кургане были найдены пастовые и сердоликовые бусы, сердоликовая подвеска, обсидиановые наконечники стрел и др. Сосуды (сильно поврежденные) были того же типа, что и в больших курганах[7].

В курганах не было обнаружено человеческих костей. Это обстоятельство лишний раз подтверждает предположение Б. А. Куфтина, что в триалетских курганах мы имеем дело с практикой кремации покойника.

[6] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 83.

[7] В 1959 г. экспедиция раскопала один курган с каменноземляной насыпью, но кроме обломка от чернолощеного сосуда в нем ничего не было найдено. Здесь же следует отметить, что все рассмотренные выше курганы Гомаретского плато были разграблены, но, несмотря на это, они все же дали значительный материал.

Надо полагать, что курганы имели деревянное перекрытие. Со временем дерево сгнило и в центре курганов образовались воронкообразные углубления. Возможно, что в больших курганах «погребальный зал» был разделен деревянными столбами на три части. На дне кург. № 4 лежали плоские камни приблизительно на равном расстоянии как от стен зала, так и друг от друга. Возможно, они являлись основаниями деревянных столбов. На одном из камней были найдены остатки истлевшего дерева. Эти столбы являлись подпорками балок перекрытия, один конец которых, по-видимому, опирался на террасообразный выступ зала. Б. А. Куфтин предполагал, что «погребальные залы» кущинских курганов имели деревянное перекрытие на столбах [8].

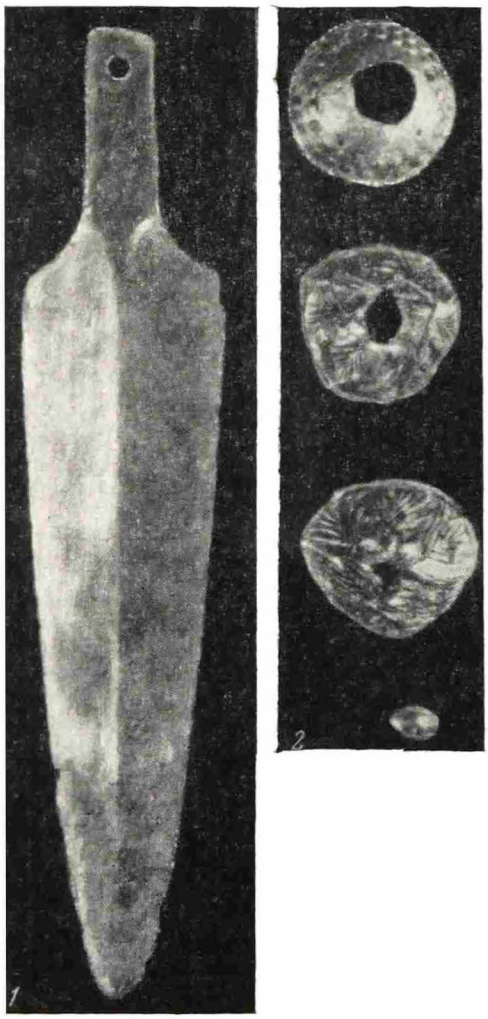


Рис. 9. Предметы из кургана № 3: *1*— бронзовый кинжал, *2*— золотые бусы

По характеру инвентаря зуртакетские курганы сближаются с триалетскими курганами эпохи средней бронзы, особенно с курганами с «погребальными залами». В настоящее время изучены семь курганов этого типа: три на Цалкском плато, четыре в Зуртакети. Хотя оба Топ-Кара внешне были гораздо меньше, чем большие курганы Зуртакети, но залы у них несколько больших размеров, чем у вторых. Стены залов были также сложены из плитняка. Они не имели террасообразного выступа. У Топ-Кара № 1 с восточной стороны был короткий коридорообразный вход, а у Топ-Кара № 2 восточной стены вообще не было. Зал кургана из Сабид-Ахча был несколько иного характера, там стены зала были сложены из крупных камней, восточная стена имела дугообразную форму. Вход был не с восточной стороны, как обычно, а с юго-западной.

Зуртакетские курганы относятся к «цветущей поре» триалетской культуры. В этих курганах также встречается чернолощеная посуда на розовой подкладке, характерная для триалетских курганов эпохи средней бронзы. Эти сосуды украшены разнообразным геометрическим узором (рис. 14), выведенным штриховкой и пунсонным пунктиром, парными шишечками и др. (рис. 15). В одной из пристроек кург. № 2 находился большой сосуд с двумя маленькими широкими ушками, он был несколько более грубой лепки, чем чернолощеные. Сосуды этого типа также известны в триалетских курганах. В этой же пристройке были найдены обломки сосуда с рельефной спиралью — мотивом, характерным для более древней керамики (рис. 16). В среднебронзовый период этот орнамент почти не встречается. В триалетских курганах этой поры известны лишь два случая находки сосудов со спиралью. Б. А. Куфтин по этому поводу отмечает, что данный мотив имел связь с более древней керамикой. Расписная керамика как по форме, так и по характеру росписи очень близка такой же керамике из кущинских курганов.

---

[8] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 83.

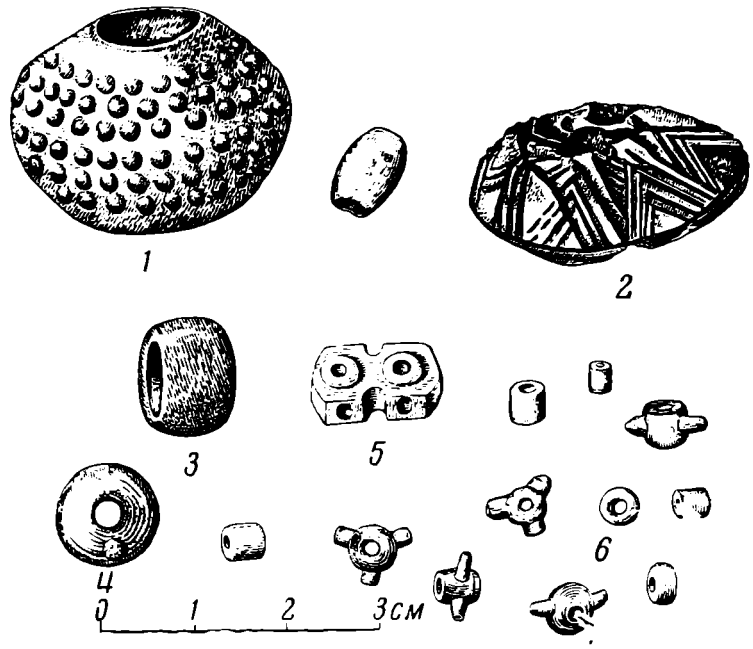


Рис. 10. Бусы из кургана № 3: *1,2* — золотые; *3,4* — сердоликовые; *5* — бусы типа «домино»; *6* — пастовые

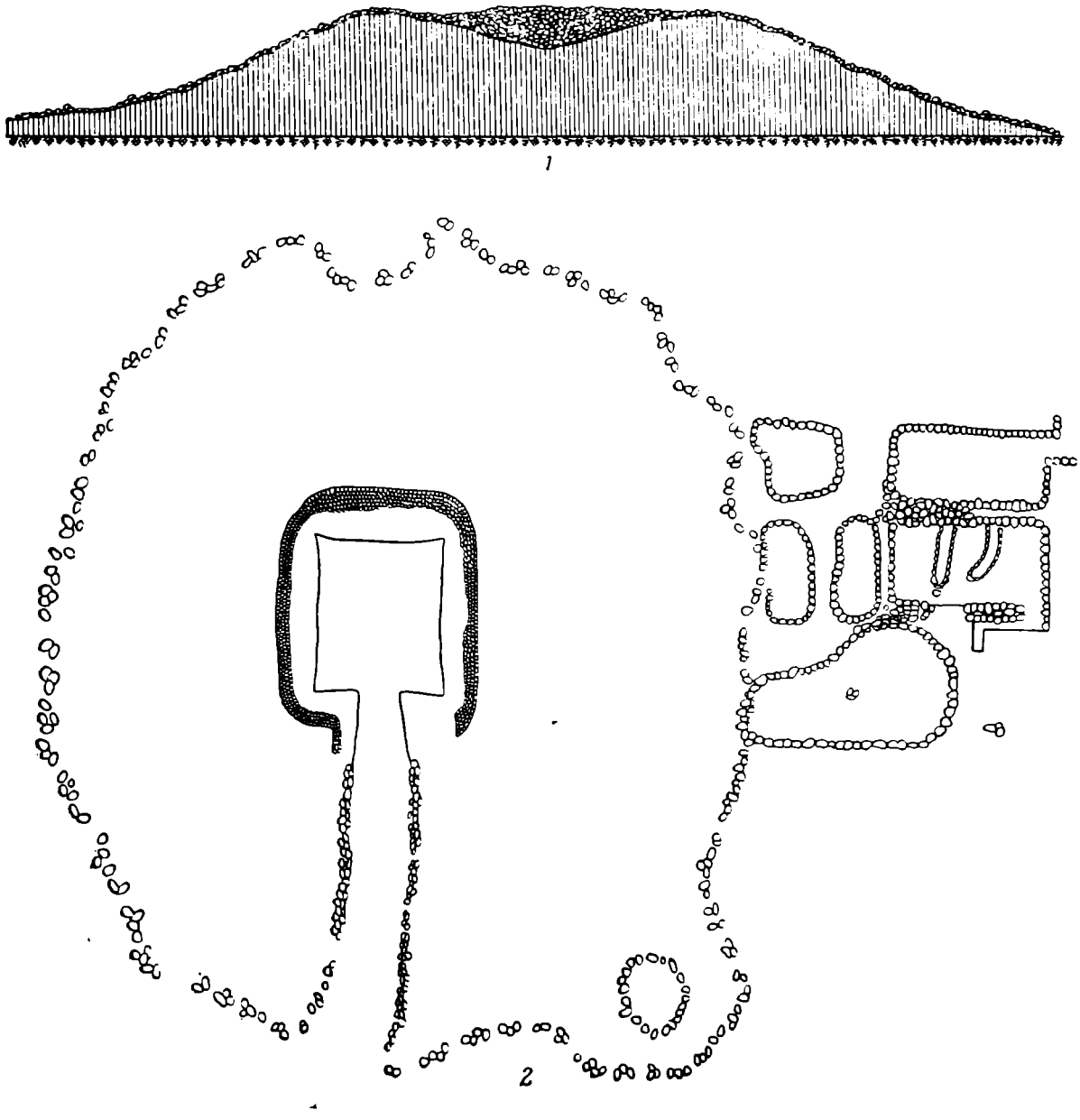


Рис. 11. Курган № 4
1 — разрез; *2* — план

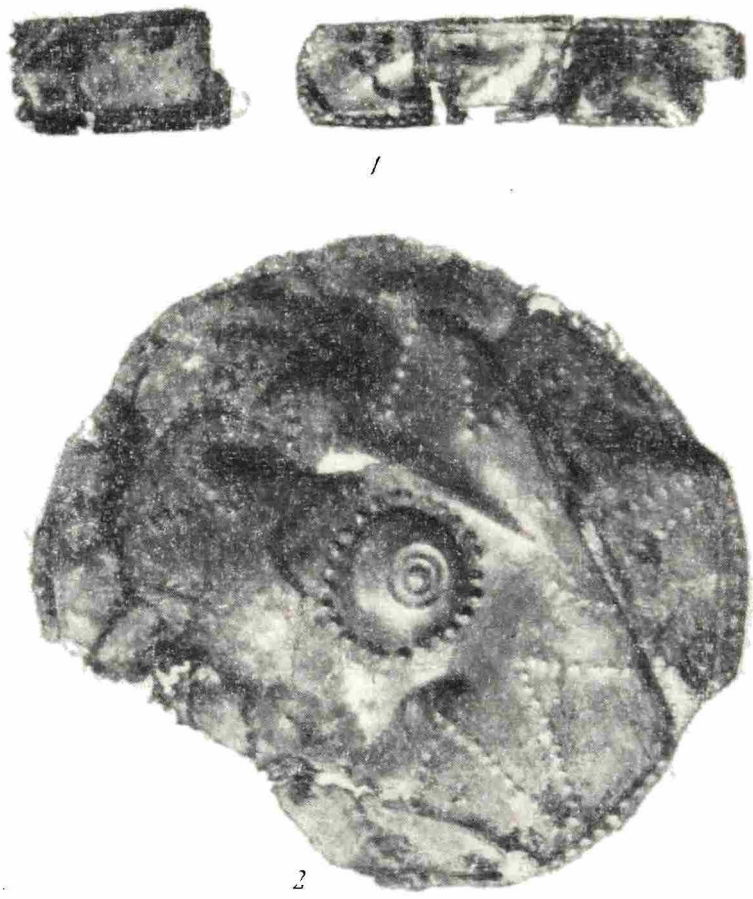


Рис. 12. Серебряные предметы из кургана № 4: *1*— пластинки; *2*— умбон

Особо надо указать на обломок каменной чашеобразной формы с двумя параллельными желобками у венчика. Это единственный случай находки каменного сосуда в триалетских курганах, и вообще они редко встречаются в Грузии. В этом же кургане был найден один обломок обработанного обсидиана, видимо от сосудика. Обработанные обсидиановые пластинки для инкрустации были найдены в триалетских курганах.

Бронзовый клинок кинжала из кург. № 3 малого размера, со слабо выраженным узким ребром (рис. 9, *1*). Как известно, в триалетских курганах оружие встречается сравнительно редко, и то, в основном, в виде кинжальных клинков [9]. Этот вид оружия получил особенно широкое распространение в эпоху средней бронзы, когда он существует уже в различных вариантах. С этой эпохи появляются кинжалы с четко выраженным ребром. Кинжал из кург. № 3 приближается к клинку, найденному в 1958 г. в кургане Сабид-Ахча [10]. Подобные кинжалы известны и на Северном Кавказе [11].

В кург. № 2 были найдены два четырехгранных шила одинаковой формы, одно бронзовое, другое серебряное. Этот тип орудия известен в триалетских курганах, в абхазских дольменах, в коллективных погребениях Нули и др. Одно четырехгранное шило было найдено недавно в кургане около с. Лило, вместе со шпагой. Хорошо известны они на Северном Кавказе [12]. Широкое распространение получил этот тип орудия в Передней

[9] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 100.

[10] О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, стр. 28, табл. XVII.

[11] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 49, рис. 14.

[12] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 77, рис. 34, *5*.

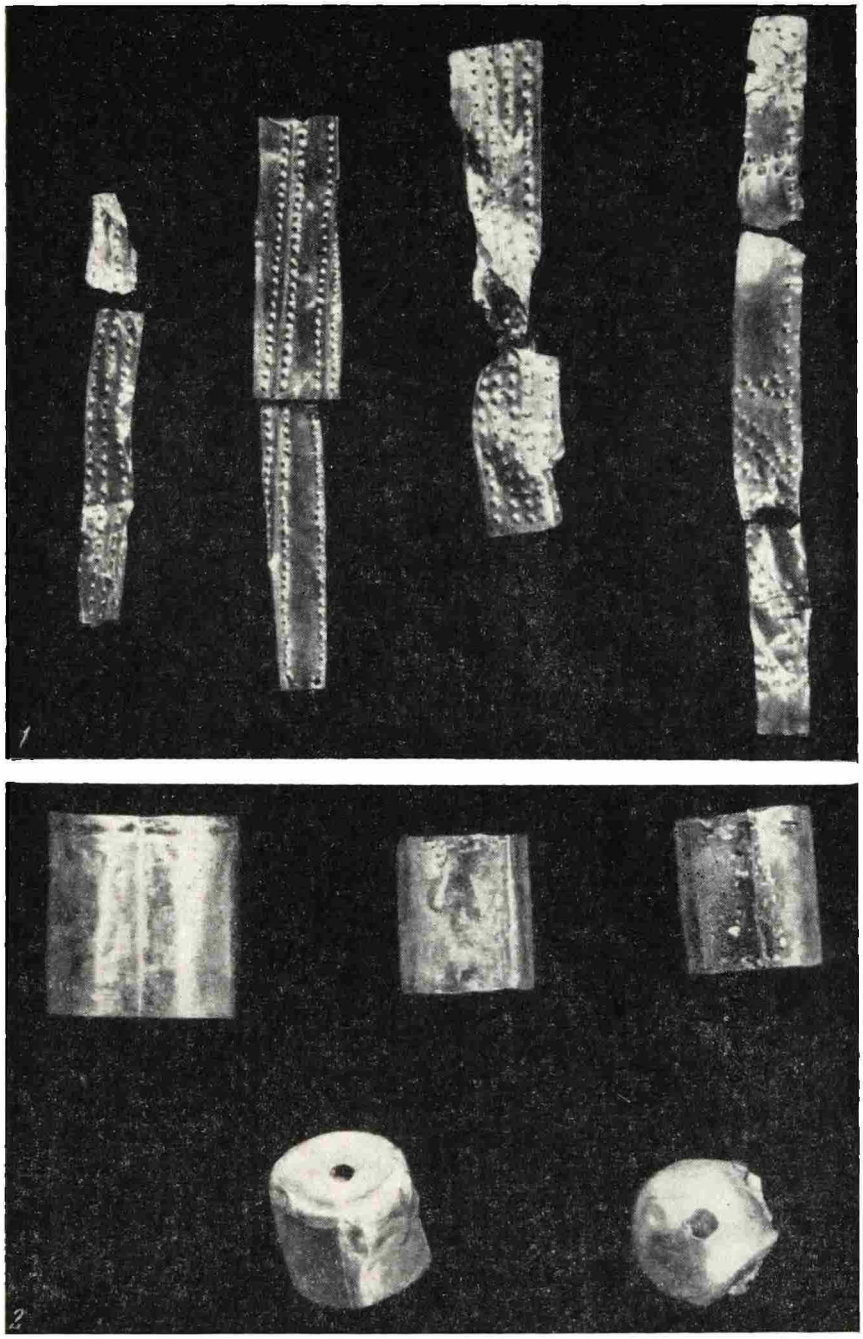


Рис. 13. Золотые предметы из кургана № 4: *1*— трубки; *2*— пабалдашники

Азии [13] и других местах. В Грузии этот тип черырехгранного шила появляется на ранней стадии бронзовой культуры: он был найден в Триалети, в одном из курганов раннебронзовой эпохи.

Бронзовый пабалдашник из кург. № 1 имеет куполообразную головку и короткую втулку (рис. 2, *5*). В Грузии эпохи средней бронзы пабалдашники не известны. Зато они, правда иной формы, часто встречаются в последующий период.

В этом же кургане были найдены бронзовый браслет и колечко (рис. 2, *1*, *11*). Точно такое же колечко найдено в кург. № 2 и вообще они хорошо известны в материалах этого периода (Квасатали, Нули). Браслет сравнительно малого размера. В триалетских курганах этой поры браслеты почти не встречаются. Такой же браслет был найден в Топ-Каре № 1.

[13] Hans Henning von der Osten. The Alishar Hüyük. Ч. I, II, Chicago, 1932, стр. 264, рис. 290, 293; V. Christian. Altertumskunde der Zweistromlandes von der Vorzeit bis zum Ende der Achämenidenherrschaft. Leipzig, 1940, стр. 283, табл. 321, *8*, *9*.

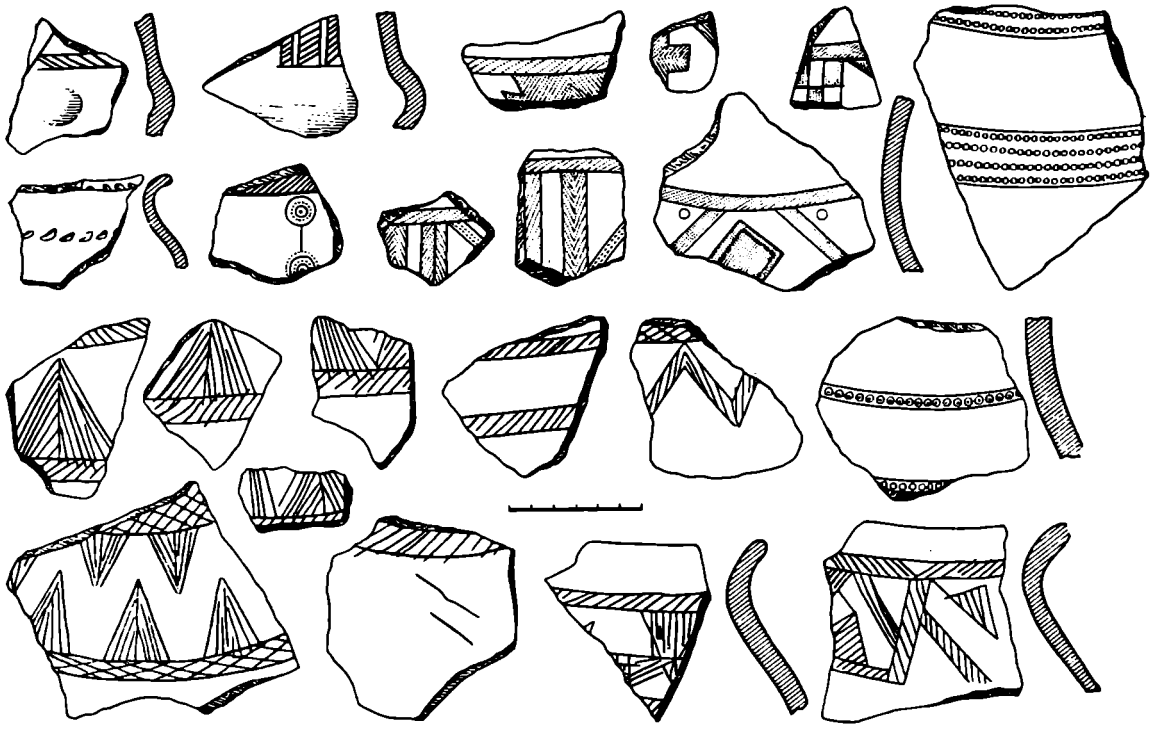


Рис. 14. Образцы керамики из кургана № 3

Несколько иной формы браслет с разомкнутыми концами известен из кург. № 1 в Сабид-Ахча [14]. Браслеты с разомкнутыми концами часто встречаются в коллективных погребениях эпохи средней бронзы в Нули и Квасатали.

Наибольший интерес представляет обнаруженный в кург. № 3 небольшой деревянный предмет, скорее всего шкатулочка с золотыми перегородками, инкрустированная цветными камнями. Деревянные части шкатулочки почти совершенно истлели. Были найдены лишь золотые проволочки со свернутыми концами от перегородок, в которые, по-видимому, были вставлены вставки из сердолика и белого камня разных размеров, в основном треугольной формы. Кроме того, к шкатулочке была прикреплена бронзовым гвоздиком с золотой головкой обсидиановая круглая пуговка. Шкатулочка имела бронзовую ручку тончайшей работы. Части от деревянных ларцов, украшенные золотыми перегородками и обсидиановыми пластинками, были найдены в кургане Топ-Кар № 2 [15]. Техника инкрустации этих предметов и шкатулочки из кург. № 3, по-видимому, была почти одинаковой.

Относительно инкрустированных предметов из Триалети А. И. Джавахишвили замечает, что для инкрустации употреблялись камни такого цвета, которые вместе с золотом создавали мягкую тональность [16]. В этом они напоминали месопотамские изделия, особенно из урских раскопок, где, как известно, техника инкрустации достигла высокого уровня [17]. Примечательно, что в одной из гробниц Ура была найдена маленькая деревянная инкрустированная шкатулка [18]. Б. А. Куфтин в свое время указывал по поводу находок в триалетских богатых курганах, что ювелирное мастерство имеет здесь много общего с приемами, известными в Месопотамии [19].

Из золотых предметов следует указать на несколько трубочек, украшенных выбитыми шишечками (рис. 13, *1*). Аналогичные трубочки имеют-

[14] О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, стр. 9, табл. V.
[15] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. ..., стр. 15.
[16] А. И. Джавахишвили. Жур. «Сов. искусство», Тбилиси, 1955, № 6, стр. 14 (на груз. языке).
[17] A. Parrot. Sumer. Paris, 1960, стр. 160.
[18] L. Woolley. Ur Excavations. II, 1934, стр. 280, табл. 103.
[19] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 94.

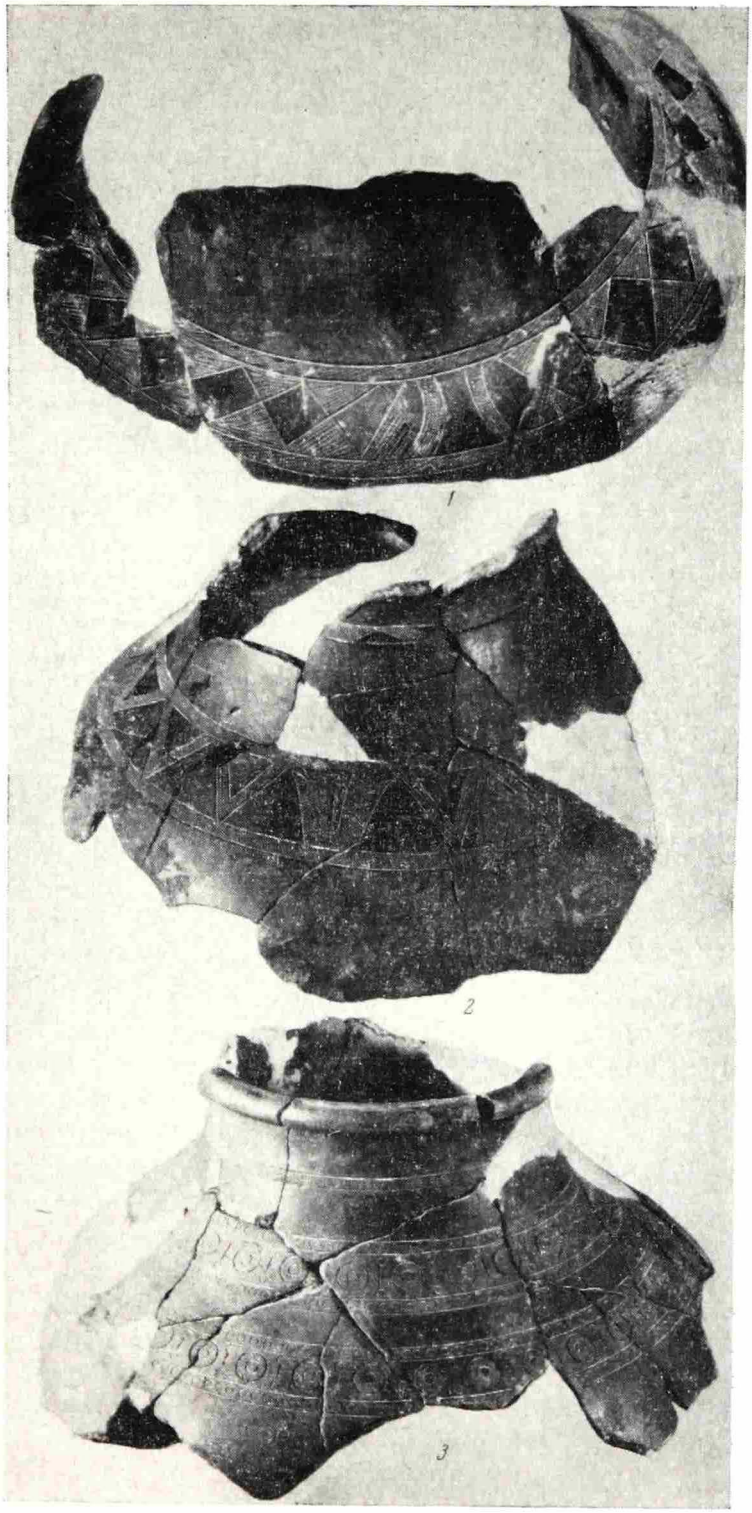


Рис. 15. Керамика из кургана № 3

ся и в триалетских курганах. Б. А. Куфтин причисляет их к убранству погребального «штандарта» [20]. Приблизительно такое же назначение должны были иметь, по-видимому, и золотые навершия (рис. 13, *2*). Крупные, дутые золотые бусы состоят из двух половинок, украшенных в одном случае выбитыми изнутри шишечками, а в другом — елочным орнаментом (рис. 9, *2*). Одна, сравнительно меньшего размера, имеет гладкую поверхность. Крупные бусы хорошо известны из триалетских курганов. Такая же буса найдена недавно в кургане близ Лило. Мелкие серебряные и золотые бусы, свернутые из золотой пластинки, также встречаются в среднебронзовой эпохе.

[20] Там же, табл. С.

Среди найденных в кург. № 4 сильно поврежденных серебряных пластинок некоторые имеют удлиненную форму и выпуклые точки по краям (рис. 12, *1*). Удалось восстановить одну из этих пластинок (длина 7,4 *см*, ширина 1,8 *см*). На обоих ее концах имелись отверстия. Кроме того, встречались фрагменты серебряных пластинок желобчатой формы, украшенные несколькими рядами выпуклых точек. Примечательно, что эти пластинки встречались чаще всего с деревом или с костью. Найденный здесь же умбон из серебряной пластинки был богато орнаментирован точечным узором (рис. 12, *2*). По краям умбона имелись отверстия. Возможно, эти серебряные предметы являлись украшением какого-то большого деревянного предмета, скорее всего несохранившейся колесницы, а также упряжки ее быков.

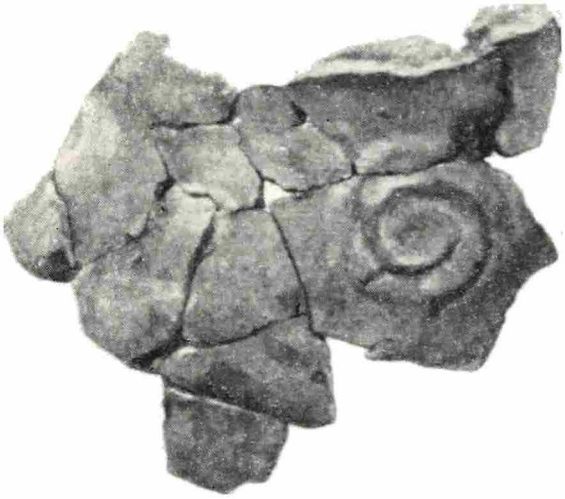


Рис. 16. Обломок сосуда со спиральным орнаментом из кургана № 2

Найденные в курганах бусы из сердолика различной формы и величины: сферические, бочкообразные, «рубленые» и др. Подобные сердоликовые бусы хорошо известны в Грузии на ранней стадии позднебронзовой эпохи, но, по-видимому, они появляются в предшествующую эпоху. В кург. № 2 были найдены две плоские граненые сердоликовые бусы, известные также и в триалетских курганах, широкое распространение они получают в последующий период.

Особо надо указать на бусы из стекловидной пасты. Эти бусы различной формы, цвета и размеров. В кург. № 1 были найдены две снизки бус — голубые и белые (рис. 2, *6*, *13*). В каждой снизке было по две подвески грушевидной формы. Цилиндрические бусы из пасты появляются в Грузии, по-видимому, уже в среднебронзовую эпоху. В этот период известны они и на Северном Кавказе [21], а также в древневосточных материалах [22] (например, Гисар III). В Грузии они встречаются и в последующую эпоху. Грушевидные подвески по своей форме напоминают бронзовые, хорошо известные в период бронзы.

В кург. № 1 найдены треугольные бусы из голубой пасты с зазубренными краями (рис. 2, *7*). Точно такие же бусы известны в более позднее время из Цинцкаройского могильника на Цалке [23]. Следует отметить еще две пастовые бусы: одну цилиндрическую с бородавчатыми выступами в два ряда, а другую круглую и плоскую, украшенную пересекающимися линиями (рис. 2, *10*). Бородавчатые бусы из голубой пасты недавно были найдены в Лило в кургане эпохи средней бронзы. Они встречаются также и на Северном Кавказе [24]. Как видно, в Триалети бусы этого типа бытовали и в последующую эпоху. Вообще следует отметить, что в триалетских курганах эпохи средней бронзы хорошо известны бусы различных форм из стекловидной пасты. Эти бусы как по форме, так и по составу близко стоят к бусам из зуртакетских курганов. В Триалети бусы из стекловидной пасты бытовали, по-видимому, на протяжении довольно долгого времени. Мелкие пастовые бусы хорошо известны в Грузии, начиная со среднебронзовой эпохи.

---

[21] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, 1941, стр. 119.

[22] E. F. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar. Damghan, Philadelphia, 1937, стр. 223.

[23] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 56, табл. XXXIII.

[24] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 58.

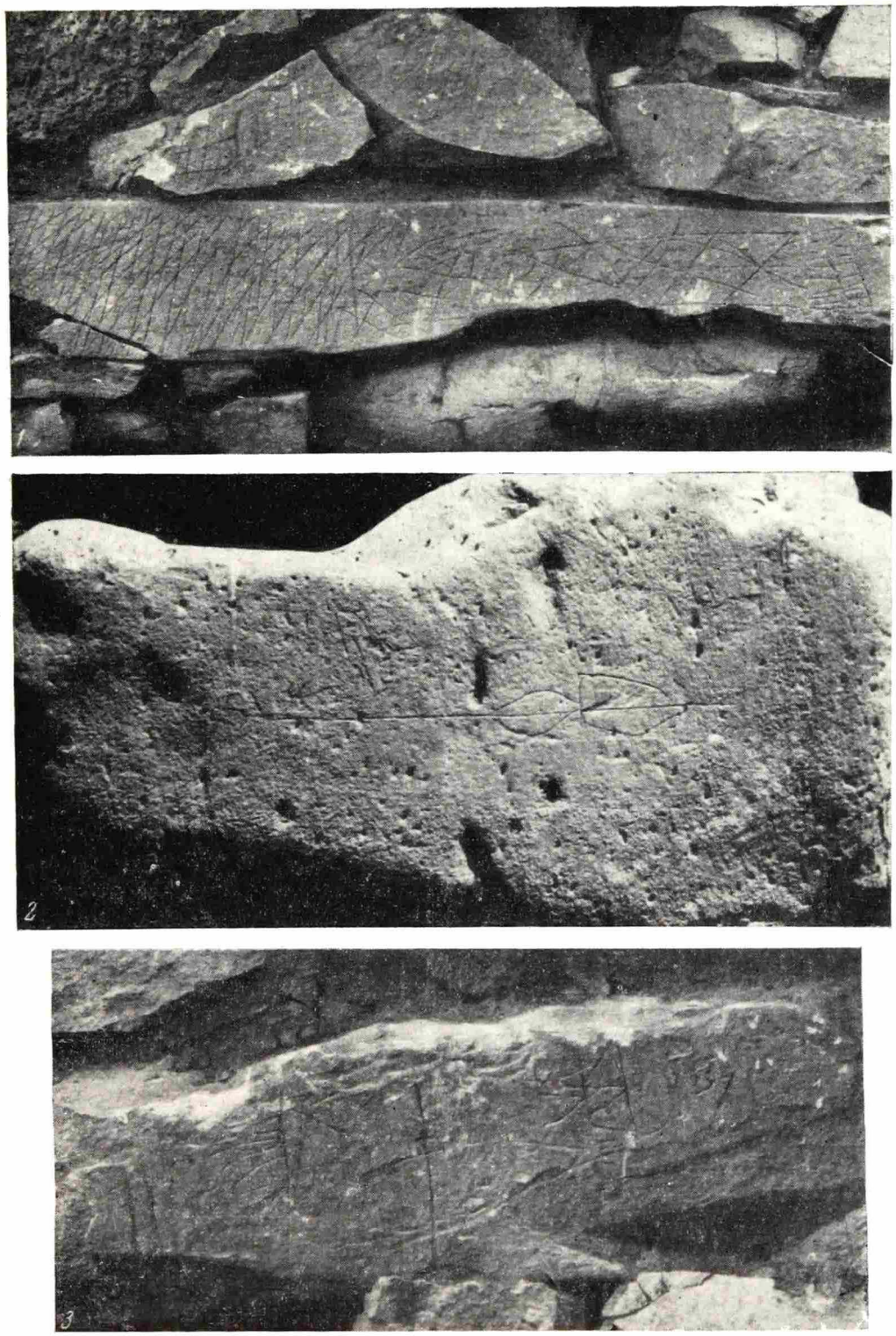


Рис. 17. Камни со знаками из кургана № 3

У пастовых пуговок из кург. № 1 одна сторона плоская, а другая выпуклая. Четыре пуговки голубого цвета, одна — черная. На голубых пуговках, на выпуклой стороне, неравномерно расположены «бородавки». Черная пуговка инкрустирована желтой пастой.

В этом кургане была обнаружена одна крупная пастовая подвеска с голубой глазурью (рис. 2, *2*). В триалетских курганах были найдены крупные глазурованные бусы [25]. В курганном погребении самтаврского могильника находились две бусы из горного хрусталя с глазурью [26]. Были

[25] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XXII.

[26] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 94.

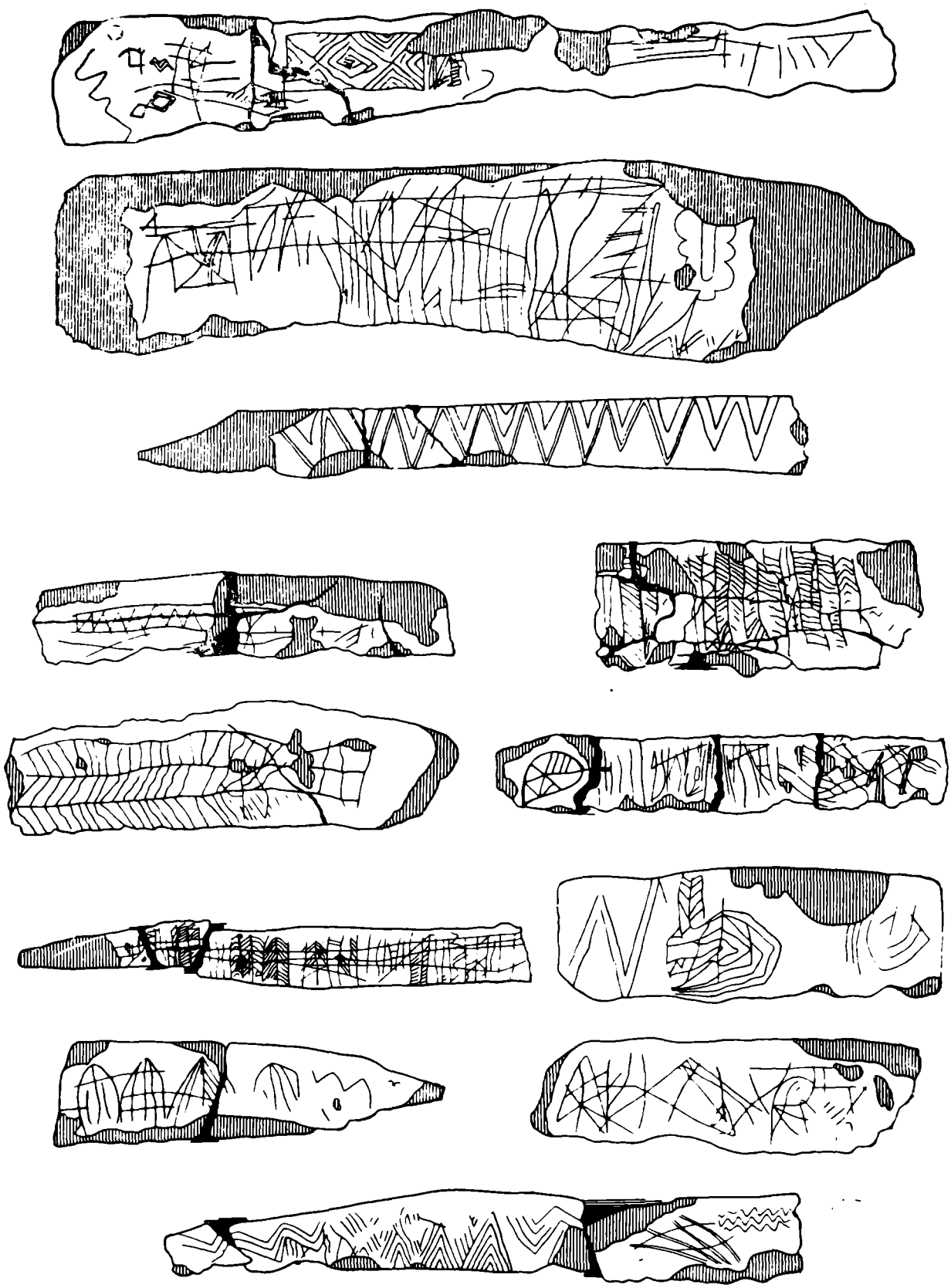


Рис. 18. Камни со знаками из кургана № 4

покрыты глазурью, по-видимому, несколько мелких бус из наших курганов.

Что касается найденной в кург. № 1 плоской подвески из гальки, то подобные подвески хорошо известны в материалах разных эпох (рис. 2, *14*). В Триалети они встречаются также в более поздних погребениях [27]. Примечательно, что в Сирии подвески этого типа встречаются почти во всех фазах Амука [28].

На самом дне кург. № 3, в северо-западном углу зала, между обломками чернолощеного сосуда была найдена одна буса из белой пасты типа «домино» (рис. 10, *5*). Эти бусы хорошо известны, особенно из Триалети, но в несколько более позднюю эпоху. Б. А. Куфтин в свое время отметил, что бусы типа «домино» тесно связаны с районом Триалети [29]. Никаких следов впускного погребения в кург. № 3 не наблюдалось. Поэтому возможно, что данный тип бус появляется в Триалети в этот период, а в последующие эпохи он получает здесь широкое распространение. Еще в Топ-Каре № 1 была найдена одна буса типа «домино». В полевой описи вместе с этой бусой под одним номером значатся бронзовый браслет и сердоликовые бусы. Из дневника видно, что эти предметы были найдены врозь, а о бусе «домино» вообще ничего не сказано. Бронзовый браслет почти такой же формы, как и браслет из кург. № 1. Сердоликовые бусы также почти одинаковые. Не исключена возможность, что бусы типа «домино» появляются здесь довольно рано. Этот тип бус имеет определенную связь с плоскими подвесками, известными из коллективных погребений Квасатальского могильника и Коретского кургана, там они также были украшены кружками с точкой посредине [30].

Во всех курганах были найдены обсидиановые стрелы, почти всегда с глубокой выемкой у основания. Наконечники стрел этого типа часто встречаются в триалетских курганах, и вообще они хорошо известны как в Грузии, так и в Закавказье. Было найдено также несколько обсидиановых наконечников стрел иной формы, с ровным основанием, более грубой работы (рис. 2, *9, 12*). Наконечники стрел этого типа встречаются сравнительно редко. В кург. № 1 была обнаружена одна стрелка из дымчатого обсидиана с выемчатым основанием, в центре обеих сторон она имеет довольно широкий желобок, посредине которого было проделано отверстие. Возможно, что эта стрелка служила подвеской, амулетом.

На некоторых камнях стен дромоса и «погребального зала» больших зуртакетских курганов (№ 3, 4) были нанесены знаки. Никакой закономерности в расположении этих камней не наблюдалось. Они встречались на разном уровне и на расстоянии друг от друга. В кург. № 3 первый камень со знаком был вставлен у самого начала дромоса. Камни со знаками в этом кургане находились во всех стенах зала. Наибольшее количество знаков было в южной стене. Всего в этом кургане было найдено более 60 таких камней (рис. 17). В кург. № 4 их число достигало 120. Наибольшее количество знаков здесь наблюдалось в северной стене. Знаки имеют разную форму и размеры. Встречаются треугольники, квадраты, пересеченные линии, ромбы, елочки и др. (рис. 18, *1, 2, 3*; рис. 19). Лишь в одном случае, в кург. № 3, обнаружено схематическое изображение быка (рис. 20).

Сказать что-либо определенное о значении этих знаков пока очень трудно. Не исключено, что эти знаки были связаны с каким-то магическим или ритуальным обрядом.

Зуртакетские курганы относятся к «цветущей поре» триалетской культуры. Б. А. Куфтин в свое время отнес культуру эпохи средней бронзы

---

[27] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, рис. 50, 87.

[28] R. Braidwood, L. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch. Chicago, 1960, рис. 100, 134, 167, 252.

[29] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 57.

[30] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 182, рис. 37.

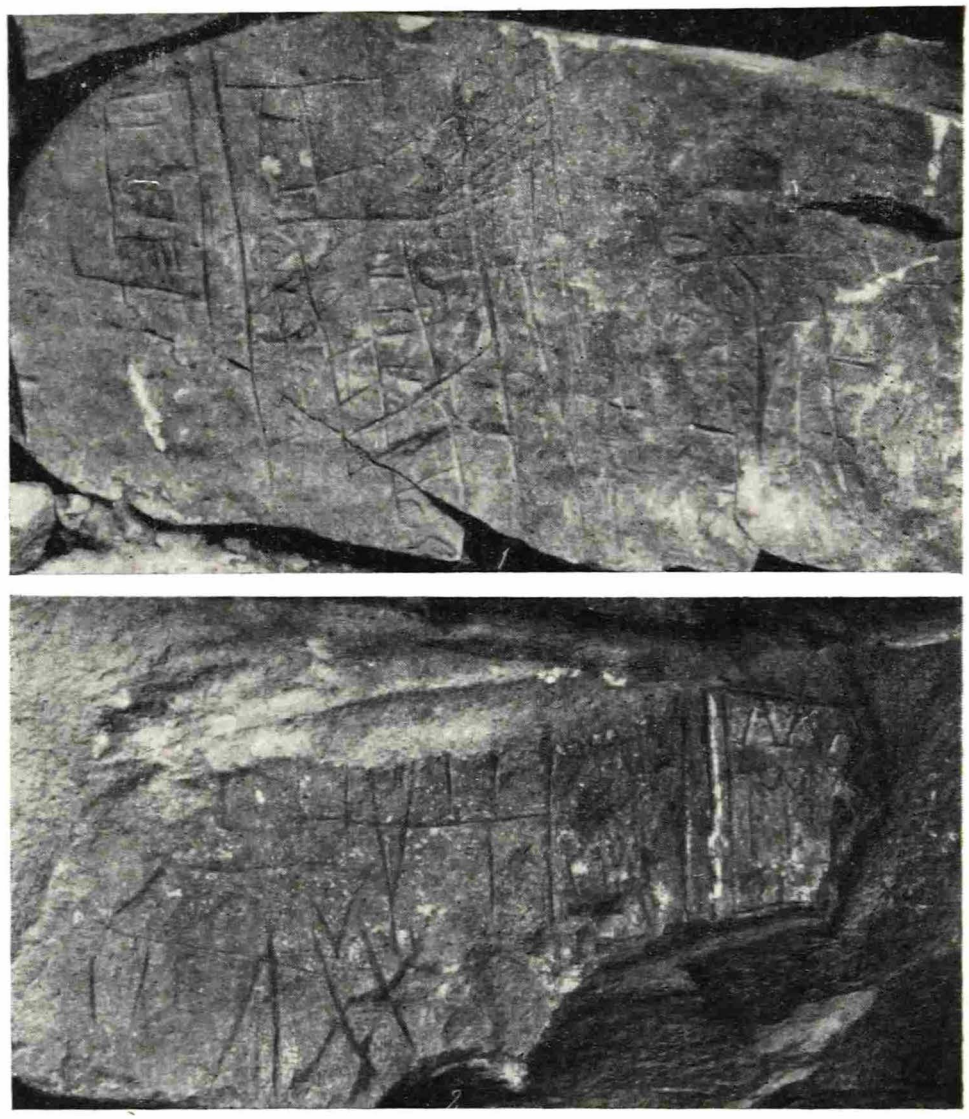


Рис. 19. Камни со знаками из кургана № 3

Рис. 20. Изображение быка из кургана № 3

Триалети к середине II тысячелетия до н. э. Он тогда же обратил внимание на вопрос хронологии триалетских курганов этого периода. Не имея более или менее веских данных, Б. А. Куфтин все же высказал предположение, что ямные курганы были несколько древнее, чем безъямные, хотя хронологическая разница не должна была быть значительной[31]. В дальнейшем эту же мысль он повторил при изучении двинской «Нацар-Гора». В основном Б. А. Куфтин был прав, хотя этот вопрос нуждается в уточнении. Правда, ямные курганы в Триалети появляются довольно рано, но в дальнейшем они здесь продолжают бытовать наряду с безъямными, и с курганами с «погребальными залами». Эти курганы, по-видимому, появляются здесь в несколько более поздний период эпохи средней бронзы. В одной из наших работ мы высказали предположение, что раннюю группу курганов эпохи средней бронзы можно отнести к началу II тысячелетия до н. э.[32] Курганы с «погребальными залами», по-видимому, относятся к концу этой эпохи. В этих курганах, как было указано, встречаются также предметы, которые характерны уже для последующего периода. Поэтому считаем, что было бы правильно отнести их к концу первой половины II тысячелетия до н. э.

Здесь же надо указать, что за последнее время вопроса периодизации триалетских курганов коснулся английский археолог К. Берней. Он не соглашается с существующей хронологией триалетских курганов и пытается дать новую периодизацию. При датировке он основывается на керамическом материале, почти не принимая во внимание другие материалы.

По мнению К. Бернея, среди курганов Триалети самым древним является курган № 8, в котором был обнаружен известный золотой кулон. Этот курган он относит к 2100 г. до н. э. За ним следует курган № 11, а затем идет та группа курганов, которую Б. А. Куфтин отнес к ранней ступени бронзовой культуры. Эти курганы К. Берней датирует 2050—1950 гг. до н. э. Не позднее 1900 г. до н. э. должны быть курганы № 5, 18. Самым поздним он считает курган № 29 с колесницей, который относится, по его мнению, к XVIII в. до н. э.[33]

Трудно согласиться с этой хронологической последовательностью триалетских курганов. Именно на основании керамического материала Б. А. Куфтин в свое время выделил раннюю группу курганов Триалети. Эта керамика имела много общего с керамикой предшествующего периода. Курган № 8 относится к «цветущей поре» среднебронзовой культуры Триалети, и никак нельзя считать его самым ранним среди триалетских курганов. Неправильно также относить курган с колесницей к самой поздней группе. Материал из этих курганов имеет еще много общего с курганами ранней группы, и поэтому мы отнесли их к ранней ступени эпохи средней бронзы[34]. Самыми поздними, по-видимому, являлись курганы с «погребальными залами».

Дальнейшее исследование курганов Триалети внесет еще большую ясность в решение вопроса периодизации среднебронзовой культуры Грузии.

---

[31] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 97.

[32] О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, стр. 34.

[33] C. A. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronse Age. AS, VIII, 1958, стр. 175.

[34] О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, стр. 35.

А. И. МАРТЫНОВ

НОВЫЙ РАЙОН КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С карасукской культурой в настоящее время связано много принципиальных вопросов, касающихся как самого содержания термина, так и территории, занятой памятниками этой культуры.

Вслед за открытыми С. А. Теплоуховым на среднем Енисее памятниками карасукской культуры они были обнаружены на Алтае, по Оби и в Восточном Казахстане. Эти памятники, как известно, дали несколько иные, чем в Минусинской котловине, обряды погребений, формы горшков и изделий из бронзы. Территориальные различия в культуре, впервые подмеченные еще С. А. Теплоуховым [1], стали очевидны. На них указывают С. В. Киселев [2], В. П. Левашова [3], М. П. Грязнов [4] и др.

В литературе появилось мнение, что термин «карасукская культура» применим только к памятникам Минусинской котловины, а «памятники районов лесостепной зоны Западной Сибири от Томска до Омска имеют очень мало сходства с карасукской культурой» [5]. Н. Л. Членова отрицает карасукский характер памятников Западной Сибири и выводит новую культуру, связанную с лесным типом хозяйства, но унаследовавшую и андроновские традиции.

В 1952 г. М. П. Грязнов впервые выделил локальные варианты карасукской культуры в Центральном Казахстане, на Оби и на Томи [6]. В дальнейшем он уточняет и выделяет десять районов: 1) Минусинский, в пределах степной части Минусинской котловины; 2) Томский, в низовьях р. Томи, «а может быть, и по всему ее течению»; 3) Новосибирский, по долине р. Оби, на участке примерно между Новосибирском и Барнаулом; 4) Верхнеобский, в верхней части долины р. Оби и в низовьях рек Бии и Катуни; 5) Восточно-Казахстанский; 6) Центрально-Казахстанский. Далее на запад он находит еще четыре района карасукской культуры [7].

Существование отдельных локальных вариантов карасукской культуры неоспоримо. Но наряду с этим все более неоспоримым становится факт существования в Западной Сибири в андроновско-карасукское время другой культуры явно лесного типа.

---

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, 3, вып. 2, Л., 1927, стр. 91—108.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 224 и сл.

[3] В. П. Левашова. Бронзовый и железный век на юге Красноярского края. «Енисей», 3, Красноярск, 1946, стр. 156—168.

[4] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, 48, 1956.

[5] Н. Л. Членова. О культуре бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири, СА, XXIII, 1955, стр. 38—57.

[6] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 150—161.

[7] М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, 64, 1956, стр. 32; его же. История древних племен..., стр. 40.

Сейчас трудно утверждать что-либо определенное, так как для решения этого вопроса слишком мало материала. Но там, где его достаточно, например на Томи, эти различия очевидны [8].

Изучение этой культуры — дело будущего, но, видимо, надо учесть, что памятники ее связаны с лесной зоной, хотя сейчас они могут быть обнаружены в лесостепной и даже в степной полосе.

Карасукская же культура сложилась и всегда была связана со степными и лесостепными физико-географическими условиями.

В настоящей статье мы на основании новых материалов выделяем новый район карасукской культуры, расположенный по р. Ине.

Иня с ее многочисленными притоками охватывает лесостепную и степную часть Западного Кузбасса и предгорья Салаира. Эта территория составляет часть Обь-Енисейского лесостепного пространства, очень плохо изученного археологически. Между тем, именно эта территория, включающая лесостепь восточных районов Новосибирской области, Северного Кузбасса и западных районов Красноярского края, приобретает исключительное значение в определении ареалов распространения культур эпохи бронзы и раннего железа минусинского и приобского очагов культуры. Поэтому выявление нового района карасукской культуры, занимающего территориально промежуточное положение между Приобьем и Минусинской котловиной, весьма существенно.

Древнейшие из известных в настоящее время на Ине памятники относятся к эпохе неолита [9], а позднейшие — к IX—XI вв. [10]

В 1927 г. С. А. Кузнецова проводила разведки на Ине и раскопала четыре кургана у с. Сапогово и Новокомиссарово [11]. Под этими курганными насыпями находились парные захоронения воинов с конями, перекрытые настилом из плах и березовой коры. В погребениях обоих могильников обнаружены материалы VIII—IX вв., аналогичные сросткинским на р. Оби.

В 1958—1959 гг. экспедицией Кемеровского педагогического института под руководством автора было обследовано все течение р. Ини и ее притоков: Косьмы, Тарсьмы, Малого и Большого Корчуганов, Комыслы [12]. Экспедиция открыла ранее неизвестные курганные группы около сел Титово, Пьяново, Окунево, Тарасово и др.— всего 26 курганных групп.

За последние годы были исследованы курганные могильники карасукского времени около сел Ивано-Родионово, Пьяново и Тарасово.

В кург. № 3 Ивано-Родионовского могильника были обнаружены плиты серого сланца, составлявшие «каменный ящик», в котором находились остатки погребения. Погребенный лежал скорченно, головой на ЮЗ, около его головы стояли четыре сосуда (рис. 1, *1, 3, 10, 11*). На пальцах правой руки было надето бронзовое проволочное кольцо и два кольца плоских. Одно кольцо лежало около груди погребенного (рис. 2, *11, 13, 15*).

Самым значительным памятником карасукской культуры Ини является могильник у с. Пьяново, где нами в 1960 г. было раскопано девять курганов [13].

---

[8] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, 4, стр. 154—166.

[9] М. Г. Елькин. Дегтяревская неолитическая стоянка. Тр. научн. конференции Новокузнецкого пединститута, 1, Кемерово, 1956, стр. 149—157.

[10] Раскопки М. Г. Елькина у сел. Урь-Бедари. Отчеты М. Г. Елькина за 1957—1959 гг. Архив ИА АН СССР.

[11] S. A. Kuznecova. Altertümer aus dem Tal der mittleren Inja. ESA, V, Helsinki, 1930.

[12] В работах экспедиции принимали участие студенты Кемеровского пединститута Р. Никитина, Л. Логинова, Л. Паршина, Н. Непопалова, Г. Сафронюк.

[13] В раскопках Пьяновского могильника принимали участие студенты Кемеровского пединститута С. Дегтярева и В. Орлова, учащиеся Березовской средней школы и учащиеся Мысковской средней школы вместе с преподавателем истории В. И. Кац.

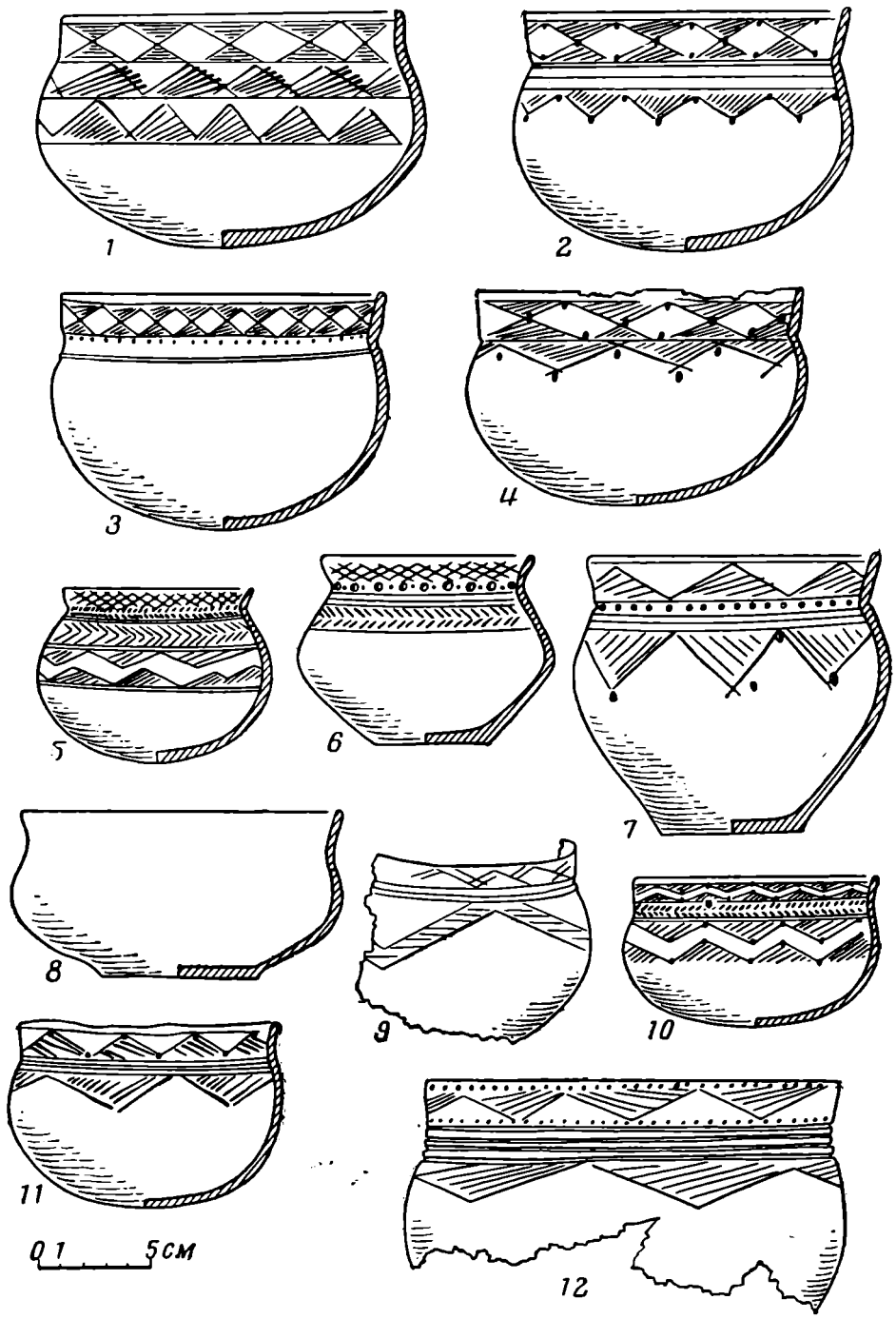


Рис. 1. Образцы сосудов из погребений.

1, *3*, *10*,*11* — Ивано-Родионово, кург. № 3; *4* — Пьяново, кург. № 7, погр. № 4; *2*—Пьяново, кург. № 5, погр. № 2; *5*— Пьяново, кург. № 9; *6*— Пьяново, кург. № 7, погр. № 5; *7* — Пьяново, кург. № 9, погр. № 4; *8*— Пьяново, кург. № 2, погр. № 2; *9* — Ивано-Родионово, кург. № 1, погр. № 1; *12*— Пьяново, кург. № 6, погр. № 1

Погребения довольно своеобразны, отличаются от обских и минусинских, поэтому мы приводим полностью описание результатов раскопок нескольких курганов.

Курган № 1 (рис. 3, *1*). Овальный, вытянутый по линии ЗВ, диаметр 10 *м*, высота 50 *см*. Поверхность неровная, в рытвинах на северной и юго-западной частях насыпи. Под насыпью, на уровне погребенной почвы находились остатки семи плохо сохранившихся погребений.

Могила № 1. В юго-восточном секторе под насыпью — пятно мягкого чернозема 150×115 *см*, вытянутое по линии ЮЗ — СВ. Пятно углублялось в материк на 15 *см*. В перегное обнаружены обломки плечевых и бедренных костей человека, два ребра и фаланги пальцев рук. Положение

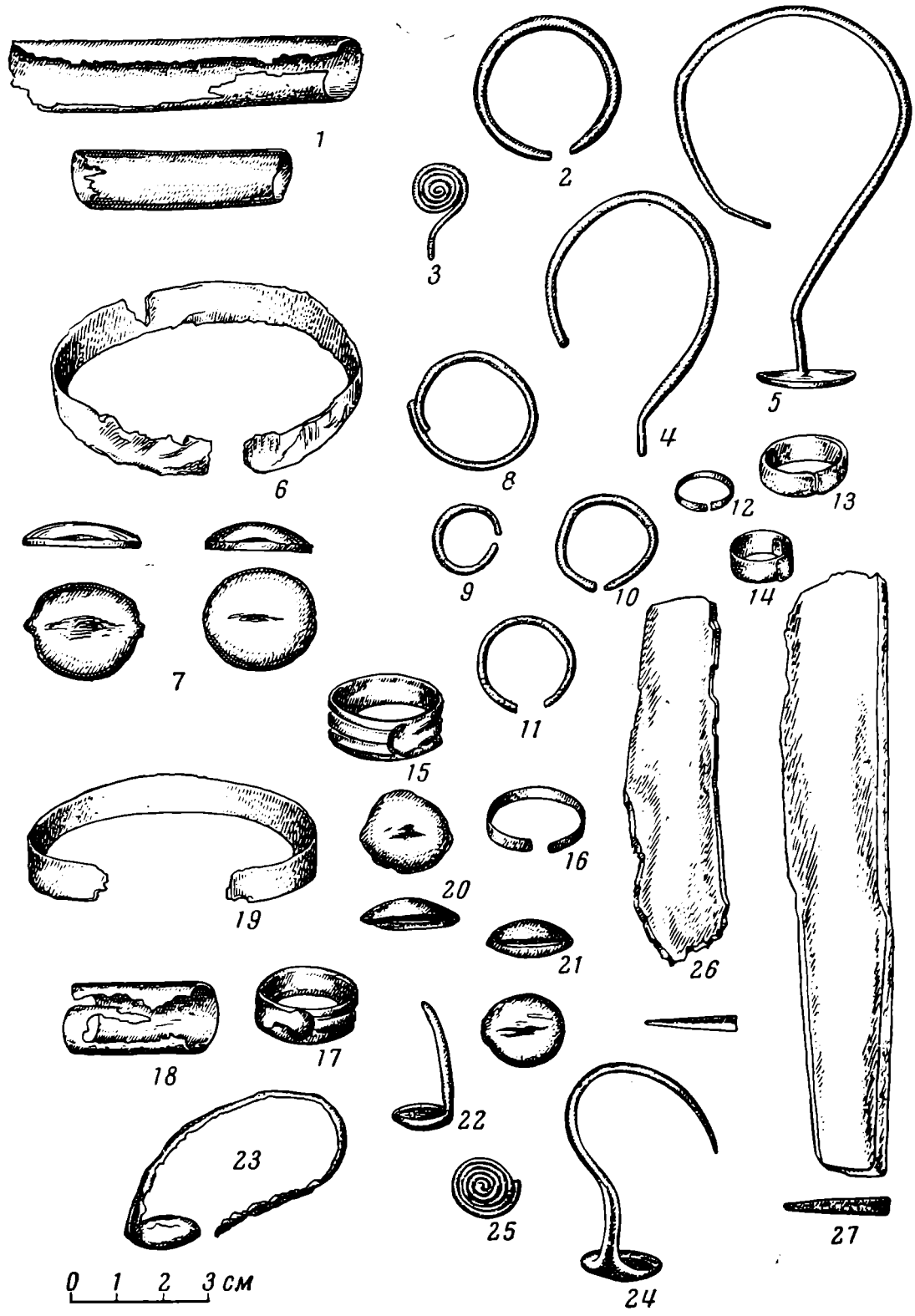


Рис. 2. Инвентарь погребений.

6, 14, 19 — Ивано-Родионово, кург. № 1, погр. № 2; *3, 8, 9, 10, 12*— Ивано-Родионово, кург. № 1, погр. № 1; *4, 11, 13, 15* — Ивано-Родионово, кург. № 3; *5, 18* — Пьяново, кург. № 5, погр. № 2; *16*— Пьяново, кург. № 5, погр. № 1; *17, 22*— Пьяново, кург. № 4, погр. № 4; *20, 21*— Пьяново, кург. № 3, погр. № 3; *23, 25*, — Пьяново, кург. № 6, погр. № 1; *24, 26*— Пьяново, кург. № 7, погр. № 2; *27*— Пьяново кург. № 7, погр. № 1

костяка определить не удалось. Здесь же находились два ребра быка (или коровы).

Могила № 2. В южной половине кургана обнаружены две сгнившие деревянные плахи, лежавшие параллельно на расстоянии 95 *см*. Между ними — мелкие обломки гнилого и горелого дерева, коленный сустав, бедренная кость и мелкие раздробленные кости черепа человека, ребра и позвонки барана.

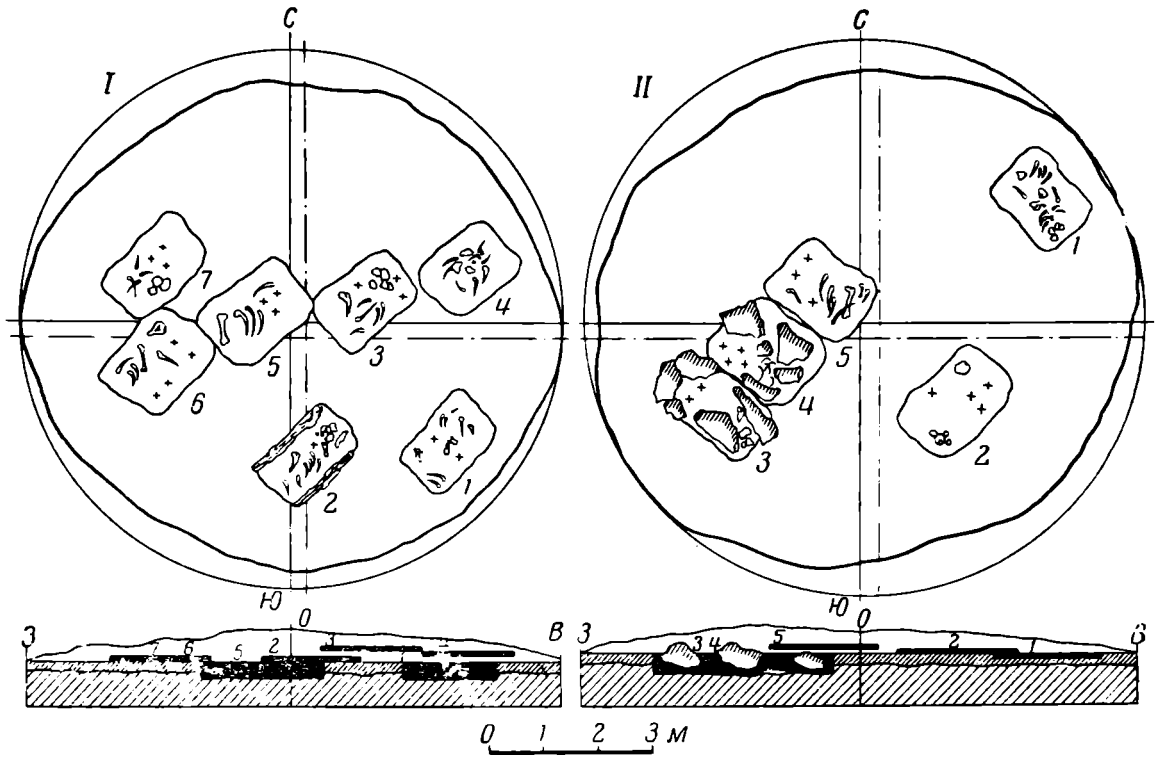


Рис. 3. Планы и разрезы курганов Пьяновского могильника на р. Ине
I— кург. № 1; *II*— кург. № 2

Ниже уровня разрушенного погребения залегал слой перегнившей почвы (15—20 *см*).

Могила № 3. В восточной половине кургана на площади 120×180 *см* найдены кости человека: ребра, обломки черепа и плечевая кость. Направление скелета не установлено. Рядом с костями черепа лежали два обломка горшка.

Могила № 4. В северо-восточном секторе, к СВ от погр. № 3, обнаружены кости человека: обломки нескольких ребер, обломки бедренной и тазовой костей. Среди них — астрагал барана. Площадь погребения определена предположительно по расположению костей.

Могила № 5. В западной половине кургана, около центра, на площади 135×180 *см* обнаружены: бедренная кость и три ребра коровы. Здесь же находились очень мелкие обломки других костей (человека?) и три обломка сосуда.

Могила № 6. В юго-западном секторе, к ЮЗ от мог. № 5 кости человека: правая лопатка, плечевая кость, обломок большой берцовой и четыре ребра. Среди костей найдены четыре черепка от орнаментированного горшка.

Могила № 7. В северо-западном секторе, к северу от мог. № 6 находились кости человека: четыре ребра, кости черепа и два орнаментированных черепка.

Курган № 2 (рис. 3, *II*). Овальный, вытянут по линии ЮЗ — СВ, диаметр 10 *м*, высота 40 *см*; поверхность неровная: в северной стороне — рытвины, а в северо-восточной части поверхность сильно сглажена.

Под курганом вскрыты остатки пяти сильно разрушенных погребений, из них 3, 4, 5-е расположены в ряд с ЮЗ на СВ, примыкая друг к другу. Первое и второе, в восточной половине кургана, обособленно.

Могила № 1. В северо-восточном секторе, около края кургана, на площади 150×120 *см* обнаружены кости барана: ребра, передние лопатки и остатки таза человека. По расположению костей можно предполагать, что погребенный был положен головой на ЮВ.

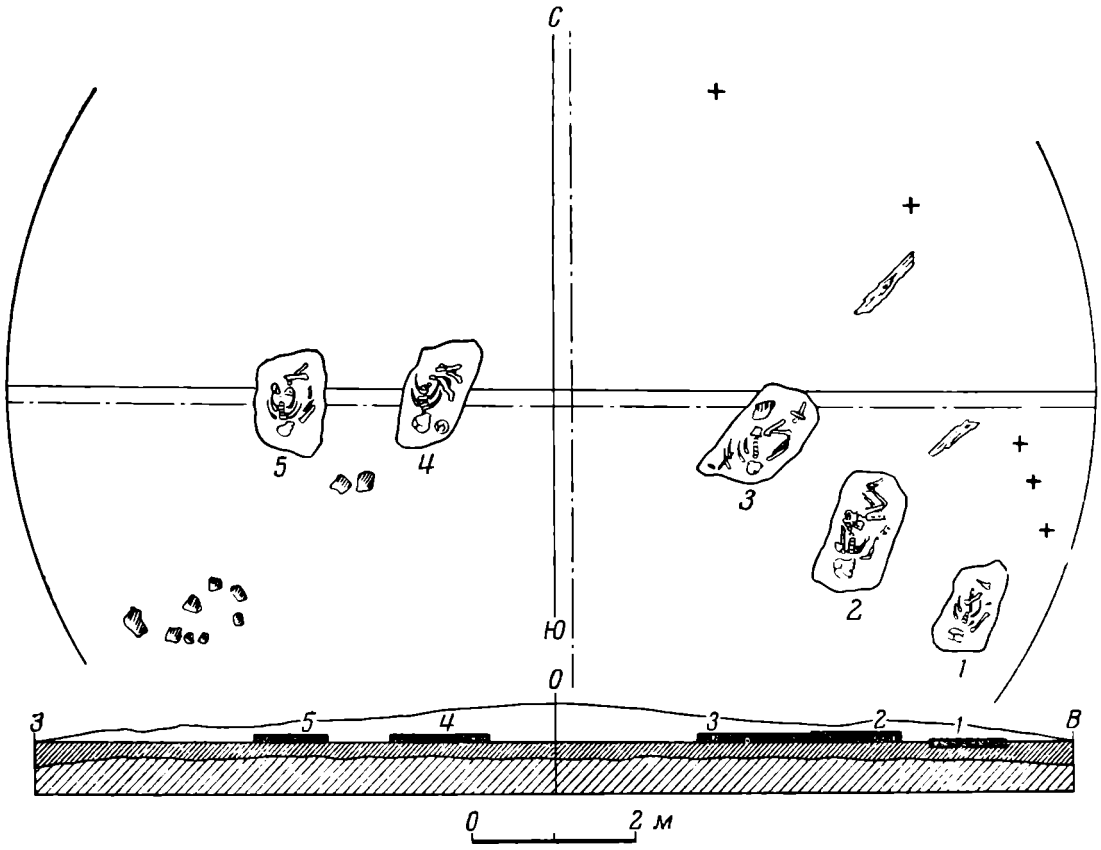


Рис. 4. План кург. № 7.

Могила № 2. В юго-восточном секторе на площади 120 × 180 *см* обнаружен неорнаментированный сосуд с плоским дном, вроде миски (рис. 1, *8*) и один орнаментированный черепок. В южном углу площади — кости черепа человека. Погребенный лежал головой на ЮЗ (или на ЮВ?), сосуды стояли в ногах.

Могила № 3. В юго-западном секторе на площади 120×180 *см* находились довольно крупные обломки плит серого сланцевого песчаника, составлявшие «ящик». Между обрушившимися плитами обнаружены два орнаментированных черепка от сосуда. В юго-восточном углу — лопатка и кости черепа человека. Погребенный лежал головой на ЮВ в ящике из плит песчаникового сланца.

Могила № 4. В юго-западном секторе, рядом с погр. № 3 — скопление крупных обломков песчаникового сланца на площади 160×180 *см*. Между камнями, в западном углу лежали четыре орнаментированных черепка и четыре ребра барана.

Могила № 5. В центре кургана, на площади 140×180 *см* — три орнаментированных черепка, ребра коровы, обломки ребер и большая берцовая кость человека. Направление костяка не определено.

Курган № 7 (рис. 4). Диаметр 13 *м*, высота 50 *см*. Насыпь вытянута с запада на восток. На уровне погребенной почвы обнаружено пять могил в ряд, на некотором расстоянии одна от другой. Все погребения хорошей сохранности.

Могила № 1. В юго-восточном секторе около края кургана лежали обломки лобной и затылочной костей черепа человека, обломок нижней челюсти, сильно разрушенные плечевые кости и одна бедренная. Среди костей найден литой медный нож (рис. 2, *27*). Погребенный был положен головой на ЮЗ.

Могила № 2. В юго-восточном секторе, к СЗ от мог. № 1, лежал костяк скорченно на правом боку, головой на ЮЗ. Перед лицевой частью

черепа — литой медный нож (рис. 2, *26*), около затылочной — медная гвоздевидная подвеска (рис. 2, *24*).

Могила № 3. К северо-западу от мог. № 2 обнаружен скелет в скорченном положении на правом боку, головой на юг. Рядом находились мелкие обломки плит песчаника и два обломка лопатки коровы.

Могила № 4. В западной половине кургана, под бровкой, на линии З — В лежал костяк скорченно на правом боку, головой на юг. Около лицевой части черепа — орнаментированный сосуд (рис. 1, *4*), рядом — обломок кости ноги коровы.

Могила № 5. К западу от погр. № 4 лежал костяк скорченно на правом боку, головой на юг. Возле лица стоял орнаментированный сосуд (рис. 1, *6*), в нем обнаружены фаланги пальцев руки, которая, видимо, лежала на краю горшка. Рядом — три позвонка лошади.

Все пять могил кург. № 7, так же как и остальных курганов, были устроены на поверхности древней почвы и определяются по остаткам камней и дерева от погребальных сооружений и по положению костей.

Сооружение могил на поверхности почвы, видимо, является характерной особенностью этого района распространения карасукской культуры (32 случая из 41). И только девять могил были устроены в незначительном углублении почвы, но не в грунте. Здесь мы наблюдаем отсутствие единого типа погребальных сооружений, в отличие от других территорий, где зафиксированы довольно устойчивые и однообразные типы погребений (Обь — грунтовая могила, Хакасия — каменный ящик). Но ориентировка погребенных устойчивая, в большинстве своем — головой на ЮЗ. Погребения, как правило, вплотную примыкают одно к другому и составляют один, два или три ряда, вытянутых по линии СЗ—ЮВ.

Описываемые нами курганы очень маленьких размеров, имеют форму эллипса, вытянутого по линии СЗ—ЮВ. Очертания кургана, его вытянутая форма соответствуют направлению рядов могил.

Отмеченные особенности позволяют по-иному подойти к рассмотрению карасукских курганов и отказаться от традиционного объяснения карасукских могил, как грабленых.

Действительно, большинство карасукских могил (не только на Ине) очень сильно разрушено; но, видимо, в большинстве своем это не следы ограбления, а результаты интенсивного естественного разрушения могил, сооруженных на поверхности почвы.

Как выглядели эти сооружения, нетрудно восстановить. Отдельные погребения, даже самые разрушенные, хорошо определяются по их направлению, по остаткам крупных камней и участкам более черной земли в виде кольца или квадрата вокруг погребения.

Для выявления могил при раскопках необходимо снимать полностью всю насыпь кургана, ничего не убирая в ходе раскопок. Тогда хорошо видны остатки отдельных погребальных домиков, примыкавших один к другому. Эти сооружения делались, видимо, не одновременно, а с течением времени пристраивались одно к другому. Так получался ряд, а то и несколько рядов сооружений, принадлежавших одному родовому коллективу. Погребальные домики делались из плит дымчатого песчаникового сланца, специально доставляемого из Салаира, а также из дерева, а некоторые домики складывались, видимо, из дерна.

На месте большинства погребений находится масса очень мелких обломков песчаника, песка и гнилое дерево. Вполне вероятно, что это остатки совершенно разрушившихся тонких сланцевых плит, которыми покрывались погребальные домики сверху.

В свете этих данных совершенно по-иному представляется нам первоначальный вид кургана. Это, видимо, был ряд примыкавших друг к другу «ящиков»-домиков, сооруженных над покойниками. В силу этих особенностей погребенные были подвергнуты гораздо большему естественному разрушению, чем в грунтовых могилах. Разрушенные временем домики

превращались в очень низкий, почти плоский холмик. Вполне возможно, что вокруг таких сооружений устраивалась ограда, земляной вал или стена из дерна и земли. Необходимость изучения первоначального облика курганов впервые была выдвинута М. П. Грязновым [14].

Своеобразие карасукских памятников Ини позволяет говорить о существовании особого варианта культуры. Она характеризуется только что отмеченными тремя типами погребений: в отличие от Приобья, где известен один устойчивый тип погребений — грунтовая могила, и от Среднего Енисея, где наиболее характерными являются погребения в каменных «ящиках».

Посуда из погребений на Ине, известная только по могильникам, представлена сосудами малых размеров вместимостью до 1 *л*. Из 13 сосудов нашей коллекции 10 имеют выпуклое дно и только три сосуда с плоским дном. В то же время на Оби большинство сосудов Ирмени I, Ближних Елбан, Долгой Гривы, Фоминского — плоскодонны.

Орнамент на сосудах, хотя и в меньшей степени, но имеет особенности по сравнению с другими районами (рис. 5).

1. Ромбы с горизонтальной и косой штриховкой характерны для всех территорий в карасукское время, кроме Томи. Их нет в могилах Басандайки и на Маяковом городище.

2. Параллельные ломаные линии, образующие заштрихованные треугольники, характерны для андроновского времени и известны на Оби только в одном случае (Енисейское).

3. Насечки в виде косой сетки характерны для верховий Оби, Томи (Басандайка), но их совсем нет в новосибирском варианте культуры.

4. Мелкая елочка, нанесенная в одном направлении, встречается на Оби под Новосибирском и на Томи (Маяково городище).

5. Заштрихованные треугольники с обозначенными углами являются очень ранним орнаментом, связанным с андроновским; они характерны для новосибирских памятников, верховий Чулыма (Б. Пичугино) и Хакасии.

6. Кольцевые прочерченные по шейке сосуда борозды встречаются везде в Обь-Чулымском междуречье.

7. Гирлянды из ломаных линий характерны только для Ини, в измененном виде встречаются в новосибирских памятниках.

8. Жемчужник характерен для памятников Оби.

В нашем распоряжении имеется восемь бомбовидных сосудов из Пьяновского могильника, они встречаются также в Басандайке, преобладают в минусинских материалах.

Сосуды не объемисты, в среднем от 500 до 1000 *см*^{3}, их высота обычно составляет $^2/_3$ ширины, а иногда и меньше, очень редко бывает равна ширине. Горловина широкая, чуть меньше наибольшего диаметра сосуда. Такое соотношение высоты и ширины уже обеспечивает наибольшую устойчивость сосуда. К тому же сферическая форма дна обеспечивает сосуду с любым наполнением большую устойчивость на ровной горизонтальной и на ровной наклонной поверхности. Такие горшки прекрасно стоят на мягкой поверхности (шкура, сено, ткань, шерсть, войлок и прочее), чего нельзя сказать о плоскодонных горшках и горшках с яйцевидной формой дна. Подобная форма посуды могла зародиться у скотоводческого полукочевого и кочевого населения. Она наиболее полно удовлетворяла требованиям полукочевого быта, когда горшок с пищей в кибитке на колесах или в легкой летней постройке надо было ставить на неровную поверхность.

Можно отметить и другое: такой сосуд удобно держать в руке, из него можно пить, в нем можно варить пищу. Такие сосуды были универсальны. Этим объясняется их широкое распространение в карасукское время.

[14] М. П. Грязнов. Курган, как архитектурный памятник. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1960 г. М., 1961, стр. 22—25.

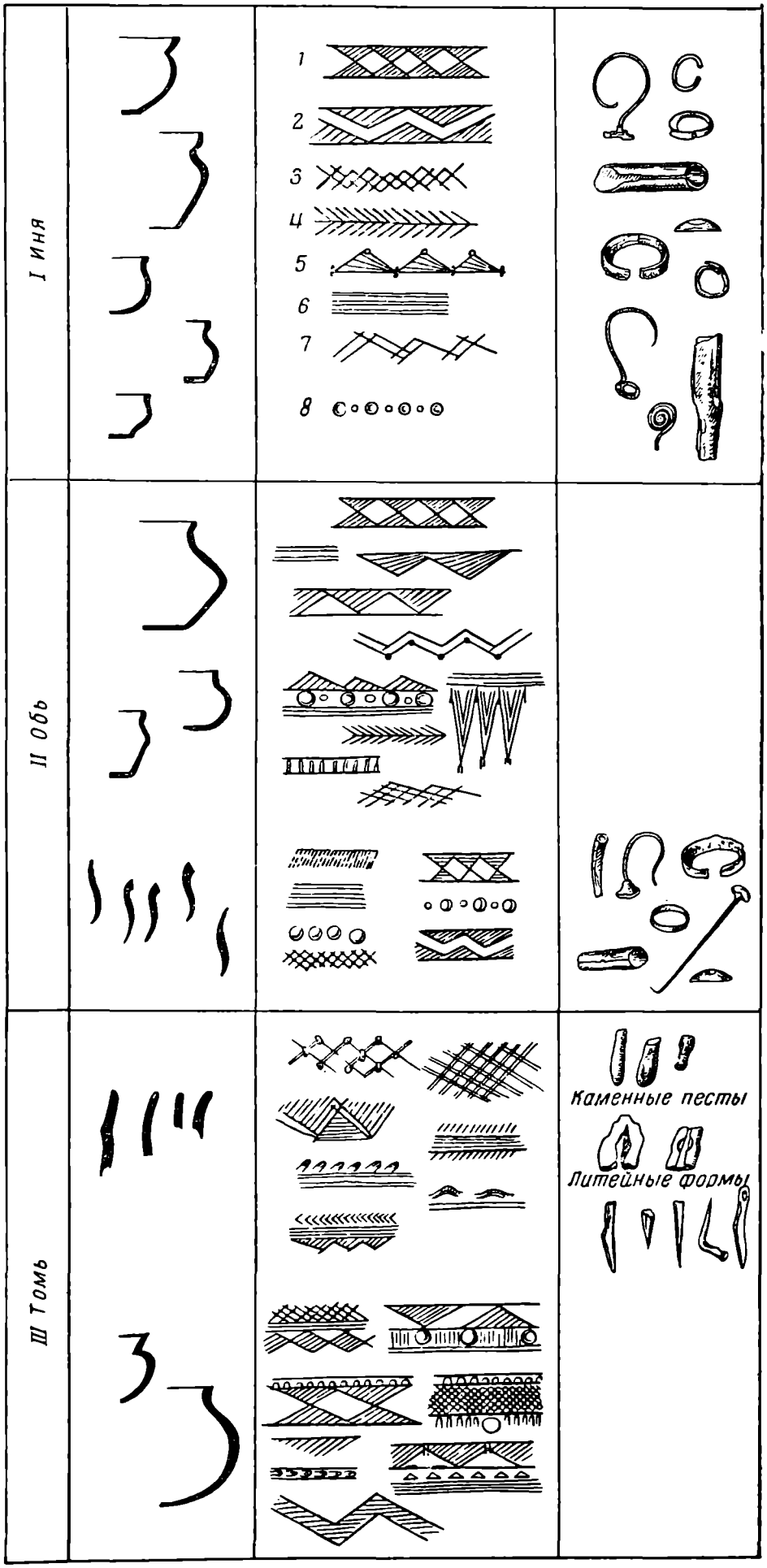


Рис. 5. Сравнительная таблица материалов Карасукской эпохи Обь-Чулымского междуречья

Памятники: *I* — Пьяново, Ивано-Родионово, Тарасово; *II* — Ирмень I, Ближние Елбаны IV, Долгая Грива, Фоминское; *III* — Кузнецк, Маяково городище, Шеломок, Бесандайке, Томский могильник, Мусульманское кладбище

В бронзовом инвентаре могильников Ини мы не наблюдали почти никаких различий с Приобьем. Бронзовые пронизки, ушные гвоздевидные украшения, кольца и крупные прямые ножи тождественны материалам стоянок и могильников на р. Оби и не имеют ничего общего ни с томскими, ни с минусинскими материалами (рис. 5).

Комплекс вещей был обнаружен в погребении молодой женщины в кург. № 1 Ивано-Родионовского могильника: на берцовых костях находились массивные бронзовые литые браслеты (рис. 2, *6*, *19*) и кольцо на мизинце левой руки (рис. 2, *14*).

Чаще всего встречаются бронзовые кольца. Они двух типов: проволочные с незапаянными концами и шинкой, сделанные из полоски металла (рис. 2, *13—15*). Проволочные кольца более древние. Более позднего происхождения кольца, сделанные по образцу проволочных (рис. 2, *15*).

В бронзовых втульчатых украшениях, полусферических бляшках, височных гвоздевидных украшениях трудно уловить какие-либо различия с подобными предметами с Оби (Ближние Елбаны IV) [15].

Орудия труда в нашей коллекции представлены только двумя ножами (рис. 2, *26*, *27*). Они значительно отличаются от прямого ножа из Ближних Елбан IV [16]. Еще больше они отличаются от карасукских коленчатых ножей Минусинской котловины. Ножи с Ини абсолютно прямые, с ярко обособленной ручкой и лезвием. Один нож целый, от другого — обломок лезвия. Подобные ножи могли применяться не только для резания, но и для рубки; будучи достаточно массивными, они, видимо, применялись как косари.

Большое сходство бронзовых предметов Ини с предметами Приобья можно объяснить тем, что ряд племен и племенных объединений как на Оби, так и на Ине пользовались бронзой из одного центра (Салаир, Алтай). Бронзолитейное производство было той отраслью, где больше всего проявлялось единство приемов изготовления бронзы, отливки изделий.

Технология литья бронзы была довольно низкой. На предметах заметны неровности, большие раковины, наплывы. Металл заливался в формы плохо расплавленным, поэтому он не заполнял плотно и равномерно все полости литейной формы. Многие предметы, в том числе и ножи, отливались в односторонних простейших формах.

Наши материалы не позволяют высказать что-либо принципиально новое в добавление к общепринятому рассмотрению карасукской культуры, как культуры, связанной с яйлажным скотоводством. Нет оснований также утверждать преобладание в стаде одного вида животных. Кости быка или коровы в погребениях представлены почти в таком же количестве, что и кости барана (15 : 12). Какой-либо закономерности положения того или иного вида животного с определенными погребениями не наблюдается.

Датировка Пьяновского могильника не вызывает затруднений. Мы придерживаемся схемы периодизации, разработанной М. П. Грязновым [17].

Все сосуды Пьяновского могильника гладкостенные, такая посуда определена М. П. Грязновым как ранняя и генетически связана с андроновской. Орнамент тоже ранних типов, за исключением выпуклых жемчужин, встреченных всего лишь на одном сосуде (рис. 1, *6*).

Анализ материала позволяет нам выделить на Ине территорию нового варианта карасукской культуры, который можно назвать инским.

Абсолютно точно эту территорию определить пока невозможно, да и вряд ли ее точно можно определить при известной подвижности населения; в общих чертах она прослеживается по расположению памятников. Наиболее интенсивно памятники сосредоточены в лесостепной и степной части р. Ини и притоков: Косьмы, Покосьмы, Камыслы, Истока, Ура и др.

---

[15] М. П. Грязнов. История древних племен..., табл. V.
[16] Там же.
[17] М. П. Грязнов. История древних племен..., стр. 31—41.

Карасукская культура Ини, видимо, принадлежала одному племенному объединению или большому племени, связанному с определенным естественно-географическим районом, который должен был отвечать потребностям яйлажного скотоводства. На запад он, видимо, простирался до современного Тогучина. Далее на запад по Ине простирается заболоченная зона и леса, где археологические памятники почти отсутствуют до самой Оби. На севере район ограничен водной системой р. Ини, ее северных притоков, которые тоже бедны памятниками. На юге, юго-востоке район включал бассейн р. Ини и Салаир, на что указывает находка около с. Бачаты [18] бронзового карасукского височного кольца. Таким образом, на западе инская группа была обособлена от новосибирской лесным массивом, а на востоке примыкала к другому району карасукской культуры по р. Томи, своеобразие которого хорошо прослеживается по памятникам Томи (Маяково городище, Басандайка, Мусульманское кладбище). Описанный нами район вполне обеспечивал нормальную экономическую жизнь одного племенного объединения, которое поочередно использовало для своих стад то равнинные речные поймы среднего течения р. Ини, то предгорья и горы Салаира.

Исходя из неоспоримости факта существования отдельных вариантов карасукской культуры, надо признать и другое: нельзя по-единому решать вопрос происхождения культуры для всех ее вариантов или даже ряда более или менее схожих вариантов. Вопрос о происхождении культуры сложен тем, что наряду с фактами общими, оказавшими влияние в целом на всю эпоху, необходимо уловить явления, характерные для каждого варианта (новосибирский, инский, томский, верхнеобский и т. д.), влиявшие на формирование особенностей конкретного района или варианта культуры.

В данном случае мы будем рассматривать вопрос происхождения на материалах инского варианта культуры, сравнивая с другими вариантами.

Пьяновский могильник дал четыре карасукских черепа следующей антропологической характеристики [19]:

Кург. № 7; мог. № 2; ♂ лет 25—30; европеоидный мезокран
Кург. № 2; мог. № 2; ♂ лет 30—35; средневысокий европеоидный низкий
Кург. № 2; мог. № 3, ♀ лет 25—30; европеоидный низкий
Кург. № 1; мог. № 2, ♀ возмужалый; европеоидный низкий

Все черепа европеоидны. Наиболее интересен череп из второго погребения кург. № 7. Череп очень массивен, с резко выраженным рельефом, средневысокий мезокран с широким, очень наклонным лбом. Лицо невысокое, но широкое, орбиты низкие, угловатые, носовые кости узкие, средневыступающие, нос высокий, узкий. Он может быть сравним с древними андроновскими черепами или их поздней модификацией — черепами южносибирского типа. Остальные черепа тоже европеоидны, но с более низким лицом, узким длинным носом и угловатыми глазницами. Монголоидного типа нет. Но есть два типа черепов европеоидной характеристики. Один из них, представленный черепом из второго погребения кург. № 7, относится к палеосибирскому типу.

Наличие двух типов черепов отвечает общей характеристике расового типа населения как смешанного, в котором основными компонентами является европеоидный тип. Монголоидный элемент появляется в Южной Сибири уже в сильно смешанном виде [20]. В наших материалах он почти неуловим. Это же отмечает В. П. Алексеев, указывающий, что наличие монголоидной примеси дальневосточного происхождения не прослежива-

[18] М. П. Грязнов. История древних племен..., стр. 41, рис. 15.
[19] Таблица составлена на основании письменного заключения Н. С. Розова. Архив Кемеровского краеведческого музея, д. 79.
[20] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 77—82.

ется сколько-нибудь отчетливо в эпоху бронзы [21]. Необходимо учесть, что к западу от Минусинской котловины по среднему и нижнему Чулыму, в бассейне р. Томи и Средней Оби наблюдается общее ослабление монголоидности с юго-востока на северо-запад, причем не только на палеоантропологическом материале, но и на современном [22].

Весьма важным обстоятельством в вопросе о происхождении культуры является отсутствие единого типа погребений. Как было уже отмечено, курганы карасукской культуры Ини содержали три типа погребальных сооружений.

Каменный «ящик» представлен на Ине в 11 случаях из 49. В Минусинской котловине он является господствующим [23].

Могила в почве без следов дополнительных сооружений имеется в 12 случаях. Грунтовая могила является обычным погребальным сооружением карасукской культуры Приобья [24].

На Ине очень распространены погребения на поверхности древней почвы. Они встречаются западнее, но их совершенно нет в Минусинской котловине. В пяти случаях на Ине обнаружены остатки деревянного сруба. Деревянный сруб не встречается в карасукское время, это тип сооружения андроновской эпохи. И хотя все отмеченные типы объединены в одном кургане, все же каждый из них несет в себе определенные влияния, подчеркивает необычайную сложность процесса формирования культуры. Различные сооружения не являются принадлежностью различных групп населения. Этого мы не можем заключить из анализа наших материалов. Следовательно, эти различия могут косвенно отражать только лишь процесс сложения культуры, ее происхождение.

В посуде мы намечаем существование двух типов сосудов: карасукского тонкостенного с сильно выпуклыми боками, у которого ширина почти вдвое больше высоты сосуда, и андроновского сероглиняного, правильной горшковидной формы, орнаментированного заштрихованными треугольниками (рис. 1, 7).

Из приведенных в таблице типов орнамента с р. Ини (рис. 5) 4-й тип («елочка»), 5-й (заштрихованные треугольники) и 6-й (кольцевые борозды) являются элементами, характерными для андроновской культуры. В несколько измененном виде на андроновских сосудах встречается и 2-й тип. Таким образом, новыми типами орнамента являются только четыре: ромбы (1), самый характерный и распространенный в карасукское время орнамент; косая штриховка в виде сетки (3); мелкие и крупные жемчужины (выпуклости) (8) и тонкая насечка ломаной линией (7). Намеченные две группы орнаментов могут отражать процесс сложения карасукской культуры в бассейне р. Ини.

Несомненно, что основой для карасукской культуры на Ине послужила андроновская культура и носитель этой культуры — древний палеосибирский европеоидный тип населения.

В основе перехода от одной культуры к другой лежит быстрое развитие более перспективной на том историческом отрезке развития формы хозяйства — скотоводства. Поворотным моментом в формировании культуры был, вероятно, переход к полукочевому, яйлажному скотоводству.

Полукочевой образ жизни в конце андроновского времени способствовал расширению культурных, экономических связей, способствовал распространению форм посуды, мотивов орнамента, а также расширению навыков в горном деле.

---

[21] В. П. Алексеев. Антропологические типы Южной Сибири в эпоху неолита и бронзы. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы, Иркутск, 1960, стр. 13—14.

[22] Н. С. Розов. Материалы по антропологии населения Причулымья. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы. Иркутск, 1960, стр. 44.

[23] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири.

[24] М. П. Грязнов. История древних племен...

А. П. ИВАНОВА

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДИОНИСА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Большая роль культа Диониса в Херсонесе, в хозяйстве которого немалое место принадлежало виноградарству и виноделию, не подлежит сомнению. О существовании в Херсонесе храма Диониса еще в III в. до н. э. говорит надпись Пасиада, сына Артемидора, высеченная на архитраве, по-видимому, происходящем из этого храма [1]. Изображение Диониса и его свиты — один из распространенных сюжетов в искусстве, в частности в коропластике Херсонеса.

Неудивительно, что в Херсонесе неоднократно встречаются и вотивные скульптуры Диониса. Обращает на себя внимание большое количество изображений бородатого Диониса архаистического типа. Таковы два мраморных фрагмента, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Возможно, что один из них, помещенный у нас на рис. 1 (инв. № X 1890. 49), послужил оригиналом для терракотовой формы, найденной в мастерской херсонесского коропласта [2]. Е. Миннз считал эту головку изображением Гермеса, а не Диониса. Действительно, она близка к архаизированному образу Гермеса-Пропилея, созданному Алкаменом. Напомним найденный в Пергаме герм Алкамена [3] или архаистический герм Гермеса в Государственном Эрмитаже, восходящий, как полагает О. Ф. Вальдгауер, к типу изображений 60-х годов V в. до н. э. [4]

Е. Миннз считает также изображением Гермеса керченский герм, найденный К. Е. Думбергом в 1898 г. при раскопках городища Пантикапея [5] (рис. 2). Однако нельзя не обратить внимания на то, что керченский герм отличается от пергамского по характеру трактовки волос: у Гермеса-Пропилея волосы обрамляют лицо несколькими рядами строго стилизованных завитков, тогда как на керченском герме они лежат длинными прядями, зачесанными от лба и разделенными на прямой пробор. Керченский герм наиболее близок к так называемому «Сарданапалу», являющемуся, согласно толкованию Л. Курциуса, изображением Сабазия [6]. Эту точку зрения принимает и Ш. Пикар, который связывает статуарный тип «Сарданапала» с Праксителем [7]. Сходный тип бородатого Диониса передает мра-

[1] В. В. Латышев. Древности Южной России. МАР, 9, 1892, стр. 25; IOSPE, IV, 87.

[2] В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. МАР, 7, 1892, стр. 19—21; ОАК за 1890 г., стр. 32; E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 297, рис. 210.

[3] Altertümer von Pergamon, VII, Berlin — Leipzig, 1908—1930, табл. LX; О. Ф. Вальдгауер. Античная скульптура. Птрг., 1924, № 141.

[4] O. Waldhauer. Die antiken Skulpturen der Ermitage. III. «Archäologische Mittheilungen aus der russischen Sammlungen», VI, Berlin und Leipzig, 1936, № 58, табл. XXXI—XXXII, стр. 16, рис. 68.

[5] ОАК за 1899 г., стр. 23, рис. 33; E. H. Minns. Ук. соч., стр. 297, рис. 209.

[6] L. Curtius. Sardanapal, JDAI, XLIII, тетр. 3-4, 1928, стр. 283, 284, рис. 5.

[7] Ch. Picard. Manuel d'archéologie grecque. La sculpture, IV, ч. 2, Paris, 1954, стр. 322—325.

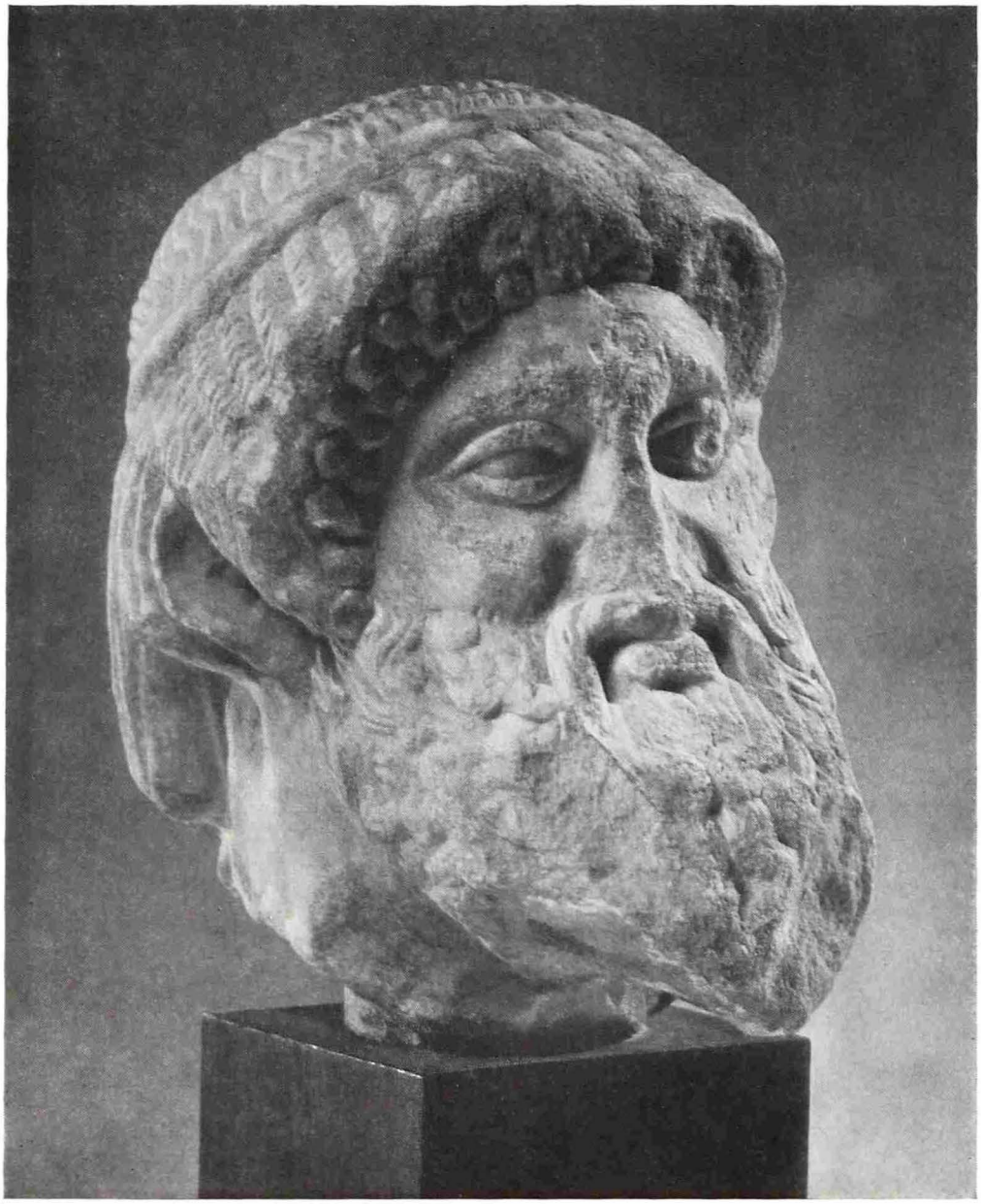


Рис. 1. Мраморная головка Диониса (или Гермеса?), найденная в Херсонесе в 1890 г. Гос. Эрмитаж

морный герм (хранится в музее Бруссы) с посвятительной надписью Артемидора, на основании которой он датируется временем Антонинов [8].

Упомянутые выше херсонесские головки — мраморная и терракотовая — ближе по трактовке волос к Гермесу-Пропилею, чем к «Сарданапалу» и керченскому герму. Однако нельзя не отметить, что такой же характер носит трактовка волос некоторых скульптур, включаемых Курциусом в число изображений Диониса-Сабазия. Такова, например, статуэтка Диониса архаизированного стиля в Эрмитаже, повторяющая статую Алкамена — греческий оригинал IV в. до н. э. [9]: волосы надо лбом у нее трактованы такими же стилизованными завитками, как и у Гермеса-Пропилея. Скорее всего изображения архаистического Диониса-Сабазия не были вполне однородны — некоторые из них точно повторяли тип «Сарданапала», другие были близки Гермесу Алкамена. Если это так, то представляется более вероятным, что херсонесские головки изображают Диониса, а не Гермеса. За это говорят частые повторения этого типа в терракоте и мраморе, связанные с большой популярностью культа Диониса в Херсонесе.

Несколько иной вариант архаистического типа Диониса передает другая хранящаяся в Эрмитаже головка, найденная в 1904 г. близ Уваровской базилики (инв. № X 1904, 26) [10]. Несмотря на сильную поврежденность ее волос, видно, что они были изображены в виде гроздей винограда — мотив, довольно распространенный в изображениях Диониса.

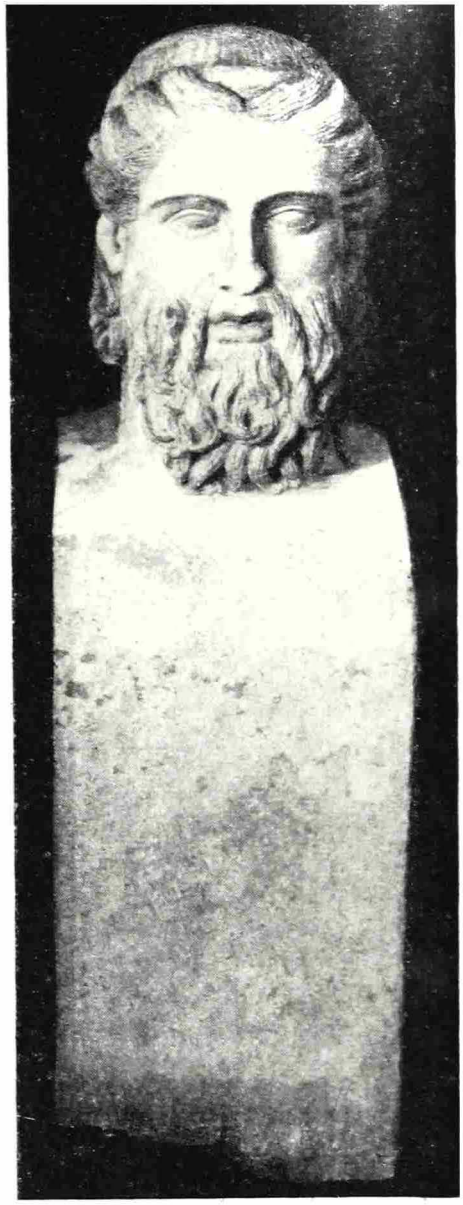


Рис. 2. Герм Диониса-Сабазия из Пантикапея. Гос. Эрмитаж

Значительно ближе к эрмитажной головке 1890 г. (хотя они не являются буквальным ее повторением) два мраморных фрагмента из коллекции Херсонесского музея. Один из них — это голова бородатого Диониса-Сабазия архаистического типа [11], случайно найденная в 1946 г. на Гераклейском полуострове (рис. 3). Голова представляет, по-видимому, обломок статуи. Как обычно в архаизированных скульптурах, лицо в целом построено анатомически правильно, только в трактовке волос и бороды сказывается архаическая стилизация. Волосы обрамляют лоб правильной дугой и

---

[8] G. Mendel. Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines du Musée de Brousse. Athènes, 1908, стр. 6—7, № 2, рис. 2.

[9] О. Ф. Вальдгауер. Античная скульптура, № 118, *а*, стр. 79. Следует отметить хранящийся в Эрмитаже ряд голов архаизированного стиля, изображающих бородатого бога, которые О. Ф. Вальдгауер считал изображениями Гермеса (ук. соч., № 145, 146, стр. 87), хотя трактовка волос их отличается от Гермеса Алкамена; впрочем, она не совпадает полностью и с трактовкой волос Сарданапала.

[10] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году. ИАК, 20, 1906, стр. 54, рис. 25.

[11] На хранении в Киевском государственном музее западного и восточного искусства. Размеры: 0,165 × 0,09 × 0,09 *м*. Мрамор голубоватый, мелкозернистый.

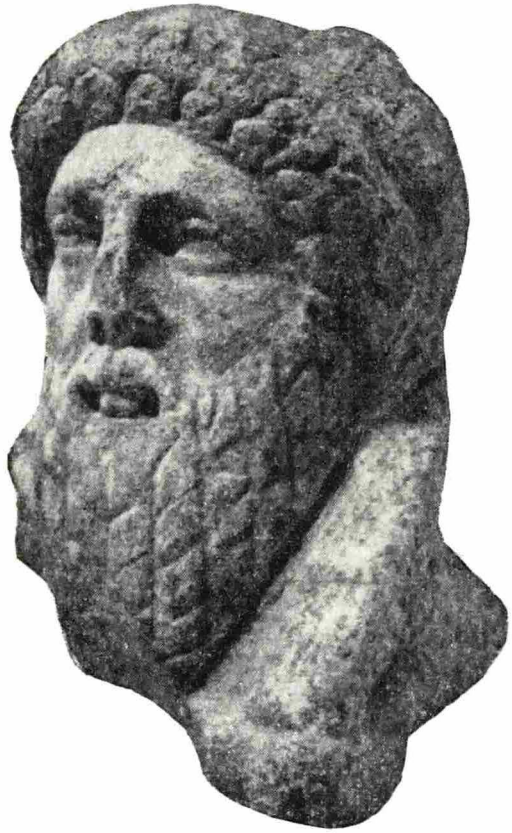


Рис 3. Мраморная головка Диониса-Сабазия, найденная на Гераклейском полуострове в 1946 г. Херсонесский музей

Рис. 4. Фрагмент мраморной головы Диониса-Сабазия. Херсонесский музей

трактованы условными завитками, как у Гермеса-Пропилея. На голове повязка. Концы длинных прядей спускаются на плечи. Пряди бороды переданы условными пересекающимися линиями. Уголки рта, слезницы и ноздри отмечены резкими ударами бурава. Насколько позволяет судить сохранность, зрачок и радужная оболочка глаза были переданы пластически. По-видимому, это копия середины II в., может быть, современная герму Брусского музея, передающая раннеэллинистический оригинал архаизированного стиля. От эрмитажной головки она отличается главным образом трактовкой бороды. Близок к нему и другой, хранящийся в Херсонесском музее, сильно поврежденный фрагмент головы бородатого Диониса-Сабазия архаического типа [12] (рис. 4).

Верхняя часть головы (лоб и волосы) отбита. Справа голова стесана. Поверхность сильно оббита. По-видимому, это фрагмент скульптуры такого же типа, как и рассмотренная выше голова с Гераклейского полуострова, но более крупного размера и более совершенного исполнения; по крайней мере, трактовка деталей была значительно более рельефной, особенно ясно это видно в изображении прядей бороды. Насколько позволяет судить сохранившийся левый глаз, зрачок и радужная оболочка были переданы пластически. Слезницы, ноздри и уголки рта так же отмечены буравом, как у Диониса с Гераклейского полуострова. Скорее всего, оба фрагмента относятся к середине II в., может быть, последний из рассматриваемых фрагментов несколько позднее головки 1946 г.

Наряду с изображениями архаистического Диониса-Сабазия в Херсонесе встречаются вотивные группы Диониса, имеющие близкие аналогии в памятниках Фракии и Мезии, позволяющие ставить вопрос о фракийских элементах в культе Диониса в Херсонесе.

К этой категории относится сильно поврежденный фрагмент белого крупнозернистого мрамора (инв. № 3403), по-видимому, происходящий из раскопок

[12] Размеры. 0,14×0,11×0,14 *м*. Мрамор сероватый, крупнозернистый. Данных о происхождении фрагмента в архиве Херсонесского музея нет.

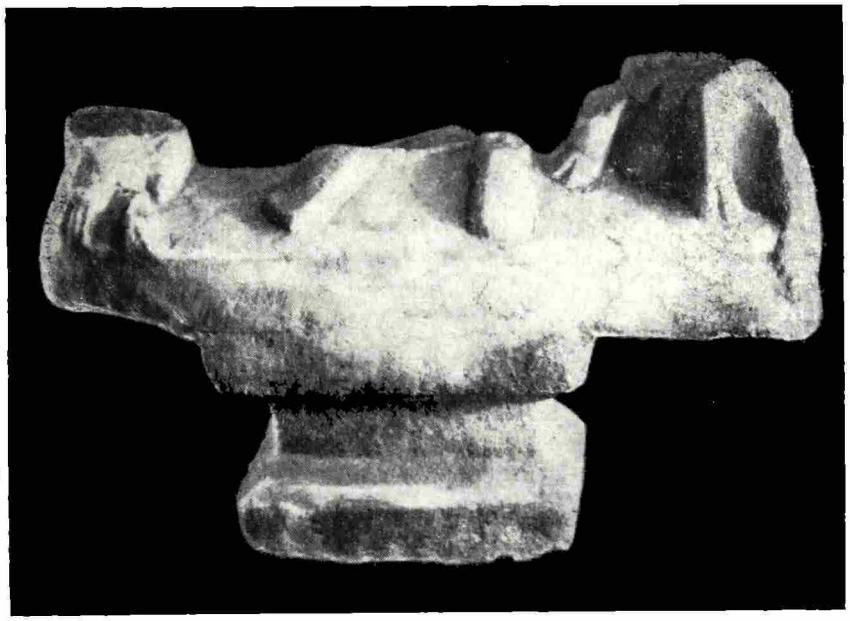


Рис. 5. Фрагмент посвятительной группы Диониса. Херсонесский музей

К. К. Косцюшко-Валюжинича, хотя точных данных об обстоятельствах его находки нет [13].

Этот фрагмент представляет собой профилированный постамент, узкая нижняя часть которого имеет форму алтарика, а верхняя, значительно более широкая, служит плинтом для скульптурной группы из трех фигур, от которых сохранились только ноги (рис. 5). В центре две человеческие ступни в мягких сапогах, по-видимому, принадлежали фигуре Диониса. В правом углу две ноги, заканчивающиеся раздвоенными копытами, очевидно, принадлежали Пану. В левом углу сохранилась нижняя часть сильно поврежденного туловища и лап сидящей пантеры.

Несмотря на плохую сохранность памятника, толкование группы не вызывает особых сомнений. Несколько аналогичных групп, более сложных по композиции, было найдено в Павликенах (район г. Тырново). К сожалению, в настоящее время они утеряны и опубликованы по старым фотографиям. На одной из групп имеется посвятительная надпись Элия Мосхиона [14]. В центре изображен Дионис в мягких сапогах и небриде, справа — сатир и вакханка несколько меньших размеров. Слева — еще более уменьшенный Силен, сидящий на осле. Над ним (на втором плане) — Пан, сидящий на дереве и играющий на свирели.

В другой аналогичной группе из Павликен [15] та же композиция повторена в обратном порядке. Центральная фигура Диониса утрачена, от него сохранились ноги в сапогах и левая рука с чашей. Слева — сатир и вакханка, справа — Силен на осле, держащий на руках младенца (таким образом, в группе двойное изображение Диониса — ребенка и взрослого). Над Силеном видны ноги Пана.

В третьей такой же группе [16] от фигуры Диониса сохранились обнаженные ноги и левая рука с чашей, из которой он плещет вино на сатира. В правом углу — вакханка и пантера, слева — стоящий Силен (сильно уменьшенного размера) держит на голове блюдо с фруктами. Позади него сидящий на дереве Пан играет на свирели.

Наконец, еще одна группа того же типа, происходящая из Арчар (Ratiaria) и относящаяся ко II в., хранится в Софийском археологиче-

[13] Размеры: 0,35 × 0,48 × 0,15 *м*.

[14] Б. Филов. Антични паметници в Народния музей. ИБАД, III, ч. 1, 1912, стр. 25—27, № 22, рис. 22.

[15] Там же, стр. 27, № 23, рис. 23.

[16] Б. Филов. Ук. соч., стр. 28—30, № 24, рис. 24.

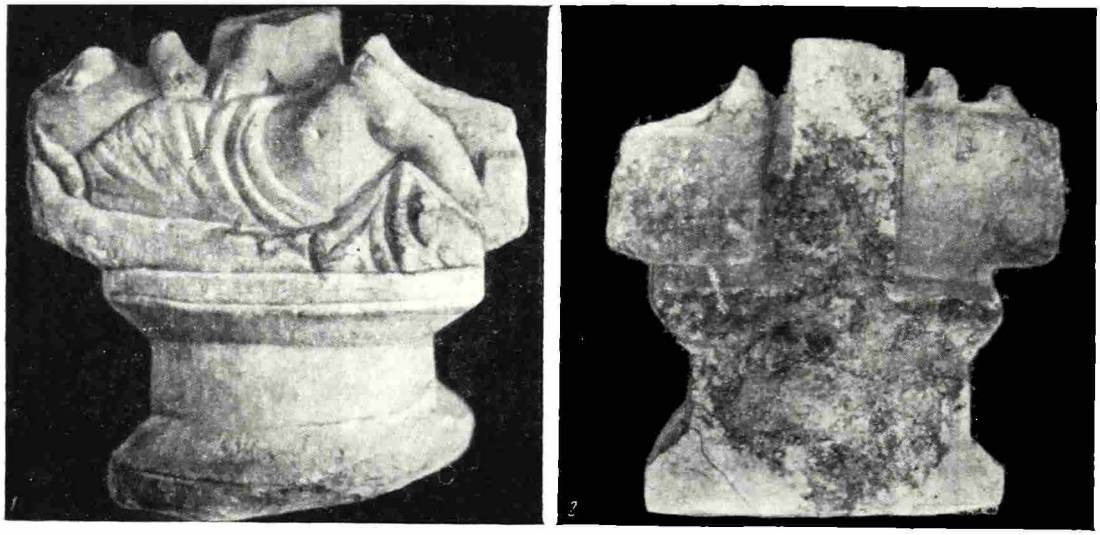


Рис. 6.

1— спящая Ариадна; *2*— фрагмент посвятительной группы Диониса, найденный в Херсонесе в 1896 г. Херсонесский музей

ском музее (инв. № 2322) [17]. От павликенских групп она отличается меньшим количеством фигур. По сторонам от Диониса (его фигура утрачена, частично сохранились ноги) изображены только Пан и Силен. Лицо последнего, вероятно — индивидуальный портрет. Во всяком случае, оно не повторяет традиционный тип, и даже уши его не имеют обычной заостренной зверпной формы.

Форма сильно профилированного постамента отчасти напоминает фрагмент вотивной статуэтки Диониса из Варны [18].

Близкая композиция, может быть, даже прямое повторение скульптурных групп типа павликенских, встречается и на фракийских вотивных рельефах Диониса. Таков, например, рельеф Пловдивского музея, на котором в центре помещен Дионис, значительно большего размера, чем окружающие его фигуры. Налево юный сатир и пантера, над сатиром, т. е. на втором плане,— Пан, играющий на свирели. Направо — бородатый Силен с младенцем Дионисом на руках. Таким образом, на этом рельефе, как мы это видели, и на одной из павликенских групп, двойное изображение главного божества.

Все эти аналогии позволяют с полной уверенностью восстановить херсонесскую группу, представлявшую несколько упрощенный вариант той же композиции. Ближе всего к ней группа из Арчар. На основании этих параллелей можно также утвердительно считать херсонесскую группу посвятительной. Не исключена возможность, что рассматриваемая группа является фракийским или мезийским импортом. Во всяком случае, она наглядно подтверждает тесные связи Херсонеса как с этими областями, так и с западнопонтийскими городами.

По-видимому, вариантом той же композиции является хранящаяся в Херсонесском музее сильно фрагментированная группа из сероватого крупнозернистого мрамора (инв. № 4597), найденная в 1896 г. к северо-востоку от собора, ниже уровня византийского города [19] (рис. 6, *1, 2*).

На постаменте этой группы, по форме напоминающем алтарь у описанной выше группы, но несколько закругленный, находится рельеф, изображающий лежащую полуобнаженную женскую фигуру, голова и правая рука которой утрачены. Над женщиной сохранились две босые

[17] Там же, стр. 30, № 25, рис. 25.

[18] Милко Мирчев. Гръцки епиграфски паметници от Черноморското крайбрежие и вътрешността. ИВАД, VIII, 1951, стр. 28, № 62, рис. 62.

[19] Размеры: 0,40 × 0,43 × 0,14 *м*. ОАК за 1896 г., стр. 72, стк. 170; Арх. ГХМ, д. № 5, л. 6, фото; д. № 58, папка IV, фото № 8, 19, 40; папка VI, фото № 4.

ступни человека и нога с раздвоенным копытом, примыкающая к прямоугольному столбу. Человеческие ступни теперь отбиты, но они хорошо видны на старой фотографии. Эти детали позволяют предположить, что здесь находилась вакхическая группа, подобная павликенским и выше рассмотренной херсонесской. Нога с копытом принадлежала, очевидно, Пану, человеческие ступни — Дионису или Сатиру. Лежащая фигура изображает, скорее всего, покинутую Ариадну. Такое толкование дал этой фигуре и К. К. Косцюшко-Валюжинич, дважды подробно описавший ее [20]. Близкие изображения лежащей полуобнаженной Ариадны встречаются на римских саркофагах с изображением Тезея [21]. Подобные же лежащие полуобнаженные фигуры встречаются и в круглой скульптуре. Иногда они изображаются с сосудом в руках — в таком случае их считают нимфами — богинями источников [22]. Когда этот атрибут отсутствует, тогда остается возможность толкования фигуры как нимфы или как Ариадны [23].

Мотив лежащей полуобнаженной фигуры очень распространен в античной скульптуре и связан с довольно разнообразными сюжетами и персонажами. Например, речные божества часто изображались в виде лежащих полуобнаженных мужских фигур [24]. На римских саркофагах сплошь и рядом в такой же позе изображается спящий Эндимион [25]. Та же композиция была перенесена на саркофаги со сценами римской легенды о Марсе и Рее Сильвии, причем поза спящей Реи Сильвии буквально повторяет позу Эндимиона [26].

На рассматриваемом херсонесском памятнике изображена несомненно женская фигура. Она лишена атрибутов, но так как она, очевидно, составляет часть посвятительной группы Диониса, представляющей несколько измененный вариант описанной выше херсонесской и павликенских групп — это подтверждает и присутствие Пана,— то наиболее вероятным представляется толкование ее как Ариадны. Сравнительно хорошо сохранившаяся фигура Ариадны отличается несколько укороченными пропорциями, а также довольно резкой и суммарной трактовкой деталей, свидетельствующей о том, что перед нами ремесленная, скорее всего провинциальная работа конца I или II в. Таким образом, она близка по времени к группе из Арчар и павликенским. Не исключена возможность, что, подобно рассмотренной выше херсонесской группе, она является фракийским или мезийским импортом.

---

[20] «...Нижняя часть небольшой мраморной группы, изображавшей, по-видимому, пробуждающуюся Ариадну и стоящего над ней Диониса» (ОАК за 1896 г., стр. 72). Описывая группу в подробном отчете, К. К. Косцюшко-Валюжинич воздержался от толкования сюжета: «...Нижняя часть мрамор. статуи средней величины, состоящая из пьедестала, лежащей женщины (голова отбита), обнаженных ног стоявшей над ней человеческой фигуры, справа от них копыта козла, позади которых уцелел низ отломанного четырехугольного бруса...» (ОАК за 1896 г., стр. 170).

[21] S. Reinach. Répertoire de reliefs grecs et romains, III, Paris, 1912, стр. 22, рис. 2.

[22] S. Reinach. Répertoire de la statuaire grecque et romaine, II, Paris, 1897, стр. 408, рис. 3; III, 1904, стр. 258, рис. 9, 10; W. Amelung. Die Skulpturen des vaticanischen Musemus, 1, Berlin, 1903, №№ 100, 101, 107, 157.

[23] S. Reinach. Ук. соч., II, стр. 40, рис. 1, 2.

[24] W. Amelung. Ук. соч., № 5, 35, 108, 167; S. Reinach. Ук. соч., III, стр. 259, рис. 4, 6.

[25] Характерным примером может служить саркофаг из Остии с изображением мифа о Селене и Эндимионе (C. Robert. Die antiken Sarkophagreliefs..., III, ч. 1, Berlin, 1897, рис. 16—17, 64); на саркофаге в Неаполе умерший изображен в позе спящего Эндимиона (S. Reinach. Répertoire de reliefs grecs et romains, II, 1912, 530, рис. 1).

[26] C. Robert. Ук. соч., III, ч. 1, рис. 25, 88; IV, ч. 2, 1897, рис. 60, 61, 188.

Г. Ф. НИКИТИНА

ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

Район среднего течения Днестра на участке между городами Хотин и Могилевом-Подольским представляет значительный интерес с точки зрения решения ряда важных исторических вопросов. Исследование этой территории необходимо, с одной стороны, для уточнения границы липицкой культуры на востоке и ее взаимоотношения с последующей черняховской культурой. Как известно, исследователи липицкой культуры на основании нескольких находок склонны растянуть восточную границу культуры до г. Могилева-Подольского, а также настаивают на генетической преемственности между липицкой и черняховской культурами [1].

С другой стороны, дальнейшие исследования этой территории помогут уточнить южную границу волынской группы памятников первой половины I тысячелетия н. э., выделенной в последние годы [2].

В этой связи особый интерес приобретают результаты детального обследования памятников полей погребений на этой территории. Всего в этом районе известно более 40 памятников эпохи полей погребений, открытых разведками Трипольской экспедиции АН СССР под руководством Т. С. Пассек. Поскольку памятники полей погребений были зафиксированы, но остались неизученными, отряд студентов МГУ, во главе с автором настоящей работы, провел повторное обследование 12 памятников этого района, подробное описание которых приводится ниже.

Поселение у с. Оселивка в ур. Скрыпников яр расположено на левом берегу безымянного ручья, протекающего вдоль шоссе Черновицы—Кельменцы, в 2—3 *км* на юго-запад от хут. Кроква и в 2—3 *км* на северо-запад от с. Ливенцы (рис. 1, *4*).

Ручей протекает в неширокой, плоской долинке с пологими склонами, выходящими на открытое плато. Поселение простирается на 500 *м* вдоль южного склона долины, шириной 200 *м*. На распаханной поверхности хорошо видны светлые, овальные в плане пятна с большим количеством керамики и кусков обмазки, указывающих на места жилищ.

Подъемный материал, как и на других поселениях, представлен исключительно обломками глиняной посуды. Преобладает гончарная посуда двух типов: 1) из глины без грубых примесей, с поверхностью, в большинстве случаев покрытой лощением; 2) из глины с примесью песка и дресвы и, как исключение, шамота, отчего поверхность сосудов шеро-

[1] М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 74 сл.; М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 179.

[2] М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 190—194; И. С. Винокур. Древности Восточной Волыни первой половины I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. Черновицы, 1962.

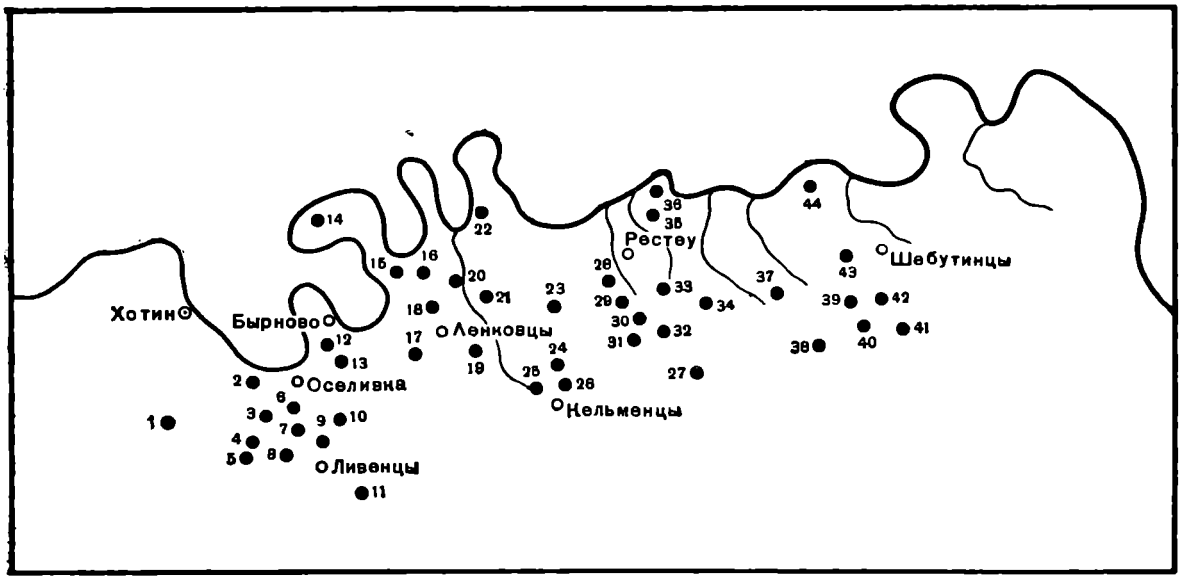


Рис. 1. Карта поселений черняховской культуры на Среднем Днестре

ховата. По формам в собранном материале выделяются миски и горшки (рис. 2, *1—7*).

Лепной посуды мало. Найдено несколько фрагментов плохого обжига, с примесью шамота в тесте, с красно-бурой шероховатой поверхностью. Помимо местной, на поселении собраны фрагменты импортной посуды (в основном амфор), датируемые приблизительно III—IV вв.[3].

Поселение у с. Оселивка в ур. Муравень. Урочище находится примерно в 1 *км* на юго-восток от села, в долине безымянной речки, впадающей в Днестр (рис. 1, *10*). На пологом склоне правого берега, примерно в 150 *м* от русла, обнаружены фрагменты керамики, характерной для черняховской культуры. Поселение вытянуто по склону на 150—300 *м*.

В собранном материале преобладают фрагменты гончарной посуды с примесью песка и дресвы в тесте (рис. 2, *8—12*). Лепная посуда представлена фрагментами баночных сосудов с прямым венчиком и налепными валиками под ним, орнаментированными защипами.

Поселение у с. Оселивка в ур. Плантация расположено в пойме Днестра, на так называемом «побочне»-наносе, образовавшемся в результате боковой эрозии и отложений, приносимых впадающей здесь в Днестр речкой (рис. 1, *2*). На «побочне», примыкающем к высокому и крутому коренному берегу Днестра, расположено поселение, которое тянется по краю «побочня» на 500 *м* вдоль берега полосой 80—100 *м*. Толщина культурного слоя 40—50 *см*, культурный слой подстилается светлым суглинком.

В подъемном материале преобладают обломки посуды из глины без примесей (рис. 3, *1—3*), есть и фрагменты лепных сосудов. В западной части поселения керамика более грубая, с крупной примесью в тесте. Здесь же найдены два обломка славянских горшков с резко отогнутыми венчиками, орнаментированные по плечикам рельефными волнистыми линиями.

Фрагменты импортной посуды, найденные на поселении, датируются примерно III—IV вв.

Поселение у с. Ливенцы в ур. Нора расположено к северу от крайних изб села, примерно в 500 *м* от деревенской мельницы, в долине того же ручья, что и Скрыпников яр (рис. 1, *9*).

---

[3] Определение и датировка всей импортной керамики были произведены И. Б. Зеест и В. В. Кропоткиным.

Поселение вытянулось вдоль склона на 100—150 *м*. Толщина культурного слоя 30—50 *см*, ниже залегает желтый суглинок. Подъемный материал мало выразителен, представлен лишь посудой, сделанной на гончарном круге.

Поселение у с. Ливенцы около Ставка. Ливенский став (пруд) находится в 1,5—2 *км* на восток от села, в 700—800 *м* на юг от шоссе Черновицы—Кельменцы (рис. 1, *11*).

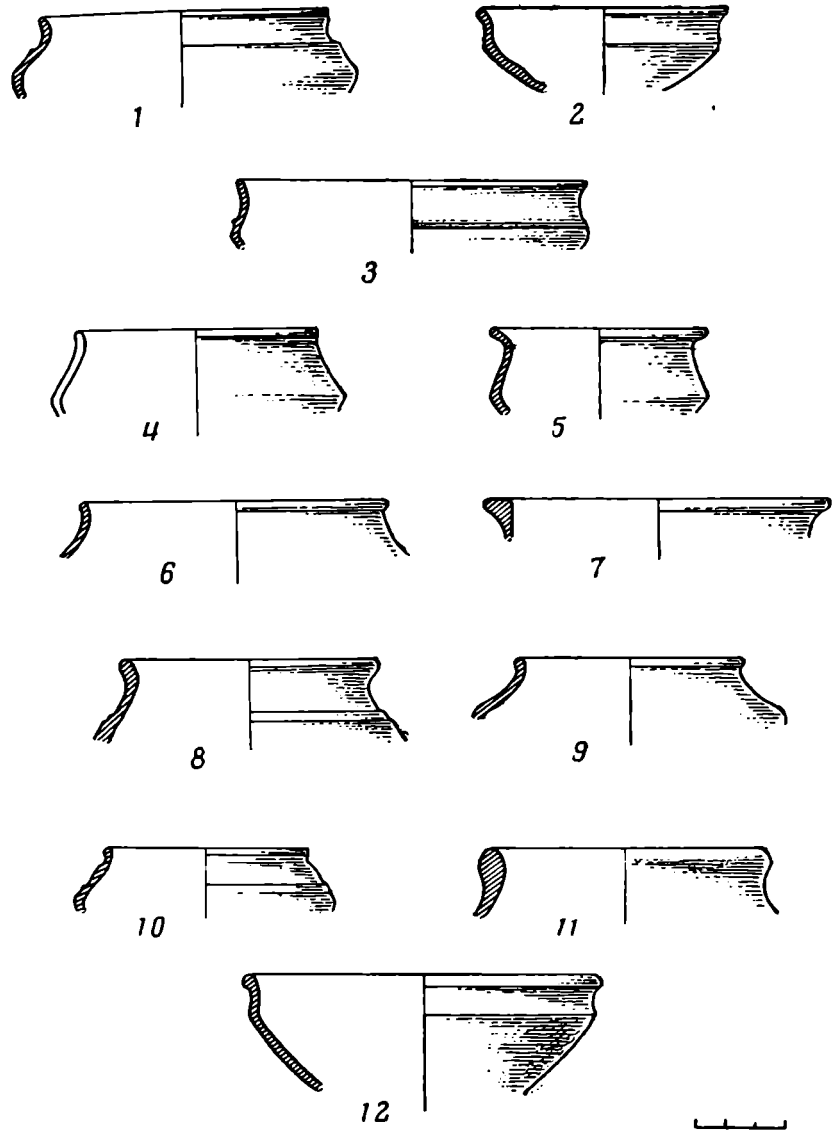


Рис. 2.

1—7— с. Оселивка, ур. Скрыпников яр; *8—12*— с. Оселивка, ур. Муравень

Поселение расположено на северо-восточном склоне оврага и занимает площадь 250—300 *м* в длину и около 100 *м* в ширину.

В подъемном материале преобладают фрагменты крупных корчаг с примесью дресвы в тесте, а также найдены обломки лепных баночных сосудов (рис. 3, *5*).

Поселение у с. Кельменцы в ур. Магремиха. Урочище расположено в 2—3 *км* на восток от села и представляет собой возвышенность, окаймленную с двух сторон цепью «скал», как называют местные жители выходы меловых глин и мягкого известняка. Возвышенность полого спускается в долину небольшого ручья, на этом склоне находится поселение черняховского времени (рис. 1, *27*), оно занимает площадь вдоль ручья 300—400 *м* и до 200 *м* в ширину.

В собранный на этом поселении материал входят фрагменты описанных выше типов гончарной посуды. Найдено несколько маловыразительных обломков лепных сосудов.

Поселение у с. Бырново в ур. Попив яр расположено в 2—3 *км* на юг от с. Бырново, на правом, восточном, берегу яра и тянется вдоль склона на 100—150 *м* полосой 50—80 *м* ширины (рис. 1, *12*).

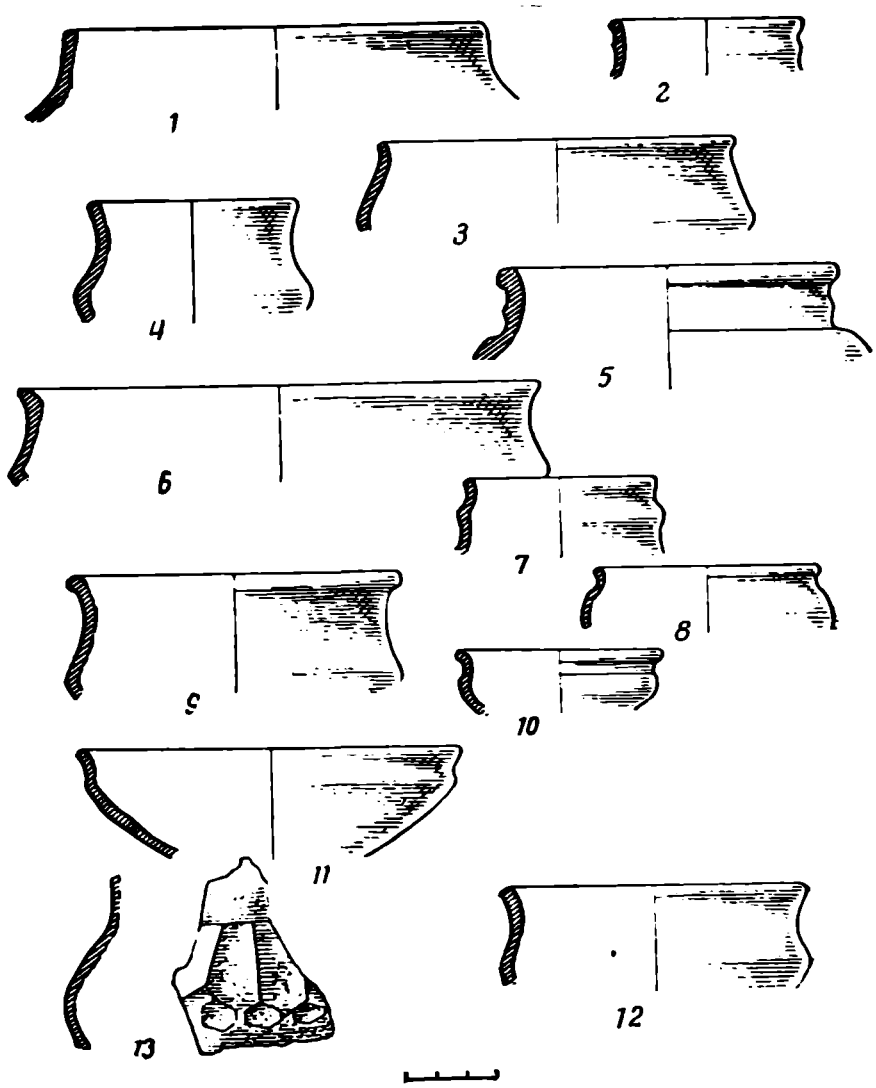


Рис. 3.

1—3— с. Оселивка, ур. Плантация; *4*, *11—13*— с. Оселивка, ур. Клин; *5*— с. Ливенцы, ур. Ставок; *6—8*— с. Ленковцы, ур. Гумария; *9—10*— с. Бырново, ур. Солонец

Посуда только гончарная, из глины без примесей и глины с примесью песка и дресвы.

Поселение у с. Ленковцы в ур. Гумария расположено в 3—4 *км* на северо-запад от села, на западном склоне неглубокого оврага (рис. 1, *15*), и тянется неширокой полосой в 80—100 *м* вдоль склона на 300 *м*.

В собранном материале преобладают фрагменты гончарных сосудов с примесью дресвы в тесте, много обломков от сосудов из глины без примесей (рис. 3, *6—8*). Есть обломки стенок лепных сосудов. Поселение двуслойное: черняховский слой перекрывает трипольскую площадку.

Поселение у с. Ленковцы в ур. «На Бурдиях». Урочище находится на север от села примерно в 1—2 *км* (рис. 1, *18*).

На правом склоне неглубокого оврага, по дну которого протекает ручеек, расположено поселение. Склон оврага невысок, угол склона примерно 3—4°. Поселение тянется на 500 *м* неширокой полосой в 80—100 *м* вдоль склона. Собранная керамика сделана на кругу. Преобладают фрагменты из глины с примесью песка и дресвы (рис. 4, *1—5*).

Поселение у с. Ленковцы, гора Сурша. Поселение расположено на северо-востоке от села и тянется вдоль высокого и крутого берега р. Сурши на 500—700 *м* вдоль склона (рис. 1, *20*). Из всех обследованных поселений — это единственное поселение, расположенное на высоком месте.

Обломков посуды на поверхности много. В основном это фрагменты сосудов, изготовленных на круге; преобладают сосуды без примесей в тесте (рис. 4, *6—7*). Фрагменты лепной посуды маловыразительны.

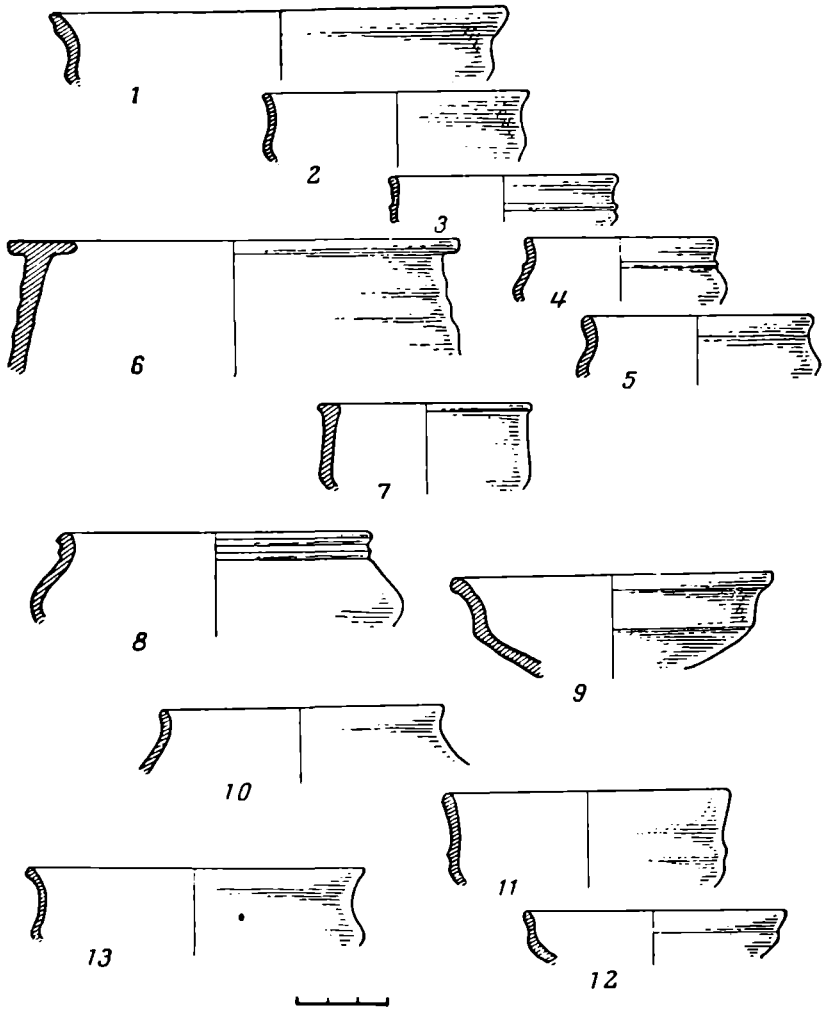


Рис. 4.

1—5— с. Ленковцы, ур. «На Бурдиях»; *6—7*— с. Ленковцы, ур. Сурша; *8—10*— с. Селище; *11—13*— с. Наславча

Импортная посуда датируется III—IV вв.

Поселение у с. Вороновицы в ур. Галач. Урочище находится в 1,5—2 *км* на восток от с. Вороновицы (рис. 1, *14*).

Поселение расположено на первой надпойменной террасе Днестра, примерно в 70 *м* от воды, и тянется полосой около 50 *м* ширины вдоль берега до Мушинецкой скалы, в общей сложности на 700—800 *м*. На самой Мушинецкой скале (обрывистый берег Днестра) керамики нет.

На территории предполагаемого поселения находится несколько промоин, которые позволили установить мощность культурного слоя. Она равна 80 *см*, ниже залегает светло-желтый суглинок с большим количеством камней.

Найденная здесь в обломках посуда, в основном сделанная на кругу, имеет в глине примесь песка и дресвы. Найдено несколько обломков толстостенных сосудов, орнаментированных сочетанием волнистых и прямых линий; один фрагмент — от тонкостенного сосуда, сделанного из хорошего теста со штампованным зубчатым орнаментом (рис. 5, *1*). Найдены также фрагменты лепных сосудов.

Поселение у с. Грушевцы в ур. Чишма. В 4 *км* на юг от с. Грушевцы, на пологом склоне правого берега р. Чишмы расположено поселение черняховской культуры (рис. 1, *23*). Оно тянется неширокой полосой в 50—70 *м* вдоль склона на 300—500 *м*. На поселении собраны фрагменты гончарной керамики, по технике изготовления и орнаментации не отличающиеся от найденной на описанных выше поселениях.

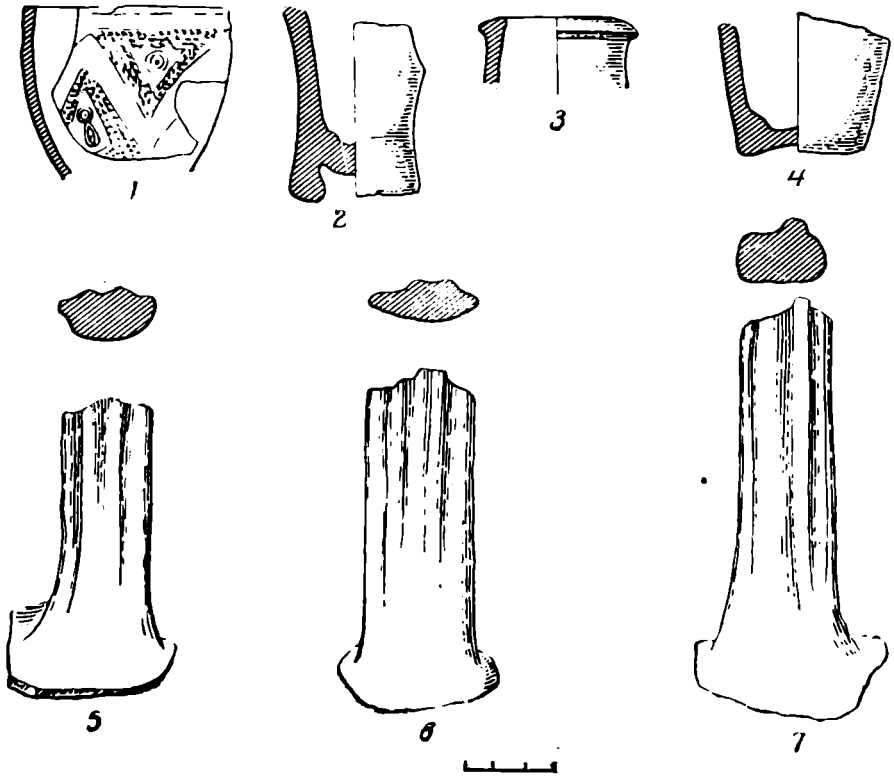


Рис. 5.

1 — с. Вороновицы, ур. Галач; *2—7*— образцы импортной керамики

Помимо обследованных нами поселений, на правобережье Среднего Днестра известно еще свыше 30 поселений этого времени, открытых за последние годы различными экспедициями. Это позволяет в некоторой мере обобщить материал по топографии поселений на данной территории.

Характерной особенностью поселений этой эпохи на Днестре является их размещение на открытых местах без искусственных укреплений. Поселения часто группируются гнездами, на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. При картографировании памятников Кельменецкого района Черновицкой области выделяются следующие группы поселений: в районе с. Оселивка — Ливенцы — девять поселений; в районе с. Ленковцы — шесть поселений; у с. Кельменцы — три поселения; в районе с. Селище — пять поселений.

Расстояния между поселениями в одной группе от 2—3 до 5 *км*. Расстояния между отдельными группами 10—15 *км*.

Поселения, как правило, невелики. Они тянутся вдоль склонов рек и речек узкой полосой в 50—100 *м*, редко 200 *м* шириной, в длину территория поселений редко превышает 800 *м*.

По топографическим особенностям поселения можно разделить на две основные группы.

1. Поселения, расположенные на значительном расстоянии от Днестра, на пологих склонах небольших ярков и речек. Невысокие склоны, отлого поднимающиеся к открытому плато, удобны для земледелия.

2. Поселения, расположенные по берегу Днестра, близко к воде на склоне первой террасы, плавно спускающейся к воде.

Известны поселения, расположенные в самой пойме Днестра, на так называемых «побочнях», которые часто достигают значительных размеров — до 1—1,5 *км*. Поселения на побочнях располагаются узкой полосой у самой воды.

Особо следует выделить поселение на горе Сурше у с. Ленковцы, расположенное на высоком месте, что не характерно для поселений этой эпохи. Гора Сурша представляет собой возвышенность, доминирующую над окружающей местностью, ограниченную с востока и запада глубокими оврагами с крутыми склонами, по дну которых протекают небольшие речки. Поселение расположено в центре возвышенности у восточного склона. Подобный по топографии памятник известен также в Поднестровье у с. Иванковцы Ново-Ушинского района Хмельницкой области [4].

Керамический материал, собранный на поселениях, представлен гончарной и лепной посудой [5].

Гончарная посуда по качеству теста делится на две группы.

1. Сосуды из плотной глины без видимых механических примесей, ровного горнового обжига. Цвет сосудов почти всегда серый или различных оттенков серого цвета, редко черного или розового. Поверхность и все части сосудов тщательно обработаны, часто залощены. Вероятно, эта посуда предназначалась для стола.

2. Другая группа сосудов изготовлялась из глины, в которую добавлялись песок и галька. Примеси делали их менее нарядными, но вместе с тем посуда приобретала ряд новых ценных качеств: прочность, огнеупорность, непроницаемость. Цвет этой посуды серый. Поверхность довольно хорошо обработана, но из-за примесей шероховата. Сосудам с примесями в тесте свойственны другие формы, эта посуда предназначалась для кухни.

В подъемном материале с правобережных поселений Днестра удалось выделить несколько форм.

Горшки — одна из самых распространенных форм на поселениях — встречаются трех вариантов: 1) с отогнутым венчиком, короткой шейкой и резко расширяющимися высокими и крутыми плечиками (рис. 2, *9*, *11*); 2) с некрутыми, округлыми плечиками, расположенными чуть выше середины сосуда (рис. 2, *6*, *8*; рис. 4, *10*); 3) с прямым венчиком (рис. 3, *1*).

Донышки горшков имеют низкий плиточный поддон, реже встречаются сосуды с кольцевыми поддонами и совсем без поддонов. Для горшков характерно тесто с примесями дресвы и мелкозернистого песка. Горшки хорошего теста встречаются очень редко. Орнамент бывает в виде профилированных ребрышек, ложбинок и рифленых линий: прямых, волнистых или зигзагообразных, по одной или по две опоясывающих сосуд. Но в большинстве случаев горшки не орнаментированы.

Миски — не менее часто встречающаяся на поселениях форма. Среди них выделяются два типа.

1. Миски с широким верхним отверстием. Приблизительно в середине высоты такие сосуды имеют четкий излом и резко суживающуюся ко дну нижнюю часть. Излом иногда острый, четко профилированный, иногда слегка округлый, сглаженный. Различаются миски открытые и миски закрытые. У открытых мисок диаметр тулова либо равен, либо меньше верхнего отверстия (рис. 2, *2*, *12*; рис. 3, *11*; рис. 4, *7*, *9*). Диаметр тулова закрытых мисок превышает диаметр верхнего отверстия.

---

[4] В. И. Довженок. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. КСИИМК, XLVIII, 1952.

[5] При систематизации керамического материала был привлечен материал сборов Трипольской экспедиции с 44 поселений на Среднем Днестре, любезно предоставленный Т. С. Пассек, а также сборы отряда МГУ.

2. Глубокие миски представляют нечто среднее между горшком и миской. Диаметр этих сосудов 30—40 *см*, высота в среднем 11—15 *см* (рис. 2, *1, 4, 5*; рис. 3, *9, 12*). У этих сосудов прослеживается четкая разница между открытыми и закрытыми.

Большинство мисок имело донышки на кольцевом поддоне, реже встречается невысокий плитчатый поддон и очень редки сосуды с прямым дном без поддона. Миски, как правило, изготовлены из глины без примесей. Поверхность чаще всего серого цвета, редко розового или черного, великолепно обработана, с хорошим лощением или хорошо заглаженной поверхностью. Хотя большинство сосудов не имеет орнамента, тем не менее они очень нарядны. В качестве украшения выступают хорошо профилированные ребрышки или ложбинки на верхней части сосудов, которые одним-двумя параллельными рядами опоясывают сосуд. Реже сосуды украшены орнаментом, выполненным лощением, рельефом или штампом. Наиболее распространенные орнаменты: косая сетка, елочка, зигзаги, розетки, овалы и кружочки, различные комбинации прямых и волнистых линий.

Эта категория посуды в основном употреблялась в качестве столовой, о чем говорит ее удобство, парадность и тщательность изготовления. Тесто с примесями не характерно для этой формы.

Пифосообразные сосуды имеют массивный широкий венчик, короткую шейку, переходящую в высокие плечики. Сосуды, как правило, значительных размеров, диаметр верхнего отверстия от 30—40 до 50 *см*.

Для этой формы сосудов применялось глиняное тесто как с примесью, так и без примесей. Поверхность сосудов серая, хорошо заглаженная, несколько шероховатая от примесей. Нередко поверхность украшалась орнаментом, чаще всего — прямыми и волнистыми рельефными или лощеными линиями. Сосуды такого типа использовались для хранения запасов.

Кувшины на поселениях встречаются редко. По имеющимся фрагментам можно предполагать две формы кувшинов: первая — кувшины с невысоким, довольно широким цилиндрическим горлышком, мягко переходящим в округлые бока, все переходы плавны и в то же время общая профилировка четкая и выразительная.

Глиняные кувшины второго типа своей формой подражают в глине металлическим или стеклянным изделиям. Возможно, что гранение поверхности, встречающееся на кувшинах этого типа, производилось в подражание римскому стеклу. Оно напоминает огранку на бокалах римского образца: шлифованные овалы и другие геометрические фигуры. Таких бокалов на Днестре известно несколько[6]. Возможно, что именно такой технике подражала отделка поверхности кувшина, обломок которого найден на поселении на ур. Клин, с. Оселивка (рис. 3, *13*).

Все известные нам фрагменты от кувшинов свидетельствуют, что эти сосуды были изготовлены из тщательно приготовленной глины, с хорошо обработанной лощеной поверхностью. Украшение скромное: рельефные ребрышки, профилировка под гранение, в одном случае — чередование плоскостей гладких, лощеных, с плоскостями, покрытыми тесными рядами мелкого зубчатого штампа.

Чарки — небольшие чашечки, круглодонные, с чуть уплощенным дном и прямым венчиком. Снаружи эти чаши покрыты штампованным орнаментом, представляющим собой сочетание розеток, подковок и прямых или зигзагообразных линий, оттиснутых мелкой ровной насечкой или веревочкой. Поверхность этих сосудов хорошо залощена, темного или светлого тона (рис. 5, *1*).

---

[6] М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, 57, 1955.

Тщательный анализ форм гончарной керамики убеждает нас, что на обследованных поселениях представлена только керамика черняховской культуры.

Лепная посуда. Почти на всех поселениях, описанных выше, гончарная посуда сопровождается лепной, ее количество, как правило, не более 5% на каждом поселении.

Лепная посуда резко отличается от гончарной и способом приготовления, и материалом, и формами. Тесто лепной посуды готовилось без той тщательности, которая свойственна гончарной. Лепная посуда имеет преимущественно грубое тесто с примесью шамота, изредка в качестве примеси добавлялся крупнозернистый песок, дресва или сланец. Шамот приготовлялся из толченых лепных, редко гончарных сосудов. Обжиг лепной посуды, вероятно, печной, поверхность обычно кирпично-желтой или бурой, неровной окраски, в изломе черепок имеет черную прослойку.

Подъемный материал из разведок дает, как правило, фрагментарный и часто невыразительный материал, что не всегда позволяет восстановить целые формы. Однако тщательное изучение лепной посуды даст возможность более определенно решать ряд вопросов, связанных с происхождением и развитием черняховской культуры. Но это станет возможным лишь после широких раскопок памятников полей погребений на Среднем Днестре.

Импортная керамика. До сих пор наш обзор керамического материала касался посуды местного производства. Однако, помимо нее, на некоторых поселениях была собрана импортная керамика.

Как и вся остальная посуда, импортная собрана на поселениях лишь во фрагментах. Эти фрагменты принадлежат узкогорлым, пропорционально вытянутым амфорам с отогнутым, срезанным наискось венчиком и довольно массивными овальными ручками. На описанных нами поселениях встречены амфоры двух типов: 1) с глубоко вогнутым узким дном (рис. 5, *2*) и 2) с дном более широким, почти плоским (рис. 5, *4*). По тесту амфоры также различаются: одна группа фрагментов имеет светло-желтую поверхность, шероховатую от большого количества темной по цвету примеси (очень мелкая галька); другая группа имеет черепок темно-кирпичного цвета, без грубых механических примесей.

Огромная важность импортной керамики заключается в том, что для поселений, обследованных только разведкой, она является фактически единственным датирующим материалом. К сожалению, как и вся другая посуда, импортная посуда на поселениях собрана лишь в обломках, причем часто невыразительных, что затрудняет их точную датировку.

Всю импортную керамику можно распределить на две хронологические группы. В первую входят амфоры античного времени, т. е. I—IV вв., внутри последней удается выделить более дробную хронологию. Замечательно, что на территории черняховских поселений распространена античная керамика различных керамических центров. Так, И. Б. Зеест выделила керамику южнопричерноморских керамических центров — Гераклеи и Синопа. Это амфоры светлых тонов, с крупной темной примесью. Есть несколько фрагментов, место изготовления которых установить не удалось. Возможно, центр производства некоторых амфор окажется где-нибудь на западе, в римских провинциях.

Во вторую группу входит керамика раннесредневекового времени, вплоть до XI в., и, как правило, эта группа керамики связывается с поселениями, где в подъемном материале зафиксирована славянская керамика.

Ниже приводится таблица распространения импортной керамики и ее датировка.

Подводя итоги исследования описанных поселений, следует попытаться подойти к решению вопросов о культурной принадлежности памятников и их датировке.

Первый вопрос возникает в связи с тем, что еще не так давно большинство этих памятников рассматривалось как памятники липицкой культуры [7] (на основании единичных находок, типичных для этой культуры). Однако, как мы убедились на рассмотренном материале, все эти поселения содержат керамику, типичную для черняховских памятников. Исключения не составляют и те пункты, где были сделаны отдельные

Поселения	I — II вв.	II—III вв.	III—IV вв.	Раннесредневековые амфоры
с. Оселивка				
ур. Плантация			+	
ур. Скрыпников яр		+	+	
ур. Лучиньска		+		
ур. Клирос				XI в.
ур. Клин	+	+		
ур. Муравень		+	+	
ур. Долинки		+	+	
с. Селище				
ур. Бурдюк	+	+	+	
с. Ленковцы				
ур. Гумарня				+
ур. Гора Сурша			+	+
ур. «На Бурдиях»				+
с. Бузовцы				
ур. Панское поле		+		+
с. Рестеу				
Левый берег яра		+		
с. Корман				
ур. Дильница			+	
с. Дарабаны	+	+	+	
с. Наславча				
ур. Вережаны		+	+	
ур. Извор		+		
ур. Китоз		+		
с. Каларашовка				
ур. Селище		+		

находки липицкого типа: у сел Наславча, Перебыковцы, Макаровка, ур. Бурдюк и у с. Селище. Последние исследования В. Д. Барана на поселении в Черепине [8] убедительно доказали, что черняховскую культуру нельзя рассматривать как дальнейшее развитие липицкой культуры, на чем настаивал М. Ю. Смишко [9], что она имеет свои собственные истоки, генетически не связанные с липицкой культурой.

Не менее сложным и важным является вопрос о предварительной датировке обследованных поселений. Конечно, точно датировать памятники на основании лишь сборов разведки трудно, однако кое-какие данные для этого все-таки есть. В этом вопросе огромную важность приобретает анализ импортной керамики. На нашей таблице с хронологическими данными об импортной керамике мы видим, что большинство поселений дало античную керамику II—III вв., причем четыре из них не имеют керамики IV в. Одно из этих поселений у с. Оселивка в ур. Клин дает

[7] М. Ю. Смишко. Ук. соч., стр. 74.

[8] В. Д. Баран. Поселение первой половины I тысячелетия н. э. у с. Черепин Львовской области. Автореф. канд. дис. Львов, 1958, стр. 13—14.

[9] М. Ю. Смишко. Ук. соч., стр. 74.

еще более раннюю импортную керамику — I—II вв., там найден обломок амфорной ручки с клеймом, датируемым временем не позже I в. На этом же поселении найдены два обломка чаш с массивной ручкой, характерных для памятников липицкой культуры. На основании этих фактов можно ожидать, при будущих раскопках этого поселения, выделения более раннего слоя, вероятно перекрытого черняховским.

Раннюю дату дает материал с поселений у с. Дарабаны, Наславча и поселение у с. Оселивка в ур. Лучиньска. Однако массовый керамический материал не дает возможности отнести эти поселения к памятникам липицкой культуры.

Не менее сложен вопрос и о верхней дате этих поселений. Как известно, мнения исследователей в вопросе датировок черняховских поселений расходятся. Часть из них склонна продлить время существования этих памятников до VI и даже VII в. Большинство же исследователей придерживаются мнения, что черняховская культура исчезает в IV в. или не позднее самого начала V в. Анализ импортной керамики на описанных нами поселениях показывает, что, кроме керамики античного времени, на поселениях встречаются фрагменты посуды раннесредневекового времени, вплоть до XI в. Фрагменты поздних амфор найдены на поселениях на горе Сурше у с. Ленковцы и у с. Бузовцы в ур. Панское поле. Однако подъемный материал, собранный на этих поселениях, свидетельствует об их многослойности, поскольку, кроме черняховской керамики, имеется также славянская.

С. А. ИЗЮМОВА

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК VIII—X вв. ОКОЛО ДЕРЕВНИ ЗАПАДНОЙ

Курганы на территории Тульской области до последнего времени мало исследовались. Многие из них, упоминаемые в литературе XIX в. [1], в настоящее время бесследно исчезли при распашке [2] или уничтожены при земляных работах [3].

По причине плохой изученности древние курганы Тульской области, особенно высокие, расположенные в местах, где проходила засечная черта XVI—XVII вв., неправильно отождествлялись [4] и до сих пор отождествляются со сторожевыми насыпями-вышками [5].

Отдельные курганные группы I тысячелетия н. э. относят к XIV в., связывая их с более поздними событиями [6].

Археологические раскопки курганов на территории Тульской области впервые начали производиться только с конца XIX в. Среди обследованных в тот период погребальных памятников были выявлены древние курганы с трупосожжением близ селений Воронец [7], Доброе [8] и Лихвин [9].

В дореволюционные годы раскопки курганов велись траншеями, колодцами. При такой методике исследований особенно страдали курганы с трупосожжением. Очень многие важные детали этого обряда оставались невыясненными или совсем не отмеченными (размеры, форма, ориентировка остатков трупосожжений, наличие кольцевых ровиков и деревянных оградок).

Остатки трупосожжений, погребенных без урн вблизи края курганов, как правило, выявлялись случайно.

---

[1] П. Афремов. Историческое обозрение Тульской губернии, ч. 1, М., 1850; А. Глаголев. Записка о городищах, курганах и др. старинных насыпях в Тульской губернии. Вестник Европы за 1820 г., ч. 114, № 23, стр. 184—191; Д. Г. Гедеонов. О древностях в Веневском и ближайших к нему уездах. Тр. I АС. М., 1871, стр. 243—248; И. П. Сахаров. Курганы и городища Тульской губернии. ИРГО, XV, 1879; Н. П. Горожанский. Материалы для археологии России, I, М., 1884.

[2] По сведениям Н. И. Булычева, в 1898 г. в трех курганных группах вблизи с. Доброе было 40—60 насыпей. Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 7—8. В настоящее время здесь сохранилось 12 курганов, шесть из которых очень сильно опаханы.

[3] С. А. Изюмова. Вятическое погребение в Тульской области. СА, 1957, 3, стр. 260—261.

[4] Материалы к доистории центрально-промышленных областей. М., 1927, стр. 78.

[5] Курганы близ дер. Тризново местное население называет «сторожевыми вышками».

[6] Западненские курганы известны под названием «Мамаевы курганы».

[7] В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. «Древности», XVII, М., 1900, стр. 14—20.

[8] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки.

[9] Ю. Гендуне. Раскопки курганов в Лихвинском у Рождественской волости. Архив ЛОИА за 1903 г., д. 15.

В 20—30-е годы нашего столетия было раскопано несколько курганов, среди которых встречались древние с обрядом трупосожжения [10].

Дальнейшее изучение погребальных памятников на территории Тульской области возобновилось в 1957 г. За три года (1957, 1959, 1960) совместной Тульской экспедицией МГУ и Тульского краеведческого музея обследовано 16 курганов с трупосожжением — в Одоевском районе близ дер. Тризново [11] и в Суворовском районе около дер. Запáдной.

Курганный могильник близ дер. Запáдной, расположенный на высоком каменистом плато правого берега р. Черепетки (притока Оки), в 1 *км* к юго-востоку от деревни, занимает площадь около 2,5 *га*.

В могильнике — 22 насыпи высотой от 30—40 до 320 *см*, диаметром от 6—7 до 15 *м*, три из них (7, 8, 22-я) раскопаны Ю. Г. Гендуне в 1903 г., а 14 курганов обследованы Тульской экспедицией.

Насыпи курганов различались по внешнему виду. Одни имели форму правильной крутобокой полусферы (с одинаковыми диаметрами СЮ и ВЗ) высотой 150—320 *см* (кург. № 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12), вокруг которых прослеживались прикурганные ровики и перемычки; другие, сильно оплывшие, едва заметные на поверхности земли, высотой 30—60 *см*, имели форму слегка удлиненной полусферы с разными диаметрами СЮ и ВЗ (кург. № 15, 17, 20).

При раскопках курганов выяснилось, что в насыпи из песка и супеси добавлялся для прочности галечник или щебень (кург. № 11, 12, 15, 19, 20), рыхлая супесь укладывалась в центр насыпи, а плотные слои глины или суглинков располагались по краям (кург. № 4).

В некоторых курганах, в насыпи, встречались незначительные вкрапления мелких кусочков пережженных костей (кург. № 5, 10, 17, 18), обломки лепной керамики (кург. № 5, 12, 17, 18).

Под насыпью раскопанных на снос курганов [12] в материке прослеживался кольцевой ровик или канавка шириной 30—60 *см*, глубиной 30—50 *см*, центр которого совпадал с центром кургана, а радиус был меньше радиуса насыпи. Ровик служил основанием деревянной оградки, состоящей из столбиков или плашек, обугливщиеся остатки которых (длиной от 12 до 45 *см*, шириной от 12 до 35 *см* и толщиной от 5 до 12 *см*) часто встречались при раскопках. Так, в кург. № 11 обгоревшие части оградки в виде стоящих и лежащих столбиков диаметром 15—20 *см* залегали сплошной полосой длиной 180 *см*, шириной 50 *см* вдоль юго-восточной части ровика. В других курганах подобные остатки найдены в виде разрозненных скоплений золы, угля (кург. № 3, 4, 5, 12, 14, 15, 17, 19, 20).

Наличие обугливщегося дерева на поверхности кольцевых ровиков, а также в их заполнении (вместе с золой) — признак того, что деревянное ограждение горело (полностью или частично).

Подобное явление, наблюдаемое во всех курганах,— одна из особенностей погребального обряда Западненского могильника. Остатки сгоревших деревянных оградок встречались и в других курганах Тульской области [13], а также в курганах Орловской и Брянской областей [14].

Курганы с трупосожжением и кольцевыми ровиками в основании, рас-

---

[10] Дневник раскопок, произведенных в Тульской губернии Белевского у. с. Песковатое Ф. А. Афремовой и др. в 1921 г. Архив ЛОИА АН СССР за 1921 г., д. 102; О раскопках Т. Л. Шаталова, А. Н. Нечаевой и М. А. Дружинина в Богородицком у. Тульской губернии. Архив ЛОИА АН СССР за 1925 г., д. 211; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 43—45.

[11] С. А. Изюмова. Курганы у дер. Тризново. СА, 1961, 2, стр. 252—258.

[12] Ю. Г. Гендуне вела раскопки трех курганов в 1903 г. (7, 8, 22) траншеями, насыпи снимались частично.

[13] С. А. Изюмова. Курганы у дер. Тризново, стр. 252—258.

[14] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 52—53, рис. 22; стр. 76—77, рис. 33; И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, 74, 1959, стр. 84—85.

копанные впервые Н. И. Булычевым в Калужской области [15], теперь известны и в других областях — Тульской [16], Орловской [17], Московской [18], Воронежской [19], Курской [20], Брянской [21] и Полтавской [22]. Самые ранние из них датируются серединой I тысячелетия н. э. и самые поздние — концом I тысячелетия н. э.

В настоящее время установлено, что кольцевой ровик служил основанием деревянного ограждения [23]. Однако относительно назначения деревянной оградки до сих пор нет единого мнения. Одни исследователи считают, что оградка обозначала границу будущего кургана [24], другие — что она предохраняла насыпь от оползания (при сыпучих грунтах [25]).

Наиболее вероятно предположение о том, что сооружение деревянного кольцевого ограждения следует рассматривать как деталь языческого обряда, связанного с культом солнца [26].

Все раскопанные курганы Западненского могильника по обряду погребения можно разделить на две группы: I группа — курганы с трупосожжением (16 курганов); II группа — курганы с трупоположением (1 курган).

I группа. Курганы с трупосожжением

Курганы этой группы содержали остатки трупосожжений, произведенных на стороне и помещенных в курган на заранее выбранную площадку. Последняя, как упоминалось выше, огораживалась и слегка посыпалась углисто-золистым слоем толщиной 5—7 *см*, содержащим иногда очень мелкие кальцинированные кости (кург. № 3, 4, 5, 17, 19).

Аналогичная подсыпка встречалась в курганах близ дер. Тризново [27], нечто подобное было в большом кургане у с. Беседы под Москвой [28] и в сопках на территории бывшей Псковской губернии [29].

Наличие подсыпки в курганах с трупосожжением на месте имело практический смысл — для усиления притока воздуха при сожжении [30], а в курганах, в которых кремация происходила на стороне, подсыпка, вероятно, служила своеобразной имитацией погребального кострища. Останки после сожжения умерших (пережженные кости, части погребального инвентаря) родственники переносили на место будущего захоронения либо в урнах, либо без них.

В зависимости от наличия или отсутствия погребальных камер курганы Западненского могильника делятся на два типа: 1) курганы с погребальными сооружениями; 2) курганы без погребальных сооружений.

[15] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

[16] С. А. Изюмова. Курганы у дер. Тризново, стр. 252—258.

[17] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 52—53 сл.

[18] А. В. Арциховский. Отчет о раскопках курганов в с. Беседы под Москвой в 1946 г. Архив ИА за 1946 г., д. 74, стр. 7.

[19] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Курганный могильник у с. Борщево. МИА, 8, 1948, стр. 79—91.

[20] П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. Уч. зап. ЛГУ. Серия истор., XIII, 85, 1949, стр. 282.

[21] Н. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 84—85.

[22] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии. ИАК, 22, СПб., 1907, стр. 50, 51, рис. 14.

[23] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6, 1941, стр. 50.

[24] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 29.

[25] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 210.

[26] Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. История культуры древней Руси, II, М.—Л., 1951, стр. 73—77.

[27] С. А. Изюмова. Курганы у дер. Тризново, стр. 252—258.

[28] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 5. Толщина подсыпки здесь равнялась 10 *см*.

[29] Отчет В. А. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губернии в 1901 и 1902 гг. Великолуцкий у. (1901 г., дер. Клюево). Кург. № 1. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903, стр. 45—46.

[30] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 25.

Курганы с погребальными сооружениями в виде срубов (кург. № 3, 4, 5, 11, 12, 14, 19, 20, 22; рис. 1, *1*)

Характерной особенностью курганов этого типа является наличие под насыпью, в западном секторе, в южной, реже в центральной части обугленного деревянного четырехугольного сооружения трапециевидной формы (с неравной длиной коротких сторон) — погребальной камеры, содержащей остатки трупосожжений — кальцинированные кости, погребальный инвентарь. Камера имела вид замкнутого с трех сторон сруба,

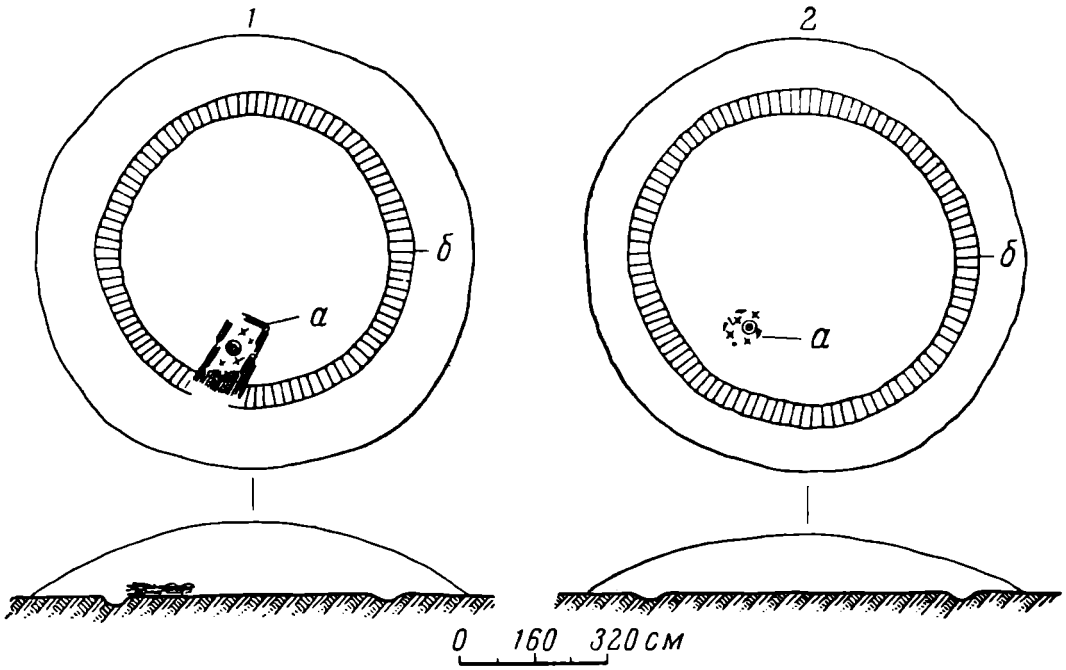


Рис. 1. Типы погребальных обрядов в курганах с трупосожжением

1— курганы с погребальными сооружениями; *а* — камера; *б*— ровик; *2*—курганы без погребальных сооружений; *а* — остатки сожжения; *б* — ровик

примыкающего широкой открытой стороной к полю кургана, и была ориентирована с ЮЗ на СВ. Она состояла из нескольких венцов, сложенных из бревен или плах, шириной 13—30 *см*, толщиной 9—16 *см*, соединенных в паз. Количество венцов в одном и том же срубе было неодинаково, в зависимости от толщины дерева. Так, в кург. № 5 имелось три продольных и два поперечных венца, а в кург. № 4 в один продольный венец шириной 30 *см* были вставлены два поперечных. Погребальные сооружения имели различные размеры — от 100 до 220 *см* длиной, от 50 до 175 *см* шириной. Сверху камеры были покрыты расколотыми плахами, а снизу имели пол из плах или досок шириной 15—30 *см*, толщиной 3—5 *см*, плотно пригнанных друг к другу, но под действием огня крышка и пол сильно выгорали и от них оставались лишь небольшие части (кург. № 3, 5, 11, 14). От степени сгорания погребального сооружения зависела его высота. Наиболее высокие камеры — 35—45 *см* (по развалу обугливших ся остатков) — встречены в кург. № 4, 5, 22. В средней части двух срубов поперечная невысокая перегородка в виде затесанного бруса толщиной 6—8 *см*, вставленного в выемки продольных венцов, разделяла сооружение на две части (кург. № 3, 20).

Все урны и большая часть пережженных костей найдены в первом отделении. Встречались камеры, замкнутые с четырех сторон, имеющие ту же форму (кург. № 4, 12, 14, 19).

Только от четвертой стороны сохранялись лишь боковые части в местах скрепления ее с продольными венцами, а центральная часть была всегда нарушенной.

К боковым, длинным стенкам погребального сооружения с обеих сторон примыкала деревянная оградка, наибольшее количество обугливших-ся плашек от нее было найдено вблизи камеры, по обе стороны от входа. У входа в камеру часто встречались камни различных размеров, а земля отличалась более рыхлой структурой и была перемешана с золой, угольками и пережженными костями (кург. № 4, 5, 11, 14, 19). Огромные валуны размером 60 × 90, 60 × 30, 50 × 40 *см* ограничивали камеру

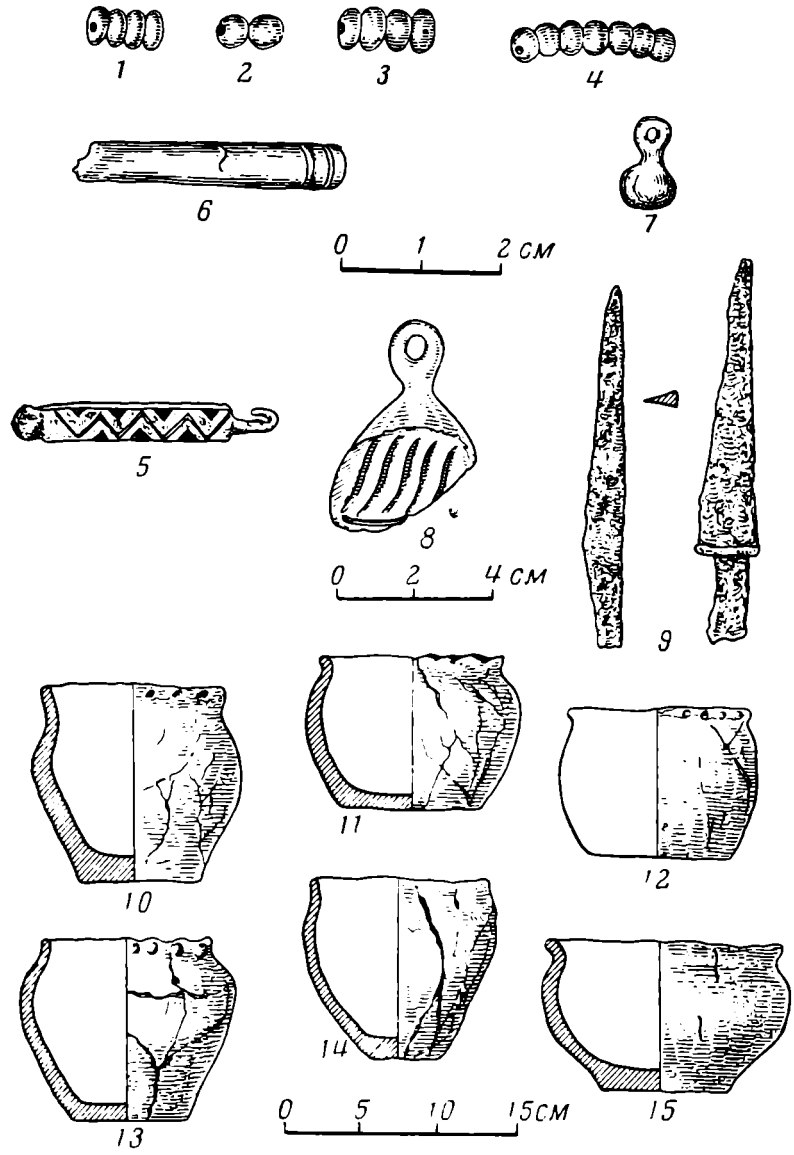


Рис. 2. Инвентарь курганов с погребальными сооружениями

1—4— стеклянные позолоченные бусы; *5*— железная застежка; *6*— бронзовая трубочка; *7*— бронзовая пуговка; *8*— бронзовый бубенчик; *9*— железные ножи; *10—12*— лепные сосуды первого типа; *13, 14*— лепные сосуды второго типа; *15*— лепной мискообразный сосуд

кург. № 4 с двух сторон. Сплошной завал из валунов размером от 8 до 40 *см* находился над погребальным сооружением кург. № 12 и занимал площадь 230 × 100 *см*.

Все погребальные сооружения Западненского могильника обуглены, следовательно, они подвергались действию огня, причем очень сильного, так как выгорали полностью не только крышка и отдельные венцы, но и полы, от которых оставались лишь небольшие части. Земля под полом спекалась, глиняные сосуды от пережига часто рассыпались.

Сильное обугливание погребального сооружения, а также прокаленность земли над сооружением свидетельствуют о сгорании погребальной постройки внутри кургана, т. е. после того, как был насыпан курган.

При расчистке камер были обнаружены скопления пережженных костей в виде сплошного слоя толщиной от 10 до 20 *см* (кург. № 4, 14, 20), либо в виде отдельных кучек, число которых доходило до пяти — семи (кург. № 3—5).

Кроме рассыпанных костей, на полу камер встречались урны с прахом (от 1—2 до 4—6 штук). Вместе с урнами иногда стояли пустые сосуды ритуального назначения.

Таким образом, каждая погребальная камера являлась своеобразной усыпальницей, где хранились остатки нескольких трупосожжений, совершенных в разное время. Доступ в камеру после сооружения насыпи был всегда возможен, стоило только отодвинуть стоявшие здесь камни, служившие ориентиром.

После совершения очередного обряда трупосожжения на стороне кости сожженных приносили в камеру. Затем по истечении определенного времени (возможно, с заполнением камеры) погребальное сооружение поджигалось. Положенные у входа камни убирались, а иногда оставались и засыпались. Вот почему мы их находим не у всех камер.

Специальное поджигание погребальной камеры, как и деревянного ограждения, видимо, было связано с культом огня, с верой человека в очищающую силу огня.

При раскопках некоторых курганов с погребальными сооружениями скопления кальцинированных костей обнаружены не только в камерах, но и на площадке около оградки.

Среди пережженных костей вне камеры никогда не встречались какие-либо остатки погребального инвентаря. Указанная разница в местонахождении костей, видимо, являлась одним из признаков имущественного или социального неравенства умерших.

Погребальное сооружение кург. № 15, также сильно обугленное, имело другое устройство. Сохранились три вертикальных столбика диаметром 15—20 *см*, высотой 7—12 *см*, расположенных по трем углам, и четыре плахи. Три из них шириной 12—14 *см*, длиной 25—28 *см* лежали параллельно друг другу, в направлении с ЮЗ на СВ, а четвертая, узкая плашка шириной 5—7 *см* была положена под тремя широкими, перпендикулярно им. Общие размеры всего сооружения 80 × 80 *см*. Четыре урны и скопление пережженных костей с остатками погребального инвентаря находились за пределами сооружения на слое сильно прокаленной супеси.

Был ли это помост, укрепленный на четырех столбах, на котором стояли урны, упавшие после его сгорания (все урны, за исключением одной, полураздавлены), или это сильно выгоревшая камера — решить можно только при нахождении подобных сооружений в целом виде в других курганах.

Сравнивая погребальные сооружения Западинского могильника с аналогичными сооружениями других курганных групп Тульской области (у дер. Воронец[31], у с. Песковатое[32]), следует отметить их большое сходство по форме, конструкции, расположению (в западном секторе кургана) и сильной обугленности сруба.

Первые курганы датируются VIII—X вв.[33], а вторые, с урной в виде гончарного сосуда, имеющего линейный орнамент, не ранее X в.[34].

В настоящее время курганы со срубами известны не только в Тульской области, но и за ее пределами — в Орловской (вблизи поселений

---

[31] В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г.

[32] Дневник раскопок, произведенных в Тульской губернии, Белевского у. с. Песковатое Ф. А. Афремовой и др. в 1921 г.

[33] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. АИЗ, 7—8, М., 1898, стр. 226.

[34] Архив ЛОИА за 1921 г., д. 102.

Воротынцево и Лебедка [35]) и в Воронежской (Лысогорские, Боршевские [36]). Все они относятся к VIII—X вв. [37].

Аналогичные тульским, погребальные сооружения орловщины тоже сильно обуглены и расположены в южной части западного сектора [38].

Сходные по устройству погребальные камеры из Воронежской области отличались от тульских и орловских тем, что располагались в восточном секторе кургана и не все имели следы обугливания (только лысогорские) [39]. Следует ли видеть в этой разнице отражение местных племенных особенностей или это случайное явление,— пока трудно сказать.

Инвентарь курганов с погребальными сооружениями. Инвентарь курганов с трупосожжениями всегда очень беден по причине специфики погребального обряда.

Обычными находками являются глиняные сосуды, полуоплавившиеся изделия из железа, бронзы, стекла.

Глиняные сосуды — все лепные, среди них были урны (13 целых и 6 в обломках) и два сосуда для пищи.

В зависимости от формы различаются горшкообразные и мискообразные сосуды.

Горшкообразные сосуды составляют самую многочисленную группу (10 штук из кург. № 3, 4, 5, 11, 12, 14, 15, 20). В нее входят сосуды, различные по размерам, составу теста и профилировке. По последнему признаку их можно разделить на два типа.

Тип I (рис. 2, *10, 11, 12*). Урны этого типа имеют вид невысоких приземистых горшков (высотой от 7—5 до 13 *см*), диаметр горла которых несколько больше или равен высоте сосуда, с невысоким отогнутым наружу венчиком, слабо выраженными шейкой и плечиками. Слегка выпуклое тулово немного сужалось ко дну. Некоторые сосуды I типа с едва намечающимися венчиком и прямыми стенками имели форму банки (рис. 2, *12*).

Вся посуда первого типа изготовлена из серой или желтой глины с примесью песка, реже дресвы. Заглаженная поверхность горшков часто шероховатая от грубых примесей, а от вторичного пребывания в огне (при сжигании камеры) она трескалась и часто рассыпалась. Края венчиков у всех сосудов украшены защипами, вдавлениями.

Горшкообразные сосуды I типа, за исключением баночного, имеют аналогии в Воротынцевском кургане Орловской области [40], в боршевских курганах и городище [41], в Волынцевском могильнике [42].

Тип II (рис. 2, *13, 14*). Горшкообразные урны второго типа немногочисленны (два экземпляра из кург. № 3), невысоки — до 12 *см*, только в отличие от сосудов I типа их высота была больше диаметра горловины. У сосудов невысокий вертикальный венчик, слегка отогнутый наружу, плечики у одного сосуда выражены четко, у другого хуже.

Тулово у всех урн коническое, сделаны они из серой глины с примесью песка, черепок в изломе плотный. Поверхность сосудов заглажена, но иногда бугриста от деформации при обжиге.

Аналогичный по форме и размерам сосуд найден в погребальной камере Воротынцевского кургана [43].

---

[35] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 52, 75.
[36] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 79—91, 110—112.
[37] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 78.
[38] Там же, стр. 52—53.
[39] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 111.
[40] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 53—54, рис. 23, 7.
[41] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 40, табл. III, *1, 2, 3*, табл. II, *5*; табл. XIII, *1, 2*.
[42] Т. Д. Березовець. Дослідження на території Путивльского району Сумської області. АП. III. Київ, 1952. стр. 246, табл. I, *6*.
[43] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 53—54, рис. 23, *8*.

Близкие по форме горшки встречались в курганах с трупосожжением верхнего течения Оки[44], Дона[45], в поселениях и могильниках бассейна Днепра[46], датируемых концом I тысячелетия н. э.

Мискообразные сосуды (рис. 2, *15*) (два экземпляра из кург. № 3, 12) имеют широкое горло, узкое дно. Венчики у мисок отогнуты наружу, шейка и плечики слабо выражены, выпуклое тулово сужается ко дну.

Высота мисок от 7 до 10 *см*, диаметр горла 9—15 *см*. Сделаны они из серой и желтой глины хорошего состава; стенки плотные в изломе, тщательно заглажены, но обожжены поверхностно. Близкие аналогии мискообразным сосудам (только с орнаментом по краю венчика или по плечикам) можно указать в материалах из раскопок И. И. Ляпушкина на Новотроицком городище.

Судя по аналогиям, весь комплекс лепной посуды из курганов первого типа можно датировать в пределах VIII—IX вв.

Изделия из железа. В камерах кург. № 19—20 вместе с многочисленными кусками оплавившихся стеклянных бус найдены два маленьких ножа, обычных черенковых с прямой спинкой, со ступенчатым переходом от черенка к лезвию (общая длина обоих около 10 *см*). От пребывания в огне ножи покрыты окалиной (рис. 2, *9*). Подобные ножи являются обычной находкой на памятниках I тысячелетия в бассейне Оки и соседних с ним областей.

Деталь застежки (кург. № 4) в виде прямоугольной пластинки (длиной 6,5 *см*, шириной 0,7 *см*, толщиной около 2 *мм*), загнутой с одного конца и вытянутой в виде заостренного крючка, длиной 1 *см* (рис. 2, *5*). Поверхность пластинки украшена врезанными зигзагообразными линиями и треугольными углублениями между ними.

В кург. № 3 найден обломок кольцеобразной поясной пряжки, а в кург. № 15 — обрывок кольчужной ткани, состоящей из пяти целых колечек (диаметр 1 *см*) и нескольких обломков. Два кольца были продеты в третье, два других соединены между собой.

Можно отметить, что в русских курганах кольчуги известны с X в.[47] Обломок кольчуги из Западненского кургана, сопровождаемый лепной посудой, следует датировать более ранним периодом — IX—X вв.

Изделия из цветных металлов — меди, бронзы — встречались редко. Среди них — сильно деформированный бронзовый бубенчик с прорезью внизу, с гофрированной поверхностью (высота вместе с ушком 4,5 *см*, диаметр 3 *см*) (рис. 2, *8*).

Подобные бубенчики являются частой находкой на памятниках салтово-маяцкой культуры[48]. Встречаются они в длинных курганах Смоленской области[49] и на роменско-боршевских поселениях[50].

На крышке камеры кург. № 14 найдена бронзовая круглая пуговка с ушком (высота 1,2 *см*, диаметр 0,8 *см*) (рис. 2, *7*).

В раздавленной урне кург. № 12 лежал обломок медной цилиндрической трубочки — обоймочки (длина 4 *см*, диаметр 0,6 *см*), украшенной на конце выпуклыми параллельными поясками (рис. 2, *6*).

---

[44] Архив ЛОИА, ф. 2, за 1925 г. № 144, за 1928 г. № 157, за 1929 г. № 192.

[45] ОАК за 1905 г. СПб., 1908, стр. 83—84, рис. 99; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 37, тип Б, табл. IV, *1*; табл. XIII, *1*, *4*, *5*.

[46] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, 68, 1957, стр. 95, рис. 36, *3*, *5*; его же. Средневековые памятники Полесья. Археология СССР. САИ Е-1-57. М., 1961, табл. 6, *20*; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, МИА, 74, 1958, стр. 38—39; стр. 126, рис. 83, *8*; его же. Славянские памятники..., стр. 84, рис. 38; его же. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 76, рис. 15

[47] А. В. Арциховский. Оружие. История культуры древней Руси, I, М.—Л., 1948, стр. 424; Т. Д. Березовець. Ук. соч., стр. 246, табл. I, *2*.

[48] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, I, М., 1905, табл. XXI, *74*, *75*.

[49] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 42, рис. 14, *7*.

[50] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 30, рис. 17, *2*.

Перечисленные выше изделия встречались среди древностей из длинных курганов Смоленской области и в Верхне-Салтовском могильнике [51].

Стеклянные бусы. Самой частой находкой в курганах I типа можно считать стеклянные бусы, встречавшиеся в каждой камере. Большинство бус, побывав в огне, превратилось в бесформенные оплавившиеся куски стекла разного цвета (прозрачно-голубой, зеленый, бирюзовый, желтый, синий и др.). Прозрачно-голубые бусы, видимо, были самыми распространенными, их найдено больше всего.

Среди целых бус — пять позолоченных многочастных, состоящих из семи, четырех и двух бусин (рис. 2, *2, 3, 4*) диаметром 4—5 *мм* (кург. № 3, 12, 20). Одна синяя (кобальтовая) состоит из четырех бусин диаметром 5 *мм* (рис. 2, *1*). Стеклянные многочастные бусы (в том числе позолоченные, синие-кобальтовые) — самый распространенный вид бус в памятниках VIII—X вв. [52]. Они встречаются в Крыму, Центральном Предкавказье и Салтове [53].

Отсюда они попадали и в северные районы Восточной Европы, в бассейн Днепра [54], Дона [55], Оки [56] и т. д.

В результате спектрального анализа стеклянных сплавов из Западненского могильника, произведенного в лаборатории кафедры археологии МГУ, был определен не только состав стекла, но и выявлено сходство его состава со стеклянными бусами могильников Салтова и Северного Кавказа [57].

Посуда и весь остальной погребальный инвентарь позволяют датировать курганы I типа VIII — IX вв., а кург. № 15 — IX—X вв.

Курганы без погребальных сооружений (№ 6, 8, 9, 10, 17, 18; рис. 1, *2*).

В курганах этого типа остатки трупосожжений, принесенные с кострищ, найдены под насыпью в виде больших скоплений пережженных костей и остатков погребального инвентаря, рассыпанных на площадке (на слое погребенной почвы) либо ссыпанных в урны.

В первом случае слой сожженных костей занимал площадь 100 × × 50 *см* (кург. № 10); 80 × 75 *см* (кург. № 9); 210 × 75 *см* (кург. № 8). Около скопления костных остатков или под ними обычно стояла еще одна урна (целая или раздавленная).

В невысоких кург. № 17, 18 (высота 0,5—0,6 *м*) сожженные кости были найдены в урне, поставленной в центре площадки (кург. № 17) или в юго-восточном секторе (кург. № 18), в нескольких местах насыпи на разной глубине.

Присутствие кальцинированных костей в насыпи обоих погребальных памятников свидетельствует о наличии в них вводных трупосожжений.

Под насыпью кург. № 17, 18, в центральной части площадки обнаружены остатки деревянных столбов диаметром 8—10 *см*, поставленных вертикально и не входивших в состав кольцевой оградки.

Обугливщийся столбик в кург. № 18 стоял в центре прямоугольной ямы (205×100×90 *см*), ориентированной с ЮЗ на СВ, заполненной

---

[51] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 42, рис. 14, *2*, *13*; А. М. Покровский. Ук. соч., табл. XXI, *77*.

[52] В. Б. Деопик. Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3, стр. 217, рис. 4, *8, 9*.

[53] Там же, стр. 217.

[54] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии. ИАК, 22, СПб., 1907, стр. 50—53, рис. 16, *3, 4, 7, 8, 10, 11*.

[55] А. Н. Москаленко. Раскопки на городище Титчиха. Архив ИА за 1960—1961 гг.

[56] Раскопки автора на городищах у деревень Щепилово и Супруты Тульской области. Архив ИА за 1952—1953 гг., 1955—1956 гг.

[57] Спектральный анализ был произведен сотрудницей кафедры археологии МГУ Ю. Л. Щаповой. Заключение хранится в Архиве лаборатории МГУ.

темным перегноем с угольками, золой, небольшим количеством мелких пережженных костей, глиной. У северо-западного края ямы были видны пятна от кольев диаметром 4—5 *см*. Близ столбика найдено несколько мелких обломков сожженных костей.

В кург. № 17 из небольших обугливших столбиков было образовано подобие круга диаметром 3,4 *м*, в северо-западном секторе которого, на слое слегка обожженной глины, стояла маленькая урна, а в юго-восточном — небольшой сосуд (видимо, с пищей); в центре прослеживались пятна еще от трех столбиков диаметром 10 *см*.

Назначение описанных выше столбиков и ограждения из них в кург. № 17, 18 осталось неясным. Однако присутствие около этих сооружений кальцинированных костей позволяет говорить о связи их с погребальным ритуалом.

Наличие значительного количества кальцинированных костей в основании кург. № 8—10 (больше чем от одного трупосожжения), принесенных и положенных до сооружения курганов, большие размеры насыпей (высота 1,2—1,6 *м*), присутствие в погребальном инвентаре дорогих привозных украшений (бусы сердоликовые и мозаичные стеклянные) отличают эти курганы от других.

В данном случае, видимо, мы имеем дело с погребальными памятниками, в которых были похоронены члены более зажиточных семей поселения.

Под насыпью кург. № 6, в западной его части, найдены остатки только одного трупосожжения, заключенного в урну.

Таким образом, среди погребальных памятников этого типа отмечаются курганы с индивидуальными захоронениями. Однако с прекращением обычая возведения курганов с погребальными сооружениями, содержащими коллективные захоронения, древние родовые традиции исчезли не сразу. Какой-то период времени взамен деревянных камер еще существовали курганы с коллективными вводными погребениями (кург. № 17, 18).

Этот факт позволяет лишний раз убедиться в том, что процесс замены одного обряда погребения другим, новым, происходил постепенно.

Курганы с трупосожжениями без погребальных сооружений известны также и в других местах Тульской области [58], в Орловской, Калужской и Брянской областях [59]. Датируются они концом I тысячелетия н. э.

Инвентарь курганов без погребальных сооружений. В курганах найдены пять целых сосудов и два в обломках, изделия из железа, бронзы, камня и стекла.

Вся посуда, за исключением одной урны, была лепной.

Гончарная урна найдена в позднем, вводном погребении кург. № 18. Она имела форму горшка с невысоким отогнутым наружу венчиком и округленным краем, с раздутыми боками (высота 21 *см*, диаметр горла 20,5 *см*, диаметр дна 11,5 *см*), сделанного из светло-розовой глины с примесью мелкого песка. Его тонкие стенки слабо обожжены, расслаиваются. Поверхность сосуда покрыта орнаментом из волнистых линий (рис. 3, *14*). На дне сосуда оттиснуто клеймо в виде двух концентрических окружностей, соединенных лучами. Гончарные сосуды, близкие по форме описываемой урне, датируются X—XI вв. [60].

---

[58] В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Кург. № 4, стр. 16—19; С. А. Изюмова. Курганы у дер. Тризново; Дневник раскопок, произведенных в Тульской губернии Белевского у. с. Песковатое Ф. А. Афремовой и др. в 1921 г.

[59] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 73—78; Раскопки И. Д. Четыркина в 1896 г. в устье р. Калужки по берегам Оки. Архив ЛОИА за 1892 г., д. 41; И. И. Ляпушкин. Славянские памятники..., стр. 84.

[60] В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Тр. ГИМ, 33. М., 1959. стр. 140, рис. 3, *1*; Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 228—249.

Лепные урны имели форму небольших горшков, сделанных из глины светлых оттенков (светло-серой, светло-желтой и красноватой) с примесью песка или мелкотолченой дресвы, неполного кострового обжига. В зависимости от состава теста стенки сосудов были плотные или рыхлые в изломе, поверхность их за исключением одного лишена орнамента, а края у большинства украшены защипками, вдавлениями.

В курганах встречались горшкообразные сосуды, подобные описанным выше (рис. 3, *10*, *12*).

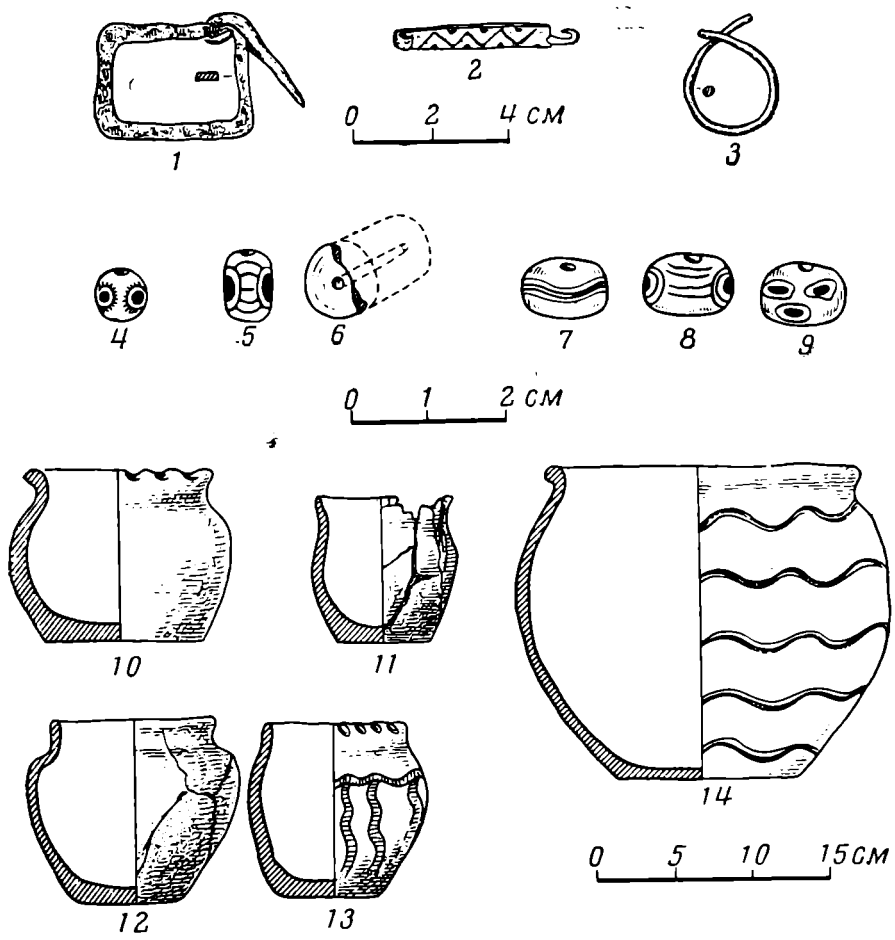


Рис. 3. Инвентарь курганов без погребальных сооружений

1— железная пряжка; *2*— железная застежка; *3*— бронзовое кольцо; *4—9*— бусы; *10*, *11*— лепные сосуды первого типа; *12*, *13*— лепные сосуды второго типа; *14*— гончарный сосуд

Несколько отличаются горшочек для пищи и урна из кург. № 17 (рис. 3, *11*, *13*). Они слабо профилированы, с невысоким, слегка отогнутым наружу или внутрь венчиком, украшенным по краю отпечатками веревочки или ногтевыми вдавлениями, диаметры тулова превышают размер горловин и днищ. Поверхность горшка покрыта узорами в виде горизонтальных и вертикальных зигзагов, нанесенных отпечатками веревочки.

В числе изделий из железа — поясная пряжка, язычок от пряжки и деталь застежки.

Поясная пряжка прямоугольной формы (длина 3,7 *см*, ширина 3 *см*) имела слегка округленные углы (рис. 3, *1*).

Деталь застежки отличалась от описанной выше только меньшими размерами (длина 4,5 *см*, ширина 0,4 *см*) (рис. 3, *2*).

Изделия из меди и бронзы представлены двумя целыми предметами (браслет и височное кольцо из кург. № 8 и 10) и несколькими обломками.

Проволочные височные кольца с заходящими концами (диаметр 2,3 *см*, толщина проволоки 1,5 *мм*) встречаются на роменско-боршевских поселениях VIII—X вв.[61] (рис. 3, *3*).

Бронзовые круглопроволочные браслеты с несомкнутыми концами имеют большой хронологический диапазон, их находят в позднесарматских могильниках[62] и на поселениях конца I тысячелетия н. э.[63].

Бусы. Наиболее интересный набор бус обнаружен в кург. № 9. Здесь, кроме стеклянных, имелись каменные сердоликовые; среди стеклянных бус были мозаичные (две целые и три полуоплавившиеся). Сердоликовая буса в форме цилиндра побелела от огня (рис. 3, *6*). Сердоликовые бусы подобной формы встречаются в северокавказских могильниках VI—IX вв.[64], в древнерусских курганах встречаются редко; они все импортированы из Средней Азии[65].

Среди мозаичных стеклянных бус были полосатые (3 экз.) и глазчатые (2 экз.)[66].

В числе полосатых — одна из бирюзового стекла (0,8 × 1 *см*) с красно-белой поперечной полосой (рис. 3, *7*), другая желтая с двумя зелеными глазками в красных ободочках, соединенных между собой поперечными красными полосками (рис. 3, *8*), третья — удлиненная серо-белая буса (1 × 0,7 *см*) с двумя желтыми глазками в красных ободочках, соединенными между собой коричневатыми полосками (рис. 3, *5*).

Подобного вида полосатые бусы встречаются в Борисовском, Салтовском могильниках и в Дагестане. Особенно характерны они для VIII—IX вв.[67].

Глазчатые бусы (рис. 3, *9*) округлой формы были сделаны из бирюзового стекла с включением желтых глазков в красных ободочках (0,8 × 1 *см*). Они являются самым распространенным видом бус в памятниках VIII—IX вв. Северного Кавказа, встречаются в Крыму и на Северском Донце[68].

В гончарной урне кург. № 18 найден обломок мозаичной глазчатой бусы, изготовленной из бледно-зеленого стекла с желтыми глазками в оранжевых ободочках, с черными ресничками (рис. 3, *4*). Бусы из мозаичных сложных глазков с ресничками в основной массе появляются на рубеже VII—VIII вв.[69]. Встречаются они и позднее, вплоть до конца IX — начала X в.[70]

На основании погребального инвентаря курганы рассмотренного типа можно датировать в пределах VIII—X вв.

II группа. Курганы с трупоположением

Обряд трупоположения был обнаружен только в одном кургане (№ 7) при раскопках Ю. Г. Гендуне в 1903 г.[71]

Судя по краткому отчету, костяк лежал в грунтовой яме размером 210 × 60 × 30 *см*, в вытянутом положении, головой на запад. Около

[61] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, 62, 1956, стр. 92, рис. 36; Городище у дер. Щепилово. Раскопки автора. Фонды ГИМ, II отдел.

[62] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, рис. 17.

[63] Раскопки автора на городище у с. Супруты. Фонды Тульского областного краеведческого музея.

[64] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 211, рис. 2, *3*.

[65] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», Тр. ГИМ, 33, М., 1959.

[66] По классификации В. Б. Деопик.

[67] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 224.

[68] Там же, стр. 222, рис. 5, *5*.

[69] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа. СА, 1959, 3, стр. 62, рис. 3, *15*.

[70] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, 10, СПб., 1893.

[71] Ю. Гендуне. Ук. соч.

поясницы скелета найдено несколько угольков, а в слое над ним встречались обломки сосуда из красновато-желтой глины грубой отделки с прямым гладким краем горлышка. Отрывочные сведения о кург. № 7 недостаточны для его датировки. Только можно полагать, что он насыпан не ранее XI в., так как в курганах X в. еще встречался обряд трупосожжения.

На основании рассмотренных выше особенностей погребального обряда и инвентаря западненские курганы можно датировать в пределах VIII—XI вв. (верхняя дата условна).

Отмеченное сходство погребальных сооружений, обряда и инвентаря Западненского могильника с курганами Тульской, Орловской, Воронежской областей позволяет отнести его к памятникам роменско-боршевской культуры, а точнее к вятическим.

Наличие в погребальном инвентаре курганов привозных украшений из стекла, камня является доказательством связи населения этого района с Югом и Востоком.

Появление в курганах посуды, сделанной на кругу, свидетельствует о значительных изменениях, происшедших в общественном производстве у населения, оставившего могильник, а именно о выделении гончарного ремесла.

Прослеживаемая в могильнике смена коллективного обряда погребения в деревянных камерах-усыпальницах, являющихся пережитком древних родовых традиций, индивидуальными курганами с явными признаками имущественного расслоения свидетельствует о продолжающемся процессе разложения первобытнообщинного строя.

А. А. ГАВРИЛОВА

МОГИЛЫ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ У ГОРЫ СУХАНИХИ НА ЕНИСЕЕ

Могилы поздних кочевников у горы Суханихи, обнаруженные в 1960 г. отрядом Красноярской экспедиции Института археологии АН СССР, относятся к малоизученной группе погребений, сооруженных позднее X в. Памятники среднего Енисея этого времени известны лишь по весьма неполно изданным материалам С. А. Теплоухова [1] и В. П. Левашевой [2] и еще не подвергались специальному изучению.

Публикуемые здесь результаты исследования могил у Суханихи прежде всего пополнят еще малочисленные материалы. Кроме того, анализ погребального инвентаря поможет установить некоторые отличительные черты этой группы памятников от более ранних, что имеет большое значение для классификации погребений поздних кочевников не только на территории среднего Енисея, но и в других районах.

Могилы расположены на северном склоне горы Суханихи, над местностью Подсуханиха на правом берегу Енисея, в 7 *км* к югу от с. Потрошилово Минусинского района Красноярского края. Из нескольких небольших групп могил нами вскрыта полностью одна (семь могил) [3].

На поверхности могилы отмечены едва заметными повышениями земли и выступающими камнями. После снятия дерна в каждом случае обнаружен наброс плит красного девонского песчаника — основной породы всех окрестных гор, включая и Суханиху.

Могила № 1. Овальная насыпь размерами 3,6 × 4,6 *м*, высотой около 20 *см*, нарушенная в средней части. Скелет женщины 20—40 лет [4] лежал на спине, головой на СЗ (череп — на глубине 45 *см*, кости ног — 60 *см* [5]). Череп и кости грудной клетки разбросаны. Могила разграблена. В головной части, на 15 *см* выше дна могилы,— кусок доски от перекрытия; на уровне скелета — лежащие плашмя каменные плиты.

На дне могилы в области головы найдены железные удила (рис. 1, *1*), железная петля с остатками древесины от седла на пробоях (рис. 1, *2*) и обломки рогового седельного канта.

Могила № 2. Овальная насыпь размерами 3,3 × 4,3 *м*, высотой 25 *см*. На глубине 80 *см* — скелет женщины 40—60 лет, на спине, головой на запад. Кости обеих стоп смещены к нижним концам берцовых ко-

[1] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, Л., 1929, табл. II, *62—67*.

[2] В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XVII.

[3] В работе принимали участие студентки-археологи Л. А. Иванова (Ленинград), З. Г. Хасанова и А. И. Поуджюкинайте (Абакан).

[4] Определение антропологического материала произвели Л. Г. Вуич и В. В. Гинзбург.

[5] Все измерения глубин — от дневной поверхности.

стей. Над скелетом, на 25 *см* выше дна могилы, находились большие каменные плиты от перекрытия. По обеим сторонам скелета — каменные плиты, лежащие плашмя. Около правой голени обнаружены железные удила (рис. 1, *3*).

Могила № 3 (рис. 2). Овальная насыпь размерами 2,2 × 3,65 *м*, высотой 10—15 *см*. На глубине 80 *см* под уклоном, соответствующим современному склону горы, обнаружен скелет девочки 9—10 лет, на спине,

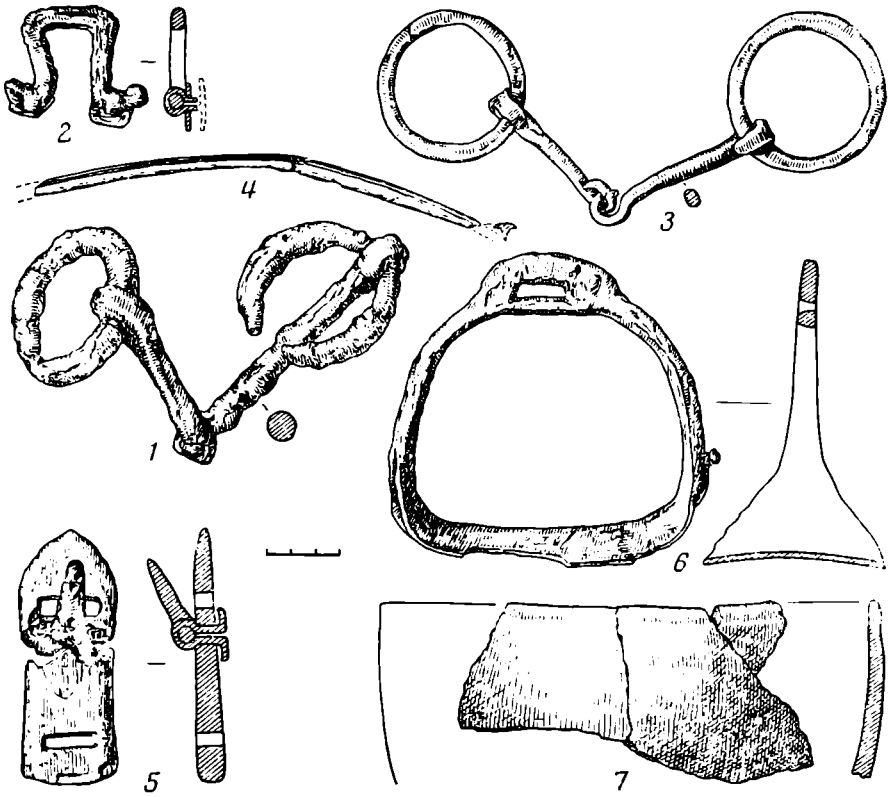


Рис. 1. Суханиха. Вещи из могил

1,2— мог. № 1; *3*— мог. № 2; *4—7*— мог. № 5. *1—3, 6*— железо; *4*— рог; *5*— рог и железо; *7*— глина

головой на ЗСЗ (череп на глубине 80 *см*, кости ног — 90 *см*). Над скелетом, на 25 *см* выше дна могилы,— большие каменные плиты от перекрытия, около скелета — плиты, лежащие плашмя.

Под нижней челюстью и в черепе найдено по одной стеклянной глазчатой бусине, под позвоночником — обломки бус с поясками и подвеска из зуба марала.

Могила № 4. Полуразрушенная весенними водами насыпь размерами 3,0 × 2,0 *м*, высотой 10—15 *см*. Под насыпью — остатки скелета ребенка (моложе 7 лет). Вещей нет.

Могила № 5. Овальная насыпь размерами 3,3 × 4,0 *м*, высотой 20 *см*. В южной части основания насыпи — две большие каменные плиты, на одной из них выбиты изображения всадника и козла. На глубине 60 *см* обнаружен скелет женщины 20—40 лет, положенной на спине, головой на ЗСЗ. Кости обеих стоп смещены. Над скелетом, на 30 *см* выше дна могилы,— большие каменные плиты от перекрытия, на уровне скелета — плиты, лежащие плашмя. Около черепа — плита, сохранившая вертикальное положение.

Между правой плечевой костью и ребрами найдено железное кольцо, видимо, от пряжки; на правом бедре — остатки седла: роговой седельный кант (рис. 1, *4*), роговая подпружная пряжка с железным язычком (рис. 1, *5*); около правой берцовой кости — пара железных стремян (рис. 1, *6*); за плитами слева — обломок от верхней части глиняного горшка (рис. 1, *7*).

Могила № 6. Овальная насыпь размерами 3,1 × 3,6 *м*, высотой 20 *см*. На глубине 80 *см* — скелет женщины 20—40 лет, лежащей на спине, головой на запад. Череп и кости обеих стоп смещены. Над скелетом, на 35 *см* выше дна могилы, находились большие каменные плиты от перекрытия, по сторонам скелета, несколько ниже, плашмя лежали плиты.

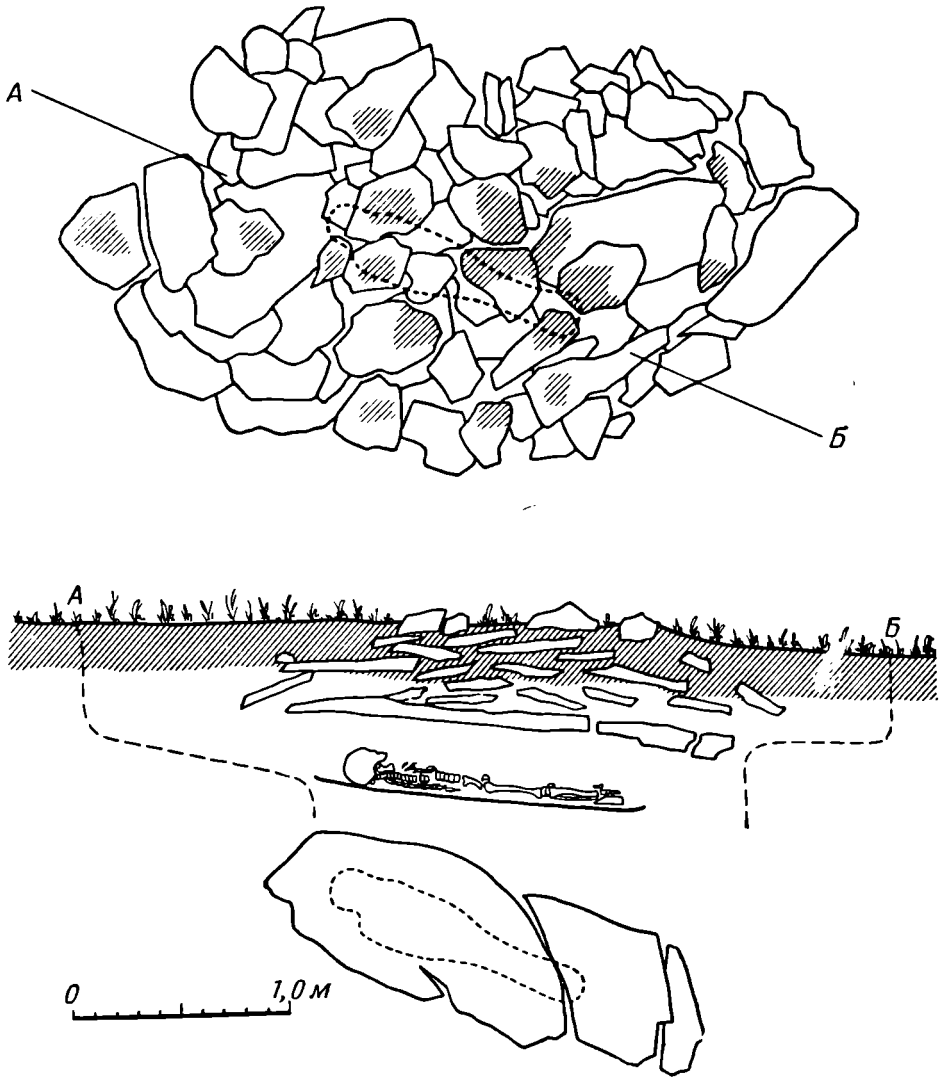


Рис. 2. Суханиха. Мог. № 3

Под черепом — истлевший деревянный предмет, судя по очертаниям, седло, на левой голени — остатки деревянного предмета, полностью утратившего свою форму.

Могила № 7. Округлая насыпь диаметром 4,2 *м*, высотой 10—15 *см*, нарушенная в средней части. Могила разграблена. На глубине от 40 до 70 *см*, на площади, вытянутой с запада на восток, разбросаны каменные плиты и кости скелета женщины старше 60 лет, обращенной, судя по положению костей, головой на З. От перекрытия, расположенного вдоль могилы, сохранились лишь следы древесины. В могиле найдены обломки железных удил.

Устройство погребальных сооружений описанных могил однотипно. Судя по характеру смещения костей скелетов, погребенные находились в полых погребальных камерах. Камеры представляли собой, вероятно, каменные ящики, которые сооружались непосредственно на поверхности земли. Так, совершенно не прослеживались очертания могильных ям, скелеты лежали наклонно, т. е. на древнем склоне, что особенно хорошо заметно в мог. № 3 (рис. 2). Поверх перекрытия (каменного или деревянного) набрасывались плиты.

Камеры постепенно заполнялись землей, удерживавшей перекрытия на уровне, соответствующем высоте каменного ящика, а боковые стенки ящиков, развалившиеся в стороны, лежали большей частью плашмя. Относительно большая глубина залегания скелетов (до 80 *см*) объясняется интенсивным почвообразованием на склоне.

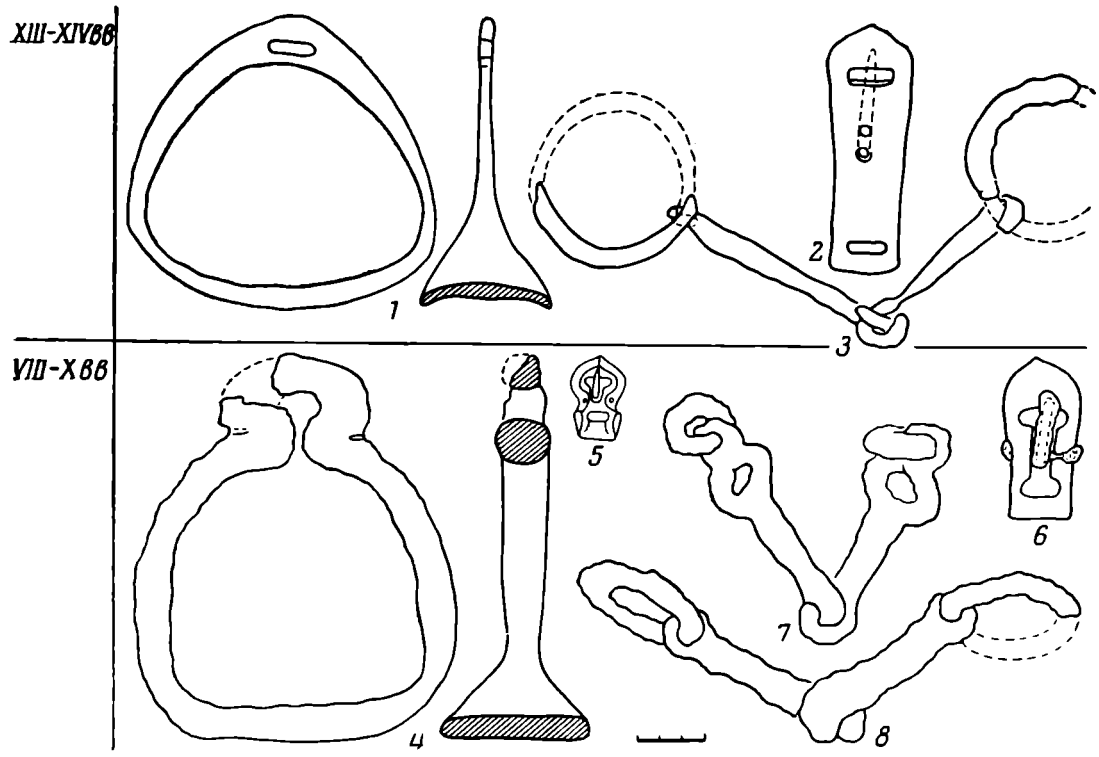


Рис. 3. Изменения конской сбруи с VIII—X по XIII—XIV в.

1—3—часовенная гора: *1—2*—мог. № 3; *3*— могила неизвестна; *4—8*—Сростки I, 1925 г.; *4—7*— мог № 2; *5—6*— мог. № 11; *8*— мог. № 6а; *1, 3, 4, 7, 8*— железо; *2, 5*— рог; *6*— рог и железо

Плита с изображениями всадника и козла попала в могилу № 5 случайно. Очевидно, камни для могилы заготовлялись в окрестных скалах, где подобные изображения встречаются.

Все раскопанные нами могилы оказались женскими (мог. № 1, 2, 5, 6, 7) или детскими (мог. № 3 и 4); в одной из детских могил, судя по вещам, была девочка. Возможно, здесь было отдельное женское кладбище. Выяснить это позволят только раскопки всего могильника.

Положение погребенных однотипно: на спине, с вытянутыми конечностями. Головою все обращены на запад с небольшими отклонениями на север или юг. Погребения бедные. Могилы с деревянным перекрытием, возможно, были богаче, так как они разграблены (мог. № 1, 7). От личного убранства сохранились лишь железная пряжка в женском погребении (мог. № 5) и ожерелье в детском (мог. № 3). Каждой женщине в могилу была положена конская сбруя. Стремена в некоторых случаях не найдены. Возможно, они не сохранились, так как были деревянными или же унесены грабителями. Седла помещались или под головой (мог. № 1, *6*) или в ногах (мог. № 5). Найденная вне погребальной камеры часть горшка могла быть связана с поминальной тризной (мог. № 5).

Одинаковые во всех случаях удила — с кольцами-псалиями в мог. № 1 сопровождались характерным, Т-образным в сечении, седельным кантом. В мог. № 5 такой же кант найден вместе со стременами и подпружной пряжкой, что дает основание считать все рассматриваемые могилы сооруженными одновременно.

Выявленные к настоящему времени памятники конца I и начала II тысячелетия известны или по суммарной публикации, как могильник Сростки I, датированный монетами VIII—X или IX—X вв.[6], или опубликованы частично, как могилы XI—XII вв. в Туве[7] и могилы на Часовенной горе близ Красноярска, датированные серебряными сосудами XIII—XIV вв.[8] Это затрудняет датировку поздних памятников, не имеющих, как правило, датирующих находок. Таковы и могилы у Суханихи, и близкие к ним, обнаруженные в двух пунктах: 1) Хушот-Худжиртэ — могила Л, в Центральной Монголии, вскрытая экспедицией, руководимой С. В. Киселевым, в 1949 г.[9], и 2) Усть-Талькин на Ангаре — 79 могил, вскрытые Е. Ф. Седякиной[10]. Для датировки подобных памятников решающее значение имеет сочетание однотипных вещей в могилах, что не получило отражения в суммарных публикациях. Вот почему ранее казалось, по единичным аналогиям, что могила Л в Хушот-Худжиртэ близка могилам типа Сростки I, тогда как по сочетанию вещей памятники этого типа, как и могилы у Суханихи, наиболее близки могилам на Часовенной горе.

В этом легко убедиться, сравнив остатки конской сбруи, имеющиеся почти в каждой могиле.

Для всех перечисленных памятников характерны одинаковые принадлежности седла. Стремена с отверстием в уплощенной верхней части дужки и с боковинами из толстого стержня найдены и в могиле у Суханихи (рис. 1, *6*) и в Хушот-Худжиртэ[11]. Отличия в деталях — ширина подножки, сечение стержня — относятся к признакам, варьирующим на разных образцах.

Стремена с отверстием в дужке в сросткинских могилах не обнаружены. Типичные сросткинские стремена сделаны из толстого стержня, но с петлеобразным ушком (рис. 3, *4*) (реже — узкие, с прямоугольной петлей)[12]. Стремена с отверстием в дужке имеются в могилах на Часовенной горе. На них расплющена вся дужка, а не только верхняя часть (рис. 3, *1*). Таким образом, стремена из могил у Суханихи и Хушот-Худжиртэ занимают промежуточное место между сросткинскими и часовенногорскими. По типу петли они более близки к часовенногорским.

Подпружная роговая пряжка из могилы у Суханихи имеет прикрепленный через отверстия в пряжке железный язычок необычной формы и два поперечных прореза для ремня (рис. 1, *5*), как и пряжка из Хушот-Худжиртэ[13]. Они отличаются от роговых пряжек из сросткинских могил. На сросткинских пряжках, кроме поперечных прорезов для ремня, есть еще продольный прорез для прикрепления язычка на ось (рис. 3, *5*, *6*)[14].

Более близки к пряжкам из Суханихи и Хушот-Худжиртэ две роговые пряжки из могилы у Часовенной горы, имеющие прикрепленные

---

[6] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. «Материалы по изучению Сибири», 2, Новосибирск, 1930, рис. 143—170.

[7] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 3, 1960, рис. 11—13; стр. 103, примеч. 54. К отмеченным пунктам мы можем добавить следующие: дер. Черная, раск. Г. П. Сосновского, дер. Быстрая, раск. В. П. Левашевой, г. Абакан (набережная), раск. А. Н. Липского.

[8] С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 58.

[9] Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2, стр. 217—220.

[10] Пользуюсь случаем выразить благодарность Е. Ф. Седякиной за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией до ее опубликования.

[11] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 13, *13*.

[12] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби (по раскопкам близ с. Большая Речка). МИА, 48, 1956, табл. LV, *22*, *24*.

[13] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 13, *11*.

[14] Среди сросткинских пряжек есть одна без продольного прореза, но это исключение лишь подтверждает правило, так как относится к пряжке из другого материала — железа, тогда как роговая пряжка из той же могилы имеет обычный для сросткинских пряжек продольный прорез, кроме поперечных. Ср. М. П. Грязнов. Ук. соч., табл. LV, *17* и *20*.

непосредственно без оси язычки и лишь два поперечных прореза для ремня (рис. 3, *2*). Наконец, в Усть-Талькинском могильнике обнаружены, наряду со стременами, имеющими отверстие в дужке, П-образные железные петли для приторачивания, как у Суханихи в мог. № 1 (рис. 1, *2*), и роговые канты с Т-образным сечением, как у Суханихи в мог. № 1 и 5 (рис. 1, *4*). Получили большое распространение к этому времени и седельные кольца для приторачивания, с такими же пробоями, как и на петле из могилы у Суханихи. Такое кольцо найдено в Хушот-Худжиртэ [15] и в могиле на Часовенной горе на седле с серебряными облицовками [16].

Для всех перечисленных выше памятников характерны удила с псалиями в виде колец. Удила с подобными псалиями появляются еще в VII—VIII вв. (Курай, VI, кург. № 1), бытуют и в сросткинское время, но для этих ранних типов удил характерно изготовление звеньев равной длины (рис. 3, *8*). В отличие от них, удила из могил у Суханихи имеют неравные звенья (рис. 1, *1*, *3*). Такой же особенностью отличаются и все удила из Усть-Талькинского могильника и найденные на поверхности в Минусинской степи [17]. На удилах других типов, бытовавших в течение I тысячелетия н. э., неравномерность звеньев встречается реже и носит случайный характер. Неравномерность звеньев на удилах с псалиями в виде колец была замечена среди вещей, приписанных культуре «курумчинских кузнецов» Прибайкалья, датируемой временем до X в. [18]. Но в просмотренных мной основных коллекциях этой культуры, хранящихся в МАЭ (коллекции № 2596, 2623, 2625), нет удил. Возможно, они отнесены к этому комплексу ошибочно. Удила с псалиями в виде колец найдены в могилах на Часовенной горе, но, к сожалению, эта часть коллекции неполноценна. На удилах из мог. № 1 сохранилось лишь одно звено, а на двух экземплярах удил с неравными звеньями нет обозначений могил, из которых они происходят. Оба экземпляра однотипны. На одном сохранились остатки ткани, что позволяет отнести его к мог. № 3 (южной), где были найдены ткани. Мы здесь публикуем один из этих экземпляров, лучшей сохранности с такой же резкой неравномерностью звеньев, как в могиле у Суханихи (ср. рис. 1, *1* и 3, *3*). Удила этого же типа с неравными звеньями имеются и в некоторых могилах XI—XII вв. (Абакан, набережная). Поэтому мы можем отнести перечисленные выше памятники — могилы у Суханихи и подобные им ко времени позднее X в., вероятнее всего к XIII—XIV вв., по наибольшей близости к могилам на Часовенной горе.

Остатки личного убранства погребенных: бусы в могиле у Суханихи и шелковые ткани в могилах Хушот-Худжиртэ, Усть-Талькин — не противоречат этой дате. Бусы из мог. № 3 у Суханихи, изученные З. А. Львовой, относятся к двум разновидностям: 1) глазчатые из черного стекла с желтыми глазками на одной и голубоватыми на другой и 2) с наложенными волнообразно нитями желтого стекла на черное стекло. Обе разновидности изготовлены путем накручивания стекла на твердую основу. Этот способ изготовления был распространен в Восточной Европе в X—XII вв.

Сравнительное изучение шелковых тканей из Усть-Талькинского могильника и из могил в Хушот-Худжиртэ и на Часовенной горе — дело будущего. Пока можно лишь отметить наличие узора, прошитого позолоченной ниткой из бумаги на тканях из могил в Хушот-Худжиртэ и на Часовенной горе. Другие украшения одежды, найденные в Хушот-Худжиртэ, описаны так: «Нашитые рядами шелковые узкие шнурки сплетены вручную «в косичку» [19]. Подобные украшения есть и на остатках

---

[15] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 13, *6*.
[16] С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. II, *67*.
[17] В. П. Левашева. Ук. соч., табл. XVII, *1*.
[18] Б. Э. Петри. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. Чита. 1923, стр. 12.
[19] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 218.

одежды из могилы на Часовенной горе, но они отличаются тем, что сделаны из нашитых попарно шнурков разной крутки (вправо и влево), что и создает впечатление сплетенной «косички».

Хотя бляшки в виде шестилепесткового цветка из Хушот-Худжиртэ и сходны со сросткинскими [20], но, по всей вероятности, это объясняется долгим бытованием пережиточных форм. Удревнять датировку могил на этом основании нам не представляется возможным. И в могилах на Часовенной горе, хорошо датированных XIII—XIV вв., есть пережиточные формы. Так, например, в мог. № 2 (средней) имеются Т-образные бляшки, похожие на сросткинские, но они сочетаются с вещами, бытовавшими позднее X в. (лук с массивной накладкой с лопатообразными концами, пояс с наременными обоймами). И в могиле у Суханихи есть одна пережиточная черта — форма железного язычка, составляющего одно целое с осью (рис. 1, *5*). Железные пряжки с подобными язычками имели широкое распространение в Саяно-Алтае с VII—VIII вв. [21] О чем говорят эти пережитки? Очевидно, о сохранении древних традиций, отражающих преемственную связь в культуре населения позднее X в. с культурой их предшественников. При дальнейшем изучении могил типа описанных уточнится их место среди других памятников, выяснятся причины отличия этих могил от сросткинских и других. Эти причины могли быть не только хронологическими, но и этническими. Для решения этнической задачи потребуются дополнительные материалы, и археологические и антропологические.

По предварительным данным, все пять черепов у Суханихи — монголоидные, брахикранные, близкие к южносибирскому типу, как и погребенные на Часовенной горе и в Горном Алтае, с VI—VII вв. [22]. Это не кыргызы, т. к. последние хоронили по обряду трупосожжения, а не трупоположения. Возможно, памятники Енисея этого периода принадлежали лесостепным тюркским племенам, обитавшим на Енисее вместе с кыргызами и хоронившими в наземных камерах.

Так, обычай сооружения наземных погребальных камер из дерева, в виде сруба с плоской крышей, известен у древних племен верхней Оби, также позднее X в. н. э. Распространение этого обычая прослежено в лесостепной Сибири с I тысячелетия н. э. и до позднейшего времени у чатских и эуштинских татар [23]. И письменные источники говорят о двух группах племен на Енисее. Одна из них названа киргизами, а другая — кэм-кемджиютами, что соответствует, видимо, названию «енисейские племена», т. к. таким же названием в этом же источнике обозначены и область и река [24]. Таким образом, раскрытие этнической карты Енисея возможно лишь на основании дальнейших раскопок. Пока, исходя из того, что разными традициями в погребальных обрядах отличаются разные племена, можно считать, что племя, жившее у Суханихи, ближе к племени, обитавшему у Часовенной горы на Енисее, хоронившему также без коня, со сбруей, головой на ССЗ, и отличается от племени, жившего в Монголии, хоронившего головой на З, но с конем (Хушот-Худжиртэ), и от племени Приангарья, хоронившего с конем или коровой, головой на С (Усть-Талькин). Общим для этих племен было их подчинение позднее X в. ряду завоевателей, в том числе монголов, отразившееся на их материальном уровне. Вот почему так часты бедные могилы, как у Суханихи, и так редки богатые, типа могил у Часовенной горы.

---

[20] Там же, стр. 219.

[21] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, табл. L, *16*.

[22] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Труды ИЭ, н. с., IV, М.—Л., 1948, стр. 204 и 211.

[23] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 155, 157.

[24] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. 1, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 74, 123 и 150—151.

Н. Н. ВОРОНИН

СМОЛЕНСКИЕ ГРАФФИТИ

Раскопки в 1962 г. руин большого храма XII—XIII вв. на восточной окраине Смоленска — Рачевке частично раскрыли интереснейший памятник смоленской архитектуры (рис. 1) [1]. Это сложный комплекс, основу которого образует четырехстолпный крестовокупольный храм со своеобразной плоской апсидой; с запада к храму примыкает нартекс с притвором перед западным порталом. С юга и севера расположены широкие галереи; у их западных углов пристроены маленькие четырехстолпные капеллы, северная — с прямоугольной, как и у основного храма, апсидой, южная — с полукруглой. Весь комплекс построен одновременно, хотя и в определенной последовательности: храм, нартекс, притвор, галереи, угловые капеллы. Разная толщина стен и наличие осадочных швов свидетельствуют о живописной, ступенчато-ярусной композиции комплекса. Это роднит его со смоленским храмом Михаила-архангела 1191—1194 гг. [2], но комплекс на Рачевке более сложен и представляет как бы дальнейшее развитие в направлении таких памятников, как псковский Троицкий собор мастера Кирилла 1365—1367 гг. [3] Можно полагать, что храм на Рачевке создан в конце XII в. в княжение Давида Ростиславича (1186—1197). Тогда же он был украшен фресковой росписью, драгоценные фрагменты которой были собраны в щебне руин, а частью уцелели и на стенах здания. По своему стилю и техническим приемам роспись не противоречит названной дате.

Храм просуществовал недолго. В силу ряда технических причин он разрушился примерно через 100 лет после постройки. В руинах северной и южной галерей уже в XIV в. производились захоронения. Следовательно, все погребенное в руинах — старше этой даты.

Храм с его галереями и капеллами был своего рода мавзолеем-усыпальницей. В самом храме было 8—10 погребальных аркосолиев, в нартексе — 4, в галереях — 18—20, в дополнительно пристроенной к южной стене храма «гробнице» — 8, в северной капелле — 1, в южной — 2. Всего было 40 погребальных ниш. Все они были заняты захоронениями, после чего украшались росписью.

К числу интереснейших находок 1962 г. относится серия граффити, связанных частью с северной стеной храма, а главным образом — с гробницами у южной стены собора. Все они процарапаны по штукатурке, уже покрытой росписью.

В настоящей статье публикуются наиболее значительные фрагменты. Место их находки отмечено соответствующими цифрами на плане (рис. 1) [4].

[1] Раскопки осуществлены Институтом археологии АН СССР под руководством Н. Н. Воронина на средства Смоленского областного управления культуры.

[2] История русской архитектуры. М., 1956, стр. 60, рис. 2.

[3] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств АН СССР, М., 1952, стр. 288.

[4] Прориси граффити исполнены А. А. Медынцевой.

Граффити № 1 — фрагменты батальной сцены (рис. 2, *1, 2*). Процарапано по штукатурке западного членения северной стены храма поверх оранжевой окраски ее панели. Граффити найдено в кирпичном щебне в виде четырех несоединимых обломков. На одном — часть фигуры с поднятой как бы для удара, сжатой в кулак правой рукой. У плеча — кайма, может быть украшение одежды (или оторочка рукава кольчуги).

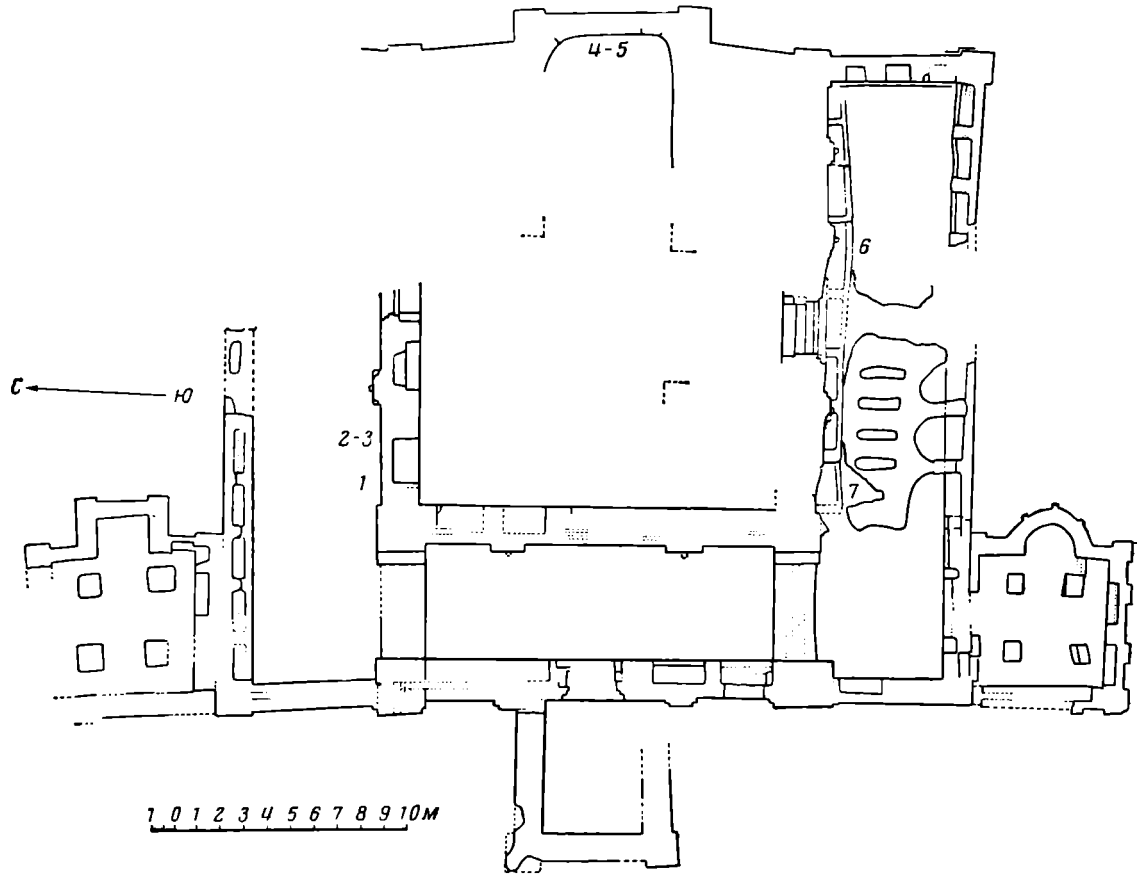
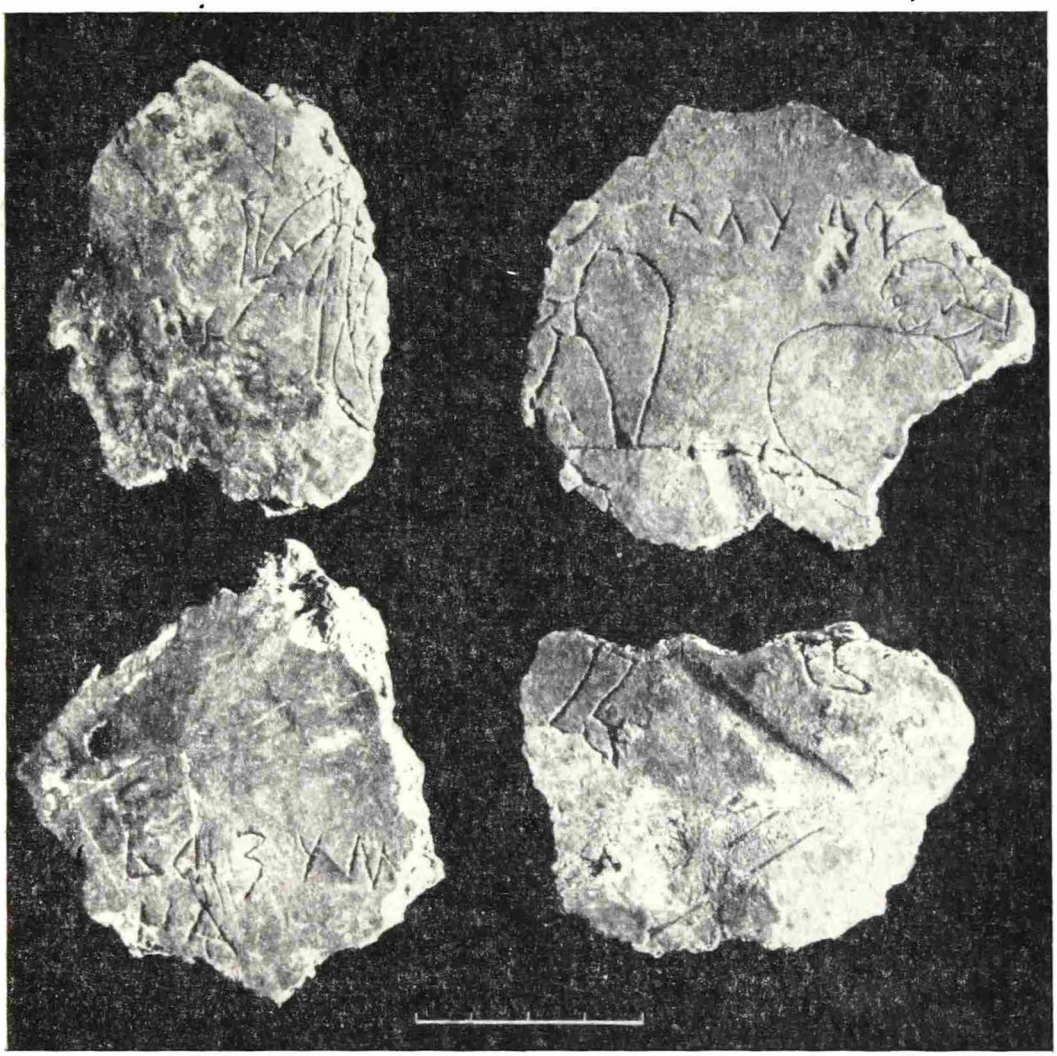


Рис. 1. План храма на Рачевке. Цифрами показаны места находок граффити

Корпус покрыт беспорядочными линиями, возможно передающими складки одежды (или кольчуги). На втором фрагменте — нижние части ног человека, идущего вправо. На третьем — части фигур двух воинов. Левый выдвинул вперед миндалевидный щит, ниже — копье с треугольным острием, направленное в прикрывшегося щитом правого воина. Превосходно передан его горбоносый профиль. На его голове шлем, в основании шлема линией показана обычная орнаментальная обкладка; верх шлема не сохранился; контуром показана бармица. Между фигурами надпись «блудо». Для ее графики особенно характерно написание «у» с горизонтальной черточкой у основания вилки. Такое же «у» в надписи четвертого обломка: «безумня» (или «безумия»), сделанной по той же оранжевой краске и несомненно принадлежащей к той же воинской сцене. Для обеих надписей характерны также накрытия букв «л», «д», «я» (юс малый). Трудно сказать, является ли слово «блудо», относящееся к воину в шлеме, собственным именем (вспомним воеводу Владимира I — Блуда). Графика надписей не дает прямых указаний на дату. Можно лишь отметить, что «з» с короткой верхней частью и длинной нижней обычнее для XII в.[5] Миндалевидный щит бытовал не позднее XIII в.

[5] Вообще палеография граффити и берестяных грамот гораздо капризнее и менее устойчива, чем книжная графика. Если последняя представляет как бы унифицированный выучкой писца «наборный» шрифт с некоторыми индивидуальными отклонениями, то грамоты и граффити — это, главным образом, личные почерки разных лиц без профессиональной выучки и опыта.



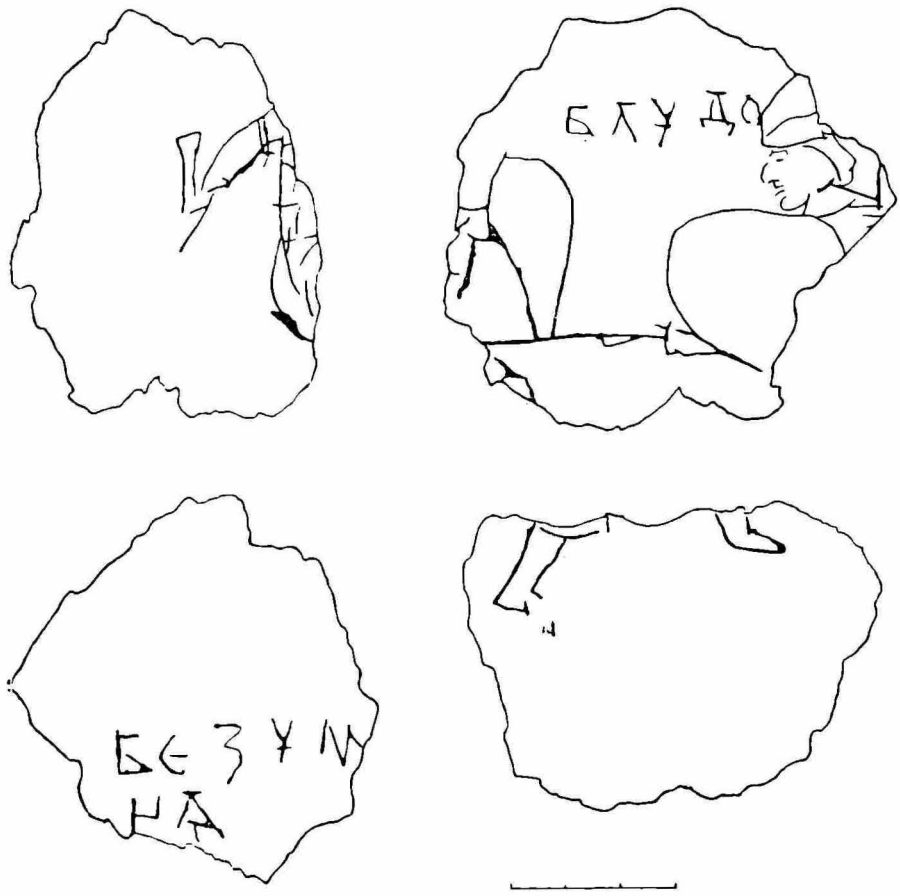


Рис. 2.

Граффити № 1

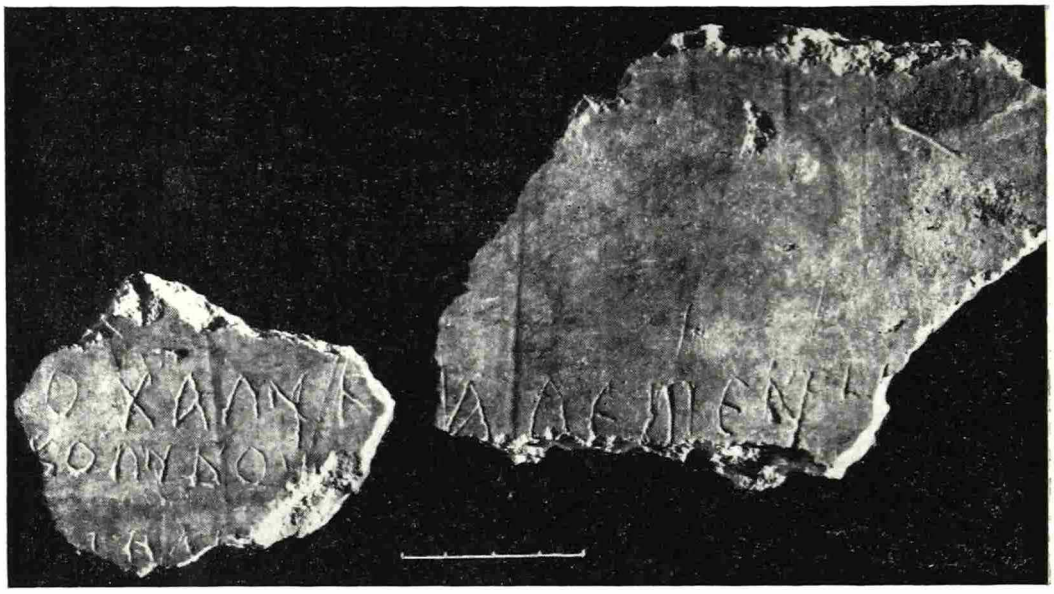


Рис. 3.
Граффити № 2 и 3

В щебне у западного деления той же северной стены храма найдены два фрагмента надписей, сделанных на голубовато-сером фоне. Оба они не поддаются бесспорному чтению.

Граффити № 2 состоит из трех строк (рис. 3, 4), размеры букв уменьшаются книзу:

о халуб
ж (?) о лубо (?)
(?) нан

В первой строке буквы «ха» под титлом могут быть связаны или не связаны с последующими (в первом случае может быть «хвалу», во втором — «христа луб»). Для графики фрагмента характерно «у» с отогнутой наружу левой чертой вилки и с перечерком в ее основании, что мы отметили в граффити № 1 и еще встретим ниже. Остаток буквы «ж» в начале второй строки показывает, что она прочерчена в три приема, что характерно для книжного письма XI—XII вв.

Граффити № 3 (рис. 3, 4) сохранило лишь одну строку из крупных букв:

а детеу (?)

(может быть: «а дете уча»). Характерно то же «у» с отогнутым наружу левым развилком.

Ясных датирующих данных граффити № 2 и 3 не содержат.

При расчистке внутреннего края восточной стены алтарной апсиды храма найдены обломки двух граффити, процарапанных по фреске голубовато-серого тона.

Граффити № 4 представляет фрагмент какого-то церковно-молитвенного текста (рис. 4). Бесспорно читается лишь первая из трех строк:

бьсплоть
бпюхра
ще и (?)

Писец, видимо, хотел воспроизвести текст, как он был в книге: заглавная буква «Б» превращена им в крупный рисованый инициал. Характерны тонкость линий перекрытия букв и редко встречающаяся вогнутость их вертикальных элементов. Последняя черта встречена в новгород-

ской берестяной грамоте № 153 второй половины XII в., уникальность графики которой отмечена А. В. Арциховским [6].

Граффити № 5 сохранило обрывки трех строк (рис. 4). Впрочем, может быть они и не продолжались в стороны: слева с разрывом — остатки букв другой, более тонкой надписи, буквы же этой — жирны и крупны:

шъ
е жом
спсн

Точных датирующих признаков нет. Характерно написание «ж» в три приема.

Рис. 4. Граффити № 2, 3, 4, 5

Граффити № 6, найденное в щебне против гробницы к востоку от портала южной стены храма, сохранило отрывки пяти строк, процарапанных на желтом нимбе, за пределами которого — серовато-голубой фон. Восстановить слова и содержание надписи нет возможности из-за ее фрагментарности (рис. 5). Предположительно можно прочесть последнюю строку «сълъд» как «солод» или раздельно «(но)сол д». Характерно каллиграфическое изящество мастерски прочерченных тонким острием букв, обнаруживающее руку опытного в книжном письме человека. Яс-

[6] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г). М., 1958, стр. 30.

ных датирующих признаков граффити не содержит. Отметим лишь, что начертания букв в общем сходны с другими граффити храма. Таково «в» со слитыми кузовами, очерченными в один прием и не смыкающимися с мачтой; «н» и «п» имеют еще неподтянутые кверху перемычки, у буквы «ъ» кузов четко треуголен, что также ведет к традиции XII в.

Подлинной жемчужиной является большая трехстрочная надпись граффити № 7, длиной 28—30 *см* и шириной 4,5 *см*, собранная Л. С. Китицыной по частям в щебне около крайней западной гробницы в ряду погребальных камер у южной стены собора (рис. 6). Граффити про-

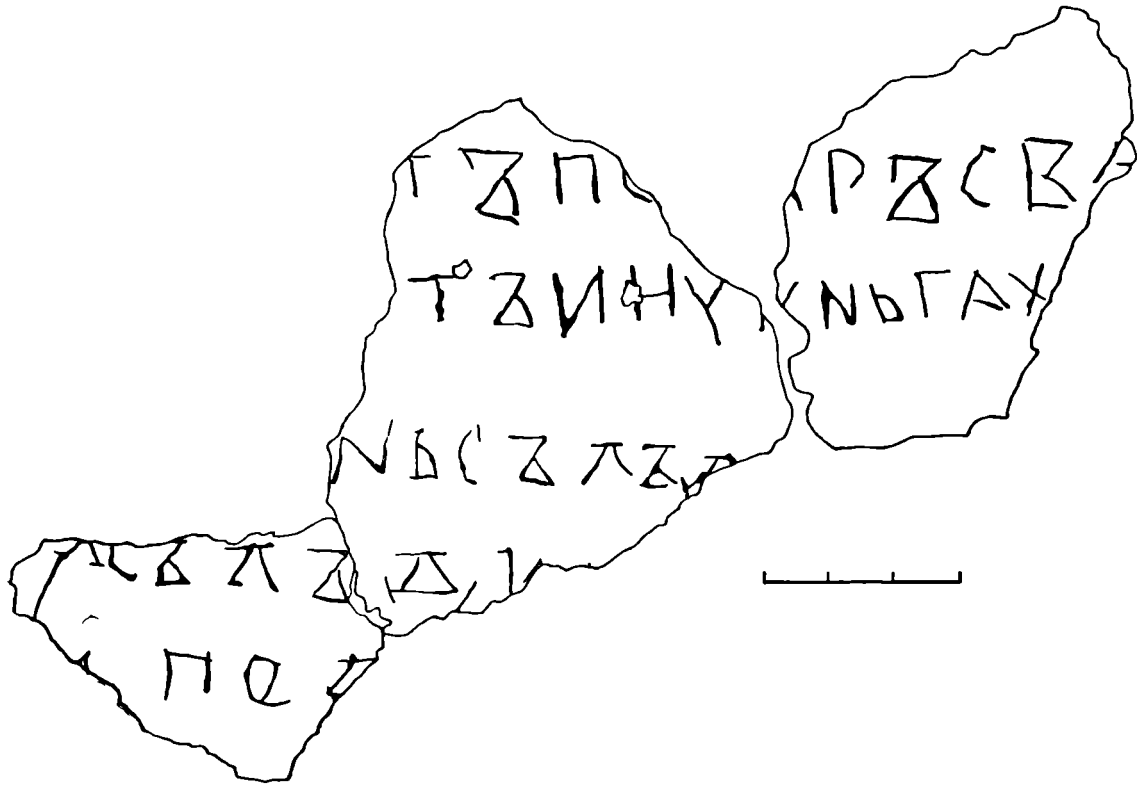


Рис. 5. Граффити № 6

черчено на желто-охристом фоне, к которому сверху примыкает зона характерного для росписи храма «струйчатого» орнамента из наклонных разноцветных волнистых полос на белом фоне. Надпись несколько неполна (обкрошились ее торцовые стороны), но легко восстанавливается (дополнения даем в скобках, титла раскрываем). Надпись читаем так:

господи помъзи дому великъму нь даж (дь)
врагомъ игумьномъ истратит (и)
(до) кънца ни климяте.

«Домом великим» называется храм или монастырь. Вероятнее последнее. Речь идет о каком-то гонении на этот «дом» со стороны «врагов игуменов» (уникальная в русской письменности формула!) и некоего Климяты, которые почти в конец «истратили», т. е. подорвали, монастырское благосостояние. Против этих врагов игуменов и Климяты и призывает автор помощь господа-бога. Надпись является их заклятием. О связи надписи с делом смоленского вольнодумца XII—XIII вв. Авраамия см. ниже в статье Б. А. Рыбакова.

Надпись исполнена рукой опытного писца. Без разграфки выдержана горизонтальность и ровность строк, интервалы между ними, размер букв. Писец сделал описку лишь в изображении начальной буквы слова «Климяте». Шрифт строг и четок, обнаруживает руку книгописца. Любопытно, что и здесь постоянно характерное написание «у» с черточкой под вилкой, как в надписях описанной выше батальной сцены (граффити № 1). Это, ко-

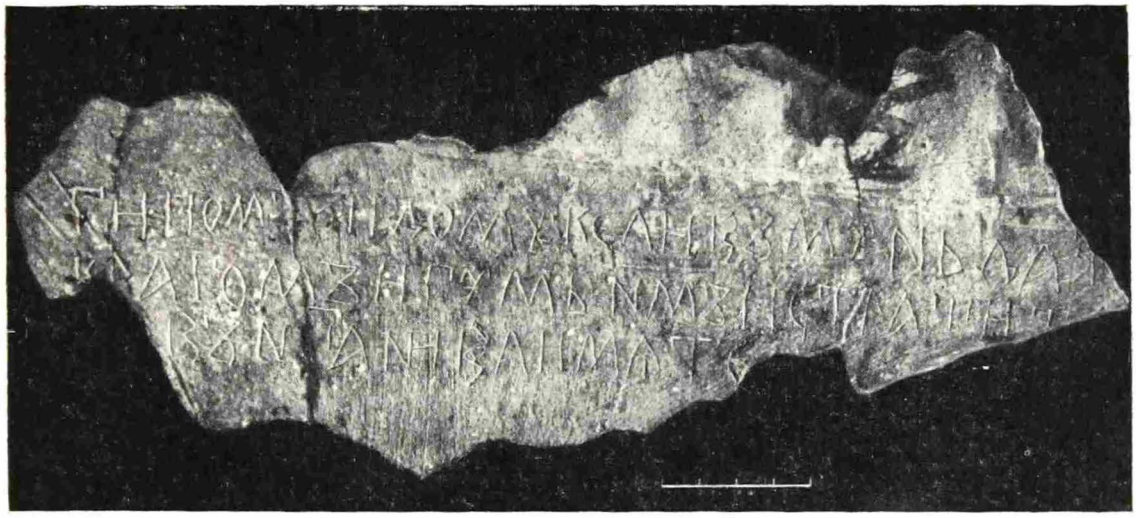


Рис. 6. Граффити № 7

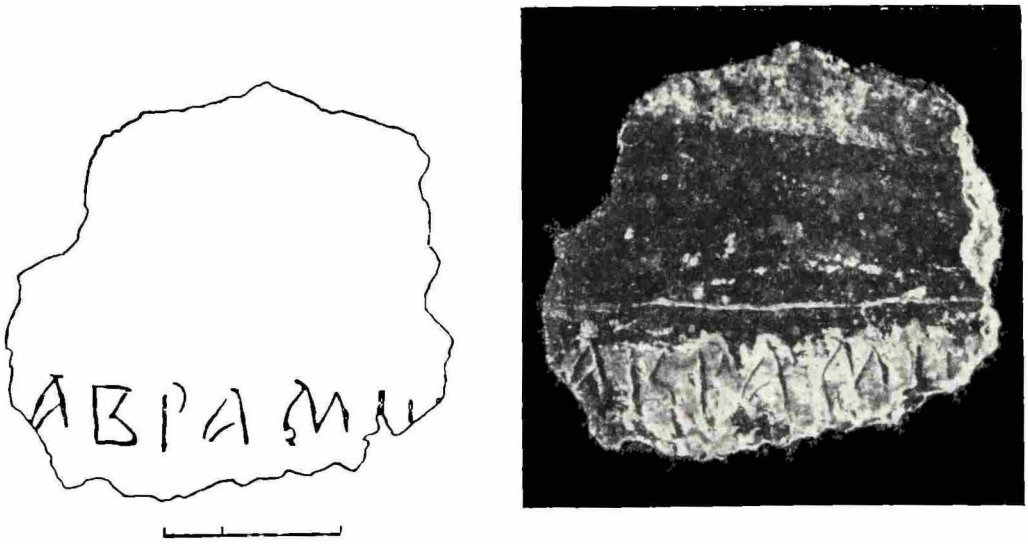


Рис. 7.
Граффити № 8.

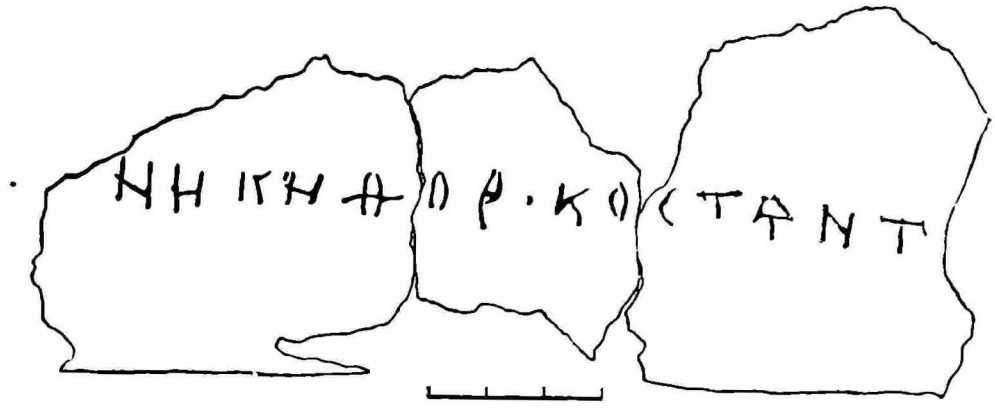


Рис. 8. Граффити № 9

нечно, показатель не одной руки, а одной школы писцов. Но автор данной записи явно опытнее. Здесь «у» имеет еще одну примечательную особенность; загнутые наружу концы вилки (как в граффити № 2 и 3), чего мы не знаем в книжной графике и что очень редко (и может быть случайно) встречается в новгородских граффити [7] и в некоторых берестяных грамотах Новгорода. Наиболее близко написание в грамоте № 121 (XI в.); знак типа «у» с равносторонней вилкой и черточкой в ее основании есть в грамоте № 108 (XII в.), но его А. В. Арциховский считает значком, условным сокращением; «у» с отогнутыми концами вилки встречается в XII в. (грамота № 114) и тогда же — с покрытиями вилки и горизонтальной чертой под вилкой (грамота № 115) [8]. Наличие этой палеографической детали в нескольких смоленских граффити, может быть, говорит об индивидуальной черте смоленских писцов. Покрытие букв «д», «л», «м», «а», юса малого и др., судя по берестяным грамотам, характерно для XI—XII вв., в XIII в. этот прием исчезает. Для берестяных грамот XII в., как и для нашей надписи, довольно характерно расположение буквы «д» целиком в строке с нижними отростками в виде полых треугольников. Отчерк концов буквы «с» вертикальными штрихами встречается в грамоте № 150 второй половины XII в. [9] С XII в. сближает нашу надпись и графика «и» и «н» — перекладина «н» не поднимается, горизонтальная перекладина «и» остается посредине. В то же время кузова «ъ» и «ь» в надписи № 7 теряют треугольную форму и набухают, что ведет к XIII в. Буква «в» с неразделенными кузовами, не доходящими до мачты (что часто бывает и в берестяных грамотах), в книжной графике встречается равно в XII и XIII вв. К архаизирующим чертам можно отнести и сохранение малого юса в слове «Климята». Таким образом, палеографические приметы связывают надпись № 7 с рубежом XII—XIII в.

Связь большого граффити № 7 с делом Авраамия позволяет уверенно считать, что и фрагмент граффити № 8 говорил о нем же. Это обломок фрески (фиолетовый тон, выше — серо-голубой), найденный у восточного конца ряда гробниц у южной стены храма (рис. 7, *1*, *2*). На обломке сохранилось только имя «Аврам» (далее буква обломана). Написание «а» близко большой надписи № 7, равно как и «в» со слитыми кузовами, прочерченными одной линией, не смыкающейся посредине с мачтой.

По соседству с граффити № 7, также рядом с гробницей, у южной стены храма найдено граффити № 9 с двумя именами «Никифор. Костянт(ин)» (рис. 8). Оно исполнено по широкой красно-коричневой полосе, окаймлявшей лицевую сторону аркосолия (обломок имеет закругленный внутрь край; выше коричневой полосы — «струйчатый» орнамент. Графика надписи далека от мастеровитости «заклятия врагов игуменов» — строка неровна, начертания небрежны, буквы «н» и «и» плохо различаются, но у «н» перекладина уже наклонена и имеет тенденцию подняться кверху, что характерно для XIII в. Сохранен юс малый. Выход мачты «р» за нижнюю линию строки, могущий служить поздней приметой, встречается в новгородских берестяных грамотах XII в. Соблазнительно думать, не являются ли эти имена именами тех двух учеников Авраамия, которые вместе с ним подвергались гонению [10].

---

[7] В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti. «Древности», XIX, 3, М., 1902, стр. 37, табл. VI, *31*.

[8] А. В. Арциховский, Н. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958, стр. 37—38; 47—49, 54.

[9] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 28.

[10] С. П. Розанов. Жития преп. Авраамия Смоленского и служба ему. СПБ, 1912, стр. 10.

Б. А. РЫБАКОВ

СМОЛЕНСКАЯ НАДПИСЬ XIII в. О «ВРАГАХ ИГУМЕНАХ»

При раскопках Н. Н. Воронина в 1962 г. древней церкви XII в. в Смоленске был найден ряд надписей-граффити. Наибольший интерес для историка представляет надпись № 7 (см. статью Н. Н. Воронина в этом номере журнала) [1] (рис. 1).

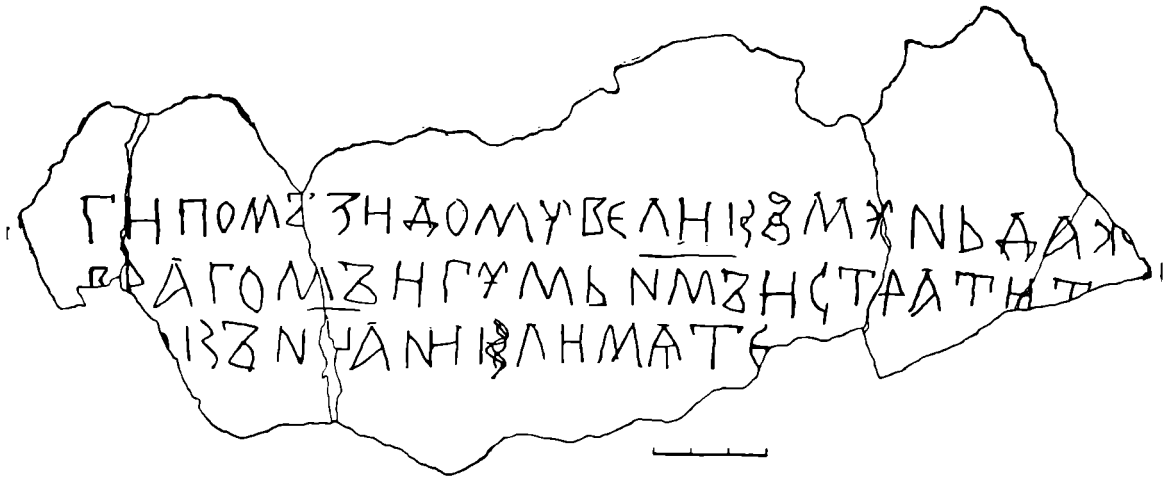


Рис. 1. Прорись надписи XIII в. из Смоленска (раск. Н. Н. Воронина 1962 г.)

Надпись трехстрочная и дошла до нас почти целиком. Сохранилось начало первых двух строк и, по всей вероятности, конец третьей. Первая строка оборвана на полуслове: «даж»; очевидно, было написано «даждь». Вторая строка: «пстратит»; нужно — «истратити». В начале последней строки должен был стоять предлог «до».

Графика надписи своеобразна: автор применяет перечеркнутое «у», перевернутое «ц» и пишет букву «к» с хвостиками в левую сторону, что делает ее похожей на «в».

Особенностью надписи является постоянное применение «ъ» и «ь» для изображения глухих:

ПОМЪЗИ вместо «помозп»,
ВЕЛИКЪМУ вместо «великому»,
НЬ вместо «не»

[1] Настоящая заметка является изложением моего доклада в славяно-русском секторе Института археологии АН СССР (1. XI. 1962 г.).

Необходимость специального доклада была вызвана тем, что в предварительном сообщении (18. X. 1962 г.) Н. Н. Воронин оставил надпись без прочтения.

С удовлетворением могу отметить, что после моего сообщения Н. Н. Воронин в своих отчетных докладах на Ученом совете Института археологии и на Сессии Отд. истор. наук АН СССР (15. III. 1963 г. и 20. IV. 1963 г.) полностью присоединился к моему чтению и датировке надписи № 7 и разделил мой взгляд на историческое осмысление ее содержания.

В трех случаях для обозначения глухих автор воспользовался титлами:

ВРАГОМЪ -- следует читать ВЪРАГОМЪ

КЪНЦА — следует читать КЪНЬЦА

ИГУМЬНМЪ — следует читать ИГУМЬНЪМЪ

В надписи совершенно отсутствует написание «оу», везде замененное одним «у».

Раскрыв титла и сокращения (дано в простых скобках), сделав предположительные дополнения утраченного (дано в квадратных скобках) и разделив на слова всю надпись, можно представить так:

г(оспод)и помѣзи дому великѣмү на даж[дь] в(ъ)рагомъ игумьн(ъ)мъ истратит[и его до] кѣн(ь)ца ни климате

Содержание надписи настолько необычно, что заставляет нас с особым вниманием отнестись к ее датировке. Нам очень важно знать — когда игумены смоленских монастырей могли стать врагами этого храма, этой церковной общины?

В нашем распоряжении есть три группы материалов, могущих облегчить палеографическую датировку: 1) сводные азбуки рукописных букв; 2) новгородские берестяные грамоты и 3) сводная азбука и специальные хронологические графики датированных надписей на вещах и граффити.

Начну с последней группы, наиболее близкой по характеру письма. Для целей эпиграфической датировки огромного количества древнерусских надписей XI—XIV вв., датируемых обычно приблизительно, по случайным сопоставлениям, мною составлен выпуск «Свода археологических источников», посвященный датированным надписям. На основе сводной азбуки XI—XIV вв. составлены хронологические графики для большинства букв, разделенные на семь разновременных групп, выделенных в зависимости от наличия материала.

1-а	группа	1052—1077 гг.			
2-я	»	1093—1128 гг.	5-я	»	1270-е годы
3-я	»	1133—1194 гг.	6-я	»	1328—1365 гг.
4-я	»	1211—1240 гг.	7-я	»	1381—1392 гг.

Некоторые виды начертаний встречаются во многих группах и тем самым бесполезны для хронологических расчетов; другие же появляются только на короткий срок и становятся для нас хорошими ориентирами.

Отобрав в интересующей нас надписи буквы, наиболее подверженные хронологическим изменениям, и сопоставив их с упомянутыми графиками, мы получим следующее распределение аналогий (рис. 2).

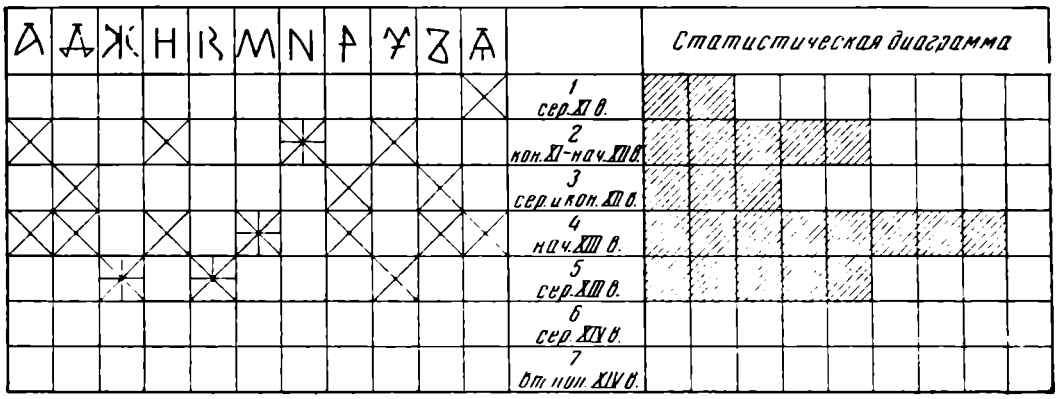


Рис. 2. График аналогий буквам смоленской надписи

Наибольшее количество аналогий падает на четвертую группу, т. е. на первую половину XIII в. Есть отдельные черты, характерные (по известным нам пока материалам) для третьей четверти XIII в. (буквы «ж», «к» и «у»). Ни одной черты XIV в. здесь нет, хотя в надписях середины и второй половины XIII в. они обычно уже бывают заметны. Обилие аналогий с надписями второй группы, т. е. XI—XII вв., нас не должно смущать, так как в трех случаях из четырех эти же самые начертания букв доживают до четвертой группы. Это относится и ко всем трем аналогиям с начертаниями третьей группы.

Таким образом, эпиграфически смоленскую надпись следует датировать временем, близким к надписям четвертой группы (1211—1240 гг.).

Сопоставление с рукописными книгами дает нам наиболее полную аналогию в почерке евангелия 1215 г.[2]

Обращение к новгородской бересте дает нам ту же дату — начало XIII в. Некоторые элементы, свойственные смоленской надписи, появляются в грамотах, связываемых с ярусом № 17 (1177—1197 гг.), но наиболее полные аналогии дает ярус № 16 (1197—1224 гг.).

Особенно близка по ряду черт грамота № 108: здесь есть и перекрещенное «у», и «к» с загнутыми влево хвостиками, и «в», чрезвычайно близкое к смоленской надписи[3].

Таким образом, три категории наших источников дают сходную дату смоленской надписи:

Эпиграфика	1211—1240 гг.
Палеография	около 1215 г.
Берестяные грамоты	1197—1224 гг.

Датировка надписи началом XIII в. и наличие отдельных черт даже второй половины этого века исключают всякую возможность видеть в КЛИМАТЕ (могшем «истратити» великий дом) митрополита Климента Смолятича (1147—1155 гг.).

Написание имени Климяты через юс малый никак не может свидетельствовать об архаичности письма — точно так, через юс малый — четырежды это имя написано в известной духовной Климяты, датируемой серединой XIII в.[4]

* * *

Надпись начала XIII в., говорящая о «врагах игуменах» и сделанная на стене одного из загородных храмов Смоленска, неизбежно заставляет нас вспомнить о событиях начала XIII в. в Смоленске, когда игумены и попы враждовали со смелым проповедником Авраамием.

Сведения об этих событиях мы получаем из жития Авраамия Смоленского, написанного в середине XIII в. его учеником Ефремом[5].

«Житие Авраамия» — важный литературный памятник, без учета которого нельзя рассматривать историю русской общественной мысли и еретических движений средневековья.

При анализе данных жития необходимо учитывать, что ко времени его написания монастырь, основанный Авраамием, уже вполне примирился с официальной церковью и монах Ефрем, очевидно, ставил своей задачей полную реабилитацию своего мятежного учителя в глазах церкви. Поэтому читатели жития получали сведения о необычном проповеднике и его врагах игуменах, пропущенными сквозь призму благонамеренности.

---

[2] Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы из снимков рукописей X—XIV веков, 1, СПб., 1905, л. V.

[3] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958, стр. 37.

[4] М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 9.

[5] С. П. Розанов. Жития преподобного Авраамия Смоленского. СПб., 1912.

Но и в таком смягченном виде «Житие Авраамия» представляло интерес в самый разгар стригольнического движения в середине XIV в.— один из списков его датируется 1355 г [6].

Хронология событий в житии недостаточно четкая и требует зачастую дополнительных проверок. Канва жития Авраамия такова: сын богатых и знатных родителей (обычный агиографический прием), он в юности постригся в Селищенский монастырь в пяти поприщах к востоку от Смоленска. Здесь пять лет он проходил искус, во время которого выявились и его моральные качества, и любовь к книгам, и необыкновенный ораторский талант, «дар слова божия». В монастырской библиотеке были жития пустынников Антония и Иларпона, описания монашеской жизни в окрестностях Иерусалима, труды Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, а из русских авторов — Феодосия Печерского. В этой библиотеке был сборник «Златой Чепи», цитируемой автором жития. Была в распоряжении Авраамия и апокрифическая литература — «глубинныя книгы». Через пять лет игумен поставил Авраамия в дьяконы, а потом и в попы; это произошло «при княженьи великого ...князя Мьстислава Смоленьского и всея Роускыа» [7].

В Смоленске почти одновременно было два князя Мстислава, оба внуки Ростислава Мстиславича: Мстислав Давыдович и Мстислав Романович Старый. Великим князем Руси был только второй. Дата его княжения в Смоленске — 1197—1213 гг. К этому времени мы и должны относить начало широкой общественной деятельности Авраамия. К нему в монастырь «мнози от града приходять и учением духовным его множатся». Молодой поп, не довольствуясь беседами в монастыре, начал проповедовать в Смоленске, следуя примеру своего любимого автора — Иоанна Златоуста: «да не учитель далече града будеть, оттоле выиде в град, уча и наказуя».

Первые же шаги проповедника Авраамия сразу настроили враждебно к нему смоленское духовенство. Попы и монахи выступили против него, чинили ему всякие препятствия, приходили даже в Селищенский монастырь «потязати и укорити», но бывали посрамлены в спорах и «со студом отхожааху» [8].

Смоленск превратился в арену ожесточенной идеологической борьбы. На одной стороне было многочисленное белое и черное духовенство города (в Смоленске было несколько десятков церквей и монастырей), а на другой — молодой талантливый проповедник, который, по словам его врагов игуменов, «уже весь град к собе обратил есть».

Публичная проповедь в Смоленске была скоро запрещена Авраамию попами и черноризцами, «спиру творящими» и «крамолы на нь вьздвизающими в граде и везде».

Автор жития утешает читателей, что и после запрещения Авраамий, оказавшись «неотходящим», продолжал поучать посетителей монастыря, «пленяя их душа и смысл их».

Очевидно, проповедь Авраамия носила особенный, необычный характер, опасный для церковников вообще, потому что вскоре на него ополчился и его игумен, постригший и воспитавший его. Игумен Селищенского богородичного монастыря «много озлобления на нь возложи», запретил ему поучать и «отлучи» его. Последнее надо понимать, очевидно, не в смысле отлучения от церкви, интердикта, а отрешения от проповедничества: «аз за тя отвещаю у бога. Ты же престани уча».

Авраамию пришлось перейти в другой монастырь. Автор жития старательно выпячивает заботы Авраамия о благолепии новой монастырской церкви. По его заказу (или им самим?) были специально написаны две иконы; одна из них на стандартную тему «Страшного суда», а другая на

[6] С. П. Розанов. Ук. соч., стр. IV.
[7] Там же, стр. 6.
[8] Там же, стр. 7.

необычную тему, связанную с литературно-философскими разысканиями самого Авраамия — «Испытание воздушных мытарств» [9].

Проповедническая деятельность Авраамия развернулась на новом месте особенно полно. Монастырь «Честного Креста» находился вне городских стен, вдали от епископской резиденции и наиболее богатых монастырей. «И ту начаша боле приходити и ученье его множайшее быти».

Авраамий выходил из рамок обычной церковной службы, он устраивал чтение книг и давал свои пояснения читаемому «бе бо блаженый хитр ... не токмо почитати, но протолковати». Обладая блестящей памятью, проповедник знакомил слушателей с самыми различными сочинениями, используя, очевидно, для этого и церковную кафедру и беседы с «притекающими на утешение».

Автор жития считает нужным отметить, что Авраамий, в отличие от духовенства своей эпохи, отказывался от участия в мирских пирах и трапезах, ограничивая свою деятельность стенами монастыря, куда стекались толпы смолян.

Для нас очень важно отметить, что его слово было обращено к разным социальным слоям, включая и подневольное, феодальнозависимое население княжества: «николи же умлъкнуша уста его к всем — к малым же и к великым, рабом же и свободным и рукодельным» [10].

Очевидно, успешная и широкая проповедь Авраамия, книжника, оратора и художника, представляла какую-то общую опасность для церкви, потому что и в новом монастыре над ним нависла беда.

В то время как одни в Смоленске восторженно называли Авраамия пророком, другие посылали доносы на него епископу, хулили его ученье и называли еретиком. В вину ему ставилось преклонение перед какой-то опасной апокрифической литературой: «глубинные книгы почитаеть». Попы выкрикивали: «Уже наши дети вся обратил есть». Здесь под «детьми» следует понимать их прихожан, паству.

Смоленск стал свидетелем нового, небывалого по размаху движения всех церковников против проповедника из «Честного Креста», который был «яко птица ят руками» и приведен на епископский двор: «Събраша же ся вси от мала до велика весь град на нь». «Инии глаголють: „Заточити!", а инии — „К стене ту пригвоздити и зажещи!", а друзии — „Потопити!" и проведше въ сквозе град.

Всем же собравшимся во двор владычень, игуменом же и попом и черньцем, князем и боляром, диакони и вси церьковници, внегда послаша по блаженого, уже всем собравшимся.

Посланые же слугы, емше, яко злодеа влачяху; овии рутахуся ему, инии же насмхаахуся ему и бесчинная словеса кыдающе».

Событие взволновало весь город: «по торгу и по улицам — везде полна народа и мужи же, глаголю, и жены и дети:....» [11]

В судьбе опасного еретика принял участие князь: «Князю бо и властелем умягъчи бог сердце; игуменом же и ереом — аще бы мощно, жива его пожрети».

Князь и вельможи предостерегали епископа от «беззаконного убийства» и расценили обвинения, воздвигнутые игуменами против Авраамия, как клевету. Суд продолжался два дня. Приговор был очень далек от желания игуменов, «яко волом рыкающим» утопить, сжечь или «жива пожрети» Авраамия. Его вернули в Селищенский монастырь, лишили права литургии, а по всем дорогам, ведшим в Смоленск, были поставлены мечники (очевидно, владычные), не пропускавшие никого к опальному проповеднику. Пытавшиеся проникнуть к Авраамию его сторонники «разграблени быша».

---

[9] С. П. Розанов. Ук. соч., стр. 8.
[10] Там же, стр. 7.
[11] Там же, стр. 10. Знаки препинания и кавычки расставлены по-иному.

В истории средневековых ересей нередко наблюдается сочувствие светской власти тем еретикам, которые выступали лишь с антиклерикальными или антимонашескими лозунгами без радикальной программы социальных преобразований. Очевидно, именно такова и была проповедническая деятельность Авраамия, привлекшего на свою сторону народные массы и боярско-княжеские круги, но озлобившего прежде всего верхи монашества — игуменов. Далее автор жития повествует о том, какое страшное наказание от бога понесли враги — игумены, оклеветавшие Авраамия: «овии от игумен, инии же от попов напрасную смерть приимаху». Божья кара коснулась всего Смоленска — началась страшная засуха: «Бывшу же бездождью велику в граде, яко иссыхати земли и садом и нивам и всему плоду земленому». Молитвы епископа и игуменов не помогли, и только молитва Авраамия прекратила засуху.

Епископ примирился с Авраамием и даже назначил его игуменом собственного Ризоположенского монастыря, «дома богородицы». Авраамий умер игуменом этого монастыря, впоследствии носившего его имя, пробыв в постриге 50 лет, т. е. около 70-ти лет от роду.

К сожалению, у нас очень мало данных для уточнения хронологических расчетов и определения тех лет, когда «враги игумены» едва не осуществили задуманное ими ауто-да-фе.

Епископ Игнатий упоминается лишь однажды в 1206 г., епископ Лазарь упомянут в 1225 г., как уже оставивший кафедру [12]. Князь Мстислав (Романович), при котором Авраамий достиг сана, княжил в Смоленске в 1198—1213 гг. В острых событиях, связанных с судом над Авраамием, имя князя не названо, что косвенно может указывать на иного князя, т. е. на время после 1213 г. Следовательно, конфликт Авраамия с «врагами игуменами» предположительно можно относить ко времени 1213—1225 гг. В эти годы в Смоленске княжили второстепенные малозначащие князья. На эти 12 лет падает целиком неизвестное нам по длительности пребывание на кафедре епископа Лазаря, оставившего «епископью свою и за многое обидение святых церквей, иже обидят и властели» [13]. Быть может, уточнить дату нам поможет засуха, наступившая после суда или даже в год суда. Последний вывод позволяет сделать речь Луки Прусина в защиту Авраамия, где он пророчествует о том, что гнев божий (очевидно, уже появившийся) продлится еще 30 лет и более, если инквизиторы не раскаются [14].

В поисках дополнительных данных я обратился за консультацией к Б. А. Колчину, занимающемуся дендрохронологическими вопросами. Оказалось, что в первой четверти XIII в. была грандиозная общеевропейская засуха (1217—1222 гг.) [15].

Судя по новгородским графикам, наиболее «угнетенными» оказались годичные кольца на бревнах, относящиеся к 1218—1220 гг. После этих неблагоприятных лет сразу наступили нормальные годы. 1218—1220 годы и следует, очевидно, считать временем конфликта, потрясшего весь Смоленск. Имя князя нам неизвестно ни по житию, ни по летописи, епископ Игнатий доживал последние годы. Начавшаяся засуха («гнев божий») могла обострить противоречия. Раскопанная Н. Н. Ворониным церковь не связана ни с одним из пунктов, упомянутых в житии, но следует обратить внимание на то, что она находится в той части Смоленска, где пролегал путь в Селище, где был монастырь «Честного Креста» и где впоследствии возник Авраамиев монастырь.

---

[12] Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, первый полутом. М., 1901, стр. 690.

[13] С. П. Розанов. Ук. соч., стр. 11.

[14] Там же.

[15] Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. МИА, 117, 1963, стр. 36, рис. 33 и 34.

* * *

Последний вопрос, который стоит перед нами,— это выяснение сущности проповеди Авраамия, причин того, почему «великие и малые» люди Смоленска были его горячими сторонниками, а «враги игумены» хотели его «живым пожрети».

Автор жития подчеркивает обращение проповедника к рабам, к рукодельным, к простым малым людям его земли, но в то же время очень явны и симпатии к нему со стороны князя и вельмож: князь и вельможи, выступив «едиными усты» на судилище, повернули ход дела в пользу Авраамия. Очевидно, обращение к малым сим и к рабам не носило характера опасных антифеодальных призывов, так как тогда миролюбие князя и вельмож было бы необъяснимо.

Для суждения об образе мыслей Авраамия у нас очень мало данных, но они представляют значительный интерес. Сохранилась молитва, считающаяся его сочинением. Авраамий обращается к богу от имени богоматери (его монастырь был «домом» богоматери) в качестве заступника за всех смолян, многократно грешивших. Там есть слова, сближающие эту молитву с надписью на Людогощинском кресте 1359 г., поставленном, по всей вероятности, стригольниками Новгорода: «...помилуй, владыко, вся... христиане, нарицающе имя твое на всяком месте владычества твоего» [16].

Для стригольников это обозначало борьбу против монополии церковников, как обязательных посредников между небом и людьми. Этими словами утверждалось право каждого «на всяком месте», а не только под сводами храмов, обращаться к своему богу, право молиться на «ширинах градных» и распутиях. Вкладывался ли именно такой смысл Авраамием и его единомышленниками — неизвестно.

Перу Ефрема, ученика Авраамия, кроме его жития принадлежит и «Похвала», где в перечислении разных разрядов людей (от апостолов до нищих) упоминаются убогие и просители, претерпевшие голод, наготу и холод, многие напасти на море и на суше, «озлоблении и прогнани и разграблени бес правды от велмож и от судьи неправедных...» [17]

Здесь эти социальные мотивы поданы в очень смягченной форме, так как предполагается, что «си вся приаша и претерпеша с похвалением». Такие робкие демагогические выпады не могли быть причиной гонений на Авраамия и его учеников.

Не могло вызвать всеобщего возмущения и вполне невинное увлечение одной из тем эсхатологического цикла: «Блаженный Авраамий часто собе поминая, како истяжуть душу пришедшеи ангели и како испытание на въздусе от бесовьских мытарев...» Как мы помним, на эту тему, в пояснение словам, Авраамий даже написал (или заказал) икону.

С именем Авраамия связано специальное «Слово о небесных силах и чего ради создан бысть человек и о исходе души». Половина этого слова посвящена загробной судьбе душ праведных и грешных. Все это основано на вполне каноническом житии Василия Нового [18].

Ключом к идеологии Авраамия и его сторонников должны быть отреченные («глубинные») книги, в чтении и почитании которых обвиняли его на суде.

Из книг, близких к «глубинным», в житии названа лишь одна — «Златые Чепи», оттуда Ефрем, ученик Авраамия черпал оправдания своего учителя.

«Златой Чепи» и близкому к ней «Измарагду» посвящена блестящая статья Н. П. Попова, который убедительно доказал, что составление этих

[16] С. П. Розанов. Ук. соч., стр. 163.
[17] С. П. Розанов. Ук. соч., стр. 23.
[18] Е. Голубинский. Ук. соч., стр. 806, 807, 821, 822; С. Шевырев. История русской словесности. СПб., 1887, ч. III, стр. 214.

сборников в XIV в.— дело стригольников, вооруживших, как и Авраамий, против себя всех церковников. [19]

Поучения, подобранные в «Златой Чепи», адресованы простым людям, миряшам, «всем христианам», как и молитва Авраамия. Они обращены не только к социальным низам (которым высказывается сочувствие), но и к воинам, едущим на рать с князем. Одно из слов в сборнике делит человеческое общение с богом на два вида: каждый может молиться о себе в своем доме, «идеже не видить никтоже, не слышить, но токмо един бог»; клеть в своем доме именуется «малой церковью». Наряду с этим существует и молитва в храме, в «великой церкви» — она идет за князя и всех христиан.

Видное место в «Златой Чепи» и «Измарагде» занимают осуждения монахов и духовенства. «Не спасут нас черные ризы, ни белые осудят...» Особенно интересно «Слово о лжеучителях» в «Измарагде»: «Мнози пастуси наймиты паствити скот и сами пиют или да спят... упиваются неправедным събранием и, потакови деюще властелем, не хотят учити, ловяще у них чяши или некоево взятья.

Того ради простейшим ученьем учат, а дивное таят...» [20].

Духовенство, потакающее за дары или за чашу вина неправедным судьям, пьянствующее, ограничивающееся примитивной формой поучений, приравнено к волкам у стада. «Лихие пастухи» названы лжеучителями.

«Златая Чепь» содержит те же резкие обличения: «Мнози бо в пустынях и в горах (т. е. отшельники, монахи.— *Б. Р.*) мысляще мирьская — погибоша и мнози в градах с женами и детими живуще — спасошася» [21].

Если Авраамий Смоленский просто читал «притекающим к нему» смолянам это место из имевшейся в его библиотеке «Златой Чепи» (даже без «протолкования»), то этого уже было достаточно для того, чтобы игумены монастырей стали его врагами. Но он, как известно, и комментировал читаемое. Попы-лихоимцы приравниваются к языческим жрецам и награждаются нелестными определениями: «Блудници лихоимьци — си суть свинии пастуси...». Беря в свидетели самого бога, составители, «Златой Чепи» особо выделили в рукописи то «протолкование», которое касается плохих попов:

«И сам рече господь: мнози настуси просмрадиша виноград мой...

Пастуси — суть попове и книжници, а виноград — вера... и погибають (человеци) лихими пастуси и учители безумными...» [22].

В злобном хоре тех, кто предлагал убить, утопить, распять и сжечь живым Авраамия, на первом месте были игумены, а на втором — «ереи» — попы, у которых тоже были основания ненавидеть этого почитателя книги Глубины — «Златой Чепи».

Н. П. Попов усматривает в подборе и содержании статей «Златой Чепи» прямое влияние вальденсов, последователей Петра Вальдо (умер около 1218 г.), старшего современника Авраамия.

* * *

Борьба против монашества и церкви, даже если она велась в рамках умеренной бюргерской ереси, была, как мы видели, далеко не безопасной. Вполне возможно, что и стригольники XIV в. старались зашифровать часть своих глубинных книг, чтобы выявляемое ими «дивное учение» не слишком бросалось в глаза соглядатаям.

Иногда в качестве шифра применялась глаголица, которая вкрапливалась в обычный кириллический текст. Таковы, например, отрывки XII—XIII вв., направленные против богатых, надеющихся на богатство и потому «высокоумничающих» [23].

---

[19] Н. П. Попов. Памятники литературы стригольников. ИЗ, VII, 1940, стр. 34—
[20] Там же, стр. 37.
[21] Там же, стр. 47.
[22] Там же, стр. 50.
[23] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 517.

В дошедшем до нас списке «Златой Чепи» необычно много всяких описок, пропусков букв и слогов. Предполагается, что этот список XIV в. сделан с такого зашифрованного «глубинного» экземпляра, в котором простому граматею разобраться было трудно. О внешнем виде подобных сокровенных письмен мы можем судить по листам из рукописи XIV в.[24]

Письмо состоит почти сплошь из лигатур, многое выведено под титла; кроме того, применены замены букв: твердый знак обозначался точкой, ять — крестиком, «ы» — угольником, «а» — косой чертой. Читать и правильно расшифровать такую рукопись трудно.

В публикуемой смоленской надписи, как отмечалось, есть ряд сокращений, тоже затрудняющих чтение: лигатура ИН замена ера (или «о») и еря титлами. То, что в начале XIII в. было еще в зачатке, могло к XIV в. под влиянием потребности в конспирации значительно усложниться.

Выяснив насколько возможно историческую обстановку в Смоленске в начале XIII в., вернемся к нашей надписи. Ее эпиграфическая и палеографическая дата — 1197—1224 гг. или 1211—1240 гг.— очень близка по времени событий, связанных с Авраамием.

Огромный храм конца XII в., раскопанный в восточной части Смоленска, был, судя по надписи, в руках сторонников Авраамия, иначе граффито не уцелело бы на его стенах. Быть может, именно здесь служил благожелатель и почитатель Авраамия — поп Лазарь, мог быть здесь и кто-либо из его учеников. Движение «авраамистов» не было таким радикальным, как ересь стригольников, оно, очевидно, не противопоставляло себя церкви вообще, не отрицало церковной обрядности, но вело борьбу с продажностью и развращенностью духовенства. Опорой его, надо думать, было среднее городское сословие и отчасти «рабы и рукоделнии». Поддержкой княжеских верхов оно могло пользоваться именно потому, что бичевало монашество и духовенство и предлагало, возможно, какие-то «нестяжательские» меры. В таких условиях «авраамисты» могли располагать несколькими пунктами в городе. Житие называет Крестовоздвиженский монастырь, церковь архангела Михаила и неизвестный нам по имени храм, где попом был Лазарь. Надпись добавляет еще один храм, в котором вольнодумные «авраамисты» открыто призывали бога в помощь себе против врагов игуменов, а какого-то особого врага, Климяту, смело назвали по имени.

«Враги игумены» могли до конца «истратити» «великий дом». Идет ли здесь речь о крупном церковном здании или же этим словам придан тот символический смысл, который мы находим в «Златой Чепи»? Думаю, что в первом случае, если бы помощь призывалась данной церкви или даже общине вокруг нее, то было бы сказано: «дому с е м у».

«Господи! Помози д о м у в е л и к о м у...» Речь, скорей всего, идет о той «великой церкви», которая объединяла всю официальную церковность, молившуюся за князя и «вся христианы», лучшими представителями которой считали себя последователи Авраамия.

Враги игумены уже успели, судя по тексту, «истратити» великий дом, нанести ему какой-то сильный ущерб. Это позволяет датировать надпись временем п о с л е с у д а (когда Авраамий был уже повержен, когда грозила опасность того, что игумены и иереи могут «до коньца» уничтожить воздвигнутый им великий дом), но до о к о н ч а н и я з а с у х и, избавление от которой было приписано молитвам Авраамия (после чего великий дом снова стал крепнуть и расширяться). Следовательно, дата надписи — около 1218—1220 гг.

Три строчки, нацарапанные на штукатурке смоленской церкви, оказались интересным дополнением к известным нам источникам и дали еще несколько штрихов из жизни русского средневекового города.

---

[24] Е. Э. Г р а н с т р е м. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей. ТОДРЛ, X, М.— Л., 1954, стр. 442.

Заметки

В. М. РАУШЕНБАХ

ДРЕВНЕЙШАЯ СТОЯНКА ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Строители дорог разрушили древнюю стоянку в дер. Сущево Московской области Талдомского района. Эта стоянка расположена на правом берегу р. Дубны, у южной окраины дер. Сущево. На месте стоянки берег сравнительно низкий и заливается во время половодья. Для спасения оставшейся части памятника мы заложили два небольших раскопа общей площадью 152 $м^2$.

На стоянке наблюдалась следующая стратиграфия: 1—10-12 *см* — дерновый слой; ниже, до глубины 30-40 *см*, шел слой коричневого суглинка с обильными железистыми включениями; еще ниже, до глубины 50—60 *см*, залегал слой светлой, почти белой, сильно выщелоченной супеси, которая подстилается мощным слоем красной плотной глины. Культурные остатки встречаются как в корневой системе дерна, так и в слое коричневого суглинка. Общая мощность культурного слоя вместе с дерном не превышает 30—40 *см*. Насыщенность слоя находками чрезвычайно слабая. Возможно, это объясняется тем, что основная часть поселения, по-видимому, располагалась в прибрежной части и была разрушена при выемках песка строителями дороги.

Однако, невзирая на слабую насыщенность культурного слоя стоянки находками, это новое местонахождение представляет большой интерес. Сущевская стоянка является прежде всего однослойным памятником с весьма однородным материалом. Это обстоятельство приобретает особый смысл, если учесть тот факт, что в 1 *км* от Сущевской стоянки находилось поселение Николо-Перевоз с перемешанным культурным слоем, материал которого относится, по крайней мере, к пяти различным археологическим культурам. В связи с этим сравнение археологического материала этих двух памятников облегчает разрешение вопроса о том, племена какой археологической культуры были первыми поселенцами в бассейне р. Дубны.

Материал Сущевской стоянки представлен только керамикой, кремневыми орудиями и многочисленными отщепами. Керамика состоит из обломков сосудов, изготовленных из глины с примесью дресвы. Сосуды тонкостенные, хорошего обжига, венчики прямые. Обломков днищ сосудов не найдено. Орнаментация сосудов очень однородна. Все сосуды украшены глубокими, с коническим дном ямками в сочетании с оттисками гребенки и полулунными или ногтевыми вдавлениями (рис. 1). Причем в орнаментации сосудов резко преобладают ямки, оттисков гребенчатого штампа очень мало и еще меньше ногтевых вдавлений. Никаких иных элементов орнамента нет. Как известно, такая орнаментация керамики характерна для льяловской культуры, особенно ранних памятников, таких как Льялов-

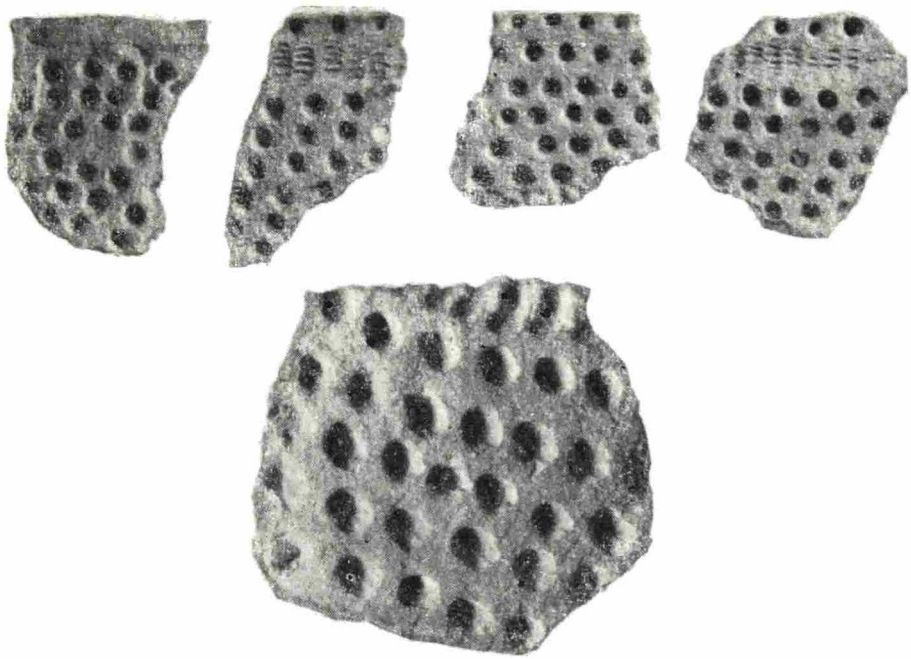


Рис. 1. Черешки Сущевской стоянки

ская и Гридинская стоянки. Керамика остальных стоянок льяловской культуры (Б. Буньяковская, Бисеровская и др.) в своей орнаментации имеет уже значительные черты разнообразия: здесь и ромбические вдавления, и широкое использование различных вариантов фигур, сделанных оттисками гребенчатого штампа.

Что касается орнамента на посуде самой Льяловской стоянки, то он безусловно более прост и строг, чем в Бисеровской и Буньковской стоянках. Однако и в Льялово кроме ямок, гребенки и ногтевых элементов орнамента уже появляются ромбические вдавления, а оттиски гребенчатого штампа по сравнению с сущевскими более разнообразны. Таким образом, при сравнении керамики Сущевской стоянки с наиболее древним памятником льяловской культуры — Льяловской стоянкой, сущевская керамика по своей орнаментации производит более раннее впечатление.

Кремневый инвентарь в культурном слое Сущевской стоянки представлен значительно шире, чем керамика. Особенно большое число находок составляют различных размеров ножевидные пластинки. Здесь найдены два резца, которые обычно встречаются на ранненеолитических стоянках (рис. 2, *9*, *10*). Скребки встречаются двух типов: на концах ножевидных пластин (рис. 2, *7*, *13*) и на сравнительно широких отщепах (рис. 2, *12*). Широких пластинчатых ножей нет, все они изготовлены из ножевидных пластин (рис. 2, *6*, *8*) с ретушевкой рабочего края. На стоянке найдены две небольшие полировальные плиты. Одна из них, из темно-красного гранита, аналогична полировальным плитам Б. Буньковской стоянки. Из рубящих орудий найден один обломок заготовки топорика и одно тесло, обработанное ретушью с частичной подшлифовкой лезвия (рис. 2, *11*). Интересна находка сверленого молотка с двусторонним округлым обушком, изготовленного из естественной гальки (рис. 2, *14*). Отверстие на молотке сделано весьма своеобразным приемом: вначале на месте будущей сверлины с двух противоположных сторон сделаны выбиванием углубления, а затем это углубление просверлено полым сверлом. Такой метод сверления с предварительным выбиванием углубления также является весьма ранним приемом. Обушки молотка несут на себе характерную смятость, образовавшуюся от работы.

Особый интерес вызывают найденные на стоянке наконечники стрел. Их всего пять экземпляров (три целых и два обломка). Все наконечники

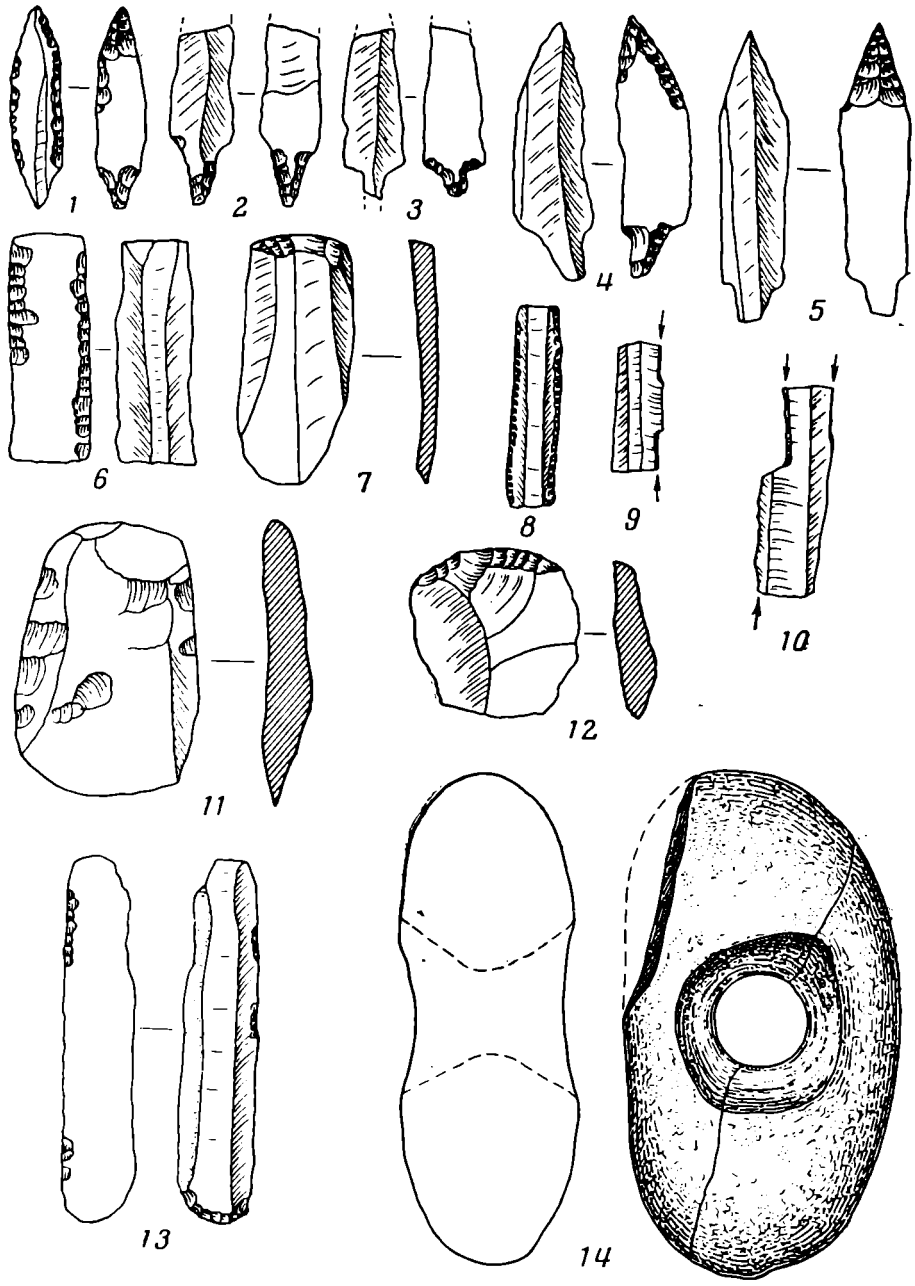


Рис. 2. Каменные изделия Сущевской стоянки

стрел изготовлены из ножевидных пластин с подретушевкой черенка и кончика пера (рис. 2, *1—5*). Только один наконечник стрелы частично обработан ретушью как со спинки, так и с брюшка (рис. 2, *1*), остальные наконечники стрел имеют обработку только с брюшка (рис. 2, *2—5*). Все эти наконечники стрел являются весьма ранними типами наконечников и обычно характерны по своим формам для памятников эпохи мезолита и раннего неолита. В неолитических памятниках они встречаются в единичных экземплярах. Так, даже в соседнем поселении Николо-Перевоз, где найдено более сотни различных типов наконечников стрел, наконечники стрел на ножевидных пластинах встречены в единичных экземплярах. Если учесть, что в Николо-Перевозе найдена в сравнительно большом числе не только поздняя керамика льяловской культуры, но и ранняя, аналогичная керамике Сущевской стоянки, то не исключено, что эти единичные находки ранних типов наконечников стрел были оставлены древнейшими представителями племен льяловской культуры.

Иными словами, весь материал Сущевской стоянки имеет чрезвычайно ранний облик. И если керамика Сущевской стоянки, весьма близкая керамике Льяловской стоянки, все же производит впечатление более ранней,

то кремневый инвентарь с его большим числом ножевидных пластин, наличием резцов, примитивным приемом сверления и наконечниками стрел, близкими по типам свидерским формам, заставляет считать Сущевскую стоянку наиболее древним памятником льяловской культуры.

До сих пор Льяловская стоянка считалась древнейшей в кругу памятников льяловской культуры и была датирована серединой III тысячелетия до н. э.[1] В настоящее время материал Сущевской стоянки заставляет пересмотреть эту точку зрения и считать, что именно Сущевская стоянка с ее ранней керамикой и кремневым инвентарем, близким по формам и приемам обработки кремневому инвентарю памятников эпохи мезолита, является древнейшим памятником племен льяловской культуры и, будучи древнее Льяловской стоянки, может быть датирована весьма ориентировочно концом IV или первой половиной III тысячелетия до н. э.

[1] Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда. Приложение к «Русскому антропологическому журналу», XIV, вып. 1—2, М., 1925.

А. П. УМАНСКИЙ

АНДРОНОВСКИЙ КИНЖАЛ ИЗ СЕЛА ИЛЬИНКИ

В апреле 1962 г. житель с. Ильинки Шелаболихинского района Алтайского края А. В. Петренко передал в Алтайский краевой музей кинжал из красноватой бронзы (рис. 1). Кинжал был найден на невысокой песчаной дюне, которая расположена в пойме Оби, километрах в пяти северо-западнее села. Вместе с кинжалом было подобрано несколько черепков, обломки костей животных и человека.

Кинжал обоюдоострый, черешковый, с четко выраженным перекрестием. Кончики клинка и черешка, поврежденные коррозией, были обломаны и заново заточены мальчиком, нашедшим кинжал. Общая длина кинжала превышала 17 *см*, из которых на черешок приходилось несколько более 4,3 *см*. Клинок лавролистой формы, шириной до 3 *см* при толщине от 0,5 до 1,6 *см*. Вдоль клинка с обеих сторон от перекрестия и почти до самого кончика хорошо заметны уплощенные ребра, каждое из которых подчеркнуто неглубокими продольными бороздками. Перекрестие имеет круглую форму. Черешок, широкий и толстый у перекрестия, постепенно сужается и утончается к концу, несколько отклоняясь от продольной оси кинжала.

Кинжал был отлит в составной форме, о чем свидетельствует прилив у основания черешка, напротив литейного входа в форме. Анализ сплава не проводился, но наличие на поверхности кинжала наряду с зеленым слоем окислов меди красного налета может служить указанием на присутствие в бронзе сурьмянистых соединений.

После отливки клинок имел в сечении форму сильно вытянутого ромба. Для придания большей прочности орудию кинжал был прокован. Следы проковки особенно хорошо заметны на клинке. На каждой его стороне видны неглубокие желобки, выбитые молотком. Длинные и узкие следы ударов направлены преимущественно вдоль клинка.

Насколько нам известно, на территории Южной Сибири кинжалы подобных форм в эпоху бронзы не встречались. Ближайшие аналогии кинжалу из Ильинки мы находим на западе: в Казахстане[1], на Урале[2] и в

[1] С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951.

[2] Е. М. Берс. Археологическая карта города Свердловска и его окрестностей. МИА, 21, 1951, рис. 1, *17*.

Приуралье [3]. Полную сводку находок подобных кинжалов в Западной Сибири, в Приуралье и в Средней России приводит Б. Г. Тихонов. Близкие по форме кинжалы очень часто встречаются в Причерноморье. В. А. Городцов считает их типичными для киммерийской культуры [4]. Подобные кинжалы В. А. Городцов и другие исследователи датируют XI—IX вв. до н. э. Эту датировку Б. Г. Тихонов считает правильной и для кинжалов, найденных в Приуралье [5].

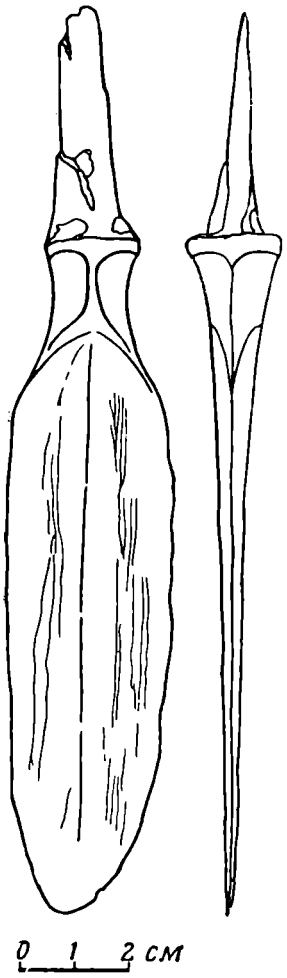


Рис. 1. Бронзовый кинжал из с. Ильинки

Тем же временем, по нашему мнению, может быть датирован и кинжал из Ильинки. Исходной формой для таких кинжалов послужили кинжалы с перехваченным в верхней части клинком, типичные для срубной и синхронных ей культур [6]. Правильность указанной датировки может подтвердить керамика, найденная вместе с кинжалом (рис. 2). Керамика отличается слабым обжигом. Тесто в изломе черное или двуслойное (внешний слой лучше прокален). Венчики округлые. Орна-

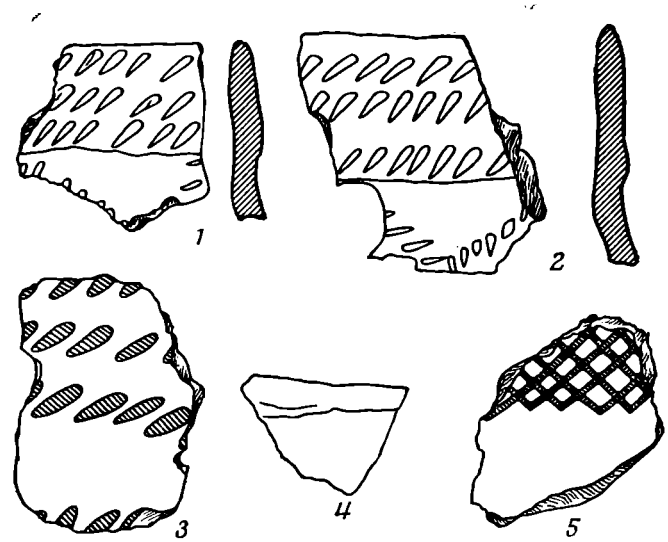


Рис. 2. Керамика из с. Ильинки

ментированы сосуды рядами оттисков торца косо поставленной палочки овального и треугольного сечения с сильно вытянутым острым углом. На овальных углублениях хорошо заметны неглубокие поперечные черточки (рис. 2, *3, 5*). Верхние ряды оттисков подчеркнуты линией и небольшим утолщением, подчеркивающим изгиб шейки сосудов (рис. 2, *1, 2*). Иногда такое утолщение расположено сразу же под венчиком (рис. 2, *4*). Отмеченная орнаментация сосудов и наличие утолщения венчика характерны для позднеандроновской керамики [7], близкой по характеру прменской культуре в Западной Сибири [8].

---

[3] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, 90, 1960, табл. XXV, *42*, стр. 76.

[4] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. ТСА РАНИОН, 2, М., 1928, стр. 46—59.

[5] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 76.

[6] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., табл. XXV.

[7] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 1961, 3, стр. 67, табл. IX, *4, 5*; стр. 68, табл. X, *6, 8, 10, 11*; стр. 69, табл. XI, *2, 3, 7, 10*; стр. 70, табл. XII, *1, 5* и др.; стр. 72, табл. XIV, *5, 6, 8, 9, 11*.

[8] Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 45, рис. 5.

Кроме керамики, на дюне были подобраны обломок точилки из сланца, обломок копыта парнокопытного животного и другие неопределенные кости.

Любопытно, что за последние два года могильники андроновского времени были обнаружены сразу в нескольких пунктах Алтайского края: в с. Кытманово (верхний Чумыш), в с. Нижняя Суетка (Кулундинская степь), в пос. Северном (Шелаболихинский район, правый берег Оби) и в с. Бураново (Калманский район, левобережье Оби). Несколько андроновских памятников открыл и частично исследовал Б. Х. Кадиков в предгорьях Алтая.

Новые материалы позволяют сделать вывод о неоднородности андроновского населения на Алтае, о наличии локальных различий, в первую очередь. между правобережными и левобережным андроновцами.

С. И. ПЕНЯК, А. Д. ШАБАЛИН

ОЛЕШНИКОВСКИЕ КЛАДЫ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ

В Закарпатском государственном краеведческом музее хранится одна из самых больших в Советской Украине коллекций бронзовых орудий труда, оружия и украшений.

Еще во второй половине XIX в. собиранием и публикацией археологических памятников, найденных на территории Закарпатской области, занимался археолог, историк и этнограф Т. Легоцкий (1830—1915). Собранная им археологическая коллекция в конце XIX и в начале XX в. была одной из наибольших в Австро-Венгрии. В 1891—1912 гг. Т. Легоцкий собрал 51 клад бронзовых вещей и много отдельных находок. На базе археологической коллекции Т. Легоцкого был основан археологический музей в г. Мукачеве. В 1920—1945 гг. музей пополнился еще 28 кладами бронзовых вещей и десятками отдельных предметов [1].

В 1950 г. фонды Мукачевского музея были переданы Закарпатскому государственному краеведческому музею в г. Ужгороде. С 1946 по 1962 г. музей обогатился еще 10 кладами бронзовых вещей из следующих мест: с. Андреевка Ужгородского района — 5 предметов (1947 г.); с. Макарьево Мукачевского района — 18 предметов (1948 г.); с. Бородовка Мукачевского района — 15 предметов (1950 г.); с Малая Бигань Береговского района — 11 предметов (1954 г.); г. Ужгород — 22 предмета (1954 г.); с. Затишное Береговского района — 36 предметов (1956 г.); с. Колодное Иршавского района — 16 предметов; с. Олешник Виноградовского района — 42 предмета; последняя коллекция состоит из трех кладов: первый — 26, второй — 11 и третий — 5 предметов [2].

Согласно сведениям, собранным К. Берняковичем, к 1956 г. в Закарпатской области было известно 116 кладов бронзовых вещей из 71 места находок (всех предметов — 1836 и 148 отдельных находок из 42 мест). Общее число изделий составляло 1984 единицы, в том числе 85 золотых предметов, найденных вместе с бронзовыми [3].

В настоящее время эти сведения устарели. В 1958 г. Ф. Потушняк [4] издал еще семь кладов в составе 67 предметов и трех отдельных находок.

---

[1] K. Beršakovič. Hromádné nálezy z doby bronzovej z uzemia na pravom brehu hornej Tisy (Zakarpatska oblast USSR). Studijne zvesti. AÚSAV, č. 4, Nitra, 1961, стр. 6.

[2] Фонды Закарпатского государственного краеведческого музея (ГКМ). $В_3$ 1—380.

[3] K. Beršakovič. Ук. соч., стр. 7.

[4] Ф. Потушняк. Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті. Ужгород, 1954.

В 1960—1961 гг. в музей были переданы еще четыре клада из 58 бронзовых предметов.

Таким образом, сейчас в Закарпатской области известно 128 кладов бронзовых изделий из 74 мест общей численностью 1961 предмет и 151 отдельных находок из 149 мест. Но и это неполные сведения. Как нам стало известно, около 25 бронзовых предметов находится в экспозициях самодеятельных музеев и на руках у населения.

Целью данной статьи является характеристика и датировка трех бронзовых кладов из с. Олешник Виноградовского района, переданных в музей в 1960—1961 гг.

Бронзовые клады с. Олешник найдены на территории и в окрестностях села во время земляных работ и пахоты. Первый клад в составе 26 предметов находился в сосуде на глубине около 0,9 *м*. Несколько обломков сосуда удалось собрать на месте находки. Это грубые, толстостенные, слабообоженные обломки, на которых форму сосуда восстановить не удалось. В кладе находилось 22 кельта, один серп, два наконечника копья, один слиток бронзы.

Второй клад состоял из одного целого и четырех мечей в обломках. Он был найден в северо-западной части села во время пахоты трактором на глубине 0,4—0,5 *м*.

Третий клад был найден в 25 *м* от второго, в небольшой лощине на глубине 0,5—0,6 *м*, в таком же сосуде, как и первый, и состоял из шести малых кельтов и одного обломка, одного браслета, обломка серпа, обломков орнаментированных и неорнаментированных котлов.

Из Олешниковских кладов в Закарпатский государственный краеведческий музей попало 42 предмета; часть предметов была разобрана населением, и их пока не удалось собрать. В составе кладов находится один целый и один фрагмент серпа. Типологически определяется только целый серп.

Серп (рис. 1, *12*) сильно изогнут, с расширенным лезвием в средней части. Лезвие усилено двумя ребрами, которые идут параллельно, создавая на задней части пятку с круглым отверстием для крепления рукоятки. Длина серпа 14,4 *см*, максимальная ширина лезвия 3,5 *см*, вес 120 *г*. Поверхность покрыта зеленой едкой патиной. Обломок серпа (рис. 1, *15*) имеет длину 6,6 *см*, ширину 2,5 *см*, вес 17 *г*. Следы обломов давние.

Аналогичные серпы с широким лезвием в Закарпатье известны в кладах из В. Бигань, Лазы-I, В. Лучки, Боржавское, Обава, Радванка, район Ужгорода [5]. Эти серпы бытовали на Закарпатье в течение эпохи поздней бронзы и доживают до раннего железного века (куштановицкий [6] тип). В Венгрии аналогичные серпы датируются ранним гальштатом [7], в Чехии — поздней бронзой [8], в Румынии — эпохой предгальштатской и гальштатской [9]. Польские археологи подобные серпы датируют поздней бронзой и ранним гальштатом [10].

Наиболее многочисленными орудиями в кладе являются кельты. Их можно разделить на две группы, каждая из которых имеет несколько типов. К первой группе относятся кельты с ровным втульчатым отверстием, усиленным несколькими кольцами. Ко второй группе относятся кельты

---

[5] Фонды Закарпатского ГКМ. $В_3$ 1—38.

[6] Эта культура получила название от с. Куштановицы Мукачевского района, где Я. Бем исследовал курганный могильник VII—IV вв. до н. э.

[7] A. Mozsolics. A korahallstati kincslelet Celldömökről (Vas megye). FA, I—II, Budapest, 1933, стр. 33.

[8] A. Stocky. Čechy v době bronzové. Praha, 1928, табл. XXXI, *1*, *12*.

[9] A. Filimon. Le dépôt en bronze de Suseni. «Dacia», I, Bucuresti, 1924, стр. 348, рис. 20, 23; стр. 349, рис. 24, 25, 28—33.

[10] W. Szafrański. Skarby brazowe z epoki brazovej wspólnoty pièrwotnej (IV—V okres epoki brazovej) w Wielkopolske. Warszawa — Wroclaw, 1955, стр. 121; T. Sulimirsky. Brazowy skarb z Niedzielisk, pow. Przemyšlany. «Swiatowit», XXII, 1936/37, Warszawa, 1938.

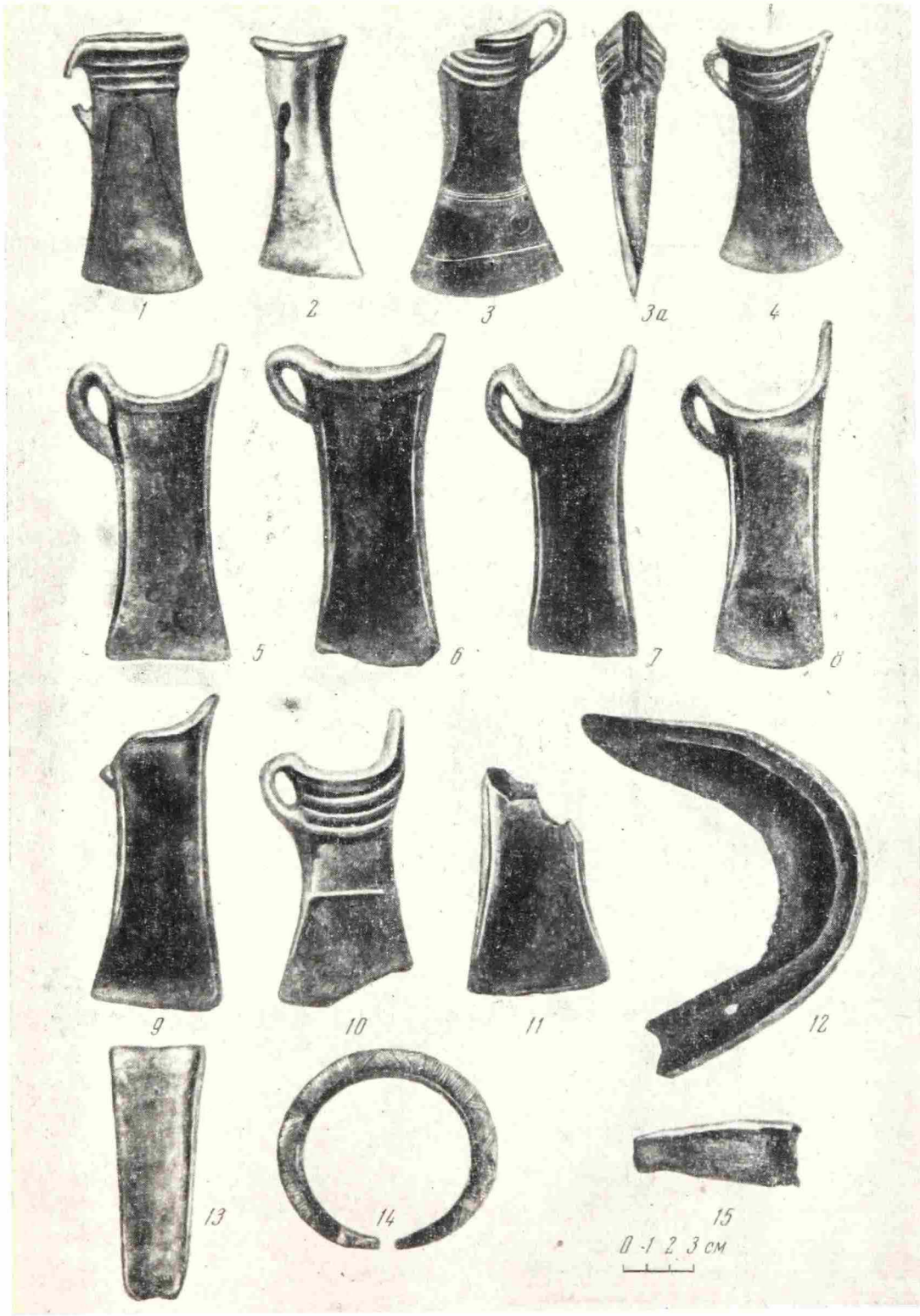


Рис. 1. Олешниковский клад

1—11— кельты; *12*, *15*— серпы; *13*— бронзовый слиток; *14*— браслет

с вырезным краем овальной втулки, с вытянутой передней и задней частью.

Первая группа кельтов разделяется на шесть типов. Первый тип (рис. 2, *1—5*) характеризуется ровным утолщенным краем овальной втулки, широким прямым или косо срезанным назад лезвием и рельефным орнаментом в верхней части кельта. Литейные швы тщательно зачищены. Орнамент состоит из горизонтальных треугольников с опущенными вниз вершинами. Рабочая часть лезвия доходит до половины высоты

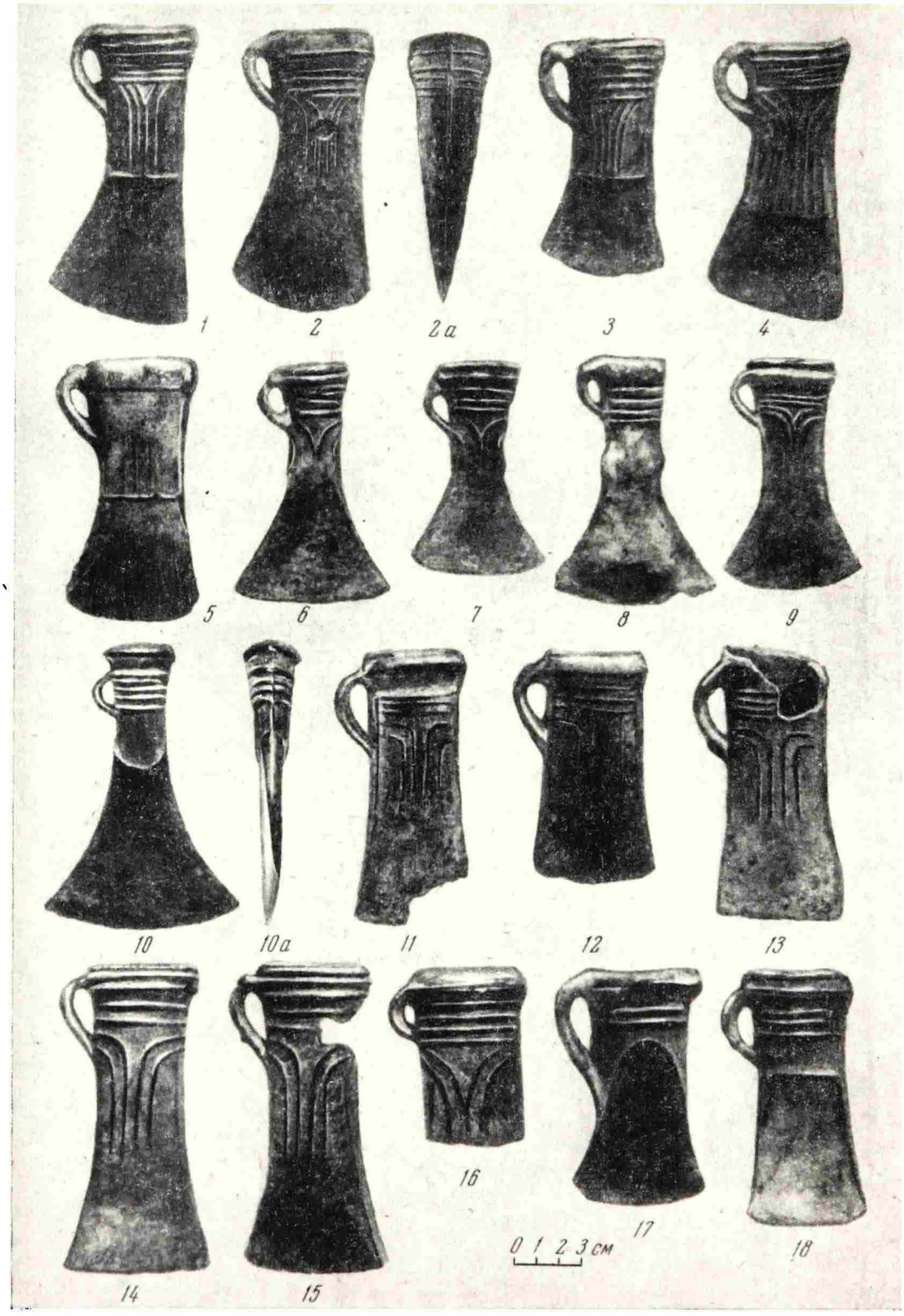


Рис. 2. Кельты Олешниковского клада

кельта. Отдельные экземпляры отличаются друг от друга размерами и деталями орнамента. Вес кельтов этого типа колеблется в пределах 194—275 *г*. Многочисленные аналогии первому типу известны в Венгрии [11] и Румынии [12]. П. Рейнекке относит их к концу бронзового и к началу же-

[11] P. Reinecke. Tanulmányok a Magyarországi bronzkor chronologiájáról. AE, XIX, Budapest, 1899.

[12] M. Roska. A Székelyföld őskora, Emlékkönyv a Székely nemzeti múzeum ötvenéves jubileumára. Kolozsvár, 1920, стр. 287, рис. 37, *1*, *2*, *4*, *6*; стр. 301, рис. 55, *1—5*, *10*, *11*, *14*; рис. 56, *3*.

лезного века. Клад из с. Недилиск, который содержал кельты, подобные нашим, Т. Сулимирский датирует V периодом бронзы, т. е. 900—700 гг. до н. э. В Станиславской области известны аналогичные кельты из кладов в селах Руда [13], Коршив, Корнив, Молодятин [14], Ворона [15] и В. Грибовичи во Львовской области.

Ко второму типу (рис. 2, *6—10*) принадлежат пять кельтов с ровными овальными втульчатыми отверстиями, укрепленными кольцеподобными ободками. Рабочая часть лезвия широкая, тонкая, слегка дугообразная, с вогнутыми боками. Кельты орнаментированы горизонтальными рельефными ребрами и треугольниками с опущенными вниз вершинами. Кельты различаются между собой размерами и деталями орнамента. Вес кельтов этого типа колеблется в пределах 100—155 *г*.

Кельты второго типа распространены в Венгрии [16], Румынии [17], Словакии [18], Верхнем Поднестровье. Кельты этого типа П. Рейнекке относит к IV периоду бронзы и к раннему железному веку. К. Журовский относит их к V периоду бронзы.

К третьему типу (рис. 2, *11—13*) принадлежат три кельта с ровным утолщенным ободком по краю втулки, немного расширяющимся прямым клином, ровным или слегка дугообразным лезвием. Кельты орнаментированы горизонтальными и вертикальными рельефными ребрами и различаются между собой размерами и формой лезвия. Вес кельтов этого типа колеблется от 194 до 217 *г*. Эти кельты распространены кроме Закарпатья в Венгрии, Трансильвании и Словакии. Аналогичные кельты были найдены в кладе с. Санда (Венгрия) вместе с псалиями и бляхами, которые датируются ранним железным веком [19].

К четвертому типу (рис. 1, *1*; 2, *17*, *18*) можно отнести три кельта с массивным грубым клином, на широкой стороне которого находится дуговидная арка. Кельты отличаются друг от друга формой лезвия. Вес кельтов этого типа колеблется в пределах 210—250 *г*. Четвертый тип кельтов известен в больших кладах бронзовых вещей в Венгрии [20], Трансильвании, Украины [21], Молдавии [22]. Его называют трансильванским типом, который разделяется на восточный и западный. Наши экземпляры относятся к западному типу. В Закарпатье такой тип известен из клада с. Боржавское [23], а также в с. Маячки Днепропетровской области [24] и с. Медвин Киевской области [25]. Кельты данного типа датируются поздней бронзой и ранним гальштатским временем.

К пятому типу относятся два целых кельта и один обломок. Этот тип характеризуется массивным клинком со слабодугообразным лезвием. Орудия орнаментированы рельефными горизонтальными и вертикальными ребрами. Два кельта (рис. 2, *14*, *15*), вероятно, сделаны в одной форме. На это указывают их размеры: длина 11,5 *см*, ширина лезвия 5,5 *см*,

---

[13] T. Sulimirsky. Ук. соч., табл. XVII, *9*.

[14] K. Zurowsky. Zabytki brazowe z mlodszei epoki brazu i wcsesnego okresu żelaza z dorzecza gornego Dinestru. PA, VIII, 2, Poznań, 1949, табл. VI, *5*, *6*; VII, *6*, *7*.

[15] І. Свешніков. Два бронзові скарби з Станіславської області. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 3, Київ, 1961, рис. 1—*5*.

[16] P. Reinecke. Ук. соч., стр. 237, табл. V, *5*.

[17] M. Hoska. A Székelyföld őskora. Cluj — Kolozsvár, 1929, стр. 44, 48, 53.

[18] J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933.

[19] S. Callus, T. Horváth. A legrégibb lovasnép Magyarországon. Budapest, 1939, табл. X, *1*, *2*, *3*, *7*, *16*.

[20] J. Hampel. Catalogue de l'exposition préhistorique des musées de province et des collections particuliéres de la Hongrie. Budapest, 1876.

[21] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.

[22] M. Petrescu-Dîmbovita. Contributii la problema sfarsitului epocii bronzuli si inceputului epocii fieruleii in Moldova. SCIV, IV/3—4, Bucuresti, 1953.

[23] Фонды Закарпатского ГКМ. $В_3$ 1—380.

[24] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволожье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, рис. 32, *12*.

[25] А. И. Тереножкин. Ук. соч.

диаметр втулки 3,3×2,4 *см*, вес каждого 295 *г*. Обломок кельта (рис. 2, *16*) представлен верхней частью. Орнамент состоит из пяти горизонтальных валиков и угольника, повернутого острым концом к лезвию. Вес его 210 *г*. Пятый тип кельтов распространен в Венгрии, Чехословакии, Румынии. Кельты такого типа были найдены в кладе с. Сомотор в Восточной Словакии возле поселения, датируемого по Рейнекке ранним железным веком [26].

Шестой тип представлен одним кельтом с обломанным ушком, имеющим незачищенное втульчатое отверстие и бока от литейных швов. Кельт имеет овальный в разрезе клин с гладкими боками и слабо расширенным прямым лезвием (рис. 1, *2*). Один аналогичный кельт публикует П. Рейнекке и относит его к IV периоду венгерской бронзы [27].

Ко второй группе относятся кельты с полукруглым вырезанным краем овальной втулки и вытянутой килеподобной передней и задней частью. Они считаются наиболее распространенными формами в эпоху поздней бронзы. Вторую группу кельтов можно разделить на два типа.

К первому типу (рис. 1, *5—9*, *11*) относятся пять неорнаментированных кельтов и один обломок. Кельты различаются между собой размерами, формой передней части втулки и лезвием. Их вес колеблется в пределах 186—240 *г*.

Аналогичные кельты в Словакии появляются в поздней фазе средней бронзы и существуют на протяжении гельштатского времени, а иногда встречаются с римскими древностями [28]. Кроме Закарпатья этот тип кельтов был распространен в Чехословакии [29], Венгрии [30], Верхнем Поднестровье [31], в Молдавии [32], Румынии [33], Югославии [34]. В Закарпатье этот тип бытует в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Ко второму типу (рис. 1, *3*, *4*, *10*) кельтов относятся три экземпляра. Они характеризуются орнаментацией в виде горизонтальных желобков и ребер, идущих параллельно втулке. Один из кельтов (рис. 1, *3*) имеет орнаментированные бока и лезвие. Орнамент сделан из сочетаний кружков, точек, волнообразных и прямых линий. Второй кельт (рис. 1, *10*) на лезвии имеет горизонтально поднятый выступ, отделяющий лезвие от втулки. Вес этих кельтов колеблется от 150 до 220 *г*.

Нужно отметить, что аналогии кельту на рис. 1, *3* ни в закарпатских, ни в других находках нам не известны. Это первый кельт с богатой орнаментацией в коллекции Закарпатского краеведческого музея.

В Олешниковском кладе мечи представлены двумя типами: липтавским и с плоской рукоятью. К первому типу относится один целый и два клинка без рукоятей, ко второму типу — два фрагмента.

Меч липтавского типа (рис. 3, *1*) имеет листоподобный обоюдоострый клинок, посредине которого проходит гребень. Клинок соединяется с рукояткой посредством заклепок. Рукоятка овальная в разрезе, ее центральная часть разделена на три горизонтальные полоски, орнаментированные меандровым орнаментом. Рукоятка кончается орнаментированным навершием с небольшим круглым отверстием для привязывания меча. По краям клинка проходят две линии, одна из них кончается выше половины клинка. Общая длина меча 63 *см*, длина рукоятки 12 *см*, максимальная ширп-

---

[26] K. Andel. Bronzový poklad zo Somotoru na Východnem Slovensku. AR. Roč. VII, 4, 1953.

[27] P. Reinecke. Ук. соч., табл. V, *9*.

[28] J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933, стр. 78, 108.

[29] J. Tomský. Nález bronzu v Bohdašině. AR, II/3—4, 1950, стр. 224, рис. 158; стр. 225, рис. 159.

[30] P. Reinecke. Ук. соч., стр. 328, табл. V, *1—3*, *6*, *7*, *10*.

[31] K. Zurowsky. Ук. соч., стр. 177.

[32] А. Нудельман, Е. Рикман. Новые археологические находки в Молдавии. СА, 1957, 3, стр. 248.

[33] M. Petrescu-Dîmbovita. Ук. соч., стр. 446, рис. 14.

[34] D. Gorasanin. Katalog metala. Beohrad.. 1954, табл. VII, IX, XII, XVI.

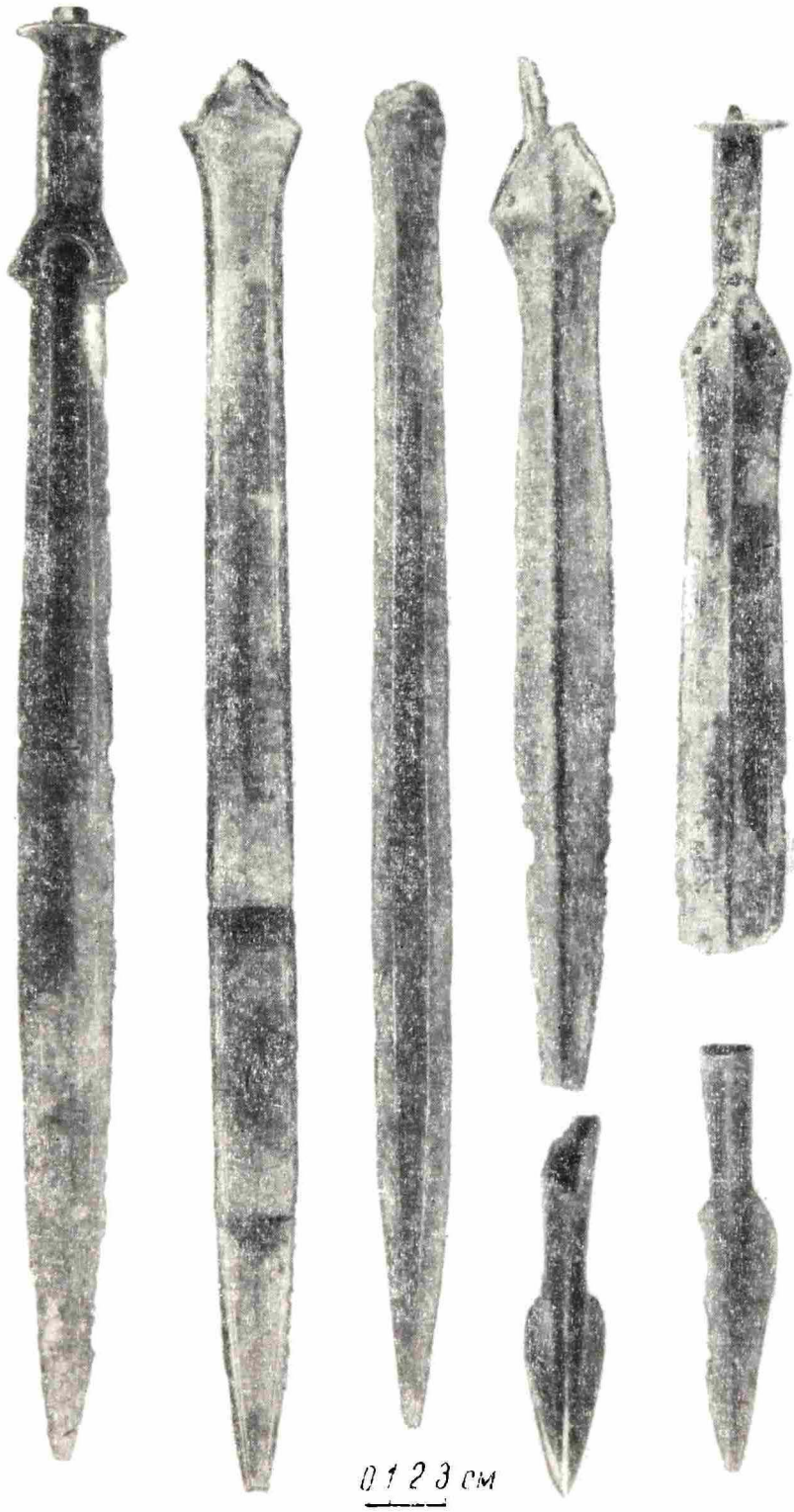


Рис. 3. Олешниковский клад

1—3— мечи липтавского типа; *4*, *5*— мечи с плоской рукоятью; *6*, *7*— наконечники копий

на клинка 4,2 *см*, вес 905 *г*. К этому типу принадлежат еще два меча без рукоятей, отличающихся от первого овальным в разрезе клинком. Клинок меча на рис. 3, *2* имеет длину 63 *см*, максимальная ширина клинка 3,8 *см*, вес 785 *г*. Клинок меча на рис. 3, *3* имеет длину 59.5 *см*. максимальную ширину 3,5 *см*, вес 515 *г*.

Второй тип мечей с плоской рукояткой представлен в кладе двумя обломками. Этот тип характеризуется широким плоским клином, посредине

которого проходит узкое ребро. Таков фрагмент меча на рис. 3, *5*. Он имеет на клинке один узкий и один широкий желобок, которые проходят в 1 *см* от лезвия. На черенке рукоятки — семь круглых отверстий для крепления заклепками накладки. Рукоятка оканчивается круглым навершием с маленьким выступом на внешней стороне. Длина фрагмента меча 37 *см*, рукоятки — 11 *см*, максимальная ширина клинка 5 *см*, вес 295 *г*.

Другой фрагмент меча (рис. 3, *4*) имеет обломанный конец клинка. Обломан также и черенок с навершием. Орнаментация на клинке подобна предыдущему. Длина фрагмента 45,5 *см*, максимальная ширина клинка 5 *см*, вес 347 *г*.

В Закарпатской области до 1956 г. было известно 56 мечей из 20 мест [35]. Они относятся к трем типам: липтавский (9 шт.), с плоской рукоятью (15 шт.) и с мисковидной рукоятью (13 шт.). Типы остальных мечей из-за их фрагментальности неизвестны.

Липтавский тип мечей [36] распространен в основном в Центральной Европе: Словакии, Моравии, Австрии, Германии, Польше, Западной Украине, Венгрии, Румынии, Италии и Швейцарии.

Мечи с плоской рукоятью появляются в начале эпохи поздней бронзы [37], но наиболее распространенными становятся во второй фазе поздней бронзы [38]. Наиболее близкие аналогии мечам с плоской рукоятью известны из Сейкельудвара, Кишкевсела в Трансильвании, где они датируются ранним железным веком [39].

В кладе имеется один тип наконечников копья (рис. 3, *6*, *7*). Этот тип характеризуется листовидным пером, овальной втулкой, которая в одном случае проходит посредине пера, образуя гребень пера, а во втором случае, сужаясь, переходит в плоское ребро. На втулке имеется по два отверстия для крепления.

Наконечники копий появляются в начале средней бронзы и существуют на протяжении всего бронзового века. В Закарпатье они существуют до эпохи куштановицкой культуры. Близкие аналогии первому и второму наконечникам известны нам из Угри, Мезевкайош в Трансильвании [40]. В Венгрии они многочисленны.

Браслет (рис. 1, *14*) изготовлен из круглого в поперечном сечении толстого прута. Средняя часть утолщенная, концы сужены и прямо срезаны. Браслет имеет геометрический орнамент, состоящий из комбинаций поперечных, косых и елочных нарезных линий, покрывающих $^2/_3$ поверхности браслета. Диаметр 8,3×7,3 *см*, максимальная толщина 1,2 *см*, вес 145 *г*. Аналогичные браслеты распространены в бассейне Дуная. Появление их относится ко второй половине эпохи средней бронзы. Эти браслеты бытуют особенно в эпоху поздней бронзы [41].

В кладах имеются обломки орнаментированного и неорнаментированного котлов, изготовленных из кованой бронзовой пластины толщиной 0,2 *см* у венчика. На обломках верхней части орнаментированного котла находится ушко с заклепками в форме буквы «А». Орнамент состоит из углубленных точек трех горизонтальных линий и острых волн. Бронзовые котлы появляются в Центральной Европе в первой фазе IV периода венгерско-трансильванской бронзы [42]. Они распространены в Северной Венг-

---

[35] K. Beršakovič. Ук. соч., стр. 19.

[36] J. Hrala. Otázka půdovu a rozšíření meču liptovského typu a meču s čiskovitou rukojeti. AR. Roč. VI, 1954, 2.

[37] J. Eisner. Ук. соч., стр. 103.

[38] N. Aberg. Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, V, Stokholm, 1935, стр. 87.

[39] S. Callus, T. Horváth. Ук. соч., табл. VII, *1*.

[40] M. Roska. Ук. соч.; F. Tompa. Ук. соч., табл. 41, *8*; 49, *25*.

[41] F. Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn 1912—1936. 24/25, Bericht der RGK, 1934/1935, табл. 49, *26—29*.

[42] S. Foltiny. Zur Chronologie der Bronzezeit des Karpatenbeckens. Bonn, 1955.

рии, Трансильвании и Верхнем Поднестровье. Несколько бронзовых котлов найдено в Закарпатье (Кучава, Ужгород) [43].

Бронзовый слиток вылит в форме и имеет вид клина, вес его 262 *г* (рис. 1, *13*).

Таким образом, на основании аналогий Олешниковский клад в целом датируется IX—VIII вв. до н. э., возможно, концом VIII и началом VII в. до н. э.

[43] Фонды Закарпатского ГКМ. $В_3$—241, 245.

В. П. ЛЕВЕНОК

СКИФСКИЙ АКИНАК С ВЕРХНЕГО ДОНА

Среди экспонатов школьного краеведческого музея с. Вторые Тербуны имеется обоюдоострый сильно коррозированный железный меч с обломанным концом (рис. 1). Учитель школы И. Т. Колпаков, создавший этот музей, об условиях находки меча сообщил следующее.

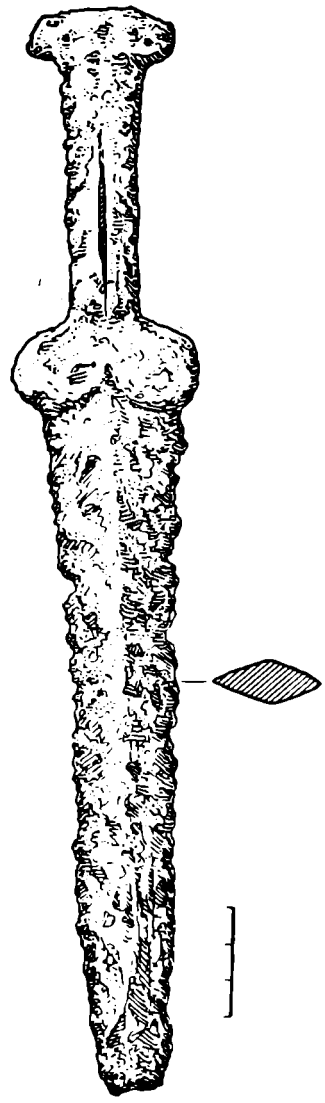


Рис. 1. Меч из с. Вторые Тербуны

Меч был найден в 1959 г. в 5 *км* к юго-западу от с. Вторые Тербуны в земле на поле около леса в урочище «Большее», на месте ныне сильно распаханных курганов. А. М. Беленицкий определил его по рисунку как «скифо-сарматский кинжал середины I тысячелетия до н. э.» А. А. Иессен датировал его IV в. до н. э. и отнес его к скифским мечам-акинакам.

Северной границей распространения скифов на Дону до сих пор считали район «Частых курганов» около Воронежа [1]. Но описанная находка наряду с открытием большого скифского городища у с. Гудово и ряда других поселений с защипным орнаментом, характерным для скифской посуды [2], открытых Верхне-Донской экспедицией в 1959—1962 гг. на территории Липецкой области, позволяет уточнить северную границу распространения скифов в Верхнем Подонье, отодвинув ее примерно до линии Ливны — Елец — Лебедянь — Мичуринск.

[1] В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. СА, IX, 1947.

[2] Определение И. И. Ляпушкина.

А. С. ДЕМИДОВА

КИНЖАЛ ИЗ СЕЛА МОНАСТЫРЩЕНКИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В Воронежском областном краеведческом музее хранится железный кинжал (рис. 1), который был найден на правобережье Дона в с. Монастырщенка Богучарского района Воронежской области. В 1959 г. житель села Я. Ф. Романов обнаружил его при закладке фундамента дома на глубине 80—100 *см*[1]. Находка данного кинжала является случайной, как и большинство находок такого типа на территории лесостепи. Кинжал из с. Монастырщенки имеет общую длину 31,3 *см*. Обоюдоострый клинок 19 *см* длиной постепенно суживается к концу. Несмотря на ржавчину, посредине каждой стороны клинок имеет хорошо видный дол. Ширина клинка у перекрестия — 3,8 *см*. Конец клинка чуть затуплен, видимо в момент обнаружения.

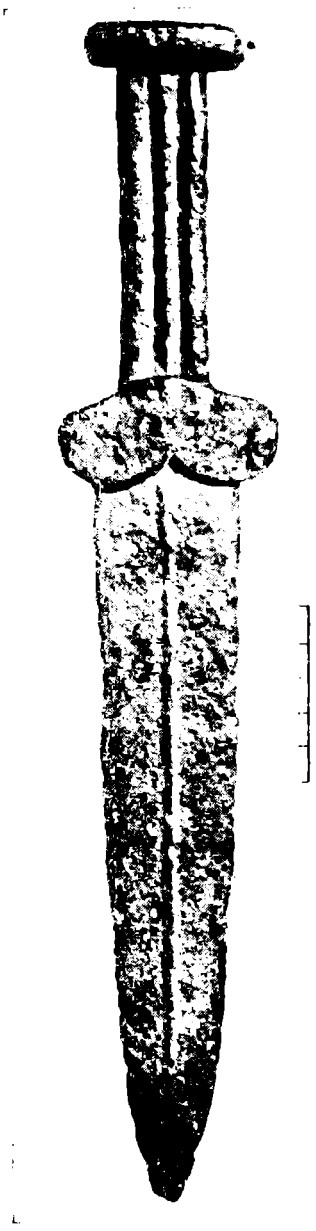


Рис. 1. Кинжал из Монастырщенки

Перекрестие кинжала бабочковидное, высота его равна 2,1 *см*, а длина — 5,6 *см*. В сечении перекрестие уплощенно-овальное и в своей широкой части равно 0,9 *см*. В центре сечения хорошо заметно сквозное отверстие, т. к. перекрестие наложено сверху с двух сторон. Таким образом, перекрестие изготовлялось отдельно от клинка, а затем кузнец накладывал его на клинок и сваривал. Следов орнамента нет.

Стержень рукояти имеет длину 8,2 *см*, а ширину — 2,3 *см*. Сверху в сечении рукоять уплощенно-овальной формы, а сбоку прямоугольная с закругленными углами. Стержень рукояти делится на три выпуклые полосы, из которых две крайние были сглажены, тогда как средняя полоса имеет более острое ребро. Стержень не имеет орнамента. Навершие кинжала овально-брусковидное. Ширина навершия 3,8 *см*, а высота — 1,2 *см*. Навершие в сечении овальное, ширина его 1,4 *см*.

Описанный кинжал можно отнести к VI в. до н. э. Эта датировка подтверждается рядом аналогичных нашему кинжалу находок, обнаруженных как на территории Воронежской области, так и соседних с ней областей.

В 1910 г. на заседании Курской ученой архивной комиссии К. П. Сосновский сделал доклад о городищах и курганах в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии. При этом на выставке демонстрировались различные находки, и в том числе кинжал, идентичный кинжалу из с. Монастырщенки. Разница лишь в том, что навершие кинжала с р. Псла чуть выше навершия кинжала из с. Монастырщенки, который в общем имеет уплощенный вид.

Второй аналогией можно считать железный кинжал VI—V вв. до н. э. из дер. Сергеевки Липецкой области (бывший Задонский уезд Воронеж-

[1] Я. Ф. Романов передал кинжал преподавателю школы В. М. Коблякову, от которого он поступил в Воронежский краеведческий музей. По словам В. М. Коблякова, других находок с кинжалом не было.

ской губернии), хранящийся в Государственном историческом музее в Москве (инв. № 34339). Этот кинжал был случайно найден во время вспашки земли в 1895 г. Его общая длина равна 32,5 *см*, а ширина у перекрестия — 5 *см*. Перекрестие бабочковидное, а навершие овально-брусковидное [2]. Третьей аналогией является железный кинжал с городища Кузина Гора Курской области [3]. Кузиногорский кинжал имеет аналогичный нашему кинжалу клинок, по которому с двух сторон посредине проходит хорошо видимый дол. Хотя перекрестия кинжалов различны, однако в центре сечения как у нашего кинжала, так и у кузиногорского виден сквозной прорез [4].

Перекрестие кинжала из с. Монастырщенки аналогично перекрестию акинака (Курский обл. музей, инв. № 21517), найденного близ Афанасьевки Советского района Курской области. Его перекрестие бабочковидное, длиной 6,5 *см*, высотой 2 *см*, сечением 1 *см*. Стержень рукоятки акинака, как и кинжала из с. Монастырщенки, делится на три слегка выпуклые полосы и отличается лишь орнаментировкой.

Небезынтересно отметить, что меч-акинак (Курский обл. музей, инв. № 13852), найденный в Темниковском районе Курской области, имеет с обеих сторон на клинке хорошо прослеживающийся дол.

Все приведенные аналогии, кроме кинжала К. П. Сосновского, имеют с кинжалом из с. Монастырщенки отдельные общие черты и датируются концом VI—V в. до н. э.

Яркой аналогией кинжалу из с. Монастырщенки является кинжал, случайно найденный на пашне с. Русской Бишкин, у которого клинок обоюдоострый и равномерно суживающийся к концу, а перекрестие бабочковидное. Стержень рукояти двумя продольными углублениями делится на три выпуклые полосы, а навершие брусковидное. Такого типа кинжалы относятся к раннескифскому времени и датируются VI в. до н. э. У кинжалов и акинаков VI в. до н. э. имеется брусковидное навершие, которое в V—IV вв. до н. э. встречается очень редко. Таким образом, кинжал из с Монастырщенки Богучарского района Воронежской области можно датировать VI в. до н. э.

---

[2] А. Ф. Шоков. Первые раскопки скифских курганов в бассейне среднего Дона (раскопки С. Е. Зверева и В. Н. Тевяшова). Изв. ВПИ, XV, ист.-филол. фак., 1954, стр. 145, рис. 9. Сравнение с железным мечом из кург. № 5 у с. Владимировки Лискинского района Воронежской области (раскопки В. Н. Тевяшова в 1900 г.), на наш взгляд, является необоснованным.

[3] А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, стр. 86; стр. 100, рис. 6, 7.

[4] Р. Ф. Воронина. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области. МИА, 113, 1962, стр. 132.

Н. В. ТРУБНИКОВА

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЦНЕ

В 1961 г. в Государственный исторический музей поступила небольшая коллекция предметов, собранных при строительных работах и присланная нам Н. Н. Покровским. Сборы были сделаны на правом берегу р. Цны, в урочище «Бастаново городище» Сасовского района Рязанской области. К сожалению, осталось неизвестным, что представлял собой памятник — было ли это селище или городище. Последнее, впрочем, более вероятно и по описанию местности и по составу коллекции. Мы не имеем также возможности связывать найденные предметы с определенными жилыми комплексами или стратиграфическими напластованиями. Нам известно только, что предметы найдены или на поверхности, или при снятии грунта бульдозером на глубине 20 *см*.

Вещей немного, и они интересны и характерны для определенного времени и культуры. Среди них наконечники стрел из кости. Один экземпляр представляет собой хорошо отполированный наконечник с черешком, с одним боковым шипом (рис. 1, *1*). Подобные наконечники стрел широко распространены и хорошо известны по памятникам средней полосы, особенно их много в городищах дьяковской культуры второй половины I тысячелетия до н. э., как например, в Каширском городище (ГИМ, инв. № 61876) и на городищах Средней Оки (Дуна, ГИМ, инв. № 42786).

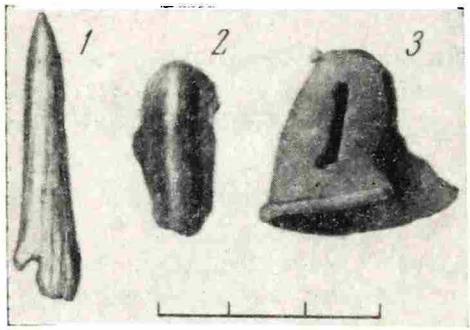


Рис. 1. Вещи из урочища «Бастаново городище»

1, 2— наконечники стрел; *3*— колокольчик с прорезью

Другой наконечник втульчатый, также с хорошо отполированной поверхностью, но с сильно деформированными краями (рис. 1, *2*). Он очень напоминает скифские наконечники, по образцу которых, вероятно, и был сделан. В скифских комплексах юга, хранящихся в ГИМ, имеются очень близкие по форме наконечники стрел, например из раскопок Д. Я. Самоквасова в Аксютинцах (ГИМ, инв. № 76990, аксютинский курган № 1). «Старшая могила» обычно связывается исследователями с VII—VI вв. до н. э.

В коллекции с «Бастанова городища» кроме стрел имеется обломок глиняного пряслица шарообразной формы, с узором из круглых ямок на уплощенных частях. Точно такое же пряслице было найдено В. А. Городцовым на Городецком городище (ГИМ, инв. № 42782).

Довольно много было найдено обломков керамики, чрезвычайно интересной и разнообразной в отношении орнаментации. Она характерна для городецкой культуры около середины I тысячелетия до н. э. и известна нам на ряде городецких городищ рязанского течения Оки.

В нашей небольшой коллекции с «Бастанова городища» можно насчитать до девяти типов узоров, покрывавших наружные стенки сосудов. На внутренней стороне поверхность грубо заглаживалась. Наиболее распространенным и характерным узором является так называемый «рогожный» орнамент, представленный несколькими типами.

Помимо орнамента рогожного, большое число фрагментов покрыто так называемыми сетчатыми узорами, также широко распространенными в это же время на территории, занятой городецкими городищами. Так же как и узоры рогожные, этот тип орнамента очень разнообразен. Имеются узоры, напоминающие отпечатки вязаных изделий, нити от которых хорошо видны. Многие из узоров напоминают отпечатки плетенок, нити которых прослеживаются также очень хорошо. Об этих узорах писал еще В. А. Городцов [1]. Подобная керамика имеется в ГИМ в коллекции с Городецкого городища. Большими коллекциями подобной керамики из городищ рязанского течения Оки располагает Рязанский музей (Шатрищенское, Борисоглебское и другие городища) [2].

Кроме описанных выше типов орнаментов, очень многие из обломков сосудов «Бастанова городища» имеют поверхность, покрытую крупными или мелкими бороздами или штрихами, часто расположенными в разных направлениях. Поверх штриховки очень часто наносились ямки круглые, вытянутые, треугольные, иногда прямоугольные. Подобная керамика в памятниках рязанского течения Оки известна в большом количестве. Она имеется на всех ранних городищах и селищах городецкой культуры. Такая керамика появляется рано и известна также на поселениях пред-

[1] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 373—385.
[2] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 52—55, рис. 20, 22.

шествующего периода эпохи бронзы в этих местах (Ловецкое селище, поселение на дюне Солодча и др.). В нашей коллекции встречаются обломки посуды со сквозными отверстиями у края, а также без орнамента.

Все перечисленные типы орнаментов обычны для городищ городецкой культуры и представлены на всех городищах рязанской группы второй половины I тысячелетия до н. э. С этим же временем позволяют связывать «Бастаново городище» и найденные на нем костяные изделия.

Где-то вблизи «Бастанова городища» найдена бронзовая подвеска в виде прорезного колокольчика (рис. 1, *3*). Подобные украшения обычны в рязанских могильниках первых столетий нашей эры. Находка подобного украшения делает окрестности дер. Бастановой очень интересными в археологическом отношении. О существовании памятников, более поздних в этом пункте, известно давно. О них свидетельствует довольно большое количество керамики. Разрушение «Бастанова городища» несомненно является утратой для науки.

М. А. ДЭВЛЕТ

КЕРАМИКА ПОЗДНЕТАГАРСКИХ КУРГАНОВ КРАСНОЯРСКОГО РАЙОНА

Курганы с коллективными погребениями, расположенные в окрестностях Красноярска и вниз по течению Енисея примерно на 80 *км*, представляют северную границу распространения курганов тагарской культуры. Они являются памятниками населения, которое пришло в район современного Красноярска из Хакасско-Минусинской котловины на рубеже III—II в. до н. э.[1]

Тагарские курганы Красноярского района, так же как и курганы тагарского времени лесостепной территории к востоку от Красноярска, по верхнему течению Чулыма, в районе Ачинска, Мариинска, отличаются от классических тагарских курганов Хакасско-Минусинской котловины отсутствием каменной ограды. Еще Д. А. Клеменц отмечал, что при сооружении курганов лесостепной полосы камень не употреблялся «не потому, что его неоткуда было взять..., а потому что это было не в обычае племени» [2]. Однако, по свидетельству того же Д. А. Клеменца, в окрестностях Красноярска встречались отдельные курганы с характерной для классических курганов Хакасско-Минусинской котловины оградой из каменных плит [3]. Каменные плиты в курганных насыпях были обнаружены при раскопках курганов у с. Частоостровского [4] и Военного городка [5]. Отсутствуют оградки у некоторых курганов тагарско-таштыкского переходного этапа Хакасско-Минусинской котловины, синхронных позднетагар-

---

[1] Предположение о переселении на север части населения Хакасско-Минусинской котловины, высказанное впервые Г. Мерхартом, убедительно обосновал Л. Р. Кызласов; Г. Мерхарт. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае. Изв. Красноярск. отд. РГО, 3, 1, 1923; G. Merhardt. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

[2] Д. А. Клеменц. Письмо В. Г. Тизенгаузену от 27 февраля 1889 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. № 28 за 1888 г., стр. 21.

[3] Д. А. Клеменц. Ответ на запрос ИАК об источниках для составления археологической карты Минусинского округа. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 23 за 1888 г., стр. 132.

[4] А. В. Адрианов. О раскопках в окрестностях Красноярска Енисейской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 33 за 1902 г., стр. 23.

[5] В. Г. Карцов. Отчет о раскопках около г. Красноярска. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 183 за 1929 г., стр. 4.

ским курганам района Красноярска. Так, Большой Тесинский курган, раскопанный И. Р. Аспелиным в 1888 г., и Большой Уйбатский курган, раскопанный Д. А. Клеменцом в 1888—1889 гг., не имели каменной ограды, однако в западной поле Б. Тесинского кургана и северной и юго-восточной полах Б. Уйбатского кургана стояли высокие плиты. Курганы района Красноярска имеют некоторые особенности внутренней конструкции и погребального обряда [6]. Их отличие от типичных курганов Хакасско-Минусинской котловины можно проследить и в инвентаре.

В настоящей статье мы остановимся на рассмотрении керамики, являющейся наиболее надежным материалом для выделения локальных групп, которые позволяют проследить компоненты, принявшие участие в сложении красноярского варианта тагарской культуры. Несмотря на значительные по масштабам раскопки в районе Красноярска, керамический материал из позднетагарских курганов сравнительно невелик, так как курганы раскапывались преимущественно в прошлом веке методами, заставляющими желать много лучшего.

Первые раскопки курганов в окрестностях Красноярска производил в середине XIX в. бывший енисейский губернатор А. П. Степанов, собравший обширную коллекцию древностей, которая после смерти собирателя разошлась по рукам и для науки погибла [7].

В 1867—1870 гг. курганы близ Красноярска раскапывал И. Александров, который «на собственный счет отыскивал в курганах Енисейской губернии археологические редкости» [8]. Древняя посуда, судя по отчетам о его раскопках, входила в состав коллекции древностей, но эта коллекция также погибла.

В конце 90-х годов XIX в. курганы в окрестностях Красноярска раскапывали П. С. Проскуряков и бывший вице-губернатор В. П. Урусов. Их целью было получение эффектных бронзовых предметов для коллекций. О методах их раскопок хранитель музея М. Е. Киборт писал: «Князь (В. П. Урусов) и Проскуряков названы мною вандалами-искателями курганных вещей, так как ни тот, ни другой не обращают ни малейшего внимания на курганные кости — жертвы ударов мощных рук рабочих, вооруженных лопатами, мотыгами, кайлами и пр.» [9]. Участь костного материала постигла, видимо, и керамику, так как до нас дошло только несколько сосудов из раскопок П. С. Проскурякова. Нам неизвестна также судьба материалов из раскопок В. И. Анучина в 1903 г., сданных, судя по отчету, в Археологическую комиссию [10].

В 1902 г. два кургана раскопал у с. Частоостровского А. В. Адрианов. Он получил большую коллекцию керамики. До нас большинство сосудов дошло в обломках, но об их форме можно составить представление по фотографиям, хранящимся в архиве [11].

В советское время в окрестностях Красноярска раскапывал курганы В. Г. Карцов, который обнаружил ряд сосудов в обломках. В 1956—1957 гг. в районе Коркино и Емельяново производил раскопки Р. В. Николаев. Он получил интересную коллекцию глиняной посуды [12].

---

[6] М. А. Дэвлет. Погребальные сооружения тагарской культуры. Вестн. Моск. ун-та, 1958, 4; Г. А. Максименков. Новые данные по археологии района Красноярска. Сб.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

[7] Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 48.

[8] О разрешении Александрову производить раскопки в Енисейской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 36 за 1866 г., стр. 1, 15, 16.

[9] М. Е. Киборт. Письмо Н. М. Мартьянову от 16 ноября 1899 г. Архив Минусинского музея, оп. 1, д. № 81, стр. 154.

[10] В. И. Анучин. Отчет о раскопках по р. Енисею между гг. Красноярском и Минусинском. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 116 за 1902 г., стр. 17.

[11] А. В. Адрианов. Отчет о раскопках курганов в 1902 г. Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 33 за 1903 г., л. 9—2.

[12] Р. В. Николаев. Курганы тагарской эпохи у г. Красноярска. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

Керамика племен, обитавших в районе современного Красноярска до появления на этой территории тагарцев, изучена плохо. В отношении керамики лесостепных и таежных территорий Г. А. Максименков, изучавший эпоху бронзы Красноярского района, писал, что «кажется единственным бесспорным горшком этого времени нужно считать горшок, найденный во фрагментах вместе с костями человека и бронзовым ножом большереченского типа на дюне у Долгого озера в гор. Канске... Основная

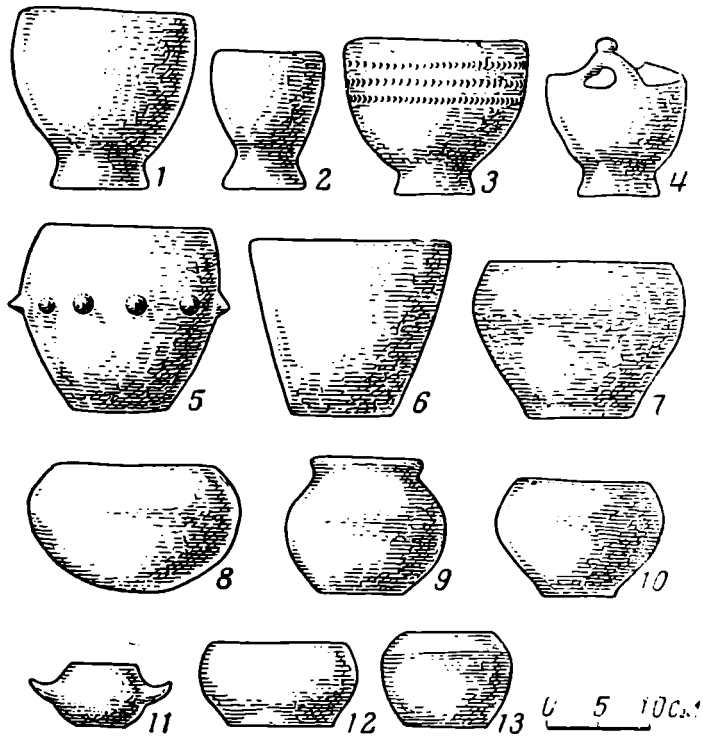


Рис. 1. Посуда из позднетагарских курганов в районе Красноярска: *1—9*, *12—13* из кургана у с. Частоостровское; *10* из кургана у с. Карымское; *11* из кургана у д. Татарская.

особенность этого горшка состоит в том, что внешняя поверхность, хорошо заглаженная, покрыта крупной рельефной сеткой, углубления при этом имеют вид ромбов» [13].

Керамика из курганов тагарского времени района Красноярска довольно однообразна. Здесь нет того обилия форм и орнаментов, которые мы наблюдаем в синхронных курганных комплексах Хакасско-Минусинской котловины [14]. Всего нам известно 85 сосудов из раскопок П. С. Проскурякова, А. В. Адрианова, В. Г. Карцова и Р. В. Николаева, из них 53 целых и 32 в обломках.

Сосуды из курганов Красноярского района, имеющиеся в нашем распоряжении, можно разделить по характеру дна на плоскодонные и на коническом поддоне. Последние представляют собой вазочки на низком полом поддоне без ручек — кубковидные (рис. 1, *1 — 3*) и с ручками на верхнем обрезе края сосуда — котловидные (рис. 1, *4*). Котловидные сосуды имитируют в глине форму и орнамент бронзовых котлов скифского типа. Так, котловидный сосуд из кургана у с. Есаульского имеет рельефное продолжение ручек на теле сосуда, как это было принято для бронзовых котлов [15]. Сосуды на поддоне, появившиеся на территории Хакасско-Минусинской котловины еще в карасукское время и получившие

[13] Г. А. Максименков. Культура древних племен среднего Енисея в эпоху бронзы. Канд. дис. Л., 1961, стр. 195.

[14] М. А. Дэвлет. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях. СА, 1961, 4.

[15] Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. МИА, 90, 1960, стр. 168.

в конце тагарской эпохи большое распространение, продолжали широко бытовать в таштыкской культуре. Вместе с тагарскими племенами сосуды на поддоне распространились из Хакасско-Минусинской котловины на север и северо-запад. Многочисленные находки кубковидных и котловидных сосудов из раскопок А. И. Мартынова в Тиссульском и Чебулинском районах Кемеровской области [16]. Кубковидный сосуд нашла Т. Н. Троицкая на левом берегу Обского водохранилища у пос. Новый Шарап [17].

Преобладающей формой посуды являются плоскодонные горшки классической тагарской баночной формы, а также банкообразные приземистые сосуды с туловом конической, цилиндрической или яйцевидной формы со срезанным верхом и низом. В одном случае баночный сосуд имеет по краю венчика симметрично расположенные острые вертикальные выступы [18], подобные тем, какие встречаются на таштыкской посуде. Почти все банкообразные сосуды индивидуальны. Нет той устойчивости форм, которая наблюдается на протяжении тагарской эпохи для баночных сосудов Хакасско-Минусинской котловины, что затрудняет четкое типологическое разграничение форм глиняной посуды.

Помимо банкообразных, имеется незначительное количество сосудов других форм, известных лишь по одному-двум экземплярам. Таков низкий приземистый сосуд с хорошо выраженными плечиками (рис. 1, *13*). Сосуды с острыми плечиками появляются на тагарско-таштыкском переходном этапе и широко бытуют в раннеташтыкское время [19]. Горшок с выпуклыми круглыми боками и сравнительно узким горлом (рис. 1, *9*). Подобные сосуды широко известны в раннеташтыкское время, хотя встречаются и в раннетагарской керамике. Горшковидные сосуды с выпуклыми боками, по форме напоминающие современные «чугунки» (рис. 1, *10*). Подобные горшки редко встречаются на территории Хакасско-Минусинской котловины. Приземистая маленькая чашечка с двумя ручками в виде выступов (рис. 1, *11*) имеет отдаленные аналогии в таштыкской посуде [20]. Один сосуд с широкими, округлыми боками и слабоуплощенным, почти круглым дном (рис. 1, *8*). Круглодонная посуда была найдена в кургане у с. Мининского [21].

Орнаментация сосудов редка. Среди орнаментальных мотивов не наблюдается столь характерный для тагарской керамики Хакасско-Минусинской котловины обычай украшать посуду желобками или рядом бугорков. Появляются новые виды орнаментов. Сосуд на поддоне из кургана у с. Частоостровского (рис. 1, *3*) и фрагмент керамики из кургана у Военного городка (рис. 2, *2*) украшены скобочками. Подобный орнамент в виде вертикально поставленных оттисков полулунного штампа был распространен в Хакасско-Минусинской котловине на всем протяжении таштыкской эпохи [22]. Сосуд из первого кургана в Коркино I (раскопки Р. В. Николаева) имеет орнамент в виде ряда треугольников, образованных ломаной линией и четырехугольными мелкими вдавлениями. Такой же сосуд найден А. Н. Липским в таштыкском кургане около банка в г. Абакане [23]. В кургане у Военного городка найден черепок горшка с лепными волнистыми чешуйками (рис. 2, *3*), напоминающими орнамент фрагмен-

---

[16] Материалы хранятся в Кемеровском музее. Кол. № 2148, 2206.
[17] Хранится в Новосибирском музее. Инв. № 10610.
[18] Р. В. Николаев. Ук. соч., табл. 2, *2*.
[19] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 45.
[20] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XXXIX, *4*.
[21] В. П. Урусов. Раскопки курганов Енисейской губернии Красноярского уезда. М., 1902, стр. 9.
[22] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 58.
[23] А. Н. Липский. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. Краеведческий сборник, 1, Абакан, 1956, стр. 27, табл. 4, *4*.

тов керамики из Караулинских пещер [24]. С-образный орнамент, встреченный на баночном сосуде в кургане Коркино III [25] имеет аналогии на западе в районе Новосибирска (раскопки Т. Н. Троицкой у пос. Новый Шаран).

Своеобразным видом орнамента являются выступающие налепы на верхней части сосуда, расположенные на некотором расстоянии друг от

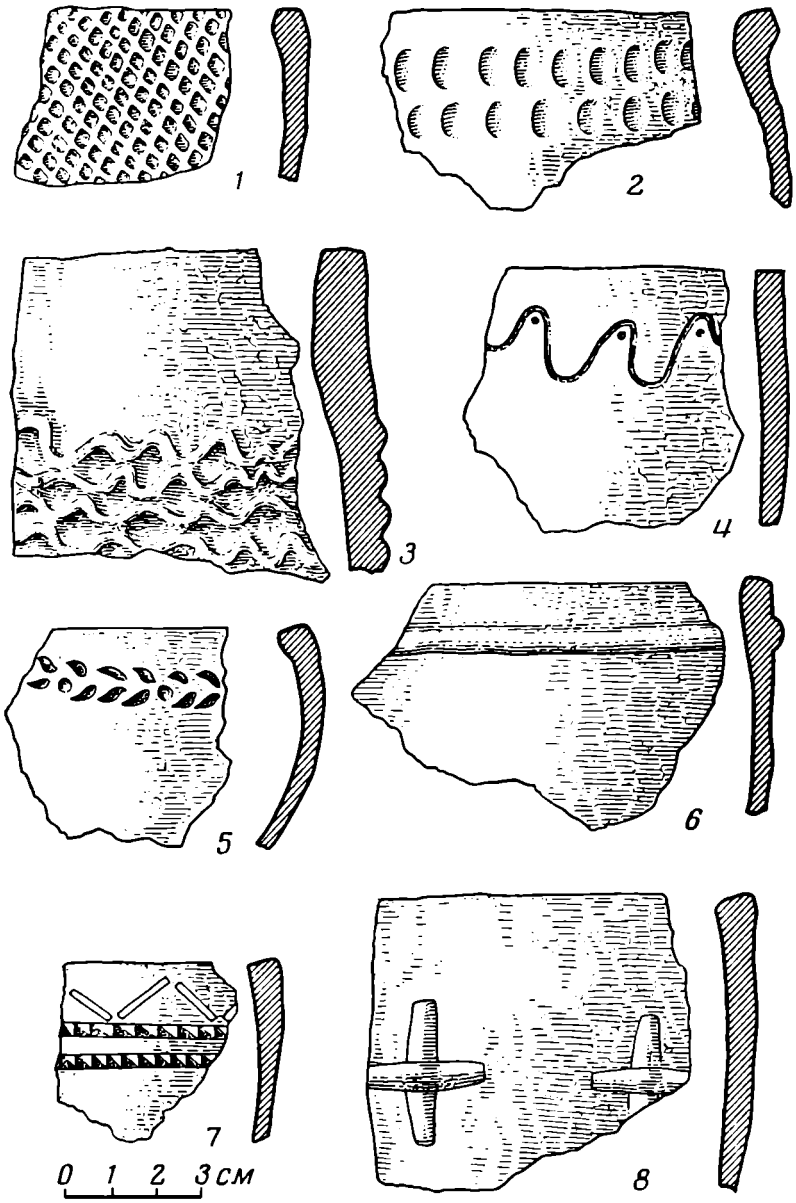


Рис 2. Обломки посуды из курганов: *1* у с. Частоостровского; *2—7* у Военного городка; *8* у с. Карымское.

друга. Горшки, украшенные выступающими налепами, нашел А. В. Адрианов у с. Частоостровского (рис. 1, *5*) и Р. В. Николаев у дер. Коркино. Один из них украшен длинными, слегка загибающимися вверх «рожками» [26]. Подобные сосуды встречались и в других курганах Красноярского района. Так, в кургане у с. Ладейского был обнаружен сосуд, имеющий «сосковидные возвышения», в кургане у с. Мининского также был найден горшок с «сосковидными возвышениями у верхнего края» [27]. Обы-

---

[24] В. Г. Карцов. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, табл. VI, *14, 21.*

[25] Р. В. Николаев. Ук. соч., табл. 6, *2.*

[26] Там же, табл. 6, *2.*

[27] В. П. Урусов. Ук. соч., стр. 6, 9.

чай украшать посуду налепными длинными «рожками» или «сосочками» является местной особенностью. Правда, в таштыкское время известны сосуды с выпуклым налепным орнаментом в виде «шишечек», украшавших бытовую посуду [28]. У горшков района Красноярска налепы настолько велики, что исключают возможность употребления данной посуды в быту. Вероятно, это специально погребальная посуда. То обстоятельство, что в каждом кургане встречено лишь по одному сосуду с налепами, свидетельствует, быть может, о том, что они сопровождали в загробный мир родового служителя культа. Несколько сосудов, известных нам по фрагментам, опоясаны в верхней части горизонтальным валиком (рис. 2, *6*), в одном случае — двумя параллельными валиками. Встречены обломки сосудов, украшенные прочерченной волнистой линией и углубленными точечными вдавлениями (рис. 2, *4*), налепными крестами (рис. 2, *8*), резными змейчатыми линиями [29] и пересекающимися косыми зигзагообразными полосами [30]. Подобные орнаменты не известны ни для тагарской керамики, ни для посуды соседних территорий.

Следует остановиться на характере обработки поверхности глиняной посуды. Большинство баночных сосудов залощено. Обломок одного сосуда из кургана у с. Частоостровского покрыт ложнотекстильными оттисками (рис. 2, *1*). Керамика с сетчатой поверхностью известна к востоку от Красноярска, она напоминает посуду с ложнотекстильными оттисками лесостепной и таежной зоны Восточной Сибири [31].

На основании изучения керамического материала из тагарских курганов Красноярского района можно выделить компоненты, принявшие участие в сложении красноярского варианта тагарской культуры. Прежде всего в основу легла культура динлин-тагарцев. Об этом свидетельствуют многочисленные сосуды баночной формы с лощеной поверхностью. Сосуды на поддоне одинаково характерны как для конца тагарской, так и для таштыкской эпохи. О таштыкском влиянии говорит наличие сосудов с «плечиками», с двумя ручками, с острыми вертикальными выступами по краю венчика, а также орнамента скобочного и в виде треугольников, заполненных точечными углублениями. Третий элемент — местный, он представлен керамикой с сетчатой поверхностью, которая бытовала в лесостепной и таежной полосе в дотагарское время, а также орнаментом в виде лепных чешуек.

В тагарской керамике района Красноярска появились новые, характерные особенности формы и орнамента: посуда приземистых пропорций банкообразной формы, горшковидные сосуды, орнаментация «рожками», волнистыми резными линиями, налепными крестами и др.

Таким образом, рассмотрение керамического материала, происходящего из района современного Красноярска, показывает, что здесь в конце I тысячелетия до н. э. на основе взаимодействия местных племен и пришельцев с юга сложился самобытный вариант культуры, тагарской в своей основе, но сохранившей значительные местные традиции. Лесостепные племена поддерживали контакты с соседними областями и испытали влияние таштыкской культуры.

---

[28] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 57.

[29] Р. В. Николаев. Ук. соч., табл. 2, *4*.

[30] Там же, табл. 2, *5*.

[31] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, стр. 199, рис. 89—90; А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству. История Якутской АССР, I. М.—Л., 1955, рис. 16, *6*; 27, *18*; 34, *6*; Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XIV, *27*.

М. Ф. КОСАРЕВ

К ВОПРОСУ О СТЕПНОМ КОМПОНЕНТЕ В КУЛЬТУРАХ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ПРИОБЬЯ

Исследователи, занимавшиеся археологическим изучением лесного Приобья, всегда отмечали присутствие степных черт в местных культурах эпохи железа (кулайской, усть-полуйской и др.). Это позволило И. М. Мягкову (1929 г.) и В. Н. Чернецову (1953 г.) прийти к выводу, что культуры железного века лесной полосы Западной Сибири сложились в условиях тесных контактов северного лесного населения со скотоводческо-земледельческими племенами Южной Сибири [1]. Мы полностью разделяем их вывод и в связи с этим хотели бы остановиться на специфике лесной орнаментации.

Для посуды усть-полуйского (и более позднего) времени в таежном Приобье обычен орнамент, выполненный геометрическим штампом. Интересно отметить, что орнаментация керамики лесных культур предшествующего времени не обнаруживает тенденции к развитию геометрических мотивов. Кроме шахматного узора [2], ступенчатых фигур, сотового орнамента, резной сетки [3], лесенок [4], мы вряд ли можем отметить для лесной орнаментации бронзового века еще какой-нибудь геометрический элемент. Причем даже те элементы, которые мы смогли перечислить, не соответствуют по форме штамповым орнаментам и, следовательно, не могут явиться их генетическими предшественниками. Вместе с тем, большинство штамповых орнаментов находит очень близкое соответствие в рисованных геометрических узорах на посуде эпохи бронзы более южных (степных и лесостепных) культур (рис. 1, *1—14*).

Керамика Десятовского поселения и городища Остяцкая Гора в низовьях Чулыма (конец бронзового века) дает возможность проследить последовательные этапы измельчания резных взаимопроникающих треугольников и приход на смену им взаимопроникающих треугольных штампов (рис. 1, *3*). Создается впечатление, что появление здесь треугольного штампа есть результат прогрессирующего измельчания резного треугольника.

Для посуды андроновского времени Зауралья и Южной Сибири типичен узор в виде ряда «уточек» (рис. 1, *4—7*). Облик этих «уточек» и принцип их взаимного расположения соответствуют на лесной керамике орнаменту, выполненному штампом (рис. 1, *17*, *18*). На посуде Остяцкой Горы мы можем наблюдать процесс измельчения рисованных «уточек» (рис. 1, *5—7*), что, видимо, свидетельствует о тенденции к переходу рисунка в штамп. В этой связи интересно отметить, что на Остяцкой Горе был найден фрагмент сосуда, где рисованные «уточки» сочетались с «уточками», выполненными штампом (рис. 1, *5*).

Двучленный штамп в виде взаимопроникающих Г-образных фигур (рис. 1, *20*) также находит близкое соответствие в рисованном орнаменте лесостепных культур эпохи бронзы. Аналогичные узоры известны на керамике Десятовского и Еловского поселений, относящихся к концу бронзового века (Томская область), причем здесь, как и в первых двух случаях, мы наблюдаем постепенное уменьшение размера рисунка (рис. 1, *8—10*).

Весьма интересен штамп-свастика, известный, в частности, на керамике Смолокуровского городища (низовья Чулыма; рис. 1, *21*). Облик этого

---

[1] И. М. Мягков. Находки на г. Кулайке. Тр. ТОКМ, II. Томск, 1929, стр. 83; В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, 35, 1953, стр. 236—240.

[2] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, 29, 1956, рис. 9, *15*; В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи, СА, 1959, 4, рис. 3, *4*.

[3] В. И. Мошинская. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. МИА 35, табл. IV, *9*; V, *2*, *12*.

[4] В. И. Матющенко. Ук. соч., рис. 3, *3*; 7, *1*.

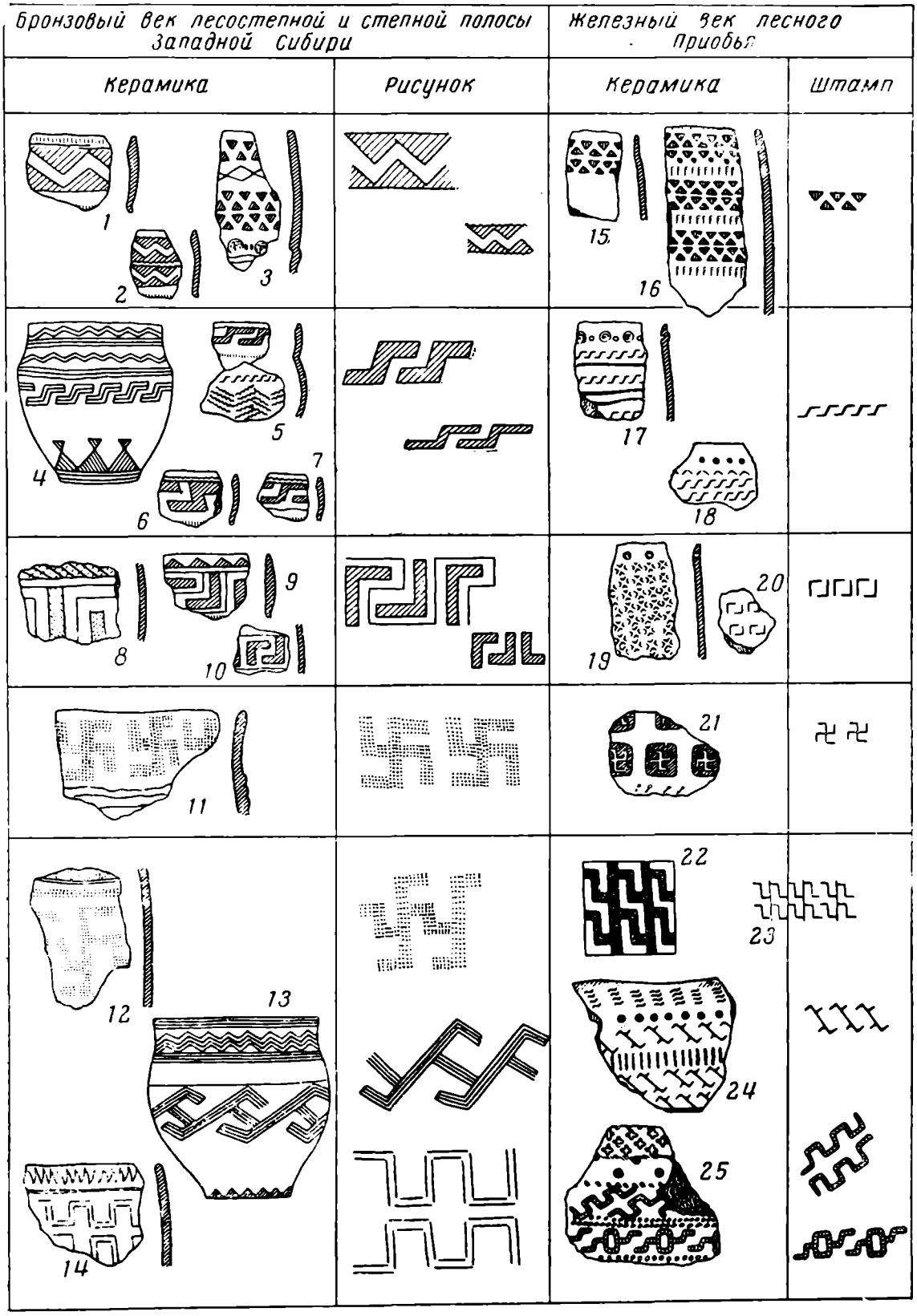


Рис 1. Схема преемственности некоторых геометрических орнаментов

1—3, 9, 10— Десятовское поселение; *4*— Алакульский могильник; *5, 7*— городище Остяцкая Гора; *8*— Еловское поселение; *11*— поселение Ушкатты (Оренбургская обл.); *12, 14*— Омская стоянка; *13*— Кожумбердынский могильник; *15*— городище Шеломок близ Томска; *16*— городище Большой Лог близ Омска; *17*— Басандайское городище (Томск); *18*— Чертово городище под Новосибирском; *19—21*— Смолокуровское городище; *22*— орнаментальный мотив на керамике ярсалинского этапа. По В. Н. Чернецову; *23*— орнамент на усть-полуйском костяном гребне. По В. И. Мошинской; *24*— Спериановское городище близ Омска; *25*— городище Усть-Толт (Нижнее Приобье)

штампа в значительной мере предвосхищается аналогичными по форме рисунками на андроновской керамике (рис. 1, *11*).

Из числа других лесных орнаментов эпохи железа следует отметить большую группу «меандровых» штампов (рис. 1, *22—25*), облик которых также вызывает андроновские ассоциации.

Удивительное соответствие лесного штампового орнамента рисованным узорам на керамике южных культур вряд ли является случайным. В конце бронзового века усиливается взаимодействие лесных культур Западной Сибири с северной периферией лесостепного историко-культурного массива. Начинается движение к югу лесных племен, что могло быть обусловлено отмеченным для этого времени наступлением леса на степь. В лесостепной полосе Западной Сибири в переходное время от бронзового века к железному складываются культуры, сочетающие в своем облике лесные и лесостепные признаки,— каменогорская культура в Зауралье [5] и культура, представленная памятниками типа Остяцкой Горы в Среднем Обь-Иртышье (рис. 1, *1—3*, *5—10*)[6]. По-видимому, в этих условиях и в это время лесное население могло усвоить некоторые степные геометрические орнаменты, которые затем трансформируются в штампы и продолжают жить в лесу и после того, как степные культуры бронзового века были сметены инокультурными племенами скифо-сарматского времени.

---

[5] К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2, стр. 46.

[6] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Тр. ТОКМ, V, Томск, 1956, табл. XV—XX, рис. 65.

А. Н. ЩЕГЛОВ

ПЯТЬ ХЕРСОНЕССКИХ НАДГРОБИЙ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ УМЕРШИХ

В первые века нашей эры в надгробной скульптуре Херсонеса большое развитие получили рельефы с портретными изображениями умерших. Распространение портретных надгробий в городах Причерноморья в значительной степени можно связывать с влиянием римской культуры, а так как Херсонес был главным опорным пунктом римлян в Крыму, то это влияние выражено здесь особенно интенсивно. В городе размещались отряды Мезийской армии, не однородные по этническому составу, но с преобладанием фракийцев. Культура, принесенная легионерами в Херсонес, была в основном культурой придунайских римских провинций. В Херсонесе она вышла за пределы гарнизона и в дальнейшем продолжала развиваться во взаимовлиянии с местной культурой Херсонеса и окружающего его населения, к этому времени сильно эллинизованного. Это послужило одной из причин образования отличной от эллинистической культуры новой варваризованной культуры, которая окончательно сложилась к концу античной эпохи.

Взаимовлияние различных культур откладывало в какой-то мере отпечаток на формирование надгробного портретного рельефа Херсонеса и находило в нем свое отражение. В публикуемых памятниках мы попытаемся выделить некоторые компоненты, принявшие участие в сложении стиля позднеантичной надгробной скульптуры Херсонеса.

Первые три надгробия по характеру расположения надписей можно объединить в одну группу, внутри которой они распределяются хроноло-

гически. Наиболее ранним памятником этой группы является надгробие, найденное в 1936 г. в северо-западной части Херсонесского городища на берегу Песочной бухты. По надписи М. А. Шангин датировал его первой половиной II в.[1]. Однако М. А. Шангин совершенно не коснулся изображения, которое, несмотря на фрагментарность, заслуживает, на наш взгляд, внимания.

Надгробие выполнено в невысоком рельефе на тонкой плите из проконнесского мрамора. Сохранился небольшой обломок верхней центральной части (рис. 1). Его высота 20, ширина 13 *см*, толщина плиты 3 *см*. Она увенчана треугольным фронтоном, на поле которого в центре помещен большой диск; по сторонам его — стилизованные лавровые ветки (сохранилась одна). Видна тонкая врезная вертикальная линия, проведенная вниз от вершины фронтона и делящая всю плиту пополам,— разметка мастера, которая должна была обозначить ось симметрии композиции памятника. Надпись расположена по карнизу фронтона (одна строка — имя умершего) и слева от изображения (сохранились окончания трех строк). Последние буквы этих трех строк подходят к изображению.

Рис. 1. Фрагмент надгробия из Песочной бухты

Портрет умершего помещен в фас в средней части плиты. От него сохранилась только часть прически, лба и правого глаза. Волосы показаны схематично, почти без детализации, их короткие пряди слегка изогнуты. Стиль изображения прически аналогичен стилю херсонесских надгробий Аврелия Виктора [2] и Скифа, сына Феогена [3], и имеет, подобно им, аналогии в римских портретах времени Антонинов. В отличие от портретов Аврелия Виктора и Скифа, в изображении головы на нашей плите мастер уделил несколько большее внимание моделировке прядей волос, хотя и здесь их расчленение передано довольно схематично.

По стилистическим особенностям, которые выражаются в сухой и резкой передаче и обобщенности форм, надгробие 1936 г. можно без колебаний отнести по времени к группе упомянутых памятников. Сходство с ними дополняется также низким рельефом и небольшой величиной плиты. Публикуемая надгробная плита, судя по размерам обломка, так же как и плита с портретом Скифа, вероятно, была вставлена в массивный известняковый блок. Завершение надгробия в форме фронтона не противоречит этому предположению, так как подобное же завершение мы видим на плите Скифа.

---

[1] М. А. Шангин. Некоторые надписи Херсонесского музея. ВДИ, 1938, 3 (4), стр. 76.

[2] G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. XXXIV, *481*; А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. СА, VII, 1941, стр. 108.

[3] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, 27, СПб., 1908, стр. 19; А. П. Иванова Ук. соч., стр. 110.

К несколько более позднему времени относится обломок другого надгробия, найденного в 1927 г. при раскопках К. Э. Гриневичем цитадели Херсонеса [4] (рис. 2). Уже при первом взгляде бросается сходство в системе расположения надписей на этом фрагменте и плите, изданной М. А. Шангиным. На обоих эпитафии помещены около изображения, почти вплотную походя к нему. Слева от портрета на обломке 1927 г. сохранились остатки четырех строк:

...ICTO
...KOY
...ACY
...Y .

Рис. 2. Надгробие из цитадели с изображением головы умершего

Настоящий портрет, как и упомянутые выше изображения, выполнен в невысоком рельефе на небольшой тонкой мраморной плите. Возможно, что она также служила не самостоятельным памятником, а была вставлена в блок из известняка. Такое предположение, помимо имеющихся аналогий, вполне закономерно и объяснимо. Ни в округе Херсонеса, ни в Крыму вообще нет месторождений мрамора, но много известняка. Естественно, что изделия из привозного, в первые века нашей эры, главным образом проконнесского, мрамора были сравнительно дорогими. Поэтому и в надгробном памятнике из мрамора в честь небогатого горожанина могла выполняться только наиболее важная его часть — портрет. Сохранилась центральная часть надгробной плиты (высота 15, ширина 10, толщина 4 *см*), почти полностью занятая изображением в фас головы умершего — пожилого мужчины.

Прежде всего бросается в глаза нарочито подчеркнутая индивидуальность образа. Высокий выпуклый лоб пересекают морщины. Изгиб рта с плотно сжатыми губами и тяжелый прямой взгляд глаз выдают суровый и твердый характер. Выделяются отвисшие щеки и отечные нижние веки. Все это очень живо и точно рисует образ умершего. Большой выразительности мастер достиг подчинением деталей изображения общему замыслу. Прическа и борода показаны очень схематично, глаз не останавливается на отдельных частях портрета: внимание заострено на главном — на характере образа. Характер образа индивидуален. Отечные нижние веки, дряблая кожа щек, скорбная складка у рта в конечном итоге создают впечатление усталости и опустошенности — настроение, свойственное эпохе Антонинов. Невольно возникает сравнение с портретом юноши — принца из дома Антонинов — из коллекции Эрмитажа [5], в котором отражение духовного настроения эпохи отточено до предела. И в том и в другом портрете методы выражения этого настроения сводятся к одним и тем же стилистическим приемам. Таким образом, художественные веяния и стиль времени Антонинов проявились в искусстве Херсонеса как отзвук эпохи, в которой уже видно начало заката античности.

С другой стороны, наш портрет несет на себе печать провинциального портретного искусства и может быть по стилевым особенностям включен

---

[4] Инв. № 35257. Дневник раскопок К. Э. Гриневича, архив ГХМ, д. 223, л. 33.
[5] О. Ф. Вальдгауер. Античная скульптура. Птг., 1923, стр. 103.

Рис. 3. Обломок надгробия, найденный в кладке протейхизмы (известняк)

в круг памятников придунайско-римской провинциальной портретной скульптуры.

Еще бóльшая степень варваризации видна на третьем памятнике (рис. 3). Это надгробие выполнено из местного известняка. Оно найдено в 1958 г. Сохранилась небольшая часть (высота 17, ширина 18, толщина 7 *см*) с портретом, которая в раннесредневековое время была использована как строительный материал в кладке фундамента протейхизмы на юго-восточном участке оборонительных стен Херсонеса. Портрет окаймляла прямоугольная рама. На поле, справа от рельефа, сохранились начальные буквы эпитафии: М . . . /Є . . . Форма и величина букв близки буквам на памятнике из раскопок 1927 г. в цитадели. Мастер сделал лицо в фас и асимметричным: левое ухо и глаз показаны уменьшенными и несколько ниже правых. Это обычный прием, когда мастер при недостаточном умении стремился показать поворот головы в три четверти [6].

Наряду с признаками римского портретного искусства в херсонесском надгробии отчетливо проступают черты, в полной мере проявившиеся в последующей эпохе. Эти черты — стремление к условности, схематизму, дисгармонии и отвлеченность образов — возникают в провинциях Римской империи повсеместно и уходят своими корнями в местные изобразительные традиции.

В способе передачи образа сказывается тенденция к обобщению и условности. Никаких портретных черт он уже не содержит и этим значительно отличается от собственно римского портрета этого же времени. Известная степень влияния местного варварского искусства видна в изображении глаз. Они геометризованы, зрачок не показан, зато дан четкий обвод глазного яблока рельефными веками.

По общим стилистическим особенностям и несмотря на различия этот памятник надо, по-видимому, относить к тому же или близкому к нему времени, что и портрет из цитадели.

Как уже отмечалось выше, все три надгробия можно объединить в одну группу по характеру расположения надписей около изображений человеческих лиц. Такое размещение эпитафий характерно для пальмирских портретных надгробий [7]. Однако ни художественные особенности наших памятников, ни приемы и техника исполнения не позволяют провести аналогий с пальмирскими памятниками. Наши памятники входят в круг искусства европейских римских провинций и ближе всего стоят к памятникам Подунавья. Тем не менее возможно, что какое-то влияние из Пальмиры могло иметь место. Известно, что в составе армии на Дунае были уроженцы Сирии и Пальмиры [8], а поэтому не исключено, что вместе с римскими отрядами они могли попасть в Херсонес. Возможно и другое.

---

[6] А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 110.

[7] П. К. Коковцев. К пальмирской археологии и эпиграфике. ИРАИК, XIII. София, 1908, стр. 277—302, табл. IX—XIII; H. Ingholt. Studier over Palmirensk Skulptur. Kobenhavn, 1928, стр. 28—29, PS 5—6, табл. II, *1—2*; стр. 34, PS 11, табл. IV, *1*; стр. 39, PS 19, табл. VI, *2*.

[8] Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 236.

Рис. 4. Надгробие в кладке фундамента протейхизмы (известняк)

Через Херсонес проходил военно-административный и торговый путь, связывавший придунайские провинции с Кавказом и Малой Азией. Основные пункты этого пути отражены в итинерарии на щите пальмирского воина из Дура-Европос [9]. Кроме того, связи Херсонеса с Малой Азией, восходящие к эпохе эллинизма, были довольно прочными. Нет ничего невероятного в том, что какие-то далекие веяния так или иначе отразились в скульптуре Херсонеса. Примером этому может служить херсонесское известняковое надгробие местной работы с изображением двух воздетых к небу рук, в котором М. И. Максимова усматривает известное влияние культуры Малой Азии [10].

Следующий из публикуемых памятников находится в кладке фундамента протейхизмы у 19-й куртины юго-восточного участка оборонительных стен Херсонеса (рис. 4). Он был обнаружен в 1958 г. во время консервационных работ. Сооружение протейхизмы на этом участке относится к VI в.[11]. Ее фундамент перекрывает могилы античного некрополя. В кладке стены использованы надгробные памятники, снятые с территории языческого города мертвых.

Рельеф, о котором идет речь, высечен на массивном блоке (длина 93, высота 36 *см*) и производит впечатление незаконченности. Изображение сдвинуто к левому краю блока. Черты условности, схематизма и отвлеченности образа в этом рельефе выступают гораздо явственнее, чем в предыдущем памятнике, к которому рельеф наиболее близок. Нос, глаза и рот переданы линиями, приближающимися к геометрическим; борода и прическа показаны крайне схематично. Так же схематично переданы несоразмерно широкие по сравнению с головой плечи. Линии плеч обрываются, как это принято на так называемых таврских антропоморфных надгробиях Херсонеса [12]. Как и все памятники рассматриваемой группы, рельеф выполнен в херсонесской мастерской и относится, по-видимому, к концу II — началу III в.

Фрагмент еще одного известнякового надгробия с портретным изображением был найден в 1958 г. в кладке того же участка протейхизмы 19-й куртины оборонительных стен Херсонеса. Сохранилась верхняя средняя часть композиции (рис. 5); голова умершего в фас выполнена в невысоком рельефе. Над ней — часть прямоугольной рамы, окаймлявшей плиту. Высота обломка 13, ширина 17, толщина 4 *см*.

В этом памятнике черты местного варварского стиля выступают гораздо явственнее, чем на остальных рассмотренных памятниках. Можно сказать, что здесь именно они составляют основу изображения. Сужаю-

[9] F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos. Paris, стр. 323—337.
[10] М. И. Максимова. Надгробие из Херсонеса. СА, XIX, 1954, стр. 221—230.
[11] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 99, рис. 26.
[12] А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 108.

щийся книзу овал лица, нерасчлененная шапка волос, низкий лоб, близко посаженные друг к другу узкие миндалевидные глаза и схематическая передача носа сближают наш портрет с головой возлежащей мужской фигуры на надгробии Гимароклеи (или Гилларокле и)[13] и, особенно, со скульптурным известняковым бюстом бородатого мужчины, изданным А. П. Ивановой[14]. В обоих надгробиях изображения даны строго в фас;

Рис. 5. Фрагмент надгробия с изображением мужской головы

отсутствует та асимметрия, какую мы наблюдаем во втором и третьем памятниках публикуемой группы и которая в римском провинциальном искусстве предназначалась для создания видимости поворота головы в три четверти. Надо полагать, что такой строго фронтальный портрет с очень обобщенным и отвлеченным образом умершего восходит к местной, видимо таврской, скульптурной традиции и ведет свое начало от врезных антропоморфных изображений.

В первых веках нашей эры от характерных херсонесских антропоморфных надгробий как самостоятельная ветвь отделяется антропоморфный рельеф с врезными и барельефными изображениями. Дальнейшее взаимовлияние с античной портретной скульптурой в городе накладывает на него (и в свою очередь на античный портрет) свой отпечаток. В последнем памятнике нашей группы, как и в упомянутом бюсте, развитие этого стиля в Херсонесе получает свое наиболее яркое выражение.

В течение II—III вв. происходит формирование херсонесских портретных надгробий, по-видимому, в следующей последовательности. Вместе с римской экспансией вначале получают распространение надгробия, характерные для римского провинциального искусства Придунайских провинций, Фракии и, видимо, Малой Азии. Затем, вследствие общей варваризации культуры, черты местного стиля проступают все более отчетливо и к концу периода берут верх, но уже не в своем первозданном виде, а оплодотворенные течениями и веяниями римского портретного искусства. На этом формирование позднеантичного надгробного портрета в Херсонесе получает свое завершение, что весьма отчетливо чувствуется при сравнении с последующим раннесредневековым этапом развития херсонесского искусства.

---

[13] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, 10, СПб., 1904, стр. 21 сл.; А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 117.

[14] А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 119, рис. 12; ее же. Das Grabrelief von Bosporus und Chersonèss. Das Altertum, 8, 1962, тетр. 2, Berlin, стр. 98 сл., рис. 100.

А. К. ТАХТАЙ

КАМЕНЬ СО ЗНАКАМИ ИЗ ДОНЕЦКОГО МУЗЕЯ

В 1961 г. в фондах Донецкого музея был обнаружен камень с непонятными знаками. К сожалению, он не имеет точного паспорта. Инвентарная запись под № 6687 гласит, что он найден в 1952 г. на Карловской плотине и передан в музей в 1954 г. Омельченко, директором школы

Рис. 1. Камень со знаками из Донецкого музея

дер. Галициновки Селидовского района Донецкой области. Карловская плотина построена в 1932 г. и перекрывает р. Волчью. Каким образом камень с загадочными знаками попал на плотину и откуда — неизвестно.

Камень со знаками представляет собой обломок плиты из желтого мелкозернистого плотного и мягкого песчаника. Плита неодинаковой толщины и обработана неравномерно. Лицевая сторона и левая грань ее более или менее выровнены мелкой насечкой чекана, обратная сторона почти вся оставлена грубо отесанной. Наибольшая ширина плиты 39, высота 22—23, толщина 8—15 *см*. Один из краев лицевой стороны оформлен в виде широкого рельефного канта, обрамляющего вырезанные знаки. Ширина канта 10—12, высота 1—2 *см*. Знаки расположены под кантом полосой в виде строки, высотой от 4 до 8 *см*.

Трудно определить верх и низ всего ряда знаков, но можно с большой долей вероятности полагать верх в соответствии с начертанием знака «елочкой», т. е. так, как знаки воспроизводятся в настоящей заметке (рис. 1). Неизвестно также, в каком порядке нужно рассматривать знаки — справа налево или наоборот. Линейные знаки вырезаны широкими и глубокими чертами. Ширина их до 1 *см* при глубине 0,5—0,6 *см*. Между линейными знаками расположены округлые ямки диаметром в среднем 1 *см*. Неясно также, сколько всех знаков изображено на камне. Только о «елочке» можно сказать, что это отдельный знак, потому что все его элементы соединены друг с другом. В остальных случаях некоторые черты и ямки не примыкают друг к другу. Тем не менее все знаки можно рассматривать как расположенные четырьмя группами, причем внутри группы они тесно сближены.

Мы будем рассматривать все знаки слева направо. Первая группа состоит из знака в виде отвесной черты с присоединенными к ней двумя парами косых черт, расположенных в «елочку». Вторая группа состоит из

знака, напоминающего нашу «я» и круглой ямки. В третьей группе столбиком размещены сверху вниз: округлая ямка и косая черта слева направо; знак, напоминающий римскую единицу; две округлые ямки по горизонтали. В четвертую группу входят: знак из взаимно-перпендикулярных линий; две круглые ямки, расположенные по вертикали слева, и короткая косая клинообразная черта справа.

При раздельности всех групп знаков сохраняется впечатление их композиционного единства, чем и определяется объединение их в строку. Такое же композиционное единство отдельных элементов чувствуется внутри каждой из групп.

Так выглядит строкообразная полоса знаков карловской находки в четырехчленной группировке, облегчающей ее обозрение. Подчеркиваем, что в каждой группе несоединенные черты и ямки можно рассматривать и как самостоятельные знаки. Но можно и не делать этого, а присоединять ямки к ближайшим линейным начертаниям как придатки к ним, составляющие вместе с ними цельные знаки, наподобие ямок и кружков на некоторых памятниках с загадочными знаками Закавказья [1], точек, двоеточий и т. п. диакритических (различительных) знаков русского, арабского и других алфавитов.

Определяя место карловской находки среди однородных памятников, можно констатировать следующее. В Северном Причерноморье известно несколько десятков памятников с загадочными знаками. На них насчитывается около 250 отдельных знаков и их вариантов. Они еще не разгаданы. Исследователи сходятся на том, что это не знаки буквенного письма, а знаки, обозначающие понятия, так называемые идеограммы. Полагают, что они возникли и бытовали в эпоху родового строя и его распада. Подавляющая масса их принадлежит сарматам [2].

Карловская находка территориально входит в круг памятников с загадочными знаками Северного Причерноморья. Однако по ряду признаков (клиновидное оформление линий, наличие ямок, предельная упрощенность знаков и их строчное расположение) эта находка явно отличается от других. По существу, только один элемент из всей строчки карловских знаков находит аналогию в причерноморских памятниках. Этот элемент находится в третьей группе и по форме напоминает римскую единицу. В целом карловские знаки отличаются от причерноморских и, очевидно, имеют иное происхождение. По-видимому, они несут на себе все признаки уже сложившегося письма. Возможно, что они состоят в родстве с семьей семитских систем финикийско-арамейского круга, не исключая близкого ему арабского письма.

Как бы то ни было, карловские знаки обогащают круг памятников с загадочными знаками Северного Причерноморья новой и весьма примечательной находкой, своеобразие которой бросается в глаза.

---

[1] И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, 62, 1933, рис. 16 и 21, стр. 54.

[2] Э. П. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Л. М. РУТКОВСКАЯ

К ИСТОРИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Во время археологических разведок ЮТАКЭ в 1952 г. было обследовано поселение Джин-Тепе. В 1955—1956 гг. здесь проводились стационарные археологические исследования. Поселение Джин-Тепе находится в Пешан-Алийском районе Марыйской области Туркменской ССР. В древности оно находилось на границе оазиса со степью. Как показывает микрорельеф, поселение состоит из обособленных архитектурных комплексов, выступающих на поверхности в настоящее время в виде холмов. Керамикой и монетами оно датируется I в. до н. э.— I в. н. э.

В настоящее время здесь раскопано пять керамических печей, причем одна из них исследовалась в архитектурном комплексе. Последний представляет собой обширное здание, заключающее в себе множество помещений как жилого, так и производственного назначения. Интерес представляет планировка раскопанной части здания. С южной стороны находится первый ряд комнат сравнительно большого размера, среди которых одна комната имеет несколько ниш. К этим комнатам примыкает второй ряд комнат (но не связывается с ними) гораздо меньших размеров и не носящих такого парадного вида. К помещениям второго ряда с севера примыкают помещения очень больших размеров производственного назначения. Раскопана часть такого помещения, связанного с керамической печью № 1. Разница между помещениями настолько очевидна, что можно говорить о различном их назначении. Первый ряд комнат, надо думать, являлся жильем для хозяина производства, второй ряд — для работников и третий ряд — производственные помещения. Укажем, что остатков аналогичных по планировке зданий на Джин-Тепе много и они также связываются с керамическими печами. По существу, из таких обособленных зданий состоит все поселение.

Керамические печи свидетельствуют о широких масштабах производства, в котором было занято значительное число людей, а также о специализации поселения на изготовлении керамических изделий.

Керамическая печь № 1 связана с комплексом помещений больших размеров и имеет диаметр пода печи 5,2 *м*. Сохранились стены обжигательной камеры на 2—2,5 *м* в высоту и полностью топочная камера.

Печь круглая в плане (рис. 1, *1*); толщина стены обжигательной камеры 1,2 *м*. Сложена она из сырцового кирпича 0,41—0,42 × 0,12—0,13 *м*. С восточной стороны обжигательной камеры имеется загрузочный проем шириной 1,15 *м*. Он был заложен при вторичном использовании печи под хозяйственное помещение. В это же время был сделан второй проем с юго-западной стороны камеры. Ширина его 1,25 *м*. Под обжигательной камеры выложен из сырцового кирпича.

Под верхней кирпичной выкладкой пода имеется девять продухов, расположенных радиально и наклонно. Длина продухов 1,80—1,86 *м*, ширина 0,30—0,34 *м*. В каждом продухе имеется по два отверстия. Один посередине (диаметр 0,2 *м*) и другой в виде полукруга (радиус 0,1 *м*) примыкает к стенке обжигательной камеры. Нижнюю часть печи составляет купольное помещение топочной камеры (рис. 1, *2*). Последнее выкопано в земле на глубину 2,7 *м*. Яма в нижней части имеет больший диаметр, вверху — меньший. Стенки топочной камеры выложены кирпичом. Кладка нависающими рядами образует ложный свод. Диаметр по нижнему краю — 2,6 *м*, по верхнему — 0,9 *м*. Внутренняя поверхность очень ошлакована и имеет темно-зеленый цвет.

Устье топки находится с северо-восточной стороны. Длина его 2,6 *м*, ширина — 0,6 *м*. С внешней стороны устье топки углублено в стене таким образом, что получается как бы ниша. В момент вскрытия указанного от-

верстия оно было заложено на $^2/_3$ своей высоты. Закладка находилась на слое наносного барханного песка. Это свидетельствует о том, что закладка была сделана после того, как печь пришла в запустение, и связывается со вторичным использованием. В топочной камере среди наносного барханного песка было обнаружено сравнительно большое количество облом-

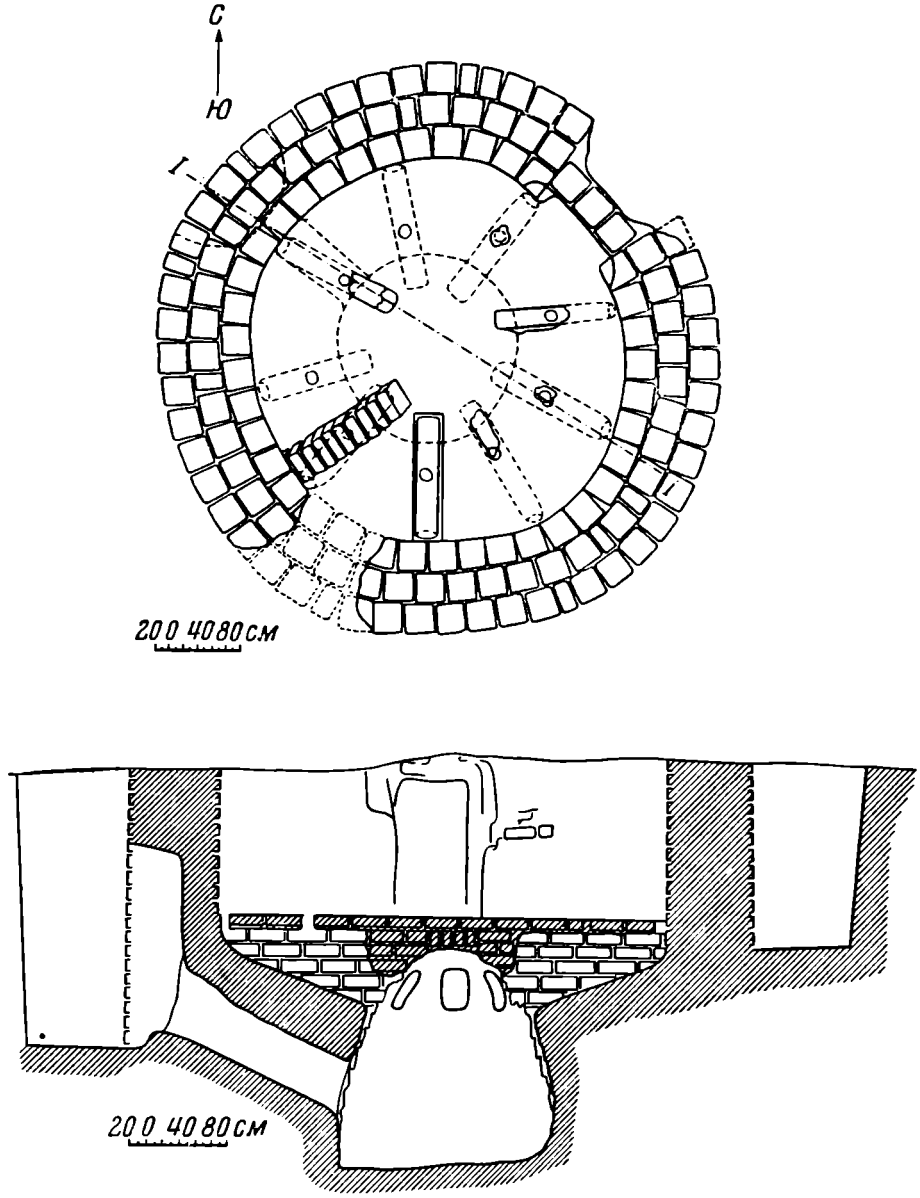


Рис. 1.

1— план печи № 1, *2* — разрез печи № 1

ков глиняных сосудов, которые по форме и технике изготовления сходны с сосудами этого времени из Гяур-Калы (рис. 2).

Печь № 2 имеет аналогичную конструкцию (рис. 3, *1*). По микрорельефу она связывается в один комплекс с постройкой, следы которой в виде холма имеются западнее печи. На поверхности холма найдена монета, которая, по определению М. Е. Массона, относится к I в.

Стены обжигательной камеры сохранились на высоту 1 *м*. Печь в плане круглая, диаметром 5,1 *м*. В котловане обжигательной камеры было найдено много сырцового кирпича со знаками. Толщина стены обжигательной камеры 1,2 *м*. Стены сложены из сырцового кирпича размером 0,42 × 0,42 × 0,13 *м* на глиняном растворе в перевязку. Между кирпичами имеются клинообразные швы, за счет которых достигался круглый план. Стены камеры внутри обмазаны штукатуркой из глины с соломой.

Штукатурка обожжена. С восточной стороны обжигательной камеры имеется проем — загрузочное отверстие шириной 0,6 *м*. Под обжигательной камеры частично разрушен, выложен он из четырех рядов кирпича на глиняном растворе.

В поде имеется восемь продухов прямоугольного сечения, идущих наклонно из топочной камеры в радиальном направлении. Длина каналов

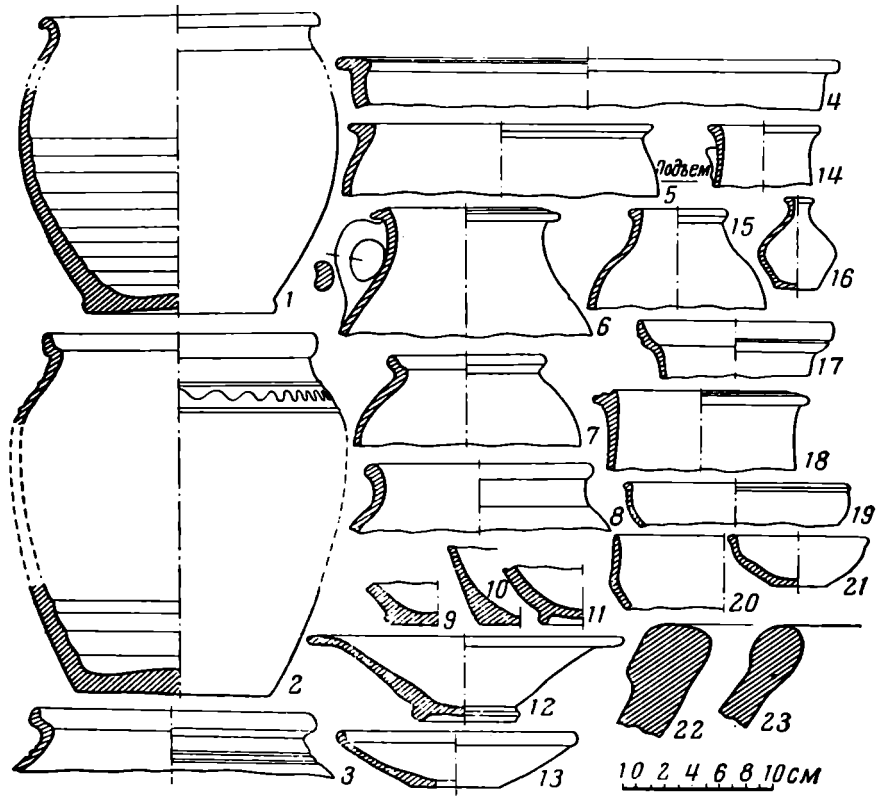


Рис. 2. Обломки глиняной посуды из печи № 1

1,54 и 1,7 *м*, ширина 0,2—0,24 *м*. Продухи подавали горячий воздух в обжигательную камеру через отверстие, имеющееся в поде. По линии каждого продуха имеется два отверстия: одно — круглое диаметром 0,1 *м* (посредине длины канала), другое — полукруглое, примыкающее непосредственно к стене обжигательной камеры. Под подом, в нижней части печи находится топочная камера. Она выкопана в земле, и стенки ее выложены в два кирпича нависающими рядами, образующими ложный свод. Диаметр камеры в нижней части 3,1 *м*, кверху она сужается до 2 *м*, высота камеры 3,45 *м*. Надо думать, что по аналогии с печью № 1 топочная камера заканчивалась куполом, который к моменту открытия ее был разрушен.

С северо-западной стороны имеется топочный канал длиной 2,5 *м* и шириной 0,62 *м*. Поверхность топочной камеры ошлакована. В заполнении была рыхлая земля, а также сравнительно большое количество сырцового кирпича размером 0,42 × 0,42 × 0,13 *м*. Обломки глиняных сосудов отсутствуют. Тут же была обнаружена часть каменного жернова.

Описанные керамические обжигательные печи имеют сходную конструкцию, но не дают формы обжигательной камеры целиком. Решению этой задачи помогает часть обвалившегося купола, обнаруженная среди слоя завала в печи № 1. Здесь мы видим нависающие ряды кирпича, положенного плашмя (рис. 1). Таким образом, есть все основания считать, что обжигательная камера, так же как и топочная, имела ложный свод.

Конструкция этих печей позволяла использовать для обжига посуды только отверстия продухов. На большей площади под не проводит тепло и исключается из теплового обмена. Вследствие этого не используется

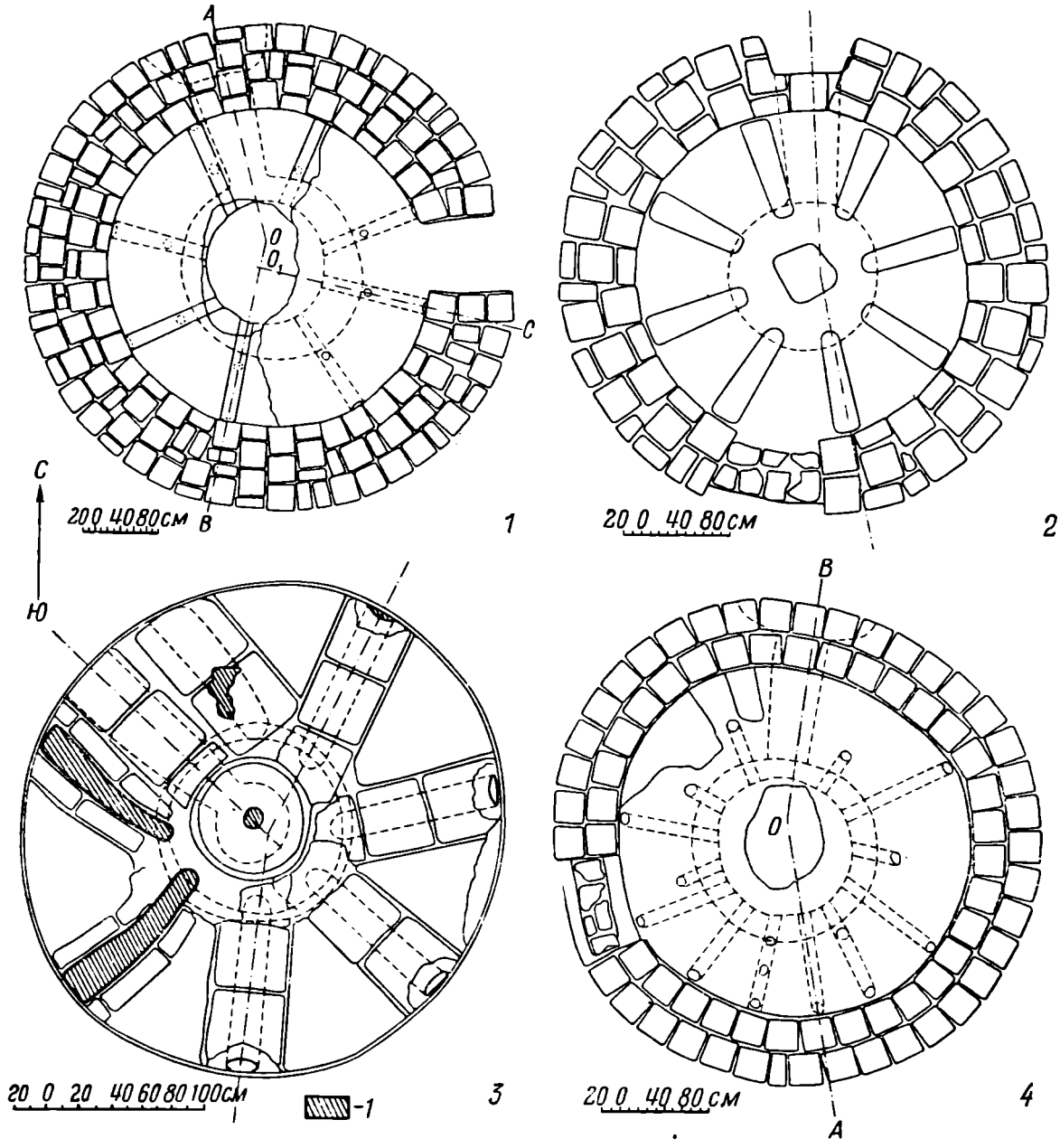


Рис. 3.

1— план печи № 2; *2*— план печи № 3; *3*— план печи № 4; *4*— план печи № 5

большое количество полученного в топочной камере тепла. Все это сочетается, судя по размерам печей, с большим масштабом производства, так как здесь одновременно могло обжигаться много сосудов.

Около печи № 2 находится печь № 4. Она принадлежит к тому же архитектурному комплексу. Под обжигательной камеры находился на уровне современной поверхности. В плане он круглый, диаметром 3 *м* (рис. 3, *3*). Под камеры выложен следующим образом: продухи сверху перекрыты двумя рядами кирпича. Всего имеется семь продухов длиной 1—1,1 *м*, шириной 0,18—0,20 *м*. Они отходят наклонно из топочной камеры. В конце продухов у стены имеется отверстие в виде полукруга радиусом 8 *см*. Продухи чередуются с полыми внутри секторами, которые были перекрыты сверху глиняной обмазкой, а не кирпичом. На стенках двух секторов — следы копоти. Назначение секторов непонятно. С северо-западной стороны открыт топочный канал длиной 1,18 *м*, шириной 0,3—0,4 *м*. Канал сверху перекрыт также двумя рядами кирпича. По сторонам топочного канала имеются продухи.

Топочная камера, вырытая в земле и округлая в плане, имеет диаметр по нижнему краю 1,14 *м*, а по верхнему — 0,5 *м*. Глубина топочной каме-

ры 1,65 *м*. Она сужается кверху за счет нависающих один над другим рядами кирпичей. Вверху топочная камера покрыта лепной глиняной плитой диаметром 0,94 *м*, толщиной 0,16 *м*. Нижняя поверхность ее плоская, верхняя выпуклая в виде полукруга и напоминает купол. Посредине этой плиты имеется отверстие диаметром 0,1 *м*.

Конструкция печи № 4 показывает, что, сохраняя систему продухов такой же, как в печах № 1 и 2, она имеет в целом более совершенный под обжигательной камеры. Кроме каналов, в тепловом обмене здесь участвует и вся остальная часть пода за счет полых секторов. Такая конструкция печи имеет больший коэффициент полезного действия.

На юго-восток от печи № 1 расположены печи № 3 и 5. Печь № 5 в конструктивном отношении ближе стоит к печам № 1 и 2, хотя она и более совершенна. Печь № 5 топографически связывается с невысоким, но большим по площади холмом, под которым скрыто здание. Диаметр пода печи № 5 4,1—4,2 *м* (рис. 3, *4*). Стена обжигательной камеры сохранилась на 1 *м* высотой. Она сложена из сырцового кирпича размерами 0,39 × 0,39 × 0,13 и 0,40 × 0,40 × 0,13 *м* в перевязку на глиняном растворе. В верхних частях стены прослеживается переход к ложному своду в виде нависающих рядов кирпича. Толщина стены 0,86 *м*. С западной стороны обжигательной камеры находилось загрузочное отверстие шириной 1 *м*.

Интересен прием кладки пода. Он имеет толщину в два кирпича, причем швы между кирпичами (шириной 3—5 *см*) заполнены песком и только в верхней части шва нанесен глиняный раствор. В первом и во втором ряду кладка одинакова. Первый ряд кирпичей выкладки пода отделен от второго прослойкой песка толщиной 3—4 *см*. Верхний ряд кирпичной выкладки покрыт слоем штукатурки 3—4 *см*. В настоящее время он очень обожжен и имеет серовато-зеленоватый цвет. Посредине пода имеется отверстие размером по длинной оси 1,2 *м*, по короткой — 0,9 *м*. Оно имеет неправильную овальную форму. В поде в радиальном направлении из топочной камеры расходится 13 продухов. Среди них восемь большого размера (от 1,1 до 1,3 *м*) и пять маленьких (размером 0,5 *м*). Каждый канал заканчивается на конце круглым отверстием (диаметром 0,1 *м*). Имеется только два длинных канала, на одном из которых три отверстия, на другом — два.

Под подом в нижней части печи имеется топочная камера, круглая в плане, диаметром по нижнему краю 2 *м*, по верхнему — 1,3 *м*, глубиной 2—2,2 *м*. Дно неровное. Камера выкопана в земле, а стенки выложены кирпичом размерами 0,39 × 0,39 × 0,12 и 0,37 × 0,37 × 0,12 *м*. Кладка из нависающих рядов образует ложный свод; стенки камеры ошлакованы. На высоте 1,8 *м* от дна топки начинается топочное отверстие высотой 0,64 *м*, длина топочного канала 1,8 *м*. Здесь были обнаружены обломки глиняных сосудов.

Печь № 5 в конструктивном отношении отличается от печей № 1 и 2 тем, что топочная камера не имеет купола, а вместо него посредине сделано отверстие. Кроме того, здесь большее количество продухов, что повышает коэффициент полезного действия печи. Эту конструкцию надо считать дальнейшим развитием печей № 1 и 2.

Печь № 3 находится юго-восточнее от печи № 1 и также связывается с архитектурным комплексом. Печь круглая в плане (рис. 3, *2*). Стены обжигательной камеры сохранились высотой на 1—1,5 *м*. Сложены они из сырцового кирпича размером 0,42 × 0,42 × 0,12—0,13 *м*; толщина стены 0,96 *м*. Кладка сделана в перевязку на глиняном растворе; в горизонтальном срезе стены видны широкие клинообразные швы. В стене обжигательной камеры имеется два проема (загрузочных отверстия). Первоначальный проем скрыт под штукатуркой, второй проем (шириной 1,5 *м*) также заложен на всю толщину стены. Стены обжигательной камеры с внутренней стороны обожжены. Диаметр пода печи 3,82—3,89 *м*. Посредине пода

имеется отверстие четырехугольной формы со сторонами 0,52 × 0,60 *м*. В случае надобности отверстие, по-видимому, закрывалось большим кирпичом с П-образной выемкой, который был обнаружен нами в топке.

По радиусам пода расположено восемь продухов длиной 1,12—1,17 *м* и шириной 0,22—0,27 *м*. Каждый из них доходит до стенки обжигательной камеры с одной стороны и немного не доходит до центрального отверстия с другой. Ниже находится топочная камера, врытая в землю. Стенки ее выложены кирпичом и очень ошлакованы. Глубина камеры 2,9 *м*, диаметр дна топки 1,8 *м*, диаметр по верхнему краю 1,1 *м*. С северо-западной стороны находилось топочное отверстие. Ширина устья топки 0,7 *м*, высота 0,7 *м*, длина топочного отверстия 2,2 *м*.

По размерам приведенных выше печей видно, что в производстве было занято большое число людей, а сосуды изготовлялись на сбыт.

Описанные печи являются дальнейшим продолжением традиций керамического производства Маргианы. Так, нам известны печи V—IV вв. до н. э., находящиеся в Маргиане на поселении севернее Уч-Тепе и Чурнок [1]. Они округлы в плане и дают также углубленную в землю топочную камеру, которая внизу имеет большие размеры и сужается кверху. Но здесь еще отсутствует купол топочной камеры. Что же касается обжигательной камеры, то и здесь под печи имеет также систему продухов, заканчивающихся отверстием. Иногда имеется отверстие и посредине. Преемственность в устройстве керамических печей говорит о непрерывной линии развития керамического производства на территории Маргианы в продолжении большого промежутка времени.

Печей, аналогичных описанным, пока не встречено в Средней Азии, и это дает основание считать их локальным маргианским вариантом. Ближе всего к маргианским печам стоят некоторые типы печей Хорезма [2]. В данном случае имеются в виду печи с продухами (Базар-Кала), которые напоминают ранние печи Маргианы (Уч-Тепе, Чурнок).

Различия в конструкции печей Джин-Тепе надо объяснить их специализацией. Так как печи связаны с архитектурными комплексами, то у нас есть все основания считать их одновременными; допустим хронологический разрыв между ними в несколько десятков лет. В связи с этим мы хотим высказать несколько соображений.

Во-первых, поселение Джин-Тепе определенно специализировано на керамическом ремесле. Здесь функционирует одновременно большое число печей. Это является ярким доказательством далеко зашедшего разделения труда, когда керамическое ремесло становится самостоятельной отраслью производства.

Общественным разделением труда, с другой стороны, надо объяснить и условия для существования подобных поселений. Одним из важнейших условий является увеличение спроса. В районе Джин-Тепе жило население с разными хозяйственными укладами. Здесь проходила граница оазиса со степью; в степи кочевали скотоводы, в оазисе жило оседлое земледельческое население. Потребность обмена между ними вызывала необходимость в существовании ремесленного поселения Джин-Тепе, поставлявшего различные изделия.

О том, что производство керамики на Джин-Тепе носило товарный характер, свидетельствует также следующее наблюдение. При раскопках печей среди сосудов, сделанных на круге, встречались сосуды, формованные от руки. Здесь были обломки кухонных сосудов из глины с примесью дресвы, а также обломки лепных сосудов из хорошо отмученной глины.

---

[1] В. И. Сарианиди. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана. Изв. АН ТССР, 6, 1956, стр. 70; его же. Керамические печи древней Маргианы. КСИИМК, 69, М., 1957, стр. 73—76.

[2] М. Г. Воробьева. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ АН СССР, 25, 1957, стр. 117.

Вместе с тем здесь встречены и кухонные сосуды из грубой глины, сделанные на гончарном круге.

Наличие лепных сосудов в больших керамических мастерских, и притом на поселении, специализировавшемся на керамическом ремесле, можно объяснить только потребностями рынка. Надо думать, что среди населения, которому сбывали сосуды, существовали в этом смысле определенные традиции. Как сообщила нам Е. М. Пещерева, до настоящего времени в некоторых местностях Средней Азии жива традиция употребления лепных сосудов. Обычно они изготовляются на круге, но затем их внутренняя и внешняя стороны подвергаются вторичной обработке специальной лопаточкой, в результате чего сосуд приобретает шероховатую поверхность, характерную для лепных сосудов.

Анализ форм сосудов, обнаруженных на Джин-Тепе, показывает, что керамическое производство здесь развивалось под сильным влиянием Мерва. В данном случае надо предполагать, что имело место подражание мервским образцам, а также непосредственное участие мервских мастеров в местном производстве.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ВАСЮГАНСКИЙ КЛАД

В 1958 г. в Музей истории материальной культуры при Томском университете была доставлена коллекция бронзовых вещей с р. Васюгана. Более точных сведений о месте находки неизвестно. В инвентарной книге коллекция описана как клад. Вещи составляют, по-видимому, единый комплекс.

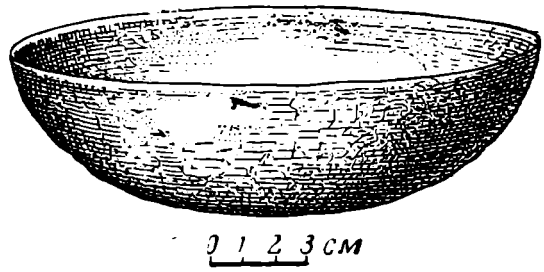


Рис. 1. Чаша из Васюганского клада

Данный комплекс представляет большой интерес, так как здесь имеются антропо- и зооморфные изображения вместе с вещами поясного набора. Предметы звериного стиля на территории Западной Сибири известны часто в виде случайных находок, поэтому датировка их затруднена и до настоящего времени в достаточной степени не разработана. Имеющиеся в кладе части поясного набора могут быть довольно точно датированы. Эта датировка будет относиться ко всему кладу и аналогичным вещам звериного стиля, известным в качестве случайных находок из разных мест. Клад состоит из 17 предметов. В нем, кроме упомянутых выше вещей, имеются медная чаша, обломки других чаш, а также части медных предметов неизвестного назначения.

Приводим краткое описание клада.

1. Чаша (рис. 1) эллиптической формы с круглым дном, сделана из хрупкой золотистой бронзы, полирована снаружи и внутри. Край венчика несколько утолщен по сравнению со стенками. У края венчика в одном месте просверлено небольшое отверстие для подвешивания. Размеры чаши: диаметры по венчику 15 и 11,8 *см*, глубина 4 *см*, толщина венчика 2 *мм*, толщина стенок у дна 0,6 *мм*.

Кроме этой чаши, в коллекции имеется еще три обломка от подобных чаш. Один из них использован для погребальной маски, для чего поре-

заны вдоль венчика два небольших отверстия, расстояние между которыми равно приблизительно расстоянию между зрачками глаз человека, так что при наложении на лицо этот обломок чаши мог образовывать маску. Находки масок с прорезными отверстиями для глаз встречаются среди металлических изделий Приуралья и Западной Сибири. Они известны по находкам в курганах Басандайки, которые относятся к началу II тысячелетия н. э.[1], в Барсовом городке (раскопки Ф. Р. Мартина), где могут быть датированы IX—X вв.[2]. Об использовании масок при погребении у хантов сообщают также и этнографические материалы [3]. Аналогичные чаши были найдены С. К. Кузнецовым в могильнике у Томска на берегу р. Малой Киргизки [4]. Из Чердынского района Пермской области [5] известна случайная находка чаши вместе с двумя человекообразными изображениями.

2. Изображение медведя (рис. 2, *1*) выполнено техникой плоского литья в односторонней форме. Толщина литья 0,8—1 *мм*. Оборотная сторона не обработана, лицевая гладкая, почти полированная, с ребристыми возвышениями, разделяющими отдельные части тела. На спине имеются два ушка для подвешивания. В целом изображение фигуры сделано в профиль, только ноги повернуты на лицевую сторону. Некоторую аналогию этому медведю может представлять изображение медведя из раскопок Тимирязевских курганов около Томска [6].

3. Изображение оленя в профиль (рис. 2, *2*), размер 5,8 × 3 *см*; одностороннее плоское литье, на спине ушко для подвешивания, рога небольшие и разветвленные, от морды наклонно к ногам, а затем от передних ног к задним тянется полоса с насечками. На подобных привесках более раннего времени изображались «ящеры» или змеи. Оборотная сторона привески — плоская и необработанная. По технике изготовления и стилю фигура оленя близка описанному медведю.

4. Гривна с медвежьими головками (рис. 2, *3*), длина по хорде 12 *см*, ширина обруча с насечками 8 *мм*, оборотная часть вогнута по принципу пустотелого литья, лицевая часть с насечками дугообразная. Медвежьи головы выполнены с большим реализмом также техникой полого литья, т. е. вогнуты с оборотной стороны. Отдаленную аналогию гривне подобного типа можно видеть в браслете со змеиной головкой из Бродовского могильника [7].

5. Головка медведя (рис. 2, *4*) сделана способом пустотелого объемного литья; изображена раскрытая пасть, ноздри обозначены двумя наклонными чертами, уши торчат, как будто зверь прислушивается.

6. Изображение птицы с медвежьей головой или крылатого медведя (рис. 2, *5*), держащего в когтях за плечи человеческую фигуру. Голова полая, оборотная сторона вогнута, не обработана. Крылья трактованы в виде отдельно торчащих перьев, соединенных около концов жгутом; перья украшены жемчужным орнаментом. Четырехпалые лапы имеют около пальцев углубления, заполненные жемчужинами. По наличию ребристых возвышений на лапах и перьях можно говорить о близости художественного стиля стилю описанной выше фигуры медведя. Размер изображения 10,4 × 11,5 *см* при толщине около 1 *мм*. Изображения, аналогичные описываемому, были найдены при распашке земли у с. Спасского

---

[1] А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Уч. зап. ТГПИ, X, 1953, стр. 196.

[2] T. J. Arne. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935, стр. 82.

[3] В. Бартенев. Погребальный обычай обдорских остяков. «Живая старина», год V, вып. III—IV, 1895, стр. 487.

[4] Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у приуральской чуди. МАВГР, III, М., 1899, стр. 127—128.

[5] Фонды Чердынского краеведческого музея.

[6] М. Ф. Косарев. Отчет о раскопках 5-го Тимирязевского курганного могильника за 1960 г., табл. 7, 9. Архив ИИМК.

[7] В. Ф. Генинг. Бродовский могильник. КСИИМК, 52, 1953, рис. 34, *11*.

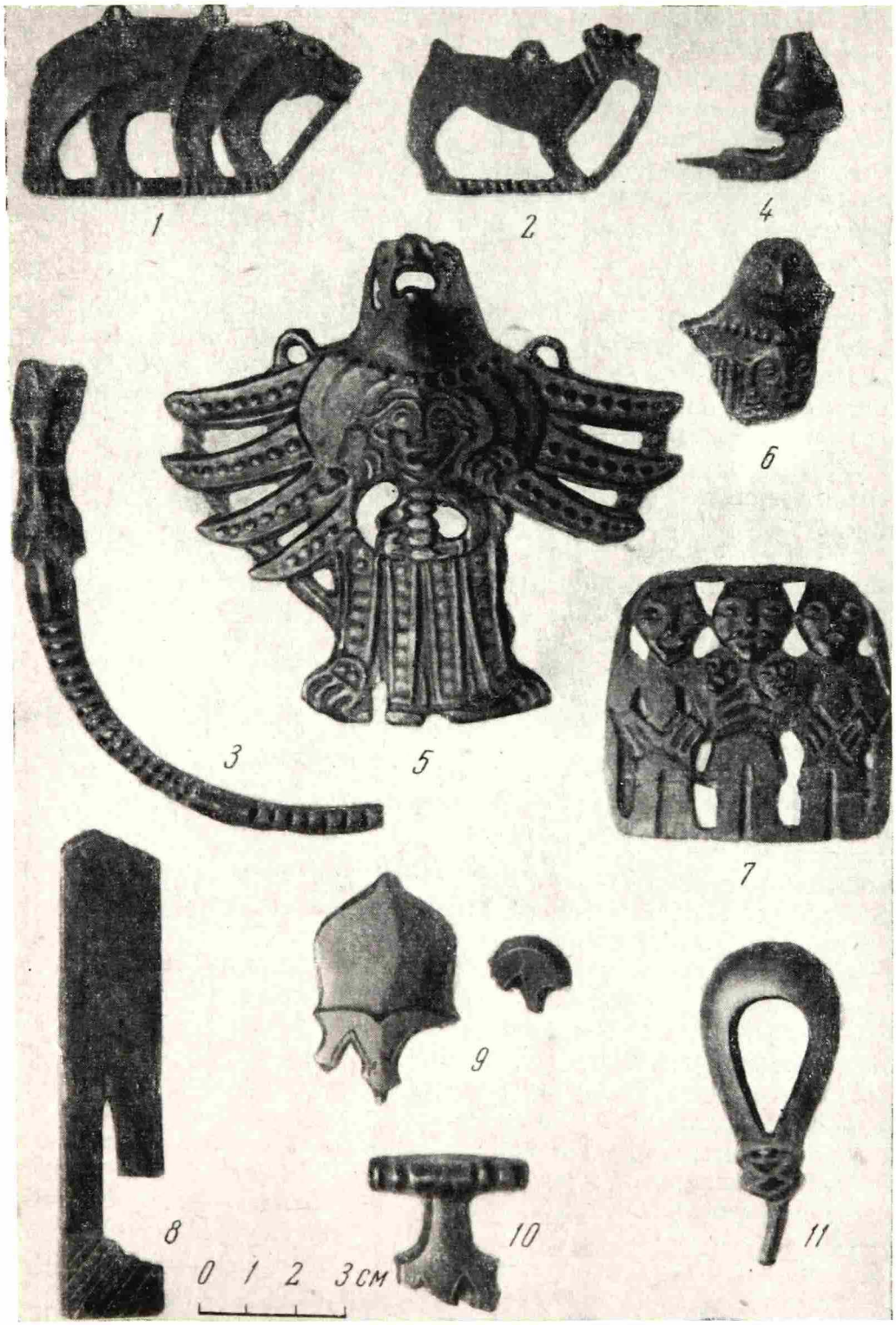


Рис. 2. Вещи из Васюганского клада

бывшей Усть-Тартасской волости Томской губернии [8] и в 1896 г. при раскопках могильника в окрестностях Томска на берегу р. Малой Киргизки [9]. Упомянутые в качестве аналогий изображения настолько близки в деталях описываемому, что можно говорить о том, что они сделаны одним мастером.

Стилистически близко стоит птицевидное изображение с личиной на груди с горы Азов, где оно в составе комплекса жертвенного места найдено вместе с другими более ранними вещами [10].

[8] Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 102, рис. 24.
[9] Там же, стр. 127, 128.
[10] К. В. Сальников. В глубине веков. Свердловск, 1959, стр. 93.

7. Часть птицевидного изображения с человеческой личиной на груди (рис. 2, *6*). Голова птицы, вероятно орла, сделана техникой полого литья, с внутренней стороны вогнутая и необработанная. Вокруг шеи идет кант в виде ожерелья из мелких жемчужин. Такое украшение имеет описанное выше изображение птицы. Крылья орнаментированы сочетанием линий и мелких жемчужин. Размеры фрагмента 4 × 3,1 *см*. Наличием мелких жемчужин и линий к описанной фигуре близко изображение птички из Зародят, но она сделана более примитивно и не имеет человеческой личины [11].

8. Композиция из трех человеческих фигур (рис. 2, *7*). Монголоидность лиц подчеркнута сильно выступающими скулами. Центральная фигура изображает мужчину с усами; в руках у груди он держит две человеческие головы, меньше по размерам, чем головы главных трех фигур, возможно, схематизированное изображение детей. Руки всех фигур трехпалые. Против коленной части ног у всех фигур обозначен рубец, который, возможно, имитирует одежду, заправленную в сапоги.

9. Конец гривны (?), выполнен в технике полого литья. Размер 4 × 0,9 *см*.

10. Медная обкладка тонкая выпуклая, полированная с наружной и внутренней сторон. По краю имеет отверстия для укрепления и насечку, сделанную острым предметом с внутренней стороны. Размеры ее 8,5 × × 5 *см*.

Части поясного набора представлены наконечниками ремней (рис. 2, *8—10*) и петлевидной подвеской (рис. 2, *11*). Все они отлиты из белой бронзы, наружная поверхность их полирована, внутренняя не обработана после литья, шероховата и имеет штифты для скрепления с ремнем (кроме подвески, которая таковых не имеет). Описанные части поясного набора находят аналогии в кладах и погребениях VI—VII вв. юга Европейской части СССР.

Наконечник широкого ремня (рис. 2, *9*) близок к наконечникам из нижнего слоя могильника Суук-Су [12], Мартыновского и Суджанского кладов [13], а также бляшкам из поясных наборов впускных погребений Пантикапея [14]. Наконечники удлиненной формы, близкие к описываемому (рис. 2, *8*), представлены в кладе из с. Суджи и из с. Новая Одесса Харьковской области [15]. Обломок Т-образного наконечника (рис. 2, *10*) имеет аналогии в кладе у с. Хацки [16], во впускных могилах Пантикапея и в поздних памятниках бахмутинской культуры Башкирии [17]. Подобные Т-образные наконечники из нижнего слоя могильника Суук-Су В. К. Пудовин датирует между 600 и 650 гг.[18] Последняя дата будет являться определяющей для всего клада. Если взять ее более широко, учитывая сравнительно большую территориальную удаленность аналогий, клад может быть датирован VII в. Эта датировка твердо устанавливается комплексом вещей поясного набора, соответствующих аналогичным комплексам на юго-западе Европейской части СССР, а не одной вещью.

Реализм является характерной чертой зооморфных изображений описываемого клада. У птицы с головой медведя и у птицы с личиной на груди стилизация выступает довольно сильно, но не смазывает общего реалистического характера изображения, особенно в трактовке головы.

[11] А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, VIII, 1—2, СПб., 1906, стр. 122, рис. 303.

[12] Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских готов. ИАК, 19, СПб., 1906, стр. 73, рис. 71.

[13] Б. А. Рыбаков. Древние Русы. СА, XVII, 1953, рис. 7, *б* и 17—25.

[14] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 г. КСИИМК, 58, 1955, рис. 32.

[15] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., рис. 7, *б* и 13.

[16] Там же, рис. 7, *а*.

[17] Материалы ИИЯЛ БФ АН СССР.

[18] В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, 1, стр. 177—185, рис. 1.

Жемчужины на хвосте и крыльях мелкие, в более позднее время они становятся крупнее. Здесь же стилизация не изменяет реалистической сущности предмета.

В отливках сочетается техника объемного и плоского литья, которое производится в односторонней литейной форме. Все вещи отлиты из белой бронзы и полированы с наружной стороны.

Вещи, представленные в кладе, связаны, по-видимому, с погребением. Д. Н. Анучин описывает погребение с подобным инвентарем, раскопанное в 1896 г. в окрестностях Томска на берегу р. Малой Киргизки, где под небольшим курганом была найдена полушаровидная бронзовая чаша, в которой лежали обгорелые кости человеческого черепа; перед этой чашей находилось воткнутое хвостом в землю аналогичное нашему изображение летящей птицы, обращенное передней стороной к юго-западу, а задней к чаше [19].

Большинство зооморфных изображений, известных в виде случайных находок в Западной Сибири, происходит, вероятно, из могильников и реже из жертвенных мест. Об этом говорит материал могильников у Архиерейской заимки [20] Ленг-Понк и Юрт Кинтусовских [21], курганов аксеновских, эбаргульских и др., где предметы звериного стиля представлены в большом количестве.

Жертвенные места, за небольшим исключением, не были подвергнуты внимательному изучению, и к ним относили обычно местонахождения нескольких зооморфных и сопутствующих им вещей. На этих местах незначительные раскопки или поверхностный осмотр не обнаруживал ни культурного слоя, ни костей человека, которые могли не сохраниться и при трупоположении. Особенно это относится к раннему времени — к концу I тысячелетия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. Возможно, что при дальнейшем изучении этот вопрос будет решен более определенно, чем это представляется нам сейчас. С погребальными комплексами, вероятно, можно будет связать часть находок, которые считаются происходящими с культовых мест, что, конечно, не отрицает существования последних.

[19] Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 127—128.

[20] А. А. Спицын. Вещи из курганной группы близ Томска. ЗРАО, 11, СПб., 1899, стр. 316—323, табл. 1—10, 12—14.

[21] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, 58, 1957, табл. XXII, XXIX.

М. Х. АЛЕШКОВСКИЙ, С. С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЦЕРКВИ МИХАИЛА-АРХАНГЕЛА В СМОЛЕНСКЕ

В связи с реставрационными работами в церкви Михаила-архангела 1191—1194 гг. в Смоленске Центральные научно-реставрационные мастерские организовали археологические разведки этого замечательного памятника древнерусской архитектуры [1].

Наиболее важный для реконструкции первоначального облика здания результат раскопок — открытие остатков апсид у восточных стен южного и северного притворов. У северного притвора апсида сохранилась на уровне трех-четырех нижних рядов кладки стены. Ширина стены 70 *см*. Она перевязана с восточной стеной притвора и составляет одно целое с се-

[1] Всего сделано 10 шурфов у стен церкви и два шурфа на южной и северной окраинах церковного холма.

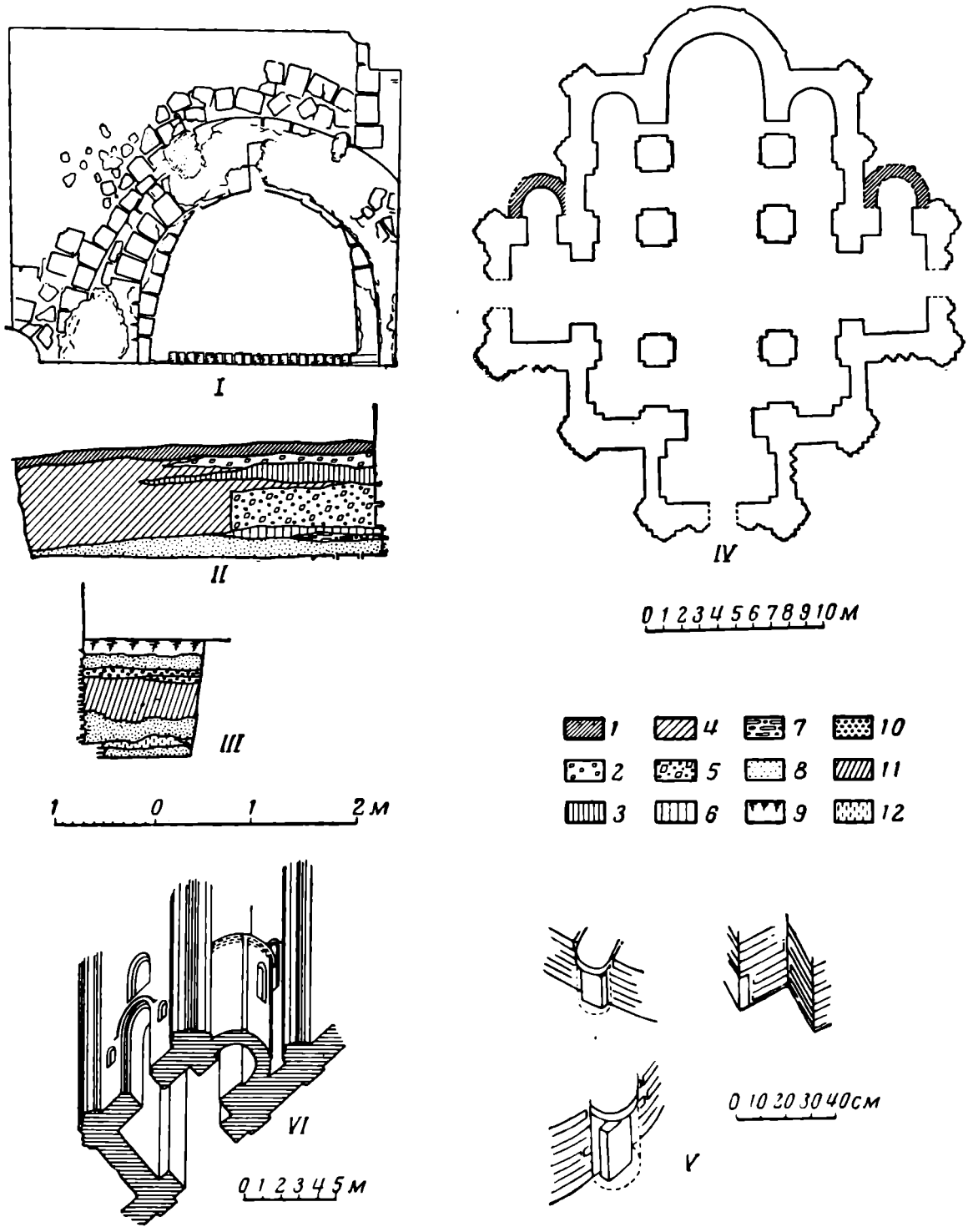


Рис. 1

I— план *2* шурфа; II— восточный профиль *3* шурфа; III— западный профиль *5* шурфа; IV— план церкви Михаила-архангела (реконструкция); V — нижние части полуколонок (апсиды, пилястры) и подкупольного столба; VI— южный придел (аксонометрия).
1— современный мусор; *2*— кирпичный щебень XX в.; *3*— серо-черная земля; *4*— перекоп; *5*— строительная канава XVII-XVIII вв.; *6*— черный культурный слой; *7*— цемяночная прослойка; *8*— песок; *9*— бетонный пол в церкви; *10*— известковая прослойка; *11*— слой перекопанного песка с перезахоронениями; *12*— суглинок

верной стеной четверика церкви на протяжении 180 *см*. В восточной стене притвора имеется проем, заложенный внизу поставленными на ребро поздними кирпичами. Выше идет белокаменный цоколь (два ряда) и кирпичная закладка первоначального прохода из притвора в апсиду. Внутренняя линия апсидной стены сохранилась хорошо, внешняя линия на две трети разрушена, но по остаткам образовывавших ее плинф легко восстанавливается (рис. 1, I; 2). Там, где кладка сохранилась на три ряда,

найдена нижняя лекальная плинфа полуколонки; место несохранившейся второй устанавливается по раскладке плинф. В предполагаемом месте второй полуколонки имеется перекладка, сделанная пережженным кирпичом в позднее время. Вокруг апсиды идет обычная плинфовая отмостка фундамента, прикрытая слоем чистого песка и уцелевшая только у северной стены четверика. Внутри апсиды с нижних рядов ее кладки начиналась песчаная подсыпка (рис. 1, II). Поверх песчаной подсыпки у северной стены четверика встречена цемяночная прослойка, по которой залегла тонкая полоска черной земли. Вдоль позднего белокаменного цоколя, опоясывающего все здание с притворами, идет строительная канава, заполненная кирпичным щебнем. Основной же грунт шурфа состоял из перекопанной в XIX—XX вв. кладбищенской земли, в которой не оказалось ни одного склепа, благодаря чему и уцелела апсида северного притвора.

Стена южной апсиды сохранилась в ее северной трети до первой полуколонки и частично в южной трети (рис. 1, IV). Все остальные части стены вместе с верхней частью фундамента уничтожены двумя кирпичными склепами XIX в.

Удаление поздней штукатурки с восточной стены южного притвора позволило вскрыть сохранившееся очертание проема, соединявшего притвор с апсидой (рис. 3). Непосредственно над аркой проема, выложенной из плинфы на цемяночном растворе, имеются следы примыкания свода апсиды, что позволяет установить ее первоначальную высоту (рис. 1, IV; 3).

Наличие апсид у северного и южного притворов церкви Михаила-архангела говорит о первоначальном существовании в них приделов. Известно, что в конце XVIII в. в южной и северной апсидах церкви помещались два придела — Александра Невского и Алексея человека божия [2].

Перенесение престолов в боковые апсиды церкви произошло, видимо, при уничтожении апсид древних приделов и закладке проходов в них во время больших переделок всего здания церкви в конце XVII — начале XVIII в. При этом были перестроены и верхние части древних приделов и западного притвора. До проведения зондажей преждевременно реконструировать завершения приделов, но находка их апсид существенно меняет наши представления о первоначальном облике здания [3]. Апсиды приделов церкви Михаила-архангела отличают ее от других известных нам трехпритворных храмов древней Руси, что, возможно, связывается с широко распространенным в смоленском зодчестве XII в. приемом устройства приделов с севера и юга храма, часто сочетающихся с папертями-галереями. Устройство приделов в южном и северном притворах известно у Спасского собора в Рязани (конец XII в.) [4], а также в Сербии, у Успенской церкви 1191 г. Студеницкого монастыря, где, впрочем, апсиды не выступают из плоскости восточных стен притворов, а помещены в их толще [5].

В более раннее время (в X — начале XI в.) устройство приделов в боковых притворах [6] известно в северном храме на р. Зеленчуке, где апсиды точно такие, как в Студеницкой церкви. Однако эти аналогии не дают основания связывать появление приделов в трехпритворных храмах к кавказскому или какому-нибудь иному влиянию. Архитектурный облик приделов Михайло-архангельской церкви — высоких, слитых с общим

---

[2] Атлас городов Смоленской губернии ЦГВИА, ВУА № 21584, л. 3 об.

[3] Наиболее разработанная реконструкция памятника, выполненная арх. П. Д. Барановским, опубликована в «Истории руской архитектуры» (М., 1951, стр. 23).

[4] Г. Ф. Корзухина-Воронина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII веков. «Сборник I», ГАИМК. Л., 1929, стр. 76.

[5] А. Дероко. Монументална и декоративна архитектура у средневековној Србији. Београд, 1953, стр. 106, сл., стр. 130.

[6] Небольшие приделы с апсидой, расположенные у восточных углов храма и иногда с главой, известны уже с X в. (Плиска, Херсонес) и распространены в Сербии в XI—XIV вв.

центричным объемом храма, с апсидами, богато декорированных при помощи проемов и ниш фасадами,— совершенно иной. Появление приделов в притворах храмов X—XII вв. скорее следует связывать со сходными историческими условиями — расширением христианизации, канонизацией местных святых и посвящением им престолов в небольших притворах.

Археологические раскопки 1961 г. позволили также уточнить сведения о фундаментах здания, имевшиеся в литературе [7]. Фундаменты церкви сложены из мелкого булыжника, положенного насухо в траншею, вырытую в песке. Подошва фундамента доведена до слоя материковой глины и углублена в этот слой на 20—30 *см*. Глубина заложения фундамента 140—145 *см*. Он выступает из плоскости стены на 20—60 *см*, а в местах поворота стены — до 120 *см*.

Поверхность строительной площадки выровнена после заложения фундамента двумя-тремя рядами плинфы. Эта выравнивающая кладка выступает из плоскости стен на 15—50 *см* [8]. Снаружи и внутри церкви поверх этой кладки обнаружен чистый песок. Снаружи церкви толщина слоя песка составляет 20—25 *см*, поверх него обычно лежит тонкая прослойка цемяночного раствора (рис. 1, *2*). В двух случаях поверх этого песка найден мелкий булыжник, возможно, оставшийся от вымостки, шедшей вокруг церкви на уровне 3—4-го ряда кладки ее стен. Внутри церкви толщина песчаной подсыпки доходит в отдельных шурфах до 50—60 *см*.

Древний пол в церкви не сохранился [9], но его предполагаемый уровень отмечен известковой прослойкой более позднего пола XVII—XVIII вв. Эта прослойка в отдельных случаях лежит прямо на первоначальной песчаной подсыпке под пол. Уровень залегания этой прослойки соответствует 8—9-му ряду плинфовой кладки. В шурфах у северного и южного портала обнаружено, что древние пороги уничтожены, но они находились не ниже 6-го ряда кладки, которая здесь сохранилась. Вероятнее всего, эти пороги находились на 8—9-м рядах кладки, до которых доходит песчаная подсыпка и начинается известковая прослойка [10]. В большинстве случаев под известковой прослойкой лежит перекопанный при перезахоронениях грунт (рис. 1, *3*).

При раскопках были обнаружены характерные особенности кладки нижних рядов столбов и полуколонок, позволяющие судить о некоторых приемах окончательной разбивки плана церкви уже в процессе ее строительства (рис. 1, *5*). Так, лекальные плинфы полуколонок апсид и пучковой пилястры положены, только начиная с 3—40-го ряда всей кладки, тогда как все пространство под ними на высоту двух-трех рядов заполнено поставленным на торец обломком плинфы, обмазанным заподлицо с полуколонкой цемяночным раствором. Северо-восточный подкупольный столб также сначала был заложен на 6—7 *см* у́же, чем выведен впоследствии, начиная с 3-го ряда; под его выступом найдена поставленная на торец плинфа.

В литературе не раз высказывались предположения о существовании вежи у юго-западного угла церкви и ограды XII в. вокруг церковного холма [11]. Шурф у юго-западной угловой пилястры четверика не обнару-

---

[7] И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, XI, 1945, стр. 21—22.

[8] Кладка фундамента насухо и выравнивание его верхнего обреза плинфой встречаются в церкви Иоанна Богослова (1173 г.), Петра и Павла (1156 г.), Бориса и Глеба (1145 г.), церкви в Перекопном переулке и у ротонды XII в. (раскопки Д. А. Авдусина).

[9] В перекопе найдены только два обломка от половых плиток с желтой и белой поливой.

[10] В смоленской церкви Иоанна Богослова 1173 г. порог находился на 12-м ряде плинфовой кладки стены (раскопки 1961 г.).

[11] С. П. Писарев. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, стр. 44; П. Д. Белогорцев. Новые исследования древнесмоленского зодчества. «Материалы по изучению Смоленской области», I, Смоленск, 1952, стр. 89; «Смоленск». Справочник-путеводитель. Смоленск, 1957, стр. 62—63.

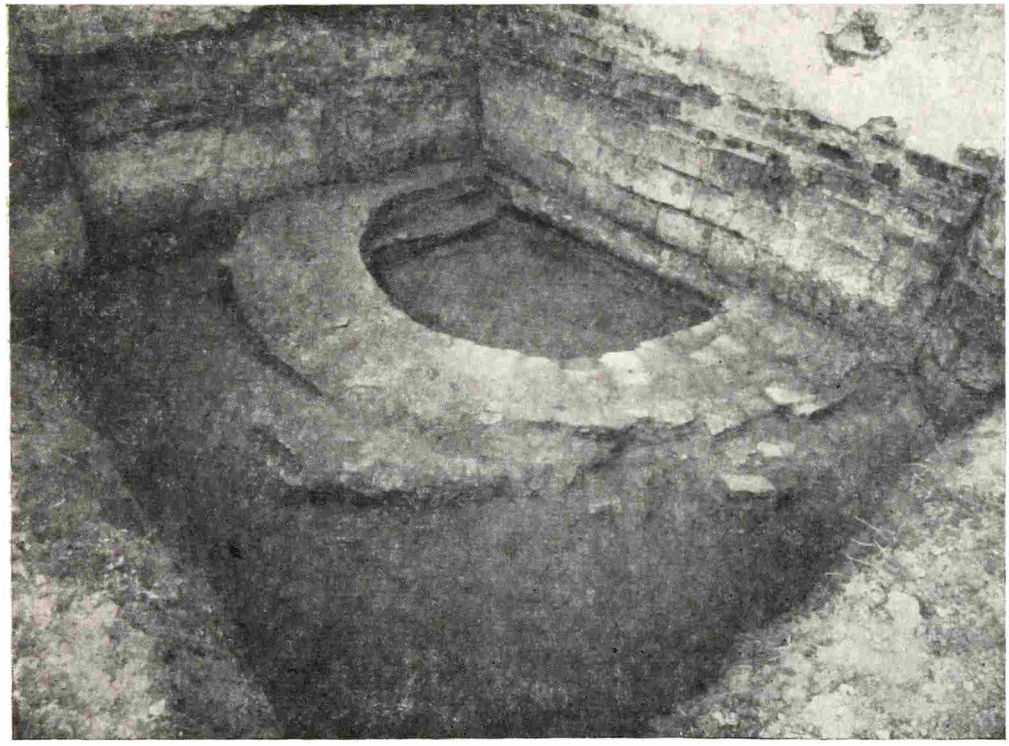


Рис. 2. Апсида северного притвора

Рис. 3. Следы первоначального прохода в восточной стене южного притвора

жил кладки предполагаемой башни. На соответствующих фасадах нет ни следов ее примыкания, ни следов стески ее кладки. Шурфом на южной окраине холма, где имеется большая россыпь битой плинфы, установлено, что эта россыпь образовалась после строительных работ XVII—XVIII вв. и никакого отношения к ограде не имеет. Под битой плинфой здесь идет толстый культурный слой, насыщенный обломками керамики XII—XIII вв. Таким образом, оба предположения не находят в натуре никакого подтверждения.

С. Н. ОРЛОВ

НОВГОРОДСКАЯ ЧЕРЕПИЦА XVI в.

Мелкие обломки черепицы кирпичного цвета без поливы встречались в Новгороде при археологических раскопках [1] и при реставрации архитектурных памятников [2]. Но форма черепицы по этим находкам не улавливалась. При археологических наблюдениях за земляными работами в детинце нам удалось обнаружить массовые завалы обломков черепицы, бывшей в использовании, а в другом пункте города — на ул. Некрасова — место производства черепицы.

В детинце, в 40 *м* к северу от Софийского собора прошла траншея с востока на запад. Траншея имела ширину 2 *м* и глубину 1,5 *м*. В 20—30 *м* к северу от Софийского собора выкопан котлован. Массовые завалы обломков черепицы обнаружены в отвалах и стенках траншеи в 40 *м* к северу от Софии и в 50 *м* к западу от восточной стены Кремля и в восточной стенке котлована в 30 *м* к северу от Софии и в 70 *м* к западу от восточной стены Кремля. Собрано свыше 300 обломков черепицы, при изучении которых различаются три основных типа и несколько видов.

Плоские черепицы с бортовыми закраинами встречались чаще всего среди обломков. Нами взято свыше 50 образцов этого типа. Все они имеют плоские нижнюю и верхнюю стороны, но верхняя сторона с боков ограничена бортиками. Нижний конец таких черепиц всегда у́же верхнего, так как нижний конец, очевидно, накладывался на верхний. Целая черепица данного типа имеет следующие размеры: длина 350 *мм*, ширина верхнего конца с нижней стороны 155 *мм* и нижнего — 100 *мм*. Соответственно, ширина верхней стороны между бортиками 128 и 73 *мм*. Высота бортиков 34—35 *мм*, толщина черепицы 22 *мм*, толщина бортиков 12 и 15 *мм* (рис. 1, *1*). Никаких отверстий и выступов для прикрепления этот тип черепицы не имеет. Очевидно, черепица крепилась на основу покрытия и друг к другу с боков известковым раствором, так как все обломки имеют следы известкового раствора на всех трех наружных сторонах. На верхней стороне между бортиками следы извести отсутствуют.

Черепица данного типа имеет разные размеры. Например, общая ширина одного обломка верхней части черепицы 150 *мм* при высоте бортика 35 *мм*. Нижние концы других обломков черепиц имеют ширину 117, 110 и 115 *мм*. Среди находок имеются обломки, которые свидетельствуют о больших размерах черепиц данного типа. Например, угол одной плоской черепицы с бортиком имеет ширину сохранившейся части 183 *мм*. Это ширина около середины черепицы, причем какая-то часть ширины еще

---

[1] А. В. Арциховский. Раскопки восточной части дворища в Новгороде, МИА, 11, 1949, стр. 172.

[2] Эти сведения мне любезно сообщил архитектор Новгородской реставрационной мастерской Л. Е. Красноречьев.

отсутствует. Толщина этого образца 25—27 *мм*, толщина бортика 27 *мм*, высота бортика 34 *мм*.

Второй обломок подобной же большой черепицы, от которой также сохранился край угла с бортиком, имеет ширину 259 *мм*, толщину полотна 33 *мм*, толщину бортика 35 *мм*.

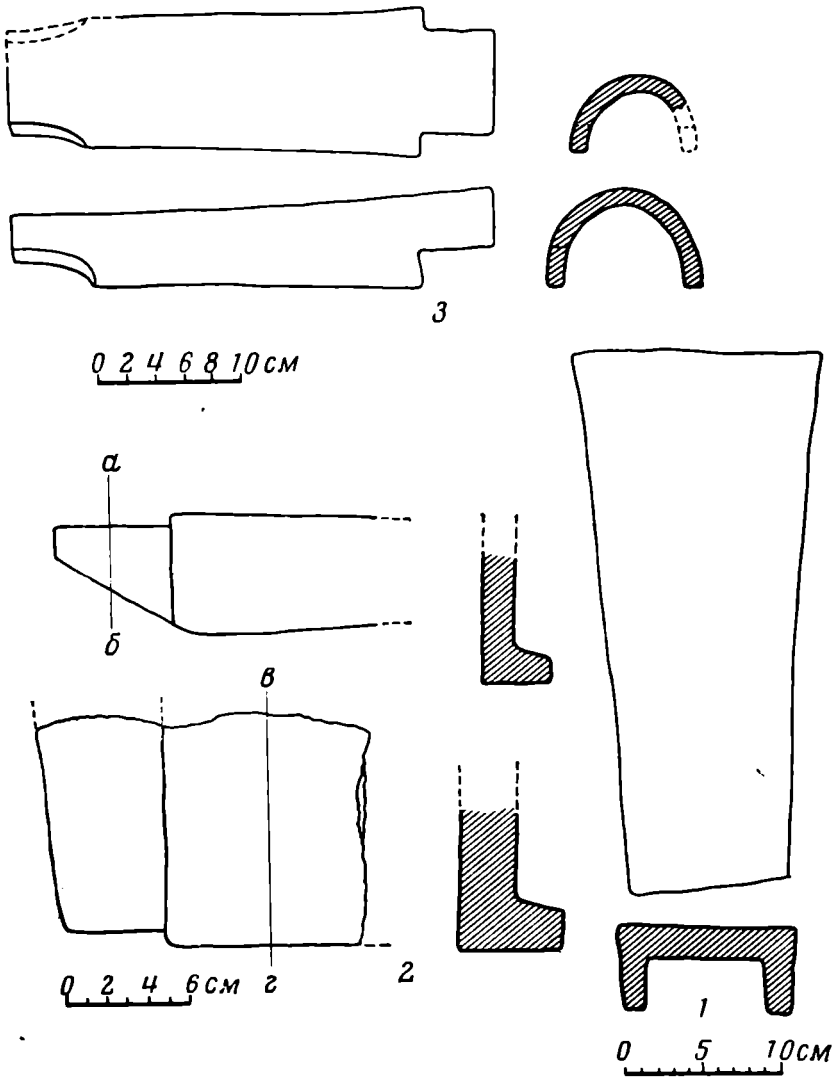


Рис. 1. Новгородская черепица

1, *2* — черепица с бортиками; *3*— полуцилиндрическая черепица

К типу широких плоских черепиц с бортиками относятся обломки концов, имеющих оформление для вставки в гнездо. Толщина полотна этих обломков достигает 28 *мм*. Обломок, по-видимому, верхнего края такой черепицы имеет обработку конца со всех четырех сторон на протяжении 50 *мм*; сверху — косой срез бортиков до поверхности полотна и с трех сторон — выемки глубиной до 5 *мм* (рис. 1, *2*; 2). С такой обработкой края черепицы найдено шесть обломков.

Черепицы полуцилиндрической формы изучались нами более чем на десяти находках. Удалось установить несколько форм и размеров данного типа. Целая полуцилиндрическая черепица имеет длину 360 *мм*, внешний диаметр узкого конца 94 *мм* при высоте 44 *мм* и широкого — 117 *мм* при высоте 60 *мм*. Таким образом, узкий конец одной черепицы накладывался на широкий конец другой. Для прочности сцепления на узком конце с обеих сторон имеются плавные срезы, которые упирались в упоры срезов, сделанных с обеих сторон на широком конце. Эти срезы сделаны под прямым

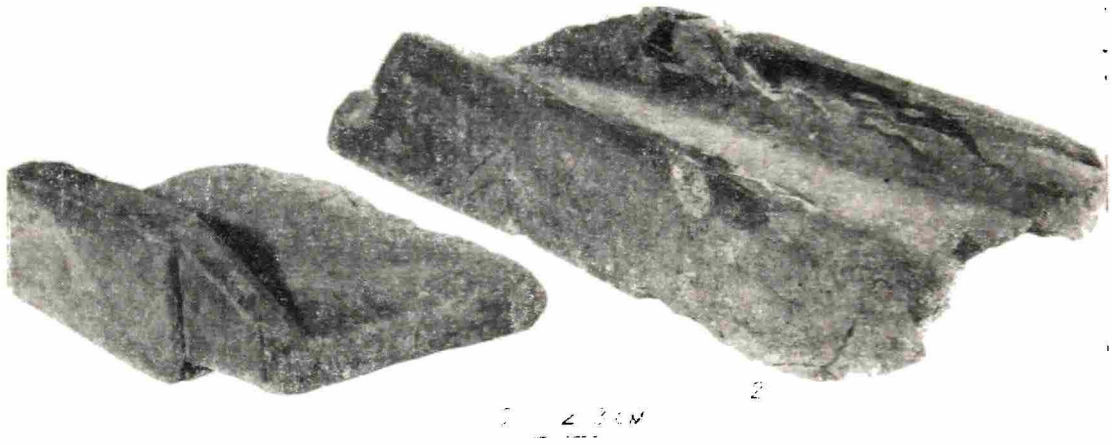


Рис. 2. Черепица с бортиками

углом. Внешний диаметр узкого конца черепицы, равный 94 *мм*, давал возможность прочно заклиниться во внутренний диаметр широкого конца размером 90 *мм* (рис. 1, *3*). Никаких дополнительных систем крепления на данном типе черепиц не имеется. Очевидно, такими полуцилиндрическими черепицами покрывали коньки и другие горизонтальные части кровли.

Второй вид полуцилиндрических черепиц представлен в обломках, но дает возможность определить детали соединения, хотя общая длина черепицы не устанавливается. Например, имеется обломок полуцилиндрической черепицы длиной 210 *мм* с внешним диаметром 96 *мм*. Высота — 33 *мм*. В центре гребня черепицы, где-то около середины ее длины, имеется выступ в форме «сука» с упором под прямым углом с одной стороны и с пологой поверхностью в другую сторону (рис. 3, *1*). Ширина выступа в основании 29 *мм* и высота — 24 *мм*. Второй обломок полуцилиндрической черепицы имеет такой же выступ снаружи в центре ребра, но не на середине, а на самом краю. Размеры этой черепицы больше предыдущей: внешний диаметр 122 *мм*, высота внутри 73 *мм*, ширина и высота выступа 40 *мм*, длина его 50 *мм*. На ту же длину 50 *мм* от края на сохранившейся левой стороне черепицы имеется вырез под прямым углом на глубину 30—35 *мм* (рис. 3, *3*). Имеются обломки подобной же формы черепиц, где такая же выемка сделана на конце правой стороны.

Иной вид выемки для крепления имеется на конце сбоку у полуцилиндрической черепицы, которая найдена в обломке. Внешний диаметр на сохранившемся конце черепицы около 137 *мм*, высота внутри — 83 *мм*. На левой сохранившейся стороне в торце сделан вырез шириной 32 *мм* и глубиной 25 *мм*. Вырез образован одной прямой линией, которая составляла острый угол с линией длины черепицы и прочный упор с соответствующим выступом, а вторая, кривая линия плавно облегала основание выступа (рис. 3, *2*). По габаритам и форме выемка вполне могла подойти к выступу на ребре черепицы, описанной выше (рис. 3, *1*).

Третий тип черепицы, который выделяется из массы находок, имеет форму клина. По размерам и способам прикрепления они также разбиваются на несколько видов. Форма клина у всех размеров черепиц одинаковая: нижний конец имеет вид треугольника, а верхний конец похож на вытянутую трапецию. Общая длина крупного клина 285 *мм*, наибольшая ширина 145 *мм* и толщина 22 *мм*. Ширина верхнего края черепицы 90 *мм*. Около верхнего края в середине черепицы имеется сквозное отверстие диаметром 9—12 *мм*. По длинной оси черепица имеет небольшой изгиб (рис. 4, *1*).

Подобная крупная черепица представлена экземпляром длиной 263 *мм*, наибольшей шириной 132 *мм*, толщиной 20 *мм*. Около верхнего края

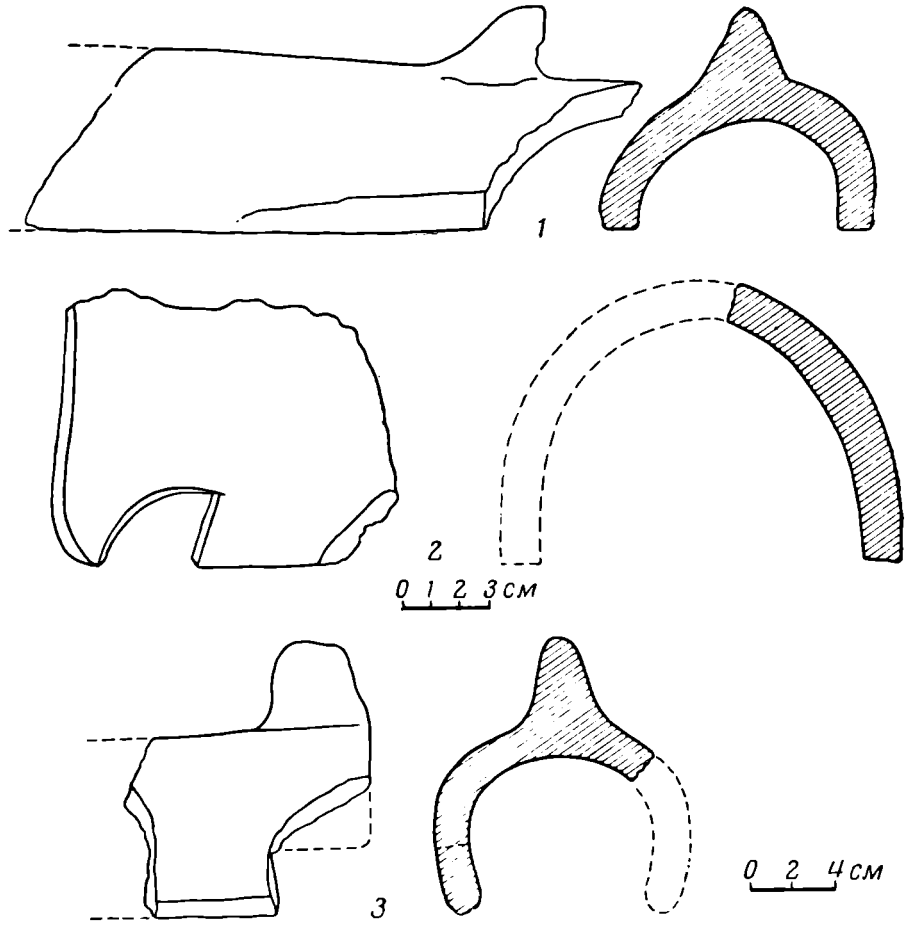


Рис. 3. Полуцилиндрическая черепица с элементами крепления

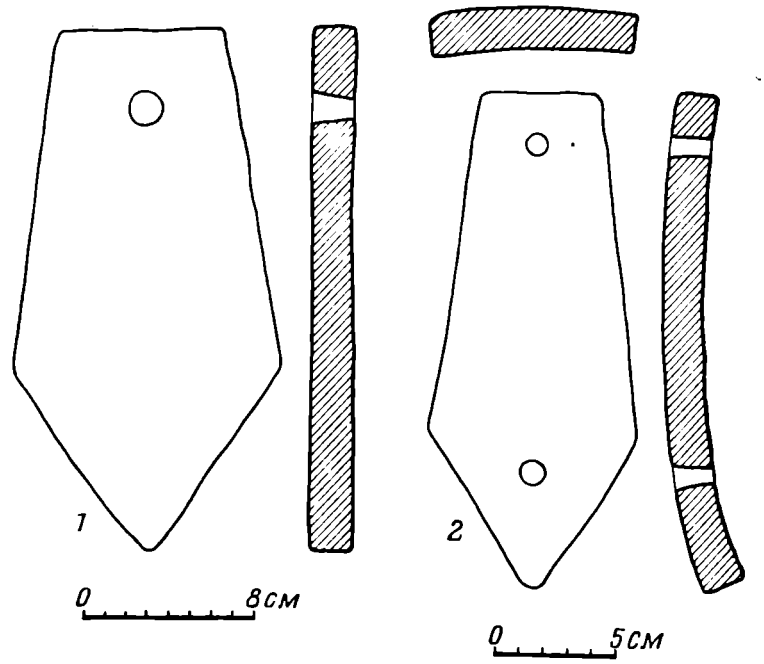


Рис. 4. Клиновидная черепица

имеется отверстие диаметром 10—15 *мм*. Изгиб по длинной оси не прослеживается.

Третья легко восстанавливаемая черепица данного типа имеет длину около 260 *мм* и наибольшую ширину 132 *мм* и толщину 20 *мм*. В середине черепицы около верхнего края (сам край не сохранился) имеется отверстие диаметром 9 *мм*. Другой обломок верхней части крупной черепицы клиновидной формы имеет наибольшую ширину 130 *мм*, а толщину — 26 *мм*. Около верхнего края на длинной оси имеется отверстие диаметром 8—12 *мм*. Кроме того, имеется другое отверстие около левой стороны, в 110 *мм* от верхнего края. Отверстия диаметром 10 *мм* имеют еще три обломка больших черепиц клиновидной формы, ширина верхнего края которых 80, 83, 85 *мм* при толщине 20—25 *мм*.

Черепицы клиновидной формы мелких размеров нами изучались более чем на десяти предметах. Они имеют ту же форму, различаясь только размерами. Один из этих образцов изображен на рис. 4, *2*. Два обломка подобных же черепиц с сохранившимся нижним краем имеют наибольшую ширину — 97 *мм*. Оба обломка имеют отверстия на нижнем крае в середине черепицы. Но среди находок есть обломки мелких черепиц, которые имеют отверстия только около верхнего конца, а на нижнем конце отверстие отсутствует. Толщина черепиц 20—24 *мм*.

Все типы черепицы изготовлены из одного состава глины без видимой примеси песка и имеют кирпично-красный цвет снаружи и в изломе. Многие черепицы обожжены до «железняка». Как правило, все черепицы снизу и с боков имеют следы извести. Отверстия во всех черепицах забиты известковым раствором. Следовательно, мы имеем остатки черепиц, которые бесспорно находились в пользовании.

Профиль траншеи на месте обнаружения завалов черепицы имеет следующие слои: с поверхности до глубины 0,65 *м* идет темный перегной с наличием битого кирпича. Под этим слоем и выступает завал обломков кирпичей, черепицы, кусков красного и серого известняка. Встречались и отдельные обломки плинфы. Толщина слоя строительного мусора достигает 0,5 *м*, в длину по траншее этот слой тянулся линзой на 6 *м*. В ширину завал уходит под обе стенки траншеи. Ниже слоя строительного мусора вновь выступает слой темного перегноя с битым кирпичом, который уходит ниже основания траншеи на глубину 1,5 *м*.

В котловане завал строительного мусора с обломками черепицы обнаружен в юго-восточном углу, в заполнении ямы, которая начиналась с глубины 0,7 *м* и шла до материка, т. е. на глубину до 4,5 *м* от поверхности.

Таким образом, судя по профилю траншеи и заполнению ямы в котловане можно заключить, что завал строительного мусора с обломками черепицы образовался сравнительно поздно, не раньше XVII в. Но по наличию обломков характерного кирпича XIV—XV вв. и кусков красного известняка-ракушника этот строительный материал принадлежал более древнему памятнику.

Трудно связать данный строительный завал с какими-либо определенными архитектурными памятниками, которые находились в северо-восточной части детинца. Кроме Софийского собора, здесь было несколько каменных церквей XIV—XVI вв. и гражданских сооружений [3]. Частично остатки этих сооружений обнаружены и изучены нами при наблюдениях за земляными работами.

Обломки плоских черепиц с прямыми бортиками по краям обнаружены и в траншее на северной стороне ул. Некрасова, в 90 *м* от Ленинградской на Софийской стороне. Культурный слой здесь не превышает толщину 1,0—1,2 *м* и состоит из темного перегноя с битым кирпичом.

---

[3] Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, стр. 64 сл.

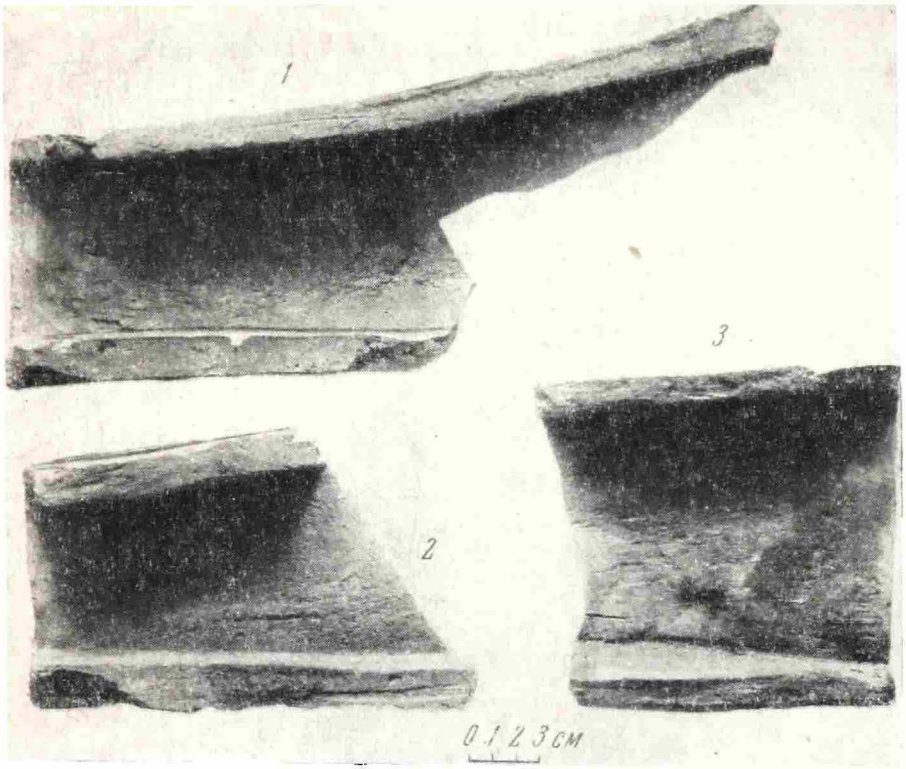


Рис. 5. Черепица с прямыми бортиками

Материк состоит из красного суглинка. В выбросе траншеи встречалась масса обломков мелкомерного кирпича и обломков плоских черепиц с прямыми бортиками. Длина целой черепицы 340 *мм*, ширина на одном конце 158 *мм* и на другом — 115 *мм*, толщина — 24 *мм* (рис. 5).

Цвет черепицы кирпично-красный, глина не имеет видимых примесей песка. Эти черепицы по форме, по структуре и размерам совершенно аналогичны плоским черепицам, которые найдены в Кремле и описаны выше. Но никаких следов раствора на этих черепицах нет. Совершенно новыми, не бывшими в употреблении выглядели и обломки кирпичей, которые найдены вместе с черепицами. Размеры кирпичей $24 \times 11{,}5 \times 4$ *см*.

В 100—120 *м* к западу от упомянутого пункта, на юго-восточном и юго-западном углах улиц Комсомольской и Некрасова, в котлованах обнаружены большие завалы битой керамики с явными следами брака при обжиге. А в 30 *м* к северу от места находки черепицы и сейчас хорошо заметен котлован размером около 100×100 *м* и глубиной по отношению к окружающей поверхности около 2 *м*. Весь комплекс свидетельствует о том, что здесь, очевидно, находилось крупное производство горшков, кирпича и черепицы.

По размерам кирпича, который найден вместе с обломками черепицы, можно установить примерную дату бытования ее. Такие мелкомерные кирпичи использовались в Новгороде при облицовке кремлевской стены в конце XV в., встречаются они и в памятниках XVI в. Известно, что в конце XVI в. «черепичные анбары» по изготовлению черепицы находились на Торговой стороне Новгорода, за валом Окольного города, напротив Никитской улицы, что отмечает Лавочная книга [4].

Все сказанное выше дает основание сделать вывод, что в XVI в. в Новгороде имело место производство и использование черепицы.

---

[4] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., под редакцией С. В. Бахрушина. РАНИОН. М., 1930, стр. 117.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

КОЛОКОЛ ПАТРИАРХА НИКОНА

В Музее истории и реконструкции г. Москвы хранится старинный колокол (рисунок). Он является интересным памятником истории, прикладного искусства и эпиграфики XVII в. Колокол был найден в одном из помещений бывшей церкви Николы на Берсеневке при реставрационных работах.

Рис. Колокол патриарха Никона

По размерам колокол невелик: высота его 48 *см*, ширина в основании 51 *см*, вес около 70 *кг*. Верх колокола и его край украшает растительный орнамент с львиными головами меж стеблей. Все остальное пространство занято надписью, вырезанной с большим искусством. Она расположена в шесть строк, кольцом обнимающих колокол, причем места переноса обозначены розетками. В надписи 87 слов. Исполнена она вязью, но весьма своеобразной: здесь имеются почти все ее элементы, за исключением одного, но самого характерного для вязи, а именно — совпадения, или лигатуры [1], который отсутствует полностью. Таким приемом резчик надписи хотел, видимо, придать ей большую ясность и удобочитаемость, красоту и стройность буквам. Высота букв 2,5 *см*. Надпись гласит [2]:

«Никонъ милостию божиею патриархъ. Слил сий колокол, Новаг Иерусалима в Воскресенской Монастырь себе / в памят. Во царство великого государя царя и великого князя Алексия Михаиловича всеа великия / и малыя и белыя Росии самодержца. И его благочестивыя государыни

[1] В. Н. Щепкин. Вязь. «Древности». Тр. МАО, М., 1904, 20, стр. 60—61.

[2] Титла в надписи раскрыты, надстрочные буквы введены в строку, «ять» повсюду заменен буквой «е». На месте буквы «я» в оригинале везде йотированный юс малый. Слово «Алексий», «Алексиевич» в оригинале написано через букву «кси».

царицы и великия княгини Марии / Илиничны. И и благородных чад. Царевича и великого князя Алексия Алексиевича. Царевича и великого князя / Феодора Алексиевича. Царевича и великого князя Симеона Алексиевича. При архимандрите Акакии. При / наместнике иеромонахе Леваниде. Лета зрое (7175—1666 г.). Сентября в А (1) ден. лил колокол тояж обители монах Сергии подписал монах Паисеи».

Надпись сделана в общем тщательно и грамотно, но все же есть и ошибки. Так, пропущена буква «н» в слове «Илиничны» и буква «х» в слове «их». Вместо «благородных чад» написано «влгородных чад». Последнее обстоятельство, возможно, говорит о том, что мастер почему-то не смог исправить неточности в надписи. Обращает на себя также внимание и то, что поверхность колокола полностью не обработана: не сбита окалина на нижней полосе орнамента, не сглажены шероховатости и зауселицы. Ни потертостей, ни царапин на ушках нет. Не заметно также следов приварки ушка для подвески языка. Наконец, о колоколе нет никаких известий в обеих переписях колоколов Вознесенского монастыря XVII в.[3] Нет о нем сведений и в других справочниках о древнерусских колоколах [4]. Судя по всему, этот колокол так и не «заговорил» о Никоне. Возможно, причина этому — судьба самого заказчика.

Литейщик Сергий и резчик Паисий, создавшие это замечательное произведение, хорошо известны по другим своим работам [5].

---

[3] Леонид. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876, стр. 92, 204—205.

[4] А. Мартынов. Московские колокола. «Русский архив», 1896, № 1—4; Н. Оловянишников. История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912.

[5] Выражаю глубокую благодарность Г. П. Латышевой и Р. Л. Розенфельдту за помощь в собирании и обработке некоторых эпиграфических материалов.

Критика и библиография

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗДАНИЯХ АН КазССР

в 1946—1962 гг.

С момента образования в 1946 г. Академии наук Казахской ССР археологами республики проводятся большие работы[1], результаты которых освещаются в ряде академических изданий. Настоящая статья представляет собой обзор археологической литературы с 1946 по 1962 г. Обзор дается в хронологической последовательности культур и охватывает период от нижнего палеолита до позднего средневековья, не исключая первобытного искусства и ремесла.

Одним из наиболее важных вопросов в археологической науке является проблема появления человека на территории Казахстана и включения Казахстана в первоначальную область формирования человека.

Отдельные находки орудий верхнепалеолитического времени впервые были зарегистрированы в окрестностях Семипалатинска в долине Иртыша[2]. В 1950 г. Восточно-Казахстанской экспедицией, руководимой С. С. Черниковым, были открыты следы трех палеолитических стоянок в верховьях Иртыша у деревень Пещеры, Ново-Никольское и аула Канай. Орудия (скребки, остроконечники и отщепы), по мнению автора, находят аналогии в Сибири и датируются концом верхнего палеолита[3]. В 1956 г. область находок верхнепалеолитических орудий расширилась[4]. Одним из наиболее ярких достижений в археологии Советского Союза является открытие памятников нижнего палеолита в Южном Казахстане. Здесь на территории, близко примыкающей к Средней Азии, найдены орудия, которые могут быть отнесе-

---

[1] А. Х. Маргулан. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 3—9; Е. И. Агеева. Хроника археологических исследований и находок на территории КазССР за 1947 г. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 148—150; ее же. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—1949 гг. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 130—133; ее же. Краткие итоги работ археологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии в 1953 г. ИАН КазССР, сер. экон., филос. и права, 1, 1954, стр. 83—85; Т. Н. Сенигова. Хорезмская экспедиция и ее исследования на территории Казахстана (1946—1949 гг.). ВАН КазССР, 1947, 7, стр. 62—66; ее же. О работе Хорезмской экспедиции в Казахстане. ВАН КазССР, 1950, 1, стр. 98—99; ее же. Археологические экспедиции 1950 г. ВАН КазССР, 1951, 1, стр. 134—137; ее же. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г. ТИИАЭ, I, стр. 140—156; С. С. Черников. Основные проблемы археологического изучения Казахстана. ИАН КазССР, 77, сер. истор., 5, 1950, стр. 63—70; К. А. Акишев, Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, А. Х. Маргулан. Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 г. ИАН КазССР, сер. истор., экон., филос. и права, 3, 1956, стр. 94—106; К. А. Акишев. Некоторые научные итоги полевых работ 1960 года. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., 2, 1961, стр. 78—87.

[2] Г. И. Сосновский. О поисках палеолита в Казахстане. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 10—12.

[3] С. С. Черников. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. ВАН КазССР, 1951, 12, стр. 63—70.

[4] А. А. Крылова. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. XII, стр. 87—91; А. Г. Максимова. Находка палеолитических орудий в Центральном Казахстане. ВАН КазССР, 1957, 7, стр. 104—108.

ны к шельскому времени [5]. Первые находки палеолитических орудий в Южном Казахстане были сделаны еще в 1956 г. геологами [6].

В 1957 г. был организован Каратауский отряд под руководством Х. А. Алпысбаева для изучения памятников каменного века. За несколько полевых сезонов была проделана огромная работа. Большой интерес представляют находки в трех пунктах урочища Токалы. Это — отщепы, нуклеусы, грубые рубящие орудия и другие изделия. Х. А. Алпысбаев датирует их ашельско-мустьерским временем [7]. Значение этого открытия трудно переоценить, и если ранее древнейшие палеолитические комплексы были известны для Советского Союза лишь в Крыму и на Кавказе, то теперь сюда же присоединяется территория Южного Казахстана. Обследованием террас рек Шабакты, Беркутты, Ушбаса было выявлено несколько десятков местонахождений и стоянок каменного века от нижнего палеолита до мезолита. На сравнительно небольшой территории прослеживается непрерывный процесс развития палеолитических культур [8].

По мнению Х. А. Алпысбаева, культура каменного века в районе хребта Кара-Тау является связующим звеном между южными и северными палеолитическими очагами в Центральной Азии. Первое же появление человека в Казахстане относится, очевидно, ко времени существования синантропа в Чжоу-Коу-дяне [9].

Неолит Казахстана до сих пор известен плохо. Неолитические стоянки широко распространены на территории республики, но изучались они лишь поверхностными разведками. Лучше всего изучены неолитические стоянки в Западном Казахстане [10]. Большое их количество находится на территории пустынного плато Усть-Урт, расположенного между Каспийским и Аральским морями и бывшего до недавнего времени белым пятном на археологической карте [11]. Наибольший интерес представляет стоянка Саксаульская. Здесь были выделены три хронологических комплекса.

В раннее время здесь отсутствуют двусторонне обработанные наконечники стрел и дротиков. Немногочисленные черепки аналогичны раннекельтеминарским на стоянке Джанбас-Кала 4. Для позднекельтеминарских стоянок Западного Казахстана характерной особенностью каменного инвентаря (по мнению ряда исследователей) является отсутствие или весьма незначительное количество выемчатых пластин, многочисленных на синхронных стоянках Узбоя и Акча-Дарьи. Саксаульская не составляет исключения [12]. Ряд неолитических стоянок дал материал, характерный для кельтеминарской культуры. Западноказахстанский вариант кельтеминарской культуры характеризуется специфическими чертами, как например, наличием крупных двусторонне обработанных наконечников копий и дротиков. Но при всех различиях здесь жили такие же кельтеминарские племена рыболовов и охотников на водоплавающую птицу, как и на побережьях Арала.

Ряд неолитических стоянок известен в Центральном Казахстане [13]. В Северном Казахстане большой интерес представляет стоянка Обалы, исследованная К. А. Аки-

---

[5] Х. А. Алпысбаев. Находки нижнего палеолита в Южном Казахстане. ТИИАЭ, VII, стр. 232—241.

[6] Г. А. Ярмак. Первые находки палеолитических орудий в Южном Казахстане. ВАН КазССР, 1957, 7, стр. 104—108.

[7] Х. А. Алпысбаев. Нижнепалеолитические местонахождения в Малом Кара-Тау. ВАН КазССР, 1959, 2, стр. 64—70.

[8] Х. А. Алпысбаев. Открытие нижнего палеолита в Казахстане. ВАН КазССР, 1960, 5, стр. 59—61; его же. Первая палеолитическая многослойная стоянка в Казахстане. ВАН КазССР, 1960, 2, стр. 32—37; его же. Новые палеолитические местонахождения в бассейне реки Арыстанды-Бурылтай (Боролдай) в Южном Казахстане. ТИИАЭ, XII, стр. 3—20.

[9] Х. А. Алпысбаев. Находки памятников каменного века в районе хребта Кара-Тау. ТИИАЭ, XIV, стр. 12—37.

[10] И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. ТИИАЭ, I, стр. 88—92; И. Ф. Федин, П. М. Владимиров. Археологические находки междуречья Волги и Урала. ВАН КазССР, 1954, 2, стр. 75—82, В. Ф. Петрунь. Неолитические находки в районе Байконура и р. Тамды. ТИИАЭ, I, стр. 172—173; П. П. Гладков, В. И. Гладкова, Л. Б. Мнушкин. О новых археологических находках в Западном Казахстане. ВАН КазССР, 1955, 4, стр. 88—94; Т. Н. Сенигова. Отчет о работе Западно-Казахстанской экспедиции 1953 года, стр. 140—156.

[11] А. А. Формозов. Древности с Усть-Урта. ВАН КазССР, 1947, 7, стр. 59—61; Т. Н. Сенигова. Находки кремня в западных районах чинка Усть-Урта в приаральских Кзыл-Кумах. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 140—156.

[12] А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской в 1955 г. ТИИАЭ, VII, стр. 75—85.

[13] А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1947 году. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 3—36; его же. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы. ВАН КазССР, 1950, 6, стр. 61—72; его же. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 17—22; С. В. Лопатин. Археологические памятники в Центральном Казахстане. ТИИАЭ, I, стр. 265—266.

шевым. Стоянка дала богатый материал: скребки, два топорика и наконечники стрел [14]. Несколько дюнных поселений эпохи неолита обнаружено в Восточном Казахстане [15].

В 1957 г. был организован Каратауский отряд под руководством Х. А. Алпысбаевой формой хозяйства охотничье-рыболовецких племен, но вряд ли можно согласиться с мнением некоторых исследователей, что существовала единая неолитическая культура на столь обширной территории [16].

Памятники энеолита на территории республики почти неизвестны. К этому периоду относится поздний комплекс Саксаульской и предположительно стоянки Аральская 2, 3 и 5, которые, по мнению А. В. Виноградова, исследовавшего их, имеют широкие аналогии в позднекельтеминарских памятниках Прикаспия [17].

Значительное количество работ посвящено памятникам бронзового века, число которых в республике очень значительно. Они представлены могильниками и поселениями, расположенными обычно в поймах небольших рек.

Памятники андроновской культуры в Восточном Казахстане освещены в ряде заметок С. С. Черникова и других исследователей [18]. Наиболее полно они охарактеризованы в обобщающей работе А. Г. Максимовой. Автор на основе значительного материала пытается решить ряд вопросов, связанных с хронологией, хозяйством и культурой андроновских племен в Восточном Казахстане. Так, к федоровской стадии отнесены могильники у аулов Канай и Сарыколь; алакульский этап известен очень плохо, а к замараевскому относятся поселение у с. Трушниково, а также поселение и могильник у с. М.-Красноярского [19].

Андроновские памятники Северного Казахстана рассматриваются в работах К. А. Акишева, который исследовал могильники у села Беловодское, Айдабуль, Каратал и поселение на р. Чаглинке [20]. А. М. Оразбаев рассмотрел хронологические этапы андроновской культуры Северного Казахстана [21].

Ряд статей посвящен памятникам бронзового века Центрального Казахстана [22]. Все памятники делятся на две группы. К первой относятся могильники Ельшибек, Бель-Асар, Канаттас и Егиз-Койтас. Эта группа датируется алакульским временем. Погребения второй группы памятников эпохи бронзы относятся к замараевской стадии [23].

Памятники андроновской и карасукской эпох известны в Павлодарской области [24], Западном Казахстане [25], на Мангышлаке [26], в Прибалхашье [27] и Семиречье [28].

---

[14] К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. ТИИАЭ, VII. стр. 15.

[15] Б. А. Белослюдов, А. Г. Максимова. Древнее поселение у курорта «Аул». ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 125—129; Б. А. Белослюдов. Памятники древности Государственного заповедника «Боровое». ВАН КазССР, 1948, 10, стр. 92—95.

[16] К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 года. ТИИАЭ, I, стр. 27.

[17] А. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 75—85.

[18] С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 64—80; его же. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 64—80; Л. К. Нифонтова. Андроновское погребение в Абаевском районе Семипалатинской области. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 143—147; Б. А. Белослюдов. Ук. соч., стр. 92—95.

[19] А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. ТИИАЭ, VII, стр. 86—161.

[20] К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. ТИИАЭ, VII,

[21] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ, V, стр. 216—282.

[22] А. Х. Маргулан. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ВАН КазССР, 1956, 3, стр. 18—32; Л. Ф. Семенов. Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак. ТИИАЭ, I, стр. 263—264; С. В. Кольцов. Ишимская стоянка. ТИИАЭ, I, стр. 266—267; М. К. Кадырбаев. Могильник Сангуыр II. ТИИАЭ, XII, стр. 48—61.

[23] А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ТИИАЭ, VII, стр. 59—74.

[24] Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. ТИИАЭ, VII, стр. 32—58.

[25] Т. Н. Сенигова. Отчет о работе Западно-Казахстанской экспедиции 1953 г., стр. 140—158; И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. ТИИАЭ, I, стр. 87—139.

[26] Д. Х. Хайрутдинов. Горные выработки средних веков и древние следы человека на Мангышлаке. ВАН КазССР, 1954, 3, стр. 82—84.

[27] Д. Х. Хайрутдинов. Древние каменные изваяния в Северном Прибалхашье. ВАН КазССР. 1960, 4, стр. 85.

[28] К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г., стр. 5—32; А. Джусупов. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты. ТИИАЭ, I, стр. 261—263.

В Южном Казахстане известен ряд находок эпохи бронзы [29]. Наибольший интерес представляет могильник в урочище Тау-Тары, относимый исследователями к переходному времени от федоровского этапа к алакульскому [30]. Этот могильник находится близко к собственно Средней Азии, где федоровская стадия андроновской культуры отсутствует и дает возможность характеризовать движение андроновских племен на юг.

Антропологические исследования черепов из погребений эпохи бронзы позволили сделать В. В. Гинзбургу вывод о том, что в это время на территории Казахстана наряду с населением, обладавшим типичными чертами андроновского антропологического типа, жили люди, обладавшие чертами афанасьевскими, и что население Казахстана в эту пору было родственно населению Южной Сибири, Алтая и Заволжья [31].

Наиболее детально изучены древние разработки металлических руд в Восточном Казахстане. Рудные богатства этой области с древнейших времен привлекали человека [32]. Исследования, проводимые в Калбинском и Нарымском хребтах, позволили установить, что древние разработки золота находятся в районе г. Степняк. Наряду с открытой добычей были и подземные выработки в виде дудок и рассечек. Выяснилось, что разработки меди располагались на высоких сопках. Древние разработки гематита находятся у оз. Ащилы-Куль. Это небольшие ямы до 3 *м* в диаметре, разбросанные в беспорядке [33].

Вопросы добычи олова рассматриваются в статье Б. А. Акермана. Автор насчитывает четыре способа разработки оловяноносных жил: ямами и траншеями, пещерный, при помощи штолен, и открытый (разработка россыпей). Автор считает, что следы плавки следует искать на Иртыше [34]. Подсчет количества добытого олова в древнее время содержится в статье Г. М. Щербы [35]. Он предполагает, что в Нарымском и Калбинском хребтах было добыто 1100 *т* олова.

Следы древних разработок медной руды обнаружены в Северном Прибалхашье, где добыча производилась небольшими карьерами, причем разрабатывались лишь самые богатые жилы [36]. Большой интерес представляют обнаруженные здесь же печи для выплавки руды, вокруг которых собраны обломки тиглей, слитки меди, куски руды [37]. Орудия труда металлургов в эпоху бронзы известны из Северного Казахстана [38].

Значительное число статей посвящено проблеме ранних кочевников. Особенно интересные данные получены по археологии ранних кочевников Центрального Казахстана. Большое количество курганов, относящихся к этому времени, найдено и частично раскопано Центрально-Казахстанской экспедицией, что нашло отражение в ряде статей [39].

Особенно большое количество курганов ранних кочевников находится в районе Улутауских гор. Наиболее полно памятники этой группы охарактеризованы М. К. Кадырбаевым [40]. Автор подразделяет их на две группы: монументальные курганы с

---

[29] М. Суббота. Находки эпохи бронзы. ВАН КазССР, 1960, 8, стр. 103—104.

[30] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г. ТИИАЭ, I, стр. 33—60; А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары. ТИИАЭ, XII, стр. 37—56.

[31] В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. ТИИАЭ, I, стр. 159—171.

[32] Г. И. Щерба. К истории горного промысла в Казахстане. ВАН КазССР, 1946, 11, стр. 57—59.

[33] С. С. Черников. Древнее горное дело в районе г. Степняк. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 13—32.

[34] Б. А. Акерман. О калбинских разработках олова эпохи бронзы. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 40—46.

[35] Г. И. Щерба. Археологические находки на Южном Алтае в 1949 г. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 117—121.

[36] Н. В. Валукинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 33—39; Д. Х. Хайрутдинов. О следах древнего горного промысла в Северном Прибалхашье. ВАН КазССР, 1955, 8, стр. 85—87.

[37] Н. В. Валукинский. Раскопки в урочище Милекудук в южной части рудника Джезказгана. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 122—125.

[38] К. А. Акишев, Н. М. Владимиров, С. М. Мухамеджанов. Находки орудий труда древнего человека в Северном Казахстане. ВАН КазССР, 1955, 5, стр. 61—65.

[39] А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1947 году, стр. 3—46; его же. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улу-Тау. ВАН КазССР, 1948, 2, стр. 53—60; его же. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы; А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана. ТИИАЭ, I, стр. 253—261.

[40] М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ, VII, стр. 162—203; его же. Могильник Сангуыр II.

«усами» и мелкие, но более многочисленные курганы. И те и другие расположены вместе и составляют один могильник; в каждом таком могильнике находится один или два кургана с «усами» на 20 мелких курганов. М. К. Кадырбаев датирует их VII—V вв. до н. э. Таковы курганные группы у горы Тологай, в урочище Бес-Оба и Карасай. К V—III вв. до н. э. автором отнесены могильники Кипк-Су, Ельшибек, Каргалы, Канаттас. В это время появляются железные изделия (однолезвийные ножи).

В III—II вв. до н. э. отмечены значительные изменения в погребальном обряде. Курганы с каменной насыпью становятся меньше по размерам, появляются захоронения в подбоях. Памятники начала I тысячелетия в Центральном Казахстане изучены недостаточно; особый интерес, по мнению М. К. Кадырбаева приобретает Канаттаский могильник IV—V вв.

Ареал распространения курганов с «усами» не ограничивается пределами Центрального Казахстана. М. К. Кадырбаев посвятил одну статью аналогичному кургану в Джамбульской области [41].

Памятники времени саков и усуней лучше всего изучены в Семиречье; им посвящена большая литература [42].

Наибольший интерес представляет Бесшатырский могильник, по мнению К. А. Акишева, являющийся погребением сакских «царей». Погребальные сооружения сделаны из тяньшанской ели, доставленной с гор Заилийского Ала-Тау. Исследователь предполагает, что бревенчатая гробница передает форму наземных сооружений [43]. В 20 *км* западнее от Бесшатырского могильника находится еще один сакский могильник. К. А. Акишев доказал, что оба они синхронны; в первом хоронились вожди, а во втором — рядовые члены общества [44].

Для усуньского времени характерны полусферические насыпи и погребения в грунтовых могилах, перекрытых бревенчатым накатом. Разнообразие форм захоронений позволяет видеть в этом сложность процесса этногенеза в Семиречье [45].

Антропологическому исследованию черепов из усуньских могильников посвящена статья В. В. Гинзбурга [46]. Автор подчеркивает, что антропологический тип этого времени является переходным от андроновского европеоидного к монголоидному и напоминает южносибирский тип. В связи с этим получает интерес гипотеза Ю. А. Зуева [47]. Сопоставляя китайские и западные источники, Ю. А. Зуев предполагает, что происхождение усуней связано не с восточноиранскими, а с тюркскими народами, и что в сложении западных гуннов, вероятно, принимали участие усуньские племена.

Сакские и усуньские курганы раскопаны в Южном Казахстане и освещены в ряде статей, дающих описание раскопок, характеристику погребальных сооружений и инвентаря [48].

Изучение культурной жизни средневековых поселений, время их возникновения, основные этапы развития, связь города и кочевой степи является для археологов Казахстана важнейшей задачей и поэтому большое количество статей и заметок посвящено этим проблемам. Первостепенное значение в этой связи приобретают такие крупные средневековые центры, как Тараз (Джамбул) с окружающими его оседлыми поселениями и Отрарский оазис.

---

[41] М. К. Кадырбаев. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области. ВАН КазССР, 1959, 7, стр. 89—97.

[42] К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 года, стр. 5—32; А. Г. Максимова. Усуньские курганы левобережья р. Или. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., 1, 1959, стр. 79—95; Е. И. Агеева. Курганные могильники ранних кочевников с.-в. части Алма-Атинской области. ИАН КазССР, сер. истор., археол., и этногр., 3, 1959, стр. 80—85; Г. В. Кушаев. Два типа курганных погребений правобережья р. Или. ТИИАЭ, I, стр. 207—220.

[43] К. А. Акишев. Некоторые научные итоги полевых работ 1960 года. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., 1961, 2, стр. 78—87.

[44] К. А. Акишев. Саки Семиречья. ТИИАЭ, VII, стр. 204—214.

[45] Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. ТИИАЭ, XII, стр. 21—40.

[46] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения юго-восточного Казахстана. ТИИАЭ, VII, стр. 266—269.

[47] Ю. А. Зуев. К этнической истории усуней. ТИИАЭ, VIII, стр. 3—25.

[48] Г. Г. Бабанская. Беркаринский могильник. ТИИАЭ, I, стр. 189—206; А. Н. Бернштам. Проблемы истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 72; Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 119—121; Г. И. Пацевич. Отчет об археологической разведке в Джувалинском районе Южно-Казахстанской области в 1939 г. ИАН КазССР, 46, сер. археол., I, 1948, стр. 92—97; А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. ТИИАЭ, XIV, стр. 97—116; М. С. Мерщиев. Могильник у поселения Актобе. ТИИАЭ, XIV, стр. 83—87; Г. В. Кушаев. Раннекочевнические курганы в районе городища Баба-Ата. ТИИАЭ, VII, стр. 242—261.

Раскопки в Таразе и в Таласской долине, освещенные в работах Г. И. Пацевича [49], подтвердили хронологическую стратиграфию, предложенную А. Н. Бернштамом. В статье Л. И. Ремпеля [50] дается характеристика городищ низовьев Таласа, а также высказано предположение о возможности отождествления городища у с. Шарвашалыка со средневековым городом Дох-Нуджикесом. Влияние согдийской колонизации в развитии городской культуры Таласской долины нашло свое отражение в ряде статей [51]. Важную роль в понимании истории Таласской долины в средние века играют письменные источники, собранные и переведенные С. Л. Волиным [52].

Не менее важную роль в жизни средневекового Казахстана играли города, расположенные в долине р. Сыр-Дарьи и на северных склонах Кара-Тау. Исследования, проводимые на них, отражены в ряде статей [53]. Наиболее мощным центром в долине Сырь-Дарьи являлся Отрарский оазис. Разведывательные раскопки показали, что возникновение здесь оседлых поселений относится к первым векам нашей эры [54].

Большое значение уделено хронологической классификации средневековой керамики городищ среднего течения Сыр-Дарьи. Е. И. Агеева установила несколько хронологических этапов ее развития. Поздние периоды (кенгересский V—VIII вв., карлукский VIII—XII вв., восточнокипчакский XIII—XV вв.) прослеживаются сравнительно четко. Все более ранние (сакский VII—V вв. до н. э., раннекангюйский и позднекангюйский III в. до н. э.— IV в. н. э.) ввиду явной недостаточности керамического материала выделять преждевременно, потому что вся керамика либо подъемная, либо добыта в небольших шурфах [55].

Большой интерес представляет керамика городищ нижнего течения Сыр-Дарьи, изученная Т. Н. Сениговой [56].

Развитие городов в Казахстане не проходило по единой схеме. Каждый из них имел свою конкретную историю. Поэтому значительный интерес в этом направлении представляет комплексное изучение городища Баба-Ата, находящегося на северных склонах Кара-Тау. Раскопки на городище начались в 1953 г. и продолжались несколько лет [57].

Наиболее древним оседлым поселением в окрестностях Баба-Аты является поселение Актобе, возникшее, очевидно, на рубеже нашей эры. Это начальный этап развития очагов оседлости и земледелия [58]. Само городище Баба-Ата находится в урочище Капчагай и состоит из шахристана с цитаделью и рабадов. Шахристан окружен валом с остатками 15 башен. Раскопки позволили установить четыре хронологических этапа в жизни городища. Первоначально в VI—VII вв. здесь было выстроено монументальное здание из сырцового кирпича. В VIII—IX вв. на этом месте возводится новое прямоугольное здание с полукруглыми башнями по углам. В IX в. зарождается раннефеодальный город. К этому времени относится возникновение рабадов.

---

[49] Г. И. Пацевич. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 году. ТИИАЭ, I, стр. 73—86; его же. Акыр-Таш. ВАН КазССР, 1949, 4, стр. 80—85.

[50] Л. И. Ремпель. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. ТИИАЭ, I, стр. 61—72.

[51] Г. И. Пацевич. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе. ИАН КазССР, 46, сер. археол., I, 1948, стр. 98—104; Л. И. Ремпель. Интересная археологическая находка в долине Таласа. ВАН КазССР, 1952, 4, стр. 79—81; А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 105—108.

[52] С. Л. Волин. Сведения арабских и персидских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. ТИИАЭ, VIII, стр. 72—92.

[53] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана. ТИИАЭ, V, стр. 3—215; А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Кара-Тау. ИАН КазССР, 46, сер. археол., I, 1948, стр. 109—115; И. Б. Немцова. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмед-Ясеви. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., 1, 1961, стр. 92—104.

[54] А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 59—89; его же. Древний Отрар. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 2, 1951, стр. 81—97.

[55] Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Кара-Тау. ИАН КазССР. 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 100—118; ее же. Керамика Отрара. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 98—110; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана ТИИАЭ, V.

[56] Т. Н. Сенигова. К изучению технических особенностей керамики низовьев Сыр-Дарьи. ТИИАЭ, VII. стр. 215—231.

[57] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г. ТИИАЭ, I, стр. 33—60; Е. И. Агеева. Раскопки на городище Баба-Ата (1953—1954 гг.). ИАН КазССР, сер. истор., экон., филос. и права, 1, 1954, стр. 75—82; ее же. Из истории развития городской культуры Казахстана. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., 2, 1960, стр. 63—78.

[58] Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. ТИИАЭ, XIV, стр. 57—82.

Для времени XI—XII вв. характерно строительство новых оборонительных сооружений, территория шахристана тесно застраивается жилыми зданиями. За это время крепость дважды разрушалась, о чем свидетельствуют следы пожаров [59]. При раскопках города были сделаны интересные находки. Особый интерес представляет находка монетовидного календаря с изображением двенадцатилетнего животного цикла [60]. Раскапывался и некрополь города. Установлены захоронения двух типов: в грунтовых ямах и в глинобитных сооружениях, похожих на мусульманские сагана или склепы [61].

Изучение керамики Баба-Аты позволило Е. И. Агеевой сделать вывод, что в отличие от Тараза городище основано местным населением, а не явилось результатом «согдийской» или «хорезмийской» колонизации [62]. Однако отрицать согдийское влияние, очевидно, нельзя, а влияние Тараза и Отрара на сложение оседлых поселений северных склонов Кара-Тау бесспорно. Вместе с этим влиянием сюда проникают и согдийские элементы, наличие которых в керамическом материале вряд ли следует отрицать.

Оседлые поселения не ограничиваются пределами Южного Казахстана, а заходят далеко на север, охватывая низовья рек Чу, Сары-Су и район Джеты-Конура (Бетпак-Дала). Наивысшего расцвета средневековые поселения достигают здесь в X—XII вв. и гибнут во время татаро-монгольского нашествия [63].

Ряд статей посвящен характеристике средневековых памятников, находящихся в Алма-Атинской области. Здесь известны крупные городища Талгар, Тургень, Дунгене (средневековый Койлык). Для городов Илийской долины характерно сочетание кочевой культуры и оседлости. Наибольшего развития поселения достигают в XI—XII вв. В это время утвердились феодальные отношения [64].

Памятники монгольского времени в Казахстане изучены очень плохо, и поэтому большой интерес представляют раскопки г. Сарайчика, расцвет которого падает на XIII—XV вв. Эти раскопки нашли отражение в печати [65]. Несколько статей посвящено памятникам поздних кочевников в Центральном Казахстане, находящихся в котловинах гор Бегазы и Кзыл-Арой [66]. В 1949 г. в долине р. Нуры раскопан курган. Здесь оказалось погребение воина с железным ножом и колчаном со стрелами. Погребение хорошо датировано серебряными динарами чекана XIV в.[67] Несколько курганов, относящихся ко времени Карлукского каганата IX в., раскопано в Семиречье [68].

Для изучения территории хозяйства, обычного права, быта и локализации племенных территорий большое значение имеют письменные источники, напечатанные в изданиях Академии наук КазССР [69].

---

[59] Е. И. Агеева. Цитадель. ТИИАЭ, XIV, стр. 117—153; ее же. Оборонительные сооружения и рабады. Там же, стр. 166—185; Т. Н. Сенигова. Шахристан. Там же, стр. 156—166.

[60] Т. Н. Сенигова. Монетовидный календарь. ТИИАЭ, XIV, стр. 156—166; И. В. Захаров. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. ТИИАЭ. VIII, стр. 32—65.

[61] Е. И. Агеева. Некрополь. ТИИАЭ, XIV, стр. 185—188.

[62] Е. И. Агеева. Общий обзор находок. Там же, стр. 188—215.

[63] А. Х. Маргулан. Археологические разведки в бассейне реки Сары-Су. ВАН КазССР, 1947, 7, стр. 17—22; его же. Отчет о работах Центрально-Казахстанской экспедиции 1947 г., стр. 3—36; его же. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане, стр. 3—52; его же. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы.

[64] А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 79—81; Л. К. Нифонтова. Последние археологические поступления в Центральный музей КазССР. ИАН КазССР, 46, сер. археол., 1, 1948, стр. 116—124; Е. И. Агеева. Новые эпиграфические находки. ТИИАЭ, VIII, стр. 177—178; Д. Тихонов. Зависимые инджу. ТИИАЭ, VIII, стр. 26—31.

[65] Н. Арзютов. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 126—134; Г. И. Пацевич. Гончарная печь на городище Сарайчик. ТИИАЭ, I, стр. 221—224.

[66] Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, 108, сер. археол., 3, 1951, стр. 53—63; А. Х. Маргулан. К изучению памятников района Сары-Су и Улу-тау, стр. 53—60.

[67] А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. в долине реки Нуры. ТИИАЭ, VII, стр. 248—261; М. Е. Массон. Серебряные монеты XIV в. из погребения могильника в бассейне реки Нуры. Там же, стр. 262—265.

[68] А. Г. Максимова. Погребения поздних кочевников. ТИИАЭ, VIII, стр. 179—182.

[69] А. М. Мандельштам. Характеристика тюрок в IX в. в послании «фатху б. Хакану» Ал-Джахиза. ТИИАЭ, I, стр. 225—250; Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств. ТИИАЭ, VIII, стр. 93—140.

Вопросу этногенеза казахского народа посвящена значительная литература [70]. Некоторые исследователи предполагают, что в X—XI вв. термина «казах» не было и лишь в XIII—XIV вв. этот термин приобретает политический характер в противовес термину «узбек». Только в XVI в. после откочевки части кочевых племен во главе с Шейбани-ханом в Мавераннахр термин «казах» приобретает этнический смысл [71]. Именно для этого периода большую роль играют переводы источников, в которых отражена жизнь казахских ханств [72].

Особую группу памятников на территории Казахстана составляют наскальные изображения. Как правило, изображения выбивались на покрытых пустынным загаром поверхностях скал точечной техникой по контуру, а позднее выцарапывались и вырезались металлическими орудиями. Наскальные рисунки все однотипны, наиболее часто встречаются изображения горного козла, архара, лошади, верблюда, быка, хищников — барса, волка. Изображения человека встречаются редко. Иногда можно наблюдать сцены охоты, скачки на лошадях. К сожалению, наскальные рисунки не датированы, и обычно им посвящены небольшие заметки, носящие описательный характер [73].

Хочется отметить, что хорошей традицией казахстанских археологов является быстрая публикация отчетов и материалов экспедиций. Ценно появление библиографических статей с исчерпывающей литературой по некоторым проблемам [74], а также публикация переводов источников. Однако следует отметить и некоторые недостатки: так, в Казахстане почти не изучаются памятники неолита и энеолита, не разрабатывается очень важная кантюйская проблема, из поля зрения выпали монголо-тимуридские памятники. Думается, что со временем эти пробелы будут восполнены.

К. Байпаков

---

[70] А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 59—99; В. Ф. Шахматов. К вопросу об этногенезе казахского народа. ИАН КазССР, 94, сер. истор., 6, 1950, стр. 80—90; его же. О некоторых ошибках в археологическом изучении Казахстана. ВАН КазССР, 1952, 1, стр. 90—101; С. В. Юшков. Об основных моментах истории Казахского государства. ИАН КазССР, 49, сер. истор., 4, 1948, стр. 43—57; С. К. Ибрагимов, В. С. Храковский. Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X в. ВАН КазССР, 1959, 11, стр. 93—98.

[71] С. К. Ибрагимов. Еще раз о термине «казах». ТИИАЭ, VIII, стр. 66—71.

[72] С. К. Ибрагимов. «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. ТИИАЭ, VIII, стр. 141—157.

[73] А. Х. Маргулан. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане, стр. 16; его же. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутау, стр. 59; П. И. Мариковский. О наскальных изображениях в горах Чулак. ВАН КазССР, 1950, 6, стр. 73—79; его же. О памятниках древности Чулакских гор. ВАН КазССР, 1951, 6, стр. 95—98; его же. Наскальные рисунки гор Кульджабасы. ТИИАЭ, XII, стр. 78—86; А. Г. Медоев. Древние памятники изобразительного искусства в урочище Калмакжаткан-Каражат. ВАН КазССР, 1961, 2, стр. 100—101; его же. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур. ТИИАЭ, XII, стр. 72—77; Х. А. Алпысбаев. Изображения Бостандыкского района. ТИИАЭ, I, стр. 182—188; С. Аманжолов, А. С. Аманжолов. Писаницы (петроглифы) на скалах Бутытас. ВАН КазССР, 1956, 4, стр. 97—100; А. С. Аманжолов. Писаницы ущелья Утеген. ВАН КазССР, 1959, 10, стр. 53—61; Т. Омаров. Древние рисунки. ВАН КазССР, 1959, 11, стр. 97—98; Ж. Тузелбаев. Наскальные изображения. ВАН КазССР, 1960, 12, стр. 89—90 (на казахск. яз.); А. Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. ВАН КазССР, 1959, стр. 57—59; Т. Н. Сенигова. Наскальные изображения у поселения Актобе. ТИИАЭ, XII, стр. 89—97.

[74] Е. И. Агеева. К истории изучения археологических памятников среднего течения Сыр-Дарьи и Кара-Тау. ИАН КазССР, 67, сер. археол., 2, 1949, стр. 133—142; Е. И. Агеева, Т. И. Заднепровская. Библиография... ТИИАЭ, VII, стр. 270—307; Н. В. Кюнер. Библиография китайской и манчжурской литературы по истории Казахстана. ТИИАЭ, VIII, стр. 183—248.

Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 1962, 148 стр. с 49 рис. (Ростовский областной музей краеведения)

К числу областных музеев нашей страны, уделяющих большое внимание археологическим изысканиям, несомненно следует отнести Областной музей краеведения в Ростове-на-Дону. Ростовский музей, восстановленный после разрушения немецко-фашистскими оккупантами, систематически ведет археологические наблюдения, осуществляет учет, описание и охрану памятников древности. В последние годы музей организует совместно с Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, Институтом антропологии МГУ и другими учреждениями по сравнительно широко-

му плану систематические археологические раскопки и разведки на территории нижнего Дона (преимущественно в пределах донской дельты). Таковы Южно-Донская, Кобяковская и другие археологические экспедиции 1955—1962 гг. В итоге этих экспедиций не только обогащаются коллекции и экспозиция музея, но и проходят хорошую школу полевых исследований местные археологи-краеведы, что следует признать весьма положительным явлением.

В 1959 г. музей возобновил издание своих «Известий» [1], первые два выпуска которых вышли до войны, и уделил в них значительное место статьям по археологии Нижнего Дона (публикации М. Д. Гвоздовер, Д. Б. Шелова и В. П. Шилова). В настоящее время музей выпустил специальный археологический сборник, содержание которого привлекает внимание читателя.

Сборник открывается двумя статьями историографического характера: «Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы» (стр. 5—21) и «Археологические раскопки на Дону в послевоенный период» (стр. 22—39),— дающими краткий обзор изучения памятников древности в Ростовской области и прилегающих к ней местностях.

С. М. Марков, автор последней статьи, не только подводит итоги сделанному, но и намечает некоторые важнейшие задачи археологов на ближайшие годы (обобщение работ по изучению эпохи бронзы на Дону, расширение археологических исследований в бассейнах рек Сала и Маныча, возобновление работ по изучению Таны — Азака — Азова, продолжение раскопочных работ на территории старых казачьих городков, научная паспортизация местных памятников древности, подготовка к изданию археологической карты Ростовской области).

В статье «Кобяковское поселение эпохи бронзы» (стр. 40—51) Э. С. Шарафутдинова характеризует культурные отложения эпохи по раскопкам, проводившимся на Кобяковском городище начиная с 1956 г. Раскопки эти уточняют и развивают наблюдения, сделанные при раскопках городища в 20-х годах текущего столетия А. А. Миллером. Окончательно установлено, что два культурных слоя эпохи бронзы (по А. А. Миллеру — «песчаный» или «Кобяково I», «золистый» или «Кобяково II») принадлежат одному и тому же времени. Автор подробно характеризует лепную керамику поселения. Очень интересно устройство шести жилищ, обнаруженных на восточном холме городища. Они представлены двумя типами: а) землянками прямоугольной формы, но с закругленными углами, со стенами, обложенными камнем, и кровлей (типа пирамидального сруба?) с камышовым настилом и б) более поздними наземными постройками с глинобитными стенами (на каменном фундаменте?), деревянной кровлей и камышовым настилом. Изделия из металла крайне немногочисленны; преобладают каменные орудия труда (песты, терочники, ступки, зернотерки, лощила) и сопутствующие им и менее многочисленные кремневые скребки и наконечники стрел. Любопытны находки двух глиняных колесиков от модели повозки типа арбы. Находки обломков литейных формочек сочетаются с ранее сделанными находками тигельков и свидетельствуют о существовании местного литья бронзы. Хозяйственными занятиями населения служили скотоводство и, видимо, земледелие при специфически высоком для прибрежных поселений низовьев Дона удельном весе рыболовства. Вопрос о возможном преобразовании доскифской культуры типа «Кобяково II» в культуру скифского времени, поставленный А. А. Миллером, остается открытым и во всяком случае не подтвержден раскопками последних лет.

Э. С. Шарафутдинова не без оснований подчеркивает при этом, что «особый интерес представляет изучение позднебронзовых поселений дельты Дона в связи с киммерийской проблемой» (стр. 51). Заметим, что подобного рода мысль настойчиво пропагандировалась в 30-х годах покойным В. А. Городцовым, писавшим, что «Кобяковское и Хопровское городища возникли на местах, служивших стоянками более раннего времени, вероятнее всего киммерийцев» [2].

Раскопкам Кобяковского городища и его некрополя посвящена также статья С. И. Капошиной (стр. 95—112). Она сообщает сведения по топографии городища и уделяет особое внимание культурным отложениям первых веков нашей эры в северо-восточной и восточной части городища. Характеризуются типы жилищ этого времени, при сооружении которых широко применялся необработанный или грубо обработанный камень. Открыты остатки подвального или полуподвального помещения, видимо, хозяйственного назначения. Весьма любопытны соображения С. И. Капошиной о характере и способе сооружения легких жилых глинобитных построек с широким использованием камыша в качестве каркасов (стр. 100—104).

Сильно разрушенный некрополь городища дал разновременные погребения: со скорченными костяками, чаще без инвентаря (I—II вв.); «неясная», по словам автора, группа погребений с четкими очертаниями неправильной овальной формы могилы и костями, либо разбросанными, либо сложенными в кучу. Затем следуют погребения с костяками в вытянутом положении и, как правило, с обильным инвентарем (I—III вв). Поселение и некрополь первых веков нашей эры носят ярко вы-

[1] «Изв. Ростовского областного музея краеведения», 1 (3), Ростов-на-Дону, 1959, 144 стр.

[2] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. «Памятники древности на Дону», I, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 3.

раженные черты сарматской культуры, что подтверждается и большой (48) серией погребений с деформированными черепами. В то же время автор отмечает, что некоторые элементы обряда, не свойственные сарматам, скорее присущи меотским могильникам, что говорит «об известной этнической пестроте населения нижнего Дона в первые века до н. э.» (стр. 112).

В статье «Золотой клад скифского кургана» (стр. 52—69) В. П. Шилов освещает результаты раскопок (1959 г.) кург. № 8 — одного из наиболее крупных курганов в группе «Пять братьев» близ станицы Елизаветовской в дельте Дона. Раскопки эти привели к обнаружению богатейшего захоронения второй половины IV в. до н. э., совершенному в каменном склепе с дромосом длиной до 15 *м*. Судя по всему, мы имеем дело с погребением одного из местных родо-племенных вождей, принадлежавших к этнической группе «царских скифов».

Обстоятельная статья В. П. Шилова читается с большим интересом. Надо отметить, однако, что в значительной своей части она представляет собою перепечатку с сокращениями текста статьи того же автора, опубликованной в 1961 г. на страницах журнала «Советская археология» [3]. Есть, правда, и отличия. Так, в статье рецензируемого сборника В. П. Шилов приводит заслуживающие внимания соображения о причинах появления в дельте Дона новой и необычной (в сравнении с типичными захоронениями елизаветовской группы курганов отмеченного времени) формы погребального сооружения. Автор полагает, что при всей примитивности техника сооружения склепа кург. № 8 «заимствована у зодчих античных колоний Причерноморья» и что «архитектор, строивший этот склеп, по-видимому, был выходцем из местной среды, знавшим греческую архитектуру» (стр. 67).

Не совсем ясны причины расхождений в деталях текста статей В. П. Шилова 1961 и 1962 гг. Например, в первой статье (СА, 1961, 1, стр. 162) указывается, что у правого локтя погребенного лежал «пучок бронзовых наконечников стрел (114 шт.)», а во второй статье (сборник «Археологические раскопки на Дону». стр. 60) указывается, что «у правого локтя погребенного лежал колчан со 118 бронзовыми трехгранными втульчатыми наконечниками стрел». Восточнее «находился еще пучок бронзовых наконечников стрел (49 шт.)». Во второй же статье читаем о находке «колчана» с 49 наконечниками стрел. В первой из статей указывается, что против входа в дромос было обнаружено 1273 золотых предмета. «По-видимому,— пишет автор,— здесь стоял деревянный ларец, где были спрятаны парадная одежда и головные уборы» (стр. 163). Во второй статье предположение о наличии деревянного ларца уже не фигурирует. Это не единственные примеры расхождений в тексте. Кое-что из таких расхождений должно быть объяснено, очевидно, сделанными автором уточнениями. Так, в ранее напечатанной статье говорится об украшениях на «носках сапогов погребенного», а во второй статье фигурируют уже не «носки сапог», а «сапоги». В первой статье фигурируют «два железных ножа с костяными рукоятками», во второй (что точнее) — «два серповидных ножа с костяными рукоятками»; вместо ранее фигурировавших обломков глиняных светильников во второй статье мы читаем уже об обломках сероглиняных светильников; вместо «глиняного открытого светильника» теперь фигурирует (что тоже точнее) «красноглиняный открытый боспорский светильник» и т. п. Уточнения эти полезны, но автору надо было как-то оговорить их во избежание недоуменных вопросов.

Обе статьи В. П. Шилова в той или иной мере дополняют друг друга и дают вполне достаточное предварительное общее представление о замечательном погребении из кург. № 8. Мы говорим «предварительное», ибо несомненно, что многие предметы из погребального инвентаря кургана как в комплексе, так и отдельно заслуживают более пространного описания и будут издаваться еще не раз.

В сборнике видное место занимает статья Д. Б. Шелова «Новые данные о Танаисе» (по раскопкам 1955—1961 гг.; стр. 70—77). В тезисообразной форме автор излагает основные результаты семилетних раскопочных работ на Недвиговском городище, проведенных Нижне-Донской археологической экспедицией под руководством автора.

Важное значение Танаиса в истории низовьев Дона, да и Боспора в целом, общеизвестно. Тем более важны и интересны итоги новейших раскопок в Недвиговке — первые широко поставленные и строго научные раскопки со времени работ на городище П. М. Леонтьева в 1853 г.

Д. Б. Шелов правильно характеризует значение Танаиса, как самого отдаленного северо-восточного центра Северного Причерноморья и всего античного мира (стр. 70—71). Раскопками 1955—1961 гг. уточнена топография Недвиговского городища и более твердо установлено время его возникновения (середина или вторая половина III в. до н. э.) [4]. Большое место автор уделяет характеристике системы

---

[3] В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 1, стр. 150—168.

[4] Не лишне вспомнить, что Танаидская комиссия Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ) еще в 1929 г. констатировала, что «появились новые факты, отодвигающие в более отдаленное прошлое (в первые века до нашей эры) возникновение поселения на месте нынешнего Недвиговского городища. Таким образом, мнение, высказанное впервые П. М. Леонтьевым и державшееся в науке до самого последнего времени (что Древний Танаис в эпоху

городской застройки и оборонительных сооружений Танаиса. Отмечено «энергичное строительство оборонительных сооружений в Танаисе во II и начале III в. н. э.»[5], дана характеристика нумизматических находок и т. п.

Едва ли можно солидаризироваться с утверждением С. М. Маркова, что установление Нижне-Донской археологической экспедицией неправильности положения о двух Танаисах (древнем и новом) является самой крупной заслугой экспедиции (стр. 35). Соглашаясь с научной значимостью этого вывода экспедиции, полагаем, что признание его самой крупной заслугой невольно умаляет другие важные итоги ее раскопочной деятельности на территории Недвиговского городища. Нам представляется весьма существенным и тот вывод, что разрушение Танаиса последовало не в 475 г. в результате нашествия гуннов (как это принято было полагать в литературе), а в середине III в., возможно в ходе натиска кочевников из среды готского племенного союза. Более того, по мнению Д. Б. Шелова, монетные находки «неопровержимо свидетельствуют о том, что город не погиб в 475 г. в результате нашествия гуннов, но существовал и в 80-х годах IV в... Причины его окончательного запустения нам неизвестны» (стр. 75).

Несомненная и большая заслуга экспедиции заключается еще и в том, что после раскопок П. М. Леонтьева в 1853 г. раскопки 1955—1961 гг. впервые дали нам точное, научно-обоснованное представление об облике застройки городской территории, способах сооружения и устройстве жилых и хозяйственных помещений Танаиса в их комплексах, об общем облике городских кварталов и многое другое.

Все это крайне важно для понимания не только хронологических рамок существования Танаиса (что не является самоцелью в изучении Танаиса), но и своеобразной внутренней жизни этого крупнейшего в дельте Дона поселения городского типа в III в. до н. э.— IV в. н. э. Именно в этом мы склонны видеть наиболее крупную и несомненную заслугу руководимой Д. Б. Шеловым экспедиции.

Существенное значение имеет утверждение Д. Б. Шелова, что результаты раскопок на Недвиговском городище якобы «опровергли обе точки зрения»; что Танаис был разрушен боспорским царем Полемоном и потом построен на другом месте и что Полемон вообще не разрушал города, а лишь ограбил его. Последнюю точку зрения высказал С. А. Жебелев[6].

По словам Д. Б. Шелова, эта точка зрения на последствия предпринятого Полемоном похода против Танаиса опровергнута данными раскопок. В подтверждение такого вывода Д. Б. Шелов ссылается на то, что найденные на Недвиговском городище жилые комплексы и богатые погребения, датируемые I в., «свидетельствуют о том, что жизнь в городе продолжала нормально развиваться и после взятия его Полемоном» (стр. 74).

Это весьма существенное обстоятельство. Жизнь в Танаисе («самом большом торжище у варваров, после Пантикапея») била ключом. Город являлся экономическим центром низовьев Дона, занимал ключевые позиции в торговле с местными племенами. Совсем не обязательно полагать поэтому, что потрясения, перенесенные Танаисом в результате действий Полемона, исключают возможность того, что уже в том же первом столетии нашей эры, спустя, скажем, 20—30—40 лет, город мог восстановить поврежденные полемоновским войском жилые комплексы (не очень уж замысловатые и совершенные по своей строительной технике). Не обязательно исключать возможность, что возрождение и дальнейшее развитие торгово-меновых операций делало вполне вероятным появление спустя некоторое время и относительно богатых погребений в местном некрополе.

Речь может идти о том, что Полемон действительно покарал Танаис «разрушением некоторых сооружений», но якобы распространил свои разрушительные действия не на всю территорию города, а лишь на западный его район. Еще правильнее считать, что раскопки последних лет на Недвиговке в значительной степени подтвердили некую среднюю точку зрения между первоначальной версией, что Танаис был разрушен Полемоном, и точкой зрения С. А. Жебелева, что карательная операция Полемона свелась лишь к «разорению» (ограблению) города.

до нашей эры находился на месте нынешнего Елизаветовского городища), следует считать несколько поколебленным; однако мы не имеем достаточных данных для его полного опровержения... до тех пор, пока на нем не будут произведены систематические раскопки» (Зап. СКОАИЭ, кн. 1, т. III, вып. 5—6, Ростов-на-Дону, 1929, стр. 103). Теперь эти раскопки произведены и существование поселения в Недвиговке в III—I вв. до н. э. не вызывает больше никаких сомнений.

[5] Это хорошо согласуется с фрагментом надписи из Недвиговки, датируемой первой половиной III в. и содержащей упоминание «лохага» (военачальника) танаитов» (А. И. Болтунова. Из черновиков В. В. Латышева. ВДИ, 1951, 2, стр. 120—126). Столь же примечательно, что в 20—30-х годах III в. в Танаисе работал архитектор Аврелий Антонин, судя по имени — римлянин, очевидно приглашенный в Танаис «как опытный строитель-инженер, которому поручались ответственные фортификационные работы» (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1948, стр. 338).

[6] С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, 104. М.— Л., 1935, стр. 37—45; его же. Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, стр. 195—204.

К статье Д. Б. Шелова примыкает исключительно интересная по новизне материала и выводов статья А. И. Болтуновой «Ранний Танаис (III—II вв. до н. э.)» (стр. 78—94). Это первая в нашей литературе попытка подробно и на основе новейших раскопок охарактеризовать жизнь и быт населения Танаиса в тот период, наличие следов которого в культурных отложениях еще недавно находилось под бóльшим или меньшим сомнением. Материалы раскопок последних лет целиком подтверждают вывод Т. Н. Книпович о существовании Танаиса на месте Недвиговского городища по крайней мере с конца III — начала II в. до н. э. Содержательная статья А. И. Болтуновой базируется в основном на конкретных материалах раскопок 1955—1960 гг., что придает ей особое значение, перенося нас из сферы умозрительных предположений и единичных находок в сферу конкретного и хорошо осмысленного вещественного материала.

Особого внимания заслуживают соображения автора об отличительных чертах Танаиса в сравнении с другими боспорскими городами Северного Причерноморья, этническом составе его населения, характере хозяйственных занятий и торговых связей последнего, а также о понимании этнической и социальной природы и взаимоотношений «эллинов» и «танаитов» (стр. 92—94).

А. И. Болтунова считает заслуживающим самого серьезного внимания не нашедшее, по ее словам «достаточного отклика в научной литературе» мнение Э. Миннза (1913), что Елизаветовское городище, возможно, следует отождествлять с упоминаемым Страбоном поселением на о. Алопекия. Со своей стороны А. И. Болтунова полагает, что в пользу предположения Э. Миннза свидетельствует не только отмеченное им совпадение расстояния между Танаисом и Елизаветовским городищем, но и границы древней культурной площади в дельте Дона и культурный облик варварского поселения на Елизаветовском городище. Неясно, однако, известна ли А. И. Болтуновой попытка С. А. Вязигина разобраться в этом вопросе? [7] В небольшой публикации С. А. Вязигина содержалось то существенное соображение, что Страбон едва ли определял расстояние от Танаиса до о. Алопекия («лежащего на 100 стадий впереди от торгового города») по прямой линии через сушу, а следовал здесь тому направлению, по которому шел водный путь. С. А. Вязигину было известно мнение Миннза, но он считал его ошибочным в силу того, что на указанном Страбоном «расстоянии от Недвиговского городища находятся в одну сторону берег Азовского моря, между ст. Морской и устьем р. Мокрый Чулек, а в другую — местность у сел. Кагальник. Но в этих местах нам неизвестно ни одного пункта, могущего соответствовать острову Алопекии. Елизаветовское городище отстоит от Недвиговского на указанное расстояние по прямой линии, но находится дальше от моря, чем предполагаемый Танаис на месте Недвиговского городища и на расстоянии значительно большем, чем 100 стадий, считая по водному пути» [8]. С. А. Вязигин полагал целесообразным искать о. Алопекию у устья и на холмах ерика Лагутника («Калинов остров») и в окрестностях сел. Кагальник.

Еще одного существенного вопроса хотелось бы коснуться в нашей рецензии. Вполне понятно законное чувство удовлетворения, испытываемого Д. Б. Шеловым и другими участниками раскопок от установленного ими важного вывода: жизнь на Недвиговском городище (Танаисе) ведет свое начало с III в. до н. э., что ранее могло лишь предполагаться. Вывод этот значителен и в том отношении, что действительно заставляет в какой-то степени в новом свете взглянуть на долго державшуюся в литературе и имевшую немало сторонников версию о наличии двух Танаисов: Древнего, Старшего (Елизаветовское городище) и Младшего, Возобновленного (Недвиговское городище). Сам Шелов считает абсолютно несостоятельной «легенду о существовании двух Танаисов, возникшую во время первых раскопок Недвиговского городища в середине XIX в.» (стр. 72) [9]. И все же было бы неправильным рассматривать факт установления наличия на Недвиговском городище культурных отложений последних столетий до нашей эры как некую самоцель и конечный этап наших знаний по ранней истории Танаиса и тем самым как обстоятельство, позволяющее ослабить внимание археологов к Елизаветовскому городищу.

Остается непреложным, что крупным поселением городского типа и главным торговым центром дельты Дона с рубежа V—IV вв. до н. э. до III в. до н. э. было и остается городище близ станицы Елизаветовской. Его связи с Боспором несомненны. Столь же несомненна ведущая роль боспорских купцов в торговле, осуществлявшейся при посредстве поселения близ нынешней станицы Елизаветовской. Наличие в составе населения города греческих элементов более чем вероятно. Кстати, если не на всей территории Елизаветовского городища, то в определенных его пунктах в культурных отложениях весьма высок удельный вес фрагментов привозной посуды (амфоры, чернолаковые и краснофигурные сосуды), а также таких изделий, как

---

[7] С. А. Вязигин. Где следует искать упоминаемый Страбоном остров Алопекию? Зап. СКОАИЭ, кн. 1 (III), вып. 5—6, стр. 97—98.

[8] С. А. Вязигин. Ук. соч., стр. 98.

[9] Термин «легенда» не кажется нам удачным; предпочтительнее говорить о научной версии, возникшей в среде исследователей на определенном этапе развития наших знаний о Танаисе.

стеклянная гемма с изображением Геракла, фрагментов черепиц и др.[10] Весьма примечательно также обнаружение на Елизаветовском городище мраморного рельефа первой половины IV в. до н. э. с изображением «погребального пира»[11]. Жилые сооружения Елизаветовского городища (во всяком случае определенная часть из них, сложенных из камня, оштукатуренных, а иногда крытых черепицей) близка по типу к жилым сооружениям Недвиговского городища.

Самое же главное заключается в том, что и сейчас весьма трудно отрицать преемственную связь Недвиговского городища от Елизаветовского. Какими бы причинами (заиливанием судоходного протока Дона или другими) не объясняли мы прекращение жизни на Елизаветовском городище, но прекратилась она в III в. до н. э. и с этого времени ведет свое начало жизнь на Недвиговском городище. Обстановка явно и властно требовала появления в дельте Дона крупного торгового центра, роль которого выполняло раньше поселение на Елизаветовском городище.

Поэтому и после новейших раскопок на Недвиговском городище и вне зависимости от обозначившегося крушения версии о двух Танаисах остается в полной силе меткое замечание Т. Н. Книпович, что «совершенно независимо от того, какое имя носило поселение, находившееся близ теперешней станицы Елизаветовской... данный город имеет значение главного торгового центра области нижнего Дона, а позднее то же значение приобретает другой город, находящийся близ нынешней Недвиговки и уже бесспорно... носящий имя Танаиса».

Следует пожелать, чтобы отрицание права Елизаветовского городища претендовать на роль одного из Танаисов не повлекло бы за собой недооценки значения дальнейшего его изучения. Большую роль в этом деле может и должна сыграть инициатива Ростовского областного музея краеведения.

В рецензируемом сборнике отмечено, что в 1954 и 1958—1959 гг. «проводилось исследование Елизаветовского городища, датируемого V—III вв. до н. э.» (стр. 34). Необходимо, чтобы широко поставленные систематические раскопки на Елизаветовском городище, которыми была бы охвачена значительная часть его территории, были организованы незамедлительно. Без этих раскопок никогда не будет освещена с должной полнотой одна из важнейших страниц истории низовьев Дона.

Что касается личного мнения рецензента, то он и сейчас позволяет себе оставаться твердо убежденным, что без таких раскопок окончательного разрешения вопроса о двух Танаисах не последует. Напомним, что свидетельства древних авторов не дают прямых данных о времени возникновения Танаиса. Бытование Танаиса на Недвиговском городище «удлинено» сейчас на два столетия в глубь веков, что прямым образом смыкает его по времени с периодом прекращения жизни на Елизаветовском городище, вероятность наименования которого Танаисом вовсе же не устранена.

Сборник содержит также статьи: Н. Д. Прасолова «Нижнепалеолитические находки в северном Приазовье» (стр. 113—119), С. Н. Братченко «Новое поселение эпохи бронзы в донской дельте» (стр. 120—127), Л. С. Клейн «К определению места курильниц в катакомбной культуре» (стр. 128—132), С. А. Плетневой «Половецкие погребения в урочище Каменная балка» (стр. 133—137), А. Н. Кирпичникова «Шлем XII века из погребения кочевника (по материалам раскопок Кобяковской археологической экспедиции 1960 г.)» (стр. 138—141), А. В. Таттар «Дикие и домашние животные низовьев Дона в первые века нашей эры» (стр. 142—146).

Отрадно, что многие статьи сборника принадлежат перу молодых археологов, работающих ныне в музеях Ростовской области. Не менее отрадно и то, что сборник — плод тесного содружества археологов центра и периферии.

В целом материалы рецензируемого сборника охватывают длительный период от палеолита до средневековых кочевнических погребений и радуют богатством и новизной освещаемого материала. Изданием сборника сделан большой и ценный вклад в археологическую литературу по памятникам Подонья-Приазовья. Едва ли можно считать продуманным и правильным размещение статей в рецензируемом сборнике. Вслед за статьями историографического характера идет статья о поселении эпохи бронзы на Кобяковском городище, затем статья о золотом кладе скифского кургана, статьи танаисского цикла, затем читатель вновь возвращается к памятникам Кобяковского городища, «отбрасывается» далее ко временам нижнего палеолита и вновь соприкасается с памятниками эпохи бронзы. Было бы весьма желательно, чтобы сборник не оказался единственным, а положил бы собой начало серии, которая в своей совокупности явилась бы с течением времени сводом наших знаний о памятниках древности столь примечательной в археологическом отношении области, какую являет собой Подонье — Приазовье.

Б. В. Лунин

---

[10] С. А. Вязигин. Археологические раскопки на Елизаветовском городище в 1928 году. Зап. СКОАИЭ, кн. 1 (III), стр. 48—54 сл.

[11] Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 11—12.

БОЛЬШОЙ МИР МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ

Воспроизведение образов природы, в том числе и человека, в пластических формах является одним из древнейших искусств. Тесная связь этого вида художественного творчества с бытовой и производственной обработкой дерева, кости, камня и металла, а также реалистическая трехмерность произведений обеспечили пластике широчайшее развитие в народной среде. Пластика стояла у истоков и славянского искусства. Она пронизывала весь быт славян, начиная с обработки резьбой домашней утвари и кончая различного рода амулетами-оберегами в виде зверей, птиц, коньков, рыб, ключей, топориков и т. д. Но если в области тератологии славянские мастера достигли большого искусства, то этого нельзя сказать про скульптурное воспроизведение человеческой фигуры, где очень долго господствовала схема. Византийская церковь, как известно, не поощряла объемной скульптуры, поэтому стремление русских людей к пластическому воспроизведению образов человека нашло широкое применение в мелкой барельефной пластике.

Было бы глубоко ошибочным думать, что древнерусская мелкая пластика — это только иконки, кресты, ковчеги и т. п. предметы культового обихода. В эту область входят барельефные композиции на монетах и печатях, на предметах воинского снаряжения (шлемы) и т. д., т. е. на вещах, принадлежащих к гражданскому и даже государственному быту. Обычные на всех этих предметах изображения библейских, евангельских и т. п. образов были гораздо шире своего богословского значения. Они выражали в присущей средневековью художественной форме самые жизненно-конкретные представления людей о покровительстве правому делу, о гражданском долге и героических подвигах, о защите в борьбе за национальную независимость, не говоря уже о надеждах на личное заступничество и помощь. Таким образом, религиозные сюжеты мелкой пластики имели в конечном счете большое реальное, земное, народное и национальное содержание. Более того, сопутствуя человеку во всех делах, даже на поле битвы, произведения мелкой пластики были своего рода вещественными носителями основных гражданских этических и эстетических норм. Поэтому этот вид искусства заслуживает самого пристального внимания.

Древнерусской мелкой пластикой глубоко интересовались многие ученые (И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, В. В. Хвойко, Г. Д. Филимонов, Ю. А. Олсуфьев, Н. П. Лихачев, Б. А. Рыбаков и др.). Существенным вкладом в науку является вышедшая недавно из печати книга Т. В. Николаевой о мелкой пластике Загорского музея [1].

Главное достоинство книги Т. В. Николаевой состоит в весьма удачном сочетании теоретического исследования (первая часть книги) с полным академическим каталогом собрания Загорского музея. Каталог включает 160 произведений, разделенных на основные видовые группы, внутри которых памятники расположены в хронологическом порядке. Каждый памятник воспроизведен с лицевой и обратной стороны. Кроме того, воспроизведены (во «Введении») наиболее примечательные произведения мелкой пластики из других музейных собраний, привлеченные Т. В. Николаевой для исследования. Всего в книге помещено 304 репродукции, что для нестоличного издания представляет немалое явление [2]. Каждый памятник имеет аннотацию, включающую описание вещи, палеографию, иконографический и художественный анализ, исторические сведения о бытовании вещи, датировку, атрибуцию и, наконец, библиографию.

Оперирование столь многообразными данными позволило Т. В. Николаевой пересмотреть и уточнить ряд прежних датировок и атрибуций и создать более разработанную «шкалу» произведений мелкой пластики, в которой до сих пор испытывалась острая научная необходимость. Таким образом, Каталог представляет, по существу, непосредственное развитие первой теоретической части и, в свою очередь, открывает самые широкие возможности для дальнейшего исследования публикуемых вещей в любом направлении — художественном, историческом, палеографическом и т. д. В этом отношении работе Т. В. Николаевой обеспечена очень длительная научная жизнь.

Так как собрание мелкой пластики Загорского музея является хронологически самым полным, художественно наиболее высококачественным и к тому же исторически документированным, то не только читатель, но и исследователь древнерусской культуры получает в руки пособие, практическое научное значение которого трудно переоценить. В частности, очень большую ценность изданный труд имеет для работников тех музеев, в которых собрания мелкой пластики до сих пор не систематизированы.

Однако в настоящей рецензии хочется подчеркнуть не столько практически служебную, сколько общекультурную ценность книги. Произведения мелкой пластики рассматриваются Т. В. Николаевой как памятники древнерусской исторической

---

[1] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Загорск, 1960.

[2] Вследствие ограниченности полиграфических возможностей далеко не все репродукции удовлетворительны, но воспроизведение всех памятников придает Каталогу особую ценность.

жизни, тесно связанные с народным искусством. Прежде всего автором выясняется громадное значение мелкой пластики для изучения русской художественной культуры XIII — первой половины XIV в., т. е. того периода, от которого сохранилось очень мало произведений других видов искусства. Именно благодаря мелкой пластике XIII — начала XIV в. мы можем говорить, что как ни трудно было для Руси переживаемое время «татарского лихолетья», но в этот период происходила очень интенсивная работа по выработке национальных художественных форм. Частично это было связано с домонгольскими художественными традициями, среди которых очень важную роль играли почитание и популяризация образов первых русских национальных «святых» — князей Бориса и Глеба. Т. В. Николаева выявила новые, неизвестные ранее изображения Бориса и Глеба в виде конных воинов без обычных княжеских шапок, что позволило определить такие же композиции во владимиро-суздальской живописи (Кидекша). Выявлены также совершенно новые иконографические сюжеты XIII—XIV вв., связанные с почитанием местных подвижников или легендарных героев (смоленский воин Меркурий, Антоний Дымский, Никита мученик и др.). Изучение этих сюжетов на фоне фольклора позволило Т. В. Николаевой по-новому взглянуть на русское искусство XIII—XIV вв., раскрыть в нем большие созидательные силы, наметить различные художественные «школы», среди которых неожиданно ярко осветилась Рязань.

В особой главе книги Т. В. Николаева намечает становление московской школы мелкой пластики, постепенно превращающейся в общерусскую. По мнению автора, это происходило не в конце XIV в., а уже в его начале. С этого времени в мелкой пластике развивается героическая тема, как бы продолжающая созвучную тему периода «Слова о полку Игореве». Наивысшего подъема она достигает в конце XIV — начале XV в., т. е. в эпоху куликовской победы. Большую популярность приобрели изображения «святых воинов», особенно Георгия (Егория Храброго), Дмитрия Солунского, «предводителя небесного воинства» архистратига Михаила.

Русские мастера не могли, не впадая в заведомую ложь, изображать их в таком же ярком национальном типе, в каком изображались Борис и Глеб, но поскольку перечисленные воинские образы были очень популярны, то они трактовались в мелкой пластике так же вдохновенно, как и в прославленных больших живописных произведениях того времени. В известной степени сказанное относится даже к такому не воинскому сюжету, как изображение Николая-чудотворца, не менее популярному в рассматриваемое время. В руках у мирликийского епископа появляется обнаженный меч (так называемый Никола Можайский), так как его образ рассматривался как охранитель города.

Миниатюрность резьбы при чрезвычайной идейной ее насыщенности способствовала быстрому подъему мастерства, упавшего в самое мрачное столетие татаро-монгольского ига. В фигурах преодолевается приземистость пропорций, оживляется движение, совершенствуется драпировка, рельеф становится многоплановым. Маленькие фигурки высотой 4—5 *см* воспринимаются нередко как монументальные статуарные изображения, в них чувствуется высокий стиль «эпохи Андрея Рублева» (рис. 47). Таким образом и в мелкой пластике древнерусские мастера сумели выразить большой мир идей и чувств, которыми жила поднимающаяся из разрухи страна. Возможно, что здесь сыграли роль и образцы прекрасной фасадной пластики Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.), насыщенной крупными героическими фигурами «святых воинов». Этот вопрос остался вне поля зрения Т. В. Николаевой.

Изучение героической темы в мелкой пластике XIV—XV вв. уже принесло свои плоды. Благодаря этому оказалось возможным определить и ввести в историю древнерусской скульптуры очень редкие крупные пластические изображения, например резной барельеф архангела Михаила Рязанского художественного музея.

Идейная полнокровность и высокое качество произведений московской мелкой пластики XIV — первой половины XV в. были той почвой, на которой выросло изумительное мастерство троицкого резчика Амвросия и «амвросиевского круга» мастеров. Этой теме автором посвящена тоже особая глава. Под резцом Амвросия образы человека, особенно женские, получили почти классическое совершенство и поэтичность, они родственны образам искусства Андрея Рублева (рис. 89). Т. В. Николаева показывает, как виртуозность резьбы позволила Амвросию смело усложнять многофигурные композиции, не теряя свободы расположения и многоплановости рельефа. Одновременно рассматривается совершенствование растительной орнаментации произведений мелкой пластики в виде прославленной филиграни (скани).

Не менее интересна глава, посвященная мелкой пластике XVI в. Т. В. Николаева тонко вскрыла противоречивые тенденции в искусстве этого сложного времени. Наряду с усложнением многофигурных композиций замечается их унификация. Известная плоскость и сухость резьбы сочетается со сложной повествовательностью сюжетов. Вместе с тем и в это время мелкая пластика питалась лучшими традициями искусства «школы Амвросия», произведения которой, расходясь по стране, служили образцами для местного творчества. В лучших произведениях первой половины XVI в. Т. В. Николаева усматривает родство с искусством Дионисия. Автору удалось выяснить ряд новых имен резчиков XVI в., пополняющих словарь древнерусских художников.

В пластике XVII в. подчеркивается рост декоративного начала, что находится в соответствии с развитием «мирского» направления в искусстве. Характеристикой пластики XVII в. заканчивается книга. Такое окончание обусловлено характером собрания Загорского музея. Все же автору следовало бы сказать о судьбах древнерусской мелкой пластики в последующее время, тем более что в ряде областей (например, в резьбе по дереву) эти судьбы были связаны с наследием троицких резчиков. Значение этого наследия выявилось бы еще убедительней, если бы оно было прослежено на развитии народного искусства XIX в. и на художественных промыслах нашего времени. Связующие звенья здесь несомненно были и имеются. Более того, признанное всем миром высокое искусство наших резчиков по дереву, кости, бересте и т. п. было бы невозможно без большой исторической преемственности, уходящей в глубь веков. Конечно, это известно Т. В. Николаевой лучше, чем кому бы то ни было, поэтому мы вправе ждать от нее столь же интересного исследования на данную тему.

Г. К. Вагнер

Хроника

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ БУДАПЕШТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Национальный музей в Будапеште — это самый крупный исторический музей страны, основанный в 1802 г. (директор — Ф. Фюлеп). В последние годы экспозиция музея охватывала только период Венгерской истории от IX в. до 1848 г. В конце 1961 г. здесь была открыта замечательная экспозиция и археологических материалов, иллюстрирующих развитие материальной культуры на территории Венгрии [1]. Обилие разнообразных археологических материалов, среди которых много уникальных находок, побудило нас хотя бы в краткой форме познакомить с ними советских читателей. К тому же опыт венгерских коллег, глубоко продумавших и осуществивших научно обоснованную и в то же время хорошо оформленную экспозицию, заслуживает внимания [2].

Выставка размещена в восьми залах, в них показан археологический материал от эпохи палеолита до X в. Основным принципом оформления экспозиции является показ вещей в их функциональном назначении и так, чтобы только они доминировали над всем окружающим и были легко доступны восприятию зрителя. Для достижения этой цели устроители выставки нашли наглядные формы показа материала, придерживаясь при этом предельной простоты вспомогательных средств оформления и сдержанности тонов в красках. Учтя конструктивные особенности помещений музея, они свободно разместили в них витрины новейших образцов одного стиля. Легкие и строгие формы витрин, нередко вмонтированных в стены залов, создают известную свободу интерьера помещений. Каждая витрина имеет свое освещение и самые простые механизмы, предусматривающие статичность оборудования. Использование пластиката дало возможность ввести в витрины бесцветные полочки, крючки и подставки различных форм, что сыграло большую роль в достижении незримости вспомогательных деталей оформления. Этот же материал служит разнообразным дополнением вместо утраченных частей отдельных предметов; из него изготовлены различные фигуры — силуэты, необходимые для показа на них функционального назначения вещей. Эта задача выполнена блестяще. Даже неподготовленному зрителю не нужен пояснительный текст, чтобы понять назначение вещей,— они говорят сами о себе. Мы видим, как носилось и применялось оружие, как снаряжалась лошадь, что и как обрабатывалось тем или иным орудием труда, различные процессы производства, наглядно показано назначение отдельных частей костюма и украшений. Внимательно продуманное положение каждой вещи дает возможность посетителю представить себе вещи такими, какими они выглядели в быту. Таким образом, все предметы, даже казалось бы незначительные обломки вещей, как бы оживают пред вами. Самые значительные предметы в витрине несколько выдвинуты вперед. Для экспозиции каждой витрины характерно индивидуальное решение, в них не чувствуется перегрузки материала.

Здесь же имеют место необходимые простейшие, но конкретные небольшие карты, схемы и другая графика. Все это строго сочетается в цвете, так же как и цвет

---

[1] Vesetó a Magyarország Népeinek Története a Honfoglalás Koráig (Путеводитель по выставке: история народов Венгрии до эпохи завоевания Родины). Budapest, 1962. При описании коллекций музея нами использованы некоторые части текста путеводителя в переводе И. Понго, за что выражаю ему благодарность.

[2] Выражаю глубокую благодарность директору музея Ф. Фюлепу и сотрудникам музея Э. Томас, Е. Бониш, И. Ковриг и Л. Вертешу за показ и подробные объяснения во время моего пребывания в Венгрии.

каждого зала подчеркивает доминирующий тон размещенных в нем предметов. Красивым дополнением к некоторым витринам, кроме небольшого количества карт, пояснительных текстов и макетов, являются рисунки различных изображений по соответствующей теме, исполненные на стенах залов. Они переданы несколько упрощенно, но не искажая формы и содержания. И здесь, как и во всем остальном, глаз посетителя радуют теплые, блеклые, некричащие тона красок. Оживляющим моментом в экспозиции является наличие в залах уголков, где экспонаты свободно выставлены, без каких бы то ни было витрин и укрытий. Очень красиво выглядят огромные макеты архитектуры, разреза кургана и своеобразная шкала среза культурного слоя поселения бронзовой эпохи, который иллюстрируется показом географической карты и снимками пейзажа данной местности. В целом же — это собрание прекрасной археологической коллекции, очень просто и доступно характеризующее одну эпоху за другой. Здесь ничто не отвлекает внимание зрителей от самого главного, средства оформления не бросаются в глаза.

Среди всех залов выставки музея зал, посвященный эпохе палеолита, отличается довольно своеобразными, вызванными спецификой памятников этой эпохи приемами экспозиции. Этот небольшой зал не имеет дневного освещения; по замыслу специалистов он должен напоминать убежище первобытного человека — пещеру. В этой обстановке с помощью разнообразных иллюстраций (сменяющиеся кадры рисунков, схемы, макеты) в сочетании со световыми эффектами объясняются вещественные находки, что создает стройную картину истории зарождения жизни, появления и развития человека (остатки челюсти неандертальского человека из Шубаюкской пещеры) на территории Венгрии, являющейся очень важным в изучении палеолита связующим звеном между Западной и Восточной Европой.

Во втором зале музея показаны неолитические культуры Венгрии. Здесь имеется очень хорошая коллекция керамики (Ходмезёвамархей). Интересен макет шахты для добывания камня для орудий труда (Шюмег). Одним из уникальных экспонатов зала является глиняная модель древнейшей в Европе (Будакалас) коляски. Не менее интересны глиняные антропоморфные урны (Центер). Замечателен также ритуальный сосуд в виде сидящей женской фигуры. Это так называемая Кокеньдомбская Венера, найденная в районе г. Сегеда.

Материалы эпохи бронзы и раннего железа занимают следующие два зала. В одном из них демонстрируется срезанный на месте раскопок профиль культурного слоя (Тосег-Лапошхолом) — основа стратиграфии бронзовой эпохи. Здесь же представлены материалы из раскопок первых на территории Венгрии поселений с оборонительными укреплениями, мастерской (Шолтвадкерт) бронзовых орудий труда и украшений, а также каменных форм, в которых они отливались. Эпоха поздней бронзы особенно богата кладами бронзовых изделий, что объясняется богатством некоторых районов Венгрии медной рудой и оловом. Многочисленными находками представлены типичные для этой территории и часто встречающиеся на нашем юге бронзовые изделия: кельты, серпы, сосуды и пр. Другой зал посвящен двум большим разделам: культуре большой венгерской низменности, где отчетливо прослеживаются киммерийцы, и культуре Задунавья (гальштат).

В зале, посвященном эпохе железа, большой интерес для исследователей Северного Причерноморья представляют материалы, относящиеся к скифской эпохе (VI—IVвв.), из раскопок могильников и случайные находки. Наиболее яркие из них: акинаки, наконечники стрел, две золотые обкладки в виде оленя, так называемые ольвийские крестовидные бляхи и зеркала, хорошо известные на юге России. Интересен комплекс случайных находок 1959 г. из могилы у с. Артанд: бронзовая гидрия греческой работы, остатки панциря, золотые диадемы, браслеты, бляшки, бусы и др. Эти золотые вещи, так же как и другие, рядом выставленные золотые сосуды, в том числе и фиала (Андялфельд), являются варварскими подражаниями греческим образцам. Диадема украшена рельефным орнаментом в виде завитков, колец, елочки и мелких точек между ними. Бляшки имеют форму примитивных розеток. Орнаментация же сосудов из крупных и мелких выпуклых кружочков, расположенных горизонтальными кругами, живо напоминает орнамент местных бронзовых сосудов. Находка у с. Артанд дает повод надеяться, что более широкие археологические раскопки расширят наши представления о характере экономических связей обитателей Восточной Венгрии с античным миром. Скифские предметы, по-видимому, следует рассматривать как результат тесных экономических связей причерноморских скифов с племенами венгерской низменности. К изделиям боспорских торевтов относится недавно приобретенный музеем г. Печ золотой браслет, концы которого заканчиваются головкой барана и пантеры. Впрочем, это покупка, поэтому браслет мог попасть в Венгрию и значительно позднее.

Одним из важных и больших разделов археологической науки в Венгрии является раздел истории римской Паннонии. В пятом зале экспозиции мы видим на стене перспективное изображение горы Геллерт. На первом плане — фундаменты открытых домов поселения иллиро-кельтов до завоевания Паннонии римлянами. Они обитали в горных и равнинных поселениях. Центром одного из самых крупных туземных племен так называемых эрависков было поселение на горе Геллерт и в Тобани (долина между Геллертом и Замковой горой). Ведя крестьянское хозяйство, эрависки жили в домах, планы которых имели угловатую и круглую форму. Стены домов составлялись из лоз, обмазанных глиною (мазанки). О развитом керамическом

производстве местных племен свидетельствуют гончарные печи и выставленная керамика (крашеная, лощеная, графитная).

К середине I в. в результате завоевательных планов Августа Паннония с ее разноплеменным населением стала частью Римской империи, которая этим не только укрепила свои границы, но и приобрела новых налогоплательщиков, рабов, солдат, обширные плодородные земли и новые рынки сбыта своих товаров.

О том, как проходила оккупация и как жили в течение четырех столетий, рассказывают следующие залы. Вот витрина, где размещены образцы римского оружия, а рядом — первые предметы торговли. Римские купцы проникали далеко в глубь страны, доставляя местному населению товары италийского производства (керамику, стекло, бронзу). На эскизно исполненной географической карте Паннонии условно обозначен изделиями из янтаря (находки в Саварии и Скарбонции) участок знаменитой торговой «янтарной» дороги, проходившей через Паннонию. Это кольца, серьги, предметы с фигурной резьбой, свидетельствующие о высокохудожественной обработке этого камня. Остатки лагерей и сторожевых башен сохранили нам наступательное и оборонительное оружие римлян (копья, дротики, мечи, стрелы), обеспечивавшее охрану римской государственной власти. Уникальной является находка костяных наконечников стрел из Бригеционского лагеря. О любви римлян к роскоши говорят нарядные шлемы, умбоны щитов и остатки парадных панцирей. Редкая находка — военная труба, звуки которой регулировали передвижение частей войск.

На паннонской земле римляне нашли иллиро-кельтские народы, которые жили племенным строем и занимались в основном земледелием и животноводством. В тех местах, где в большом количестве появлялись римские войска, а вслед за ними гражданские чиновники и купцы, туземцы быстро романизировались. Но внутри провинции, где не дислоцировались войска, жизнь изменялась медленнее. Впрочем, мужчины на военной службе довольно быстро воспринимали римское влияние. Зато женщины упорно берегли старинные обычаи, хотя тоже успели многое перенять от римлян. В этом отношении интересна часть надгробного рельефного памятника, найденного в Белчке. На одной стороне изображена женская фигура в местном костюме и украшениях; она держит в руках блюдо в форме римской краснолаковой керамики терра сигиллята с головой кабана (символ древнего культа кельтов). На другой стороне — популярная в римском декоративном искусстве фигура танцовщицы. Об этом же свидетельствуют наборы драгоценностей туземок (первый Салачкайский и Асарский клады), найденные вместе с италийским импортом. Среди них — замечательный памятник паннонского местного ювелирного дела — паткайская серебряная пара фибул, украшенная и позолоченная особой выбивной техникой opus interasile. Это очень сложная и трудоемкая техника торевтов. Но особенно интересна другая уникальная находка. Новейшие исследования (Э. Томас) показывают, что это предметы культового одеяния местной паннонской жрицы солнца и луны: корона в виде лучеобразных фигур, фибулы, ожерелье с изображением месяцев и времени года и пояс. К этому набору принадлежат и другие предметы религиозного обряда (бронзовый светильник, сосудик в форме ноги и плоская бронзовая сковородка). Все это было спрятано в большом котле, обнаруженном еще в 1899 г. в с. Салачка. Одна из витрин посвящена сельскому хозяйству и лесным богатствам паннонцев. В гончарном деле паннонцев также еще очень долго живут вкусы и технические приемы местных мастеров. Можно отметить три основных направления в производстве керамики: 1) грубая домашняя керамика; 2) возникшая под кельтским влиянием крашеная более тонкая керамика; 3) паннонская керамика, подражающая италийской краснолаковой керамике терра сигиллата, но с негативным изображением узоров. Дошедшие до нас сосуды с клеймами сообщают имена мастеров.

Похороны романизированного населения тоже восходят к обычаям туземных племен: сожжение трупа на костре и сооружение кургана над погребением с урной. Второй характерный способ погребения — так называемое погребение с колесницей. Этот обычай вошел в моду в Паннонии у иллиро-кельтского населения под фракийским влиянием (вспомним подобную колесницу из Старой Загоры в Болгарии). Фигурные и орнаментальные бронзовые украшения парадных колесниц специально изготовлялись для этой цели и поставлялись мастерами Галлии, Италии и Фракии. Погребения с колесницей постоянно сопровождают различные бронзовые сосуды, треножник с жертвоприношением и раскладной походный стул. Аналогичный погребальный комплекс найден в Шомодоре и выставлен в центре описываемого зала. Следует отметить остроумную реконструкцию коляски (рис. 1). Легкий, не бросающийся в глаза пластикат воспроизводит натуральную величину и форму колесницы. Доминируют над основой только сохранившиеся оригинальные части, среди которых замечательна фигурная группа (Вакх, Пан и Сатир), погрудные изображения Сатиров и Менад, а также фигурки пантер. Богатые люди на карете помещали своих покойников в сидячем положении и хоронили их вместе с каретой. Менее зажиточные заказывали только сцену поездки на тот свет на каменных надгробиях, часто встречающихся в лапидариях многих музеев Венгрии. Витрина с находками, характеризующими религию гражданского населения, показывает, что в то время как религия солдат в I и II вв. была обращена к «классическим» имперским богам, местное население поклонялось романизированным туземным божествам, приписав

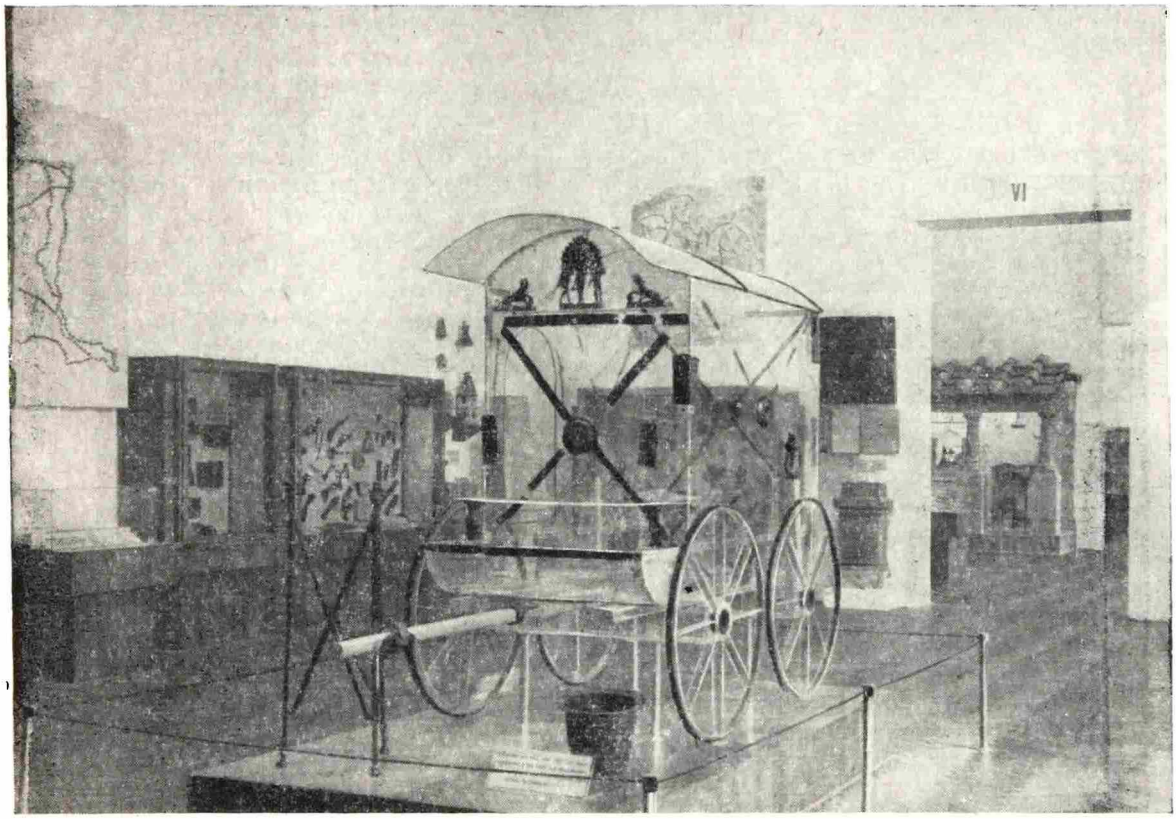


Рис. 1. Реконструкция шомодорской коляски

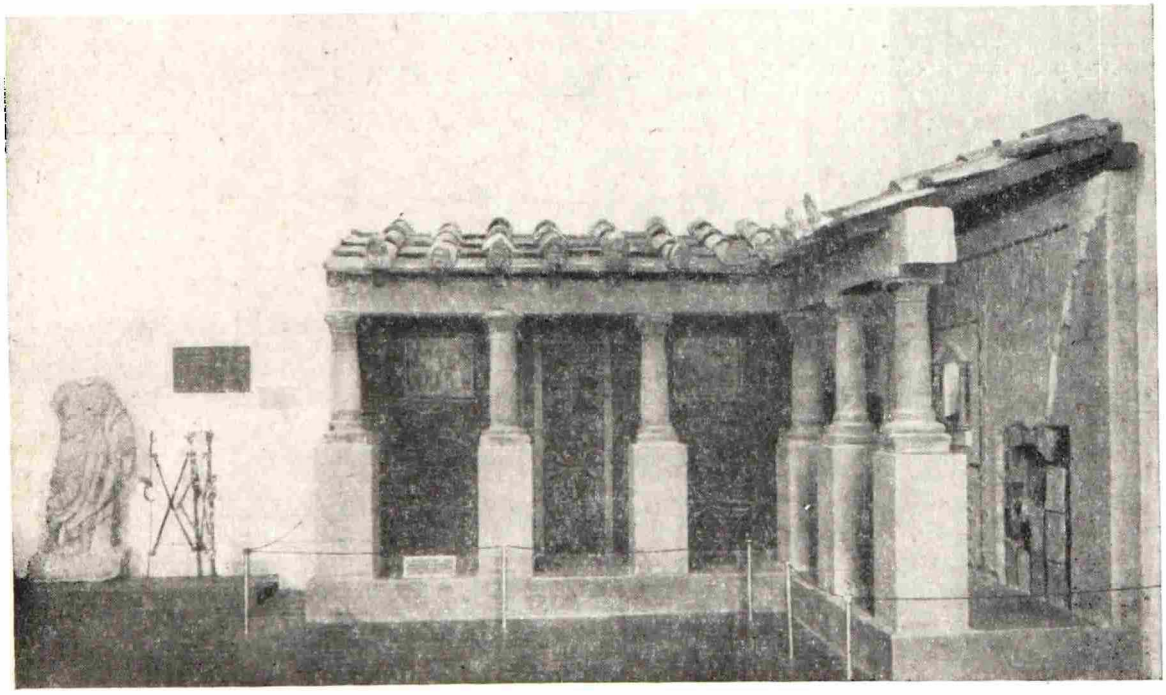


Рис. 2. Макет части римской виллы

им новые качества. Так, занятия крестьян земледелием и охотой и их зависимость от природы побуждали их обращаться к богам плодородия: Сильвану, Приапусу, Нимфам и др. Кроткая фигура Сильвана в крестьянской одежде с кривым садовым ножом и веткою в руке часто изображалась, как и другие подобные божества, на различных предметах. Большое число обетных памятников свидетельствует о широком распространении этих культов.

Исключительное значение для изучения истории Римской империи имеет Паннонский лимес. Система оборонительных сооружений проходила по правому берегу Дуная и была вызвана тем, что по другую сторону этой реки — границе империи жили непокоренные различные германские и сармато-язигские племена, часто вторгавшиеся в пределы Римской империи. Военные лагеря имели почти однотипные планы. Пластикатовый макет в экспозиции наглядно показывает план и надстройки одного из военных лагерей лимеса. Сбоку видна система стен, рвов и оборонительных сооружений. Большой ценностью для музеев являются солдатские дипломы. В Венгрии их особенно много (около 70). Здесь же географическая карта, рассказывающая о том, в каких странах служили паннонские солдаты. И еще страничка солдатской жизни. Британский диплом снабжен футлярчиком, который носился на руке, в нем сохранилась земля Родины или еще что-то очень родное. Хорошо показана трудовая жизнь солдата. Группа памятников — глиняные башенки — копирует бургусы. Специфически паннонское ремесло — металлические художественные облицовки сундучков.

Из музыкальных инструментов отметим реконструкцию лиры, от которой сохранилась часть прекрасных рельефных украшений из слоновой кости. Интересна надпись на надгробной плите одного актера: «Здесь похоронен актер, жил и умирал неоднократно, но так еще никогда». Наглядно оформлен различный импорт в Паннонии: дана небольшая цветная карта стран, импорт которых проникал в Паннонию, а изделия расположены на соответствующих каждой стране цветных пятнах фона витрины. Это образцы производства италийских (керамика, бронза, стекло), галльских (бронза) и германских (керамика) мастерских, а также изделия из Александрии и Сирии. Очень своеобразна паннонская глазурованная керамика римского времени. Она занимает видное место в экспозиции всех музеев Венгрии. Анализ этой керамики (Э. Томас) дает твердо датированные с I по IV в. формы и особенности глазури глиняных сосудов. У нас в Северном Причерноморье подобная керамика встречается сравнительно редко, в основном в обломках (целые глазурованные сосуды есть в Государственном Эрмитаже) и, к сожалению, еще никем не обработана. А это очень важный и интересный раздел археологических источников. В одном из углов шестого зала выставлен макет — одна четвертая часть перистильной виллы оригинальной архитектуры, но собранной из разных мест раскопок. Этот макет дает представление о конструкции дома, строительном материале, технике кладок, отопительной системе и различных элементах декора паннонской виллы (рис. 2). Одна из фресок, исполненная в помпейском стиле, увековечивает суд над Парисом, другая — посещение Марсом Реи Сильвии.

К декору богатых римских зданий Паннонии относится мозаичный пол из виллы Балаца, выставленный в вестибюле музея. Это одна из хорошо сохранившихся полихромных мозаик виллы. Другие мозаики, как и весь остальной материал из раскопок этой виллы, в том числе и прекрасные реконструкции стенных росписей, хранятся в музее г. Веспрем. В Паннонии, кроме отмеченной виллы, мозаики известны в Аквинкуме и древней Саварии (Сомбатхей). Они украшали, главным образом, полы богатых жилых домов и базилик. Почти все мозаики полихромные, кубики изготовлены из местных пород различных сортов цветного камня. На мозаиках Аквинкума — сюжеты орнаментальные, мифологические (подвиги Геракла, наказание Дирки, Амуры), морские (дельфины и рыбы) и бытовые (борцы). Мозаики Балаца передают орнаментальные мотивы и небольшие фигурные композиции (птицы). Мозаики Саварии представлены в основном огромными полами базилики Квирина (орнаментальные мотивы с христианской символикой). Большинство паннонских мозаик Аквинкум, Балаца) набраны, по-видимому, во II—III в. Они, как и аполлонийские мозаики, отражают второй период расцвета полихромной мозаичной живописи. Лучшим образцом паннонских мозаик этого периода является мозаика с изображением распространенного на греческих архаических вазах, но неизвестного нам в мозаиках, сюжета: Геракл убивает Кентавра Несса в тот момент, когда последний, перенося через реку Деяниру, пытается завладеть ею. К сожалению, сохранилась только верхняя часть картины.

Седьмой зал посвящен культам. Они отражают очень сложное сочетание различных религий населения Паннонии. Здесь имеются «классические» (Юпитер, Марс, Гигиея и др.) и восточные культы, среди которых доминируют культы Митры и Юпитера Дольхенуса. И в то же время наблюдается слияние этих культов. Яркая иллюстрация почитания египетских культов — бронзовые кувшины и патера александрийской работы эпохи Августа с изображением шествия Изиды и сцены на р. Нил, исполненные в серебряной и золотой инкрустации.

И, наконец, свидетельства кризиса позднеримской империи. Паннонское отражение этого: укрепление Валентинианом системы крепостей. Но слабые, малоподвижные и связанные с землей, переселившиеся с варварских земель военные отряды уже вдохновляла не идея защиты империи, а защита собственных интересов

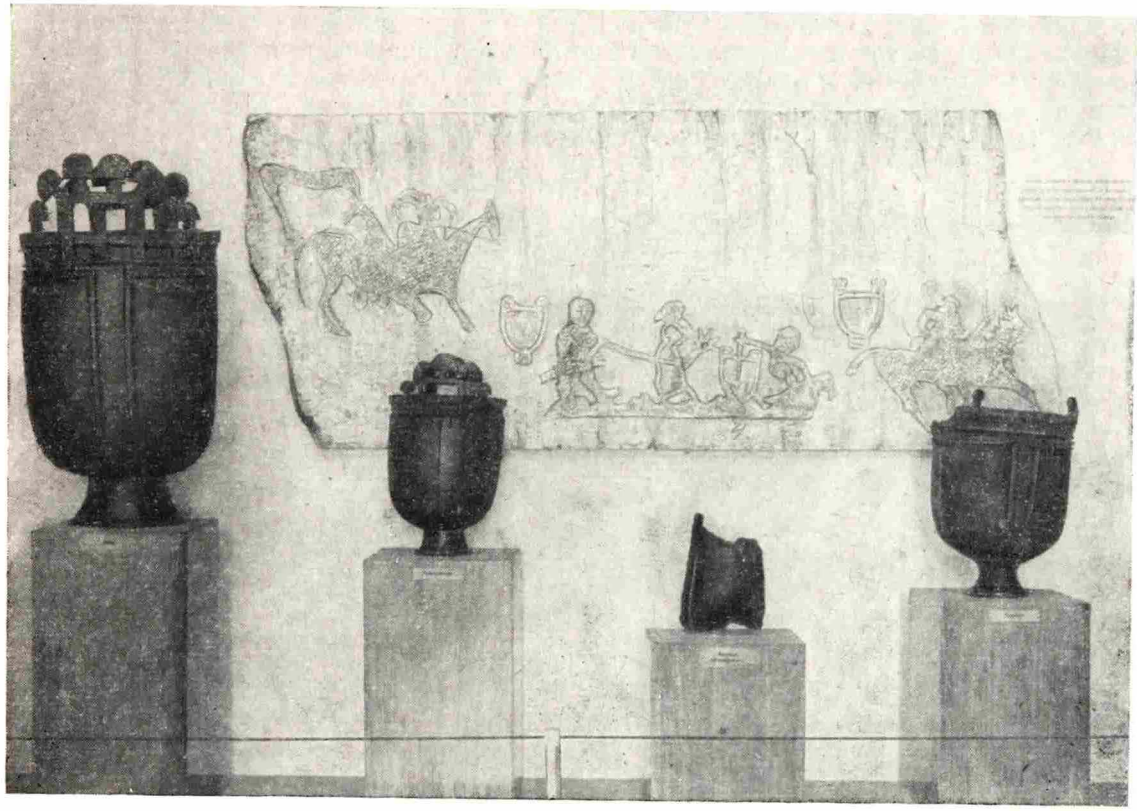


Рис. 3. Гуннские котлы

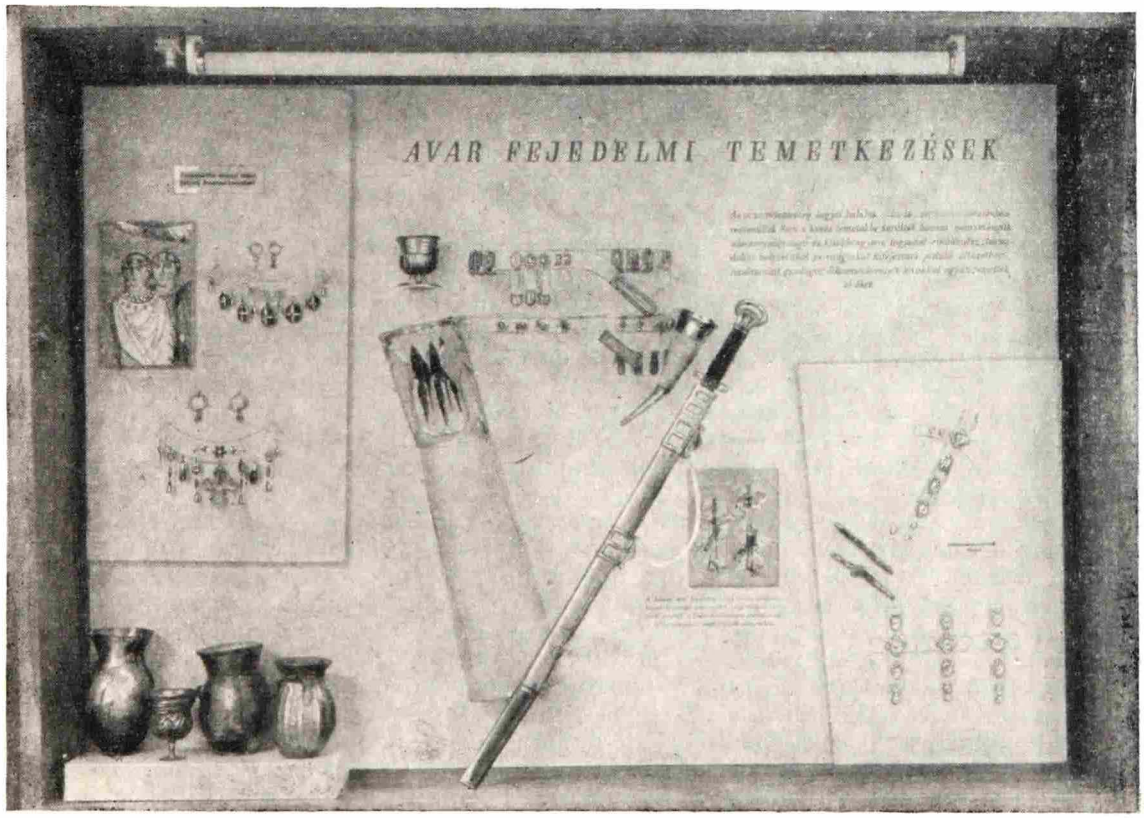


Рис. 4. Витрина с аварскими памятниками

и поместий. Одна из надписей гласит: «Я франк (а не римский гражданин.— *Н. О.*) и римский подданный и солдат в армии, который своей правой рукой добывал славу». Об упадке империи свидетельствует керамика. Она отражает сильные варварские влияния (гунно-германское лощение, часто примитивное до ручной керамики). В начале V в. восточная часть Паннонии была официально передана гуннам, а вслед за нею гуннами и их союзниками была оккупирована и западная ее часть. Таким образом, находящаяся на территории венгерского задунайского края часть Паннонии окончательно оторвалась от Римской империи.

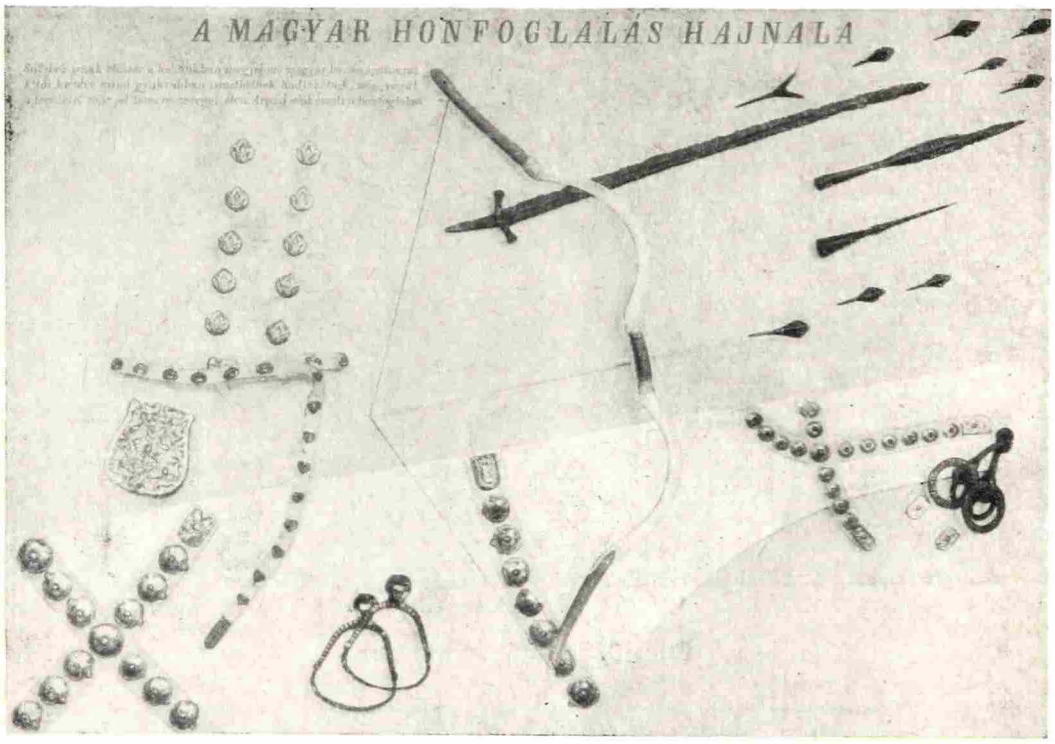


Рис. 5. Витрина с мадьярскими памятниками

Археологическая выставка заканчивается залом эпохи переселения народов. Для советских специалистов эти материалы представляют также несомненный интерес, поскольку венгерская равнина в свое время была местом стыка самых различных племен, сыгравших большую роль и в истории наших народов. Красочная карта в начале зала знакомит посетителя со сложным переплетением направлений передвижения варварских племен.

Наиболее яркими памятниками гуннской эпохи являются металлические котлы (рис. 3), красивая княжеская диадема (Горна), фибулы в виде цикады, сероглиняная лощеная керамика. В погребальном инвентаре гуннских могил найдены нижневолжские зеркала.

Великолепны предметы готского искусства — фибулы с камнями. Они свидетельствуют о продолжении древнегреческих и причерноморских традиций в художественной обработке металла римских провинций. Гепидов характеризуют сельскохозяйственные орудия труда, хорошая чернолощеная керамика, а лангобардов — высокоразвитые мастерские художественного ремесла (золотые фибулы, умбоны и пр.). Здесь же продолжают жить и потомки сарматов.

Господство аваров (рис. 4) на территории Венгрии оставило княжеские захоронения с очень богатыми могилами (Боча), погребальный инвентарь которых содержит вещи, аналогичные найденным на нашем юге (наконечники поясов, фибул и др.). Прослеживаются влияния сассанидских и византийских мотивов. В конце VIII в. здесь появляются франки (оружие). Центром славянских народов в IX—X вв. был Залавар, где венгерские археологи производят раскопки крепости, давшие в последние годы интересные данные (базилика). В 862 г. пришли венгры (рис. 5), которые принесли с собой второй раз на эту территорию саблю и стрелы (первый раз авары).

Знакомство с археологической экспозицией Будапештского национального музея, а также с подобными выставками в музеях других городов Венгрии (Дьёр, Сомбатхей) оставляет очень приятное впечатление свежести и тонкого вкуса экспо-

нирования, благодаря чему становится легко доступной идея показа археологического материала. Заслуживает внимания практика венгерских музееведов сравнительно часто, не реже как через 15 лет, обновлять археологические выставки. При этом особенно важно отметить постоянно усовершенствующуюся методику экспонирования находок, поиски удобного и красивого оформления, отказ от всего громоздкого и кричащего, что давит на зрителя и мешает сосредоточиться на самом главном. Ежегодно осенью в венгерских музеях устраиваются выставки новых находок и приобретений («Месяц музеев»). Хорошим примером для подражания является также организация различного рода небольших подземных музеев на местах открытых объектов, что дает возможность сохранять, а не уничтожать ценные для науки памятники. Такие музеи обычно появляются в результате открытий во время строительных работ на территории города. При разумном подходе к делу они оборудуются под землей, в нижних этажах зданий и в других местах, нисколько не нарушая планировки современных улиц и домов.

Н. А. Онайко

М. И. Пикуль

19 августа 1963 г. скончалась научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, кандидат исторических наук Милица Ивановна Пикуль.

М. И. Пикуль родилась в 1914 г. в Тбилиси в семье ученого-медика. В 1930 г. она окончила среднюю школу, а в 1931 г.— школу ФЗУ, после чего работала на заводе. В 1937 г. М. И. Пикуль поступила в Коммунистический институт журналистики, а после его закрытия в 1938 г. перевелась на исторический факультет Московского государственного университета, где училась до начала Великой Отечественной войны.

В 1941—1943 гг. М. И. Пикуль работала токарем-механиком в оптико-механической мастерской в Махачкале. В 1943 г. Милица Ивановна возобновила учебу в МГУ. После его окончания в 1946 г. по археологическому отделению проходила аспирантскую подготовку в ИИМК (ныне Институт археологии) АН СССР под руководством Б. Н. Гракова. В эти годы ею была написана работа «Памятники скифской культуры Среднеднепровского Левобережья», защищенная в 1956 г. в качестве кандидатской диссертации.

С 1949 г. М. И. Пикуль участвовала в работе Северо-Кавказской экспедиции ИИМК АН СССР, производившей археологические исследования в Дагестане. С этого времени она посвятила свою исследовательскую деятельность изучению дагестанских древностей.

С 1951 г и до последних дней своей жизни М. И. Пикуль работала в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. В том же году она провела первую археологическую разведку в Северном Дагестане, положившую начало систематическим работам Дагестанской археологической экспедиции.

С 1952 по 1963 г. М. И. Пикуль бессменно руководила одним из отрядов Дагестанской экспедиции, основной задачей которого являлось изучение памятников железного века.

В результате этой многолетней плодотворной деятельности был в значительной мере восполнен один из наиболее существенных пробелов в наших знаниях об этом важном периоде древней истории Дагестана. Под руководством М. И. Пикуль были впервые исследованы такие замечательные памятники, как Дагбашский, Мугерганский, Шаракунский, Хабадинский и другие могильники эпохи раннего железа, Кабартыкутанский и Новолакский могильники эпохи бронзы, многочисленные поселения и могильники эпохи средневековья.

Ценные материалы из этих памятников легли в основу ее монографических работ о памятниках железного века Дагестана и об этнических группах и племенах эпохи раннего железа на территории Дагестана. Смерть помешала ей завершить эти работы.

Перу М. И. Пикуль принадлежит ряд ценных работ как опубликованных в Ученых записках ИИЯЛ, Материалах по археологии Дагестана, так и оставшихся пока неизданными. М. И. Пикуль была награждена почетной грамотой Верховного Совета Дагестанской АССР.

М. И. Пикуль навсегда останется в памяти знавших ее как человек исключительной доброты и честности, чуткий и отзывчивый товарищ, прекрасный общественник, неутомимый и трудолюбивый исследователь.

Группа товарищей

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АС — Археологический съезд
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИИЛ — Вестник Института истории и литературы. Армения
ВМГ — Вестник государственного музея Грузии
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВУА — Военно-ученый архив
ГХМ — Государственный Херсонесский музей
Зап. ЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗНОРАО — Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН Туркм. ССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество
ИВАД — Известия на Варненското археологическо дружество
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
Изв. ВПИ — Известия Воронежского педагогического Института
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии Казахской ССР
ИОИАЭКУ — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском Университете
ИООН АН Тадж. ССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ИКИАИ — Известия Кавказского историко-археологического Института
ИРАИК — Известия Российского археологического Института в Константинополе
ИРГО — Известия Русского географического общества
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — материалы по этнографии
НС — Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
РАЖ — Русский антропологический журнал
САИ — Свод археологических источников
ТКАЭИЭ АН СССР — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии
Тр. МАО — Труды Московского Археологического общества
Тр. ОЕКУ — Труды Общества естествоиспытателей при Казанском Университете
Тр. ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЭВ — Эпиграфика Востока
AÉ — Archaeologiái Értesitő
AR — Archeologické rozhledy. Praha
AS — Anatolian Studies

AÚSAV — Archeologický ústav Slovenské academie věd
CIA — Congrès internationaux d'anthropologie et d'archéologie, préhistoriques. Bruxells (1873)
CICH — Congrès international des sciences historiques (1960)
EGF — Евмила «Коринфские сказания». Собрание отрывков: Kinkel, I.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki)
FA — Folia archaeologica
JDAI — Jahrbuch des deustschen Archäologischen Instituts
IGBR — G. Mihailov. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Sofia
JÖAI — Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts in Wien
IOSPE — B. Latyschev. Inscriptiones antiquae graecae et latinae orae septentrionalis Ponti Euxini
JAS — Journal of Asiatic Studies
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
PA — Przegląd archeologiczny. Posnań.
PB — Proceedings of the British Academy
RAA — Revue des arts asiatiques
SCIV — Studii şi cerçetări de istorie veche
SPA — Survey of Persian Art
WA — Wiadomesći archeologiczne
ZfE — Zeitschrift für Etnologie (Berlin)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н. Н. Гурина и Г. М. Ковнурко (Ленинград). Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии 3
В. Д. Блаватский (Москва). Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья 13
Л. Р. Кызласов (Москва). О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей 27
В. Л. Воронина (Москва). Из истории среднеазиатской фортификации . . 40
Г. К. Вагнер (Москва). Некоторые группы рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском 55
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). Продолжительность и характер монгольского владычества в Грузии по нумизматическим данным 63
В. Е. Рудаков (Ялта). К вопросу о методах дендрохронологического анализа 79
К 60-летию В. И. Цалкина 87
К 60-летию П. Д. Либерова 89

Публикации

Э. В. Ханзадян (Ереван). О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении 92
О. М. Джапаридзе (Тбилиси). Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг. 102
А. И. Мартынов (Кемерово). Новый район карасукской культуры . . . 122
А. П. Иванова (Симферополь). Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса 134
Г. Ф. Никитина (Москва). Поселения черняховской культуры на Среднем Днестре 140
С. А. Изюмова (Москва). Курганный могильник около д. Западной VIII—X вв. 151
А. А. Гаврилова (Ленинград). Могилы поздних кочевников у г. Суханихи на Енисее 164
Н. Н. Воронин (Москва). Смоленские граффити 171
Б. А. Рыбаков (Москва). Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» 179

Заметки

В. М. Раушенбах (Москва). Древнейшая стоянка льяловской культуры . . 188
А. П. Уманский (Барнаул). Андроновский кинжал из с. Ильинки 191
С. И. Пеняк, А. Д. Шабалин (Ужгород). Олешниковские клады бронзовых изделий 193
В. П. Левенок (Ленинград). Скифский акинак с Верхнего Дона 201
А. С. Демидова (Воронеж). Кинжал из с. Монастырщенки Воронежской области 202
Н. В. Трубникова (Москва). Новый памятник городецкой культуры на Цне 203
М. А. Дэвлет (Москва). Керамика позднетагарских курганов Красноярского района 205
М. Ф. Косарев (Москва). К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья 211
А. Н. Щеглов (Севастополь). Пять херсонесских надгробий с изображениями умерших 213
А. К. Тахтай (Донецк). Камень со знаками из Донецкого музея 219
Л. М. Рутковская (Киев). К истории керамического производства Южной Туркмении 221
В. А. Могильников (Москва). Васюганский клад 227
М. Х. Алешковский и С. С. Подъяпольский (Москва). Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске 231
С. Н. Орлов (Новгород). Новгородская черепица XVI в. 236
Ю. М. Золотов (Москва). Колокол патриарха Никона 242

Критика и библиография

К. М. Байпаков (Ленинград). Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946—1962 гг. 244
Б. В. Лунин (Ташкент). Археологические раскопки на Дону. Сборник, Ростов, 1962 г. 251
Г. К. Вагнер (Москва). Большой мир мелкой пластики 257

Хроника

Н. А. Онайко (Москва). Археологическая экспозиция Будапештского национального музея 260
М. И. Пикуль 268

SOMMAIRE

Articles

N. N. Gourina, G. M. Kovnourko (Leningrad): Mines de silex en Biélorussie occidentale 3

V. D. Blavatski (Moscou): L'influence de la civilisation antique sur les pays de la Pontide Nord 13

L. R. Kyzlassov (Moscou): Sur la destination des anciennes sculptures turques anthropomorphes 27

V. L. Voronina (Moscou): De l'histoire de la fortification de l'Asie Centrale . 40

G. K. Wagner (Moscou): Les reliefs par séries de la cathédrale St.-Georges de 1200—1234 et leur place dans son architecture 55

D. G. Kapanadzé (Tbilissi): La durée et le caractère de la domination des Mongols d'après les données numismatiques 63

V. E. Roudakov (Yalta): Sur la question de méthodes de l'analyse dendrochronologique 79

Le soixantième anniversaire de V. I. Tsalkine 87

Le soixantième anniversaire de P. D. Liberov 89

Publications

E. V. Khanzadian (Erevan): Premières données sur la metallurgie de l'âge de bronze en Arménie 92

O. M. Djaparidzé (Tbilissi): Fouilles archéologiques dans Trialeti en 1959—1962 102

A. I. Martynov (Kemerovo): Une nouvelle région de la civilisation karassoukienne 122

A. P. Ivanova (Simféropol): Sculptures dédicatives de Dionysos trouvées à Chersonèse 134

G. F. Nikitina (Moscou): Stations de la civilisation tcherniakhovienne sur le Moyen Dniepr 140

S. A. Izioumova (Moscou): Nécropole à tumulus des VIII—IX siècles près du village Zapadnaïa 151

A. A. Gavrilova (Léningrad): Les tombeaux de nomades près de la ville Soukhanikha sur Iénissei 164

N. N. Voronine (Moscou): Graffiti de Smolensk 171

B. A. Rybakov (Moscou): Inscription de Smolensk du XIIIe siècle sur «les ennemis-superieurs de couvent» 179

Notes

V. M. Rauschenbach (Moscou): La station Souchtchevskïa 188

A. P. Oumanski (Barnaoul): Poignard andronovien trouvée au village Ilyinki 191

S. I. Poniak, A. D. Chabaline (Oujgorod): Trésors de bronze de Transcarpathie 193

V. P. Levenok (Léningrad): Nouvelle trouvaille d'un akinakes scythique dans la région du Haut Don 201

A. S. Demidova (Voronèje): Poignard du village Monastyrchtchenko, région de Voronèje 202

N. V. Troubnikova (Moscou): Un monument de la civilisation gorodetskaïa sur la Tsna 203

M. A. Devlet (Moscou): Céramique de tumulus tagariens de la région de Krasnoïarsk 205

M. F. Kossarev (Moscou): Sur la question du composant de steppe dans les civilisations de l'âge de fer de la région boisée d'Obi 211

A. N. Stcheglov (Sébastopol): Cinq épitaphes avec images des morts de Chersonèse 213

A. K. Takhtaï (Donetzk): Pierre à signes énigmatiques du Musée de Donetzk 219

L. M. Routkovskaïa (Kiev): Sur l'historie de la production de céramique en Turkménie Sud 221

V. A. Moguilnikov (Moscou): Trésor de Vassiougan 227

M. Kh. Alechkovski, S. S. Podyapolski (Moscou): Nouvelles données sur l'église d'Archange Michel (1191—1194) à Smolensk 231

S. N. Orlov (Novgorod): Tuile novgorodienne du XVIe siècle 236

I. M. Zolotov (Moscou): Cloche du XVIIe siècle à inscription du patriarche Nicon 242

Critique et bibliographie

K. M. Baïpakov (Léningrad): Littérature archéologique dans les éditions de l'Académie des Sciences de la R. S. S. de Kazaquie 244

B. V. Lounine (Tachkent): Recueil «Fouilles archéologiques sur le Don» Rostov, 1962 251

G. K. Wagner (Moscou): Le grand monde de l'art plastique menu 257

Chronique

N. A. Onaïko (Moscou): Exposition archéologique du Musée de Boudapest 262

M. I. Pikoul 265